

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКОВОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ LXX. — ТОМЪ CDV.—1/14 ЯНВАРЯ 1905

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

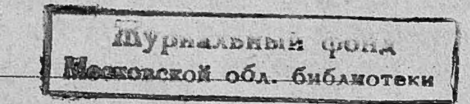
ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ТОМЪ

СОРОКОВОЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1905

3409

БЛ. АВГУСТИНЪ

ВЪ

ИСТОРІИ МОНАШЕСТВА И АСКЕТИЗМА *)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Цѣлый рядъ монашескихъ орденовъ и религіозныхъ конгрегацій признаетъ Блаженнаго или „Божественнаго“ Августина своимъ патрономъ, или даже учредителемъ; ему приписываютъ составленіе перваго на Западѣ монашескаго „правила“ и построеніе многихъ монастырей. Традиція о великомъ значеніи Августина въ развитіи монашества глубоко захватила *католическую* церковную литературу и до сихъ поръ вліяетъ даже на сочиненія, не относящіяся къ этой категоріи. Но если кто съ высоты средневѣкового аскетизма обратится непосредственно къ самому Августину, то вынесетъ изъ его сочиненій впечатлѣніе, несогласное съ традиціоннымъ представленіемъ. Поэтому пересмотръ вопроса о роли Августина въ исторіи западно-европейскаго монашества заслуживаетъ вниманія не только біографовъ этого великаго дѣятеля, но и историковъ средневѣкового аскетическаго міровоззрѣнія. Изучая роль Августина въ исторіи аске-

*) Въ 1904 году было помѣщено нѣсколько этюдовъ автора, относившихся къ жизни того же Блаженнаго Августина, а именно: 1) Бл. Августинъ въ борьбѣ съ язычниками (янв., 5; февр., 449); 2) „Новый градъ“ Бл. Августина (мартъ, 72); 3) Философія исторіи Бл. Августина (апр., 670).

тизма, мы прежде всего наталкиваемся на вопросъ: когда проникло на его родину монашество? Современная литература даетъ намъ на этотъ вопросъ сбивчивый отвѣтъ. Укажемъ, для примѣра, на извѣстный очеркъ Гарнака: „Монашество, его идеалы и исторія". Авторъ указываетъ на то, что монашество проникло съ Востока на Западъ „сравнительно поздно и медленно". Тогда какъ оно на Востокѣ было широко распространено уже около половины IV вѣка (время рожденія Августина—354), на Западѣ оно укоренилось лишь къ концу этого вѣка. Ревнителями монашества на Западѣ были церковные учители, посѣтившіе Сирію и Египетъ, какъ, напр., Іеронимъ; монастыри на Западѣ, особенно въ южной Галліи, возникали подъ восточнымъ вліяніемъ. Проникая на Западъ, монашество встрѣтило, однако, тамъ съ самаго начала сильное сопротивленіе. Сочиненія Сульпиція Севера (около 400 года) указываютъ намъ, съ какими трудностями пришлось бороться монашеству въ Галліи и Испаніи. Но сопротивленіе довольно быстро стихло, „и еще ранѣе того, какъ великій Августинъ вступился за новый образъ жизни, монашество пріобрѣло себѣ (на Западѣ) право гражданства".

Но такъ какъ первое сочиненіе Августина въ пользу монашества написано въ 388 году, то въ приведенныхъ словахъ Гарнака нельзя не отмѣтить противорѣчія. Если вѣрно, что монашество укоренилось лишь къ концу IV вѣка, то едва ли можно говорить, что оно пріобрѣло себѣ право гражданства *до* того времени, какъ Августинъ за него вступился. Но важнѣе, чѣмъ это стилистическое противорѣчіе, то недоразумѣніе, къ которому могутъ подать поводъ приведенныя слова. Изъ нихъ несомнѣнно вытекаетъ, что монашество пріобрѣло себѣ право гражданства до Августина и на самой его родинѣ—въ сѣверной Африкѣ. Между тѣмъ, мы положительно знаемъ изъ его исповѣди, какъ его поразилъ, во время его пребыванія въ Миланѣ, разсказъ о жизни св. Антонія, этого знаменитаго представителя и преобразователя египетскаго монашества, и какое сильное впечатлѣніе произвело на него извѣстіе, что два императорскихъ сановника рѣшились оставить блестящій дворъ римскаго императора и сдѣлаться отшельниками въ дремучихъ лѣсахъ въ окрестностяхъ Трира. Необходимый отсюда выводъ, что Августинъ, до выѣзда изъ Африки, не зналъ монашества, потому что его тамъ еще не было,—подтверждается косвенно и другими фактами. Ни литература, ни многочисленныя надписи, открытыя въ послѣднее время, не упоминаютъ о монастыряхъ, относящихся ко времени до Августина. Въ одномъ изъ діалоговъ вышепоименованнаго Сульпиція Севера

мы находимъ описаніе путешествія въ концѣ IV вѣка на Востокъ для ознакомленія съ египетскимъ монашествомъ. Путникъ посѣтилъ по пути Карѳагенъ и описываетъ тамошнія святыни, не упоминая о какихъ-либо монастыряхъ. Задержанный, затѣмъ, у береговъ Африки противными вѣтрами, онъ вышелъ на берегъ и нашелъ церковь, и близь нея хижину, въ которой обиталъ священникъ; около церкви поселилось нѣсколько человѣкъ, „проживавшихъ въ отреченіи и бѣдности". Это поселеніе еще мало похоже на монастырь, и, вѣроятно, поэтому Рейтеръ, такъ хорошо знакомый съ вѣкомъ Августипа, утверждаетъ, что въ путевыхъ запискахъ Сульпиція Севера не упоминается о монастыряхъ въ сѣверной Африкѣ. Что на самомъ дѣлѣ первые монастыри появились въ столицѣ римской Африки, въ Карѳагенѣ, лишь въ концѣ IV вѣка, подтверждается свидѣтельствомъ самого Августина. Объясняя поводъ, побудившій его написать сочиненіе о ручномъ трудѣ монаховъ, которое бенедиктинцы-издатели относятъ, приблизительно, къ 400 году, Августинъ говоритъ въ немъ, что вопросъ, слѣдуетъ ли монахамъ работать или нѣтъ, возникъ, когда въ Карѳагенѣ начали строиться монастыри, и тамошній епископъ, Аврелій, обратился къ нему за разрѣшеніемъ этого вопроса. Уже изъ этого можно заключить, что монастырская жизнь и дисциплина были даже въ самомъ концѣ IV вѣка въ сѣверной Африкѣ чѣмъ-то еще новымъ и неопредѣлившимся.

Такимъ образомъ, мы должны придти къ заключенію, что сѣверная Африка еще не знала монашества до того времени, когда за него „вступился" Августинъ.

Такого же мнѣнія держится и Ферреръ, авторъ весьма дѣльнаго сочиненія о „Религіозномъ состояніи римской Африки въ V вѣкѣ". Онъ считаетъ даже возможнымъ указать самый годъ возникновенія монашества въ римской Африкѣ, а именно 398-й, хотя доказательство, на которое онъ опирается, недостаточно убѣдительно. Въ послѣдніе годы IV вѣка, римская Африка переживала одинъ изъ тѣхъ кризисовъ, которые нерѣдко нарушали мирное теченіе жизни въ этой провинціи. Главнокомандующій римскаго войска въ Африкѣ, Гильдонъ, изъ мѣстныхъ князей, воспользовался сверженіемъ съ престола молодого императора Валентиніана II, въ 392 г., чтобы порвать связь съ Римомъ. Лишь шесть лѣтъ спустя, тогдашнее римское правительство нашло возможнымъ возстановить свою власть надъ Африкой. Усмиреніе Гильдона было поручено его брату Масцезелю, который съ небольшимъ войскомъ переплылъ изъ Италіи въ Африку. Такъ какъ

Гильдонъ покровительствовалъ еретической сектѣ донатистовъ, то война приняла религіозный характеръ. При войскѣ Масцезеля находились два монаха изъ извѣстнаго тогда монастыря на островѣ Капраріи [1]), которые должны были постомъ и молитвою обезпечить побѣду православнаго войска. Поэтому въ побѣдѣ (близь Тагасты) пятитысячнаго римскаго войска надъ шестью-десятью-тысячной толпой африканскихъ кочевниковъ современники видѣли чудо, какъ намъ повѣствуетъ, раздѣляя этотъ взглядъ, ученикъ Августина, историкъ Орозій. На этомъ Ферреръ и основываетъ свое предположеніе, что монашество въ сѣверной Африкѣ возникло съ 398 года. Появленія капрарійскихъ монаховъ,—говоритъ онъ,—было достаточно, чтобы побудить многихъ изъ африканскихъ христіанъ усвоить себѣ образъ жизни людей, которымъ столь явно покровительствовало небо. Они же не покидали болѣе Африки, и весьма вѣроятно, что они посвятили всѣ свои силы основанію монастырей. И тогда „Африка въ первый разъ узрѣла отшельниковъ". Въ доказательство того Ферреръ ссылается на описанный Сульпиціемъ Северомъ поселокъ отшельниковъ. Что побѣда римскаго правительства надъ Гильдономъ обезпечила торжество „каѳолическаго" христіанства надъ африканскимъ, т.-е. донатизмомъ, это не подлежитъ сомнѣнію; но несомнѣнно также и то, что не капрарійскіе монахи насадили монашество въ Африкѣ. Косвеннымъ доказательствомъ этого можетъ служить письмо Августина къ аббату капрарійскаго монастыря, написанное въ 398 году. Въ немъ нѣтъ ни слова о впечатлѣніи, произведенномъ монахами на африканское населеніе, и объ ихъ миссіонерской дѣятельности. Напротивъ, мы изъ этого письма усматриваемъ, что одинъ изъ этихъ монаховъ вскорѣ по пріѣздѣ умеръ,—слѣдовательно, и не могъ имѣть того вліянія, которое ему приписываетъ Ферреръ.

Но еще болѣе страннымъ можетъ показаться утвержденіе Феррера, въ виду того, что, какъ ему, конечно, было извѣстно, самъ Августинъ устроилъ еще въ 391 году небольшой монастырь въ Гиппонѣ, когда онъ туда переселился. Вдобавокъ, самъ Ферреръ приводитъ письмо Паулина изъ Нолы, отъ 394 г., къ ученику Августина Алипію, съ просьбой передать поклонъ братьямъ въ монастыряхъ Карѳагена, Гиппона и Тагасты, гдѣ Алипій былъ епископомъ и гдѣ онъ, по примѣру Августина, завелъ монастырскую общину. Указанное недоразумѣніе объясняется тѣмъ, что Ферреръ проводитъ различіе между „отшель-

[1]) Нынѣ Капрая, между Корсикой и Италіей.

никами“ (anachorètes) въ пустынныхъ мѣстахъ и монастырями въ городахъ. О монастыряхъ, устроенныхъ Августиномъ и его учениками, намъ еще придется говорить подробнѣе. Здѣсь для насъ важно установить, что монашество въ томъ или другомъ видѣ проникло въ сѣверную Африку лишь „на глазахъ“ у Августина. Но, утверждая это, мы должны считаться съ гипотезой, что монашество въ Африкѣ—*туземнаго* происхожденія. Такую гипотезу высказалъ недавно амстердамскій профессоръ богословія Вёльтеръ (Voelter) въ интересномъ изслѣдованіи о возникновеніи монашества. Критически разбирая многочисленныя гипотезы объ этомъ предметѣ, Вёльтеръ увеличилъ ихъ число новою: возводя начало монашества къ концу III-го вѣка, т.-е. къ эпохѣ Діоклетіана, онъ видитъ въ монашествѣ крестьянское движеніе и объясняетъ бѣгство тогдашнихъ крестьянъ изъ міра тяжестью налоговъ и суровостью взысканій, которыя были слѣдствіемъ административныхъ и финансовыхъ преобразованій этого императора. Такимъ образомъ, для Вёльтера исторія первоначальнаго монашества въ значительной степени есть глава изъ исторіи соціальнаго вопроса: „оно возникло въ моментъ, когда соціальная нужда слилась съ аскетическимъ настроеніемъ времени“.

Эта гипотеза построена на предположеніи, что такъ называемые *циркумцелліоны* въ Нумидіи представляютъ собою монаховъ. Имя циркумцелліоновъ неразрывно связано съ донатистской распрей, т.-е. расколомъ въ африканской церкви, вызваннымъ протестами нумидійскихъ епископовъ противъ избранія въ 312 году на карѳагенскій митрополичій престолъ діакона Цециліана. Въ продолженіе всего IV в., циркумцелліоны являются яростными поборниками донатизма; ихъ толпами при нападеніи на православныя церкви нерѣдко предводительствуютъ донатистскіе клерики, и циркумцелліоны исчезаютъ изъ исторіи вмѣстѣ съ донатизмомъ [1]).

Изъ свѣдѣній о циркумцелліонахъ у Августина и у писавшаго раньше его епископа Оптата можно составить себѣ о нихъ слѣдующее представленіе. Ихъ названіе объясняется *бродячимъ* образомъ ихъ жизни—они бродили *вокругъ* хуторовъ и хижинъ сельчанъ. Бродили они толпами и среди нихъ бывало немало женщинъ. Сами же они называли себя *святыми* и *бойцами* (agonistici) противъ діавола или зла, отъ него происходящаго.

[1]) О донатизмѣ и циркумцелліонахъ см. „Вѣстникъ Европы“, янв. 1901,—„Борьба за единство вѣры“, стр. 47 и д. Въ этомъ изслѣдованіи, написанномъ въ 1900 году, брошюра Вёльтера о происхожденіи монашества, вышедшая въ томъ же году, не могла быть принята во вниманіе.

Подъ понятіе этого исходящаго отъ діавола зла они подводили, повидимому, не только язычество и затѣмъ государственную церковь, т.-е. покровительствуемыхъ императорами епископовъ,—но и тогдашній государственный и общественный порядокъ. Протестъ ихъ противъ послѣдняго выражался въ томъ, что они бродили толпами—съ криками: „Богу слава!", вооруженные дубинами, которыя они называли „израелями", какъ бы избранными орудіями гнѣва Божьяго. Во время ихъ господства, т.-е. до истребленія значительной ихъ части императорскимъ графомъ Тауриномъ, никто не былъ безопасенъ въ своемъ помѣстьѣ, никакой кредиторъ не смѣлъ требовать уплаты долговъ; даже проѣзжавшихъ по дорогамъ толпа ссаживала съ колесницъ и заставляла по-холопски бѣжать пѣшкомъ.

Въ религіозномъ отношеніи *бойцы* особенно отличались фанатическимъ культомъ мученичества: онъ выражался, съ одной стороны, въ высокомъ почитаніи могилъ мучениковъ, около которыхъ они совершали свои тризны, принимавшія характеръ оргій; съ другой—въ жаждѣ собственнаго мученичества, проявлявшейся въ томъ, что они нападали на язычниковъ во время приношенія ими жертвы, чтобы сподобиться мученической смерти, но они и сами бросались со скалъ, нападали по дорогамъ на вооруженныхъ людей, а то умоляли даже мирныхъ путниковъ покончить съ ними.

Въ этой массѣ любопытныхъ чертъ, въ которыхъ ярко выступаетъ мѣстный національный характеръ движенія (вѣдь и самый донатизмъ является протестомъ туземнаго элемента противъ римскаго—въ церкви и государствѣ) совершенно исчезаетъ существенная черта монашества—отрѣшеніе отъ міра.

Тѣмъ не менѣе, Вёльтеръ, стараясь доказать, что движеніе циркумцелліоновъ возникло раньше донатизма, — чего никакъ нельзя вывести изъ источниковъ,—утверждаетъ, что оно—одновременно съ древнѣйшимъ египетскимъ монашествомъ, и что его изображеніе вполнѣ согласно съ монашескимъ бытомъ Египта *до* монастырской организаціи, проведенной Пахоміемъ. Дальнѣйшее обсужденіе этого вопроса потребовало бы слишкомъ большого отступленія: для насъ здѣсь важно установить, что если бы даже признать, что циркумцелліоны древнѣе донатистовъ и причислить ихъ къ монахамъ, то это все-таки еще не значило бы, что Августинъ уже засталъ монашество на своей родинѣ. Ибо если бы циркумцелліоны представляли собою монаховъ и появилисьвъ Африкѣ еще до донатистской распри, то мы встрѣчали бы ихъ не только на сторонѣ донатистовъ, но и въ

православномъ христіанствѣ сѣверной Африки. Между тѣмъ, этого не только нѣтъ, но между циркумцелліонами и монахами во время Августина существуетъ полнѣйшій антагонизмъ. Циркумцелліоны и донатисты ненавидятъ монаховъ, считаютъ ихъ чѣмъ-то совершенно новымъ и чуждымъ, глумятся надъ названіемъ „монахъ" и спрашиваютъ, что оно значитъ? Августинъ принужденъ въ одномъ изъ своихъ толкованій на псалмы разъяснить это слово своимъ прихожанамъ и съ своей стороны подвергнуть критикѣ названіе и образъ жизни циркумцелліоновъ. Слѣдовательно, дѣло въ томъ, что если и причислить секту циркумцелліоновъ къ монашеству, то въ глазахъ Августина она не была монашествомъ; можно, напротивъ, утверждать, что существованіе циркумцелліоновъ служило въ свое время препятствіемъ къ появленію монашества въ Африкѣ, а теперь можетъ служить объясненіемъ сравнительно поздняго его появленія въ этой провинціи.

Въ связи съ этимъ, и въ подтвержденіе здѣсь сказаннаго, приведемъ еще одно интересное свидѣтельство. Петиліанъ, блестящій діалектикъ-адвокатъ, а потомъ донатистскій епископъ, въ своей полемикѣ съ Августиномъ, упрекнулъ его въ томъ, что онъ, „порицая проклятыми устами монастыри и монаховъ, самъ же и ввелъ *этотъ образъ жизни*". Что же на это возразилъ Августинъ?—„Какой это образъ жизни, онъ, Петиліанъ, не знаетъ; или, вѣрнѣе, притворяется, будто не знаетъ того, что весьма извѣстно во всемъ мірѣ". Что же это значитъ? Прежде всего это подтверждаетъ, что монастыри и монашество были въ сѣверной Африкѣ во время Августина новымъ учрежденіемъ. Иначе Августинъ не ограничился бы такимъ общимъ возраженіемъ, что монашество извѣстно во всемъ мірѣ, а призналъ бы его давно существующимъ въ Африкѣ и указалъ бы въ подтвержденіе этого на древнѣйшіе монастыри.

Такимъ образомъ, какъ изъ обвиненія Петиліана, такъ и изъ косвеннаго отвѣта Августина мы можемъ вывести заключеніе, что монашество въ сѣверной Африкѣ еще не было извѣстно до возвращенія на родину Августина. Но Августинъ совсѣмъ не отвѣтилъ на главный упрекъ Петиліана, а именно, что африканское монашество ведетъ отъ него свое начало. Какую же дѣйствительно роль игралъ въ этомъ отношеніи Августинъ?

II.

Прежде чѣмъ сопоставить имѣющіяся у насъ по этому вопросу данныя, мы должны выяснить взглядъ Августина на монашество. Лишь при знакомствѣ съ этимъ взглядомъ мы будемъ въ состояніи правильно освѣтить тѣ факты, о которыхъ будетъ рѣчь. Само монашество—лишь одно изъ проявленій аскетическаго настроенія. Задолго до возникновенія монастырей среди христіанъ бывали люди, обрекавшіе себя на аскетическое житіе, не покидая общества. Затѣмъ, стали появляться подвижники, которыхъ не удовлетворяло отреченіе отъ земныхъ благъ, отъ семьи и собственности, но которымъ самое общество съ его земными интересами опостыло; имъ было въ немъ тѣсно, они *бѣжали* изъ него и становились отшельниками. Еще позднѣе эти одинокіе отшельники начинаютъ собираться въ общежитіяхъ и возникаютъ монастыри. На родинѣ христіанскаго монашества, въ Египтѣ, мы можемъ ясно прослѣдить этотъ процессъ развитія. Великія личности св. Антонія и Пахомія знаменуютъ собой второй и третій фазисы этого развитія—отшельничество и монашество. Но и въ Африкѣ задолго до монашества появилось аскетическое подвижничество—особенно среди женщинъ: святыя дѣвственницы (sanctimoniales) высоко чтились въ африканскомъ обществѣ еще въ то время, когда христіанство было гонимой религіей: къ нимъ примыкали благочестивыя вдовы, дававшія обѣтъ не выходить вторично замужъ и не снимать вдовьей одежды,—и, наконецъ, замужнія женщины, дававшія соотвѣтствующій обѣтъ. Но объ африканскомъ отшельничествѣ мы ничего не слышимъ, если не причислять сюда бродячихъ монаховъ, упоминаемыхъ въ одномъ изъ писемъ Августина. Можетъ быть, развитію отшельничества здѣсь мѣшали причины топографическія. Египетскія пустыни были вполнѣ безопасны, африканскія—были во власти языческихъ кочевниковъ. Поэтому, можетъ быть, и монастыри возникли въ Африкѣ не среди отшельниковъ, въ пустыняхъ, а непосредственно въ городахъ.

Какъ же относился Августинъ къ этимъ разнымъ видамъ аскетическаго подвижничества?—Мы выяснимъ себѣ это всего лучше, если прослѣдимъ путь, по которому самъ Августинъ пришелъ къ аскетизму. Аскетическое настроеніе, глубоко охватившее древній міръ на склонѣ его жизни, черпало свою силу преимущественно изъ трехъ источниковъ: изъ дуалистическаго міро-

воззрѣнія Зороастровой религіи, изъ идеализма греческой философіи и изъ евангельскаго призыва человѣка къ новой жизни, въ новомъ царствѣ. Въ дни Августина, эти три вліянія проявлялись въ ученіи манихеянъ, въ неоплатонизмѣ и въ христіанскомъ отшельничествѣ. Августинъ пережилъ въ самомъ себѣ всѣ эти три культурныя явленія, какъ *стадіи* или моменты собственнаго внутренняго развитія, и каждая изъ нихъ оставляла послѣ себя слѣдъ не только въ его сочиненіяхъ, но и на общемъ его міровоззрѣніи.

Девять лѣтъ, съ 19-го по 28-ой годъ жизни, Августинъ находился подъ обаяніемъ манихейства, ища въ немъ истины для разума и отвѣта на запросы своего сердца. Воспитанный матерью христіанкой и вписанный въ число „катехуменовъ", онъ былъ, однако, только по имени христіаниномъ. Хотя, по его признанію, имя Іисуса съ дѣтства всегда оставалось для него дорогимъ, но христіанство, какъ ученіе и міровоззрѣніе, стало ему чуждымъ подъ вліяніемъ школы и образованія, основаннаго на изученіи языческой литературы. Это враждебное христіанству вліяніе тогдашняго риторическаго образованія усматривается, напр., въ томъ, что его особенно отталкивалъ Ветхій Завѣтъ своими литературными формами, казавшимися молодому ритору грубыми. Его отдаляли также отъ христіанства его свѣтскіе интересы, образъ жизни, въ который вовлекла его страстная юность и его любовь къ театру, котораго гнушались христіане. При такомъ настроеніи онъ легко подпалъ подъ вліяніе манихеянъ. Высоко почитая Іисуса, манихеяне, однако, искажали его ученіе, и относились съ полнымъ пренебреженіемъ къ Ветхому Завѣту. Уже это сближало Августина съ манихеянами. Но кромѣ того, само манихейство привлекало Августина, еще не привыкшаго тогда къ философскому отвлеченію, несложностью и удобопонятностью своего міровоззрѣнія, представлявшаго міръ результатомъ борьбы двухъ противоположныхъ началъ, одинаково реальныхъ, а въ то же время и моральныхъ—свѣта и мрака, тождественныхъ съ добромъ и зломъ. Съ другой стороны, манихейство подкупало Августина своимъ гностическимъ раціонализмомъ и своими притязаніями на научное объясненіе міровыхъ явленій. Оно льстило гордости юноши, который желалъ все *понять* собственнымъ разумомъ. При этомъ манихеяне дѣйствовали очень искусно, установивъ среди своей секты два класса людей—*избранныхъ*, или посвященныхъ, и простыхъ слушателей, которымъ только постепенно открывалась вся истина. Вслѣдствіе этого, жаждавшій истины Августинъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ бывалъ не-

согласенъ съ манихеянами, полагалъ, что они скрываютъ подъ своими „покровами" что-то великое, что ему когда-нибудь откроютъ, и его любознательность отъ этого только разросталась. Въ то же время, Августинъ долго находилъ въ ученіи манихеянъ нравственное удовлетвореніе; ихъ дуализмъ соотвѣтствовалъ нравственному раздвоенію, которое онъ ощущалъ въ себѣ, страстно предаваясь жизненнымъ удовольствіямъ и въ то же время стремясь къ чему-то высшему. Этотъ дуализмъ, удовлетворяя его разумъ, успокоивалъ и его совѣсть. Онъ такъ просто разрѣшалъ вопросъ, откуда зло въ мірѣ, и, признавая за страстями стихійный характеръ, дѣлалъ человѣка спокойнымъ зрителемъ происходившей въ немъ самомъ борьбы,—снимая съ него всякую личную отвѣтственность.

Какъ *зло* имѣло въ представленіяхъ манихеянъ стихійный характеръ, такъ и избавленіе отъ зла, возвращеніе души къ началу свѣта и добра представлялось въ ихъ ученіи какимъ-то физическимъ процессомъ. Спасеніе у манихеянъ касалось не человѣка только, какъ въ христіанствѣ, а всей природы. Оно совершалось, напр., въ произростаніи растенія, которое во время своего цвѣтенія освобождало отъ матеріи частицы свѣтлаго начала. Когда серпъ луны стоялъ надъ землей съ обращенными къ ней рогами, онъ представлялъ собою сосудъ, который вбиралъ въ себя подлежащія освобожденію изъ земного плѣна частицы свѣтлой матеріи; а когда этотъ серпъ повертывался къ небу, онъ испускалъ въ свѣтлыя небесныя выси отрѣшившіяся отъ міра частицы. Подобнымъ образомъ, когда душа, просвѣщенная истиннымъ ученіемъ, отрѣшалась отъ низшихъ земныхъ благъ въ любви къ высшимъ благамъ, частицы свѣтлаго начала вырывались изъ плѣна и возвращались на свою небесную родину.

Манихеяне внесли свои космогоническія фантазіи и свой дуализмъ въ самое представленіе о Спасителѣ, различая „страждущаго „Іисуса (Iesus patibilis)"—и Христа Логоса. Подъ понятіемъ страждущаго Іисуса они разумѣли не страданія Христа, какъ человѣка, или Бого-человѣка, но, возводя этотъ индивидуальный фактъ въ символъ—страданія всей *природы*, вслѣдствіе стремленія заключенныхъ въ ней частицъ свѣтлаго начала вырваться изъ плѣна, въ которомъ ихъ держала жизнь *сего міра*.

Такимъ образомъ, отрѣшеніе отъ сего міра было провозглашено руководящимъ началомъ жизни и въ манихействѣ, и это стремленіе вызвало у нихъ цѣлый морально-обрядовый кодексъ, обязательный для избранныхъ, т.-е. для манихеянъ *перваго* разряда.

Вся эта смѣсь реалистическихъ воззрѣній съ мнимо-научными претензіями и идеалистическими вожделѣніями поражала воображеніе Августина, но не настолько ослѣпляла его, чтобы скрыть отъ него недостатки доктрины и слабости ея учителей.

Знакомство съ астрономіей раскрыло передъ нимъ противорѣчіе между научными данными и фантастической космогоніей манихеянъ, и онъ сталъ допытываться у ихъ вождей разъясненія этихъ противорѣчій; его долго успокоивали обѣщаніемъ, что всѣ его недоумѣнія разъяснятся по прибытіи въ Карѳагенъ ученаго Фауста; но знакомство съ Фаустомъ, въ которомъ Августинъ нашелъ блестящаго ритора, но невѣжду, нанесло ударъ въ его глазахъ авторитету самой манихейской доктрины. Въ то же время, личныя наблюденія надъ жизнью *избранныхъ* и дошедшіе до него слухи о совершаемыхъ нѣкоторыми изъ нихъ втайнѣ безчинствахъ, подорвали вѣру Августина въ достоинство манихейской морали и искренность ея адептовъ. Но все еще міровоззрѣніе манихеянъ сохраняло свою власть надъ его умомъ, благодаря ихъ реалистическимъ представленіямъ; изъ этихъ путъ манихейства вывело Августина его знакомство съ философскимъ идеализмомъ.

Августинъ нашелъ его у Платона и у платониковъ, какъ онъ ихъ называетъ, разумѣя подъ этимъ александрійскихъ неоплатониковъ, сочиненія которыхъ были переведены на латинскій языкъ его современникомъ, риторомъ Викториномъ. Въ сочиненіяхъ Платона Августинъ познакомился съ инымъ дуализмомъ, болѣе подходившимъ къ его созрѣвшему уму,—съ противоположеніемъ чувственнаго, осязаемаго пятью чувствами міра—тому міру, который постигается однимъ разумомъ. Міръ платоновскихъ идей, совершенныхъ первообразовъ всего существующаго, очаровалъ Августина и помогъ ему оторваться отъ матеріализма манихеянъ и подняться до понятія о субстанціи, т.-е. духовной сущности вещей. Такъ у него явилась почва, давшая ему возможность перейти отъ космическаго дуализма къ монизму, признать въ преходящемъ множествѣ и многообразіи *единое*. Понятіе о единомъ міровомъ принципѣ сдѣлалось съ тѣхъ поръ руководящимъ началомъ для Августина и содѣйствовало уразумѣнію имъ христіанства въ совершенно новомъ для него, возвышенномъ смыслѣ. Богъ, котораго онъ зналъ съ дѣтства, но въ дѣтскомъ разумѣніи, сталъ для него абсолютнымъ совершенствомъ, *сверхъ*-міровымъ началомъ, непричастнымъ матеріи—творческой мощью, отъ которой исходитъ все существующее. Въ платонизмѣ Августинъ нашелъ, по его собственному указанію,

понятіе о Логосѣ, которое объяснило ему воплощеніе и снова дало ему Христа. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился подъ вліяніемъ нео-платонизма взглядъ Августина на міръ и разрѣшилась для него проблема о сущности зла.

Представленіе о Богѣ, какъ объ абсолютномъ бытіи, объяснило ему христіанское ученіе о *сотвореніи* міра изъ *небытія* въ противоположность утвержденію манихеянъ, что ничто не можетъ произойти изъ ничего. Этимъ путемъ онъ нашелъ и объясненіе зла въ мірѣ. Зло не есть нѣчто положительное, какъ у манихеянъ, нѣчто однородное, равносильное добру, а, какъ учили неоплатоники, нѣчто отрицательное, происходящее отъ *неполнаго* бытія; вслѣдствіе этого зло есть нѣчто относительное, въ зависимости отъ того, насколько оно удалено отъ полнаго бытія, т.-е. насколько неполно его бытіе. Вмѣстѣ съ этимъ измѣнялась для Августина и задача жизни. Она не могла заключаться въ фантастическихъ затѣяхъ манихеянъ содѣйствовать освобожденію частицъ свѣтлаго начала, затерянныхъ въ мірѣ, а должна была имѣть цѣлью *познать* абсолютное совершенство, тождественное съ абсолютной истиной и абсолютнымъ блаженствомъ. Это и составляло возвращеніе къ Богу—reditus ad Deum, посредствомъ указанной Платономъ *діалектической лѣстницы* [1]). На высшей ступени этой лѣстницы человѣкъ получалъ возможность созерцанія—контемпляціи—безусловной истины, красоты и блага. Такимъ образомъ, и здѣсь *восхожденіе* къ Богу включало въ себѣ отрѣшеніе отъ міра, отреченіе отъ низшихъ благъ жизни во имя высшихъ, идеальныхъ благъ. И Августинъ, подобно многимъ другимъ философамъ, пошелъ по этому пути, указанному ему разумомъ. „Веди меня,—обращается онъ въ своихъ „Бесѣдахъ наединѣ съ разумомъ",—веди куда хочешь, черезъ что̀ хочешь, ка̀къ хочешь. Прикажи исполнить что̀ хочешь тяжелаго, что̀ хочешь труднаго, лишь бы это было въ моей власти, лишь бы черезъ это я несомнѣнно достигъ того, чего желаю". И разумъ далъ ему отвѣтъ: „Одно я могу тебѣ предписать, другого ничего не знаю: нужно совершенно избѣгать чувственнаго міра; нужно усердно стараться, пока ты живешь въ этомъ тѣлѣ, чтобы его липкость не препятствовала твоимъ крыльямъ, которыя ты долженъ сохранить цѣльными и невредимыми, чтобы полетѣть къ тому свѣту изъ этого мрака... И когда ты станешь такимъ, что ничто земное тебѣ не будетъ

[1]) Для поясненія этого представленія укажемъ на прекрасное мѣсто въ замѣчательномъ сочиненіи Rohde: Psyche, II, 283, гдѣ изображается путь, которымъ діалектика ведетъ человѣка изъ низменностей *явленій* къ бытію.

доставлять удовольствія, тогда, повѣрь мнѣ, въ то же мгновеніе ты узришь то, чего желаешь".

Съ этой точки зрѣнія аскетическіе подвиги манихеянъ утрачивали всякое значеніе въ глазахъ Августина. Манихеяне подводили эти подвиги подъ три заповѣди: воздержаніе *устъ*,—т.-е. воздержаніе отъ всякаго богохульства и отъ мяса и вина; воздержаніе рукъ,—т.-е. воспрещеніе убивать животныхъ и вырывать растенія. Въ этой второй заповѣди слышится отголосокъ Зороастровой религіи, которая высоко цѣнила растительную и животную жизнь, какъ проявленіе свѣтлаго начала. Но въ полномъ противорѣчіи съ этимъ началомъ, какъ отголосокъ міроваго пессимизма, напоминающаго буддизмъ, является третья заповѣдь: воздержаніе чрева налагало на „избранныхъ" обязанность избѣгать всего, что могло дать начало новой жизни, ибо это означало содѣйствовать новому плѣненію частицъ свѣтлаго начала въ мірѣ матеріи, т.-е. новому страданію.

Критикуя эту мораль, Августинъ особенно подчеркиваетъ то, что она, питая надменность подвижника, ведетъ къ формализму и лицемѣрію. У кого,—спрашиваетъ Августинъ,—больше воздержанія: у того ли, кто дозволяетъ себѣ насыщаться только однажды въ сутки, удовлетворяясь кускомъ сала съ капустой, для утоленія голода, и глоткомъ вина для подкрѣпленія силъ,—или же у того, кто, брезгая мясомъ и виномъ, съ утра позволяетъ себѣ поглощать привозные плоды, приправленные перцемъ и приготовленные въ видѣ разнообразныхъ блюдъ, и кто повторяетъ это пиршество при наступленіи ночи, кто запиваетъ эту трапезу ягодным виномъ, еще болѣе сладкимъ, чѣмъ виноградное, и пьетъ его не только для утоленія жажды, но и ради удовольствія?

Отрѣшеніе отъ міра, которому научила Августина философія, совершенно другого рода, чисто духовнаго свойства: оно заключается въ предпочтеніи явленіямъ чувственнаго міра реальныхъ сущностей идеальнаго міра, познаваемаго разумомъ. Поэтому его воздержаніе даже тамъ, гдѣ оно формально совпадаетъ съ манихейскимъ, вытекаетъ изъ другого мотива и становится по существу другого качества. Теперь онъ отказывается отъ брака не по фантастическимъ соображеніямъ манихеянъ, а потому, что испыталъ, что ничто такъ не сокрушаетъ духовной силы мужчины, какъ прелесть женщины. Поэтому онъ ради свободы духа своего ставитъ себѣ зарокъ не желать, не искать и не брать жены. А на вопросъ разума, побѣдилъ ли онъ свою страсть,—Августинъ отвѣчаетъ, что онъ не только не желаетъ прежнихъ удовольствій, но вспоминаетъ о нихъ лишь съ ужасомъ и пре-

зрѣніемъ. И это благо ежедневно въ немъ возростаетъ; ибо по мѣрѣ того, какъ ростетъ въ немъ надежда узрѣть ту идеальную красоту, къ которой онъ пламенѣетъ, къ ней направляется вся сила его любви и страсти.

А на вопросъ, доставляетъ ли ему удовольствіе пища?—Августинъ отвѣчаетъ: „Та пища, отъ которой я рѣшился отказаться, нисколько меня не прельщаетъ; но я признаюсь: то, отъ чего я не отрекся, доставляетъ мнѣ удовольствіе, однако, такъ, что я могъ бы лишиться его безъ всякаго огорченія, и это лишеніе не стало бы нисколько помѣхою моимъ размышленіямъ".

За это Августинъ прославляетъ философію, которая обезпечила ему мирное и блаженное пристанище, гдѣ онъ отдыхаетъ послѣ долгаго изгнанія. Поэтому онъ пишетъ о ней своему другу Романіану, котораго онъ самъ когда-то вовлекъ въ манихейство: „Въ моемъ досугѣ (въ Кассіакумѣ), философія, которой я такъ сильно желалъ, питаетъ меня и согрѣваетъ; она меня совершенно избавила отъ той ереси, въ которую я тебя вмѣстѣ съ собою повергъ. Она меня учитъ, и правильно учитъ—не почитать ничего и пренебрегать всѣмъ, что̀ представляется смертнымъ глазамъ, что̀ ощущается какимъ-либо чувствомъ бреннаго тѣла. Она обѣщаетъ мнѣ доказать съ очевидностью истиннаго и сокровеннаго Бога и уже теперь удостоиваетъ меня созерцать его отъ времени до времени, какъ бы чрезъ прозрачное облако" [1]).

Августинъ, однако, не удовлетворился блаженнымъ состояніемъ, которое ему доставила философія. Она была только переходной стадіей въ его развитіи. Философія избавила его отъ манихейства, она помогла ему понять философскіе элементы, вошедшіе въ христіанство, и этимъ самымъ привела его къ христіанству. Самостоятельное религіозное начало все болѣе и болѣе овладѣвало душою Августина. Онъ уже не удовлетворялся отвлеченнымъ представленіемъ объ абсолютномъ, совершенномъ бытіи; онъ испытывалъ въ своей душѣ личное воздѣйствіе *Единаго*, какъ творческой силы; въ школѣ Амвросія Медіоланскаго онъ усвоилъ себѣ аллегорическій методъ истолкованія текста Св. Писанія, что̀ сразу устранило всѣ недоумѣнія, вызванныя въ немъ Ветхимъ Завѣтомъ,—и тогда онъ позналъ личнаго Бога въ судьбахъ избраннаго народа и въ исторіи человѣчества. Онъ сталъ все болѣе и болѣе углубляться въ Св. Писаніе, и тотъ же Ветхій Завѣтъ, понятый и истолкованный аллегорическимъ методомъ, какъ рядъ предсказаній и пророчествъ о Христѣ, превра-

---

[1]) C. Acad. I, § 3, съ поправкой, сдѣланной Августиномъ въ Retract. I, § 2.

тилъ для него Платоновскаго Логоса въ Спасителя всѣхъ вѣрующихъ въ него.

Но главная перемѣна произошла въ Августинѣ вслѣдствіе иного пониманія зла, подъ вліяніемъ новаго представленія о Богѣ. Предъ нимъ не выдерживало критики стихійное представленіе о злѣ у манихеянъ, но оказывалось несостоятельнымъ и представленіе неоплатониковъ, что зло есть только неполнота бытія, слѣдствіе отдаленія отъ полноты бытія или абсолютнаго бытія. Такое объясненіе пригодно для вещественнаго міра: онъ есть не что иное, какъ отраженіе высшаго, разумнаго міра и потому по неволѣ страдаетъ несовершенствомъ; но для разумной души человѣка отдаленіе отъ Бога есть *удаленіе* отъ него какъ добровольный, волевой актъ. Такимъ образомъ, то, что для неоплатоника есть неполнота бытія (defectus), становится для христіанина *грѣхомъ*—peccatum. Грѣхъ въ такой степени волевое зло (voluntarium malum), что не было бы вовсе грѣха, если бы онъ не былъ волевымъ; и это до такой степени очевидно, что съ этимъ согласны и ученые, которыхъ на свѣтѣ немного, и толпа неученыхъ. Поэтому слѣдуетъ или отрицать существованіе грѣха, или признать, что онъ совершается добровольно. Ибо если мы поступаемъ дурно не по *нашей* волѣ, тогда не должно никого упрекать, никого увѣщевать; а въ этомъ случаѣ, неизбѣжно падетъ весь христіанскій законъ и всякая религіозная сдержка.

Съ этой минуты понятіе о грѣхѣ стало въ центрѣ религіознаго сознанія Августина. Насколько сильно оно охватило его душевную жизнь—свидѣтельствуетъ его исповѣдь, въ которой вся его прошлая жизнь, съ ея заблужденіями ума и страстями сердца, представляется ему грѣхомъ. Поэтому самое обращеніе Августина въ христіанство совпадаетъ съ его сознаніемъ совершеннаго имъ грѣха,—можно сказать,—заключается въ этомъ сознаніи. Понятіе о грѣхѣ Августинъ, конечно, почерпнулъ изъ Св. Писанія, въ особенности изъ сочиненій апостола Павла, который сталъ съ этого времени его руководителемъ; но дѣло въ томъ, что это понятіе стало фактомъ его собственной психической жизни, что онъ испыталъ его истину на самомъ себѣ, пережилъ ее самъ. Тогда онъ вполнѣ постигъ великое значеніе, которое имѣло это понятіе въ религіозной и культурной жизни человѣчества, и съ своей стороны установилъ его незыблемой твердыней на пути, по которому пошли грядущія поколѣнія христіанскаго общества. Подъ вліяніемъ понятія грѣха должно было измѣниться и окончательно сложиться его воззрѣніе

на отношенія человѣка къ міру, на вопросъ объ отрѣшеніи отъ этого міра. Манихейское воздержаніе окончательно утратило всякую цѣну въ его глазахъ; оно представлялось ему даже неморальнымъ, ибо довольствовалось только обрядомъ, воздержаніемъ человѣка отъ физическаго дѣйствія, не касаясь состоянія и жизни души.

Августинъ пошелъ дальше: онъ пришелъ къ убѣжденію, что зло ведетъ свое начало не отъ міра, созданнаго благимъ Творцомъ, а отъ самого человѣка, отъ его отношеній къ явленіямъ міра и предпочтенія этихъ явленій любви къ Богу. Противъ манихейской морали направлено утвержденіе Августина, что три главныхъ порока,—похоть, гордость и любопытство—представляютъ собою стремленіе къ тремъ благамъ—гармоніи, мощи и знанію, но это стремленіе извращается и становится порокомъ, когда отдаляетъ человѣка отъ Бога. Манихейская мораль поощряетъ эти пороки, возбуждая гордыню и мнимую любознательность; въ первомъ же случаѣ она воспрещаетъ не похоть, напротивъ—поощряетъ ее, и осуждаетъ лишь нѣкоторыя ея проявленія. Но подъ вліяніемъ понятія грѣха измѣнился взглядъ Августина не только на манихейское, но и на философское отрѣшеніе отъ міра. Послѣднее основывалось на убѣжденіи, что мудрецу слѣдуетъ высшія блага, представляемыя погруженіемъ мысли въ интеллигибльный", т.-е. познаваемый разумомъ міръ, предпочитать благамъ тѣлеснаго міра. Цѣпляться за эти низшія блага недостойно мудреца. Но съ такой точки зрѣнія предпочтеніе низшихъ благъ высшимъ представляетъ лишь интеллектуальный или эстетическій недостатокъ (defectus). Тотъ, чей разумъ недостаточно силенъ, чтобы подняться къ истинѣ или узрѣть высшую красоту, остается въ толпѣ непросвѣщенныхъ (indoctorum), теряетъ право на званіе мудреца, но не подлежитъ карѣ. Христіанинъ же, который поддается влеченіямъ плоти и, не боясь грѣха, не вступаетъ съ ними въ борьбу, представляетъ собою моральное несовершенство.

Однако эти двѣ точки зрѣнія на совершенство, философская и христіанская, долгое время уживались въ Августинѣ—въ періодъ его жизни отъ оставленія каѳедры риторики въ Медіоланумѣ въ 386 г., почти до конца его пребыванія въ Тагастѣ. Августинъ стремился къ совершенствованію одновременно двумя параллельными путями. Это выразилось въ томъ, что, изучая божественное откровеніе въ Св. Писаніи, Августинъ старался въ то же время подняться къ познанію Бога—указанной Платономъ діалектической лѣстницей. Уѣхавъ оттуда въ уединенную виллу Кассіакумъ съ нѣсколькими друзьями и учениками,

онъ раздѣлялъ свое время между толкованіемъ Виргилія и Св. Писанія. Даже послѣ своего крещенія весною 387 года онъ предпринялъ цѣлый рядъ сочиненій по тѣмъ наукамъ, которыя составляли семь ступеней діалектической лѣстницы—грамматикѣ, риторикѣ, геометріи, философіи, музыкѣ и т. д. Этотъ параллелизмъ выразился не только въ занятіяхъ и интересахъ Августина, но также и въ теоретической области. Устанавливая два пути къ истинѣ—путь авторитета или божественнаго откровенія и путь разума, Августинъ не противополагаетъ ихъ, а пытается сочетать ихъ, признавая цѣль, куда ведутъ оба пути, тождественною: это — познаніе Бога и именно *того же* Бога. Появленіе откровенія въ исторіи человѣчества по Августину „предшествуетъ разуму; по существу же предшествуетъ разумъ" (re autem ratio prior est). Согласно съ этимъ Августинъ заключаетъ слѣдующимъ образомъ свое полемическое сочиненіе противъ академиковъ, т.-е. скептической школы платониковъ, утверждавшихъ, что истина недоступна человѣку: „никто не сомнѣвается, что насъ влечетъ къ познанію двойная сила авторитета и познанія, и я положилъ себѣ ни въ чемъ не отступать отъ авторитета Христа; ибо нигдѣ я не могу найти болѣе сильнаго авторитета; но для этого нужно, однако, пользоваться и всѣми тонкостями разума; ибо я страстно жажду узнать истину не только вѣрою, но и разумѣніемъ, и я пока увѣренъ, что найду у платониковъ то, что не противорѣчитъ нашей святынѣ".

Но представляетъ ли этотъ пятилѣтній періодъ полное единство воззрѣній со стороны Августина? Французскій философъ Нурриссонъ, въ своемъ сочиненіи о философіи Августина, различаетъ въ этомъ пятилѣтіи два періода: отъ его обращенія въ христіанство до его крещенія (весною 387 года), и отсюда до принятія священства, и утверждаетъ, что въ первое время Августинъ отдавалъ преимущество разуму, желая согласить религію съ философіей; позднѣе же ставилъ на первое мѣсто Св. Писаніе, желая согласить философію съ религіей. Авторъ прекраснаго изслѣдованія, спеціально посвященнаго этому періоду въ жизни Августина, Навиль [1]), возражаетъ противъ этого мнѣнія, и разсматриваетъ философскую систему, выработанную Августиномъ за это время, „какъ единую систему религіозной христіанской философіи".

Разногласіе это заслуживаетъ вниманія, потому что содѣйствуетъ правильному освѣщенію вопроса. На самомъ дѣлѣ его

---

[1]) A. Naville. St. Augustin. Genève, 1872, p. 69.

не трудно устранить. Навиль правъ, возражая противъ рѣзкаго установленія двухъ противоположныхъ направленій—философскаго и богословскаго — въ жизни Августина во время его Lehr- и Wanderjahre—между оставленіемъ имъ каѳедры риторики въ Медіоланумѣ и принятіемъ священства въ Гиппонѣ въ 391. Навиль съ полнымъ основаніемъ отрицаетъ, будто сочиненіе Августина „Объ истинной религіи“, которое относятъ къ 390 г., т.-е. къ концу этого періода, носитъ характеръ чисто богословскій. Напротивъ, и въ этомъ сочиненіи Августинъ совмѣщаетъ въ себѣ философа и христіанина и вѣритъ въ возможность примиренія ученія Платона съ ученіемъ церкви. Онъ и здѣсь выражаетъ увѣренность, что многіе древніе платоники, еслибы жили во времена христіанскія, сдѣлались бы христіанами, „измѣнивъ лишь нѣкоторыя выраженія и мнѣнія въ своемъ ученіи“. Въ томъ же сочиненіи Августинъ исключаетъ изъ числа своихъ читателей тѣхъ, кто не посвященъ въ философію, а въ священныхъ вещахъ „не философствуетъ“ [1]). Поэтому Навиль могъ поставить себѣ задачу—возстановить на основаніи всѣхъ сочиненій, написанныхъ Августиномъ за этотъ періодъ, его общую систему религіозной философіи и обсудить, насколько Августину удалось совокупить (amalgamer) ея различныя составныя части.

Но, съ другой стороны, было бы ошибочно отрицать въ этомъ періодѣ *эволюцію* въ воззрѣніяхъ Августина, которая черезъ философію Платона и платониковъ окончательно привела его къ христіанству. А въ этой эволюціи нельзя не признать того, что крещеніе Августина на пасхѣ 387 г. отмѣчаетъ извѣстный переломъ или кризисъ въ самой эволюціи. Самъ Навиль даетъ намъ основаніе для такого сужденія. Онъ дѣлаетъ чрезвычайно важное наблюденіе, что о грѣхопаденіи у Августина заходитъ рѣчь лишь въ сочиненіяхъ, написанныхъ послѣ его крещенія. Мы можемъ изъ этого заключить, что самое рѣшеніе Августина принять крещеніе назрѣло у него подъ вліяніемъ усвоеннаго имъ ученія о грѣхопаденіи. Мы можемъ даже предположить, что крещеніе Августина было слѣдствіемъ усвоенія имъ догмата о грѣхопаденіи. Христіане того времени часто откладывали крещеніе до конца жизни, такъ какъ надѣялись, что оно смоетъ съ нихъ всѣ грѣхи. А идея грѣхопаденія должна была чрезвычайно усилить сознаніе грѣховности у Августина, прибавляя къ личнымъ грѣхамъ тяжесть родового (перво-

---

[1]) Repudiatis omnibus qui neque in saeris philosophantur nec in philosophia consecrautur. De Vera Rel. § 12.

роднаго) грѣха и могла этимъ вызвать у него потребность немедленнаго крещенія.

III.

Во всякомъ случаѣ, принятіе крещенія было важнымъ симптомомъ совершавшейся внутри Августина философско-религіозной эволюціи. Эту эволюцію мы должны принять въ руководство и при выясненіи главнаго, здѣсь занимающаго насъ вопроса — отношенія Августина къ аскетизму и его взгляда на монашество. Эпохѣ одновременной вѣры въ религію и въ философію, вѣры во взаимодѣйствіе откровенія и разума, соотвѣтствуетъ стремленіе идти къ нравственному совершенствованію обоими путями, философскимъ и христіанскимъ, погруженіемъ мысли въ идею абсолютнаго и вознесеніемъ сердца въ молитвѣ къ Богу. Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Августинъ одновременно совмѣщалъ въ себѣ два культурныхъ типа, созданныхъ идеализмомъ, столь различныхъ между собою и въ то же время сходныхъ—типъ языческаго мудреца, который пренебрегаетъ низшими благами, ища „блаженной жизни“ въ созерцаніи интеллектуальныхъ благъ, — и христіанина, ищущаго смерти въ жизни, чтобы удостоиться вѣчнаго блаженства во Христѣ.

Но идеалъ античнаго мудреца постепенно уступаетъ мѣсто идеалу послѣдователя Христа, установленному въ Евангеліи. Отраженіемъ этой перемѣны въ настроеніи служитъ переписка Августина съ друзьями, насколько она сохранилась до насъ. Переписка началась еще въ Кассіакумѣ. Первое письмо дышетъ восторгомъ отъ обрѣтенной Августиномъ философіи. Августинъ пишетъ Гермогеніану, поздравившему его съ побѣдою надъ академиками, что его радуетъ не столько эта побѣда, какъ то, что онъ разорвалъ ненавистныя узы, препятствовавшія ему питаться сосцами философіи, и что онъ поборолъ отчаяніе въ возможности познать истину, эту пищу духа“.

Въ чемъ заключается эта истина, мы узнаемъ изъ слѣдующаго письма къ Зиновію: „Мы согласились, кажется, насчетъ того, что все ощущаемое тѣлесными чувствами не можетъ ни на одно мгновеніе оставаться въ томъ же состояніи, но течетъ и исчезаетъ, т.-е., выражаясь по-латыни, не существуетъ (non esse). Вотъ эту-то пагубную любовь, достойную кары, истинная и божественная философія научаетъ обуздывать и заглушать, для того, чтобы духъ, пока онъ живетъ въ этомъ тѣлѣ, весь возно-

сился и пламенѣлъ любовью къ тому, что всегда пребываетъ въ томъ же состояніи и привлекаетъ не мнимой красотою".

Въ числѣ друзей Августина былъ и Небридій, которому посвящена бо̀льшая часть писемъ первыхъ лѣтъ. Этотъ Небридій былъ также родомъ изъ Африки и отправился въ Медіоланумъ, чтобы подъ руководствомъ Августина предаться изученію мудрости, но затѣмъ взялъ на себя преподаваніе грамматики (языческой литературы) въ помощь Верекунду, который былъ также друженъ съ Августиномъ и предоставилъ въ его распоряженіе свою виллу Кассіакумъ для уединеннаго житья. Небридій своими критическими замѣчаніями содѣйствовалъ отвлеченію Августина отъ манихейства, но съ другой стороны—не поддавался христіанскому ученію о воплощеніи, понимая его не реально, а только идеально. Однако, потомъ онъ сталъ христіаниномъ и, возвратившись одновременно съ Августиномъ на свою родину, обратилъ въ христіанство и всю свою семью. Тамъ, въ своемъ помѣстьѣ близь Карѳагена, онъ жилъ „въ воздержаніи" до своей смерти, которая скоро наступила. Этому Небридію Августинъ также пишетъ изъ Кассіакума о томъ, что чувственный міръ есть лишь отраженіе другого міра, постигаемаго разумомъ, и о томъ, что нельзя найти „блаженной жизни" въ удовольствіяхъ, доставляемыхъ чувственнымъ міромъ. „Это вполнѣ извѣдано мною,—прибавляетъ онъ,—въ моемъ здѣшнемъ досугѣ", т.-е. уединеніи, посвященномъ философскому размышленію. Онъ пишетъ, что счастливъ расположеніемъ къ нему Небридія и желаетъ умноженія этого счастья. Благъ же фортуны „истинные мудрецы, которыхъ однихъ можно назвать счастливыми, воспрещаютъ какъ бояться, такъ и желать". Другое письмо служитъ отвѣтомъ на вопросъ Небридія, насколько Августинъ въ своемъ философскомъ досугѣ успѣлъ познать различіе между чувственной и интеллигибльной природою. Августинъ отвѣчаетъ, что успѣхъ есть, но онъ незамѣтенъ, какъ и въ наступленіи возрастовъ человѣка. Различіе между отрокомъ и юношей велико, но кто изъ отроковъ, еслибы ихъ ежедневно объ этомъ спрашивали, могъ бы сказать, что въ такой-то моментъ онъ сталъ юношей.

Переписка продолжается въ Африкѣ, и характеръ ея постепенно измѣняется. Успѣхъ, о которомъ говоритъ Августинъ въ вышеприведенномъ письмѣ, становится все замѣтнѣе. Въ чемъ же онъ заключается?—Счастливое настроеніе первыхъ дней по оставленіи каѳедры, основанное на примиреніи философіи и религіи, на возможности стремиться къ абсолютной истинѣ путемъ Платоновскаго идеализма и изученія Св. Писанія,—постепенно исче-

заетъ и уступаетъ мѣсто раздвоенію. Языческая литература и поэзія въ самыхъ благородныхъ своихъ представителяхъ, языческая ученость въ лицѣ авторитетнаго Варрона—утрачиваютъ свое значеніе для Августина, а за ними меркнетъ и слава платониковъ. Безвозвратно миновало для Августина то время, когда онъ въ Кассіакумѣ утро посвящалъ съ учениками толкованію Виргилія, а послѣ обѣда углублялся въ изученіе сочиненій апостола Павла. Для этой перемѣны настроенія мы не можемъ привести непосредственнаго свидѣтельства изъ времени пребыванія въ Тагастѣ, но совершившаяся перемѣна ярко обнаруживается въ письмѣ, написанномъ нѣсколько лѣтъ спустя.

Однимъ изъ самыхъ близкихъ къ Августину учениковъ и друзей былъ молодой Лиценцій, сынъ Романіана, Августинова друга и бывшаго благодѣтеля, доставившаго ему средства, по смерти его отца, докончить свое образованіе въ Карѳагенѣ. Лиценцій былъ усерднымъ ученикомъ Августина. Онъ былъ христіаниномъ, но поэзія и искусство языческаго міра не утратили для него своей прелести.

Въ 395 году, Лиценцій посылаетъ Августину изъ Рима свое стихотвореніе, въ которомъ старая струя классической поэзіи съ ея миѳологическими образами и воспоминанія о нечестивомъ угощеніи боговъ Тіэстомъ, о царствѣ Пелопидовъ и о додонскомъ оракулѣ смѣшиваются съ христіанскими представленіями „о мірской заразѣ".

Лиценцій напоминаетъ Августину радостные дни, проведенные ими въ горахъ Италіи, на свободномъ досугѣ, въ созерцаніи чистыхъ благъ. Поэтъ готовъ и теперь покинуть градъ Ромулидовъ и веселый домъ, и тщету свѣтской жизни, чтобы броситься учителю на грудь, но его удерживаетъ мысль, „устремленная къ браку".

Онъ умоляетъ своего ученаго друга вѣрить въ искренность его горя. Безъ него Лиценцій блуждаетъ по бурнымъ волнамъ жизни и не знаетъ пристани, гдѣ бы онъ могъ укрыться. „Вспоминая твои чудныя рѣчи, дорогой учитель, я убѣждаюсь, что тебѣ слѣдуетъ вѣрить, когда ты говоришь объ обманчивости всѣхъ земныхъ дѣлъ,—это лишь сѣти, разставленныя для нашей души. Но увы, какъ мнѣ быть? Какъ раскрою я тебѣ мое сердце?"

Лиценцій вспоминаетъ о благодѣяніяхъ, оказанныхъ ему Августиномъ. Ихъ связываетъ дружба; завязана эта связь любовью къ благородству. Эта дружба засіяла во всей красѣ послѣ побѣды надъ врагомъ. „Наши души встрѣтились не для того, чтобы

накоплять богатства, непрочныя, какъ хрупкое стекло, чтобы собирать золото, не поддающееся погонѣ за нимъ человѣка. Мы не изъ тѣхъ, которыхъ счастье сближаетъ, а горе разлучаетъ".

Несмотря, однако, на свои аскетическія вожделѣнія, Лиценцій обращается за помощью къ Августину не для того, чтобы побѣдить врага въ лицѣ мірскихъ соблазновъ; онъ жалуется, что не можетъ постигнуть глубокихъ мыслей Варрона, и проситъ ему въ этомъ помочь. Августинъ уже двадцать лѣтъ расточаетъ сокровища своего разума—и все постигнулъ. Поэтому Лиценцій ищетъ утѣшенія въ книгахъ мудрости, которыхъ ждетъ отъ учителя и изъ которыхъ „истина польется рѣкою болѣе широкой, чѣмъ самъ Эриданъ" (По). Особенно проситъ онъ прислать ему сочиненіе Августина о музыкѣ, для того, чтобы нечистое дуновеніе міра не проникло въ его сельское убѣжище.

Это посланіе въ стихахъ молодого образованнаго христіанина изъ аристократіи весьма характерно для римскаго общества наканунѣ паденія Рима—тѣмъ болѣе, что Лиценцій принадлежалъ къ интимному кружку знаменитаго учителя церкви. Но самъ Августинъ уже давно вышелъ изъ разлада между тогдашней культурной средой и аскетическимъ воззрѣніемъ—разлада, въ которомъ обрѣтался еще его пылкій и нѣсколько тщеславный ученикъ.

Августинъ не сейчасъ ему отвѣтилъ, не имѣя случая переслать ему письмо. Переписка въ то время была весьма затруднительна. Августинъ пишетъ, что нѣсколько писемъ Лиценція до него не дошли, и что онъ усердно хлопоталъ по какому-то его дѣлу, и если это будетъ нужно, готовъ еще хлопотать, и затѣмъ продолжаетъ: „Въ этихъ моихъ словахъ къ тебѣ еще звучатъ цѣпи здѣшней жизни; теперь выслушай краткое выраженіе моей тревоги о надеждахъ непреходящихъ и о томъ, какой путь къ Господу тебѣ открытъ".

„Дорогой Лиценцій, такъ какъ ты все еще опасаешься оковъ мудрости и отрекаешься отъ нихъ, то я боюсь, что ты еще сильно и опасно занятъ суетными дѣлами. Мудрость, правда, сначала налагаетъ оковы и укрощаетъ людей подготовительными къ ней трудами, но затѣмъ снимаетъ свои оковы и предоставляетъ освобожденнымъ услаждаться ею. Тѣхъ, кого она сначала наставляла мірскими узами, она потомъ притягиваетъ въ свои вѣчныя объятія, и нельзя придумать ничего лучше, ни крѣпче этихъ узъ. Я признаюсь, что эти первыя узы сначала нѣсколько тяжелы; но позднѣйшія нельзя назвать жесткими, потому что онѣ пріятны, и нельзя назвать мягкими, потому что онѣ крѣп-

чайшія. Цѣпи же *сего міра* дѣйствительно суровы, сладость ихъ мнимая; горе, ими доставляемое, вѣрное, а удовольствіе—невѣрно; трудъ—тяжкій, покой—непрочный, жизнь—полная бѣдствій, надежда на счастье—тщетная. Подъ эти цѣпи ты подставляешь и шею, и руки, и ноги, когда жаждешь почестей сего міра и стремишься туда, куда не слѣдуетъ идти даже по принужденію".

Обращаясь къ самолюбію поэта, Августинъ продолжаетъ: „Еслибы твой стихъ былъ неправильный и не подчинялся законамъ просодіи, еслибы онъ оскорблялъ слухъ читателей, ты, конечно, устыдился бы и не успокоился, пока бы не исправилъ, сгладилъ и подровнялъ его, изучая и примѣняя правила метрики съ величайшимъ усердіемъ. А если ты самъ не въ порядкѣ, если ты не соблюдаешь законовъ твоего Господа и ведешь жизнь, не соотвѣтствующую ни желаніямъ твоихъ друзей, ни собственному твоему образованію, то ты признаешь возможнымъ пренебречь этимъ и остаться равнодушнымъ? Ты какъ будто считаешь болѣе извинительнымъ оскорблять Бога распущенными нравами, чѣмъ оскорблять авторитетъ грамматики неправильными стихами!"

Ссылаясь на стихи, въ которыхъ Лицецій восклицаетъ, что еслибы могли возобновиться счастливые дни, проведенные ими вмѣстѣ въ горахъ сѣверной Италіи, то никакая непогода не помѣшала бы ему слѣдовать за нимъ—„только прикажи",—Августинъ говоритъ: „На самомъ дѣлѣ, горе мнѣ, еслибы я не приказывалъ, не понуждалъ, не настаивалъ, не просилъ и не умолялъ тебя. Но если твои уши глухи для моего голоса, то пусть они внемлютъ твоимъ устамъ, твоимъ собственнымъ стихамъ; услышь самого себя, жесточайшій человѣкъ, глухой изъ глухихъ! Къ чему мнѣ твои „золотыя уста"—при желѣзномъ сердцѣ? Не стихами я отвѣчу на стихи, и не хватитъ у меня жалобныхъ словъ, чтобы оплакивать твои стихи, когда я вижу, какую душу, какой талантъ мнѣ не удается заманить и принести въ жертву нашему Господу. Ты ждешь, чтобъ я приказалъ тебѣ быть добрымъ, быть спокойнымъ душою, быть блаженнымъ; какъ будто для меня можетъ быть день счастливѣе того, когда мнѣ можно будетъ наслаждаться твоимъ талантомъ въ Господѣ; развѣ ты не знаешь, какъ я этого желаю, и развѣ ты этого не выражаешь въ собственныхъ стихахъ? Такъ вотъ мой приказъ—отдай мнѣ себя, отдай себя Господу, который всѣмъ намъ Господинъ, кто и тебѣ далъ твой талантъ!"

Убѣждая Лиценція забыть прежніе интересы и начать новый образъ жизни, Августинъ приглашаетъ его, согласно словамъ

Евангелія и Христа, взять на себя иго Христово и найти въ немъ душевный покой. Онъ совѣтуетъ ему отправиться въ Кампанью, къ Паулину, и убѣдиться, какимъ земнымъ величіемъ тотъ пренебрегъ ради ига Христова. „Чего ты волнуешься, чего ты колеблешься, зачѣмъ воображеніемъ поддаешься самымъ тлетворнымъ удовольствіямъ? Они обманчивы, они исчезаютъ, они влекутъ къ смерти".

Письмо Августина къ Лиценцію, хотя и написанное позднѣе, можетъ служить свидѣтельствомъ того, какъ „иго Христово", которое взялъ на себя Августинъ при своемъ крещеніи, становилось для него не только несовмѣстимымъ съ мірскими удовольствіями и интересами, но и съ тѣми занятіями языческой литературой и поэзіей, которыми онъ самъ прежде увлекался. Августинъ все болѣе и болѣе усвоивалъ себѣ настроеніе, которому далъ выраженіе евангелистъ въ словахъ: „Все, что въ мірѣ — похоть плоти, похоть очей и гордость житейская — не есть отъ Отца, но отъ міра сего". Приводя ихъ, Августинъ заявляетъ, что часто у тѣхъ, кто этому предпочитаетъ духовное, невидимое и вѣчное благо, вкрадывается расположеніе къ земнымъ наслажденіямъ. „О, еслибы всѣ, кто съумѣли бы это признать и оплакивать, удостоились побѣдить угрожающую имъ опасность или избѣгнуть ея!"

А по мѣрѣ того, какъ Августиномъ овладѣвало аскетическое воззрѣніе на міръ, подъ нимъ подламывалась „діалектическая лѣстница", по которой онъ считалъ возможнымъ, вмѣстѣ съ платониками, подняться къ Богу. Если Августинъ, въ Кассіакумѣ и въ началѣ своего пребыванія въ Тагастѣ, считалъ возможнымъ совмѣстить въ себѣ „мудреца" и христіанина, то къ концу этого пребыванія беретъ верхъ послѣдній. Этотъ разладъ между философомъ и христіаниномъ подчеркнутъ Августиномъ въ письмѣ къ викарію Африки, Македонію, который назвалъ его мудрецомъ. Въ своемъ отвѣтѣ Августинъ находитъ нужнымъ показать Македонію, въ чемъ заключается мудрость, не та, которую онъ ему приписываетъ, а каковою она *должна* быть. Этой мудрости Августинъ не находитъ у мудрыхъ міра сего. Философы много о ней разсуждали, но не обрѣли ея. Полагая, что мудрость обезпечиваетъ человѣку блаженную жизнь, они впали въ нелѣпѣйшее заблужденіе. Съ одной стороны, они были принуждены утверждать, что мудрецъ можетъ быть счастливъ въ самыхъ ужасныхъ мученіяхъ—въ раскаленномъ мѣдномъ быкѣ тиранна Фалариса,—съ другой стороны, они были принуждены сознаться, что иногда мудрецу надлежитъ избавляться отъ *блаженной* жизни;

ибо они учатъ, что въ крайнихъ бѣдствіяхъ слѣдуетъ кончать жизнь самоубійствомъ. Опровергая это ученіе философовъ, Августинъ беретъ исходной точкой разсужденіе Цицерона въ пятой книгѣ „Тускуланъ". Заявивъ, что мудрецъ и ослѣпнувъ можетъ еще быть счастливъ, благодаря тому, что онъ услышитъ, или, оглохнувъ,—благодаря тому, что увидитъ, Цицеронъ спрашиваетъ: а если онъ и ослѣпнетъ, и оглохнетъ, и къ тому еще присоединятся продолжительныя физическія страданія, то какъ ему быть?—и въ этомъ случаѣ предоставляетъ несчастному мудрецу спастись посредствомъ самоубійства въ пристань „нечувствительности". Августинъ возражаетъ на это, что основная ошибка философовъ, заставившая ихъ впасть въ такое противорѣчіе, обусловливается тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ благочестія, т.-е., что имъ невѣдомо поклоненіе истинному Богу. Они заблуждались именно потому, что сами себѣ желали смастерить блаженную жизнь, вмѣсто того, чтобы вымолить ее,—такъ какъ даровать ее можетъ лишь Богъ. Только тотъ можетъ сдѣлать человѣка блаженнымъ, кто сотворилъ его. Ибо Тотъ, Кто надѣляетъ такими великими благами и добрыхъ, и злыхъ изъ своихъ твореній для того, чтобы они могли существовать, быть людьми, обладать полнотою силъ, могучими органами тѣла и богатыми плодами земли, самъ даетъ Себя благимъ, чтобы они могли быть блаженными. Тѣ же, кто въ бѣдствіяхъ этой жизни, съ своимъ бреннымъ тѣломъ, подъ тяжестью грѣшной плоти, хотятъ быть сами виновниками и устроителями своей блаженной жизни, стремясь къ этому собственными силами и мня, что уже обрѣли ее, не черпая изъ источника всякой добродѣтели,—тѣ не въ состояніи познать Бога, отвергающаго ихъ гордыню.

Слѣдовательно, такъ можно формулировать заключеніе Августина: „Въ здѣшнемъ вѣкѣ мудрость заключается въ истинномъ поклоненіи истинному Богу; будущій же вѣкъ принесетъ вѣрные и полные плоды ея. Здѣсь—неизмѣнное благочестіе, тамъ—вѣчное счастье. Такова единственная истинная мудрость: если я обладаю частицей ея, то почерпнулъ ее у Бога, а не въ самомъ себѣ.—A Deo sumpsi, non a me praesumpsi".

Письмо Августина къ Македонію написано гораздо позднѣе; но проявляющійся въ этомъ письмѣ полный разладъ между философомъ и христіаниномъ совершился въ Августинѣ во время его пребыванія въ Тагастѣ. При скудости переписки Августина, сохранившейся отъ этого времени, мы не можемъ сказать, въ какой моментъ Августинъ отвернулся отъ той философіи, которая ему помогла сдѣлаться изъ манихеянина христіаниномъ, но

изъ его послѣдняго письма къ Небридію мы видимъ, что переломъ въ его воззрѣніяхъ уже произошелъ.

Въ недошедшемъ до насъ письмѣ Августинъ жаловался Небридію, что его „досугъ“ постоянно нарушаютъ жители Тагасты, обращаясь къ нему со всевозможными дѣлами. Небридій встревожился; почему друзья и ученики Августина не охраняютъ его столь желаннаго для всѣхъ размышленія? Что дѣлаютъ Романіанъ или Лициніанъ и прочіе? Отчего они не объяснятъ своимъ согражданамъ, чему посвященъ досугъ Августина? Небридій зоветъ его къ себѣ; онъ съумѣетъ доставить ему полный досугъ. Онъ будетъ взывать и разглашать, что любовь его обращена къ Богу, что Ему онъ хочетъ служить и къ Нему вознестись.

Небридій желалъ и для самого себя раздѣлять досугъ и размышленія Августина. Онъ упрекалъ его въ недостаточномъ желаніи все уладить для совмѣстной ихъ жизни. Августинъ оправдывается, указываетъ на разстояніе, на неудобные способы передвиженія, на то, что мать Небридія не пожелаетъ съ нимъ разстаться, особенно теперь, когда онъ больной. Что же касается до Августина, то онъ не можетъ совершенно оставить своихъ; а переѣзжать постоянно изъ Тагасте въ Карѳагенъ и обратно—это не значило бы жить вмѣстѣ и жить, какъ бы хотѣлось.

Затѣмъ Августинъ продолжаетъ: „Думать всю жизнь о путешествіяхъ, которыя невозможны безъ неудобствъ и хлопотъ,— не дѣло человѣка, размышляющаго о томъ послѣднемъ странствованіи, которое называется смертью. Онъ замѣчаетъ далѣе, что Господь, правда, даруетъ инымъ людямъ, которыхъ Онъ ставитъ правителями церкви, способность не только страстно желать смерти, но въ то же время и брать на себя безъ отягощенія труды, связанные съ заботою о церкви. Но такихъ людей немного. Что же касается остальныхъ, то ни тѣ, кого любовь къ земному почету побуждаетъ стремиться къ управленію церковью, ни частные люди, увлеченные дѣловою жизнью, не обладаютъ способностью среди треволненій жизни и шумныхъ сборищъ сближаться съ мыслью о смерти, чего онъ для себя такъ желаетъ. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ себя признать настолько неспособнымъ и безсильнымъ человѣкомъ, что если ему не будетъ предоставлена полная свобода отъ мірскихъ заботъ, то онъ не будетъ въ состояніи испытывать и любить это истинное благо. „Повѣрь мнѣ, нужно полное удаленіе отъ смуты суетныхъ дѣлъ, чтобы стать безмятежнымъ—не въ силу равнодушія или опрометчивости, не вслѣдствіе тщеславія или легковѣрнаго суевѣрія“.

Многое, очевидно, измѣнилось въ душѣ Августина въ годы, отдѣлявшіе его отъ его пребыванія въ медіоланской виллѣ, когда онъ, ища соединенія съ Христомъ, наслаждался красотою Платоновскаго идеальнаго міра и не тяготился хозяйственными хлопотами по имѣнію! Теперь онъ считалъ всякую заботу о мірской суетѣ помѣхою для безмятежности духа, жизнь представлялась ему, какъ и многимъ христіанамъ того времени, лишь преградой, отдѣлявшей его отъ Христа, и его манило не погруженіе разума въ созерцаніе абсолютнаго бытія, а такое отреченіе отъ земного бытія, которое можно было назвать смертью при жизни. Античный мудрецъ въ жизни совершенно превратился въ христіанскаго отшельника, умершаго для жизни.

Что именно понятіе смерти выражало тогда для многихъ высшее проявленіе аскетическаго благочестія, послѣднюю ступень христіанскаго совершенства, мы видимъ изъ одного письма извѣстнаго Паулина къ Августину. Ровесникъ Августина, Паулинъ Ноланскій, принадлежалъ къ знатному сенаторскому роду, владѣвшему большими помѣстьями въ Галліи, Испаніи и Италіи. Благодаря своимъ связямъ, онъ еще въ очень молодыхъ лѣтахъ занялъ консульство. Онъ былъ поэтомъ, ученикомъ знаменитаго Авзонія, и занялъ, какъ писатель, видное мѣсто въ поэтической литературѣ ранняго христіанства. Но и его коснулась аскетическая волна вѣка. Въ девяностыхъ годахъ IV-го в., потерявъ сына-ребенка, онъ отказался отъ міра, роздалъ значительную часть своего состоянія на благотворительныя дѣла и поселился съ своей женой близь гроба св. Феликса Ноланскаго въ устроенномъ имъ страннопріимномъ домѣ. Онъ былъ въ перепискѣ съ Августиномъ и въ одномъ изъ своихъ писемъ прославляетъ „евангельскую смерть“, какъ осуществленіе совѣта, даннаго Христомъ, ищущимъ совершенства. Хотя письмо относится къ послѣдующему времени, мы приводимъ его здѣсь для характеристики того настроенія, къ которому пришелъ и Августинъ подъ-конецъ своего пребыванія въ Тагастѣ.

Августинъ обратился къ Паулину съ вопросомъ, какъ онъ представляетъ себѣ состояніе человѣка послѣ его воскресенія къ вѣчной жизни. Отвѣчая на этотъ вопросъ, Паулинъ проситъ Августина быть его учителемъ и духовнымъ врачомъ въ *здѣшней* жизни, научить его исполнять волю Божію, идти по слѣдамъ Христа и умереть той евангельской смертью, которою мы добровольно предупреждаемъ разложеніе плоти—разставаясь не путемъ естественной смерти, а по собственному рѣшенію съ жизнью мірской, которая полна искушеній, или, какъ онъ однажды

выразился, „лишь одно сплошное искушеніе“. Эта „евангельская смерть“, какъ ее изображаетъ Паулинъ, въ такой же степени уничтожаетъ и стираетъ для насъ этотъ міръ, какъ физическая смерть; достигается же это любовью къ Христу, обратившись къ которому, мы отвращаемся отъ міра, и живя въ Немъ, умираемъ для этого міра. Мы не должны считать жизнью зрѣлище этого міра, „такъ какъ наша жизнь—въ смерти Христа, и мы не удостоимся славы его воскресенія, если не станемъ подражать его смерти на крестѣ умерщвленіемъ нашей плоти и чувствъ нашего тѣла“. Желая слѣдовать примѣру своего учителя, Паулинъ признаетъ, что Августинъ уже достигъ этой смерти, ибо умеръ для этого міра, чтобы жить въ Богѣ, и что въ немъ живетъ Христосъ, „ибо сердце твое равнодушно къ земному и уста твои не восхваляютъ людскихъ дѣлъ; но словомъ Христовымъ изобилуетъ грудь твоя и духъ правды исходитъ съ языка твоего, прославляя царство Божіе“.

Въ отвѣтѣ своемъ Августинъ соглашается съ Паулиномъ: „Ты совершенно правъ, говоря, что надобно сначала умереть евангельскою смертью и предупредить ею разложеніе нашей плоти, покидая земную жизнь, не физическою смертью, а добровольнымъ уходомъ изъ нея, съ полнымъ сознаніемъ“.

Итакъ, вотъ о какой смерти говорилъ Августинъ въ своемъ письмѣ къ Небридію изъ Тагасты, вотъ къ какому идеалу привело его уединенное размышленіе съ близкими людьми въ скромномъ отцовскомъ наслѣдіи.

Это настроеніе, вполнѣ назрѣвшее, выразилось въ подвигѣ, который имѣлъ своимъ послѣдствіемъ новый переломъ въ жизни Августина.

Характерной чертой жизни Августина—а онъ является въ этомъ отношеніи типомъ для своего времени — служитъ тѣсная взаимная связь между ростомъ его христіанскихъ убѣжденій, усвоеніемъ имъ христіанскихъ догмъ, и развитіемъ въ немъ склонности къ аскетическому принципу и міровоззрѣнію.

Его разрывъ съ языческимъ міромъ совершился подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое на него произвелъ разсказъ о жизни св. Антонія и египетскихъ отшельниковъ. Августинъ покидаетъ тогда свою каѳедру и удаляется въ загородное общежитіе съ друзьями, чтобы изучать философію и Св. Писаніе. Принявъ крещеніе, онъ возвращается на родину и устроиваетъ въ отцовской усадьбѣ, на краю города Тагасте, новое общежитіе. Здѣсь философскіе интересы все болѣе и болѣе уступаютъ мѣсто религіознымъ; окружающіе его ученики и друзья, Алипій, Эводій,

того же настроенія—все это будущіе епископы. Мудрецъ-философъ, искавшій высшаго блага, становится отшельникомъ въ мірѣ, ищущимъ спасенія и желающимъ духовной смерти при жизни, чтобы обрѣсти вѣчную жизнь. Но обстановка мѣшаетъ осуществленію этого идеала; сосѣди и сограждане не даютъ покоя Августину, приходя за совѣтами и втягивая его въ свои земные интересы и заботы. И все сильнѣе и сильнѣе овладѣваетъ Августиномъ завѣтъ Христа, ему давно извѣстный, дорогой совѣтъ, данный юношѣ на вопросъ: „Чего недостаетъ ему, чтобы имѣть жизнь вѣчную“: „Если хочешь быть совершеннымъ, поди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ... и приходи и слѣдуй за мною“.

И Августинъ исполнилъ завѣтъ, который и послѣ него побудилъ тысячи людей на подвижничество и отшельничество: онъ продалъ принадлежащую ему часть отцовскаго наслѣдія и отдалъ вырученныя деньги церкви въ Тагастѣ на бѣдныхъ, а самъ нищимъ отправился на апостольское призваніе въ Гиппонъ. Ученикъ и біографъ Августина, Поссидій, объясняетъ намъ—почему. Тамъ, въ Гиппонѣ, проживалъ вліятельный человѣкъ, императорскій коммиссаръ, который, прослышавъ про ученость Августина, звалъ его къ себѣ, обѣщая „пренебречь всѣми страстями и приманками сего міра“, если услышитъ изъ его устъ слово Божіе. „И желая освободить духъ свой отъ опасностей сего міра и вѣчной смерти“, Августинъ пошелъ на зовъ. Тамъ, въ Гиппонѣ, его ждала новая жизнь—ему удалось устроить монастырь и поселиться въ немъ.

IV.

Относя отреченіе Августина отъ отцовскаго наслѣдія къ концу его пребыванія въ Тагастѣ, мы отступаемъ отъ традиціи, потому что должны оправдать это мнѣніе. Традиціонная исторіографія утверждаетъ, что Августинъ продалъ отцовскую усадьбу тотчасъ по возвращеніи въ Тагасте и, слѣдовательно, уже тамъ велъ монашескій образъ жизни. Такъ, объемистое жизнеописаніе Августина, составленное на латинскомъ языкѣ бенедиктинскими монахами, сообщаетъ, что, по возвращеніи въ Тагасте, Августинъ продалъ свое имѣніе и затѣмъ, устроивъ въ бывшей своей усадьбѣ общежитіе, съ нѣкоторыми друзьями и учениками, провелъ тамъ три года, освободившись отъ всякихъ мірскихъ заботъ въ жизни, посвященной Богу, по обычаю египетскихъ и другихъ монаховъ. Но если мы освѣдомимся, откуда почерпнуто это извѣстіе, то узнаемъ, что оно основано на по-

казаніи „древнихъ рукописей“ перваго біографа Августина, его ученика, епископа Поссидія. Между тѣмъ, мы видимъ изъ новаго изданія этой біографіи, что относящееся сюда мѣсто въ рукописяхъ читается весьма различно. Не входя въ подробный разборъ разночтеній, мы удовольствуемся указаніемъ, что въ новомъ изданіи біографіи Поссидія слово *отрѣшившись* (alienatis) относится не къ отцовскому наслѣдію Августина, а къ „земнымъ заботамъ“, и слѣдовательно нѣтъ рѣчи о продажѣ имущества. Но при извѣстной наклонности всѣхъ житій относить начало подвижничества какъ можно раньше, для большей славы подвижника, становится понятнымъ, почему въ нѣкоторыхъ рукописяхъ слова „отъ *мірскихъ заботъ*“ были опущены, и слово *отрѣшеніе* было отнесено къ „дому и землямъ“ Августина. Итакъ, источники не заставляютъ насъ относить продажу Августиномъ отцовскаго наслѣдія и начало монашеской жизни къ самому возвращенію его въ Тагасте. Но еще важнѣе, что, допуская предположеніе о немедленномъ отчужденіи Августиномъ его родового помѣстья, мы создаемъ себѣ ненужныя затрудненія; ибо неоспоримо, что Августинъ прожилъ въ Тагастѣ три года въ отцовскомъ имѣніи. Если же онъ его продалъ и вырученныя деньги роздалъ бѣднымъ, то надо объяснить, почему онъ остается жить въ своемъ бывшемъ домѣ и *чѣмъ* онъ жилъ. Желаніе объяснить это вызвало у критическихъ историковъ Августина цѣлый рядъ предположеній, которыя или ничего не объясняютъ, или несогласны съ показаніями самого Августина. Такъ, Берингеръ разсказываетъ, что Августинъ продалъ отцовское наслѣдіе и отдалъ деньги бѣднымъ. „Впрочемъ, онъ оставилъ за собою, *какъ кажется*, право пребыванія въ имѣніи и пользованія имъ“ [1]).

Но если бы это было такъ, то Августинъ не исполнилъ бы завѣта Христова, а лишь обошелъ бы его, что совсѣмъ несогласно съ его нравственнымъ характеромъ; ибо продажа на такихъ условіяхъ была бы фиктивной.

Рейтеръ поступилъ болѣе критически, но вмѣстѣ съ тѣмъ впалъ въ излишнюю критику, представляя,—въ противорѣчіе съ самимъ Августиномъ, дѣло такъ, какъ будто „Августинъ не безусловно, не буквально послѣдовалъ словамъ Евангелія“. По мнѣнію Рейтера, Августинъ продалъ не все свое имѣніе, но оставилъ за собою садъ и домъ въ Тагастѣ; точно также онъ отдалъ не всѣ вырученныя деньги бѣднымъ“, но часть пере-

---

1) Böhringer, Die Kirche Christi, I B., 3 Abth., стр. 149.

далъ церкви своего родного города, другую же часть оставилъ за собою; иначе,—замѣчаетъ Рейтеръ,—было бы непонятно сообщаемое его біографомъ и другими извѣстіе о его общежитіи съ друзьями послѣ выхода изъ „міра". Слова Августина, что онъ *„ни съ чѣмъ* пришелъ изъ Тагасте въ Гиппонъ" и что онъ, „продавши свою небольшую собственность, роздалъ деньги бѣднымъ", Рейтеръ считаетъ *гиперболой.*

Мы удивляемся такому мнѣнію въ виду яснаго и, можно сказать, торжественнаго заявленія самого Августина. Въ знаменитомъ посланіи къ Гиларію, написанномъ противъ ученія Пелагія и прочитанномъ на іерусалимскомъ и другихъ соборахъ, Августинъ, говоря объ аскетическомъ „совершенствѣ", замѣчаетъ: „Я, пишущій эти строки, пламенно любилъ совершенство, о которомъ Господь говорилъ богатому юношѣ, и не собственными силами, а съ помощью его благодати такъ и поступилъ. И то, что я не былъ богатъ, не помѣшаетъ тому, что оно мнѣ причтется, ибо и сами апостолы, которые раньше такъ поступали, богатыми не были. Ибо *весь* міръ оставляетъ тотъ, кто покидаетъ то, что у него есть, и то, чего *желаетъ* получить. Насколько я преуспѣлъ на этомъ пути къ совершенству, извѣстно мнѣ болѣе, чѣмъ кому-либо другому, Господу же болѣе, чѣмъ мнѣ самому".

Болѣе подробно разсказываетъ объ этомъ Августинъ въ письмѣ къ Альбинѣ по дѣлу ея сына, Пиніана. Это былъ очень богатый молодой человѣкъ, пріѣхавшій въ Гиппонъ посѣтить Августина. Пиніанъ и его мать Альбина были извѣстны своими щедрыми пожертвованіями въ пользу церквей. Узнавъ о его прибытіи, народъ потребовалъ отъ него, чтобы онъ принялъ священство въ Гиппонѣ, и не отставалъ отъ него, пока онъ не поклялся, что не уѣдетъ изъ Гиппона, а если вздумаетъ сдѣлаться клерикомъ, то только въ Гиппонѣ. Пиніанъ и его мать были очень недовольны этимъ насиліемъ надъ нимъ, и въ своемъ письмѣ къ Альбинѣ Августинъ старается оправдать своихъ согражданъ тѣмъ, что они поступили такъ не изъ любостяжанія. Ибо какая польза была бы народу отъ принятія священства Пиніаномъ? Какъ въ Тагастѣ народу ничего не досталось отъ пожертвованія, которое Альбина и Пиніанъ сдѣлали церкви этого города, такъ было бы и въ Гиппонѣ съ пожертвованіемъ въ пользу гиппонской или другихъ церквей. Народъ руководился не денежнымъ интересомъ. Онъ излюбовалъ Пиніана не за его богатство, а за его презрѣніе къ богатству. И по этому случаю Августинъ ссылается на собственный примѣръ. Жители Гиппона излюбовали его самого, прослышавъ, какъ онъ презрѣлъ отцовское имѣньице

(paucis agellulis), и посвятилъ себя свободному служенію Богу; и они точно такъ же воспользовались прибытіемъ его въ ихъ городъ, чтобы заставить его принять у нихъ священство.

„Но насколько же больше, — восклицаетъ Августинъ, — гиппонцы должны были полюбить Пиніана, побѣдившаго въ себѣ привязанность къ такимъ несмѣтнымъ, огромнымъ богатствамъ, къ такимъ надеждамъ, такимъ соблазнамъ, которые ему представлялъ *этотъ* міръ. Вѣдь, если держаться мнѣнія многихъ, которые судятъ о другихъ по самимъ себѣ, онъ, Августинъ, ставъ клерикомъ, не отрекся отъ богатства; ибо его отцовское наслѣдіе составляетъ едва двадцатую часть имѣній церкви, которыми онъ теперь можетъ распоряжаться, какъ полный господинъ. Пиніанъ же, еслибы сталъ не только клерикомъ, но и епископомъ любой африканской церкви, былъ бы бѣднякомъ въ сравненіи съ прежними своими богатствами. Наконецъ, Августинъ еще разъ коснулся этого вопроса въ проповѣди, которую онъ говорилъ въ Гиппонѣ народу, будучи уже старикомъ. Поводомъ къ ней были дошедшіе до него слухи, что народъ завидуетъ богатствамъ гиппонской церкви. Въ виду этого Августинъ подробно объясняетъ свое отношеніе къ церковнымъ имуществамъ. Въ этой-то проповѣди онъ разсказываетъ, какъ онъ пришелъ въ Гиппонъ юношей для того, чтобы устроить тамъ общежитіе съ своими „братьями". „Я не принесъ съ собой, — таковы были его слова, — когда пришелъ къ этой церкви, ничего, кромѣ платья, которое тогда было на мнѣ".

Эти слова были сказаны Августиномъ публично въ церкви, гдѣ могли быть очевидцы его прибытія въ Гиппонъ. Въ виду такихъ категорическихъ заявленій со стороны Августина, мы не имѣемъ никакого основанія для догадокъ, что онъ не исполнилъ или только наполовину исполнилъ евангельскій завѣтъ, которому онъ придаетъ такое значеніе.

А если это такъ, то гораздо естественнѣе предположить, что исполненіе этого завѣта было заключительнымъ актомъ его трехлѣтняго пребыванія въ Тагастѣ, а не первоначальнымъ. Въ этомъ случаѣ намъ вовсе не нужно прибѣгать къ неправдоподобнымъ догадкамъ, что онъ обошелъ евангельскій текстъ, перестаъ быть собственникомъ, но остался „узуфруктаріемъ" или льготнымъ арендаторомъ своего прежняго имѣнія. Все объясняется просто. Живя въ Тагастѣ, въ своемъ родовомъ имѣньицѣ, Августинъ могъ уже раньше питать желаніе отказаться отъ своей собственности. Но чѣмъ жила бы тогда его маленькая община? И вотъ онъ получаетъ отъ одного изъ друзей, богатаго человѣка въ Гип-

понѣ, приглашеніе прибыть туда и обѣщаніе „пренебречь всѣми страстями и приманками земного міра". Тогда Августинъ приводитъ въ исполненіе свою мысль, разстается съ своею собственностью и является „нищимъ" въ Гиппонъ.

Отказываться отъ высказаннаго нами предположенія на томъ основаніи, что настроеніе Августина уже въ Тагастѣ было несовмѣстимо съ обладаніемъ личной собственностью—не приходится въ виду яснаго свидѣтельства самого Августина. Вотъ что̀ онъ писалъ въ самомъ концѣ своего пребыванія въ Тагастѣ своему другу, богатому Романіану: „благочестивое и полное милосердія обладаніе земными благами, если оно сопровождается миромъ и душевнымъ спокойствіемъ, можетъ сдѣлать насъ достойными вѣчныхъ благъ, если, владѣя нашимъ имуществомъ, мы не въ зависимости отъ него, если, умножая его, мы имъ не отягощаемъ нашу душу".

Слова же біографа Поссидія о житьѣ Августина въ Гиппонѣ по образу апостоловъ, у которыхъ „все было общее и каждому давалось на его потребности", съ прибавкою, что Августинъ „и раньше такъ жилъ послѣ того, какъ вернулся изъ-за моря", также не вынуждаютъ насъ признавать, что продажа Августиновской усадьбы состоялась тотчасъ по возвращеніи въ Тагасте, ибо можно допустить, что Августинъ, сохранивъ за собою усадьбу и прилегающую къ ней землю, содержалъ доходомъ съ нея свою маленькую общину.

V.

Проводивъ Августина до монастырскаго порога, мы должны поставить вопросъ, какое же это было монашество, которому онъ себя посвятилъ?—Другими словами, каковъ былъ монашескій идеалъ Августина?

Было время въ его жизни, когда его идеаломъ было египетское отшельничество. По крайней мѣрѣ, мы встрѣчаемъ въ одномъ изъ его сочиненій безусловное прославленіе этого вида монашества. Относящаяся сюда страница была написана Августиномъ вскорѣ послѣ того, какъ его поразилъ и глубоко тронулъ разсказъ о подвижничествѣ св. Антонія и безчисленныхъ обитателей египетской пустыни.

Въ 388 году, въ Римѣ, на возвратномъ пути изъ Медіолана въ Африку, Августинъ, встрѣтившись съ своими прежними единомышленниками, манихеянами, принялся отстаивать вновь обрѣтенную имъ истину противъ ея враговъ и противопоставилъ въ

двухъ книгахъ „обычаи каѳолической церкви“ — „обычаямъ манихеянъ“. Прославляя церковь и указывая на плоды ея ученія, Августинъ обращается къ ней съ слѣдующей краснорѣчивой апострофой: „Поэтому по заслугамъ у тебя такъ много гостепріимныхъ и услужливыхъ, такъ много милосердыхъ, такъ много ученыхъ, такъ много цѣломудренныхъ сыновъ! такъ много пламенѣющихъ любовью къ Богу, что ихъ услаждаетъ даже пустыня съ жизнью полнѣйшаго воздержанія и съ изумительнымъ презрѣніемъ къ сему міру!“ Въ этой любопытной градаціи христіанскаго совершенства, какъ видно, отшельники-пустынники занимаютъ высшую ступень.

Затѣмъ, обращаясь къ манихеянамъ, онъ требуетъ, чтобы они вняли этимъ его словамъ и не дерзали безстыдно похваляться передъ несвѣдущими людьми своими подвигами воздержанія. „То, что я говорю,—восклицаетъ Августинъ,—вамъ хорошо вѣдомо, но вы притворяетесь, будто этого не знаете. Ибо кому же неизвѣстно, что среди христіанъ великое множество людей высокаго воздержанія, и что это число съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возростаетъ въ мірѣ,—въ особенности на Востокѣ и въ Египтѣ,—все это не могло укрыться отъ васъ!“

„Ничего не скажу я о тѣхъ, — продолжаетъ Августинъ,— кто, отдѣлившись совершенно отъ всякаго общенія съ людьми и довольствуясь однимъ хлѣбомъ, который доставляется имъ черезъ извѣстные промежутки, и водою, проживаютъ въ пустыннѣйшихъ мѣстахъ, наслаждаясь бесѣдою съ Господомъ, съ Которымъ они слились [1]) чистыми помыслами, блаженные созерцаніемъ Его красоты, которая можетъ быть постигнута только разумомъ святыхъ. Я ничего о нихъ не скажу: ибо нѣкоторые о нихъ такого мнѣнія, что они отдалились отъ человѣческихъ дѣлъ болѣе, чѣмъ бы слѣдовало; но эти порицатели не разумѣютъ, какую пользу намъ доставляетъ высокій подъемъ духа этихъ отшельниковъ въ нашихъ молитвахъ, а ихъ житье—какъ образецъ для нашей жизни, хотя мы и лишены возможности видѣть ихъ лично. Но споръ объ этомъ я считаю и долгимъ, и излишнимъ. Ибо если кто самъ не видитъ, какъ слѣдуетъ восхвалять и цѣнить столь высокую святость, то какъ могутъ его научить тому мои слова?“

Эта похвала отшельничества безусловна, и намъ непонятно, почему Рейтеръ видитъ въ этомъ мѣстѣ осужденіе „крайнихъ аскетовъ“ со стороны Августина: „они намъ невидимы, — за-

[1]) Inhaeserunt. Inhaerendum Deo—техническій терминъ у Августина для обозначенія высшей степени „контемпляціи“—какъ бы лицезрѣнія въ помыслахъ Господа.

мѣчаетъ Рейтеръ,—и потому не могутъ служить намъ образцами въ жизни"... Августинъ, наоборотъ, осуждаетъ тѣхъ,—и совершенно въ этомъ правъ,—кто думаетъ, что люди, которыхъ мы физически (quorum corpora) не можемъ видѣть, не въ состояніи служить намъ образцомъ въ жизни.

Мысль Августина совершенно ясна изъ послѣдующаго: „Но если это превышаетъ наши силы, то кто откажется почитать и прославлять *тѣхъ*, кто, пренебрегая приманками сего міра и, покинувъ ихъ, собираются для общей цѣломудренной и святой жизни и вмѣстѣ проводятъ вѣкъ въ молитвахъ, чтеніяхъ и преніяхъ, не воздымаясь горделиво, не препираясь строптиво, не блѣднѣя отъ зависти; но скромно, почтительно и миролюбиво ведутъ жизнь во всемъ согласную и устремленную къ Богу. Никто изъ нихъ не имѣетъ чего-либо собственнаго, никто никому не въ тягость. Трудомъ рукъ своихъ они добываютъ то, что служитъ для пропитанія ихъ тѣла и не можетъ отвлечь ихъ мысли отъ Господа. Работу свою они передаютъ тѣмъ, кого называютъ деканами, потому что они поставлены надъ десятью изъ нихъ для того, чтобы никого изъ нихъ не коснулась забота о пищѣ или объ одеждѣ, или о чемъ-либо иномъ, необходимомъ въ ежедневной жизни или въ болѣзни". Эти деканы отдаютъ во всемъ отчетъ тому, кого называютъ *отцомъ*. Сходятся они всѣ изъ своихъ помѣщеній вечеромъ, еще на-тощахъ, чтобы выслушать своего отца, и собираются около этихъ отцовъ не менѣе какъ до трехъ тысячъ людей, а иногда подъ однимъ отцомъ бываетъ и гораздо больше. Выслушиваютъ они отца въ глубокомъ молчаніи, съ напряженнымъ вниманіемъ, выражая свое настроеніе, смотря по содержанію рѣчи говорящаго, вздохами или плачемъ, или же скромною, безшумною радостью.

„Затѣмъ они приступаютъ къ подкрѣпленію тѣла, насколько это нужно для здоровья и спасенія. Поэтому они не только воздерживаются отъ мяса и вина ради укрощенія страстей, но и отъ такой пищи, которая тѣмъ сильнѣе возбуждаетъ аппетитъ, чѣмъ чище она нѣкоторымъ представляется; но смѣшно и позорно защищать подъ такимъ предлогомъ постыдное желаніе отборныхъ яствъ, хотя бы и не мясныхъ".

Это восторженное изображеніе быта египетскихъ общежитій свидѣтельствуетъ о полномъ сочувствіи къ нимъ Августина. Хотя это изображеніе составлено по наслышкѣ и помѣщено въ апологетическомъ сочиненіи, но оно не свидѣтельствуетъ противъ искренности автора. Тѣмъ не менѣе, египетское общежитіе не было или не оставалось идеаломъ самого

Августина. Онъ, правда, признается въ своей „исповѣди“, что „замышлялъ бѣжать въ уединеніе“. Но это была натура слишкомъ общительная, слишкомъ *активная*, чтобы замкнуться въ себѣ; для него, особенно тогда, было слишкомъ много вопросовъ философскихъ и религіозныхъ, требовавшихъ обсужденія и разрѣшенія въ бесѣдахъ съ близкими людьми. Поэтому не уединеніе манило его, а *общежитіе* съ единомышленниками вдали отъ суеты мірской. И онъ устроилъ себѣ такое общежитіе. Какъ онъ говоритъ въ одной изъ своихъ проповѣдей—онъ „отдѣлился отъ тѣхъ, кто любитъ міръ“, онъ покинулъ всѣ мірскія надежды. Но общежитіе въ родномъ Тагастѣ не представляло полнаго разрыва съ міромъ. Тутъ были его родственники; по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, тутъ жила съ нимъ въ общежитіи и его сестра, вдова [1]; тутъ были его сограждане, обращавшіеся къ нему съ своими дѣлами; отцовская усадьба, въ которой онъ жилъ, также связывала его съ ними и съ мѣстными интересами.

Наконецъ онъ порвалъ и эти связи и ушелъ въ чуждый ему Гиппонъ. Тамъ его воображенію рисовалось другое общежитіе, совершенно оторванное отъ міра. Но его предположенія не сбылись. Епископъ Гиппона, Валерій, грекъ по происхожденію и уже пожилой человѣкъ, тяготился своей обязанностью говорить проповѣди. Пріѣздъ Августина въ Гиппонъ подалъ ему мысль привлечь на службу церкви бывшаго профессора риторики въ Карѳагенѣ и Медіоланѣ, благочестіе и ученость котораго были уже извѣстны въ Африкѣ. Узнавъ о желаніи своего епископа и увидѣвъ Августина въ церкви, народъ сталъ, по тогдашнему обычаю, кланяться ему и просить принять на себя священство. Можно повѣрить Августину, что эта просьба была для него неожиданна и взволновала его до слезъ. Отказаться ли ему отъ того, чего онъ достигъ съ такимъ большимъ трудомъ и внутренней борьбой—отъ безмятежнаго состоянія духа, всецѣло направленнаго къ созерцанію высшаго блага съ совершеннымъ забвеніемъ всего земного? Онъ еще такъ недавно сознавалъ и заявлялъ о томъ, что неспособенъ соединять помышленіе о вѣчномъ благѣ и всегдашнюю готовность принять смерть—съ мірскими заботами, что онъ не принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ избранникамъ, которымъ Господь даетъ силу завѣдывать интересами церкви и, однако, въ самой жизни обрѣсти смерть. Августинъ, наконецъ, согласился принять священство — сдѣ-

[1] Bougaud. Hist. de Sainte Monique, p. 87.

латься пресвитеромъ. Но возвращаясь, такъ сказать, въ міръ, чтобы *въ мірѣ* служить Богу, онъ сдѣлалъ попытку и тамъ жить внѣ міра, съ душою свободной отъ связей съ міромъ. Образецъ такой жизни онъ видѣлъ передъ собою въ житьѣ апостоловъ въ Іерусалимѣ, когда они еще не разсѣялись по міру, чтобы проповѣдовать Евангеліе.

Узнавъ о намѣреніяхъ Августина, епископъ Валерій предоставилъ въ его распоряженіе садъ, въ которомъ и возникъ „монастырь".

„И сталъ я собирать, — говоритъ Августинъ, — братьевъ добраго помысла (proposito), равныхъ мнѣ, т.-е. ничего не имѣвшихъ и, подобно мнѣ, отказавшихся отъ того, что имѣли, съ тѣмъ, чтобы намъ жить сообща и чтобы общимъ нашимъ владѣніемъ было обширнѣйшее и богатѣйшее достояніе — самъ Господь".

Объ этомъ монастырѣ и о житьѣ въ немъ Августина у насъ нѣтъ свѣдѣній. Но оно продолжалось недолго. Въ 395 г. умеръ епископъ Валерій, и Августинъ, уже раньше этого, при жизни Валерія, провозглашенный соепископомъ съ разрѣшенія карѳагенскаго митрополита, занялъ мѣсто Валерія. Сдѣлавшись епископомъ, Августинъ признавалъ неудобнымъ для себя оставаться въ монастырѣ, такъ какъ онъ, какъ епископъ, былъ обязанъ не только принимать у себя всѣхъ приходившихъ къ нему, не исключая и женщинъ, но и оказывать гостепріимство пріѣзжавшимъ и проѣзжавшимъ черезъ Гиппонъ. Вслѣдствіе этого Августинъ переѣхалъ въ епископскій домъ, но онъ и тамъ захотѣлъ жить по образцу апостоловъ, и это желаніе стало причиной весьма знаменательнаго историческаго факта. Августинъ устроилъ въ епископскомъ домѣ въ Гиппонѣ монастырское общежитіе для духовенства своего города, и сила его авторитета была такъ велика, что многочисленное духовенство этого города вошло въ составъ этой общины. Эта Августиновская община для духовенства сдѣлалась прототипомъ для возникшихъ въ X-мъ вѣкѣ каноникатовъ, т.-е. общежитій священства при соборныхъ церквахъ. Но еще важнѣе этотъ фактъ по заключающейся въ немъ идеѣ. Это первый проблескъ принципа отвлеченія католическаго духовенства отъ міра и подчиненія его аскетическому, монашескому идеалу, принципа, имѣвшаго такое громадное примѣненіе въ средніе вѣка и сдѣлавшагося подспорьемъ теоретическаго идеала и торжества папства. Устроивая свое скромное общежитіе для духовенства въ Гиппонѣ, Августинъ, конечно, не предусматривалъ всѣхъ заключенныхъ въ этомъ зародышѣ эволюцій. Это

было съ его стороны вожделѣніе этической реформы, а не преобразованіе церковной власти и организаціи.

Объ этомъ монастырскомъ общежитіи для церковно-служителей мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія, благодаря тому, что Августинъ изображаетъ его намъ въ одной изъ своихъ проповѣдей. Въ этомъ общежитіи были духовныя лица всѣхъ степеней: кромѣ самого епископа—въ немъ участвовали пресвитеры, діаконы, поддіаконы. Основнымъ закономъ ихъ жизни было запрещеніе кому-либо изъ членовъ общежитія „имѣть что-нибудь въ личную собственность"; все, что они приносили съ собою или получали, должно было сдѣлаться достояніемъ общины. Но это было легче формулировать, чѣмъ осуществить и поддерживать. На практикѣ приходилось дѣлать уступки, претерпѣвать отступленія. Бывали случаи, что поступавшій еще не былъ выдѣленъ изъ семьи, или владѣлъ отцовской землей совмѣстно съ братьями, или у него была жива мать, положеніе и волю которой надо было принять во вниманіе. Въ проповѣди, гдѣ Августинъ даетъ отчетъ народу о своемъ общежитіи и оправдываетъ членовъ его противъ дошедшихъ до него подозрѣній и нареканій, онъ подробно выясняетъ нѣкоторые подобные случаи и причины, побудившія его не настаивать до поры до времени на буквальномъ исполненіи общаго правила.

Но бывали случаи болѣе затруднительные и болѣе способные повредить доброй славѣ общины. Въ ней былъ, напр., пресвитеръ Януарій, которому при поступленіи было разрѣшено удержать извѣстную сумму денегъ, такъ какъ, по его словамъ, она принадлежала его малолѣтней дочери, воспитывавшейся въ женскомъ монастырѣ. Но передъ смертью Януарій распорядился деньгами, какъ своею собственностью, и отказалъ ее церкви, хотя у него оставался сынъ. Августинъ запретилъ церкви принять пожертвованіе и приказалъ сохранять его для дѣтей до ихъ совершеннолѣтія.

Изъ этого вышелъ процессъ между сестрой и братомъ; сестра говорила, что деньги—ея, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что отецъ это говорилъ при жизни: братъ утверждалъ, что отецъ не сталъ бы лгать въ минуту смерти,—слѣдовательно, деньги принадлежали отцу и, вслѣдствіе того, что церковь отъ нихъ отказалась, должны перейти къ нему. Процессъ еще не былъ разрѣшенъ.

Многіе не одобряли поступка Августина и жаловались, что поэтому никто и не жертвуетъ гиппонской церкви, никто не дѣлаетъ ее по завѣщанію наслѣдницей, что епископъ по добротѣ

своей—„этимъ меня хотятъ уязвить“, замѣчаетъ Августинъ,—все отдаетъ, ничего не принимаетъ. Августинъ на это отвѣчаетъ, что онъ поступилъ такъ, во-первыхъ, потому, что осуждалъ завѣщаніе Януарія, во-вторыхъ, потому, что у него такъ положено. „Я охотно принимаю хорошія, святыя пожертвованія. Но если кто въ гнѣвѣ на своего сына при смерти лишаетъ его наслѣдства, то еслибы онъ остался живъ, развѣ я не сталъ бы его мирить съ сыномъ? Какъ же я могу добиваться наслѣдства этого сына? Пусть поступаютъ такъ: если у кого одинъ сынъ, то пусть онъ Христа признаетъ въ своемъ завѣщаніи вторымъ сыномъ; если у кого десять сыновей, пусть признаетъ Христа одиннадцатымъ“.

Случай съ Януаріемъ долженъ былъ навести на мысль, что и другіе члены общины, можетъ быть, обходятъ законъ и обладаютъ частною собственностью. „Никому это не дозволено,—восклицаетъ Августинъ, — если кто обладаетъ, то дѣлаетъ незаконное. Но я добраго мнѣнія о своихъ братьяхъ и, довѣряя имъ, всегда воздерживался отъ справокъ, ибо даже спрашивать ихъ я считалъ выраженіемъ недовѣрія къ нимъ. Я зналъ и знаю, что всѣмъ живущимъ со мною извѣстно наше рѣшеніе, извѣстенъ законъ нашей жизни“.

Но отсюда возникали другія затрудненія и другіе вопросы: обязателенъ ли такой законъ для всѣхъ церковнослужителей Гиппона, и если кто изъ нихъ вступилъ въ общежитіе, то обязанъ ли навсегда сохранять добровольно возложенный на себя законъ?

Сначала Августинъ безусловно держался утвердительнаго рѣшенія этихъ вопросовъ. Онъ объявилъ, что никого не посвятитъ въ церковнослужители, кто не захочетъ жить съ нимъ въ его общежитіи, а если кто затѣмъ откажется отъ своего рѣшенія, то лишитъ его духовнаго званія—клериката. Но случай съ Януаріемъ, повидимому, побудилъ его отказаться отъ этого способа дѣйствія и объявить публично въ церкви, что если кто-либо изъ его церковнослужителей желаетъ имѣть частную собственность, не довольствуясь Господомъ и церковью, то пусть живетъ гдѣ хочетъ,—онъ не лишитъ ихъ духовнаго званія. Не лишитъ потому, что не желаетъ имѣть лицемѣровъ. Конечно, очень дурное дѣло отказаться отъ обѣта, отпасть отъ святой общины; но еще хуже лицемѣрить. А еслибы онъ такого отказавшагося лишилъ званія, то онъ нашелъ бы немало покровителей, которые стали бы и передъ нимъ, и передъ другими епископами ходатайствовать за него; они говорили бы въ его

защиту: что же онъ дурного сдѣлалъ? онъ не могъ вынести такой жизни. Конечно, такой человѣкъ уже потерялъ половину своего достоинства; взявъ на себя два обѣщанія—святость жизни и клерикатъ, и отказавшись отъ первой, онъ наполовину палъ. Но Господь ему судья. Утративъ клерикатъ, онъ совсѣмъ бы палъ, или бы остался, но сталъ бы лицемѣромъ. Но, давъ выходъ тѣмъ клерикамъ, которымъ было непосильно жить безъ собственности, Августинъ счелъ себя вправѣ отнестись строже къ тѣмъ, кто захотѣлъ бы, оставаясь членомъ общины, не соблюдать ея закона. Такимъ онъ грозитъ безпощаднымъ лишеніемъ духовнаго званія; такимъ онъ не дозволитъ дѣлать завѣщанія, но вычеркнетъ ихъ изъ списка клериковъ. Пусть они взываютъ противъ него къ тысячѣ соборовъ, пусть поѣдутъ за море жаловаться на него, куда хотятъ; „Богъ мнѣ поможетъ: тамъ, гдѣ я буду епископомъ, имъ не придется быть клериками".

Такова одна сторона общежитія Августина: отсутствіе частной собственности, обращеніе ея въ общую. Другая сторона касалась распредѣленія этой собственности или доходовъ съ нея между ея членами. Въ этомъ вопросѣ Августинъ руководился принципомъ, установленнымъ апостольскимъ житіемъ: каждому давалось по потребностямъ его. Какъ это осуществлялось на практикѣ, объ этомъ мы не имѣемъ свѣдѣній. Нужно думать, что опредѣленіе размѣра потребностей каждаго было предоставлено епископу.

Съ такой точки зрѣнія Августинъ относится и къ приношеніямъ прихожанъ. Онъ проситъ ихъ дѣлать подарки не отдѣльнымъ лицамъ, а общинѣ. Изъ такихъ общихъ приношеній каждому будетъ дано, что ему нужно. Онъ и самъ не хочетъ быть исключеніемъ, и проситъ не посылать ему, напримѣръ, дорогой рясы [1]). Еслибы она и была къ лицу епископу, то не будетъ къ лицу Августину, человѣку бѣдному и бѣднаго происхожденія. Если хотятъ прислать ему рясу, то пусть пришлютъ такую, какую онъ могъ бы дать брату, еслибы тотъ нуждался въ ней, такую, какую бы могъ носить пресвитеръ, діаконъ или поддіаконъ: „ибо если я что-либо принимаю, то принимаю какъ общее приношеніе". Если ему пришлютъ рясу болѣе дорогую, то онъ ее продастъ и деньги отдастъ бѣднымъ. Если хотятъ, чтобы онъ самъ ее носилъ, то пусть пришлютъ такую, которую онъ могъ бы надѣть, не краснѣя за свое званіе, за свою сѣдину. Въ концѣ онъ прибавляетъ, что если въ общинѣ будутъ больные или выздоравли-

[1]) Byrrhum—подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть верхнюю шерстяную или шолковую рясу, надѣвавшуюся въ непогоду.

вающіе, которымъ нужно подкрѣпленіе пищею до общаго обѣда, то онъ не запрещаетъ посылать такимъ что угодно; обѣдъ же и ужинъ внѣ очереди никому не будетъ предоставленъ.

VI.

Послѣ всѣхъ этихъ указаній мы можемъ отвѣтить на поставленный выше вопросъ, какая роль принадлежитъ Августину въ исторіи сѣверо-африканскаго и западно-европейскаго монашества? Вопросъ этотъ долго затемнялся традиціоннымъ стремленіемъ преувеличивать роль Августина въ этомъ отношеніи. Этому затемнѣнію содѣйствовала самая сбивчивость терминологіи. Недавно заимствованное у грековъ слово „монастырь" употреблялось при Августинѣ весьма различно. Монастыремъ называется у Сульпиція Севера одинокое поселеніе монашествующихъ на берегу моря около пресвитера небольшой церкви; монастырями называются общины монаховъ, на островѣ Капраріи или въ Адруметѣ съ организаціей, похожей на позднѣйшіе монастыри; монастыремъ, наконецъ, называется община священнослужителей, собранная Августиномъ около себя, когда онъ сталъ епископомъ, на подобіе апостольской общины въ Іерусалимѣ. При этой сбивчивости терминологіи, разсказъ ближайшаго біографа Августина, Поссидія, вводилъ въ заблужденіе позднѣйшихъ изслѣдователей. По свидѣтельству самого Августина, онъ учредилъ *двѣ* монашествующія общины: монастырь, который былъ имъ устроенъ „для братьевъ", по прибытіи въ Гиппонъ, въ саду, подаренномъ ему епископомъ, и общину *церковнослужителей* въ епископскомъ домѣ. Поссидій же не различаетъ этихъ двухъ учрежденій, а разсказываетъ, что Августинъ, сдѣлавшись пресвитеромъ, тотчасъ устроилъ при церкви монастырь, гдѣ жилъ со слугами Божіими по чину и правилу св. апостоловъ, и затѣмъ далѣе сообщаетъ, что люди, служившіе Богу подъ началомъ св. Августина въ монастырѣ, стали посвящаться въ клерики; а когда этотъ монастырь, благодаря „тому замѣчательному мужу, сталъ рости и славиться", изъ него „стали брать епископовъ и клериковъ", съ помощью которыхъ „было начато и достигнуто единеніе церкви", т.-е. африканской. „Ибо,—продолжаетъ Поссидій,—около десяти святыхъ и почтенныхъ мужей, цѣломудренныхъ и ученѣйшихъ, которыхъ я самъ знаю, Августинъ далъ оттуда различнымъ церквамъ". Поссидій прибавляетъ къ этому, что эти лица, и съ своей стороны руководясь такимъ же священнымъ рвеніемъ, сами устроивали

монастыри. Въ концѣ же своей біографіи Поссидій, прославляя Августина, говоритъ, что онъ оставилъ церкви „духовенство многочисленное (sufficientissimum) и мужскіе, и женскіе монастыри, полные людей, въ цѣломудріи жившихъ съ своими настоятелями“. Эти послѣднія слова, можно думать, заключаютъ въ себѣ не столько фактическія свѣдѣнія, сколько похвалу, обычную въ житіи. Но несомнѣнно, что Поссидій зналъ учрежденный Августиномъ „монастырь“ лишь въ его позднѣйшей формѣ—въ видѣ общины церковнослужителей. Сохранился ли при этомъ тотъ первоначальный монастырь, который состоялъ изъ монаховъ-мірянъ въ противоположность къ посвященнымъ клерикамъ, мы не знаемъ. Если и сохранился, то очевидно ничѣмъ не выдавался, иначе Поссидій не умолчалъ бы о немъ. Отсюда слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что устроенная Августиномъ-епископомъ „община“, ставшая разсадницей подобныхъ общинъ, была не монастыремъ въ общепринятомъ смыслѣ слова, а общежитіемъ церковнослужителей на аскетическомъ началѣ, какъ это правильно призналъ и Ферреръ [1]). А потому нужно видоизмѣнить въ этомъ смыслѣ традиціонное утвержденіе, что Августинъ содѣйствовалъ возникновенію въ Африкѣ „монастырей“.

На самомъ дѣлѣ, идеаломъ Августина было не египетское отшельничество, которое онъ такъ восхвалялъ, когда былъ еще новичкомъ въ церкви, и не современное ему монашество, какъ онъ его зналъ въ обширныхъ монастыряхъ Карѳагена и Адрумета,—а апостольское общежитіе, какъ оно описано въ Дѣяніяхъ Апостоловъ,—и вотъ это-то житіе онъ старается привить своимъ примѣромъ африканскому духовенству. Не о томъ заботился онъ, чтобы увлечь большія массы людей изъ міра, собирая ихъ въ монастыряхъ, а болѣе о томъ, чтобы вдохнуть въ духовенство духъ аскетизма и подвижничества, поднять его надъ міромъ и сдѣлать его способнымъ руководить мірянами на пути къ „царству Божію“.

Сказанное здѣсь легко подтвердить. За всю сорокалѣтнюю дѣятельность Августина намъ почти неизвѣстны факты, свидѣтельствующіе объ его стараніяхъ увеличивать число монастырей, привлекать благотворителей къ ихъ учрежденію или обогащенію, — что, при его громадномъ авторитетѣ и большихъ связяхъ, было бы не такъ трудно. Объ этомъ же, такъ сказать, пассивномъ отношеніи къ монастырямъ косвенно свидѣтельствуетъ и обширная переписка Августина. Въ этомъ памятникѣ, ярко

[1]) Ferrère, La situation religieuse de l'Afrique Romaine, стр. 40.

освѣщающемъ *всѣ* стороны многообразной дѣятельности Августина, можно указать только три письма, имѣющихъ отношеніе къ монашеству, и всѣ они вызваны случайнымъ обстоятельствомъ. Кромѣ письма отъ 398 г. къ иноземному игумену на Капраріи, мы находимъ среди писемъ Августина, лишь написанное двадцать-пять лѣтъ спустя письмо его къ аббату въ Адруметѣ, вызванное движеніемъ въ этомъ монастырѣ въ пользу пелагіанства, и посланіе, обращенное незадолго до смерти къ монахинямъ монастыря, игуменьей котораго была его покойная сестра—по поводу возникшихъ тамъ волненій. Но всего важнѣе въ данномъ вопросѣ положительный интересъ, обнаруженный Августиномъ, къ попыткѣ собрать приходское духовенство въ монастырское общежитіе и подчинить его дисциплинѣ аскетической организаціи. Эта попытка въ высшей степени характерна для личности Августина и является важнымъ симптомомъ дальнѣйшей эволюціи католицизма. Мотивы этой попытки со стороны Августина могли быть очень различны. Немалую въ этомъ случаѣ роль играло личное положеніе Августина. Сдѣлавшись клерикомъ, сначала пресвитеромъ, вслѣдъ затѣмъ епископомъ, онъ не могъ скрыться въ толпѣ монаховъ, чтобы умереть евангельской смертью, какъ онъ раньше мечталъ; онъ принужденъ былъ остаться въ мірѣ, чтобы блюсти интересы церкви; но потребность аскетизма побудила его и въ духовномъ санѣ сохранить обстановку апостольскаго общежитія. Повліяло, конечно, и положеніе Африки, страдавшей отъ глубокаго религіознаго раздора, требовавшаго для своего исцѣленія сильнаго нравственнаго подъема православнаго духовенства. Можетъ быть, не осталась безъ вліянія и идея „избранниковъ“, съ которой такъ освоился Августинъ еще въ манихействѣ и которая потомъ такъ ярко проявилась въ его догматѣ о предопредѣленіи. Но главное объясненіе взгляда Августина на монашество нужно, повидимому, искать въ его отношеніи къ церкви. Идея монашества была подчинена Августиномъ идеѣ церкви, въ которой онъ видѣлъ проявленіе царства Божьяго на землѣ. Было время, когда Августинъ увлекался монашествомъ, какъ полнымъ осуществленіемъ идеи отрѣшенія отъ міра ради вѣчнаго царства. Тогда онъ готовъ былъ защищать монаховъ противъ упрека, что они не служатъ интересамъ церкви. Но взглядъ его измѣнился при знакомствѣ съ дѣйствительнымъ положеніемъ церкви—по крайней мѣрѣ въ Африкѣ, въ борьбѣ съ язычествомъ и донатистами. Его страстное желаніе найти успокоеніе души отъ всѣхъ вопросовъ и дѣлъ, вносившихъ въ нее смуту, стало тогда уступать сознанію христіанскаго долга—при-

нести этотъ покой души въ жертву потребностямъ церкви, искать вмѣсто индивидуальнаго спасенія—спасенія другихъ. Уже въ 398 году онъ писалъ аббату и монахамъ монастыря, на пустынномъ островѣ Капраріи: „Не предпочитайте вашъ покой нуждамъ церкви, ибо если никто изъ лучшихъ людей не захочетъ ей служить, то исчезнетъ и самая возможность для нея порождать ихъ“... „Если мать ваша, церковь, пожелаетъ вашей помощи, то не отвергайте ея въ лѣнивой нѣгѣ, но окажите ее безъ назойливаго усердія“. Желая избѣгнуть двухъ крайностей—полнаго равнодушія монаха къ тому, что творится за стѣнами монастыря,—и мірского служенія церкви, Августинъ нашелъ выходъ въ призваніи духовенства къ апостольскому житію. Отрѣшившіеся отъ семьи и собственности клерики, собранные въ братскую общину, они осуществляли для него идеалъ отреченія отъ міра, въ тоже время осуществляя другой идеалъ—служенія царству Божію.

Итакъ, апостольское общежитіе, а не монастырь, соотвѣтствуетъ аскетическому воззрѣнію Августина; и о томъ, что это воззрѣніе не вмѣщалось въ монашескомъ типѣ, свидѣтельствуетъ не только его личное отношеніе къ монастырскому вопросу, но и всѣ его теоретическія разсужденія, всѣ его размышленія и совѣты — однимъ словомъ, всѣ сочиненія, касающіяся этого вопроса.

В. Герье.

МИНОТАВРЪ

ПОВѢСТЬ

I.

Въ будочку съ сидѣньемъ и доской, вродѣ столика, проникаетъ вѣтерокъ, но такой мягкій и ласкающій...

Наканунѣ держался суровый день съ сѣвернымъ вѣтромъ: море лежало темно-стальное, съ широкими и задорными „барашками"; а сегодня, съ утра, небо точно затянуто легкой дымкой, и вѣтерокъ—съ запада.

Наклонившись надъ столикомъ будочки, молодая женщина, въ бѣлой холщевой шляпѣ и ватерпруфѣ—длиннымъ халатомъ,—что-то заноситъ въ записную книжку изъ толстаго тома, лежащаго тутъ же.

Этой женщинѣ не больше двадцати-пяти лѣтъ. Лицо худощавое, очень выразительное, съ глубокими глазами; на лобъ надвинуты темно-каштановые волосы, уже обсохшіе послѣ купанья.

Тонкими пальцами крупной руки, съ однимъ обручальнымъ кольцомъ, она держитъ карандашъ и быстро-быстро пишетъ, заглядывая въ толстую книгу.

Привычнымъ движеніемъ она прикоснулась карандашомъ къ щекѣ, около рта, и перестала писать.

Прищуривъ немного глаза, она глядѣла впередъ, на берегъ, на полосу—въ эту минуту—зеленоватаго моря, на то, что дѣлалось на прибрежьѣ.

Было около одиннадцати часовъ утра.

Вдали движется парусъ; справа—длинные мостки купальни, уходящіе въ море. На пескѣ группами лежатъ купальщики, уже одѣтые, больше женщины. Дѣти бѣгаютъ босикомъ, роютъ ямки, кричатъ, смѣются. Изрѣдка проходятъ мужскія фигуры, по самой окраинѣ воды, гдѣ песокъ прибитъ, и ходятъ по немъ, точно по мягкому ковру.

Въ четырехъ саженяхъ отъ нея лежитъ на пескѣ цѣлое общество: три женщины, трое мужчинъ и трое дѣтей. Всѣ валяются. Лицомъ къ ней развалилась, на боку, толстая дама, безъ шляпки, и бьетъ себя ладонью по огромному бедру. Спинами сидятъ двѣ другія, въ шляпкахъ и туалетахъ съ большой претензіей. Одна изъ нихъ безъ устали болтаетъ, рѣзко, картаво. Ея болтовня давно уже раздражаетъ молодую женщину, работающую въ будкѣ.

Двое дѣтей, съ такимъ же картавымъ говоромъ, какъ у ихъ матери, возятся въ пескѣ, смѣются и взвизгиваютъ.

Молодую женщину въ будкѣ зовутъ Марья Денисовна Астахова.

Они—съ мужемъ—уже второй мѣсяцъ живутъ на взморьѣ. Будочка принадлежитъ ихъ дачкѣ, вонъ, тамъ, на подъемѣ, позади двухъ сосенъ, со скамьей.

Марья Денисовна, каждый день, въ эти утренніе часы работы, видитъ передъ собою столько празднаго народа.

Отъ чего отдыхаютъ всѣ эти дамы и дѣвицы? Отъ какихъ трудовъ? И о чемъ идетъ у нихъ эта безконечная, чисто „бабья“ болтовня?

Сколько она ни прислушивается—здѣсь, на взморьѣ, въ курзалѣ, на музыкѣ, по дорожкамъ парка—къ разговору женщинъ, особенно между собою, безъ участія мужского элемента,—какой все это печальный вздоръ!

Просто краснѣешь за такихъ особъ своего пола. А ихъ тысячи, десятки тысячъ вездѣ, всегда—и у насъ, и за границей!

Ей вспоминаются заграничные табльдоты. Боже мой, что за пустѣйшій разговоръ у всѣхъ—нѣмокъ, англичанокъ, итальянокъ! Что за манія тщеславія у француженокъ! Кто бы она ни была, у нея одна забота: рядиться и пускать въ ходъ всѣ свои штучки—все равно, маркиза она или профессіональная кокотка.

Позади мужской группы, на пескѣ, присѣли двѣ дѣвицы въ бѣлыхъ корсажахъ, яркихъ юбкахъ и мужскихъ картузахъ, на одной—парусинный, на другой—синій, съ какимъ-то значкомъ на околышѣ.

Астахова прослѣдила ихъ взглядомъ, и усмѣшка повела ея красивый, свѣжій ротъ.

„Что за шутовство!“—почти вслухъ выговорила она.

„И ничего-то не можемъ мы выдумать своего,—думала она.—Вѣчно обезьянство съ мужчинъ. И то, что у тѣхъ толково и практично, то у нашей сестры смѣшно, неудобно, нелѣпо“.

Обѣ дѣвицы—полныя и волосастыя, съ огромными шиньонами, у одной изъ черныхъ, у другой изъ рыжеватыхъ волосъ. Картузы торчатъ у нихъ на носу—ни красы, ни смысла!..

Къ толстухѣ, лежащей бокомъ, на спинѣ, подбѣжали еще двое дѣтей—дѣвчонка съ цѣлой гривой черныхъ волосъ, въ засученныхъ кальсонахъ, и мальчуганъ, съ такими же обнаженными икрами. Дѣвочка выкрикивала все одинъ какой-то звукъ, пронзительно и задорно.

Ее никто не унималъ.

Здѣсь—дѣтское царство. Они должны запасаться здоровьемъ.

Нѣкоторыя дѣти, какихъ она встрѣчаетъ здѣсь—милы, особенно маленькія, лѣтъ отъ двухъ до пяти. Дѣвчонки-подростки—уже съ манерами—глупо разряжены.

И она сама была такимъ же противнымъ подросткомъ. Ее водили „какъ куколку“; у нея былъ уже флёртъ съ гимназистами и кадетами. Потомъ все это слетѣло съ нея къ шестому классу гимназіи.

Дѣти дѣлаются ей какъ бы въ тягость и вчужѣ.

Не оттого ли, что у нихъ съ мужемъ нѣтъ своихъ? Вѣроятно, и не будетъ. Они женаты уже больше трехъ лѣтъ; осенью минетъ ровно четыре года.

Дѣти—обуза; но они же и живой, непрерывный интересъ. Безъ нихъ возишься все съ самимъ собою. Нѣтъ главной „диверсіи“; нѣтъ того устоя, который не позволяетъ вамъ эту возню съ собственнымъ „я“.

Молодая женщина совсѣмъ отложила карандашъ и даже захлопнула записную тетрадь.

Вотъ и эта „работа“, которую она добросовѣстно исполняетъ по утрамъ, послѣ чая и купанья... дѣлаетъ ли она свои выписки съ увѣренностью, что изъ этого выйдетъ толкъ?

Съ какой трепетной радостью взялась она помогать мужу.

Это было еще въ прошломъ году.

Онъ поступилъ на службу; но не оставлялъ идеи писать магистерскую диссертацію. При университетѣ его не оставили потому только, что онъ не хотѣлъ заискивать, да, вдобавокъ, имѣлъ съ однимъ профессоромъ нервный разговоръ.

Онъ поручилъ ей дѣлать переводныя выписки изъ множества книгъ—на четырехъ языкахъ. Она могла бы переводить и съ

итальянскаго. Вѣдь она блистательно кончила на словесномъ отдѣленіи женскихъ курсовъ, мечтала и сама о спеціальномъ сочиненіи по средневѣковой исторіи.

Эти мечты были прерваны ея любовью и потомъ—замужствомъ.

Выходъ замужъ затянулся. Пришлось бороться съ отцомъ. Мама была въ ихъ „заговорѣ"; но отецъ почему-то сразу невзлюбилъ Астахова, называлъ его презрительно офицерскимъ словомъ „брандахлыстъ", считалъ и фатомъ, и „пустельгой", и „флюгаркой", не признавалъ въ немъ никакихъ задатковъ серьезнаго ученаго.

Отецъ имѣлъ право смотрѣть на себя, какъ на „образцово-работоспособнаго" спеціалиста. Онъ учился въ двухъ академіяхъ—артиллерійской и инженерной, и всю жизнь провелъ въ коммиссіяхъ и комитетахъ, какъ ученый дѣлопроизводитель.

Мать знала, что у Маши—тайный романъ. Она видалась съ Астаховымъ у подругъ, въ театрахъ, въ концертахъ, иногда даже на улицѣ или въ Лѣтнемъ саду. Онъ пересталъ бывать послѣ какой-то язвительной фразы отца.

И такъ шло больше полугода.

Отецъ внезапно заболѣлъ, и черезъ три недѣли его не стало.

Передъ потерей сознанія онъ подозвалъ ее къ постели и сказалъ:

— Маша, теперь ты можешь поступить по-своему. Ты—умница; но ты женщина: эмоціи преобладаютъ у васъ надъ идеями. Избранникъ твоего сердца—не мой идеалъ. Можетъ... я ошибался... Извини.

Эти предсмертныя слова отца, въ послѣднее время, все чаще и чаще приходятъ на память...

Ея „Ваня"—съ нею все тотъ же; но самъ по себѣ, какъ человѣкъ, намѣтившій себѣ дорогу—давно смущаетъ ее.

И она не можетъ работать *съ убѣжденіемъ*, какъ его сотрудница, потому что она теряетъ вѣру въ то, что его диссертація—не пустой звукъ. Онъ самъ пересталъ изучать „первоисточники", и то, что онъ ей поручаетъ переводить, кажется ей только „отводомъ глазъ", точно ему самому передъ ней совѣстно, и онъ только выигрываетъ время.

Чиновника изъ него тоже не выйдетъ. Службой онъ не интересуется, хотя въ томъ мѣстѣ, куда онъ поступилъ, работа не канцелярская, а литературная, все равно, что въ какой-нибудь редакціи.

Но ему давно уже „скучно". Онъ считаетъ такую ученую

службу „толченіемъ воды въ ступѣ“ и безпрестанно говорить о тѣхъ „чинушкахъ“, которые умничаютъ надъ Россіей и плодятъ безчисленные законопроекты, докладныя записки и циркуляры.

Въ немъ еще идетъ броженіе. Сколько мозговыхъ увлеченій могла бы она насчитать у него съ тѣхъ поръ какъ они женаты. Полгода—одно, два мѣсяца—другое, потомъ—третье, четвертое.

И каждый разъ припоминаются ей безпощадныя клички покойнаго отца: „флюгарка“, „дилеттантишка“, „франтъ“.

Онъ не *франтъ*, то-есть, не фатъ въ обыкновенномъ смыслѣ; но тѣхъ „устоевъ“, какіе нужны для настоящаго ученаго, въ немъ рѣшительно нѣтъ.

„Но что же есть?“—спросила она себя впервые только полгода назадъ, зимой, послѣ того какъ прошла у него писательская полоса.

Есть какая-то общая даровитость и, главное, импульсивность.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, нашла на него, вдругъ, полоса стихотворства.

Правда, онъ и прежде писалъ стихи... еще въ гимназіи. Но студентомъ бросилъ, нашелъ, что это—„нелѣпая претензія“ и „зудъ къ риѳмоплетству“.

И этотъ „зудъ“ опять проснулся. Теперешнее *повѣтріе* на стихи пахнуло и на него. Всѣ пишутъ; поползли, какъ грибы послѣ дождя, поэты въ разныхъ родахъ. Книжный рынокъ заваленъ книжками съ портретами авторовъ и безъ портретовъ, съ курьезными виньетками и небывалыми посвященіями, съ самыми изысканными размѣрами.

И всѣ эти книжки находятъ себѣ читателей. На нѣкоторыхъ она сама видѣла: второе, третье изданіе.

И онъ сталъ писать по ночамъ. Сначала стыдился, потомъ читалъ ей... больше наизусть.

Она слушала, находила, что это звучно, искренно, нервно, иногда очень красиво... но неоригинально. Вводить его въ самообманъ она не считала честнымъ, но и не запугивала его.

Онъ самъ охладѣлъ,—и въ какихъ-нибудь полгода. Ни одного стихотворенія онъ не снесъ въ редакцію, пересталъ читать ей вслухъ свои вещи, но пристрастился къ декламаціи. Отъ лирическихъ вещей переходилъ къ художественной прозѣ, къ драматическимъ сценамъ.

Этой новой „полосѣ“ она скорѣе порадовалась. Это поддерживало въ немъ интересъ къ литературѣ. Но службой онъ сталъ

уже явно тяготиться. Дома—работа надъ подготовкой къ диссертаціи глохла, о приготовленіи къ устнымъ экзаменамъ почти и рѣчи не было.

Точно онъ спускался по наклонной плоскости. Декламація повела еще къ новой полосѣ. Теперь если онъ не ушелъ въ нее съ головой, то близокъ къ этому.

Зимой онъ выступалъ въ одномъ любительскомъ спектаклѣ, и его вызывали до десяти разъ.

Съ молодой актрисой казенной сцены—изъ тѣхъ, кому не даютъ ходу годами—онъ сразу рискнулъ сыграть Самозванца въ „Сценѣ у фонтана“.

Всѣ женщины—и старыя, и молодыя, какія были въ залѣ—пришли въ волненіе.

Такого интереснаго любителя давно нигдѣ не видали на любительскихъ подмосткахъ.

Въ польскомъ костюмѣ изъ темнаго бархата, въ шапкѣ съ перомъ, въ цвѣтныхъ сапогахъ, съ откидными рукавами богатаго кунтуша—ея Ваня казался со сцены настоящимъ красавцемъ. Онъ долженъ былъ сбрить бородку и усы, чтобы получить историческій обликъ Димитрія съ характерной бородавкой. Его волосы съ золотистымъ оттѣнкомъ пришлись очень кстати. И въ дикціи у него было что-то отрывисто-смѣлое, съ какимъ-то легкимъ акцентомъ.

О немъ писали въ двухъ листкахъ мелкой прессы. Одинъ изъ репортеровъ нашелъ, что „господинъ Ардатовъ—его псевдонимъ на афишѣ—выказалъ для любителя, впервые игравшаго публично, недюжинный талантъ и художественную заботу о вѣрности внѣшняго вида и тона“.

И тутъ была правда—она должна съ этимъ согласиться. Но этотъ клубный тріумфъ ударилъ ее въ сердце. Она даже не бросилась за кулисы поздравлять, а сидѣла въ креслѣ, разстроенная. Кто-то изъ знакомыхъ мужчинъ подсѣлъ къ ней и сталъ тащить на сцену.

Ваня обнялъ ее, блѣдный и трепетный. Она его поцѣловала, но ей захотѣлось плакать. Не глупое бабье предчувствіе, а совершенно ясная „интуиція“ подсказывала ей, что этотъ вечеръ—фатальный.

Съ тѣхъ поръ въ немъ копошится новый червякъ. Онъ только и говоритъ, что о театрѣ. Постомъ онъ прямо „безумствовалъ“, когда пріѣзжала московская труппа, ходилъ каждый вечеръ, дежурилъ у кассы, тратилъ на барышниковъ, со всѣми вступалъ въ горячіе споры о „театрѣ настроенія“.

Это слово—„настроеніе“—сдѣлалось для нея невыносимымъ. Она его слышитъ всюду, читаетъ вездѣ. Оно стало такъ же ужасно, отъ безсмысленнаго повторенія, какъ жаргонныя слова: „обязательно“ и „безумно“.

„Чтò это такое?“—десятки, сотни разъ спрашивала она и никогда не получала толковаго отвѣта. И онъ не можетъ дать хорошаго объясненія.

Одно она знаетъ: прежде играли и писали *хорошо* или *скверно*; а теперь можно играть и писать всячески, но чтобы непремѣнно „съ настроеніемъ“.

И это повѣтріе чего-то субъективнаго, шалаго, почти всегда безъидейнаго—виситъ въ воздухѣ. Отъ него никуда не уйти такимъ „эмоціональнымъ“ натурамъ, какъ ея мужъ.

Мужъ!

Развѣ это—все? Ея Ваня дорогъ ей не потому только, что она его законная супруга, носитъ его имя, можетъ стать матерью его дѣтей.

Чтò же хитрить? До сихъ поръ она влюблена въ него, въ его милую наружность, въ тонъ, въ манеры, въ голосъ, въ то, чтò привлекаетъ женщину.

А онъ?

Марья Денисовна вся немного захолодѣла, выговоривъ про себя этотъ вопросъ.

Впервые ли онъ приходитъ ей?

Кажется, уже не впервые.

Она не считаетъ себя ревнивой. До сихъ поръ не было поводовъ. Нѣтъ ихъ и въ настоящую минуту; но она чувствуетъ не съ вчерашняго дня, что ея „возлюбленный“ уходитъ отъ нея куда-то, уходитъ не отъ одной ея, а отъ того, чтò считалъ не такъ давно своимъ высшимъ интересомъ, къ чему готовился, въ чемъ она была бы ему не только сочувственницей, но и вѣрнымъ товарищемъ и сотрудникомъ.

Марья Денисовна схватилась за часы, висящіе на ея кушакѣ.

— Господи! Половина двѣнадцатаго!—почти громко воскликнула она и стала сбираться домой.

Вѣдь сегодня у нихъ завтракаетъ товарищъ Вани, Верёскинъ—учитель гимназіи, пріѣхавшій сюда, на дняхъ. Можетъ, и еще кто подойдетъ.

Кухарка у нихъ здѣшняя, изъ чухонокъ, довольно хорошая, но упрямая, все дѣлаетъ по своему. Надо присмотрѣть. Завтракъ къ половинѣ перваго; а до ихъ дачки ходу все-таки минутъ десять.

Она уложила толстую книгу и записную тетрадь въ портфель и пошла скорыми шагами, сначала по песку, потомъ по длиннымъ дощатымъ мосткамъ вверхъ, къ одному изъ переулковъ.

Порядочно запыхалась она, подходя къ ихъ дачкѣ, въ глубинѣ большого двора, на самой дюнѣ.

Они называли ее „избушкой на курьихъ ножкахъ".

Съ наружной террасы, выходящей къ морю, уже доносились голоса ея мужа и его товарища — голосъ мужа, низковатый, очень пріятный баритонъ, нѣсколько пѣвучій, и тенорокъ Верёскина, съ жестковатой, чисто петербургской скороговоркой; а у Вани тонъ мягкій, подмосковный—онъ родомъ изъ тульской губерніи и родился въ помѣщичьей усадьбѣ.

Она прошла сначала на кухню. Луиза мастерила, какъ разъ, то кушанье, изъ-за котораго у нихъ былъ сильный споръ.

— Простите! Хозяйка немного запоздала.

— Ничего!—откликнулись разомъ на ея возгласъ и мужъ, и гость.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сыгралъ Самозванца, Астаховъ брѣется и лицо его, безъ усовъ и бороды, стало чрезвычайно моложавымъ—немного блѣдное, съ красивымъ, мягкимъ оваломъ; темные глаза выступаютъ еще рельефнѣе отъ свѣтлыхъ волосъ съ золотистымъ отливомъ.

И его станъ — стройный и рослый — рядомъ съ низменной фигурой его товарища, съ огромной курчавой головой и загорѣлымъ некрасивымъ лицомъ, выигрываетъ чрезвычайно.

Учитель былъ въ парусинномъ пиджакѣ и шолковой рубашкѣ съ повязушками, по провинціальной модѣ.

— Въ половинѣ перваго все будетъ готово!—успокоительно выговорила Марья Денисовна и тотчасъ же оглядѣла сервировку стола.

Завтракать будутъ тутъ же.

— Да ты не торопись, Маня!—сказалъ ей мужъ, уводя товарища въ цвѣтникъ, гдѣ они сѣли на скамью и стали продолжать горячій разговоръ.

„Ну да, о театрѣ!"—отмѣтила, про себя, Марья Денисовна.

— Нѣтъ, чѣмъ ты объясняешь, говорилъ Астаховъ,—этотъ захватъ публики сценическимъ искусствомъ, въ послѣдніе годы? И вездѣ: въ столицѣ, въ провинціи, у насъ и за границей! Остальные виды искусства отступаютъ на задній планъ.

— Про беллетристику и поэзію этого никакъ нельзя сказать,—вѣско возразилъ учитель.

— Но все это не такъ захватываетъ! Прогремѣлъ талантъ

беллетриста; но фурорное увлеченіе вызываютъ его *пьесы*, даже если въ нихъ и нѣтъ настоящихъ достоинствъ драматурга.

— Стихійное увлеченіе... стадное чувство!

— Нѣтъ, милый, однимъ стаднымъ чувствомъ объяснить этого нельзя. Теперь зала жаждетъ...

„Настроенія", — подсказала, про себя, Марья Денисовна, у стола.

— Настроенія!—точно подъ ея диктовку выговорилъ Астаховъ. Ищетъ его во всемъ — въ словахъ, въ мотивахъ, а еще больше въ томъ, какъ это исполнено, какъ поставлено, во всемъ, что находитъ откликъ въ твоихъ интимныхъ чувствахъ, воспоминаніяхъ, пережитыхъ аффектахъ.

„Ну да, ну да",—нервно повторяла она про себя.

Сзади, въ гостиной, раздался вдругъ чей-то женскій голосъ.

— Господи! Да это Соня!—почти крикнула она и побѣжала съ террасы.

— Это я! Прямо, безъ малѣйшаго предостереженія! И сейчасъ отыскала тебя.

Ее цѣловала подруга по курсамъ, Соня Кружалова, москвичка, вышедшая замужъ, послѣ нея, за сосѣда помѣщика. Они видѣлись прошлой зимой въ Петербургѣ, и она очень понравилась Астахову.

— Ваня!—крикнула она съ перилъ террасы.—Соня пріѣхала!

II.

Разговоръ былъ въ полномъ разгарѣ, когда подали грибы въ сметанѣ—на мѣстномъ жаргонѣ: „Borowiken".

Марья Денисовна угощала, давала приказанія горничной, наблюдала за всѣмъ, какъ отличная хозяйка. Она почти не участвовала въ оживленной бесѣдѣ, но слѣдила за тѣмъ, куда пошелъ разговоръ.

Ничего такого она не ожидала, и то, что сейчасъ же внесла съ собою ея подруга Кружалова, казалось ей прямо роковымъ.

Соня, тамъ, въ Москвѣ, уже матерью троихъ ребятъ — совсѣмъ потеряла голову... и отъ чего?

Отъ увлеченія тамошнимъ театромъ „настроенія". Съ первыхъ же словъ, они начали пѣть въ униссонъ съ ея мужемъ. Онъ видѣлъ ее раньше почти мелькомъ. Съ тѣхъ пора она похорошѣла. Съ прекрасной фигурой и вибрирующимъ, звучнымъ голосомъ, Соня смотрѣла итальянкой: носъ, разрѣзъ глазъ, овалъ

лица, черные, какъ смоль, волосы, жесты—все это стало чрезвычайно какъ выразительно. И во всемъ есть уже что-то не простое, условное, „актерское“ — опредѣлила про себя Марья Денисовна.

У Сони не было прежде никакихъ особыхъ идей и вкусовъ. Училась порядочно, но много и танцовала, любила, правда, театръ, но больше оперу и одно время состояла въ числѣ „амазонокъ петербургскаго тенора“.

Такая должна была выскочить замужъ, что и случилось. Мужа взяла безъ особаго выбора, изъ военныхъ, помѣщика, съ состояніемъ. Онъ теперь уѣздный предводитель. И три года сряду производила на свѣтъ.

Внезапно „прозрѣла“ въ Москвѣ, попавъ на представленіе одной изъ тѣхъ пьесъ, гдѣ новая школа настроенія—во всемъ своемъ блескѣ.

И вотъ они теперь поютъ дуэтъ съ ея мужемъ... точно они уже давнымъ давно спѣлись.

Произошелъ сейчасъ обмѣнъ взглядовъ и оцѣнокъ. Во всемъ они согласны — и въ общемъ направленіи, и въ тѣхъ „отмѣткахъ“, какія ставятъ исполнителямъ.

Ея богъ—главный режиссеръ и актеръ труппы.

И мужъ ея считаетъ его изъ ряду вонъ, не только по искусству „ставить“, но и какъ исполнителя... не всѣхъ, однако, ролей.

Но для Сони тотъ—„геній“ во всемъ, даже въ самыхъ рискованныхъ „штучкахъ“, о какихъ столько писали тѣ рецензенты, кто не особенно восхищается имъ.

Теперь начался споръ между Соней и Верёскинымъ. Она еще никогда не видала этого чудаковатаго педагога въ такомъ „настроеніи“.

У него своеобразная манера какъ-то все поводить головой, справа влѣво, ерошить волосы и класть—когда что-нибудь доказываетъ—указательные пальцы одинъ на другой, крестомъ.

— Позвольте-съ!—остановилъ Верёскинъ Кружалову и поднялъ голову вверхъ.—Позвольте-съ! Надо же выбраться изъ этой шумихи словъ. Это все, извините меня, восторженная фразеологія.

— А вы желали бы,—задорно возразила Кружалова, чтобы объ искусствѣ говорили, какъ на съѣздѣ желѣзнодорожниковъ или врачей?

— Позвольте-съ!—сильнѣе крикнулъ Верёскинъ фистулой. —Вы и мой коллега Астаховъ выставляете впередъ новые прин-

ципы и опредѣленія. Вы, сударыня, фанатически увѣровали въ вашихъ москвичей. Но что же это такое, если взять болѣе опредѣленный терминъ?

— Ахъ, Петръ Петровичъ!—вставила Марья Денисовна, усмѣхнувшись въ сторону своего мужа.—Искусство настроенія! Вотъ вамъ единственная формула.

Мужъ ея посмотрѣлъ на нее также съ усмѣшкой, которая могла значить: „ужъ извини, тебѣ все это не по нутру".

— Ха, ха!—разразился Верёскинъ.—Разгадка всѣхъ изреченій новѣйшихъ эстетическихъ сфинксовъ. Но вѣдь согласись—повернулся онъ къ Астахову—изъ всего, что я читалъ о томъ, какъ ставятся пьесы въ томъ театрѣ, это—крайній реализмъ... т.-е., nec plus ultra воспроизведенія дѣйствительности—другими словами, торжество подражательнаго принципа.

— Подражаніе?—воскликнула Кружалова, точно кто-нибудь ее ужалилъ.—Если это—подражаніе, то что же всякая другая игра, всякая другая постановка? Тамъ вездѣ рутина, а тутъ сама правда!

— Позвольте-съ! Но что же такое правда въ искусствѣ, какъ не реализмъ? Что такое всѣ эти штучки, которыми стараются вызвать пресловутое настроеніе?

— Штучки!—почти гнѣвно кинула Кружалова, и ея большіе глаза метнули искры.

— Ну, назовите какъ угодно — всѣ... детали... чисто матеріальнаго характера—скрипъ дверей, сверчокъ, лампа, колебаніе шторъ отъ вѣтра, хлопанье комаровъ?

— Они не сами по себѣ важны,—остановилъ Астаховъ,—а какъ группа впечатлѣній.

— Прекрасно, братецъ, но я утверждаю, что это есть не что иное, какъ крайній реализмъ.

— Импрессіонизмъ—пожалуй...—поправилъ Астаховъ.

— Импрессіонизмъ... какъ у живописцевъ парижской школы, за которую когда-то ратовалъ блаженной памяти Эмиль Зола? Я видалъ такія картины. Тамъ совсѣмъ не то. Тамъ какъ у декадентовъ... все по-своему: желтыя деревья, зеленое небо, фіолетовыя щеки у женщины. Это — субъективизмъ. Оно, можетъ, и безобразно; но для моей сѣтчатой оболочки законы не писаны, коли я страдаю дальтонизмомъ.

— Вы хотите закидать учеными терминами!—сказала Кружалова съ театральнымъ пожиманіемъ плечъ.

— Другого слова нѣтъ! Это, какъ вамъ извѣстно, такое

свойство нѣкоторыхъ глазъ: ни краснаго, ни зеленаго, ни желтаго они не видятъ, а только буренькое и сѣренькое.

— Что же это доказываетъ?—съ тѣмъ же напоромъ спросила Кружалова.

— Такимъ же манеромъ чувствуютъ, видятъ и слышатъ импрессіонисты и декаденты. Для насъ небо голубое, а для нихъ—зеленое; для насъ звукъ „о" никакого окрашиванія не имѣетъ; а для такого индивида—у „о" темноголубой цвѣтъ.

— Господа!—подняла голосъ хозяйка.—Все это очень интересно; но я ставлю другой вопросъ: кто хочетъ простокваши, кто варенца?

Всѣ разсмѣялись.

— Маня! Маня! — окликнулъ Астаховъ. — Евангельская Мароа! О чемъ печешься!?.

— О житейскомъ, мой другъ,—отвѣтила она ему въ тонъ. —А ты—обернулась она къ подругѣ—изображаешь собою Марію. Ты избрала благую часть.

— Избрала!—откликнулась Кружалова.—Да, избрала. Но это требуетъ борьбы.

— Неужели, Соня...—нервнѣе заговорила Марья Денисовна, —ты въ самомъ дѣлѣ рѣшишься, очертя голову, идти на сцену?

— Почему очертя голову?—возразила Кружалова, выпрямляясь.—Что это за упорный предразсудокъ? Вотъ вы—повернулась она къ Верёскину—любите ссылаться на авторитеты... Читали вы книжку „Paradoxe sur le comédien"?

— Нѣтъ-съ... не читалъ.

— А я читалъ,—тихо выговорилъ Астаховъ.—И давно уже, еще студентомъ... сначала въ переводѣ, а потомъ въ подлинникѣ.

— И я читала,—отозвалась Марья Денисовна;—но у меня въ памяти остался только такой парадоксъ: чѣмъ у актера меньше чувства, тѣмъ онъ выше.

— Вотъ оно что!—воскликнулъ Верёскинъ.

— Я не о его афоризмахъ хочу спорить,—продолжала такъ же горячо гостья,—а о томъ, какъ вообще смотрятъ на актера, какъ шли прежде въ актеры?.. Все равно что въ солдаты! И вотъ у тебя, Маня, сорвалось съ языка „очертя голову"—точно это Богъ знаетъ какой срамъ.

— Вовсе нѣтъ,—спокойно возразила Марья Денисовна,—но ты... мать семейства... у тебя мужъ.

— Что жъ изъ этого?

Глаза Кружаловой начали опять метать искры.

— Маня!—окликнулъ Астаховъ:—что же это за доводъ? Твоя

подруга—интеллигентная женщина. Она нашла свое призваніе—вотъ и все. Было бы печально: глушить талантъ изъ-за того только, что женщина замужемъ и у нея столько-то человѣкъ дѣтей. Развѣ мы спрашиваемъ: есть дѣти у Элеоноры Дузе? И существуетъ ли въ природѣ какой-то синьоръ Дузе?

— Существуетъ!—отвѣтила Кружалова и, обернувшись къ Астахову, кивнула головой:—спасибо!

— Призваніе — говоришь ты, Соня? Будто это такъ... въ одинъ мигъ является? Дорога въ Дамаскъ! Откровеніе свыше?

— Кто же тебѣ это сказалъ? До позапрошлой зимы я была равнодушна.

— И въ васъ забрался микробъ театра ультра-реалистовъ, какъ я называю ихъ?—спросилъ Верёскинъ.

— Да. И не сразу. Я тоже не сдавалась. У меня, какъ у москвички, было преклоненіе передъ Малымъ театромъ. И я на первыхъ порахъ пофыркивала на то, что злобно называютъ „штучками". Но черезъ мѣсяцъ у меня точно спала съ глазъ плёнка...

— И ты, какъ въ Корнельевскомъ „Polieucte", воскликнула: „Je vois"!—вымолвила вполголоса Марья Денисовна.

— Да! Такъ, безъ всякой трагической казенщины, къ концу зимы...

— Ты уже увѣровала?

— Ахъ, Маня, перестань перебивать! Ты точно какой судебный слѣдователь.

На слова мужа Марья Денисовна ничего не отвѣтила; но она сдѣлала себѣ выговоръ:—не слѣдуетъ, ни въ какомъ случаѣ, показывать свои карты... такъ, сразу.

— Да, увѣровала. Я поняла, что такое найти дѣло по душѣ. И это дѣло не прихоть, не спортъ, не средство отъ скуки. Я вошла въ то: какъ они служатъ тамъ всѣ, начиная съ руководителей до послѣдней выходной актрисы.

— Да, это настоящій культъ!—вдумчиво выговорилъ Астаховъ.

— Въ деревнѣ я промаялась всю весну и все лѣто до сентября. И—грѣшный человѣкъ—нашла предлогъ перебраться въ Москву на весь сезонъ.

— И ничего не сказала мужу?

— Маня! Опять допросъ!

— Пускай ее! Онъ видѣлъ, чѣмъ для меня сдѣлался театръ. Но я хотѣла сама себя испытать.

— Какимъ же это образомъ?—спросила Марья Денисовна.

Ея мужъ жадно слушалъ Кружалову и своими красивыми темными глазами такъ и впился въ нее.

Не женщина его такъ увлекала, а ея исповѣдь. Въ его душѣ, навѣрное, происходитъ то же самое.

— Какимъ образомъ, Маня? Я рѣшила проникнуть во что̀ бы то ни стало...

— Въ самое пекло?—вырвалось у Верёскина.

— Я сошлась съ нѣкоторыми изъ труппы. И въ сентябрѣ хотѣла поступить на курсы; но слушательницы должны участвовать и въ репетиціяхъ...

— Статистками?—подсказала Марья Денисовна.

— Да! Выходными. Сразу я не могла бы этого добиться... Мой мужъ, а главное—моя belle-mère... съ ея дворянскимъ гоноромъ—домовладѣлица въ приходѣ Успенья-на-Могильцахъ: вы понимаете? Все равно, это вопросъ времени,—съ сильнымъ жестомъ выговорила Кружалова и оглядѣла всѣхъ сидящихъ за столомъ.

— Вы добьетесь!—съ особеннымъ выраженіемъ сказалъ Астаховъ и опустилъ голову.

Марью Денисовну кольнуло въ сердце.

„Это онъ себя видитъ въ ней",—подумала она, и чтобы не допускать себя до чего-нибудь, что̀ можетъ ее выдать, она, тономъ радушной хозяйки, сказала:

— Господа! Кофе мы перейдемъ пить вонъ туда... въ бесѣдку.

Всѣ поднялись съ мѣстъ. Разговоръ какъ-то сразу оборвался. Видно было, что Астаховъ охваченъ особеннымъ чувствомъ; а у его товарища прошла охота принципіально спорить.

За кофе Астаховы узнали, что Кружалова пріѣхала сюда всего на недѣлю—присмотрѣть дачу на будущій сезонъ—и остановилась въ гостинницѣ.

У ея подруги немного отлегло на сердцѣ. Но вѣдь и въ недѣлю сколько у нихъ съ ея мужемъ будетъ разговоровъ и все объ одномъ и томъ же. Такой беззавѣтный культъ искусства, какъ у нея—вдвойнѣ заразителенъ.

Астахову надо было ѣхать въ городъ за покупками. Его товарищъ также собрался къ знакомымъ—въ другое прибрежное мѣстечко.

Прощаясь съ ея подругой, Астаховъ сказалъ ей, держа ее за руку, съ особеннымъ выраженіемъ:

— Какъ я счастливъ, Софья Богдановна, что вы еще поживете здѣсь. Для меня вопросъ вашего новаго призванія особенно дорогъ.

— А для Мани, кажется, не очень?—весело спросила гостья.

Марья Денисовна стояла тутъ же.

— Твое дѣло, Соня,—выговорила она тихо.—Значитъ, ты такъ увѣрена... въ твоемъ талантѣ?

— Нѣтъ! Еще не увѣрена! Это было бы глупо... Но еслибъ даже изъ меня вышла посредственность, полезность, то и тогда я не пойду на попятный.

Мужчины удалились. Марья Денисовна пошла провожать подругу.

Она повела ее сначала по дюнамъ, по лѣсной тропинкѣ, потомъ вывела на крутой пригорокъ, гдѣ стоитъ чья-то круглая бесѣдка.

Тутъ онѣ присѣли на диванчикъ. Море лежало передъ ними—уже совсѣмъ тихое, почти молочнаго цвѣта, съ чуть-чуть замѣтными барашками облаковъ—подъ темно-голубымъ сводомъ неба. Легкій вѣтерокъ ласкалъ ихъ по лицу. Сзади доносился запахъ смолистой хвои.

— Какъ здѣсь хорошо! Я не ожидала! Какое же сравненіе съ нашей тульской трущобой! Жара, комары или непролазная грязь. Я поставила крестъ на жизнь помѣщицы.

— А дѣти?

— Что же дѣти? Вотъ, возьмемъ здѣсь дачу и будемъ ѣздить каждое лѣто. Мужъ можетъ тамъ хозяйничать.

— Онъ вѣдь служитъ?

— Какъ ему угодно! Да и что за сладость быть предводителемъ? Одни глупые расходы.

— Стало, Соня... ты дѣйствительно рѣшила?

— Безповоротно, милая.

Въ томъ, какъ прозвучало это слово „милая“, было уже что-то прямо актерское.

Ни барыни, ни бывшей курсистки уже нельзя было распознать.

Марья Денисовна сидѣла съ опущенной головой, опершись о ручку зонтика.

Взглянувъ вбокъ на подругу, она окликнула:

— Соня!

— Что тебѣ, Маня?

— Прости... то, что я тебѣ скажу сейчасъ... можно будетъ понять и такъ, и этакъ.

— Какія же между нами дипломатическія тонкости? Говори все, что у тебя на душѣ.

— Вотъ, ты здѣсь пробудешь еще недѣлю. Ты такъ пылаешь теперь... такъ преисполнена культомъ... А Ваня именно теперь... на распутьи.

И она, въ нѣсколькихъ словахъ, высказала ей всѣ свои тревоги.

Кружалова развела руками.

— Чего же ты боишься? Что онъ пойдетъ на сцену? Если это его призваніе...

— А если нѣтъ?

— Что же за несчастье?.. Ну, уйдетъ на это годъ... два... Вѣдь ученаго изъ него не выйдетъ. Потеряетъ мѣсто? Найдетъ другое.

— Но вѣдь это вродѣ азартной игры, вродѣ запоя, это грозитъ...

Отъ волненія она не досказала. На рѣсницахъ блеснули слезы.

— Полно! Какъ не стыдно!

Кружалова взяла ее за руку.

— Ты не хочешь понять!

— Оба вы молоды, свободны... Какъ же ты можешь налагать свое veto? Ты... курсистка самыхъ радикальныхъ взглядовъ?.. И наконецъ... я-то тутъ причемъ... Маня? Ты боишься?

— Я не ревную! Клянусь тебѣ. Но... разговоры... твой примѣръ...

— Какъ же быть? Сейчасъ же улетучиться? Чтобы твой Ваня не заразился? Ха, ха! Полно! Это не серьезно!

Марья Денисовна сидѣла смущенная. Къ щекамъ ея начала приливать кровь.

„Не серьезно“,— повторила она про себя. Но что́-то говорило ей, что теперь, именно теперь „это начнется“.

III.

Октябрь на дворѣ.

Извозчичья пролетка везла Астахова вдоль одной изъ набережныхъ Фонтанки, по направленію къ Аничкину мосту.

Сейчасъ онъ былъ въ своей „лавочкѣ“.

Въ послѣдній ли разъ? Съ какимъ наслажденіемъ написалъ бы онъ прошеніе объ отставкѣ. Какъ ему невыносимы всѣ его сослуживцы—прилизанные и франтоватые или замаринованные въ своей вицмундирной корректности!

Его непосредственный начальникъ уже дѣлалъ ему нѣсколько „репримандовъ“. У него еще третьяго дня слетѣла съ тонкихъ губъ петербургскаго желчевика фраза:

— Трудно гоняться за двумя зайцами!

Онъ намекалъ на его внѣслужебныя занятія, какъ пишущаго диссертацію.

Другой — чиномъ ниже — дѣлопроизводитель его отдѣленія, еще въ прошломъ году, говорилъ ему безцеремонно-товарищескимъ тономъ:

— Вы, батенька, я вижу, на долгихъ отправляетесь за добытіемъ магистерской степени?

Настоящей правды никто еще изъ его сослуживцевъ, кажется, не знаетъ.

Съ возвращенія въ Петербургъ, въ концѣ августа, онъ, каждый день, просыпается съ рѣшеніемъ „послать все къ чорту", распроститься съ „лавочкой", написать прошеніе.

Что́ его удерживаетъ?—Малодушіе! Больше ничего.

Слишкомъ ясно сдѣлалось, что его жена все сильнѣе волнуется изъ-за его „маніи". Она не позволяетъ себѣ сценъ, увѣщеваній или огорченныхъ разсужденій. Но она страдаетъ.

Страдаетъ?! Но это ея добрая воля. Вѣдь онъ не думаетъ же въ чемъ-нибудь стѣснять ее? Приди она къ нему и скажи: „Я хочу пойти на сцену!"—развѣ бы онъ огорчился?

На сцену, въ модистки или въ чиновницы контроля, въ телеграфистки или даже въ опереточныя пѣвички!

Куда угодно!

Жена его стала особенно „куксить" съ того дня, когда къ нимъ явилась ея подруга. Съ той онъ постоянно гулялъ по берегу въ большихъ разговорахъ.

Кружалова подсмѣивалась надъ „филистерствомъ" его жены, видя ея страхъ—какъ бы онъ не пошелъ въ актеры.

Между ними установился пріятельскій тонъ. Она взяла съ него слово, что онъ пріѣдетъ въ Москву, осенью, и она его введетъ „въ самое пекло",—говорила она, смѣясь.

И она же прислала ему письмо къ своей пріятельницѣ—провинціальной „премьершѣ", но „въ нашихъ идеяхъ",—писала она ему.

Та мечтаетъ создать что-нибудь „московское" въ Петербургѣ; а если ей это не удастся еще въ зимнемъ сезонѣ, то она подберетъ себѣ труппу и поѣдетъ въ артистическую „tournée"—играть репертуаръ пьесъ „съ настроеніемъ".

Вотъ уже больше трехъ недѣль, какъ онъ почти ежедневно видится съ этой артисткой.

У нея странная фамилія—Арнаутъ; но это не псевдонимъ, а настоящее ея дѣвическое имя. Кажется, она не живетъ съ

мужемъ. О своемъ прошедшемъ она говоритъ мало. Несомнѣнно одно: она—изъ барышенъ, дворянка, съ образованіемъ, живала за границей. Родомъ она съ юга, изъ Одессы или Кіева—онъ до сихъ поръ точно не знаетъ; но ни еврейскаго, ни польскаго въ ней ничего нѣтъ.

Въ ней нашелъ онъ такой же культъ искусства, какъ и въ Кружаловой,—разумѣется, съ прибавкой личныхъ художественныхъ интересовъ. Но у другихъ актрисъ съ именемъ—въ столицѣ ли, въ провинціи ли—театръ выѣдаетъ все, кромѣ своего „я", „пріемовъ" и успѣховъ, какъ „перваго сюжета" и какъ обаятельной женщины—все равно: хищница она только или способна на безкорыстныя увлеченія.

И эта—вся ушла въ театръ. Но не въ одни свои успѣхи. Для нея самое дѣло стоитъ на недосягаемой высотѣ, она мечтаетъ о *своей* сценѣ, не потому, чтобы играть роль хозяйки, а чтобы „обновлять" искусство, ратовать за тѣ пріемы, какіе она считаетъ теперь самыми „возрождающими".

Здѣсь она выступала въ двухъ-трехъ благотворительныхъ спектакляхъ; ее принимали „фурорно"; она не пошла на самыя „лестныя" предложенія: приглашали ее на первое амплуа въ лучшій частный театръ, сулили груды золота—сдѣлать объѣздъ десяти губерній, съ гарантированной поспектакльной платой—она не согласилась.

Съ нею онъ ѣздилъ два раза, въ Кронштадтъ и въ Гельсингфорсъ. Она проходила съ нимъ роли въ двухъ пьесахъ ея новаго репертуара. Онъ скрылъ это отъ жены, сказавъ, что ѣдетъ по личному дѣлу.

Маня, кажется, догадалась; но никакихъ объясненій не вышло.

Ему особенно удалась роль доктора въ „Дядѣ Ванѣ", гдѣ любовная сцена съ героиней — женой профессора — прошла блистательно.

Впервые испыталъ онъ то несказанное благополучіе, когда вы уже не помните, кто вы, и отдаетесь творчеству, преображаетесь, почти не сознаете, гдѣ вы; забываете и о публикѣ, охвачены какимъ-то чуднымъ „самовнушеніемъ".

Арнаутъ поцѣловала его послѣ главной сцены, при всѣхъ, и громко сказала:

— Да, вы истинный художникъ!

Когда онъ велъ эту сцену, гдѣ мужчина такъ увѣренно ловитъ женщину, видя, что она отъ него не уйдетъ ни въ какомъ случаѣ, онъ не испытывалъ чувственнаго влеченія именно къ ней. Она красива, но не его „типъ". Но онъ сливался съ нею

въ единствѣ артистическаго чувства. Они какъ-то сразу спѣлись. Она помогала ему находить интонаціи, жесты, паузы, игру физіономіи.

Ни въ какой другой школѣ не выработать изъ себя артиста, какъ въ партнерствѣ именно съ нею. Даже если бы его приняли въ Москвѣ на ту сцену, гдѣ предаются высшему культу искусства, онъ не могъ бы пройти такой школы. Тамъ онъ сыгралъ бы одну, много двѣ роли въ сезонъ и долженъ бы былъ подчинить себя безропотно суровой ферулѣ. Тамъ онъ, съ его впечатлительной натурой, легко сталъ бы обезьянить съ тамошнихъ премьеровъ.

Но время идетъ. Не нынче—завтра его руководительница рѣшитъ: создавать здѣсь новую сцену или набирать труппу для большой „tournée“, на обѣ половины сезона—до и послѣ поста.

Сегодня онъ ѣхалъ къ Юліи Павловнѣ Арнаутъ съ особеннымъ ожиданіемъ чего-то.

Онъ получилъ отъ нея записку, тамъ, въ его „лавочкѣ“. Она проситъ завернуть не позднѣе пяти. Было всего четверть пятаго; но онъ скрылся изъ должности раньше всѣхъ, незамѣтно, пройдя сначала въ курительную комнату.

До сихъ поръ онъ можетъ утверждать передъ самимъ собою, что въ немъ нѣтъ влюбленности въ эту женщину. У нея съ нимъ—чисто товарищескій тонъ, но она одна съумѣла найти въ немъ „священную искру“; она цѣнитъ въ немъ тонкость пониманія, его образованность, его художническую развитость; она не льститъ ему и не затягиваетъ, какъ самовлюбленнаго дилеттанта, а помогаетъ ему разобраться въ самомъ себѣ, изучать свои артистическіе задатки и „выразительныя средства“, какъ она называетъ. Она готовитъ его въ свои партнеры и товарищи по дорогому дѣлу.

Ничего подобнаго не было еще въ его жизни, ни въ какой сферѣ. На это не была способна жена его, при всей ея привязанности.

— Вонъ туда, второй подъѣздъ за воротами!—указалъ Астаховъ извозчику, изъ-подъ кузова пролетки.

— Юлія Павловна у себя?—увѣренно спросилъ онъ швейцара, входя въ сѣни.

— Такъ точно. Прикажете на машинѣ?

— Благодарствуйте. Я и такъ поднимусь.

Арнаутъ занимала во второмъ этажѣ прекрасную меблированную квартиру. Ея довѣренная горничная, уже не очень мо-

лодая,—встрѣчала Астахова особенно привѣтливо и давно уже зоветъ его по имени и отчеству.

— Есть гости?—вполголоса спросилъ онъ ее.

— Пушкаревъ... антрепренеръ...—сказала она также тихо.

И почти на ухо прибавила:

— Все желательно ему обойти барыню... да, кажется, не удастся.

Въ квартирѣ стоялъ всегда необыкновенно пріятный запахъ духовъ Юліи Павловны—легкій, чуть доступный обонянію.

— Иванъ Егоровичъ,—доложила негромко горничная, приподнявъ немного портьеру входной двери.

Гостиная освѣщалась одной лампой подъ малиновымъ абажуромъ.

Хозяйка сидѣла на низкомъ диванчикѣ, прямо противъ входа.

Вечеромъ, въ такомъ вотъ полусвѣтѣ, или на подмосткахъ передъ яркой рампой—она смотрѣла совсѣмъ молодой женщиной. Лѣтъ своихъ она не скрывала... въ томъ числѣ и передъ Астаховымъ. Она сознавалась—въ тридцати-восьми годахъ.

Лицо блѣдное, съ удлиненнымъ оваломъ, небольшой носъ съ характернымъ вырѣзомъ ноздрей, худощавая, высокая фигура, длинныя рѣсницы очень глубокихъ глазъ, которые вечеромъ казались почти черными, а при дневномъ свѣтѣ были темносѣрые, прекрасный рисунокъ груди и головы; руки съ крупными кистями выступали изъ разрѣзовъ домашняго туалета, сшитаго мѣшкомъ. Волосы—русые и натурально волнистые—она носила дома повязанные краснымъ фуляромъ.

Этотъ головной уборъ очень шелъ къ ней.

— А! Астаховъ! Пожалуйте! Давно хотѣла познакомить васъ съ Николаемъ Ильичомъ Пушкаревымъ. Нашъ извѣстный импрессаріо.

Съ кресла поднялся плотный мужчина, лѣтъ за сорокъ, въ черномъ длинномъ сюртукѣ, высокаго роста, лысый брюнетъ, съ молодцоватыми усами, вообще смахивающій гораздо болѣе на отставного военнаго, чѣмъ на бывшаго актера.

— Астаховъ, Иванъ Егоровичъ, нашъ единомышленникъ, страстный и убѣжденный другъ искусства,—отрекомендовала Юлія Павловна съ широкимъ жестомъ правой руки.

Фраза была отборная, но произнесена съ улыбкой въ глазахъ.

Утонченные книзу пальцы ея красивыхъ рукъ не были усыпаны перстнями, какъ бы можно ожидать. На обѣихъ рукахъ было не больше трехъ-четырехъ.

— Весьма радъ! Много наслышанъ!

Антрепренеръ крѣпко сжалъ руку Астахова, и когда опустился опять въ кресло—сейчасъ же закурилъ.

— Я не помѣшалъ... дѣловому разговору?—спросилъ Астаховъ, подсаживаясь къ дивану съ другой стороны.

— Нисколько!—успокоила хозяйка.—Николай Ильичъ пріѣхалъ со мной проститься... уѣзжаетъ на нѣсколько дней въ Москву... окончательно формировать труппу для своей tournée monstre.

Астаховъ зналъ уже все это; но самаго антрепренера еще не встрѣчалъ у нея. Вчера она ему говорила въ такомъ тонѣ, что врядъ ли она согласится на его „посулы“, хотя бы онъ ей предлагалъ груды золота.

На какія средства она сама желаетъ антрепренерствовать—онъ не допытывался. Вѣроятно, есть какой-нибудь „серьезный другъ“, располагающій капиталомъ.

— Юлія Павловна небось не прибавляетъ,—остановилъ Пушкаревъ,—что успѣхъ всей кампаніи будетъ всецѣло зависѣть отъ того—могу ли я на нее разсчитывать, или нѣтъ?

Онъ засмѣялся довольно добродушно; но тотчасъ чувствовалось, что ему она „до зарѣзу“ нужна.

— Я васъ, Николай Ильичъ, водить не стану. Это не въ моихъ правилахъ и привычкахъ,—заговорила она, выпрямляясь.—Но вотъ человѣкъ со стороны скажетъ свое слово.

И, обернувшись къ Астахову лицомъ, она продолжала:

— Вы знаете, конечно, въ чемъ дѣло. Николай Ильичъ поступаетъ, какъ никто.

— Вы это признаете?—съ комическимъ вздохомъ спросилъ антрепренеръ.

— Конечно, какъ никто! Репертуаръ—по моему выбору... и даже маршрутъ. Матеріальныя условія—прекрасныя.

— Другими словами...—добавилъ Пушкаревъ: — матерью-командиршей будетъ во всемъ Юлія Павловна; а я только ея агентомъ, много-много съ совѣщательнымъ голосомъ. Такъ или нѣтъ?—спросилъ онъ, подавшись къ ней туловищемъ.

— Совершенно вѣрно.

— И этого мало-съ!—обратился онъ уже къ Астахову.—Главные партнеры—по выбору опять-таки Юліи Павловны. Помилуйте, вѣдь это...

— Драконовскія требованія?—подсказала она и разсмѣялась.

Смѣхъ у нея былъ звучный и мягкій, подъ тонъ голоса съ очень широкимъ регистромъ.

— Я не говорю, что вы мнѣ никакого ультиматума не ста-

вите. Въ этомъ-то и вся бѣда! Поставь мнѣ Юлія Павловна ребромъ самыя жестокія условія, я бы пошелъ и на нихъ. Тогда было бы дѣло чистое...

— Николай Ильичъ! Да оно и теперь совершенно чистое. Вы попали въ самый, такъ сказать, психологическій моментъ—у меня назрѣла идея.

— Хочу быть директоршей!—вскричалъ Пушкаревъ.—Дайте мнѣ старуху!

Астаховъ вспомнилъ, что такъ называется извѣстный фарсъ.

— Это не простая блажь! Не правда ли, мой другъ?—обратилась Юлія Павловна къ Астахову.

— Но какая же разница, скажите на милость,—Пушкаревъ сложилъ руки на груди просительнымъ жестомъ,—какая-же разница: вѣдь вы тоже устроите объѣздъ? Труппы вы такой—извините меня—не соберете! И тутъ, и тамъ вы—полная хозяйка! Если угодно, я совсѣмъ стушуюсь,—даже не поставлю своей фирмы. Кажется, невозможно идти дальше въ самоумаленіи? Ха, ха!

Онъ, бросивъ окурокъ папиросы, широко развелъ руками.

— Все это прекрасно, милый мой импрессаріо. Но я могу имѣть здѣсь театръ, если не сейчасъ, то въ разгаръ сезона.

— Не боитесь даже конкурренціи москвичей?

— На постъ я сдѣлаю tournée. Но это совсѣмъ другое. Тогда я уже положу основаніе новой сценѣ, какой здѣсь нѣтъ.

Голосъ ея пріятно вздрагивалъ и глаза стали еще больше. Она сидѣла съ выпрямленнымъ станомъ и вся ея фигура, въ узкомъ пеньюарѣ, была, въ эту минуту, особенно живописна.

Астаховъ заглядѣлся на нее; но его волновала не женщина, а руководительница его на томъ пути, который откроется передъ нимъ не сегодня, такъ завтра. Изъ двухъ ея плановъ, созданіе сцены здѣсь—онъ считаетъ самымъ привлекательнымъ; но для него лично не лучше ли было бы уѣхать сначала въ tournée?

Юлія Павловна поглядѣла на него: точно она почуяла, что̀ онъ подумалъ вотъ сейчасъ.

Портьера входной двери приподнялась и прозвучалъ основательный голосъ Любаши:

— Господинъ Шастуно̀въ.

Хозяйка сейчасъ же оправила свой головной уборъ и вся какъ-то подобралась. Антрепренеръ повернулся лицомъ къ двери.

Астаховъ вспомнилъ, что новый гость—изъ театральной прессы, рецензентъ или репортеръ самаго бойкаго листка.

Въ гостиную вкатился круглый, маленькаго роста госпо-

динъ—въ пиджакѣ, съ пестрымъ галстухомъ, гладко причесанный, свѣже выбритый, съ тонкими усиками и съ необыкновенно серьезнымъ выраженіемъ глазъ навыкатъ, какъ будто онъ сейчасъ скажетъ что-нибудь особенно важное. Похоже было на то, что онъ пріѣхалъ по экстренному дѣлу и больше десяти минутъ пробыть здѣсь не можетъ.

— Здравствуйте, здравствуйте!—привѣтствовала его хозяйка, какъ хорошаго знакомаго.

Гость подлетѣлъ къ ней, взялъ руку, поднесъ ее высоко къ губамъ, чмокнулъ, но все съ тѣмъ же дѣловымъ видомъ, кивнулъ головой Астахову и пожалъ руку антрепренера.

— На спеціальное интервью?—спросилъ его Пушкаревъ съ той усмѣшечкой, какая появляется у театральнаго дѣльца въ разговорѣ съ рецензентами и репортерами.

— Юлія Павловна... у насъ рѣдкая гостья,—началъ господинъ Шастуновъ говоркомъ, на однѣхъ и тѣхъ же нотахъ.—И я крайне сожалѣю, что попалъ... не въ надлежащій моментъ.

— Болѣе обширный разговоръ,—откликнулась хозяйка,—мы отложимъ, если угодно, до завтра, пораньше.

— Какъ прикажете!

Репортеръ уже всталъ и его круглые глаза уставились на лицо Юліи Павловны. Потомъ онъ повернулъ голову влѣво—точно она у него на пружинахъ—и спросилъ Астахова:

— Имѣлъ удовольствіе видѣть васъ въ сценѣ у фонтана, въ прошломъ сезонѣ?

Астаховъ немного смутился—такъ неожиданъ былъ этотъ вопросъ.

— Это былъ онъ, онъ!—отвѣтила за него хозяйка.

— Замѣтка... была моя. Надѣюсь, были довольны?.. Весьма радъ! Имѣю честь кланяться.

И повернувшись, точно механически, онъ выкатился изъ гостиной. Лидія Павловна пошла его проводить до передней, но онъ не допустилъ, и изъ передней донесся его возгласъ:

— Не извольте безпокоиться!

Всѣ трое помолчали. Пушкаревъ переглянулся съ хозяйкой, а потомъ и съ Астаховымъ.

— Считается королемъ репортеровъ,—вполголоса выговорилъ антрепренеръ, когда ключъ въ наружной двери щелкнулъ.

Астахову вдругъ стало непріятно за Юлію Павловну. Зачѣмъ было провожать до передней этого газетчика?

Но онъ сейчасъ же подумалъ:

„А развѣ тебѣ не предстоитъ того же, когда сдѣлаешься профессіональнымъ актеромъ?“

— Этотъ еще тѣмъ хорошъ, что не очень привираетъ,— сказала Юлія Павловна, вернувшись на свое мѣсто.—И безъ толку не бранится.

— Всѣ хороши! Пожалуй, въ провинціи они еще почище!

Пушкаревъ что-то вспомнилъ и тотчасъ же поднялся.

— Значитъ, дорогая... до возвращенія моего изъ бѣлокаменной все еще—подъ сюркупомъ?

— Да,—протянула она, пожимая его руку.—Не сердитесь... но вы знаете...

— La donna è mobile!—пропѣлъ онъ и поцѣловалъ ея руку.

Провожать его до передней она не пошла.

Въ дверяхъ онъ крикнулъ:

— Если будетъ перемѣна вѣтра—порадуйте! Пустите депешку!

IV.

— Вотъ мы и одни!

Юлія Павловна тутъ только взяла со столика папиросницу и закурила.

— Что же вы рѣшаете?—спросилъ Астаховъ.

— Съ Пушкаревымъ я немножко схитрила,—она прищурила глаза,—чтобы выиграть время. Мои переговоры насчетъ театральнаго зданія пойдутъ своимъ порядкомъ... Но, кажется, на этотъ сезонъ дѣло не выгоритъ.

Онъ все еще стѣснялся задавать ей дѣловые вопросы. Въ ея энергію и большой практическій тактъ онъ вѣрилъ.

— А ваша tournée?

— Она непремѣнно состоится!

— Но вѣдь Пушкаревъ предлагаетъ вамъ то же самое, а рискъ будетъ, сколько я понимаю, гораздо меньше?

— Это только такъ кажется.

Она выпустила струю дыма и отложила папиросу.

— Даже и въ случаѣ успѣха—онъ будетъ совсѣмъ не такой, какого желаю добиться я.

— Но вы имѣли бы право выбора труппы?

— Я не получу такого персонала, какой мнѣ нуженъ! Я знаю милѣйшаго Николая Ильича. Онъ не воздержится отъ нѣкоторыхъ фурорныхъ пьесъ. И съ нимъ неизбѣжны баталіи. Я не уступлю—и выйдетъ исторія... неустойка, крахъ предпріятія.

— Да, да,—повторялъ, какъ бы про себя, Астаховъ.—Вы все это прекрасно знаете.

— А къ моей tournée я буду готовиться здѣсь цѣлыхъ два мѣсяца. Залу для репетицій со сценой я могу имѣть совершенно приличную. Мы ограничимся пятью пьесами; но вся обстановка будетъ новая... до малѣйшихъ деталей.

— Какое великолѣпное начало!..

Онъ не договорилъ. Юлія Павловна взглянула на него и спросила:

— Для васъ, мой другъ?

— Конечно.

Она встала, прошлась по комнатѣ, раза два. Ходила она медленно, немного колеблющимся шагомъ, держа голову нѣсколько вбокъ.

— Знаете что̀, Астаховъ... меня начинаетъ забирать душевное безпокойство.

— Насчетъ чего?

— Да насчетъ васъ, Иванъ Егорычъ.

— Насчетъ меня?

— Вы знаете, я съ вами ни одной секунды не хитрила. И теперь я скажу, что у васъ прекрасныя данныя. Изъ васъ можетъ выйти артистъ, какихъ у насъ пять-шесть и обчелся.

— Я вамъ вѣрю, Юлія Павловна,—выговорилъ онъ съ замѣтнымъ волненіемъ.

— Любовь у васъ къ искусству—на рѣдкость! О вашемъ развитіи распространяться смѣшно... Все это такъ, но...

— Есть *но*?—остановилъ онъ и поглядѣлъ на нее съ своего мѣста—онъ стоялъ у камина.

— Да, есть но... и не одно даже, а цѣлыхъ два.

— Даже два?

— Одно—о васъ самихъ. Давно я такъ никого не наблюдала, какъ васъ, Астаховъ.

— И что̀ же?

— У васъ натура—несомнѣнно артистическая... но слишкомъ, какъ это говорится по ученому—импульсивная, что-ли? Я боюсь, что вы будете проклинать меня черезъ годъ, черезъ два.

— Проклинать за что?

— Когда вамъ уже не будетъ ходу назадъ, когда васъ это чудище, которое зовутъ театръ—совсѣмъ засосетъ: а счастья вы не найдете въ этой жизни; для однихъ она запой; для другихъ—пожизненная каторга...

Астахову что-то вспомнилось.

— Юлія Павловна!—остановилъ онъ.

— Что, мой другъ?

— Развѣ нѣтъ такой сцены въ мелодрамѣ: „Кинъ или геній и безпутство“?

Онъ нервно разсмѣялся.

— Въ „Кинѣ“? Да! Это вѣрно. И я играю роль Кина, а вы—той молодой дѣвушки изъ общества, которая приходитъ къ нему за совѣтомъ—идти ли ей на сцену?

— Вотъ, вотъ!

— Ха, ха! Это очень остроумно и кстати! Что жъ! А развѣ то, что Кинъ говорилъ ей,—не правда?

— Но вѣдь это общее мѣсто? И не такой артисткѣ, какъ вы, пугать меня жупеломъ театра!

— Но вы согласны,—спросила она, подойдя къ нему и наклоняясь надъ кресломъ,—вы согласны, что у васъ именно такая натура?

— Можетъ быть... для артиста она не порокъ. Онъ весь долженъ быть изъ безконечнаго ряда настроеній.

— Да; но любовь къ дѣлу должна владѣть имъ безусловно... и на всю жизнь. Оттого-то, въ театральной братіи, на сто человѣкъ только пять процентовъ—люди съ призваніемъ. Одного таланта мало! Можно имѣть маленькое дарованіе и сильной любовью къ дѣлу выработать изъ себя настоящаго художника. Посмотрите вы на тѣхъ, на московскихъ. Они сами про себя—и тѣ, кто на виду, и самые заурядные — говорятъ: „Мы—вродѣ сумасшедшаго дома“. Какая работа! Чисто каторжная! По пятидесяти, по сту репетицій! И какихъ репетицій! Вѣдь это вродѣ экзамена. Каждая фраза, каждое слово, жестъ, пауза — перебираются на всякіе лады. И какъ держатся за эту именно сцену? Кто выдвинется—получаетъ имя... женщина или мужчина—ихъ переманиваютъ въ провинцію, сюда. Ей предлагаютъ триста, четыреста въ мѣсяцъ, а она сидитъ на ста рубляхъ.

— И вы хотите сказать, Юлія Павловна, что такой любви у меня никогда не будетъ?

— Можетъ, и болѣе пылкое чувство. Но надолго ли—вотъ вопросъ.

— И все потому, что у меня импульсивная натура?

— Повторяю... можетъ быть, и огромный талантъ, но безъ того упорства, которое дѣлаетъ человѣка рабомъ своего призванія. Это вѣдь неволя до гробовой доски!—вырвалось у нея страстной нотой.—Мнѣ разсказывала одна старушка въ Москвѣ. Она была, молодой дѣвушкой, вхожа въ домъ Михаила Семеновича

Щепкина. Гостила у нихъ лѣтомъ, на дачѣ. Тогда еще былъ въ Паркѣ казенный театръ, и спектакли шли и лѣтомъ. Такъ Михаилъ Семеновичъ—уже совсѣмъ старцемъ—послѣ ужина сначала помолится, а потомъ, въ постели, за роль—и до позднихъ часовъ... хотя бы онъ эту роль игралъ на своемъ вѣку десятки разъ.

Она подсѣла къ нему и протянула руку.

— Простите, Астаховъ, что я васъ вдругъ стала расхолаживать, когда дѣло подошло къ рѣшительному моменту. Вы— не малолѣтокъ! Въ васъ это назрѣло.

— Зачѣмъ же вы это дѣлаете?

Онъ спросилъ это блѣднѣя, нервнымъ голосомъ.

— Можетъ, это женская тревожность, боязнь взять на свою совѣсть... И тутъ вотъ является второе „но"...

— Второе?—повторилъ Астаховъ также нервно.

— Вы не одни, мой другъ. Сколько я знаю отъ васъ... жена ваша очень предана вамъ. Во всемъ ваша помощница...

— Что жъ изъ этого?—нетерпѣливо перебилъ онъ.

— Ей извѣстно, что вы серьезно хотите сдѣлаться артистомъ?

— Она догадывается.

— Только догадывается? Значитъ, вы скрываете отъ нея?

— Она была на томъ спектаклѣ, гдѣ я въ первый разъ выступилъ въ Самозванцѣ.

— А потомъ... про ваши дебюты, какъ моего партнера, она знаетъ?

Астаховъ не сразу отвѣтилъ.

— Я не желалъ... лишнихъ разговоровъ.

— И скрыли отъ нея? Простите,—она взяла его руку,—я не хочу васъ допрашивать. Это—ваше личное дѣло, Астаховъ. Но поймите... Я все-таки являюсь теперь вашей... какъ бы совратительницей... ха, ха! Этого мало. Вы поступите ко мнѣ въ труппу... я буду и вашей руководительницей. Ваша жена меня совсѣмъ не знаетъ. Видала ли даже на сценѣ?

— Кажется, нѣтъ.

— Но мое имя ей, вѣроятно, извѣстно. Она можетъ составить обо мнѣ Богъ знаетъ какое мнѣніе. Вообще, это мнѣ все равно. Актриса должна на это идти. Но тутъ мнѣ было бы тяжело знать, что...

— Полноте!—рѣзче перебилъ Астаховъ.—На эту почву я попросилъ бы васъ не переходить. Что жъ изъ того, что я женатъ? Это—подробность. Сколько офицеровъ въ арміи и флотѣ

не только женатые, но и съ большими семьями. А ихъ спрашиваютъ—угодно имъ отправляться на театръ войны?

— Это ихъ профессія!

— Позвольте! Они не солдаты. Они могли бы и не оставаться на службѣ. А жены моряковъ? Онѣ отлично знаютъ, что и въ мирное время могутъ по цѣлымъ годамъ не видать мужей. И какъ будто нѣтъ женатыхъ и замужнихъ между актерами и актрисами? Конечно, тридцать, если не сорокъ процентовъ...

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Позвольте и вы!—горячѣе заговорила она.—Пожалуй, я, какъ женщина, и грѣшу противъ логики въ томъ, что̀ сейчасъ говорила. Но я хочу остаться вашимъ другомъ и хорошимъ товарищемъ, хотя въ товарищи мои вы, можетъ быть, и не попадете, если поддадитесь моимъ застращиваньямъ. Какъ вамъ угодно... То, что̀ вы хотите съ собою сдѣлать—для васъ не то, что̀ для гимназиста или неудачника-студента, который возомнилъ, что онъ Гамлетъ, принцъ датскій. Вы готовились къ ученой дорогѣ, вы... на службѣ въ такомъ учрежденіи...

— Неужели вы, вы—Юлія Павловна Арнаутъ—припасли, pour la bonne bouche, именно этотъ доводъ? Служба? Оставаться чинушкой? Быть въ пятьдесятъ лѣтъ награжденнымъ неизлечимымъ заваломъ печени и чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника съ пряжкой за двадцатилѣтнюю безпорочную службу?

— А ученая карьера? Стало быть, это было тоже временное увлеченіе?

— Должно быть,—проговорилъ онъ какъ бы съ ироніей.

— И вдругъ съ карьерой актера будетъ то же, Астаховъ?

Она выговорила это громко и строго, точно она ведетъ на сценѣ такой точно діалогъ.

Онъ пожалъ плечами, отошелъ въ уголъ, сѣлъ тамъ на стулъ и сказалъ съ дрожью въ голосѣ:

— Это уже форменный допросъ.

— Ну, хорошо! Подите сюда, сядьте, не нервничайте. Вы не можете не признать, что во мнѣ говоритъ самое искреннее желаніе...

— Выгородить себя?

— Неправда! И это вы сказали сгоряча. Я люблю театръ, какъ свою родную стихію. Но я не хочу васъ тянуть въ этотъ омутъ.

— Почему омутъ?

— Омутъ—для многихъ. И тутъ задѣто мое дружеское чувство къ вамъ. Еслибы еще мы были увлечены взаимной страстью...

—выговорила она съ намѣреннымъ юморомъ.—Ни въ васъ, ни во мнѣ ея нѣтъ. Мы только пріятели.

Ему не было обидно услыхать, что она къ нему совершенно равнодушна, какъ къ мужчинѣ; но это вовсе не былъ доводъ, какъ и все то, что̀ она раньше говорила.

— Если вы хотите начинать у меня, въ зимней моей tournée или здѣсь—если дѣло устроится скорѣе, чѣмъ я думаю—во всякомъ случаѣ, какъ французы говорятъ: j'ai charge d'âme, и я не хочу быть въ глазахъ женщины, которая вамъ такъ предана, какъ жена ваша—вашей тайной сообщницей!..

— Почему уже не совратительницей?

Астаховъ иронически засмѣялся.

— Подите сюда, Иванъ Егоровичъ, не будьте капризнымъ мальчикомъ. Вѣдь дѣло идетъ о вашей участи, а не о моей.

Онъ вернулся на свое мѣсто около диванчика. Юлія Павловна присѣла къ краю и опять широкимъ и задушевнымъ жестомъ протянула ему руку.

— Полноте! Не обижайте меня. Ска̀жете мнѣ потомъ спасибо. Если вы твердо рѣшили—не скрывайте больше отъ жены вашей. Это не хорошо... унизительно для васъ и для искусства, которое должно стоять недосягаемо высоко.

— Что̀ же вамъ угодно, чтобы я теперь продѣлалъ? — выговорилъ Астаховъ, все еще не спадая съ своего нервнаго тона. —Пошелъ просить у жены позволенія: „отпусти меня въ актеры"!?

— Это не хорошо, что̀ вы сейчасъ сказали!—горячо вскричала она, откидываясь на спинку дивана. — Будь я на мѣстѣ вашей жены, я бы нашла, что̀ сказать вамъ. Она имѣетъ право, по меньшей мѣрѣ, на вашу искренность. Съ какой же стати вы ей поднесете такой сюрпризъ? Значитъ, вы ее ни чуточки не любите.

— Ну, конечно. Теперь явился вашъ дамскій аргументъ.

— Простите... я не судья и не духовникъ вашъ. Такъ или иначе, но надо, чтобы жена ваша обо всемъ узнала... во̀-время—еще есть время—и чтобы она убѣдилась, какъ я, въ качествѣ вашей будущей директрисы, веду себя.

— Какъ вы выгораживаете себя!..

— Ну, хорошо, пусть будетъ по вашему. Но въ этомъ вы не имѣете права мнѣ отказать.

Прервавъ себя на нѣсколько секундъ, она приблизила къ нему лицо и тише тономъ сказала:

— Если васъ это такъ затрудняетъ... хотите, чтобы я имѣла разговоръ съ вашей женой?

— Ни подъ какимъ видомъ!—почти крикнулъ онъ и вскочилъ съ мѣста.

— Что же васъ такъ ужаснуло, Иванъ Егоровичъ?

— Это мое дѣло. Я хочу идти на вашу сцену, потому что высоко ставлю васъ, какъ артистку.

— Надо, чтобы и жена ваша увѣрилась въ этомъ.

— Это ея дѣло. Если она меня хоть немножко любитъ, она все пойметъ.

И точно что его внезапно погнало, онъ всталъ, нагнулся, пожалъ ей руку и, съ дрожью въ голосѣ, выговорилъ:

— Только—ради Бога—предоставьте мнѣ самому вѣдать мои семейныя дѣла!

Было уже четверть седьмого, когда Астаховъ вернулся домой.

Всю дорогу, въ пролеткѣ, съ приподнятымъ верхомъ, куда холодная петербургская изморозь врывалась и била ему въ лицо— онъ не могъ остыть.

„Діалогъ", который приготовила ему Юлія Павловна, не только не встрепенулъ его, какъ холодный душъ, а напротивъ, привелъ въ крайнее возбужденіе.

Онъ чувствовалъ себя взбѣшеннымъ.

Всѣ женщины находятся въ постоянномъ заговорѣ противъ мужчины, когда въ нихъ не дѣйствуетъ любовная страсть или ревность.

Даже такая „жрица искусства", какъ Арнаутъ, все-таки придралась къ тому, что у него жена, что та можетъ посмотрѣть на нее, какъ на безчестную совратительницу.

Помалодушничай онъ немножко, и она поѣхала бы къ ней или написала ей письмо, точно дѣло идетъ о мальчишкѣ, который, тайкомъ отъ родителей, хочетъ поступить въ труппу.

Но этотъ неожиданный для него разговоръ далъ ему все-таки полезную встряску. Онъ устыдился собственнаго мальчишескаго поведенія.

Вотъ уже который мѣсяцъ онъ постыдно ведетъ себя. Онъ обязанъ былъ постепенно подготовлять жену къ тому, что *должно* случиться.

Конечно, она понимаетъ—и не со вчерашняго дня,—что къ этому идетъ. Еще тамъ, на берегу моря, вскорѣ послѣ отъѣзда ея пріятельницы Кружаловой, она спрашивала его: стоило ли ей продолжать ту работу, которую онъ когда-то поручилъ ей? И по переѣздѣ въ городъ, она нашла себѣ занятіе. Ей предложили двѣ бывшія подруги участвовать въ цѣломъ изданіи попу-

лярныхъ книжекъ. Это беретъ у нея много часовъ въ день и хорошо оплачивается.

Все равно, откроетъ ли Юлія Павловна свой театръ, или отправится въ tournée — никакой, въ сущности, катастрофы не произойдетъ. Маня будетъ продолжать тотъ же образъ жизни. Срокъ ихъ квартиры — къ веснѣ слѣдующаго года; а до тѣхъ поръ много воды утечетъ.

Но тянуть дольше онъ не будетъ. Вотъ, сейчасъ же онъ объявитъ ей.

Горничная, впуская его въ переднюю, доложила:

— Барыня сѣли кушать... извиняются. Имъ надо къ семи ѣхать.

— Хорошо!—рѣзковато отвѣтилъ онъ, проходя въ свой кабинетъ.

Тамъ онъ умылъ себѣ руки, снялъ сюртукъ и надѣлъ домашнюю визитку.

Сердце у него все еще нервно билось.

Но такъ лучше. По крайней мѣрѣ, не будетъ постыдныхъ колебаній.

Марья Денисовна кончала уже второе блюдо ихъ всегда очень скромнаго обѣда.

— Здравствуй!—окликнула она своимъ обыкновеннымъ тономъ, быстро взглянувъ на него.

Съ лѣта она замѣтно похудѣла въ лицѣ и стала еще проще одѣваться. На переносицѣ явилась складка, которая мѣняла выраженіе и старила ее.

Астаховъ сѣлъ сбоку, за свой приборъ, взялъ салфетку и, по своему обыкновенію, не развернулъ ее, а положилъ возлѣ.

Ему подали тарелку супу.

Когда горничная вышла, онъ повернулся лицомъ къ женѣ и спросилъ:

— У тебя спѣшный дѣловой визитъ къ семи часамъ?

— Да... у насъ нынче родъ совѣщанія. Опоздать было бы неловко.

Въ послѣднія недѣли они очень мало видѣлись и рѣдко говорили—только за обѣдомъ. Сценъ не было. Она давно уже замѣчала, что онъ умышленно уклоняется отъ всякаго искренняго и „принципіальнаго“ разговора.

Она, со дня на день и съ часу на часъ ждала того, чего еще лѣтомъ такъ боялась, а теперь считала почти неотвратимымъ.

— Я тебя не задержу,—началъ онъ довольно громко, страннымъ, какимъ-то точно дѣловымъ тономъ.—Долгихъ объясненій не потребуется.

Она взглянула на него пристально и тотчасъ же опустила рѣсницы.

— Я тебя слушаю, Ваня.

— Сегодня... я въ послѣдній разъ былъ въ моей „лавочкѣ“.

Она давно знала, что̀ значитъ слово „лавочка“.

— Ты подалъ въ отставку?—спросила она, по звуку, совершенно спокойно.

— Завтра подамъ. Мнѣ нужна полная свобода. Такая раздвоенность несносна и унизительна.

— Развѣ на тебя кто-нибудь налагаетъ узы, Ваня?

Вопросъ прозвучалъ строже.

— Такъ или иначе... вотъ я тебѣ сообщаю. Моя жизнь должна сложиться иначе.

— Ты идешь на сцену?—досказала она, опять совсѣмъ спокойно и тихо.

— Да.

Онъ что-то еще хотѣлъ сказать, но переждалъ, когда горничная, подавъ ему второе блюдо, удалилась.

— Ты поступаешь въ какую-нибудь труппу?

— Да,—съ нѣкоторымъ усиліемъ выговорилъ онъ и быстро провелъ салфеткой по губамъ...—Это еще не рѣшено—уѣду ли я на tournée въ провинцію, или буду членомъ товарищества... новаго театра здѣсь.

— Ты уже такъ увѣренъ въ своихъ силахъ?

Ея глаза досказали еще что-то.

— Тебѣ достаточно тѣхъ опытовъ, какіе ты дѣлалъ? Вѣдь ты выступалъ, кажется, два раза... съ той... съ провинціальной знаменитостью... съ госпожей Арнаутъ?

— Да, выступалъ.

— Зачѣмъ же ты скрывалъ отъ меня Ваня? Боялся сценъ? Я тебѣ ихъ не дѣлала. Твоя воля... Я много пережила и передумала съ нынѣшняго лѣта, съ пріѣзда къ намъ Сони Кружаловой. Напрасно только ты считаешь меня способной портить тебѣ судьбу...

Тутъ она не сдержала волненія, отвернула голову и тихо отерла глаза платкомъ.

— Тѣмъ лучше, если ты способна разумно отнестись къ дѣлу,—выговорилъ онъ, не глядя на нее.

Что-то удерживало его: подойти къ ней, приласкать, попросить прощенія за то, какъ онъ велъ себя. Онъ точно обидѣлся... на нее же.

— Тебѣ нечего было бояться!

Она быстро встала и прошла въ свою комнату, мимо него. Онъ могъ бы удержать ее на ходу—и не сдѣлалъ этого.

Ея шаги смолкли.

Вотъ она надѣваетъ теперь шляпку. Онъ прислушался.

— Поля, — доносится ея голосъ, — подайте Ивану Егоровичу пирожное. Провожать меня не надо.

А онъ сидѣлъ пристыженный, но съ чувствомъ злобной радости, предвкушая свою свободу артиста.

V.

Марья Денисовна вотъ уже второй мѣсяцъ какъ перебралась съ той квартиры, гдѣ они не одинъ годъ прожили съ мужемъ.

Она сдала ее съ мебелью и посудой довольно выгодно; на разницу въ цѣнѣ она взяла себѣ помѣщеніе въ меблировкѣ — просторную комнату съ альковомъ и небольшой уборной—ближе къ тому дому, куда она должна ходить по нѣскольку разъ въ недѣлю—носить „оригиналы“ и сидѣть надъ спѣшными корректурами.

Она обѣдаетъ дома отъ хозяйки; кое-что мастеритъ и сама.

Вотъ и сегодня, вернувшись домой часу въ пятомъ, она сейчасъ же прошла на кухню, только надѣла длинный фартукъ съ рукавами.

Съ кухаркой Анисьей онѣ—большіе друзья. Та знаетъ теперь всѣ ея вкусы и не обижается тѣмъ, что „барышня“ — такъ она почему-то зоветъ ее—сама купитъ себѣ что-нибудь въ зеленной и даже въ мясной лавкѣ.

Вотъ и сегодня она принесла цвѣтной капусты.

— Вы успѣете сварить, Анисья? Я раньше половины пятаго не сяду.

— Какъ не успѣть, барышня? Пожалуйте.

И, взглянувъ на кочанъ, она спросила съ хитрецой въ своихъ карихъ глазахъ:

— Сколько дали?

— Двадцать копѣекъ.

— Стоитъ.

Съ сосѣдями она близко не знакомится, но со всѣми кланяется. Это все больше холостой народъ, трудовой. Только одна барынька—неизвѣстной профессіи, и у хозяйки—„подъ сомнѣніемъ“.

Горничная—изъ чухонокъ, съ поэтическимъ именемъ Алида—очень приличная особа, говорящая по-нѣмецки, съ разными тонкостями произношенія, старательная, но нервная и обидчивая. Чуть что — въ слезы — и будетъ плакать добрый часъ, а то и больше.

И съ ней у Марьи Денисовны лады. Она ей кое-что и чинитъ, и, когда есть время, дѣлаетъ маленькія „постирушки".

Вернувшись въ свой нумеръ, Астахова сняла фартукъ и пошла въ уборную вымыть руки. На ней ея дѣловой туалетъ, давно уже неизмѣнный: черная юбка и такая же шолковая рубашечка съ широкимъ кушакомъ; высокій стоячій воротничокъ и маншеты.

Не одна кухарка Анисья, а всѣ жильцы считаютъ ее барышней. Она стала еще тоньше въ фигурѣ, и худоба лица моложавила ее. Прическа, съ начесами на уши, прядями—очень ее красила.

Комнату свою она содержала въ необыкновенной чистотѣ. У нея большой письменный столъ и двѣ полки съ книгами. На ломберномъ столѣ, уже покрытомъ бѣлой скатертью, она обѣдаетъ и пьетъ чай. Кушетка и нѣсколько креселъ дополняютъ меблировку. На двухъ столикахъ—вещи, взятыя съ собою: разныя воспоминанія, портреты, въ томъ числѣ и фотографія мужа, рядомъ съ портретомъ ея матери.

Мать ея — въ Петербургѣ, живетъ на пенсію, все въ той же маленькой квартирѣ. Она предлагала жить вмѣстѣ. Марья Денисовна не согласилась. Лишней комнаты нѣтъ; устроивать ее заново будетъ, пожалуй, дешевле; но раньше будущей осени нельзя: квартира матери—по контракту.

Да и зачѣмъ стѣснять другъ друга? У матери—свои привычки. Она давно вдовѣетъ и привыкла къ полной свободѣ, любитъ свое одиночество.

Мать ея—„передовая" своего времени. Она и ее такъ воспитала. Съ зятемъ своимъ она ладила и была ихъ сообщницей, когда они тайно сближались. Она долго въ него „вѣрила". И когда случилась „катастрофа", мать сильно огорчилась; но никакой исторіи съ Иваномъ Егоровичемъ не затѣвала.

Онъ имѣлъ съ ней объясненіе, по своей волѣ, у нея, при которомъ дочь не присутствовала.

Ея „принципы" не позволяли ей насиловать его свободу. Онъ имѣлъ право распоряжаться своей судьбой; но онъ забылъ о своей женѣ; это она ему замѣтила мягко—какъ бы сказала и родная мать.

На это онъ ей отвѣтилъ:

— Я не бѣгу отъ Мани. Я ей не измѣнилъ. У меня нѣтъ никакой связи съ другой женщиной. Въ концѣ сезона я вернусь. Маня можетъ не разставаться со мною.

То же предложеніе сдѣлалъ онъ и ей; но она не согласилась.

— Я буду у тебя какъ бѣльмо, — сказала она прямо, довольно нервно.

Но развѣ она не была права?

Что̀ бы стала она дѣлать въ труппѣ, которая отправится въ объѣздъ по десяти губернскимъ городамъ! Состоять при мужѣ, мѣшать ему, напоминать ежеминутно — какъ онъ, по доброй волѣ, измѣнилъ своему прошлому и фактически разрушилъ ихъ совмѣстную жизнь?

Она должна работать. У нея есть маленькій капиталецъ. Но на одни проценты съ него она не могла бы жить и такъ, какъ живетъ; а мать живетъ только на пенсію, и быть ей въ тягость она ни за что не согласится.

У него — сколько ей извѣстно — есть нѣсколько процентныхъ билетовъ, можетъ быть на пять, на шесть тысячъ. Теперь онъ долженъ жить на заработокъ актера. Хорошо, если его директриса окажется состоятельной къ концу ихъ „tournée“.

Объ этой директрисѣ она уже многое знаетъ. На сценѣ она ее не видала. О наружности имѣетъ понятіе по карточкамъ. Ихъ можно имѣть въ магазинахъ цѣлую дюжину въ разныхъ роляхъ и во всевозможныхъ декольтѐ. Красива, и не банально красива, прекрасно сложена, чудесные волосы, если свои.

Въ провинціи она — знаменитость; играла и въ Москвѣ съ громкимъ успѣхомъ. Она изъ общества, разводка, съ большимъ „прошедшимъ“. Директорствуетъ съ тѣхъ поръ, какъ стала располагать хорошими деньгами, и эти деньги идутъ отъ какого-то московскаго туза-милліонера.

Все это ей написала Соня Кружалова сама, узнавъ, что мужъ ея пошелъ на сцену въ труппу „Арнаутши“, какъ она ее называла по-актерски.

Въ первую минуту по прочтеніи этого письма, у нея вскипѣло внутри на эту подругу и товарку, отъ которой пошло все. И какая неделикатность — первой писать ей, когда она и не думала обращаться къ ней, какъ будто она желаетъ черезъ нее узнавать про своего мужа.

Но Соня — невмѣняема. Театръ совершенно передѣлалъ ее въ существо, которое не можетъ жить ничѣмъ другимъ.

Для нея дѣло—самое простое: Астаховъ почувствовалъ влеченіе къ сценѣ; жена сначала глупо огорчилась; но потомъ поняла, что это дико—становиться ему на дорогѣ. Что же можетъ быть естественнѣе: спросить ее—какія извѣстія имѣетъ она отъ мужа, и сообщить ей то, что она слышала въ актерскомъ мірѣ.

Спектакли ихъ „tournée“ идутъ хорошо. „Арнаутша“ вездѣ пожинаетъ лавры; а рядомъ съ нею и Ардатовъ — онъ сохранилъ и въ актерахъ свой любительскій псевдонимъ.

Сама Марья Денисовна почти-что ничего не знала о мужѣ. До сихъ поръ, она получила отъ него два письма, изъ которыхъ одно—„открытка“. Видно, что онъ—въ угарѣ отъ своихъ быстрыхъ успѣховъ.

Успокоившись, она, дня черезъ два, отвѣтила Сонѣ въ Москву, гдѣ та—уже съ вѣдома мужа — поступила въ ученицы - статистки театра.

Это было недѣли двѣ назадъ. Съ тѣхъ поръ она живетъ въ полномъ невѣдѣніи — что творится съ ея мужемъ. Съ матерью онѣ видятся часто, раза три-четыре въ недѣлю. Объ Иванѣ Егоровичѣ онѣ почти-что не говорятъ. Мать—вѣрная своимъ „принципамъ“—считаетъ непростительнымъ касаться того, что могло быть и больнымъ мѣстомъ для дочери.

Почти каждый день, просыпаясь, ея дочь спрашиваетъ себя:

„Вернется ли онъ?“

У нея дѣлается холодно въ груди отъ мысли, что она, быть можетъ, навѣки покинута своимъ Ваней.

Натура у нея не такая, чтобы безпробудно убиваться. Къ этому фактическому „разъѣзду“ она имѣла время приготовиться. Она не умретъ отъ разлуки съ мужемъ, не хочетъ рисоваться напускными чувствами.

Ударъ нанесенъ. Жизнь пойдетъ по другому. Есть полная возможность, что любимый человѣкъ, съ кѣмъ она собиралась коротать свой вѣкъ, увлечется другой женщиной. И не одной... обзаведется, быть можетъ, и семействомъ... будетъ имѣть одну или нѣсколькихъ театральныхъ женъ. Вѣдь на сценѣ такія связи мѣняются съ труппой, съ новымъ сезономъ: настолько-то она слышала и читала объ актерскихъ нравахъ.

Но часто она говоритъ себѣ:

„Рано или поздно онъ вернется“...

Если ея сердце не изноетъ до тѣхъ поръ въ одиночествѣ и не будетъ искать новой привязанности—она приметъ его... какъ евангельскаго блуднаго сына.

Къ этой эффектной и, кажется, очень ловкой и прожже-

ной Арнаутшѣ она его, почему-то, нисколько не ревнуетъ. Она боится не того, что та влюбитъ его въ себя и сдѣлаетъ своимъ рабомъ. Но въ ея школѣ онъ можетъ безповоротно предаться сценическому запою.

Горничная Алида вошла накрыть на столъ. Марья Денисовна сидѣла уже у стола и укладывала какіе-то листы въ одинъ изъ боковыхъ ящиковъ.

Ея вечера будутъ теперь не такъ однообразны. Она позволила себѣ присмотрѣть недорогое піанино и возьметъ его напрокатъ на три мѣсяца: такъ цѣна дешевле. А свой инструментъ она оставила въ квартирѣ и беретъ за него такую же почти плату, какую сама будетъ платить. Піанино должны принести завтра.

— Алида, — сказала она по-нѣмецки горничной, когда та ставила миску.—Завтра, безъ меня, принесутъ піанино. Я вамъ уже говорила. За него заплачено. На чай вы дадите рабочимъ тридцать копѣекъ.

Алида музыкальнымъ звукомъ отвѣтила неизмѣнное:

— Ja, gnädiges Fräulein.

Марья Денисовна не поправляла ее. Пускай считаютъ ее незамужней женщиной. Къ ней никакихъ мужчинъ не ходитъ. У нихъ было очень мало знакомыхъ. Въ два семейства она заходила изрѣдка.

Внося второе блюдо, Алида что-то вспомнила. Она страдала забывчивостью.

Покраснѣвъ густо, она извинилась, докладывая, что сегодня была какая-то молодая барышня... и хотѣла видѣть „gnädiges Fräulein". У нея письмо... изъ Москвы, и она придетъ вечеромъ, не позднѣе осьми.

Марья Денисовна ни о комъ не подумала и спокойно отвѣтила, что она будетъ, объ эту пору, дома.

Къ ней являются довольно часто ищущія работы.

Ихъ столько! А многихъ ли удается пристроить?

Послѣ обѣда Марья Денисовна немного отдыхала на кушеткѣ. За день она порядочно утомится. И до сихъ поръ у нея есть чисто петербургская привычка къ ночной работѣ, почему она никакъ и не можетъ наладить себя вставать рано.

Она еще лежала на кушеткѣ, но уже не спала, когда Алида, показавшись въ дверяхъ, доложила ей, что ее желаютъ видѣть.

Комната стояла полуосвѣщенной одной лампой на письменномъ столѣ.

— Попросите!

Марья Денисовна спустила ноги, но осталась на кушеткѣ.

Въ дверь проникла бочкомъ женская фигурка въ темномъ, въ низенькой котиковой шапкѣ и короткой кофточкѣ.

— Мадамъ Астахова?—спросила она слабымъ, вздрагивающимъ голоскомъ и остановилась въ поларшинѣ отъ двери.

— Это я... Милости прошу.

— Извините... вы, кажется, отдыхали.

Въ рукахъ она держала письмо и сдѣлала еще два шага впередъ.

— Садитесь пожалуйста,—настоятельнѣе пригласила ее Астахова,—вотъ сюда.

Она перешла къ письменному столу и указала ей на стулъ сбоку стола.

Тутъ только она могла разглядѣть наружность гостьи. Блондинка съ изможденнымъ личикомъ и огромными глазами. Точно она только-что вышла изъ больницы. И вся трепетная, очень жалкая. Одѣта чистенько, но во все уже поношенное.

Исторія извѣстная—бьется безъ работы или только-что встала послѣ долгой болѣзни.

— Мамурина моя фамилія. Я къ вамъ, Марья Денисовна, отъ вашей бывшей подруги, Софьи Богдановны.

— Кружаловой?

— Да... Вотъ ея письмо.

Астахова взяла изъ ея вздрагивающихъ рукъ письмо и положила-было на столъ, не читая.

— Нѣтъ... пожалуйста... прочтите.

Въ голосѣ заслышались слезы.

Письмо, дѣйствительно, было отъ Кружаловой, на четырехъ страницахъ.

Въ началѣ она просила ее принять участіе въ этой „молодой особѣ“ — очень несчастной — насколько это для нея возможно. Въ чемъ дѣло—она ей сама объяснитъ. И, вслѣдъ затѣмъ, рѣчь пошла исключительно о ея мужѣ, его успѣхахъ и положеніи въ труппѣ „Арнаутши“.

Кончала она такими словами:

„Зная твой характеръ, я сомнѣваюсь, чтобы ты стала хлопотать объ этой неудачницѣ, достойной, во всякомъ случаѣ, лучшей участи. Врядъ ли ты будешь просить о чемъ-нибудь Ивана Егоровича. Во-первыхъ, ты слишкомъ лично относишься къ театру, съ тѣхъ поръ, какъ мужъ твой пошелъ на сцену. А во-вторыхъ, у тебя могутъ быть и разные другіе scrupules... Особенно если до тебя будутъ доходить разныя сплетни“.

Этотъ конецъ письма не столько смутилъ ее, сколько показался страннымъ.

— Я не совсѣмъ понимаю,—сказала она, поднявъ голову,—чѣмъ я могу быть полезной вамъ?

Что-то ее вдругъ укололо.

— Простите... Марья Денисовна,— залепетала маленькая женщина, конфузясь и покраснѣвъ.

„Будетъ просить на бѣдность",—подумала Астахова.

— Софья Богдановна—ваша подруга. Мы съ ней познакомились въ Москвѣ, въ прошломъ году. Я хотѣла поступить туда же... и не была принята. Мнѣ долго разсказывать про всѣ свои мытарства, да и васъ совѣстно утомлять.

— Вы артистка?—остановила Астахова.

— Да... и который уже годъ! Вы на меня такъ глядите... съ удивленіемъ. Я знаю — у меня такая внѣшность, особенно теперь, послѣ долгой болѣзни. Но вѣдь я никогда и не мечтала быть драматической jeune première. Я ingénue, но не въ водевиляхъ, а въ искреннихъ роляхъ.

— Съ настроеніемъ, какъ нынче всѣ говорятъ?—сказала Астахова, усмѣхнувшись.

— Да, если хотите. Это хорошее слово.

— Ужасное!—вырвалось у Марьи Денисовны.

— Я спорить не буду.

Просительница перевела дыханіе. Дышала она скоро, какъ слабогрудая, и постоянно откашливалась въ платокъ.

„Да у нея туберкулозъ!"—подумала Астахова.

— Долго разсказывать... Знаете, какъ меня прозвали въ труппѣ, еще года два назадъ...

— Не могу угадать.

— Чайка... Чеховская чайка! Вродѣ этого и моя судьба.

— Стало... несчастная любовь?—тихо спросила Астахова.

Глаза маленькой женщины замигали.

„Вотъ, сейчасъ разревется",—подумала Марья Денисовна, и ей стало непріятно, что она позволила себѣ такой нескромный вопросъ.

— Все было. И знаете, какъ я только... въ деревнѣ это было, также въ усадьбѣ—прочла эту вещь въ одномъ журналѣ,—моя судьба была рѣшена.

— Вмѣсто того, чтобы оттолкнуть васъ отъ этой дороги.

— Съ дѣтства... я обожала театръ... это уже отъ рожденія, Марья Денисовна. Вотъ видите, я пришиблена... въ настоящую

минуту... здоровья нѣтъ, работы также, а я не могу, не могу бросить сцену, не могу!

Чтобы не расплакаться, она прижала платокъ ко рту.

Астаховой тутъ только сдѣлалось жаль эту забитую, больную дѣвушку, которой, вѣроятно, на роду было писано—сдѣлаться неудачницей изъ ряду вонъ!

Она протянула къ ней обѣ руки.

— Но развѣ нѣтъ другого заработка? Вы вѣдь совсѣмъ свободны?

— Совсѣмъ. Теперь у меня никого нѣтъ.

— Умерли родители?

— Все равно, что покойники. Ходу мнѣ туда—она провела рукой—нѣтъ и не будетъ. Все равно, еслибъ меня сослали на островъ Сахалинъ... Позвольте, Марья Денисовна, спросить васъ: вотъ, я бы пришла просить у васъ работы... переводчицы или переписчицы... вы бы отвѣтили: ничего нѣтъ... извините!

„Развѣ это не такъ?"—мысленно спросила себя Марья Денисовна.

— Вѣдь на одну ваканцію—сто, двѣсти желающихъ. Вездѣ одно и то же. Переписывать?.. Это гроши! Лучше въ бонны, на пятнадцать рублей. И что̀ это за жизнь! Господи! Хуже, чѣмъ горничной или кухарки.

И съ этимъ возраженіемъ должна была согласиться Марья Денисовна.

— И вы... еслибъ и нашлась вамъ работа—не промѣняли бы на нее ангажементъ?

— Ни въ жизнь! — воскликнула высокой нотой маленькая женщина.

Астахова ждала, о чемъ она будетъ просить, хотя знала уже впередъ—въ какомъ родѣ будетъ эта просьба.

— Вамъ Софья Богдановна пишетъ... Теперь въ труппѣ Арнаутъ вашъ мужъ, по театру Ардатовъ... вѣдь такъ? Онъ сразу имѣлъ большіе пріемы вездѣ... Мнѣ писали подруги и Юлія Павловна...

— Кто это?—строже спросила Астахова.

— Сама Арнаутша... какъ у насъ ее зовутъ давно. Она очень выдвигаетъ вашего мужа. Ему ничего не будетъ стоить...

— Но у нихъ труппа уже составлена, насколько я знаю.

— Я хоть въ выходныя. Это прекрасная школа. Арнаутъ сама — чудесный учитель. И режиссеръ у нея Крапивниковъ. Изъ московскихъ... Господи! Я хоть на хлѣбъ и воду... только бы

попасть въ такую труппу... Что же вамъ стоитъ, Марья Денисовна?

Она просительно сложила трепетныя руки.

Астахова помолчала.

— Простите... я не могу быть вамъ полезной.

— Вы... развѣ... разошлись съ вашимъ мужемъ?—быстро спросила просительница и усиленно замигала воспаленными глазками.

— Нѣтъ... не потому. По другимъ мотивамъ.

— Хоть карточку. Я ѣду завтра въ Москву... оттуда я пошлю. И Софья Богдановна не откажетъ мнѣ въ рекомендаціи... Только вашу карточку... и два слова. Умоляю васъ!

Опять она прижала платокъ къ губамъ.

— Карточку... извольте,—съ усиліемъ выговорила Астахова и подошла къ письменному столу.

Маленькая женщина бросилась благодарить ее, порываясь схватить кисть ея руки и поцѣловать.

VI.

Поздно проснулся Иванъ Егоровичъ—вотъ уже третій мѣсяцъ гастролеръ „Ардатовъ"—въ нумерѣ гостинницы „Лондонъ", въ одномъ большомъ губернскомъ городѣ.

Въ головѣ—явственный шумъ и боль въ правомъ вискѣ. Во рту—отвратительный вкусъ.

Несомнѣнно—онъ въ состояніи „катценъяммера"—подумалъ онъ по-студенчески.

Неужели онъ уже втянулся настолько въ „артистическія" привычки?

Безъ ужиновъ дѣло не обходится, съ тѣхъ поръ какъ онъ въ труппѣ, особенно съ этимъ переѣзжаньемъ изъ города въ городъ. Отъ нихъ онъ уклонялся въ Петербургѣ, насколько это возможно, если бывалъ на журъ-фиксахъ, гдѣ даютъ ужинать.

Но въ актерскомъ быту это немыслимо!

Весь режимъ перевернутъ вверхъ дномъ. Прежде онъ пилъ чай въ девять часовъ утра, завтракалъ передъ уходомъ на службу, обѣдалъ въ шесть и пилъ вечерній чай съ холодной ѣдой около десяти. Такое же распредѣленіе соблюдалось и на дачѣ.

Теперь—и это началось въ первый день его новой службы—утренній кофе или чай, когда придется, потомъ ранній обѣдъ

въ четыре, много въ пять, и послѣ спектакля или вечерней репетиціи—ужинъ, и непремѣнно въ трактирѣ, или клубѣ, или въ столовой той гостинницы, гдѣ живутъ главные „сюжеты“ труппы вмѣстѣ съ антрепренершей.

И всегда „возліянія“, особенно въ клубахъ и въ гостинницѣ, послѣ удачныхъ спектаклей съ „премьерой“, т.-е. съ пьесой, еще не игранной въ этомъ городѣ.

Вездѣ уже водятся кружки „отчаянныхъ“ театраловъ, рецензенты, богатенькіе „друзья театра“, купчики съ образованіемъ, барыньки-любительницы, мечтающія о настоящей сценѣ, инженеры, подрядчики, тароватые адвокаты, офицеры, тамъ, гдѣ стоятъ кавалерійскіе полки.

Безъ угощеній такіе ужины не могутъ обходиться и между собою, и отъ почитателей таланта.

Въ жизни своей онъ не выпилъ столько „холоднаго“, русскихъ и французскихъ марокъ, какъ въ эти двѣ недѣли. За столомъ начинаются безконечные разговоры, споры или изліянія, а потомъ спичи. Всѣ нынче—спикеры: и актеры, и чиновники, и купцы, и военные, и дамы, вплоть до учителей гимназіи и... гимназистовъ на возрастѣ, съ большой растительностью на верхней губѣ и подбородкѣ.

Онъ не воображалъ, что въ провинціи—такое повѣтріе на застольныя рѣчи и здравицы.

И съ перваго же ужина онъ сдѣлался какъ бы оффиціальнымъ спикеромъ ихъ труппы.

Вѣдь онъ—изъ ученыхъ, чуть не магистрантъ. Его патронша любитъ похвастаться такимъ „ученикомъ“ и всячески выставлять его въ самомъ интересномъ свѣтѣ для женской интеллигенціи. И это стало его затягивать. Застольные успѣхи дополняли тѣ „пріемы“, какими онъ сразу началъ пользоваться, особенно со стороны женской публики.

Онъ старался воздерживаться отъ излишнихъ возліяній; но случалось уже нѣсколько ужиновъ, послѣ которыхъ у него шумѣло въ головѣ.

Не такъ, какъ вчера.

Безъ спичей и овацій и подвинченныхъ разговоровъ—только въ своей компаніи—онъ незамѣтно „ошибся въ разсчетѣ“,—какъ острилъ всегда на эту тему ихъ первый комикъ.

Не было ли это желаніемъ забыться, затопить тотъ червякъ, который грызъ его—въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ актеръ?

Болѣе, чѣмъ вѣроятно.

За столомъ были только товарищи и еще одинъ рецензентъ, влюбившійся въ ихъ труппу съ перваго спектакля.

Вчера былъ ихъ предпослѣдній вечеръ въ этомъ городѣ.

Патронша разсчитывала на огромный сборъ. Шла въ первый разъ здѣсь та пьеса, гдѣ Астаховъ игралъ еще любителемъ съ нею же. Этотъ успѣхъ, въ сущности, и рѣшилъ его судьбу.

А случилось совсѣмъ другое.

Еще на репетиціи онъ совсѣмъ не узнавалъ свою партнершу. Обыкновенно, она играла всегда „въ полъ-игры"; а тутъ только читала по суфлеру, была разсѣянна, не сдѣлала ему ни одного замѣчанія, и вся репетиція прошла спустя рукава.

Помощникъ режиссера, юркій человѣкъ, большой сплетникъ по профессіи, шепнулъ ему:

— Наша Арнаутша — въ разстройствѣ. Что-то у ней не ладно по любовнымъ дѣламъ. Ихъ степенство... господинъ главный покровитель... чѣмъ-то весьма недоволенъ. Это можетъ отразиться на субсидіи.

Тотчасъ по вступленіи въ труппу, его „просвѣтили" насчетъ директрисы.

Это было ему—на первыхъ порахъ—какъ-то особенно непріятно. Женщины въ ней онъ не искалъ; да и она поторопилась сразу же установить между ними чисто-товарищескія отношенія, и на первомъ же большомъ ужинѣ выпила съ нимъ брудершафтъ.

Но въ лицѣ этой женщины началась передъ нимъ „стирка бѣлья", обнаруженіе всего того нечистоплотнаго, что̀ такъ въѣлось въ закулисные нравы.

Культъ новаго искусства еще не скоро очиститъ эти нравы. Онъ это увидалъ раньше, чѣмъ ему хотѣлось, и прежде всего на своей руководительницѣ.

Сначала онъ помирился съ тѣмъ, что есть въ Москвѣ нѣкоторый „тузъ", съ которымъ у нея давнишняя, какъ бы полусупружеская связь; какъ первый комикъ называетъ: „купецъ, дарящій жилетки"—фраза, передѣланная изъ жаргона одной изъ героинь „Доходнаго мѣста". И этотъ анонимный финансовый покровитель — разумѣется, женатый, съ огромной семьей и въ весьма почтенныхъ лѣтахъ.

Только-что Астаховъ помирился съ этимъ, какъ начали всплывать другіе симптомы, и всѣ почти члены труппы взапуски стали знакомить его съ сердечными дѣлами „патро̀нши".

Оказалось, что она нѣсколько лѣтъ „жила" съ провинціальнымъ актеромъ, изъ самыхъ заурядныхъ, долго таскала его

съ собою; для нея его больше и брали антрепренеры; а съ послѣдняго лѣта вышелъ разрывъ или временный разъѣздъ, и она его въ свое tournée не взяла. Про него всѣ—и мужчины, и женщины—одного мнѣнія: грубъ, дерзокъ, бездаренъ, выпиваетъ, буянъ, вульгарной наружности. Но женщины на него падки.

Не устояла и она—даже въ самый расцвѣтъ своего таланта и красоты. Для многихъ это оставалось загадкой.

Актриса на „grande dame"—изъ бывшихъ гувернантокъ—думаетъ, что ихъ связь еще не прервана и что можетъ выйти что-нибудь „экстраординарное".

Она при этомъ вспомнила громкій скандалъ на одномъ изъ столичныхъ театровъ, когда покинутый любовникъ, на репетиціи, сталъ поносить первую актрису самыми позорными словами.

Третьимъ открытіемъ былъ новый романъ его руководительницы въ самой труппѣ. Это сдѣлалось на его глазахъ. Она пригласила па „вторыхъ любовниковъ" красиваго мальчика, съ талантцемъ, сына артиста съ большимъ именемъ, воспитаннаго, съ голоскомъ, бывшаго ученика консерваторіи. Она имъ стала заниматься особенно ревностно, и въ труппѣ уже пронюхали, что тутъ дѣло „не чисто".

Это опять огорчило его, не такъ, какъ фактъ „купца, дарящаго жилетки", но довольно сильно.

Получалось что-то чисто театральное, граничащее съ распущенностью.

Юлія Павловна, произведя его въ свои друзья, полегоньку дѣлала изъ него наперсника, и онъ ждалъ—вотъ-вотъ, она будетъ его вводить въ свои интимныя дѣла. На поддержку изъ Москвы она уже намекала. Но ни про свою связь съ тѣмъ провинціальнымъ актеромъ, ни про „капризъ" къ второму любовнику своей труппы еще не проронила ни слова.

Это могло случиться не сегодня, такъ завтра.

Она чѣмъ-то сильно разстроена съ вчерашняго утра; поэтому такъ и репетировала. Это на него подѣйствовало чрезвычайно. Тутъ только увидалъ онъ — до какой степени онъ впечатлителенъ. Онъ старался играть, но ея спѣшная и сухая „читка" совсѣмъ сбивала его. Ни одна фраза, ни одинъ жестъ не удались ему, и онъ къ третьему акту, гдѣ знаменитая любовная сцена доктора съ профессоршей —чувствовалъ себя какъ въ тискахъ, и рѣшилъ не играть, не волноваться, а только быть твердымъ въ текстѣ, возлагая надежду на вечеръ.

Здѣсь, какъ и во всѣхъ городахъ, гдѣ они побывали, у него не было плохихъ „пріемовъ". Эту роль онъ вправѣ былъ уже

считать „коронной“. Она должна была дать ему пріемъ „фурорный“, не меньше, чѣмъ самой патроншѣ.

А вечеръ вышелъ печальный. Она, правда, „играла“, но ни онъ, ни другіе въ труппѣ не узнавали ее. Это сразу сшибло его съ тона. Въ антрактахъ между первымъ и вторымъ дѣйствіями онъ, для бодрости, выпилъ большую рюмку коньяку. Оно было и кстати, такъ какъ докторъ все время—„на сильномъ взводѣ“.

Ничего у него не выходило. Приплясыванье и гиканье подъ гитару прошло такъ „пакостно“, что онъ чуть не заплакалъ.

И она играла вяло, тянула, была неавантажна и по туалету. Ingénue—въ роли ея падчерицы, по пьесѣ—увлекла публику; а ее вызвали всего два раза; и ни одного голоса, даже изъ райка:

— Ардатовъ!

Она сказала ему, за сценой:

— Это нашъ первый провалъ, Астаховъ.

Вдобавокъ, сборъ неважный; а пьеса назначена была къ повторенію.

Вчера онъ испыталъ, что такое *актерское чувство провала или неуспѣха.*

Никакая карьера не даетъ его. Ни чиновникъ, ни писатель, ни художникъ—живописецъ, скульпторъ,—ни композиторъ не знаютъ *этого* именно чувства.

Легко ему было прежде—когда онъ считалъ себя принадлежащимъ къ сливкамъ интеллигенціи—возмущаться „безобразнымъ“ тщеславіемъ „лицедѣевъ“, ихъ жаждой успѣха, овацій, подарковъ, массовыхъ увлеченій публики.

Надо войти въ кожу всякаго такого „лицедѣя“. Ни въ одной профессіи никто такъ не питается потребностью признанія своего таланта, какъ на подмосткахъ.

Писатель также ищетъ успѣха, дорожитъ отзывами; но онъ выступаетъ разъ, два въ годъ съ повѣстью или романомъ. Даже сценическій писатель, выходя раскланиваться съ публикой и рискуя услыхать и шиканье, и свистъ, испытываетъ это разъ, много два въ сезонъ, а то и въ нѣсколько лѣтъ.

А тутъ ежедневная игра, рулетка, повышеніе и паденіе!..

Уже съ первыхъ вечеровъ, въ настоящей труппѣ, онъ позналъ эту особенную чуткость къ малѣйшимъ оттѣнкамъ „пріема“. Вчера „выкатили“ пять разъ, а сегодня—только три; вчера хлопали во всѣхъ актахъ; а сегодня—ни хлопка послѣ такого-то дѣйствія.

И во всѣхъ товарищахъ—та же лихорадка; въ мужчинахъ

и въ женщинахъ. Трудно даже сказать: въ комъ больше. Начинаетъ щемить въ груди, пропадаетъ сейчасъ же возбужденное настроеніе, точно вамъ нанесли нестерпимую обиду.

А вчера былъ „форменный провалъ"—какъ, навѣрное, говорятъ всѣ коллеги, даже и тѣ, кто за ужиномъ строилъ фальшивыя фразы о „тупоголовой публикѣ".

Видишь насквозь всю эту актерскую фальшь; но вамъ до нея дѣла нѣтъ, пока у васъ есть пріемъ, пока вы испытываете сладостное щекотаніе отъ хлопанья и криковъ, даже самыхъ некультурныхъ, а въ провинціи—зачастую—прямо пьяныхъ.

Вчера его первая осѣчка—хотя вовсе не скандальная – такъ его разстроила, что онъ искалъ, впервые, забвенія въ винѣ. Но кромѣ сегодняшняго недомоганія—ничего не получилъ.

Она не ужинала, ушла къ себѣ въ номеръ и сказала ему, что если завтра къ двумъ часамъ сборъ не будетъ на двѣ трети—они сдѣлаютъ *аннонсъ* и сегодня играть не будутъ; а завтра, наканунѣ отъѣзда, дадутъ другую вещь съ ея „коронной" ролью, въ которой онъ не занятъ и гдѣ она выпускаетъ каждый разъ своего новаго любимца, хорошенькаго и сладкаго Любскаго.

Вчера же кто-то изъ „коллегъ", выпивши, сталъ дѣлать прозрачные намеки на то, что онъ—Ардатовъ—состоитъ въ любимцахъ № 1, а Любскій—въ „подлюбимцахъ". И онъ знаетъ уже, что его считаютъ возлюбленнымъ патронши, чуть не ея Альфонсомъ.

До исторій еще не доходило; но у него есть предчувствіе, что не сегодня-завтра что-нибудь выйдетъ. Надо будетъ заблаговременно оградить себя отъ дальнѣйшихъ нечистоплотныхъ шуточекъ и остротъ.

Репетиція назначена была въ одиннадцать; но, навѣрное, никого еще нѣтъ.

Астаховъ одѣвался вяло. Надо было что-то съ собою сдѣлать. Принять чего-нибудь, чтобы прошло это недомоганіе.

Чего же? Неужели рюмку или двѣ коньяку? Стало быть, онъ дошелъ уже до потребности „опохмелиться", какъ форменный алкоголикъ?

Это пристыдило его, почти испугало.

Онъ позвонилъ и приказалъ коридорному подать себѣ кофею.

— Госпожа Арнаутъ еще не выходила въ столовую?—спросилъ онъ его, когда тотъ принесъ кофе.

— Не могу знать. А впрочемъ врядъ-ли-съ.

Онъ долженъ захватить ее у нея въ номерѣ, попросить, чтобы спектакль былъ непремѣнно отмѣненъ, если къ часу дня

будетъ только половина сбора; а врядъ-ли и столько наберется. Вчерашній вечеръ вызвалъ большое уныніе въ труппѣ—припадокъ чисто-актерскаго малодушія.

Сегодня хотя у него и трещитъ голова, но онъ соображаетъ, что, въ общемъ, пьеса прошла изрядно, а ingénue и тотъ актеръ, что игралъ профессора, были и совсѣмъ какъ слѣдуетъ, въ особенности этотъ резонеръ—самая крупная провинціальная знаменитость съ двойной фамиліей Терскій-Брянскій.

Астаховъ вышелъ въ темноватый коридоръ, очень неопрятный, съ неизбѣжными запахами провинціальной гостинницы. Двойной номеръ антрепренерши былъ въ глубинѣ, въ противоположномъ углу.

Онъ тихонько вступилъ въ совсѣмъ темную прихожую, заставленную сундуками и корзинами, хотѣлъ постучать въ дверь, ведущую въ первую комнату, гдѣ она принимала; но его остановилъ громкій возгласъ, а потомъ цѣлый потокъ словъ, должно быть, бранныхъ, мужскимъ, хриповатымъ, глухимъ голосомъ.

Это его смутило. Рука, взявшаяся-было за ручку двери, опустилась.

— Тварь!—крикнули опять, и не за дверью, а подальше.

Что-то сдвинули—стулъ или кресло.

Раздался женскій крикъ. Онъ сейчасъ же узналъ ея голосъ.

Астаховъ ринулся въ номеръ, не разсуждая. Происходило какое-то насиліе надъ женщиной.

Онъ пробѣжалъ первую комнату, отдѣланную гостиной, и остановился у полуотворенной двери въ слѣдующую.

Вотъ что представилось ему:

Курчавая голова съ просѣдью и спина рослаго, плечистаго мужчины, въ длинномъ черномъ сюртукѣ, и правая рука, вскинутая наотмашь, чтобы нанести ударъ. Лѣвой рукою онъ держалъ Арнаутъ за шею, пригнувъ къ землѣ.

Раздался ударъ.

У Астахова позеленѣло въ глазахъ. Онъ схватилъ его сзади за шею и съ силой оттащилъ назадъ, такъ что тотъ чуть не упалъ на спину.

— Негодяй!—крикнулъ Астаховъ, еще не видя, кто это.— Бить женщину! Мерзавецъ!

Онъ такъ былъ возбужденъ, что схватилъ того за плечи и началъ трясти его, полупростертаго на полу. У него, отъ нервности, застучали челюсти, и онъ не могъ ничего больше выговорить.

— Онъ убьетъ меня!—простонала она, поднимаясь съ пола, и, чуть живая, поплелась къ кровати, куда и упала.

— Спасите меня! Обыщите его! У него навѣрно револьверъ!

Волосы ея были страшно растрепаны—точно онъ ее таскалъ за нихъ по полу.

Тутъ только Астаховъ вмигъ все сообразилъ. Это—тотъ... давнишній сожитель... про котораго ему говорили. Явился произвести разгромъ, узнавъ, вѣроятно, что у него есть замѣститель.

„Можетъ и меня считать ея возлюбленнымъ!“ — также быстро подумалъ онъ.

— Пустите! Вы!.. Сволочь! Я васъ раздавлю, какъ козявку!

Тотъ уже стоялъ на ногахъ. Отъ него пахло спиртнымъ, но онъ не былъ пьянъ. Свой кулакъ онъ уже вытянулъ прямо противъ лица Астахова.

Онъ, конечно, вдвое сильнѣе его. Это сейчасъ чувствовалось; но нервность Астахова поднялась градусомъ выше. Онъ схватилъ его прямо за кулакъ, повернулъ, вытолкнулъ въ дверь и заперъ ее на ключъ. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ.

— Ха, ха, ха!—раздался оттуда актерскій хохотъ.—Вотъ и Альфонсъ номеръ первый! Добро пожаловать! Я васъ угощу боксомъ!

Она истерически всхлипывала, и руки ея начала уже поводить судорога.

— Не ходите къ нему! — заныла она. — Онъ силачъ! Онъ убьетъ и васъ... Боже мой, Боже мой!

Но оставлять того въ номерѣ—значило допустить что-нибудь непоправимо-скандальное. Голова Астахова работала отчетливо и быстро.

Онъ отперъ дверь и опять подбѣжалъ къ актеру, схватилъ его за плечи, сбоку, повернулъ и вытолкалъ сначала въ переднюю, потомъ—въ коридоръ, гдѣ позвалъ коридорнаго.

— Извольте уходить!—глухо крикнулъ онъ—или я сейчасъ пошлю за полиціей!

— Да вы кто такой? Въ пажахъ состоите у той старой прелестницы?

— Молчать!

Астаховъ, блѣдный, отдался новому взрыву негодованія и омерзѣнія къ этому настоящему Альфонсу съ наружностью громилы.

Показался коридорный, и за нимъ еще двое изъ прислуги.

— Этотъ господинъ ворвался къ госпожѣ Арнаутъ. Пошлите за хозяиномъ.

Скандалъ все-таки былъ неизбѣженъ; но съ такимъ индивидомъ не было никакихъ другихъ средствъ.

— Въ участокъ? А?—захрипѣлъ актеръ.—Идемъ! А пока, услужающій! — крикнулъ онъ коридорному: — номеръ мнѣ сейчасъ! Я жить здѣсь хочу! И никто не имѣетъ права меня гнать!

Коридорный и кухонный мужикъ—должно быть, привычные къ такимъ сценамъ—взяли его довольно дружно подъ мышки и повели. Они его сочли за бушующаго „во хмелю“ актера.

Астаховъ бросился назадъ, въ номеръ.

Тамъ уже была ея горничная, привезенная изъ Петербурга. Она, какъ-разъ, отлучилась, когда въ номеръ проникъ тотъ нежданный посѣтитель.

Юлія Павловна сидѣла въ креслѣ, и горничная успѣла уже поправить ей волосы.

— Поля! Выдьте! Я позову... Но никуда не уходите!

Горничная вышла.

— Гдѣ онъ?

Она схватила Астахова за руку.

— Господи! Всѣ слышали!.. Онъ не уйдетъ.

— Его повели къ хозяину.

— Милый! Ты мой спаситель... Онъ бы убилъ меня! Это уже второй разъ...—обмолвилась она.

„Стало быть, ты не въ первый разъ бита?“—добавилъ Астаховъ про себя.

И „ты“, которое установилось между ними, рѣзнуло его по уху.

Точно и въ самомъ дѣлѣ онъ — ея возлюбленный „номеръ первый“, какъ кричалъ тотъ громило. Впервые театральная грязь во всю пахнула на него своимъ благоуханіемъ.

— Надо затушить! Заткнуть ему глотку!—вырвалось у нея. —Иначе онъ не уѣдетъ изъ города. Боже мой!

Она схватилась за виски. Тутъ только Астаховъ увидалъ у нея замѣтные подтеки подъ глазами.

— Я все сдѣлаю... успокойтесь. Но вы не можете играть сегодня.

— Ни подъ какимъ видомъ. И вонъ, вонъ отсюда!...

Тутъ только ему стало ее жаль. Онъ нагнулся и совершенно рефлективно взялъ ее за руки.

Она поцѣловала его въ лобъ.

„Возлюбленный номеръ первый!“—повторилъ онъ про себя.

VII.

Идетъ генеральная репетиція. Пьесу ставятъ въ первый разъ за всю „tournée“, въ пользу самой антрепренерши.

У Астахова, въ этой самоновѣйшей вещи, съ усиленнымъ „настроеніемъ“, роль—неблагодарная, любовника-нытика, безъ ярко очерченной физіономіи, почти неврастеника, съ длиннѣйшими нудными монологами.

Онъ очень недоволенъ собою и, удалившись въ свою уборную, протверживаетъ роль, во время второго дѣйствія, гдѣ онъ „не занятъ“.

Уборная—убогая, холодная—нагрѣвается желѣзной печуркой, грязная. Они играютъ въ городскомъ театрѣ, который стоитъ уже второй годъ пустымъ и даже считается небезопаснымъ—того гляди, обрушится.

Прошло цѣлыхъ три недѣли со скандала въ гостинницѣ того губернскаго города.—„Громилу“ спровадили. Онъ взялъ отступного—кажется, рублей пятьсотъ, если не больше.

Безъ огласки это не могло обойтись. Его выпроводили, припугнувъ губернаторомъ. Но исторія огласилась. Стало извѣстно всѣмъ въ труппѣ, что Астаховъ „спасалъ“ директоршу. Сплетня размалевала всѣ детали: будто Астаховъ и Безпашенный—фамилія актера—вступили въ рукопашную; никто не сомнѣвался и въ томъ, что старый сожитель „Арнаутши“ билъ ее „смертнымъ боемъ“—подтеки подъ глазами дня два не проходили; даже и подъ бѣлилами были замѣтны.

И на его долю выпала самая глупая и неопрятная роль, отъ которой ему рѣшительно нельзя отдѣлаться, пока онъ въ труппѣ; а разорвать контрактъ—нѣтъ повода и смысла. Лично, какъ артистъ, которому дорого свое дальнѣйшее развитіе,—онъ проходитъ прекрасную школу.

За все время у него была всего единственная осѣчка—тогда, въ „Дядѣ Ванѣ“, наканунѣ исторіи въ ея номерѣ.

Но положеніе въ труппѣ—какъ онъ ни крѣпится—неловкое и, что всего хуже, глупо-неловкое. Онъ—жертва злоязычія, которое, какъ плѣсень, въѣлось въ актерскій бытъ. А злоязычіе питается, въ данномъ случаѣ, уликами противъ него.

Антрепренерша всѣмъ показываетъ, что онъ—ея любимецъ; она съ нимъ на „ты“, даетъ ему прекрасныя роли, расхваливаетъ его на разные лады. Исторія съ „громилой“ усилила всѣ эти косвенныя улики и превратила ихъ въ прямыя.

Но это еще не все! Для него — да и для всей труппы — ясно, что второй любовникъ, этотъ чистенькій, красивенькій мальчикъ — правда, съ несомнѣннымъ талантцемъ — вотъ уже больше мѣсяца у нея „въ фаворѣ“, какъ называетъ первый комикъ—остроумецъ труппы. И фаворъ этотъ—какъ замѣчаетъ и онъ—дѣлается чѣмъ-то посильнѣе простого каприза. Она начинаетъ его ревновать ко всѣмъ. Мальчикъ сначала былъ „тише воды, ниже травы“; а теперь у него явились какіе-то новые „тона“. Не дальше, какъ сегодня—на генеральной репетиціи—въ первомъ актѣ, на замѣчаніе Астахова о какомъ-то „мѣстѣ“, гдѣ ему стоять—тотъ довольно-таки дерзко отвѣтилъ, хотя и прилично, по формѣ.

И никого нельзя разувѣрить, что онъ—не „возлюбленный номеръ первый“. Стало быть, онъ, въ глазахъ товарищей, соглашается на роль любимца, который терпитъ присутствіе въ труппѣ такого вотъ Веніамина. И, кажется, самъ этотъ мальчикъ такъ на него и смотритъ: „ты, молъ, близокъ къ отставкѣ; а я теперь первый номеръ“. Онъ такъ началъ на него поглядывать своими бархатными, продолговатыми глазами, которыми онъ и вызвалъ въ ней такое увлеченіе.

Все это стоитъ у него въ груди точно какія „растопырки“, какая-то душевная „диспепсія“.

— Иванъ Егоровичъ! Третій актъ!—крикнулъ ему въ дверь фистулой юркій помощникъ режиссера.—Пожалуйте.

На сценѣ—мракъ, съ мерцаніемъ одной висячей лампы надъ суфлерской будкой. Нѣсколько фигуръ бродятъ по скрипучимъ доскамъ. Холодъ дуетъ и съ полу, и изо всѣхъ щелей.

Старшій режиссеръ—съ наружностью чиновника, въ длинномъ мѣховомъ пальто и тепломъ картузѣ—сидитъ надъ тетрадью, у суфлерской будки, за столикомъ, и въ pince-nez просматриваетъ актъ.

Астаховъ его слушается, хотя находитъ, про себя, что тотъ все-таки порядочный рутинёръ.

— Пожалуйте! — пригласилъ онъ его. — Вамъ начинать съ Юліей Павловной и господиномъ Любскимъ.

Новаго любимца онъ съ подчеркиваньемъ звалъ „господинъ Любскій“, а не по имени и отчеству или просто Любскій.

Вступительная сцена третьяго акта — самая трудная и неблагодарная для главнаго героя. А Любскій имѣетъ второстепенную, но очень „выигрышную“ роль молодого скептика и вивёра, столичнаго „слётка“. Онъ совершенно „въ тонѣ“—она, въ первомъ актѣ, нѣсколько разъ похваливала его.

Она зоветъ его „Коленька“ и держится съ нимъ какъ бы материнскихъ интонацій.

Но въ эту „игру“ всѣ прекрасно проникаютъ.

Трудная сцена подходила къ концу.

На предыдущей репетиціи Астаховъ два раза просилъ Любскаго переходить на его сторону на цѣлую минуту раньше.

Онъ кончаетъ свою тираду слѣва отъ зрителей, сидя у письменнаго стола. Его партнёръ долженъ двигаться медленно справа клѣву—до конца его тирады.

Третье лицо—героиня, сама Арнаутъ—стоитъ въ глубинѣ павильона.

И опять Любскій умышленно медлилъ.

Астаховъ прервалъ себя и нервно крикнулъ:

— Такъ нельзя! Вы уже встали. Опять то же самое!

Любскій выпрямился и, повернувъ свою аккуратную голову блондина въ его сторону, выговорилъ съ извѣстнаго рода интонаціей:

— Мнѣ такъ неудобно... Это лишаетъ меня...

— Чего?—остановилъ его отъ своего столика режиссеръ.

— Настроенія? Не правда ли?—еще нервнѣе спросилъ Астаховъ и всталъ, выразительно пожавъ плечами.

— Вамъ рѣшительно все равно!—продолжалъ въ томъ же тонѣ Любскій.—А это—насиліе свободы артиста.

Астаховъ обернулся къ антрепренершѣ.

— Юлія Павловна! Извольте настоять! — перешелъ онъ на „вы“.

Она вся встрепенулась, подбѣжала къ заупрямившемуся любимцу и полушопотомъ проговорила:

— Коленька... сдѣлайте это для меня... прошу васъ!

— Для васъ...—произнесъ тотъ съ кончика своихъ пышныхъ губъ.

И, пройдя маленькими шажками справа клѣву, сталъ около Астахова и съ жестомъ руки сказалъ:

— Я жду. Кажется—ваше предрѣчіе?

Было что-то нестерпимо дерзкое и вызывающее въ этомъ мальчикѣ, уже полномъ самовлюбленности и актера, и хорошенькаго мужчины.

Астаховъ промолчалъ; но это такъ его передернуло, что онъ совсѣмъ сошелъ съ тона и никакъ не могъ наладить себя—вплоть до конца пьесы.

У него мелькнула мысль: отказаться тутъ отъ роли. Но это—*ея* бенефисный спектакль. Надо было снести и впередъ поми-

риться, что никакихъ пріемовъ ему за эту роль не будетъ. Послѣ завтра—день спектакля, когда ожидается подношеніе директрисѣ.

Злой вернулся онъ въ свою уборную. Роль лежала на столикѣ съ зеркаломъ. Онъ схватилъ ее и бросилъ на диванъ.

Дверка пріотворилась и выглянула ея голова въ мѣховой шапочкѣ и ротондѣ.

— Къ тебѣ можно?

— Милости прошу.

Она вошла точно сконфуженная и сейчасъ опустилась на одинъ изъ убогихъ стульевъ.

— Голубчикъ!—заговорила она тихо и вскинула на него ласково глазами.—Ты не сердись на Николеньку. Молодо—зелено. Воображаетъ о себѣ много. Но онъ не хотѣлъ тебѣ сдерзить.

Астаховъ молчалъ.

— А я все собираюсь поговорить съ тобой. Вотъ теперь два мѣсяца прошло. Твое дѣло выяснилось. Талантъ у тебя—настоящій... нервность... а главное, умъ, пониманіе, тонкость... однимъ словомъ, интеллигентъ.

И она разсмѣялась.

„Неужели это подходъ?"—подумалъ онъ.

— У насъ съ тобой—условіе... на листкѣ бумажки. Ты самъ не хотѣлъ контракта. Вѣдь ты желаешь докончить со мною tournée?

— А то какъ же?

— Ну, спасибо! Итоги твои прекрасны. Ну, та роль доктора не выгорѣла. И то не по твоей винѣ. Виню я кругомъ одну себя. Вотъ за эту роль, въ моей бенефисной пьесѣ—извини... Она не особенно авантажна... Не будетъ овацій... но не будетъ и провала... можешь мнѣ вѣрить. Однимъ словомъ, ты у насъ первый сюжетъ—это несомнѣнно. И въ каждомъ хорошемъ театрѣ можешь занимать видное мѣсто... Вотъ моя оцѣнка. А кромѣ того, я лично никогда не забуду, какъ ты тогда ринулся...

Она немного какъ будто покраснѣла.

— Если хочешь, разорвемъ тотъ листокъ бумаги... Ты стóишь бóльшаго!

Это было сказано хорошо, искренно. Но такая прибавка—не имѣла ли она смысла вознагражденія за то, что онъ вступилъ въ бой съ тѣмъ „громилой", а также и заручки его скромности, чтобы онъ не болталъ лишняго?

— Спасибо. Я доволенъ нашимъ условіемъ.

Она повела головой.

— Гордъ! Сатанински гордъ! Чтожъ! Это хорошо. Не желаешь прибавки... Но отъ бенефиса не откажешься?

О бенефисѣ у нихъ не было еще разговора; хотя нѣкоторые изъ его „коллегъ“ уже говорили:

— *Она* обязана дать вамъ бенефисъ.

— Я оставляла пьесу—она назвала имя автора—pour la bonne bouche. Ты ее читалъ. Для тебя въ ней дивная роль... Бери ее въ свой бенефисъ. Половина сбора—твоя.

И это была какая-то „captatio benevolentiae“—назвалъ онъ мысленно.

Но нелѣпо было бы отказываться.

— Благодарю... если это никому не помѣшаетъ?

— Ахъ, полноте, душечка!—проговорила она съ игрой въ глазахъ.—Ужъ очень вы... какъ бы это сказать—невинность свою соблюдаете. Съ вами даже жутко дѣлается. Вотъ мы пріятели... не такъ, какъ это дѣлается, когда мужчина и женщина начинаютъ играть въ дружбу. Никакихъ любовныхъ видовъ мы другъ на друга не имѣемъ... да или нѣтъ?

— Ты сама знаешь!

— А жутко съ тобой дѣлается... отъ твоей корректности.

Она уже съ той исторіи начала говорить съ нимъ какъ съ давнишнимъ товарищемъ, не скрывала того, что въ Москвѣ у нея „морганатическій супругъ“, а также и того, что онъ сталъ въ послѣднее время туговатъ насчетъ „субсидіи“. О немъ она говорила, какъ жена о мужѣ, который предоставляетъ ей полную свободу. Но о своемъ теперешнемъ влеченіи къ Любскому она вполнѣ откровенно еще ни разу съ нимъ не говорила, чему онъ былъ скорѣе радъ.

Онъ подсѣлъ къ ней.

— Будто и жутко? Я не присяжный моралистъ... и никакой личины на себѣ не ношу.

— Знаю... а все-таки стѣсняешься. А гдѣ стѣсненіе—тамъ нѣтъ полнаго пріятельства.

Глазами она досказала все и протянула ему руку.

— И ты со мной не скрытничай,—продолжала она, пододвигаясь къ нему и не выпуская его руки.—Отъ тебя я многое выслушаю. Ты человѣкъ чистый.

Онъ не сразу отвѣтилъ.

— Упрековъ я тебѣ не имѣю ни права, ни повода дѣлать.

Но не скрою, и мнѣ жутко приходится... не думалъ—не гадалъ, а попалъ, въ глазахъ всей труппы, въ твои возлюбленные.

— Это кто сказалъ?—воскликнула она.

— Всѣ говорятъ.

И, точно вспомнивъ, какъ тотъ громила кричалъ изъ другой комнаты про возлюбленнаго номеръ первый,—она замолчала.

— А теперь... и другіе комментаріи пошли...

Онъ не досказалъ.

— Говори, говори все!

— Ты сама понимаешь... твоя слабость къ этому мальчику... это тоже ставится мнѣ на счетъ.

— Это какъ? Господи!

— Понять не трудно... Какую же мнѣ роль приписывать, если предположить, что между нами серьезная связь и я допускаю твое новое увлеченіе?

И, взглянувъ на нее вбокъ, онъ тихо добавилъ:

— Я вѣдь не знаю, что̀ это такое... капризъ... забава или что̀ посильнѣе.

Она откинулась назадъ и провела рукой по глазамъ.

— Ахъ, голубчикъ Иванъ Егоровичъ, въ тебя еще не вошелъ театральный микробъ. Такъ взять... распущенность, развратъ... и другія жалкія слова можно подобрать. Жизнь наша это дѣлаетъ. Нервы натянуты, какъ струны... всегда возбужденіе, всегда борьба... погоня за призраками. Вотъ и подкрадется такой грѣхъ... у мужчинъ называется старческимъ... а у насъ блажью старушечьей. А еще я не старуха. И куда моложе была, когда тотъ, какъ ты его прозвалъ, „громила" овладѣлъ мною. Что̀ въ немъ? Ни ума, ни таланта, ни красоты, грубъ, нахаленъ, пьяница, игрокъ и шантажистъ. И я—первая—два года была его рабой. Да! Свободная, съ такой поддержкой, съ возможностью—еслибъ была умнѣе—имѣть милліонное состояніе, развести моего Конона Кононовича и женить на себѣ.

Она опустила голову въ обѣ руки.

— А тутъ... этотъ мальчуганъ подыгрался. Милъ... Вѣдь, скажи, милъ? Забудь, что онъ сегодня покапризничалъ.

— Да, милъ.

— И талантливъ, и голосокъ прямо въ душу ползетъ. Что-то материнское къ нему сначала дрогнуло во мнѣ. Можетъ, это кощунство, что̀ я говорю? Дѣтей у меня никогда не было. А тамъ, глядишь, и захватитъ тебя. Сейчасъ пятнадцать лѣтъ съ плечъ... весело на душѣ. Играешь—не вѣришь, что тебѣ не осьмнадцать лѣтъ. Все—театръ, все—наше пекло... и проклятое,

и безумное! Увидишь, и съ тобой то же можетъ быть. Ты еще не перегорѣлъ... Если не бросишься безъ оглядки бѣжать.

Поднявшись, она положила ему руку на плечо.

— А меня прости... не суди съ высоты твоей безупречности. Всѣ люди, всѣ человѣки. Авось, совсѣмъ головы не потеряю. Прощай! Спасибо! Ты—всѣхъ лучше... И встрѣться мы пораньше, я бы тебя никому не уступила.

Она быстро вышла изъ уборной. Астаховъ все еще сидѣлъ на краю дивана.

Онъ чувствовалъ себя размягченнымъ.

Развѣ эта женщина „сомнительной морали" ниже сотенъ свѣтскихъ женщинъ въ самыхъ избранныхъ сферахъ? Она добра, въ ней есть преданность не только своей славѣ, но и дѣлу. Она любитъ—беззавѣтно. Но она—актриса. Вотъ гдѣ корень всего.

И чѣмъ-то пророческимъ звучали ея слова, которыя онъ долго будетъ помнить:

„Увидишь, и съ тобой то же можетъ быть".

Надо было ѣхать въ гостинницу обѣдать. Здѣсь—хорошая ѣда и очень приличная обстановка.

Актерская братія ѣла больше по своимъ номерамъ. Женщины—кое-что, какъ всегда и вездѣ; мужчины напирали больше на ужины.

Въ столовой—почти пустой—Астаховъ нашелъ за отдѣльнымъ столикомъ, у окна, своего важнаго коллегу, „украшеніе" труппы, какъ бы на положеніи „перваго актера"—Терскаго-Брянскаго.

У него съ нимъ до сихъ поръ какія-то неопредѣленныя отношенія. У того уклончивый, какъ бы чиновничій тонъ, съ излишней даже вѣжливостью и постоянной кисловатой улыбкой на широкомъ, нѣсколько обрюзгломъ лицѣ.

На репетиціи у нихъ еще не было повода столкнуться въ чемъ-нибудь. Два-три совѣта—въ очень корректной формѣ—онъ позволилъ себѣ; но и то съ глазу на глазъ. Астаховъ каждый разъ находилъ, что совѣты были очень дѣльные.

И со всѣми другими, начиная съ директрисы, Брянскій—его звали больше такъ въ труппѣ—держался одинаково. Только съ одной старухой и однимъ актеромъ на амплуа благородныхъ отцовъ онъ былъ на „ты". Его не любятъ, считаютъ фальшивымъ и преисполненнымъ „маніи величія". Но смѣшныхъ или

даже легкихъ выходокъ актерскаго важничанья онъ себѣ не позволялъ, по крайней мѣрѣ въ присутствіи Астахова.

— А! Иванъ Егоровичъ! Мое почтеніе!

Брянскій привсталъ, съ салфеткой на груди, и, показавъ рукой на столъ, пригласилъ.

— Не побрезгайте откушать за однимъ столомъ?

— Съ удовольствіемъ, Максимъ Петровичъ.

Астаховъ сѣлъ противъ него.

Голова у Брянскаго—большая, сѣдѣющая, коротко-остриженная и лицо—католическаго патера, съ двойнымъ подбородкомъ и большими темными глазами въ жирныхъ вѣкахъ.

Онъ сталъ въ послѣднее время грузенъ, и это портитъ ему фигуру во многихъ роляхъ, особенно съ драматическимъ оттѣнкомъ, къ которымъ онъ всего болѣе склоненъ.

У него давно репутація тайнаго циника... и про его нравы принято говорить съ особаго рода минами и словечками. Но ничего положительнаго про него никто привести не можетъ. Онъ—женатый; семейство живетъ въ одномъ изъ большихъ южныхъ городовъ. Изъ дѣтей никто не пошелъ на сцену, и его постоянный возгласъ:—Лютому врагу не посовѣтую идти на сцену!

— Кажется, не совсѣмъ довольны своей ролью?—осторожно спросилъ Брянскій, затыкая салфетку за жирную шею.

— Игры мало.

— Зато, сколько новѣйшихъ тонкостей психологіи! Цѣлая гамма психопатическихъ состояній, хе, хе!

Онъ и смѣялся-то какъ католическій патеръ, больше брюшкомъ, чѣмъ горломъ.

— Черезчуръ много.

— Наша Юлія Павловна записалась въ новую вѣру.

Прожевавъ, не спѣша и со вкусомъ, онъ прищурилъ глаза и спросилъ:

— И васъ, кажется, дорогой коллега, обратили въ ту же вѣру?

Астаховъ только усмѣхнулся.

— Боюсь... думать вслухъ.

— Почему же? Я не фанатикъ. Я въ искусствѣ ищу правды и только правды.

— Понятіе растяжимое. Вѣдь и реформаторы... тѣ, московскіе, считающіе себя непогрѣшимыми—распинаются за правду. А по моему, они—штукари, а не служители искусства, какъ его понимали всѣ мы, кто ему послужилъ вѣрой и правдой.

Въ голосѣ заслышались менѣе сладкія ноты.

— Это не искусство—продолжалъ онъ—напичкать постановку всякой бутафоріей, надѣлать ненужныхъ паузъ, напустить всякихъ скриповъ, свистковъ, сверчковъ. Это вѣдь тоже, въ сущности, что было въ доброе старое время, когда безъ бенгальскаго огня не обходилось дѣло.

— Однако, Максимъ Петровичъ...

— Только это—съ другой стороны. Вотъ какъ Осипъ говоритъ про своего барина Хлестакова, что онъ генералъ, да только съ другой стороны, хе, хе!

Разсмѣялся и Астаховъ.

— Правда—въ талантѣ, въ одушевленіи, въ созданіи характера. Давайте мнѣ четыре кулисы, два стула и столъ, какъ въ мольеровское время было. И создайте мнѣ живой типъ... безсмертный типъ... Тартюфа, Мизантропа, Скупого, Арнольфа въ „Школѣ женщинъ". При чемъ тутъ штучки? А они ихъ непремѣнно напустятъ и въ Мольерѣ. Безъ бутафоріи они пропали!..

Астаховъ не хотѣлъ спорить. Ему было интересно слышать, уже не въ первый разъ, протестъ актера старой школы, и въ такой живой формѣ.

— Разумѣется, про насъ, стариковъ, говорятъ, что наша пѣсенка спѣта. Но почему же это мы—даже и въ этихъ психопатическихъ пьесахъ новѣйшихъ кумировъ публики—дѣлаемъ свое дѣло? А? Потому что, помимо таланта, мы дѣйствительно держимся правды. И мозговое повѣтріе насъ не заражаетъ. Какими мы поступили на сцену—такими и умремъ. А эта вся сценическая пугачевщина пройдетъ, какъ болотный туманъ.

— Почему пугачевщина?

— Я такъ дерзаю называть потому, что пришло время самозванцевъ. Онъ просто яицкій козакъ Емелька Пугачевъ,—а величаетъ себя Петромъ Третьимъ. У него эсаулъ Хлопуша,—а исполнялъ роль графа Чернышева,—съ рваными ноздрями каторжникъ, который повязывалъ носъ платкомъ.

Наливъ себѣ пива—вина онъ никогда не пилъ,—Брянскій отпилъ и поглядѣлъ на своего визави повеселѣвшими глазами.

— Вы думаете, я такъ хорохорюсь оттого, что ставлю выше всего званіе актера? Вовсе нѣтъ. Совсѣмъ я не къ такой дорогѣ себя готовилъ, любезный коллега. Глупость... блажь... молодая кровь... увлеченіе одной изъ театральныхъ сиренъ. Я на третьемъ курсѣ золотую медаль за сочиненіе получилъ. Меня намѣчали въ магистранты. А очутился въ лицедѣяхъ.

— Вы объ этомъ говорите, какъ о чемъ-то роковомъ.

— И весьма!—воскликнулъ Брянскій, и щеки его стали

красны. Міръ этотъ—по-евангельски—мерзость запустѣнія. Все въ немъ—ложь и маска. Вотъ, меня зовутъ Максимъ Петровъ, а я въ жизни былъ Степанъ Яковлевъ. И совсѣмъ не Брянскій и не Терскій. Но этотъ маскарадъ я продѣлалъ сознательно. Чтобы ничто не напоминало мнѣ того, куда я стремился и чѣмъ могъ быть.

Астаховъ наклонился къ нему черезъ столъ, захваченный этимъ признаніемъ.

— Позволите нескромный вопросъ, коллега?

— Пожалуйста, Максимъ Петровичъ!

— Правда, что̀ наша патронесса разсказываетъ—что и вы были настоящій магистрантъ и служили въ такомъ учрежденіи?

— Правда.

— И по доброй волѣ пошли въ лицедѣи?

— По доброй.

— Даже безъ женскаго прельщенія?

— Абсолютно.

— Ахъ, молодой человѣкъ!..

Брянскій покачалъ головой и склонилъ ее на свое грузное туловище.

Вошло нѣсколько человѣкъ изъ труппы. Разговоръ на эту тему прекратился.

VIII.

Въ уборную бутафоръ внесъ огромный вѣнокъ и какую-то вещь въ футлярѣ, и бережно положилъ ее на туалетный столикъ.

За нимъ вошелъ и бенефиціантъ—Астаховъ.

— Съ успѣхомъ имѣю честь поздравить!—выговорилъ бутафоръ, взглянувъ на него масляными, просительными глазами.

— Спасибо, спасибо!

Астаховъ досталъ изъ портмонэ два рубля и сунулъ ему въ руку.

— Такого пріема, кромѣ самой Юліи Павловны, ни у кого изъ нашихъ артистовъ не было.

— Спасибо, спасибо.

Астахову хотѣлось остаться поскорѣе одному. Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ разбитымъ.

„Зарядъ“ былъ слишкомъ силенъ.

Сейчасъ надъ всей залой точно пронесся какой шквалъ. Его стали вызывать еще съ перваго акта, но теперь, послѣ третьяго, стоялъ стонъ. Молодежь—студенты—городъ универси-

тетскій—гимназистки, барышни изъ общества—спустились изъ ложъ и галёрки, подбѣжали къ барьеру креселъ, кричали, махали платками и пледами.

Онъ былъ такъ взволнованъ, что цѣнный подарокъ—чернильница въ деревянномъ футлярѣ—чуть-было не выпалъ у него изъ рукъ.

Ничего подобнаго онъ еще не переживалъ.

Никакое ощущеніе славы съ этимъ не сравнится: ни оваціи на юбилеѣ или въ университетской залѣ, ни диспутъ, ни хвалебная статья въ газетѣ—ничто!

Это нужно самому испытать.

Онъ спустился на кресло, сбоку отъ туалетнаго столика. Весь онъ обливался потомъ. Все бѣлье на немъ было влажное. Руки слегка вздрагивали.

Блаженными глазами обвелъ онъ тѣсную, но ярко освѣщенную уборную.

Вѣнокъ съ широкой красной лентой былъ прислоненъ къ стѣнѣ. По срединѣ—изъ бѣлыхъ цвѣтовъ его иниціалы: И. А. Это выходитъ Иванъ Ардатовъ и Астаховъ.

И онъ самъ сознавалъ, что никогда еще такъ не жилъ на сценѣ, какъ въ этой пьесѣ. Это было настоящее „самовнушеніе". Онъ забывалъ цѣлыми секундами свою личность. Это не выдумка лицедѣевъ, а несомнѣнная истина, что высшее творчество достигается только на сценѣ. Авторъ создаетъ лицо—это правда; но онъ не можетъ такъ воплощаться въ него, даже и въ самые трепетные моменты созидательной работы.

Дверка распахнулась. Влетѣла Арнаутъ и крикнула ему:

— Съ побѣдой, голубчикъ!

Она обняла его и поцѣловала.

— Другая бы возненавидѣла тебя... ты меня совсѣмъ съѣлъ въ этомъ актѣ. Но дружба превозмогла. Я даже прослезилась, когда тебя вызывали. Ей Богу!

Они еще разъ обнялись.

Астаховъ вѣрилъ ей въ эту минуту.

— Ну, отдохни... вонъ, ты весь мокрый!

— Какъ мышь!

— Тебѣ вѣдь подъ самый конецъ акта. Антрактъ сдѣлаемъ подольше. Всѣ теперь въ буфетѣ.

Она вернулась отъ двери, взяла его за обѣ руки и вполголоса воскликнула:

— А вѣдь Николенька-то, даромъ что дулся на роль, а очень милъ.

И глаза ея блеснули.

— Да, съ большой тонкостью провелъ сцену.

— Ты бы его поощрилъ. Онъ вѣдь тебя ужасно уважаетъ.

„Вотъ она зачѣмъ приходила!“—подумалъ Астаховъ и опять опустился на стулъ.

Но это не испортило его блаженнаго состоянія.

— Прикажете подать умыться?—окликнулъ въ дверь портной.

— Погодите. Я позову.... такъ, минутъ черезъ десять.

— Слушаю!

Портной уже поздравлялъ его съ успѣхомъ и получилъ „на чай“.

Онъ только-что хотѣлъ снять тотъ сюртукъ, въ которомъ велъ сцену, и отклеить бородку, наполовину отвисшую, какъ въ дверку уборной тихонько постучали.

„Это женщина!“—подумалъ онъ и всунулъ опять руку въ рукавъ.

— Войдите!

Ему теперь было не до визитовъ и не до разговоровъ „по душѣ“, а банальностей не хотѣлось слышать—въ искренность комплиментовъ товарищей онъ уже не вѣрилъ. Постороннихъ изъ публики у нихъ не пускаютъ—антрепренерша строго слѣдитъ за этимъ.

— Войдите!—крикнулъ онъ громче.

На порогѣ остановилась, въ стѣсненной позѣ, женская фигурка—въ шапочкѣ и короткомъ пальтецѣ—блондинка, съ маленькимъ, болѣзненнымъ личикомъ.

„Ну, это изъ тѣхъ, что махали платками и пледами“.

Онъ сдѣлалъ два шага къ ней.

Маленькая женщина—вся трепетная, со слезами на рѣсницахъ и съ дрожью въ губахъ—протянула къ нему руку, въ которой держала что-то бѣлое.

— Иванъ Егоровичъ! Простите! Я ворвалась къ вамъ. Но я не могла... оставить до завтра. Вы такъ играли!.. Чудно! Чудно! Я разревѣлась въ послѣдней сценѣ.

И она начала другой рукой отирать слезы.

Это, даже и послѣ овацій, тронуло Астахова.

— Благодарю васъ. Садитесь... вотъ сюда. Съ кѣмъ имѣю удовольствіе?

— Моя фамилія... самая невзрачная... Мамурина... а по театру я Славская. Но и этого имени никто не знаетъ.

— Вы артистка?

— Ахъ, Иванъ Егоровичъ!..—она боязливо оглянулась на

дверь.—Вотъ этотъ конвертъ,—и она протянула его,—въ немъ карточка отъ вашей супруги.

— Отъ Марьи Денисовны?—спросилъ онъ и всталъ.

У него застучало въ вискахъ.

Такое „memento" въ часъ упоенія первымъ торжествомъ артиста!

Подумалъ ли онъ хоть одинъ разъ о той „подругѣ", которая такъ мужественно и благородно переноситъ свое одиночество въ ожиданіи полнаго разрыва?

— Отъ жены моей?—повторилъ онъ, стараясь подавить свое смущеніе.—Я душевно радъ. Вы позволите?

— Я не тороплю... прочтете послѣ... только не отталкивайте меня... завтра полчасика... Я знаю, гдѣ вы живете... Я только вчера въ ночь дотащилась сюда.

Астаховъ, почти не слушая ее, разбиралъ, у одной изъ газовыхъ лампъ, мелкій и связный почеркъ жены.

Она „направляла" къ нему эту „несчастную" дѣвушку, которая будетъ просить его помочь ей поступить въ труппу Арнаутъ—„даже на выходъ".

— Вы знакомы съ Марьей Денисовной?

— Была у нея... отъ ея подруги, Софьи Богдановны Кружаловой. Та мнѣ и эту мысль дала. А теперь, когда я видѣла вашъ тріумфъ, Иванъ Егоровичъ, сердце мое взыграло. Вы поддержите меня... вы поймете лучше всякаго, что я не могу жить безъ сцены. Не могу!—тихо вскрикнула она, закашлялась и сейчасъ же прижала платокъ ко рту.

Его сразу охватила острая жалость къ этой дѣвушкѣ. А еще сильнѣе было то чувство, что вотъ ее прислала жена. Марьѣ Денисовнѣ стоило не малаго—дать ей карточку къ нему, въ актерскій міръ, искать его покровительства передъ той антрепренершей, которая отняла у нея мужа.

Ему страстно захотѣлось выказать себя какъ можно великодушнѣе.

— Я готовъ,—заговорилъ онъ возбужденно.—Я буду просить за васъ... Только, пожалуйста, не волнуйтесь такъ!

Тутъ только онъ взглянулъ на ея лицо и фигуру.

— Вы, кажется, нездоровы... у васъ такой утомленный видъ.

— Это ничего, это ничего,—лепетала она, и ея голосокъ проникалъ ему въ душу.

— Труппа наша въ полномъ составѣ.

— Да вѣдь Марья Денисовна пишетъ вамъ... Мнѣ все равно...

Знаете,—она схватила его за руку,—моя мечта сыграть хоть одну роль... одну... и умереть на сценѣ.

— Ужъ и умереть!

— А развѣ это не высшее счастье? Какъ солдатъ въ строю. Ждать я буду... только бы не бросать театра. Всѣ ждали. Я читала біографію Элеоноры Дузе,—она произнесла ее: Дузé, съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ:—сколько она ждала, доведена была до крайности... и вдругъ роль... и слава, и упоеніе!

Эти два слова она произнесла такимъ звукомъ, что его схватило за сердце.

— Какая у васъ трепетная душа!—вырвалось у него.

— Не знаю. Вы такъ добры... Кто такъ уходитъ въ роль, какъ вы... тотъ долженъ быть добръ. И вашъ примѣръ такъ меня поднялъ. Вы вѣдь всего два-три мѣсяца на сценѣ. Мнѣ куда!.. Я и не мечтаю.

Она поспѣшно встала.

— Христа ради, простите. Вамъ надо переодѣваться. Я бѣгу. Завтра... въ которомъ часу могла бы я...

Отъ новаго приступа волненія она не могла докончить.

Онъ назначилъ ей часъ.

— Никто, никто не былъ со мною, какъ вы, Иванъ Егоровичъ!

Боясь расплакаться, она выбѣжала.

Не сразу пришелъ въ себя Астаховъ и позвалъ портного—помочь ему переодѣться.

Передъ нимъ была сейчасъ новая жертва того чудища, которое поглотило уже столько человѣческихъ существъ.

Но она и безъ того не жилецъ на этомъ свѣтѣ. И ему ли отрезвлять ее, пугая сценой, какъ Арнаутъ пугала его? И что̀ онъ ей предложитъ взамѣнъ?

Выхлопотать ей мѣсто „выходной“ онъ можетъ. Юлія Павловна не откажетъ ему въ такомъ пустякѣ.

И у него стало вдругъ тепло на душѣ, при мысли, что въ труппѣ будетъ хоть одно существо, связанное съ нимъ чѣмъ-то особеннымъ. Ихъ обоихъ пронзила все та же стрѣла—поиски минутъ высшаго артистическаго блаженства. Онъ испыталъ его полчаса тому назадъ.

— Я—какъ въ царствіи небесномъ!—говорила шопотомъ Мамурина, примостившись у кулисы, рядомъ съ Астаховымъ, въ темномъ уголкѣ.

Они ждали—каждый своей очереди—выходить на сцену.

Шелъ второй актъ „Чайки“.

— Какая судьба! И въ ней—вы,—продолжала она возбужденно, и ея худая рука тянулась къ нему.—Вы... Иванъ Егоровичъ. Вотъ я въ главной роли... Господи!

Случилось это совершенно неожиданно и для него самого.

На очереди стояла эта пьеса и два раза ее репетировали.

Приняли Мамурину „въ запасъ“—какъ она выразилась; но Астахову Арнаутъ сказала:—„Да она еле дышетъ; ей въ больницу надо, а не на сцену“.

И назначила ей сорокъ рублей жалованья.

И вдругъ ихъ ingénue, считавшая роль „Чайки“ своей коронной ролью,—заболѣваетъ горловой жабой; думали даже—дифтеритомъ.

Мамурина прибѣжала къ Астахову сама не своя... дрожитъ и лепечетъ:

— Упросите дать мнѣ роль. Я съ одной репетиціи. Всю жизнь можно отдать за эту роль. Въ тотъ разъ, какъ я ее играла, у меня выходило хорошо: клянусь вамъ!

Она даже начала креститься.

Опять ему стало ее до слезъ жаль. И въ этой „дохленькой“ дѣвушкѣ было что-то для него болѣзненно-привлекательное. Ея личико ему нравилось; и фигурка, и, главное, голосъ—слабый, но грудной, съ чудесными нотами.

— Сдѣлайте это для меня!—просила она, вся трепетная:—Рискните одной репетиціей!

Юлія Павловна не стояла за пьесу. Ея „Николенька“ не могъ играть роль ея сына, по пьесѣ. Онъ простудился еще раньше ingénue, и Астаховъ—какъ бы въ видѣ любезности—взялъ роль, хотя по внѣшностм онъ могъ казаться, со сцены, очень юнымъ.

— И когда подумаешь, — шептала Мамурина, — сегодня спектакль... сердце точно каменѣетъ въ груди.

— Ничего! Сойдетъ!

Астаховъ проходилъ съ ней роль... и не боялся провала. Что-то въ ея тонѣ, начиная съ рискованнаго монолога о концѣ земли—было свое... очень печальное и поэтическое. Сегодня и антрепренерша нашла это, послѣ перваго акта.

— Кажется... дохленькая выкарабкается,—сказала она ему на ухо.

— Госпожа Мамурина, пожалуйте!—крикнулъ со сцены помощникъ режиссера.

— Господи!

Мамурина вскочила, начала быстро-быстро креститься и вылетѣла за кулису.

Она дѣлала это каждый разъ передъ выходомъ на сцену.

Астаховъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ. Эта жалкая дѣвчурка—самое яркое олицетвореніе жертвы, ведомой на закланіе тому Молоху, которому и онъ сталъ поклоняться.

Онъ уже зналъ ея прошлое.

Ночной мотылекъ на пламени свѣчи. Нашелся сейчасъ же просвѣтитель—одинъ изъ презрѣнныхъ лицедѣевъ, какіе никогда не выведутся въ труппахъ. И этотъ былъ изъ „интеллигенціи", писалъ стихи и пасквильныя статьи въ провинціальныхъ листкахъ. Онъ не пощадилъ ее, а черезъ полгода, разумѣется, бросилъ... Роды чуть не свели ее въ могилу. Ребенокъ родился мертвымъ.

И она же разсказала все это, безъ горечи и даже безъ сожалѣнія, все повторяя:

— Была дурочка, увлеклась. Онъ мнѣ казался такой свѣтлой личностью.

Болѣе „обреченнаго" существа Астаховъ не встрѣчалъ никогда.

И вотъ теперь она наверху блаженства: и трепещетъ отъ смертельной боязни, и вѣритъ, что ея звѣзда поднимется и засіяетъ.

Раньше другихъ актеровъ, участвующихъ въ пьесѣ, пріѣхалъ Астаховъ въ театръ. Онъ зналъ, что Мамурина уже въ уборной.

Послѣ репетиціи, она умоляла его прослушать еще разъ, передъ спектаклемъ, монологъ перваго акта.

Она уже совсѣмъ была одѣта и загримирована, когда онъ вошелъ къ ней.

Всѣ платья ей доставили. Они сидѣли на ней кое-какъ. Для начала пьесы, когда она—дочь богатаго помѣщика, туалетъ ея былъ уже черезъ-чуръ „скромный"; но онъ къ ней шелъ. А для театральнаго представленія на сценѣ ей дали костюмъ заболѣвшей актрисы. Съ распущенными волосами и съ вѣткой въ рукахъ,—она смотрѣла „не отъ міра сего" и въ ней было, еще больше, чѣмъ сегодня на репетиціи, что-то глубоко печальное, мягкое, трагическое и необычайно женственное.

Отъ страха она переводила дыханіе, точно пойманная птичка. Ей пришлось дать тутъ же лавровишневыхъ капель.

Прочла она свой монологъ гораздо хуже, чѣмъ на репетиціи.

— Гадко! Отвратительно! Иванъ Егоровичъ... Скажите! Скажите правду, одну правду!

— Вы слишкомъ волнуетесь.

— Господи! Да какъ же я могу не волноваться? Я не знаю— какъ еще стою на ногахъ. Въ глазахъ у меня зеленые круги... Воздуху нѣтъ.

Она бросилась на кресло, схватила голову обѣими ладонями и стала тихо всхлипывать.

— Окаянная, окаянная! — шептали ея вздрагивающія губы.

Невозможно было оставить ее въ такомъ состояніи. Астаховъ сначала ласкалъ ее, какъ маленькую, потомъ пригрозилъ, что откажется отъ роли сейчасъ же, и это такъ ее испугало, что она чуть не бросилась передъ нимъ на колѣни и стала просить прощенья, и кинулась къ туалетному столику обтирать совсѣмъ заплаканное лицо и наводить на него новый „гримъ".

Ему уже давно пора было идти въ свою уборную. Онъ долженъ былъ переодѣться и приготовить себѣ моложавую наружность.

Гримируясь передъ зеркаломъ, онъ самъ чувствовалъ себя смущеннымъ. Какъ можно ручаться за такой „мѣшечекъ съ нервами"! Вѣдь она почти-что истеричка. Выйдетъ, сопрется у нея дыханіе, и она грохнется на помостъ, при первыхъ словахъ своего монолога, который и опытнымъ актрисамъ не всегда удается сказать такъ, чтобы заинтересовать публику. Особенно— въ провинціи.

За перегородкой той же уборной съ открытой дверью—гримировался Брянскій. Онъ очень хорошъ въ роли дяди, разслабленнаго чиновника.

— Коллега!—окликнулъ онъ Астахова.—Вы уже здѣсь?

— Здѣсь, Максимъ Петровичъ.

— Какъ бы у насъ сегодня не вышло какого карамболяжа?

— Почему?

— Да вѣдь эта дѣвица... еле дышетъ. Съ ней можетъ случиться обморокъ. Мы не дойдемъ до конца. Простите! Тогда весь грѣхъ будетъ на вашей душѣ.

— Знаю!—отвѣтилъ со вздохомъ Астаховъ, намазывая себѣ щеку жирными бѣлилами.

— Наша Юлія Павловна ни для кого бы этого не сдѣлала, кромѣ васъ, хе, хе!

Эту шпильку Астаховъ пропустилъ мимо ушей. Ему становилось очень не по себѣ; но о своей игрѣ, о томъ, будетъ ли это для него „провалъ или торжество"—онъ не думалъ, и даже не замѣчалъ, про себя, что не думаетъ.

Подняли занавѣсъ. Публика сидѣла смирно; опаздывающихъ почти-что нѣтъ.

Раздался голосокъ Мамуриной. Вначалѣ онъ вздрагивалъ, точно угасающее пламя.

— Громче!—гаркнулъ кто-то изъ райка.

Астаховъ поблѣднѣлъ подъ гримировкой. Она могла сейчасъ же хлопнуться о земь, какъ предсказывалъ Брянскій.

Но она подошла къ краю подмостокъ театра—подъ открытымъ небомъ—и продолжала внятнѣе. Страшныя слова звучали трепетно. Настроеніе исполнительницы проникало въ зрителей. Наступило почти жуткое молчаніе.

Пьеса обрывается протестомъ автора... Астаховъ вдругъ почувствовалъ приливъ настоящаго возмущенія молодого новатора, оскорбленнаго въ самыхъ дорогихъ идеалахъ и упованіяхъ.

И тонъ у него явился юный, нервный, совсѣмъ новый, даже для него самого.

Первый актъ уже рѣшилъ успѣхъ представленія. Астахова вызвали съ Мамуриной до пяти разъ. Потомъ ее одну, кажется, три раза.

Въ уборной она бросилась къ нему, обняла, чуть живая, и повторяла все одно слово:

— Милый, милый!

Выигрышная сцена матери съ сыномъ „разожгла" залу—какъ выразился старшій режиссеръ. А въ четвертомъ дѣйствіи Мамурина однимъ своимъ появленіемъ, страдальческимъ видомъ, голосомъ, чѣмъ-то истинно „обреченнымъ" держала залу подъ обаяніемъ чего-то лично выстраданнаго, нестерпимо-жизненнаго, когда она разсказываетъ герою свою скорбную повѣсть.

Кто-то, въ ложѣ, громко заплакалъ. И передъ уходомъ „чайки" полились несмолкаемые крики. Она должна была выйти кланяться, несмотря на запретъ—по этой части,—налаженный директрисой, съ поддержкой старшаго режиссера.

Ее довели до уборной чуть живую. Съ ней сдѣлался обморокъ, и сама Юлія Павловна оттирала ее, вмѣстѣ съ Астаховымъ.

Мѣстный лихачъ мчалъ ихъ изъ театра въ узкихъ санкахъ.

Астаховъ держалъ за талію Мамурину; а она не сводила съ него глазъ, защищая блѣдное личико отъ рѣзкаго морознаго вѣтра.

Отъ обморока она скоро оправилась. Арнаутъ поспѣшила къ своему „Николенькѣ" въ гостинницу; всѣ разошлись, а они еще оставались въ уборной.

Она то тихо плакала, то принималась страстно благодарить

его. Астаховъ не взвидѣлся, какъ она схватила его руку и начала порывисто цѣловать.

Ея „блаженству“ не было предѣловъ. Она теперь ничего больше не хотѣла. Пускай ее держатъ „на выходѣ“ и пускаютъ только „на затычку“—все равно... она будетъ въ труппѣ, гдѣ Иванъ Егоровичъ.

Весь свой успѣхъ она приписывала опять-таки ему, и его всего болѣе трогала эта скромность, при такой беззавѣтной страсти къ сценѣ.

— Послушайте, Ниночка! — назвалъ онъ ее такъ въ первый разъ:—все это прекрасно. Но вѣдь вы—я знаю—съ самаго утра ничего не ѣли. Вы достойны хорошаго ужина.

— Ахъ, это правда!—согласилась она совсѣмъ по-дѣтски. Кажется... я больше отъ голоду упала въ обморокъ.

Онъ было-подумалъ: хорошо ли, что я повезу ее ужинать, въ номеръ, къ себѣ?

Но вѣдь у него нѣтъ никакихъ на нее видовъ. Пускай теперь въ труппѣ подсмѣиваются надъ его „выборомъ“. Сегодня всѣ, однако, признали, что она—„удивительный самородокъ“.

— Къ вамъ?—такъ же дѣтски-просто спросила она.

— Нѣтъ, мой другъ... ко мнѣ уже поздно... въ ресторанъ.

Она стала сейчасъ же надѣвать шляпу и свою кофточку.

Дорогой она все радостно вздыхала и скоро-скоро переводила духъ, повторяя:

— Господи, Господи!

У нея не хватало словъ излить всю полноту своего „блаженства“.

И только-что, въ отдѣльномъ кабинетѣ, они остались вдвоемъ, по уходѣ гарсона, и сѣли рядомъ на диванѣ—она, съ глазами, полными радостныхъ слезъ, вскинула ему свои худенькія руки на плечи и стала трепетно обнимать.

Его схватилъ за сердце этотъ порывъ настрадавшагося бѣднаго созданія. Ни одинъ мужчина, на его мѣстѣ, не устоялъ бы. Да и жестоко было бы охладить ее.

А губы Ниночки искали его губъ и шептали:

— Милый, дорогой! Какъ я безумно счастлива!

IX.

Сидѣлка провела Астахова по коридору, дурно освѣщенному, въ одну изъ „дворянскихъ“ палатъ.

Третій день Ниночка Мамурина лежитъ въ больницѣ. Онъ взялъ ей отдѣльную комнату и заплатилъ за мѣсяцъ впередъ.

Но главный врачъ сказалъ ему, что она очень плоха. Острое воспаленіе болѣе здороваго легкаго грозитъ абсцессомъ; а другое легкое давно уже подточено туберкулезомъ. Въ немъ застарѣлыя каверны.

И съ ней — съ живымъ мертвецомъ—онъ поигралъ въ любовь, поддался ея полубезумному увлеченію, какъ истый лицедѣй, жадный до всякихъ успѣховъ.

Она будетъ здѣсь валяться одна... въ ужасѣ надвигающейся смерти; а онъ — „пожинать лавры".

Сегодня же вся труппа снимается и переѣзжаетъ въ другой университетскій городъ—богатый, многолюдный, гдѣ ихъ ждутъ, куда его быстрая слава уже проникла и онъ, не дальше, какъ вчера, въ одномъ изъ тамошнихъ листковъ, видѣлъ свой портретъ, рядомъ съ портретомъ Юліи Павловны, давнишней любимицы тамошней публики.

— Пожалуйте!—впустила его сидѣлка.

Комната—высокая, съ одной койкой—густо выкрашена въ желтобурую унылую краску, со спущенной сторой единственнаго окна.

— Онѣ немного забылись... сильно тосковали... и бредъ былъ...—доложила сидѣлка.

Онъ, на цыпочкахъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ; но не подошелъ къ койкѣ.

Какъ же не проститься съ нею?

А черезъ четыре часа отходитъ поѣздъ; они будутъ ѣхать двѣ ночи, и въ самый день ихъ пріѣзда уже объявленъ спектакль. Антрепренерша получила сейчасъ депешу, что въ кассѣ вывѣшенъ „аншлагъ"—билеты всѣ расхватаны. Пойдетъ его бенефисная пьеса.

„Проклятое каботинство!—впервые выбранилъ онъ, про себя, дорогое ему искусство.—Только сборъ, только пріемы, только услажденіе своего ненасытнаго славолюбія".

Сидѣлка кашлянула.

— Что такое? Что такое?

Больная раскрыла испуганно глаза и обвела ими комнату. Не сразу пришла она въ себя.

— Вы!.. Вы!..—радостно крикнула она и порывисто поднялась туловищемъ.

— Можете выйти,—сказалъ Астаховъ сидѣлкѣ.

Та молча удалилась.

— Господи!

Голосъ у нея перехватило. Астахова схватило за сердце. Въ звукѣ этого голоса слышалась близкая смерть.

— Не подходите близко... еще заразитесь... Милый!

Онъ сѣлъ на край койки, у ея ногъ.

И тамъ, въ кабинетѣ ресторана, и послѣ, она ни разу не сказала ему „ты". Она слишкомъ высоко его ставила надъ собою.

Такъ они и остались на „вы".

— Какъ вы... Нина... чувствуете себя?

Банальность фразы сейчасъ же отдалась у него внутри, и онъ такъ презиралъ себя, въ ту минуту, что готовъ былъ опуститься на колѣни и крикнуть:

„Великій я негодяй!"

Но въ ея глазахъ уже загорѣлось блаженство. Ручки, съ пылающими ладонями, протянулись къ нему.

Онъ наклонился и поцѣловалъ.

Ниночка стремительно отняла.

— Что̀ вы! Что̀ вы! Иванъ Егоровичъ... За что?..

Она не могла докончить. Удушливый припадокъ кашля сталъ ее колыхать. Астаховъ подошелъ и поддерживалъ ей голову ладонями. Лобъ ея сталъ совсѣмъ влажный.

Въ полномъ изнеможеніи она опустилась на высоко взбитыя подушки.

— Вредно волноваться, Нина... Надо лежать тихо. Вотъ полежите, поправитесь...

Она, молча, махнула рукой.

И черезъ минуту прошептала:

— Это конецъ!

Двѣ крупныя слезы медленно спускались по ея щекамъ.

Ему сдѣлалось до боли жутко.

— Ниночка...—шопотомъ заговорилъ онъ съ поникшей головой: — у васъ ангельская душа. Всѣ мы... себялюбцы... тщеславные лицедѣи... а вы горѣли великой любовью къ сценѣ.

Она, съ полузакрытыми глазами, слушала его и улыбалась все той же блаженной улыбкой.

— Простите мнѣ! — вдругъ вырвалось у него съ плачемъ.

— Что̀?—удивленно остановила она.—Что̀ простить, милый?

— А то, что̀ вышло между нами.

— Простить... что вы... меня не оттолкнули, что вы... отвѣтили на мое безумство?

И опять ея жаркая рука схватила его руку и силилась поднести ее къ губамъ.

Онъ почти съ ужасомъ отдернулъ.

— Что же... — чуть слышно лепетала она. — Это конецъ! Уйду изъ жизни... И такъ чудесно!

Сдѣлавъ усиліе, она повторила, глядя на него широко раскрытыми глазами:

— Развѣ не чудесно? Скажите! Такое несказанное счастье... сыграла „Чайку" рядомъ съ вами. Успѣхъ... насъ соединилъ въ одно существо... а?

Она не могла договорить, и безпомощно ея лѣвая рука свѣсилась съ койки.

Онъ выбѣжалъ позвать сидѣлку.

— Барышня... говорить докторъ не велитъ.

— Я сейчасъ уйду.

У него недостало духу сказать ей, что сегодня его уже не будетъ здѣсь.

Онъ наклонился, поцѣловалъ ее и тихо проговорилъ:

— До свиданія, Нина.

Не раскрывая рѣсницъ, она прошептала:

— Прощайте... прощай... милый, милый!..

Тутъ только она позволила себѣ сказать ему одно слово на „ты".

Астаховъ, точно послѣ чего-то постыднаго, вышелъ на цыпочкахъ изъ комнаты, гдѣ Ниночка не встанетъ.

— Голубчикъ, — говорила ему Арнаутъ, укладывая мелкія вещи въ огромный сундукъ,—что же ты такъ убиваешься?

Астаховъ сидѣлъ въ углу, на какомъ-то ящикѣ, опустивъ руки на колѣни, съ наклоненной головой.

— Скверно у меня на душѣ... скверно. Точно я виноватъ въ ея гибели.

— Да какой же гибели?

Она подошла къ нему, держа въ рукахъ бѣлый кружевной воротникъ.

— Какая же гибель? Что ты это? Чѣмъ же ты-то виноватъ въ томъ, что она на ладанъ дышала?.. И до этого исполненія въ послѣднемъ градусѣ чахотки была. Ты же ее поддержалъ, добился ей успѣха, помогъ въ болѣзни... Чего же еще?

— Я совсѣмъ выбитъ изъ колеи.

Она присѣла къ нему, уложивъ сначала свой кружевной воротникъ.

— Ты такъ убиваешься, точно загубилъ ее... Я не знаю,

до чего у васъ тамъ доходило... Вѣдь она, небось, не дѣва орлеанская. Навѣрно... съ прошедшимъ?.. А?

Этотъ звукъ „а“—немного въ носъ—прошелъ по его нервамъ точно грифелемъ, и онъ замкнулся въ себя.

Сюда онъ пришелъ съ потребностью излиться. Онъ не сталъ бы скрывать того, что „осчастливилъ несчастную дѣвочку“, снизошелъ до взрыва ея обожанія.

Но теперь онъ не скажетъ ей всей правды.

— Все равно!—выговорилъ онъ, тяжело поднимаясь съ ящика.

— Какъ же тебѣ быть?—серьезнѣе возразила она, перейдя опять къ сундуку.—Не сидѣть же тебѣ около нея цѣлыя недѣли?

Онъ обернулся и поглядѣлъ на нее вбокъ.

— Неужели ты такъ увлекся этой дѣвчуркой?

И опять тонъ его патронши рѣзнулъ его.

Она не бездушна, не зла; но на ней уже цѣлый наростъ актерской морали, чего-то склизкаго и тлетворнаго.

— Да, я знаю!—вскричалъ онъ:—я долженъ укладываться... у меня контрактъ... Меня ждутъ успѣхи... Ха, ха!

— Голубчикъ, это у тебя нервы расшатались... Вотъ, полежишь въ вагонѣ цѣлыхъ двѣ ночи. Грѣшно и даже немного стыдно... такъ себя взволновать... Богъ знаетъ изъ-за чего...

Половинка двери шумно растворилась, и влетѣлъ Любскій въ домашней тужуркѣ и въ туфляхъ.

Онъ не могъ сразу видѣть Астахова—мѣшала дверь.

— Юля!—крикнулъ онъ. — Это ни на что не похоже! Я приказалъ Ергунову отправить мой багажъ вмѣстѣ съ твоимъ... а онъ такъ копается, такъ копается.

И тутъ только онъ увидалъ Астахова и стѣснился.

— Здравствуйте, Иванъ Егоровичъ!

Ей тоже было, кажется, непріятно, что онъ влетѣлъ такъ шумно и сталъ говорить на „ты“.

До сихъ поръ, на сценѣ и за столомъ, онъ звалъ ее „Юлія Павловна“, а она его—„Николенька“, но не говорила ему „ты“ при всѣхъ.

— Хорошо, хорошо! Я сейчасъ прикажу. Все уладится, голубчикъ. Только надо торопиться.

Любскій такъ же быстро исчезъ.

Протянулась пауза.

Она стала что-то опять укладывать и сейчасъ же замурлыкала.

Не разъ онъ уже замѣчалъ у нея этотъ пріемъ: какъ только выйдетъ что-нибудь несовсѣмъ ловкое — она запоетъ или замурлыкаетъ, безъ словъ и немного въ носъ, какъ теперь.

Онъ подошелъ къ ней сзади.

— Извини... но воля твоя... судьба этой несчастной „чайки"... ея неизбѣжная смерть...

— Ну, да... Понятно! Это дѣлаетъ тебѣ честь... ты человѣкъ съ душой.

И эта ободрительная фраза обдала его чѣмъ-то для него почти невыносимымъ.

Она взяла его за локоть, когда онъ повернулся отъ нея къ двери.

— Только, голубчикъ... не въ службу, а въ дружбу... пожалуйста, между нами то, что̀ сейчасъ было.

— Ничего не было... твой Веніаминъ начинаетъ входить въ роль.

— Да вѣдь онъ не видалъ тебя. Согласись, при постороннихъ онъ очень мило ведетъ себя. Разумѣется, съ глазу на глазъ мы не употребляемъ мѣстоименія „вы".

— Это твое дѣло,—выговорилъ онъ упавшимъ голосомъ.

Ему сдѣлалось вдругъ такъ тоскливо и одиноко. Полное равнодушіе вползло въ его душу—ко всѣмъ этимъ „каботинамъ", къ ихъ tournée, къ этой антрепренершѣ и ея любовымъ капризамъ, разсчетамъ, планамъ, идеямъ, мечтѣ создать новый театръ, гдѣ она готова будетъ предоставлять ему выдающееся мѣсто, потому что увѣровала въ его талантъ и дѣйствіе на публику.

— Хорошо, хорошо!—проговорилъ онъ, даже не зная, на что̀ онъ отвѣчаетъ.

— Пожалуйста, не опоздай!—крикнула она ему вслѣдъ.

Войдя въ свой номеръ, гдѣ сундукъ стоялъ раскрытымъ на двухъ стульяхъ, Астаховъ опустился на кушетку и чуть не заплакалъ.

„Ты ни въ чемъ не виноватъ!"—говоритъ его пріятельница. Но развѣ дѣло въ одной формальной винѣ?

Въ чаду его актерскихъ упоеній, передъ нимъ раскрылась вся за душу хватающая трагедія жалкаго существа, которое знаетъ, что ему нѣтъ спасенія. Судьба, съ циническимъ издѣвательствомъ, послѣ всякихъ мытарствъ, дала ей обезумѣть отъ счастья на одинъ мигъ.

А онъ поѣдетъ тѣшить свою актерскую ненасытность славы. Зачѣмъ непремѣнно пять, десять успѣховъ? Развѣ публика вездѣ не одна и та же? И вездѣ она ловится на хорошія слова, на слезы, на штучки.

Можно ли творить пять, десять разъ одно и то же лицо? А надо. Онъ уже въ когтяхъ ремесла; отыграетъ здѣсь, въ этой

„tournée“, возьметъ другой ангажементъ, потомъ третій, четвертый, въ провинціи и въ столицѣ. И такъ изо дня въ день.

И это—„святое искусство“!

Онъ закрылъ глаза, и передъ нимъ тотчасъ же выплыло лицо Ниночки съ закрытыми глазами покойницы.

Въ дверь выглядывалъ одинъ изъ ихъ бутафоровъ.

Въ отдѣленіи вагона на двѣ кровати свѣтъ фонаря со свѣчой еле пробивается сквозь темную занавѣску.

Астаховъ занимаетъ его съ Брянскимъ—на положеніи „первыхъ сюжетовъ“.

Резонеръ лежитъ наверху.

Имъ обоимъ не спится.

Брянскій грузно ворочался наверху и какъ-то все вздыхалъ. Астаховъ пріѣхалъ на вокзалъ все въ томъ же настроеніи, и когда они еще сидѣли на одномъ диванѣ, до приготовленія постелей—онъ перекидывался съ своимъ спутникомъ маленькими фразами.

— Астаховъ, вы не спите?—окликнулъ сверху Брянскій.

— Нѣтъ! Сильно качаетъ... Мы попали на ось.

— Это вѣрно! Духота нестерпимая! Ужъ коли начнутъ топить, то—пещь вавилонская. И все-то у насъ такъ дѣлается въ россійскомъ государствѣ.

— Гдѣ его искать... истопника?.. я бы сходилъ.

— Да вы въ какомъ туалетѣ? Я—въ одномъ бѣльѣ.

— Я какъ слѣдуетъ, не раздѣвался.

— Напрасно. Намъ предстоитъ еще ночь... Измаетесь, коллега.

Астаховъ накинулъ пальто и пошелъ отыскивать истопника, не нашелъ его и вернулся ни съ чѣмъ.

У него было такъ скверно на душѣ, что и помимо духоты о снѣ нечего и мечтать.

— Коллега...—окликнулъ его опять резонеръ.—Коли и вамъ не спится—поболтаемъ. Грѣшнымъ дѣломъ... еслибъ мы съ вами были склонны къ горячительнымъ напиткамъ — намъ было бы легче убить время и расположить себя ко сну.

Астахову вдругъ захотѣлось крикнуть спутнику снизу вверхъ: „А вѣдь я презрѣнный донъ-Жуанъ и пошлый каботинъ“!

— Бываютъ минуты, когда и кромѣ безсонницы есть побужденіе напиться!—выговорилъ онъ медленно и ядовито.

Этотъ „ядъ“ былъ обращенъ на самого себя.

— Неужели и вы уже испытали это... на томъ поприщѣ,

куда убѣжали отъ чистыхъ сферъ науки? Между нами, коллега, я вамъ этого не прощу.

— Я и не оправдываюсь, Максимъ Петровичъ! И не хочу скрытничать. Да, я какъ-разъ въ такомъ состояніи.

— Ой-ли?—фистулой воскликнулъ Брянскій и повернулся всѣмъ своимъ грузнымъ туловищемъ съ одного бока на другой, такъ что шарниры зазвенѣли.

И, помолчавъ, онъ продолжалъ въ болѣе конфиденціальномъ тонѣ, какимъ ведутся разговоры „по душѣ" въ русскихъ пьесахъ.

— Неужели разочарованы? Съ какой же стати? Будь я не вашъ собратъ, а директоръ театра, гдѣ вы служите, я бы сказалъ: господинъ Ардатовъ, да какихъ же еще успѣховъ желаете вы имѣть, и въ такой крошечный срокъ? Сколько вы па сценѣ — смѣю спросить?

— На настоящей... только съ вашей tournée.

— И вамъ мало? Ахъ, какіе аппетиты у людей вашей генераціи! Мы тоже стремились къ такъ называемой славѣ, но такихъ требованій—ей-же-ей—не имѣли!

— Совсѣмъ не то! — остановилъ его Астаховъ. — Дѣло совсѣмъ не въ славѣ... Какъ будто не можетъ васъ заглодать червякъ особенный, личный...

— Какой? Червь нечистой совѣсти? — выговорилъ резонеръ уже совсѣмъ по-театральному, но такъ, что это надо было принять за шутку.

Болѣзненно-чуткое ухо Астахова заслышало тутъ какой-то намекъ.

Это заставило его приподняться. А потомъ онъ спустилъ ноги и сѣлъ, облокотившись о столикъ.

— Разные бываютъ черви,—глухо вымолвилъ онъ.

— Да, бываютъ... а зачастую, коллега, червь этотъ — фиктивный.

— Въ какомъ смыслѣ?—окликнулъ Астаховъ и даже взглянулъ вверхъ, подавшись на край своего дивана.

— А въ такомъ... когда вдругъ какой-нибудь донъ-Базиліо, изъ „Севильскаго Цирульника" пуститъ о васъ нѣчто, увлаженное ядовитой слюною клеветы. — „La calunnia"... — протянулъ онъ комически, низкими нотами. —Васъ, можетъ, удивляетъ, коллега, мой вокальный речитативъ? Я вѣдь сначала въ опереткахъ дѣйствовалъ... и обладалъ пріятнымъ баритономъ. Такъ вотъ-съ... и пуститъ какая-нибудь досужая ехидна, какими преисполнена наша театральная трясина.

Онъ свѣсилъ голову, которая пришлась какъ разъ надъ головой Астахова.

— Если не хотите пускать въ ходъ дипломатію—будто вамъ уже не представили меня, когда вы поступили къ намъ, какъ человѣка несказуемыхъ нравовъ, чуть не почище Карамазова-pѐre...?—съ юморомъ выговорилъ онъ.—Ну, скажите... я не обижусь. А вы лгать не умѣете... я это сразу увидалъ.

— Слышалъ что-то... въ такомъ именно родѣ.

— Merci... Долгъ платежемъ красенъ... Вѣдь и про васъ уже кто-то пустилъ ноту во вкусѣ донъ-Базиліо.

— Да?

Астаховъ вскочилъ и прислонился къ перегородкѣ отдѣленія, такъ что голова его пришлась вровень съ верхней постелью.

— Разлюбезнымъ манеромъ,—продолжалъ Брянскій потише, почти шопотомъ.—А героиней этой легенды будетъ та юница, которой вы доставили...

— Мамурина?

— Всенепремѣнно. И будьте признательны богамъ, ежели эта ядовитая струя не потечетъ дальше и не выростетъ въ цѣлую Медузину голову.

— Но что же говорятъ?—порывисто спросилъ Астаховъ.

— Видите ли... вы ее загубили.

— Какъ?

— Ужъ не знаю тамъ... посягнули на ея дѣвическую непорочность. Все ужъ тутъ есть... и кабинетъ ресторана, и обморочное состояніе, и внезапная смертельная болѣзнь.

— Какая гнусность!

И тутъ же его мозгъ пронизала мысль:

„А не ты ли и пустилъ въ ходъ эту легенду“?

— И такихъ гнусностей совершается не одна дюжина... и не въ одной только нашей трясинѣ.

— Это Богъ знаетъ что!—вскричалъ Астаховъ, ложась на диванъ.

На лбу у него выступила испарина.

— Средство одно...—доносился до него голосъ резонера.—Помните, какъ у Островскаго пьяненькій трактирщикъ Маломальскій повторяетъ Ванѣ Бородкину: „Оставь втунѣ, пренебреги!“

„Вотъ оно что!“—повторялъ Астаховъ и во рту ощущалъ горечь.

Значитъ, желчь внезапно поднялась въ немъ.

— Покойной ночи, коллега!—крикнулъ ему сверху Брянскій.

X.

Шесть часовъ сряду просидѣла Марья Денисовна, не разгибая спины, надъ срочной работой.

Она наскоро пообѣдала и собралась посидѣть къ своей матери, Катеринѣ Дмитріевнѣ Грузовой.

Той нездоровится уже который день. Началось съ насморка, но перешло во что-то затяжное; явился кашель и температура поднялась. Опаснаго ничего нѣтъ, и Катерина Дмитріевна вообще не охотница лечиться, постоянно на ногахъ, „валяться“ не соглашается, хотя докторъ совѣтуетъ „не слишкомъ храбриться“.

Марья Денисовна—за послѣднія двѣ-три недѣли собою недовольна.

На нее все чаще и чаще находитъ подавленное расположеніе духа, переходящее въ тошную хандру.

Много ночей она спала всего какихъ-нибудь три-четыре часа, и должна теперь прибѣгать къ наркотикамъ.

Она хочетъ бороться съ этой нервностью запойной работой и сидитъ до двухъ, до трехъ часовъ за письменнымъ столомъ. Выходитъ еще хуже. Къ доктору она не обращается. Но и мать ея замѣтила уже, не со вчерашняго дня, что она сильно измѣнилась въ лицѣ. Цвѣтъ кожи сталъ землистый, глаза впали, потеряли свою прежнюю красивость.

Знакомства ее тяготятъ. Въ театрѣ она или совсѣмъ чужая, или чувствуетъ, что у нея съ театромъ, со сценой, съ искусствомъ и съ положеніемъ актера—какіе-то тайные счеты.

Интересоваться театральнымъ міромъ она не можетъ, потому что ея мужъ „пошелъ въ актеры“. И, въ то же время, она теперь прочитываетъ театральныя хроники во всѣхъ газетахъ и еженедѣльныхъ журналахъ, ищетъ въ корреспонденціяхъ изъ провинціи имя артиста Ардатова.

Успѣхи ея мужа волнуютъ или вызываютъ двойственное чувство: она рада за него и не можетъ отдѣлаться отъ угнетающаго страха за то, что онъ совсѣмъ уйдетъ отъ нея.

Только теперь, въ разлукѣ, она начала испытывать приступы скрытой, точно тупой боли, чисто-женской тревоги.

Впередъ поставила она крестъ на похожденія своего мужа. Эта Арнаутъ первая могла прибрать его къ рукамъ. Про нее ходятъ ужасные слухи. Если половина—правда, то чего можно ждать отъ такой женщины, какого вліянія на такую неустойчивую натуру, какъ Иванъ Егоровичъ?

И всю эту внутреннюю тревогу она подавляетъ, ни съ кѣмъ не говоритъ по душѣ—даже и съ матерью.

Катерина Дмитріевна довольна тѣмъ, что дочь ея съ достоинствомъ переживаетъ такія трудныя минуты; но она надѣется, что „благородныя стремленія“ побѣдятъ, въ душѣ ея зятя, „увлеченія легкомысленнаго свойства“.

Такимъ языкомъ мать ея привыкла выражаться, и ихъ разговоры не идутъ дальше обмѣна того, что Маня прочтетъ въ газетахъ и что Катерина Дмитріевна облечетъ въ свои сентенціи.

Сегодня Марья Денисовна была такъ поглощена своей работой, что не успѣла прочесть ни одной газеты.

Матери ея было гораздо лучше.

Катерина Дмитріевна сохранила въ своей фигурѣ и типѣ лица что-то дѣвическое—небольшого роста, съ остатками миловидности, сѣденькая, очень старательно одѣтая въ темный цвѣтъ—она и говорила дѣвическимъ тономъ, грудными нотами, которыя шли къ ея фразеологіи убѣжденной „семидесятницы“.

Она сидѣла съ ногами на кушеткѣ, въ своей необычайно чистой спаленкѣ, гдѣ лампа съ горѣлкой Ауэра висѣла, обливая все молочно-голубыми волнами свѣта.

На столикѣ, у кушетки, лежало нѣсколько газетъ. Катерина Дмитріевна поглощала ихъ въ большомъ количествѣ и страстно относилась къ политикѣ, особенно къ внутреннимъ вопросамъ, къ земскимъ интересамъ и къ женскому „освободительному“ движенію.

— Маня! Голубушка! — привѣтствовала она дочь и хотѣла даже подняться; но та не допустила.—Ты видишь, мнѣ гораздо лучше. И мой эскулапъ доволенъ мною.

Онѣ нѣжно обнялись.

— А твоимъ видомъ, Манюша, я не довольна. Воля твоя! ты себя изводишь на работѣ.

— Ничего... мамочка.

Марья Денисовна, до сихъ поръ, совсѣмъ по-дѣтски зоветъ свою мать. Она присѣла на край кушетки и держала руку матери въ своихъ рукахъ. Потомъ поглядѣла на газеты и вздохнула.

— Я еще не прочитала ни одной газеты.

Глазами она спросила мать: „А нѣтъ ничего про мужа?“

Та поняла этотъ взглядъ, и сейчасъ же ея маленькій ротъ сложился въ особую мину, знакомую Марьѣ Денисовнѣ.

Значитъ, мать что-то такое прочла сегодня, что ей не хотѣлось бы сообщать.

Скрыть что-нибудь Катерина Дмитріевна не мастерица, даже и въ мимикѣ лица, хотя ея постоянная забота—какъ-нибудь не смутить другихъ.

Рука Марьи Денисовны протянулась къ листку мелкой прессы—онъ лежалъ сверху.

— Видишь... Манюша,—заговорила Грузова, поднимая голову,—тутъ есть какая-то вздорная корреспонденція изъ...

Она назвала имя того города, куда труппа Юліи Павловны Арнаутъ переѣхала со второй недѣли поста, послѣ возобновленія спектаклей.

— Ты боишься за меня, мамочка? Развѣ я такая малодушная? Я ко всему готова,—проговорила она, немного блѣднѣя.

— Тутъ только инициалы... театральной фамиліи твоего мужа.

Листокъ былъ уже въ рукахъ Марьи Денисовны. Онъ какъ-разъ развернутъ на той страницѣ, гдѣ театральная хроника.

— Провалъ?—воскликнула она.

— Да ты не читай, Маня, прошу тебя.

— Значитъ, такъ скандально?

— Или это утка... или какая-нибудь „кабаль". Но если дѣйствительно оно случилось такъ... мнѣ крайне прискорбно за Ивана Егоровича. Ни на что такое я не считаю его способнымъ.

Сразу покраснѣвшіе глаза ея дочери жадно пробѣгали строки, напечатанныя мелкимъ шрифтомъ.

Да! Это про него... Артистъ А—товъ, т.-е. Ардатовъ. И произошло оно на первомъ же представленіи въ этомъ городѣ труппы Арнаутъ, въ той самой пьесѣ, гдѣ онъ такъ захватилъ публику въ университетскомъ городѣ. Она читала объ этомъ въ трехъ газетахъ, и даже была минута—хотѣла послать ему депешу.

Это про него!

Кровь бросилась ей въ лицо и въ вискахъ застучало.

При его появленіи и въ креслахъ, и сверху, среди учащейся молодежи — раздались крики, шиканье, свистки. Цѣлыхъ пять минутъ нельзя было актерамъ играть, и только вмѣшательство полиціи сдѣлало возможнымъ исполненіе пьесы. Послѣ четвертаго дѣйствія было то же. Кажется, что-то бросили изъ райка въ бумагѣ.

А причина? Корреспонденція изъ того города, гдѣ онъ испыталъ свое первое торжество. Какая-то молодая дѣвушка... обезчещенная имъ и брошенная. Ея смерть въ больницѣ.

Дыханіе сперлось въ груди Марьи Денисовны. Она не дочитала послѣднихъ трехъ строкъ. Газета упала на полъ.

— Манечка! Я просила тебя не читать. Это грязная сплетня... Твой мужъ... неспособенъ на это... неспособенъ.

— Какой стыдъ!—промолвила Марья Денисовна дрожащими губами, подалась къ матери, обвила ее руками и тихо заплакала.

Ничего болѣе горькаго она еще не испытала во всю свою жизнь.

Скорый поѣздъ изъ Москвы опоздалъ на цѣлыхъ полчаса.

Объ этомъ было уже извѣстно на вокзалѣ, когда Марья Денисовна вошла въ сѣни, гдѣ толпилось не мало народа и стѣной стояли швейцары отелей и меблировокъ.

Она вышла и на платформу, не боясь погоды.

Мокрый снѣгъ залеталъ подъ навѣсъ платформы. Отовсюду дуло. Пришлось примоститься въ уголъ и ждать — вотъ-вотъ покажется грудь и труба паровоза.

Встрѣчающихъ было немного. Погода способна была каждаго привести въ смущеніе. Но Марья Денисовна забыла тотчасъ же о погодѣ.

Ѣхала она съ все возростающимъ волненіемъ и никакъ не могла подавить его въ себѣ.

Другая бы на ея мѣстѣ ни за что не бросилась встрѣчать мужа, послѣ того, что она изъ-за него испытала горькаго.

Но она не могла не поѣхать.

Вчера получила она отъ него депешу о часѣ пріѣзда, съ просьбою помѣстить его гдѣ-нибудь невдалекѣ отъ нея.

Она давно писала ему, что сдала ихъ квартиру, на какой срокъ и на какихъ условіяхъ. Онъ даже ничего не отвѣтилъ. Распорядиться самостоятельно она считала себя вправѣ: платить за квартиру одной—нелѣпо; вдобавокъ, она была взята по контракту, на ея имя.

А три дня назадъ, еще изъ губернскаго города, пониже Москвы, пришло письмо отъ мужа, гдѣ онъ называлъ себя блуднымъ сыномъ, жаждалъ возвращенія домой, изливался въ своемъ теперешнемъ тяжкомъ душевномъ настроеніи.

Значитъ, то, что стояло въ газетахъ и перепечатано во многихъ листкахъ—правда, и онъ прошелъ, быть можетъ, черезъ цѣлый рядъ такихъ протестовъ публики.

„Все, все разскажу,—кончалось письмо.—Но если уже читала что-нибудь, вѣрь,—это гнусная клевета. Не можешь ты считать меня способнымъ на что-либо подобное“.

Это ее тронуло. Она сейчасъ же поѣхала къ своей матери— прочесть ей письмо мужа.

Катерина Дмитріевна воскликнула:

— Я вѣрю Ивану! Онъ—увлекающійся... нетвердый человѣкъ... но онъ—жертва сплетни.

Урокъ оказался сильнѣе, чѣмъ онѣ обѣ предполагали. „Блудный сынъ“ возвращался черезъ какихъ-нибудь четыре мѣсяца.

Какъ жена—если даже считать, что она имѣетъ особенныя права на него—она не можетъ выставить ничего противъ мужа, кромѣ подозрѣній и предположеній.

Но если даже онъ и увлекся той покойницей или „далъ себя увлечь“—развѣ это такой смертный грѣхъ, послѣ котораго не можетъ быть примиренія?

Мать ея даже прямо сказала:

— Любящая жена должна побѣдить мужа... всепрощеніемъ.

„И что же, въ сущности, вышло?—думала она и вчера, и сегодня, проснувшись рано: — что случилось безповоротнаго въ ихъ общей судьбѣ или только для него“?

Они не разводились, даже не разъѣзжались формально. Иванъ Егоровичъ вышелъ въ отставку—это правда; но онъ можетъ сейчасъ же найти мѣсто и, если ученая дорога ему по силамъ, продолжать готовиться на магистра.

И кто же знаетъ въ этомъ огромномъ Петербургѣ, что артистъ А—въ, про котораго въ газетахъ появлялись извѣстія позорящаго свойства, есть именно магистрантъ Иванъ Егоровичъ Астаховъ? Десять человѣкъ, да и то врядъ ли,—по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, когда члены труппы Арнаутъ—или въ Москвѣ, или въ провинціи.

Можетъ быть, онъ уже, какъ „артистъ Ардатовъ“, напечаталъ опроверженіе, которое еще не появилось въ столичныхъ газетахъ...

Волненіе Марьи Денисовны было наполовину радостное. Она встрѣтитъ мужа „какъ ни въ чемъ не бывало“ и даже не допуститъ его ни до какихъ ненужныхъ исповѣдей и не позволитъ себѣ никакихъ лишнихъ вопросовъ.

Все, что было фактическаго въ этой „легендѣ“—какъ онъ называлъ въ письмѣ своемъ пущенную сплетню,—онъ самъ ей разскажетъ.

А тамъ—будь, что будетъ. Если онъ отрезвился—останется съ ней, или...

Но ей не хотѣлось идти дальше въ этихъ предположеніяхъ.

На платформу высыпали артельщики, въ фартукахъ, съ ну-

мерными бляхами. Поѣздъ сейчасъ войдетъ подъ сводъ дебаркадера.

Она пошла впередъ, не зная хорошенько, въ которомъ классѣ онъ пріѣдетъ—въ первомъ или во второмъ.

Кто-то стукнулъ въ стекло, изнутри вагона.

Это онъ! Она подбѣжала къ подножкѣ и крикнула съ собой артельщика.

— Маня! Дорогая!

Они обнялись тутъ же. У него на глазахъ слезы. Она тоже глотала ихъ. Но плакать было бы стыдно.

Взявъ его подъ-руку, она повела его въ сѣни и въ боковую залу, гдѣ они дожидались, пока артельщикъ принесетъ его два большихъ сундука.

Они оба сразу нашли большую перемѣну въ своемъ внѣшнемъ видѣ: и онъ, и она похудѣли, цвѣтъ лица—блѣдно-матовый, глаза съ покраснѣвшими вѣками. Имъ стало еще больше жаль другъ друга.

— Куда мнѣ въѣхать, Маня?—кротко спросилъ Астаховъ, еще до возвращенія артельщика съ сундуками.

— Въ моемъ garni есть очень хорошая комната... если не побрезгаешь,—выговорила она полу-шутливо.

— Спасибо, голубчикъ!

Онъ привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ лобъ.

Этого слова „голубчикъ" онъ прежде никогда не употреблялъ. Оно—актерское. Его нервность усилилась. Слова онъ кидалъ, не договаривалъ фразъ и говорилъ не то, что хотѣлъ бы сказать ей. Но вѣдь это всегда бываетъ при свиданіи, въ первыя минуты.

Пришлось взять карету. Дорогой они говорили все такъ же отрывочно.

Марья Денисовна напомнила ему, что квартира сдана до перваго апрѣля. Онъ тутъ только вспомнилъ, что во-время не отвѣтилъ ей.

— Прости... великодушно! Ты прекрасно сдѣлала. Пока... мнѣ ничего не нужно.

„Пока!—повторила она про себя.—А потомъ"?

Но она не хотѣла разстроивать себя. Вѣдь онъ тутъ, сидитъ около нея. И они—не враги. И онъ ушелъ изъ того міра по собственному желанію.

Не хотѣла она видѣть въ немъ какого-то раскаявшагося грѣшника. Если его потянуло домой—значитъ, „домъ" пересилилъ.

Тяжелые сундуки были отправлены съ посыльнымъ. Ручной

багажъ внесли въ комнату, которую Марья Денисовна, съ вчерашняго дня, убирала вмѣстѣ съ номерной, помня хорошо всѣ привычки мужа.

— Да здѣсь прекрасно! Лучшаго и желать трудно!

Въ томъ, какъ онъ это сказалъ, Марья Денисовна опять заслышала что-то новое—какую-то пѣвучесть дикціи, какой у него прежде не было.

Ушелъ коридорный, ушла горничная.

Наконецъ-то они одни.

Астаховъ—очень изящно одѣтый въ дорожную пару—подошелъ сначала къ окну, точно онъ хотѣлъ скрыть свое смущеніе, постоялъ нѣсколько секундъ, быстро обернулся, подбѣжалъ къ женѣ, обнялъ ее и долго не отпускалъ.

— Ну, вотъ ты и со мной!—шептала она, пряча лицо на его плечѣ.

Онъ привлекъ ее къ дивану, усадилъ; а самъ такъ же быстро опустился на колѣни и схватилъ ее за обѣ руки.

— Какъ ты выше меня, Маня!—заговорилъ онъ съ особенными вибраціями голоса.—Какъ выше! Я—презрѣнный эгоистъ! Искатель актерской мишуры! А ты все та же... чистая душой, безконечно добрая.

— Встань, встань, Ваня! Не надо!

Ей стало дѣлаться жутко отъ его слишкомъ красивыхъ изліяній. Точно они разыгрываютъ сцену примиренія.

— Сядь! Прошу тебя!—настойчиво вымолвила она.

Онъ сѣлъ и взялъ ее за талію.

Тонъ его тотчасъ же сталъ другой.

— Маня!—сказалъ онъ, возбужденно поглядывая на нее.—Я бы не посмѣлъ явиться сюда—будь я тотъ негодяй, про котораго ты читала въ газетахъ.

Голосъ дрогнулъ. Глаза были полны слезъ.

— Я знаю... я знаю... Я вѣрю тебѣ! — порывисто повторила она.

— Но ты вправѣ сказать: „что-нибудь да есть тутъ... къ чему могли придраться".

— Не надо тебѣ оправдываться, Ваня.

— Позволь... я слишкомъ настрадался, Маня... Цѣлый мѣсяцъ я жилъ въ постоянномъ ожиданіи... новыхъ оскорбленій.

— Развѣ и въ другихъ городахъ?

— Скандаловъ не было... но сплетня росла.

— Ты молчалъ...

— Меня просили товарищи напечатать письмо. И я не со-

гласился. И ты поймешь—почему. Я сказалъ имъ: „Я готовъ отдать свое поведеніе на вашъ судъ. Вы знаете, что тутъ нѣтъ ничего, кромѣ клеветы. Мамурина“...

— Это та, кому я дала карточку къ тебѣ?

— Она... Съ ея дебюта въ „Чайкѣ“ прошло всего нѣсколько дней. Потомъ она заболѣла. Мы должны были двинуться. Я помѣстилъ ее въ больницу, гдѣ она и умерла черезъ четыре дня. Вотъ—факты.

Онъ прильнулъ къ ней и сталъ говорить на-ухо:

— Ты должна знать всю правду... ты, какъ жена моя передъ Богомъ и людьми.

Этотъ возгласъ почти непріятно рѣзнулъ ее по уху.

— Я не требую исповѣди, Ваня.

— Нѣтъ... дай мнѣ повиниться. Эта несчастная дѣвушка обезумѣла отъ своего внезапнаго успѣха. Свою наболѣвшую душу она настроила восторженно. Я былъ тронутъ... я не устоялъ. Вотъ моя вина, но передъ кѣмъ? Только передъ тобой, Маня. Ты одна—судья.

— Я не судья,—спокойно выговорила она.

— И это былъ одинъ мигъ... Какъ на духу говорю я тебѣ... Меня охватили и жалость къ этому существу, и опьяненіе общаго успѣха, и благодарность за то, что она такъ беззавѣтно отдавала мнѣ свою душу и свое бѣдное... изнемогающее тѣло... Вотъ и все! И я вышелъ похитителемъ ея чести. Въ легендѣ она—невинная дѣвушка, попавшая въ когти развратника... Въ жизни—она была жалкая дѣвушка съ печальнымъ прошлымъ, несчастная мать мертворожденнаго ребенка, брошенная тѣмъ, кто увлекъ ее впервые...

— Довольно!—остановила Марья Денисовна, и даже немного отвела его руки.

— Вотъ правда, Маня, голая правда.

Онъ поникъ головой, блѣдный и разбитый этой исповѣдью. По щекамъ текли слезы.

— Ты слишкомъ много страдалъ, Ваня,—сказала она тихо и взяла его за руку.

— А печатать оправдательныя письма я не хотѣлъ и теперь не хочу. Что̀ я могу привести, какъ самый вѣскій фактъ? Что артистка Мамурина была матерью ребенка, явившагося на свѣтъ мертвымъ, больше года до знакомства со мною? Я никогда не пошелъ бы на такую гадость.

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Во всемъ этомъ есть что-то фатальное,—начала Марья

Денисовна. — Я сама дала ей карточку. Успѣхъ... Внезапное преклоненіе передъ тобою—это такъ понятно. А остальное — сплетня... нравы того міра, куда тебя такъ неудержимо влекло.

— Влекло! — подхватилъ онъ ея слово. — Но не влечетъ, ха, ха! О, нѣтъ!

Онъ вернулся на то же мѣсто, взялъ ее за руку и нѣсколько разъ поцѣловалъ.

— Прозрѣлъ я, Маня, и помимо этой гадкой исторіи. Прозрѣлъ и ужаснулся.

— За что?

— Ужаснулся за самого себя. Было бы въ сто разъ лучше — испытай я полную неудачу. Тогда меня такъ быстро не стала бы разъѣдать гангрена актерства, гангрена, разложеніе личности. Ты не можешь себѣ этого представить!—крикнулъ онъ.— Это вродѣ запойнаго пьянства. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ все усиливается жажда тщеславныхъ утѣхъ своего кабо-тинскаго „я"! Все исчезаетъ! Нѣтъ ни Бога, ни природы, ни человѣчества, ни долга, ни родины, ни идей, ни общества, ни дружбы, ни солидарности съ кѣмъ бы и съ чѣмъ бы то ни было. Есть пріемы, успѣхи, свое „я", своя слава!

Слова порывисто слетали съ его губъ. Онъ сдѣлалъ сильный жестъ обѣими руками надъ своей головой.

— И слава! Какая? Хвалебная болтовня газетчиковъ? Галдѣнье гимназистовъ и акушерокъ, подношенія, застольные спичи! Ни одного умнаго отзыва не прочелъ я за все время. Ни одной стоющей оцѣнки не выслушалъ!

Онъ обнялъ ее и, прижавъ къ груди, прошепталъ:

— Я твой, Маня, прежній твой другъ и товарищъ!

XI.

Солнце весело играетъ на сѣровато-голубой зыби моря. Легкій вѣтерокъ пахнётъ въ лицо и сейчасъ же притихнетъ.

Марья Денисовна сидитъ въ будкѣ съ книгой и записной тетрадью.

Опять та же будка, тотъ же „штрандъ", какъ и годъ назадъ.

Неужели все то было, что̀ наполнило цѣлый годъ, съ прошлаго августа?

Порой ей кажется, что все это было видѣніе. Точно она проспала, и ей снился цѣлый рядъ картинъ, сначала тяжелыхъ, а потомъ болѣе отрадныхъ.

И пробудилась она не дальше, какъ недѣль шесть назадъ, когда опять пришла вотъ въ эту будку и стала работать въ утренніе часы.

Они живутъ въ той же дачкѣ, вонъ тамъ, сзади, по той улочкѣ, которая спускается внизъ, гдѣ двѣ сосны и у забора примостилась скамья.

И она все такъ же работаетъ. Только годъ назадъ она дѣлала выборки для мужа, а теперь для себя.

Съ конца поста время пролетѣло поразительно скоро. Въ концѣ апрѣля они изъ меблировки перебрались въ свою квартиру. Ея жильцы были порядочные люди: все нашли они въ порядкѣ—ничего не запачкано, не поломано, не разбито.

И началась трудовая жизнь—ея идеалъ, ея тихая пристань.

Мужъ ея поразилъ ее своей искренностью. Она сразу показала ему, что никакихъ супружескихъ счетовъ она не допускаетъ—точно ничего, такъ-таки ровно ничего, не случилось тамъ гдѣ-то...

Замѣчала она, въ первые дни, что онъ все еще стѣсненъ. Но она съумѣла вернуть его къ прежнимъ настроеніямъ. Ея мать встрѣтила его съ большой лаской, ни о чемъ его не разспрашивала и нашла, что онъ сталъ „еще интереснѣе".

Въ немъ проснулась жажда умственнаго труда. Желалъ онъ имѣть и собственный заработокъ. Это былъ вопросъ его мужского достоинства. Отъ его артистической кампаніи у него осталась сотня-другая рублей. Просить мѣста тамъ, гдѣ онъ прежде служилъ, ему было тяжело. Марья Денисовна нашла ему прочный заработокъ: ежемѣсячный гонораръ за работу въ одномъ „Словарѣ", по экономическому отдѣлу. Онъ взялся за это очень горячо, вернулся, въ свободные часы, и къ своимъ книгамъ, но говорить о диссертаціи какъ бы стыдился.

Она давно помирилась съ тѣмъ, что изъ него не выйдетъ ученаго. Но его талантливость не въ томъ, такъ въ другомъ проявится. Для публициста у него прекрасная подготовка.

Здѣсь, на морѣ, они живутъ совсѣмъ тихо. Знакомства случайныя, на музыкѣ. И онъ не ищетъ ихъ. Никто бы и не догадался, что этотъ скромный литературный работникъ еще постомъ гремѣлъ по провинціи, подъ именемъ Ардатова.

Встрѣчи съ кѣмъ-нибудь изъ актерской братіи Марья Денисовна не боялась. Она вѣрила мужу, и „легенда" не могла его позорить. Никакой новой тревоги она въ немъ не замѣчала, или подавленнаго состоянія духа.

Но отчего же—уже не впервые сегодня—поднимаются въ

ней прежнія сомнѣнія—почти такъ же, какъ въ прошломъ году, на этомъ самомъ мѣстѣ?

Тогда у нея не было еще прямого страха, что мужъ ея изъ магистрантовъ очутится въ актерахъ; но она уже не вѣрила, что онъ когда-либо напишетъ диссертацію и защититъ ее.

Теперь она и не мечтаетъ для него о каѳедрѣ. Но надолго ли хватитъ у него выдержки на тихій, безвѣстный или даже и болѣе живой и лестный трудъ писателя-публициста? Она сжилась съ Петербургомъ, съ его мглой, сухостью отношеній, однообразной и часто изнурительной работой. Она—вся въ интимной жизни.

А онъ? Весна прошла въ особомъ возбужденіи, когда они заново водворялись въ своемъ заброшенномъ гнѣздѣ.

Его не тянуло даже на тѣ спектакли московской труппы, которые шли на Святой и Ѳоминой. Онъ ни разу не пошелъ. Можетъ быть, онъ сдѣлалъ это для нея; а можетъ быть не былъ еще увѣренъ въ самомъ себѣ.

Спектакль, на который бѣгалъ весь Петербургъ—онъ видалъ въ Москвѣ. Если не сама пьеса, то игра, постановка, тонъ исполненія, множество интересныхъ подробностей—могли взволновать его, раздразнить то душевное бродило, заставившее его бросить все.

Здѣсь онъ очень много читаетъ, аккуратно высылаетъ „оригиналы“ въ редакцію „Словаря“ и держитъ корректуры; много и гуляетъ, ѣздитъ на велосипедѣ, въ лодкѣ, купается по два раза въ день. Онъ посвѣжѣлъ, сильно поздоровѣлъ. Совсѣмъ поправилась и она. Еще вчера онъ ей говорилъ:

— Маня! Ты точно новобрачная!

Почему же ей, нѣтъ-нѣтъ, да дѣлается не по себѣ—точно она опять наканунѣ какого-то кризиса, какъ будто ея мужъ страдаетъ роковымъ недугомъ, только притаившимся въ глубинѣ организма?

Она разсердилась на самоё себя, положила книгу и тетрадь въ папку, вся потянулась и пошла—не прямо на дачу, а по убитому прибоемъ песку, вдоль линіи моря.

Штрандъ былъ, въ этотъ часъ, совсѣмъ почти пустой. Нѣсколько мальчиковъ валялись въ пескѣ, полуодѣтые.

Къ ней навстрѣчу близилась женская фигура—вся въ бѣломъ, въ огромной кисейной шляпѣ. Оборкой тульи все лицо было скрыто. Молодая женщина—судя по стройному стану и легкой походкѣ.

Онѣ столкнулись на узкой полосѣ прибитаго песку, почти носъ съ носомъ.

Дама подняла голову и откинула рукой пышную оборку своей громадной шляпы.

— Маня! Ты!

Передъ нею стояла Кружалова.

Эта неожиданная встрѣча дала ей опять такое впечатлѣніе, будто все еще она живетъ на берегу моря, какъ въ прошломъ году.

„Не къ добру“,—пронизала ее внезапно мысль.

— Ты здѣсь?—спросила она смущенно и не сразу поздоровалась съ подругой.

— Только-что пріѣхала... на два дня всего, къ однимъ друзьямъ. Ѣду за границу. Никакъ не думала, что ты здѣсь. Сядемъ.

Около, шагахъ въ десяти, стояла голубая скамья.

— И мужъ твой съ тобою?—спросила Кружалова, съ какой-то особой интонаціей.

— Со мною.

— Вѣдь онъ теперь настоящій артистъ! Служилъ у Арнаутъ!

— Служилъ!—повторила Марья Денисовна.—Какъ я не люблю этого актерскаго слова. Служилъ кому? Не антрепренершѣ ли?

— Ахъ, какая ты Маня! У насъ такъ всѣ говорятъ... и въ императорскихъ театрахъ, и вездѣ.

— Ну, хорошо! Онъ давно вернулся.

— А на зимній сезонъ куда ангажированъ? Мы читали— онъ сразу выдвинулся и сдѣлался украшеніемъ труппы. Это меня не удивляетъ. Онъ такой чуткій и способный.

— Мужъ мой... покончилъ съ театромъ.

Кружалова уставила на нее свои большіе, замѣтно подведенные глаза.

— Покончилъ? Почему?.. Неужели оттого только...

Она остановилась.

— Мало ли что пишутъ газетчики...

Астахова вся покраснѣла.

— Тебѣ это извѣстно?—вполголоса спросила она.

— Ну да. Но что-жъ изъ этого?

— Прошу тебя вѣрить, что мой мужъ неспособенъ ни на какой безчестный поступокъ. И онъ не хотѣлъ оправдываться въ печати. Это—ниже его. Гнусная клевета провалилась сама собою.

— Ну да, ну да! Не волнуйся, Бога ради! Но скажи... неужели изъ-за этого только твой мужъ бросаетъ сцену?

— Онъ вернулся съ чувствомъ чуть не отвращенія. Весь этотъ лживый и распущенный міръ онъ увидалъ въ настоящемъ свѣтѣ.

— Распущенный! распущенный! Это странно, моя милая,— возразила Кружалова, почти съ обиженной миной.—Вотъ я второй годъ принадлежу театру... правда, образцовому во всѣхъ отношеніяхъ. Но развѣ про него можно сказать что-нибудь подобное? Всѣ только и живутъ, что для идеи. Какая преданность! Какое безкорыстіе!

— Словомъ, обитель, а не труппа?

— Да, обитель. Только гораздо чище во всѣхъ смыслахъ. Разумѣется, въ провинціи, особенно у такой антрепренерши, какъ Арнаутъ, народъ набранъ всякій, съ борку да съ сосенки, какъ говорится. Она и сама-то...

— Я не хочу входить ни во что такое,—строже выговорила Марья Денисовна.—Ты меня спросила о мужѣ... я тебѣ отвѣтила.

— Ахъ, Маня! Какая ты! Ты была противъ призванія твоего мужа... Онъ вернулся... какъ ты думаешь—навсегда... чего же тебѣ еще!

Своей палочкой Кружалова стала чертить по песку.

— Ты слишкомъ нервна и нетерпима. Но если говорить на чистоту—твоего поведенія я одобрить не могу.

— Въ чемъ?

— Предполагаю, что ты теперь всячески удерживаешь мужа отъ его—повторяю—настоящаго призванія.

— Кто тебѣ это сказалъ?

Голосъ Марьи Денисовны дрогнулъ.

— Я не знаю. Но одно скажу: бракъ, супружескія узы— это могила всякой любви къ искусству! Въ тебѣ нѣтъ этой жилки. Ты не можешь понять... И сколько ненужной, глупой борьбы...

И, перебивая себя, Кружалова продолжала горячѣе:

— Съ моимъ благовѣрнымъ супругомъ я наконецъ-то заключила договоръ. Мнѣ унизительно дѣлалось играть въ прятки. Я ему категорически объявила прошлой осенью: для меня внѣ моего театра немыслима жизнь. Оставайся въ имѣніи... Я тебѣ не мѣшаю быть ни предводителемъ, ни предсѣдателемъ, если тебя выберутъ.

— А дѣти?

— Что дѣти? Дѣти при мнѣ. При нихъ бонна... Я ихъ не забросила въ подворотню. Ха, ха! Но то искусство, которому я хочу служить, для меня дороже всего, всего!

— Хорошо,—остановила ее Марья Денисовна.—Но зачѣмъ же ты меня обижаешь, Соня?

— Чѣмъ?

— А тѣмъ, что ты сейчасъ сказала, будто я душу талантъ моего мужа... Онъ вернулся нравственно разбитый... къ прежней жизни... самъ, по собственной волѣ и выбору. Неужели я должна тянуть его опять на сцену?

— Не повѣрю я,—такъ же горячо возразила Кружалова,—чтобы талантъ, да еще такъ быстро добившійся пріемовъ... бросилъ сцену безъ сердечной боли... не повѣрю!

Марья Денисовна сидѣла въ полоборота и смотрѣла туда, гдѣ подъемъ къ ихъ дачѣ.

Кто-то быстро спускался и подходилъ къ ихъ будкѣ.

Это ея мужъ.

Онъ заглянулъ внутрь, обернулся лицомъ въ ихъ сторону и, кажется, сразу увидалъ ее.

— Соня!—порывисто заговорила она, беря подругу за руку.—Мой мужъ сюда идетъ.

— Это онъ? Да, да!

— Я прошу тебя убѣдительно... не волновать его ничѣмъ такимъ...

— Ха, ха! Съ какой стати, милая! Ей Богу, я не думала, что ты такая гувернантка! Развѣ твой мужъ—неврастеникъ? Вѣдь онъ здоровъ... вонъ какой у него цвѣтущій видъ! И какой интересный мужчина! Прелесть! На мѣстѣ Арнаутъ, я бы его ни за что не выпустила!

Она издали начала кивать подходившему Астахову.

Тотъ ее не сразу узналъ.

— Софья Богдановна! Вотъ сюрпризъ!

Но его эта встрѣча скорѣе обрадовала, чѣмъ смутила.

Не прошло и пяти минутъ, между ними уже завязался особый разговоръ, который Марья Денисовна не могла ни прекратить, ни отклонить въ сторону.

— Вы все время были въ Петербургѣ? Съ вашей труппой? Какъ же вы насъ не отыскали?

— Въ томъ-то и дѣло, что меня не было. Я глупо заболѣла на масляницѣ. Такъ, пустое... а провалялась весь постъ, и только къ Ѳоминой недѣлѣ докторъ меня выпустилъ... Я поѣхала поправляться къ мужу, въ деревню.

И такъ же возбужденно она начала забрасывать его вопросами о той пьесѣ, которую Петербургъ видѣлъ впервые въ московскомъ исполненіи.

— Какъ нашли моего главнаго патрона? Скажите—не особенно хорошъ? Согласна. Но другіе... баронъ... Лука и весь тонъ игры, и постановка... дворъ съ лѣстницей...

Астаховъ не перебивалъ ее. Въ его лицѣ Марья Денисовна видѣла какую-то сложную игру. Онъ сдерживалъ себя, улыбался глазами, а губы сжималъ.

Все это ей сильно не нравилось.

— Ваня... кажется, не видалъ этой пьесы,—„въ сторону“ промолвила она.

— Какъ? Не были у насъ?

— Не былъ, Софья Богдановна.

Кружалова взглянула насмѣшливо на Астахову и проговорила:

— Вотъ оно что!

Марья Денисовна почувствовала, что она имъ мѣшаетъ.

Тихо въ квартиркѣ Астаховыхъ, все въ той же, которую они, въ концѣ апрѣля, оставили за собою еще на два года.

Мужъ и жена сидятъ каждый въ своей рабочей комнатѣ: онъ въ кабинетѣ, она въ спальнѣ, гдѣ у нея письменный столъ и шкафъ съ книгами. Кровать—въ альковѣ, драпированная занавѣской.

Стоитъ осень, въ этотъ годъ особенно хмурая и гнилая. Марья Денисовна опять хирѣетъ отъ сидячей жизни; но гдѣ же и когда гулять? Каждый день или дождь, или изморозь. Терять время на ходьбу убыточно. И безъ того конка беретъ его слишкомъ много.

Ихъ жизнь складывается однообразно и тускло, и она не знаетъ, какъ ее подцвѣтить и скрасить. Выѣзжать она не охотница. Музыку она любитъ, но бывать часто въ концертахъ—некогда. Театра она боится. Съ этимъ чувствомъ она все еще должна бороться.

Иванъ Егоровичъ съ прежними сослуживцами не видается. Онъ и прежде не любилъ ихъ общества. Сталъ онъ посѣщать двѣ редакціи; но „интеллигенція“ не привлекаетъ его.

И прежде онъ находилъ, что вездѣ—одни и тѣ же разговоры: слухи, безвкусное резонерство, личные счеты или „показываніе кукиша въ карманѣ“.

То же нашелъ онъ и по возвращеніи въ Петербургъ.

Еще вчера онъ сказалъ ей, за обѣдомъ:

— Знаешь, Маня, чтобы сохранить любовь къ печатному слову... не надо бывать у литературной братіи. Лучше уже сидѣть въ мурьѣ и вынашивать свои идеи... какъ французы говорятъ, „dans le silence du cabinet“...

Она не возражала ему.

При его наружности, манерахъ, даровитости, онъ могъ бы имѣть успѣхъ въ свѣтѣ.

Но въ какомъ? Въ настоящемъ большомъ или только въ полусвѣтѣ? Онъ не настолько суетенъ и тщеславенъ. Ѣздить на вечера и журфиксы—такъ, безъ цѣли, безъ видовъ карьериста, одному, какъ бы холостому человѣку, не принимая у себя,—на это онъ не пойдетъ: онъ слишкомъ гордъ.

Да и на все это надобно средства. А они еле-еле сводятъ концы съ концами.

Для „полусвѣта" онъ врядъ ли созданъ. Это было бы хуже актерства. И на какіе же успѣхи тамъ разсчитывать мужчинѣ безъ средствъ? Поступить на амплуа Армана Дюваля изъ „Дамы съ камеліями"?

Она и объ этомъ могла спокойно думать. Въ ней теперь стало преобладать чисто материнское чувство къ своему „чаду".

Всего больше она боялась возможныхъ приступовъ хандры. И еслибъ онъ нашелъ себѣ какую-нибудь забаву, или пріучился бы играть въ карты по маленькой, или вдался въ спортъ — она была бы этому несказанно рада.

Это было ровно мѣсяцъ назадъ. Послѣ обѣда она взяла газету и увидала большой разборъ новой пьесы.

Подавляя въ себѣ „дѣтскую" боязнь театра, она стала читать ему вслухъ этотъ разборъ, горячо написанный, гдѣ содержаніе пьесы было разсказано занимательно и мѣстами очень ярко. Авторъ—начинающій, и успѣхъ былъ шумный.

Мужъ ея слушалъ молча, какъ бы удерживая въ себѣ все то, что рецензія будила въ его душѣ.

— А отчего бы тебѣ не пойти посмотрѣть?—предложила она.

И на это онъ ничего не сказалъ, но пошелъ, и потомъ нѣсколько разъ возвращался и къ пьесѣ, и къ исполненію. У него вырвалась фраза:

— Какая роль младшаго сына! Объяденье!

И сталъ ходить на первыя представленія. Она была и довольна, и начала опять тревожиться смутнымъ ожиданіемъ „чего-то".

Сегодня онъ особенно подавленъ былъ полнымъ отсутствіемъ дневного свѣта. Въ первомъ часу дня онъ долженъ былъ уже зажечь лампу. А вотъ теперь онъ ходитъ по кабинету,—кажется, хандритъ.

Хоть бы онъ куда-нибудь поѣхалъ. Въ театръ—уже поздно.

Ей вдругъ припомнился пріемный вечеръ у одной изъ ея подругъ. Тамъ бываетъ молодежь, музицируютъ. Они могли поѣхать вмѣстѣ.

Тихонько приблизилась она къ кабинету. Шаги—быстрые. Значитъ, онъ о чемъ-нибудь горячо или тревожно думаетъ, или ему очень скучно.

Она пріотворила дверь. Онъ былъ такъ поглощенъ своими мыслями, что не повернулъ головы.

Въ рукахъ его—письмо.

На столѣ она быстрымъ взглядомъ схватила печатный листокъ, какъ бы фельетонъ, отрѣзанный отъ цѣлаго газетнаго листа.

— Я тебѣ не помѣшала?

Ея голосъ заставилъ его встрепенуться.

— Нѣтъ... я не работаю.

Письмо онъ сжалъ въ кулакѣ, тотчасъ же подошелъ къ столу и рукой отодвинулъ печатный листокъ.

— Что-нибудь непріятное получилъ?

Сейчасъ почтальона не было; но онъ могъ получить раньше, до обѣда. За столомъ онъ былъ особенно какъ-то разсѣянъ.

Значитъ, скрываетъ отъ нея.

Она подошла къ нему, обняла и съ поникшей головой промолвила:

— Я вѣдь не допрашиваю тебя, Ваня... Но если что тяжелое—скажи... Я тебѣ не чужая.

Глаза ея смотрѣли на печатный листокъ. Въ статьѣ она распознавала фельетонъ, но не могла прочесть заглавія. Онъ весь былъ на одной страницѣ и съ чьей-то подписью—жирнымъ шрифтомъ.

Ей подумалось, что это—изъ какой-то нездѣшней газеты; скорѣе всего—изъ провинціальной.

— Ты непремѣнно должна знать, Маня?

— Какъ тебѣ угодно.

Онъ взялъ листокъ со стола.

— Слушай. Я не хотѣлъ тебя волновать. Но вѣдь это моя... реабилитація...—выговорилъ онъ особымъ тономъ.

Марья Денисовна присѣла на диванъ.

Читалъ онъ медленно, сдерживая новый наплывъ волненія.

Авторъ фельетона обозрѣваетъ сезонъ прошлаго года въ ихъ театрѣ и говоритъ почти исключительно о „гастрольномъ ансамблѣ“ труппы госпожи Арнаутъ, выдвигая на первый планъ талантъ и художническую развитость молодого „премьера“ труппы—артиста Ардатова.

И тутъ онъ горячо негодуетъ на тѣхъ „донъ-Базиліо“, которые пустили объ этомъ артистѣ „клеветническую выдумку“, подавшую поводъ къ „печальной“ манифестаціи въ другомъ городѣ.

И кончаетъ онъ тѣмъ, что если артистъ Ардатовъ будетъ „украшать“ снова труппу госпожи Арнаутъ, снявшей ихъ театръ, то онъ можетъ быть увѣренъ, что его ожидаетъ самый восторженный пріемъ.

— Кто тебѣ прислалъ эту вырѣзку? — спросила она чуть слышно.

— Юлія Павловна... Вотъ и ея письмо.

— Можно его прочесть?

— Возьми.

Съ первыхъ строкъ ей все стало ясно: антрепренерша похлопотала объ этой „реабилитаціи“ и прислала ее въ томъ же пакетѣ.

Она зоветъ Астахова, предлагаетъ шестьсотъ рублей въ мѣсяцъ и два „полбенефиса“.

Отъ послѣдней фразы письма у Марьи Денисовны вступило въ виски и руки нервно задрожали:

„Неужели жена можетъ быть такой эгоисткой, чтобы пришить къ себѣ человѣка съ огромнымъ дарованіемъ?“

Письмо упало на полъ.

— Маня! Не волнуйся! Ради Бога!

Онъ сѣлъ около нея и обнялъ.

— Поѣзжай! — шептала она порывисто, сквозь слезы.—Ты адски тоскуешь. Я вижу... Я чувствую... Развѣ не такъ, Ваня? Скажи всю правду!..

Онъ прильнулъ къ ней, какъ маленькій. Эту „правду“ она поняла и безъ словъ.

П. Боборыкинъ.

Іюль 1903.
Балтійское прибрежье.

ДНЕВНИКЪ
ГРАФА АЛЕКСѢЯ КОНСТАНТИНОВИЧА ТОЛСТОГО

23 марта — 31 мая 1831 года.

Отъ Редакціи.

А. К. Толстой родился 24 августа 1817 года, и слѣдовательно автору этого „Дневника" шелъ тогда 14-й годъ. При томъ мѣстѣ, какое онъ занялъ впослѣдствіи въ ряду нашихъ классическихъ писателей истекшаго вѣка, дневникъ мальчика-Толстого обращаетъ на себя вниманіе и вызываетъ къ себѣ интересъ: рѣдко случается біографу, имѣя въ рукахъ матеріалъ, подобный настоящему, наблюдать характеръ и наклонности будущаго знаменитаго писателя въ эпоху его еще весьма ранняго возраста. Предметъ настоящаго „Дневника" составляетъ описаніе путешествія юнаго автора, вмѣстѣ съ матерью и его дядею, А. А. Перовскимъ, по Италіи. А. К. Толстой начинаетъ свой дневникъ съ Венеціи и кончаетъ въ Генуѣ, куда онъ возвратился послѣ прогулки по Италіи—до Неаполя и обратно. Это путешествіе до такой степени удовлетворяло природнымъ вкусамъ мальчика, что онъ въ весьма зрѣломъ возрастѣ, въ 1874 году, все еще вспоминалъ объ этомъ путешествіи по Италіи, какъ о событіи, повліявшемъ на всю его жизнь. Вотъ какъ онъ говоритъ о томъ въ своемъ „Автобіографическомъ очеркѣ" [1]), написанномъ имъ на французскомъ языкѣ, весною 1874 года, по просьбѣ проф. де-Губернатиса (тогда во Флоренціи):

„Такъ какъ вы,—пишетъ ему А. К. Толстой,—желали имѣть характеристику моей нравственной жизни,—я вамъ скажу, что, незави-

---

[1]) Полное собраніе сочиненій гр. А. К. Толстого, т. I, стр. IX-XVI.

симо отъ поэзіи, я всегда испытывалъ неодолимое влеченіе къ искусству вообще, во всѣхъ его проявленіяхъ... Мнѣ было 13 лѣтъ, когда я съ родными сдѣлалъ первое путешествіе въ Италію (въ 1831 году). Изобразить вамъ всю силу моихъ впечатлѣній и весь переворотъ, совершившійся во мнѣ, когда открылись сокровища искусствъ душѣ моей, предчувствовавшей ихъ еще до той минуты, когда довелось мнѣ ихъ видѣть—было бы невозможно. Мы начали съ Венеціи... Изъ Венеціи мы поѣхали въ Миланъ, Флоренцію, Римъ и Неаполь, и въ каждомъ изъ этихъ городовъ росли во мнѣ мой энтузіазмъ и любовь къ искусству, такъ что, по возвращеніи въ Россію, я впалъ по Италіи въ настоящую „тоску по родинѣ", въ какое-то отчаяніе, вслѣдствіе котораго я днемъ ничего не хотѣлъ ѣсть, а по ночамъ рыдалъ, когда сны мои уносили меня въ мой потерянный рай"....

Счастливымъ образомъ этотъ дневникъ гр. А. К. Толстого о пребываніи его въ „потерянномъ раѣ" сохранился въ семейномъ архивѣ, откуда и былъ сообщенъ намъ Софьей Петровной Хитрово.

25 ноября 1904 г.

---

23 марта 1831 г.—Въ деревнѣ Mistra сѣли мы въ гондолу и отправились рано поутру въ Венецію.

Черезъ нѣсколько времени представилось глазамъ нашимъ вдали что-то бѣлое, и наконецъ довольно ясно могли мы различить дома и башни Венеціи.

Достигнувъ до самаго города, проѣхали мы по нѣсколькимъ длиннымъ и узкимъ каналамъ и остановились на каналѣ Grande, въ „Albergo dell 'Europa"; немного отдохнувъ и позавтракавъ, пошли мы гулять въ сопровожденіи чичероне, Antonio Re, котораго рекомендую всѣмъ путешественникамъ, какъ одного изъ опытнѣйшихъ и ученѣйшихъ путеводителей.

Мнѣніе, что въ Венеціи нельзя обойтись безъ гондолы, не справедливо; хотя улицы очень узки, можно, однако, почти вездѣ пройти, исключая немногіе дома, у которыхъ крыльцо выдается только на каналъ.

Гондолы очень узки и длинны; по срединѣ у нихъ—маленькая будочка, обитая чернымъ сукномъ, а на концѣ—желѣзный гребень и топоръ. Гребцы ѣздятъ съ чрезвычайнымъ проворствомъ и ловкостью; сидя въ лодкѣ, опасно высовывать голову, оттого что топоръ другой гондолы можетъ ее отрубить. Также надо остерегаться прыгать въ лодку, когда въ нее садишься, ибо полъ, сдѣланный изъ тонкихъ досокъ, можетъ проломиться.

Входить надо задомъ, въ противномъ случаѣ неловко будетъ обернуться, чтобы сѣсть на скамейку, оттого что будка очень узка.

Въ ней могутъ помѣститься четыре человѣка: двое — на скамейкѣ противъ гребня и двое—на обѣихъ боковыхъ скамейкахъ; сверхъ того, есть еще довольно мѣста внѣ будки.

Мы пришли на площадь св. Марка.

По обѣимъ сторонамъ находятся красивыя колоннады и кофейные дома, далѣе возвышается дворецъ Дожа, а на концѣ площади—богатая церковь св. Марка.

Снаружи и внутри выложена она мозаиками, каждая колонна изъ рѣдкаго камня, и даже полъ составленъ изъ разныхъ сортовъ мрамора.

Въ углубленіяхъ, сдѣланныхъ въ фасадѣ, стоятъ извѣстныя четыре бронзовыя лошади, привезенныя сперва изъ Коринѳа въ Римъ, изъ Рима—въ Венецію, изъ Венеціи—въ Парижъ, а оттуда—опять въ Венецію.

Онѣ были очень хорошо позолочены, но теперь позолота начинаетъ съ нихъ сходить.

Дворецъ Дожа находится близь церкви.

Онъ готической архитектуры и весьма богато украшенъ снаружи и внутри. Мраморная лѣстница Великановъ, получившая имя отъ статуй Марса и Нептуна, колоссальной величины, ведетъ на площадку, гдѣ короновали дожей и гдѣ отрубили голову дожу Marino Falieri, который покусился уничтожить республику.

Недалеко оттуда находились въ длинной галереѣ львиныя головы съ открытыми пастями, вдѣланныя въ стѣну.

Въ эти пасти могъ каждый бросать доносы на кого бы то ни было; они падали въ комнату инквизиторовъ, и обвиняемый получалъ на другой день повелѣніе явиться въ инквизицію.

Преступниковъ сажали въ темницу, соединенную маленькимъ покрытымъ и совсѣмъ темнымъ мостикомъ съ дворцомъ.

Этотъ мостикъ называется Ponte dei Sospiri, т.-е. „мостъ вздоховъ", потому что приговоренныхъ къ смерти вели по оному въ комнату инквизиторовъ, откуда ихъ отсылали на эшафотъ, или, еще хуже того, въ Piombi. Это—темницы подъ самою крышею дворца, выложенныя свинцомъ, который отъ солнца такъ раскаливался, что люди, тамъ запертые, скоро въ страшныхъ мученіяхъ умирали.

Намъ показали также темницу Казановы, который столь страннымъ образомъ избѣгнулъ смерти.

Въ подземельяхъ, находящихся подъ дворцомъ, есть также темницы, но мы въ нихъ не были.

Нельзя себѣ представить богатства и роскоши комнатъ до-

жей. На каждомъ шагу встрѣчаешь прекрасныя картины, статуи древности, рѣдкости разнаго рода, всѣ потолки позолочены, карнизы, двери украшены рѣзною работою и мраморомъ, стѣны мастерски расписаны.

Въ одномъ залѣ висятъ портреты всѣхъ дожей, кромѣ одного; на мѣсто его нарисовано черное покрывало съ золотою надписью: „Hic est locus Marini Faliero decapitati pro criminibus".

Въ Венеціи очень много хорошихъ картинъ, особливо венеціанскихъ живописцевъ, какъ: Тиціана, Тинторето, обоихъ Пальмъ и пр.

Прекрасная картина Тиціана, представляющая Воздвиженье Богородицы и считаемая за его лучшее произведеніе, находится въ Академіи Художествъ.

Тутъ же хранятся рисунки разныхъ знаменитыхъ живописцевъ и рукопись Леонардо да-Винчи (da Vinci), который писалъ съ правой стороны на лѣвую, статуи, гипсовыя снятки и, между прочими примѣчательными вещами, любимый рѣзецъ Кановы и правая его рука.

Лѣвая его рука находится въ Римѣ, сердце—въ церкви Frari, въ Венеціи, гдѣ ему воздвигнутъ памятникъ, а тѣло похоронено въ Possanio, мѣстѣ его рожденія; здѣсь показываютъ также домъ, гдѣ онъ умеръ.

Что касается до архитектуры, то здѣсь можно найти много прекрасныхъ дворцовъ, выстроенныхъ Палладіо, Сансовино и Скамоцци; но они почти всѣ опустѣли и начали обрушиваться, съ тѣхъ поръ какъ Венеція перестала быть республикою; богатые владѣтели ихъ обѣднѣли, а имѣніе ихъ досталось здѣшнимъ купцамъ и мѣняламъ.

У одного изъ этихъ купцовъ купилъ дяденька, между прочими вещами, одинъ уборный ящикъ, принадлежавшій кипрской королевѣ Екатеринѣ ***, изъ фамиліи Корнари, имѣвшей прекрасный дворецъ на Canal'ѣ Grande. Теперь и этотъ дворецъ пустъ и запущенъ, и обладатель его дошелъ до такой бѣдности, что принужденъ давать въ Англіи уроки, чтобы не умереть съ голоду.

Эти развалинные дома, мертвая тишина на улицахъ и, къ тому же, черныя гондолы даютъ печальный видъ Венеціи.

Однакоже тишина сія прерывается иногда криками и спорами венеціанцевъ, которые, какъ и прочіе итальянцы, кричатъ во все горло, каждый свое, не слушая другъ друга и дѣлая знаки ногами и руками.

Каждый день здѣсь продаютъ большое количество разныхъ

рыбъ, морскихъ раковъ и улитокъ; все это называютъ они общимъ именемъ: „frutti di mare“.

Колодцевъ здѣсь очень мало, но зато много цистерновъ, гдѣ собирается дождевая вода.

Говорятъ, что здѣсь почти всегда хорошая погода, но съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, безпрестанно идетъ дождь.

Гондольщики замѣчаютъ, что когда при дождѣ вода опустится въ каналахъ, то на другой день бываетъ хорошая погода.

Вода нѣсколько разъ опускалась и подымалась, а хорошей погоды еще нѣтъ.

Несмотря на то, мы каждый день ѣздимъ въ гондолѣ, смотрѣть все, что здѣсь примѣчательнаго.

Мы были въ здѣшнемъ ботаническомъ саду, который хотя не очень великъ, но довольно красивъ; кромѣ этого сада, есть еще здѣсь дворцовый и публичный, въ которомъ я не былъ.

Картинныхъ галерей очень много въ Венеціи; между прочимъ, видѣлъ я галерею Гримани, гдѣ находятся прекрасныя картины Тиціана и извѣстный „Купидонъ“—Гвидо Рени.

У этого Гримани есть тоже очень хорошее собраніе древностей и статуй, которыя онъ теперь, изъ бѣдности, принужденъ продавать.

Всѣ сіи вещи находятся въ прекрасныхъ комнатахъ съ позолоченными потолками, большими мраморными каминами и расписными стѣнами.

Къ числу его статуй принадлежитъ одинъ бюстъ Микель Анджело (который Гримани сначала никакъ не хотѣлъ продать, послѣ же, однако, онъ на это согласился, и дяденька купилъ „Сатира“ со многими другими вещами)—бюстъ, представляющій смѣющагося сатира.

Никогда не видалъ я столь выраженія въ мраморномъ бюстѣ; онъ смѣется и принуждаетъ васъ къ смѣху.

Я мало видѣлъ до сихъ поръ статуй Микель Анджело, но думаю и не безъ причины, что если это не самое лучшее, то, по крайней мѣрѣ, одно изъ первыхъ его произведеній въ этомъ родѣ.

Одинъ англичанинъ предлагалъ Гримани за эту голову четыре тысячи фунтовъ стерлинговъ, но онъ не согласился на то, ибо у него не было тогда недостатка въ деньгахъ.

Вообще въ Венеціи много хорошихъ статуй, какъ, напримѣръ, похищеніе Ганимеда, находящееся во дворцѣ Дожа и приписываемое Фидіасу. Это маленькая группа, весьма искусно изъ бѣлаго мрамора вырѣзанная. Далѣе, одна греческая статуя во дворцѣ

Гримани натуральной величины, представляющая древняго оратора, который, выступивъ впередъ, завернулъ лѣвую руку въ тогу.

Лучше всего сдѣланы складки тоги; жаль только, что она немного попортилась, когда съ нея снимали слѣпокъ для французскаго короля.

Говорятъ, что эта статуя должна представлять Демосѳена, но ничего нѣтъ, что бы сіе доказывало.

Между древностями заслуживаютъ особенно примѣчанія четыре бронзовыя лошади, о которыхъ я говорилъ выше.

Мы были здѣсь въ кварталѣ Жидовъ, составляющемъ особый городокъ, съ узкими, вонючими улицами и высокими, но дурно и нерегулярно построенными домами.

Здѣсь мы узнали о жидовскихъ колбасахъ, сдѣланныхъ изъ гусинаго мяса, для того что жиды не ѣдятъ свинины.

Тутъ же продаютъ много овощей, но Венеція ими не такъ богата, какъ рыбами и frutti di mare; столъ здѣсь не дорогъ.

Однако мы въ день платимъ четыре луидора—около восьмидесяти рублей. Луидоры и наполеоны, большею частью непринятые въ другихъ странахъ, въ большомъ употребленіи въ Венеціи. Австрійское серебро здѣсь также ходитъ, но бумажекъ и мѣди не принимаютъ.

Мы хотѣли пробыть здѣсь только пять дней; но покупка вещей у Гримани насъ задержала. Вещи, которыя дяденька у него купилъ, суть слѣдующія: безподобный бюстъ Фавна, о которомъ я уже говорилъ; древній бюстъ, представляющій молодого Геркулеса, съ большимъ порфировымъ пьедесталомъ, двѣ порфировыя колонны, девять столовъ, изъ которыхъ два съ камнями, вдѣланными въ дерево, одинъ изъ стараго флорентинскаго мозаика, четыре изъ африканскаго мрамора и два изъ vert antique, четыре мраморныхъ сосуда и шесть картинъ, одна изъ которыхъ Тиціана, и представляетъ дожа Антоніо Гримани во весь ростъ.

Сія послѣдняя картина висѣла въ большомъ залѣ съ прочими портретами предковъ Гримани.

Не желая показать венеціанцамъ, что онъ принужденъ продавать свои вещи, просилъ онъ дяденьку, чтобы ихъ перевезли къ намъ ночью. Послѣ сего начали ихъ вечеромъ укладывать и кончили на другой день поутру.

Тогда пришелъ одинъ членъ Академіи Художествъ и приложилъ печать на ящики, которые отправятъ моремъ въ С.-Петербургъ.

1 апрѣля. — Въ пять часовъ утра выѣхали мы изъ Венеціи и, проѣхавъ черезъ Падуу и Виченцу, прибыли вечеромъ въ Верону.

Верона—большой, прекрасный и очень старый городъ.

На другой день, рано поутру, поѣхали мы посмотрѣть огромный римскій амфитеатръ, находящійся посреди города, и который до сихъ поръ очень хорошо сохранился. Внутри амфитеатра, вокругъ всей арены или мѣста сраженія, сдѣланы ступени одна надъ другой, такъ что зрители, на нихъ сидящіе, не могли мѣшать другъ другу.

Подъ ступенями находятся темные погреба, съ желѣзными рѣшетками, гдѣ запирали дикихъ звѣрей. По обѣимъ сторонамъ арены сдѣланы ворота, изъ которыхъ впускали на сцену воду, когда представляли „навмахіи", или морскія сраженія.

Недалеко отъ амфитеатра находятся древнія римскія тріумфальныя ворота.

Отсюда пошли мы въ соборную церковь, находящуюся возлѣ трактира, но не успѣли хорошо ее разсмотрѣть, оттого что все уже было готово къ отъѣзду.

И такъ сѣли мы въ карету и пріѣхали еще засвѣтло въ Бергаму.

Бергамо—тоже древній и большой городъ; улицы широки и чисты, дома большіе и высокіе.

Бергамо находится за три станціи отъ Милана.

На дорогѣ встрѣчаются красивыя дачи, обсаженныя миртовыми деревьями и кипарисовыми, большіе виноградники и много плачущихъ ивъ и фруктовыхъ деревьевъ.

Мы пріѣхали въ Миланъ въ 12 часовъ утра и остановились въ „Hôtel Royal".

Еще издали увидѣли мы огромную соборную церковь, извѣстную подъ именемъ Dôme de Milan.

Она считается за первую послѣ церкви св. Петра въ Римѣ.

Это ужасное готическое зданіе, съ высокими башнями, сдѣлано изъ бѣлаго камня и усыпано съ верху до низа мелкими арабесками рѣзной работы и прекрасными мраморными статуями и барельефами.

На этой церкви считается башней 400, а статуй 5.500. Она слабо освѣщена большими готическими окнами съ цвѣтными стеклами; когда солнечные лучи въ эти стекла ударяютъ, то высокіе своды и длинный рядъ колоннъ, ведущій къ алтарю, покрываются какимъ-то таинственнымъ свѣтомъ, котораго невозможно изъяснить; вы входите въ древнюю церковь и шаги ваши раздаются въ пространномъ зданіи; тѣнь разноцвѣтныхъ стеколъ рисуется передъ вами на каменномъ полу и на готическихъ колоннахъ, вы переноситесь мысленно въ старыя времена среднихъ

вѣковъ, въ васъ пробуждаются чувства, которыя бы въ другомъ мѣстѣ молчали.

Достопримѣчательныя вещи въ Миланѣ показываетъ намъ графъ Гардекъ, для котораго дяденька привезъ изъ Вѣны письма. Мы были съ нимъ на гуляньѣ и видѣли тамъ здѣшняго вице-короля, эрцгерцога Рейнера. Графъ Гардекъ водилъ насъ въ его дворецъ и дворцовый садъ, который очень красивъ. Въ этомъ дворцѣ есть одна кладовая, въ которой набросаны, кое-какъ, всѣ статуи, бюсты и портреты Наполеона, находившіеся прежде во дворцѣ. Въ немъ не оставили ни малѣйшей вещи, на которой было бы его имя.

Я былъ съ дяденькой у знаменитаго живописца Migliara, который прекрасно пишетъ архитектурныя зданія и особенно хорошо знаетъ перспективу. Дяденька купилъ у него двѣ большія картины масляными и четыре ландшафта водяными красками. Первая картина представляетъ миланскую больницу, а вторая— Campo Santo въ Пизѣ. Migliara подарилъ мнѣ одинъ эскизъ карандашомъ своей работы, представляющій баталію.

Мы выѣхали изъ Милана 6-го апрѣля утромъ, но наканунѣ нашего отъѣзда поѣхали посмотрѣть извѣстныя здѣшнія маріонеты; — эти маленькія куклы такъ хорошо сдѣланы, что издали ихъ можно почесть за настоящихъ людей, хотя онѣ не болѣе десяти вершковъ.

Выѣхавъ изъ Милана, остановились мы недалеко отъ Павіи, чтобы посмотрѣть знаменитый монастырь Картезскихъ монаховъ, находящійся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ большой дороги. Говорливый cicerone вышелъ къ намъ на встрѣчу и началъ сперва показывать фасадъ, который весь покрытъ барельефами. Внутреннія стѣны украшены картинами „al fresco", т.-е. такими, которыя написаны на *свѣжей*, еще не засохшей извести; алтари блестятъ серебромъ, золотомъ и дорогими каменьями; вся церковь изобилуетъ флорентинскими мозаиками. Всѣхъ сихъ драгоцѣнныхъ вещей такъ много, что нельзя понять, какъ столько богатствъ могли быть соединены въ одномъ мѣстѣ. Этотъ монастырь построенъ въ четырнадцатомъ столѣтіи герцогомъ Галеацомъ Висконти.

Выйдя изъ монастыря, пустились мы опять въ путь и, проѣхавъ у рѣки Тичино мѣсто, гдѣ Ганнибалъ одержалъ побѣду надъ Публіемъ Корнеліемъ Сципіономъ, остановились ночевать въ деревнѣ Нови. На другой день пріѣхали мы въ большой и богатый городъ Генуу.

Генуа построена амфитеатромъ на берегу Средиземнаго моря у Морскихъ Альпъ. Съ одной стороны защищаютъ ее горы, а съ другой—реветъ и бушуетъ море, высокія башни возвышаются одна надъ другой и дикіе aloës и кактусы покрываютъ стѣны генуэзскихъ укрѣпленій.

Всѣ города сѣверной Италіи, которые я до сихъ поръ видѣлъ, превосходятъ Генуа своимъ мѣстоположеніемъ; но дома и другія строенія хотя необыкновенной величины, не имѣютъ той красоты, которою отличаются миланскіе дворцы и почти всѣ строенія Венеціи. Однако, есть нѣсколько дворцовъ съ прекрасными мраморными лѣстницами, колоннадами и террасами, достойными примѣчанія. Между прочимъ, видѣли мы дворецъ Дурассо, въ которомъ есть хорошая галерея картинъ. Улицы темны и большею частью такъ узки, что экипажи не могутъ по нимъ ѣздить. Площадей въ Генуа немного и онѣ очень малы и почти всѣ нечисты, какъ въ прочихъ городахъ Италіи, оттого что всю дрянь выбрасываютъ на улицу. Жители тоже очень неопрятны. Они одѣты, какъ венеціанцы, въ короткихъ штанахъ, короткой коричневой мантиліи и красномъ колпакѣ. Иные носятъ также длинную, широкую мантію, которую они закидываютъ на плечо такъ, что видны одни только глаза.

Мы ѣздили здѣсь смотрѣть галерею звѣрей, въ которой находятся слонъ и носорогъ—вѣроятно, только второй въ Европѣ, послѣ того, котораго срисовалъ знаменитый Альбрехтъ Дюрреръ.

Онъ отъ трехъ до четырехъ футовъ вышины и отъ семи до восьми длины; рогъ его очень толстъ и коротокъ, верхняя губа гораздо длиннѣе нижней, ноги толстыя и кожа лежитъ складками на спинѣ; когда ее подымешь, то подъ ней видно красноватое тѣло. Слонъ былъ прикованъ за ногу къ полу.

Онъ поднималъ хоботомъ фрукты, которые ему давали, и растворялъ огромную пасть, когда ему хотѣли что-нибудь бросить. Онъ безпрестанно качался съ одной стороны на другую и бралъ пищу изъ рукъ. Въ этой галереѣ были еще медвѣдь, обезъяны и нѣсколько попугаевъ.

Мы видѣли здѣсь одного человѣка, показывающаго обезъянъ, которыя плясали на канатѣ; между ними была одна изъ рода орангъ-утанговъ, съ красными щеками.

Она вздыхала, поднимала глаза кверху, зѣвала, садилась на скамейку и дѣлала знаки, будто бы человѣкъ. Когда господинъ ее билъ, то она взглядывала на него, какъ будто бы хотѣла упрекнуть въ жестокости, однимъ словомъ, такъ она была похожа на человѣка, что мы долго думали, что кто-нибудь переодѣтый.

Мы были здѣсь на дачѣ маркиза Негри, находящейся на высокой горѣ, съ которой видна вся Генуа, вдали голубое море, а съ другой стороны высокія горы. Эта дача красивѣе всѣхъ другихъ въ окрестностяхъ Генуа. Въ саду сдѣланы алеи изъ розовыхъ кустовъ, покрытыхъ цвѣтами, а возлѣ его дома растетъ на вольномъ воздухѣ пальмовое дерево.

Дяденька купилъ здѣсь у одного продавца картинъ портретъ Христофора Колумба, неизвѣстнымъ художникомъ. Онъ очень хорошо былъ сдѣланъ, но его испортили, когда хотѣли уложить.

---

10 апрѣля.—Сегодня утромъ выѣхали мы изъ Генуа и ночуемъ въ деревнѣ Borghetto. Отъ самой Генуа досюда не переставали мы видѣть прекрасныя дачи у берега морского, лимонныя и померанцевыя деревья, миртовыя рощи, дикіе aloës, пальмы, кипарисовые и оливковые лѣса.

Возлѣ дороги лежатъ цѣлые утесы мрамора, скалы покрыты плющомъ и другими вьющимися растеніями, а море, сливающееся съ небомъ, еще болѣе украшаетъ безпрестанно мѣняющійся ландшафтъ.

11 апрѣля. На дорогѣ отъ Borghetto до Луккіо продолжали мы наслаждаться прекрасными видами, съ тою только разницею, что природа сегодня гораздо болѣе была дика, надъ нами висѣли скалы, подъ нашими ногами открывались пропасти, водопады съ шумомъ падали съ высотъ.

Проѣхавъ чрезъ маленькій городокъ незавидной наружности, увидѣли мы человѣка, бѣгущаго во весь духъ къ нашей каретѣ. Прибѣжавъ, спросилъ онъ у насъ на дурномъ французскомъ языкѣ, не хотимъ ли мы посмотрѣть собраніе статуй, находящееся въ ближнемъ домѣ. Онъ много началъ намъ разсказывать о сихъ статуяхъ, все приглашая насъ ихъ посмотрѣть.

На вопросъ, какъ зовутъ городокъ, который мы проѣхали, отвѣчалъ онъ:—„Каррара“. Мы хотѣли воротиться, чтобы посмотрѣть знаменитыя мраморныя руды, но карета такъ далеко отъѣхала, пока онъ говорилъ, что мы не хотѣли терять времени и поѣхали далѣе.

Вечеромъ пріѣхали мы въ красивый городокъ Лукку.

12 апрѣля. — Флоренція находится за восемь почтъ отъ Лукки или около шестнадцати нѣмецкихъ миль. Проѣзжая рано

утромъ черезъ Пизу, успѣли мы только увидѣть извѣстную кривую башню.

Еще не доказано, нарочно ли она такъ построена, или она опустилась отъ времени.

Мы намѣрены поѣхать еще разъ изъ Флоренціи въ Пизу, чтобы посмотрѣть сей достопримѣчательный городъ; но теперь мы такъ спѣшили, что только имѣли время тамъ перемѣнить лошадей.

На дорогѣ встрѣчали мы много крестьянокъ, дѣлающихъ знаменитыя флорентійскія шляпы.

Онѣ не употребляютъ никакого инструмента, но плетутъ ихъ однѣми руками и съ чрезвычайною скоростью. При семъ дѣлаютъ онѣ движенія пальцами, будто вяжутъ чулки.

Въ Флоренцію пріѣхали мы въ четыре часа пополудни и остановились въ трактирѣ „Hôtel des Quatre Nations", на берегу Арно.

Вечеромъ ѣздилъ я съ маменькой въ разные магазины и, между прочимъ, въ одну русскую лавку, гдѣ продаютъ чай. Купецъ намъ очень обрадовался, началъ насъ о многомъ разспрашивать и рекомендовалъ свою жену портниху.

13 апрѣля.—Сегодня только успѣли мы разсмотрѣть Флоренцію.

Дома здѣсь высоки, красивы и регулярно построены, улицы широки и вообще городъ довольно чистъ, т.-е. въ немъ менѣе воняетъ, чѣмъ въ другихъ.

Купола здѣшней соборной церкви считаются за одни изъ первыхъ, но мнѣ не нравится ея архитектура.

Здѣсь дѣлаютъ много хорошихъ алебастровыхъ и мраморныхъ статуй и вазъ.

Мы здѣсь видѣли также фабрику флорентійскихъ мозаиковъ.

Намъ показали много готовыхъ „pietri durri", назначенныхъ украшать алтарь соборной церкви; они отлично были сдѣланы и какъ нельзя лучше подражали природѣ.

14 апрѣля. — Сегодня были мы еще во многихъ лавкахъ, гдѣ продаютъ статуи и другія мраморныя вещи.

Статуи суть большею частью копіи тѣхъ, которыя находятся въ здѣшней Галереѣ.

Въ лавкѣ Pisani показали намъ двѣ вазы изъ зеленаго мрамора, уже кѣмъ-то купленныя; двѣ подобныя вазы купила великая княгиня Елена Павловна, когда она была во Флоренціи, а теперь заказалъ себѣ такія же графъ Витгенштейнъ.

Мы были также на площади del Gran Duca; на ней стоятъ въ покрытой галереѣ статуи разныхъ художниковъ XVI-го столѣтія.

Лучшая пьеса, безъ сомнѣнія, есть групъ Ивана Болоньезскаго, представляющій похищеніе одной изъ сабинокъ.

Подлѣ нея стоитъ знаменитый бронзовый „Персей" Бенвенуто Челлини. Въ одной рукѣ держитъ онъ кривой мечъ, а въ другой—голову Медузы. Туловище ея лежитъ подъ нимъ, но трудно, однако, разобрать его положеніе.

Далѣе же находится бронзовый групъ Donatello, представляющій Іудиѳу, отрубливающую голову Голоферну. На пьедесталѣ вырѣзана республиканская надпись: „Exemplum salutis publici cives posuere MCCCLXXXXV".

15 апрѣля.—Не далеко отъ сихъ статуй находится возлѣ стараго велико-герцогскаго дворца Галерея.

Мы видѣли въ ней множество статуй, прекрасныхъ картинъ, древностей и другихъ вещей сего рода.

Галерея сія состоитъ изъ многихъ залъ, получившихъ имена отъ главныхъ статуй, въ нихъ находящихся, наприм. зала Ніобы, зала Гермафродита и пр.

Въ одной изъ нихъ находятся четыре большихъ и весьма хорошихъ стола изъ флорентійскаго мозаика.

Такихъ большихъ я никогда еще не видалъ.

Сегодня еще не успѣли мы видѣть всю Галерею; надобно бы употребить болѣе недѣли, чтобы разсмотрѣть однѣ только статуи.

16-го апрѣля.—Мы еще разъ ходили смотрѣть Галерею.

Описывать статуи было бы слишкомъ долго; я назову только самыя извѣстныя: знаменитая Венера Медицiйская считается за лучшую. Тутъ же стоятъ: „Невольникъ" (Le Remouleur), „Бойцы", облокотившійся „Аполлонъ", „Фавнъ" и другія, которыхъ я не припомню.

Всѣ онѣ, однако, менѣе или болѣе цовреждены; у Венеры и у Фавна сломаны головы и руки, но Микель-Анджело очень искусно дополнилъ, что недоставало у сего послѣдняго.

Здѣсь показываютъ неоконченный бюстъ Брута, тоже Микель-Анджела, и маску Сатира, того же художника, которую онъ сдѣлалъ на шестнадцатомъ году.

На площади еще есть двѣ статуи, о которыхъ я не говорилъ. Первая—„Нептунъ" колоссальной величины, служащій украшеніемъ для фонтана, сдѣланнаго въ царствованіе Космы I-го, по рисункамъ Амманато. Онъ окруженъ нимфами, тритонами и другими морскими божествами.

Вокругъ всѣхъ сихъ статуй сидятъ въ разныхъ положеніяхъ бронзовые сатиры.

Объ одномъ изъ нихъ разсказываютъ здѣсь странный анекдотъ,—вотъ онъ (надобно знать, что фонтанъ находится подлѣ самой гауптвахты): въ одну ночь исчезъ сатиръ, сидящій къ ней ближе другихъ, и несмотря на всѣ поиски никакъ не находили, куда онъ дѣлся. Наконецъ, какъ-то узнали, что одинъ англичанинъ его укралъ и увезъ съ собою; но такъ какъ *для сего не имѣли* достаточно доказательствъ, то англичанинъ остался съ сатиромъ, а у фонтана видно еще теперь пустое мѣсто.

Другая примѣчательная статуя есть Косма I на лошади, вылитый изъ бронзы.

17 апрѣля. — Сегодня ходилъ я съ г. S.*** въ садъ „Boboli", принадлежащій къ великогерцогскому дворцу. Садъ не очень красивъ, но изъ него весьма хорошо виденъ городъ и окрестности, а во дворцѣ, извѣстномъ подъ именемъ Palazzo Pitti, есть знаменитая галерея картинъ и статуй, которую иные предпочитаютъ Галереѣ (Uffizi).

Въ этомъ дворцѣ находится Венера Кановы.

18 апрѣля. — Сію знаменитую статую видѣли мы сегодня.

Она стоитъ почти въ томъ же положеніи, какъ и Венера Медиційская, съ тою только разницею, что послѣдняя не имѣетъ никакого покрывала. Галерея картинъ считается за *первую въ свѣтѣ*.

Въ ней находятся знаменитая картина Рафаэля: „La Madonna del Seddio". Картинъ изъ голландской школы здѣсь очень много и, между прочимъ, хорошій портретъ Рембранда, имъ самимъ написанный; фигуры Рубенса почти всѣ отвратительны, особенно же женскія; здѣсь также есть нѣсколько картинъ Леонарда да-Винчи, но лучшія, которыя я видѣлъ, суть, по мнѣ, голова Медузы и его собственный портретъ въ Галереѣ.

Я только сегодня узналъ, что на той сторонѣ Арно, противъ нашего трактира, жилъ знаменитый *Данте*; въ сосѣднемъ домѣ умеръ поэтъ *Алфіери*, а немного подальше живетъ теперь прежній голландскій король.

Голландскаго короля видимъ мы часто въ зрительную трубку у окошка въ бѣломъ халатѣ и колпакѣ, съ своею бѣлою собакою.

20 апрѣля. — (19-го апрѣля я не писалъ, потому что у меня болѣли зубы). Мы были вчера съ г. П*** въ церкви св. Лаврентія.

Въ одной сакристіи, выстроенной Микель-Анджеломъ, показали намъ нѣсколько прекрасныхъ груповъ того же художника. Одинъ изъ нихъ представляетъ „Смерканіе и Зарю“,—они изображены двумя лежащими божествами и поставлены на гробницу Лаврентія, герцога Урбинскаго. Другой групъ украшиваетъ гробницу Іюліана, герцога Немурскаго и представляетъ „Ночь и День“. Надъ каждымъ памятникомъ поставлена статуя одного изъ герцоговъ.

Въ этой же сакристіи находится Богородица Микель-Анджела, но апостолы, стоящіе у нея по бокамъ, не его работы.

Всѣ сіи статуи только начаты, но видно, что бы онѣ были, когда бы ихъ окончили. Сама церковь еще не достроена, но всѣ стѣны уже выложены лапись-лазури, ясписомъ, дорогимъ гранитомъ, мраморомъ и другими камнями.

Изъ церкви пошли мы къ продавцу флорентинскихъ мозаиковъ, у котораго дяденька купилъ нѣсколько вещей для браслетовъ и большой кусокъ краснаго мрамора.

Сегодня я почти никуда не ходилъ, оттого что принималъ лекарство и сверхъ того цѣлый день шелъ дождь.

Я ѣздилъ только съ дяденькой покупать рисунки, но ничего не взялъ, оттого что дорого за нихъ просили.

21 апрѣля. — Нынѣшній день погода не лучше была вчерашней, но, несмотря на то, мы ѣздили съ г. П*** въ одну партикулярную галерею картинъ. Онъ приносилъ намъ сегодня показывать одну древнюю голову сатира, изъ паросскаго мрамора, которая, по его словамъ, принадлежала Микель-Анджелу; за эту голову просили 14 піастровъ, но если г. П*** мнѣ ее сторгуетъ за два червонца, то я ее куплю (не оттого, что она, какъ онъ говоритъ, принадлежала Микель-Анджелу, ибо мнѣніе его ни на чемъ не основано, но потому что я увѣренъ въ ея древности и что работа и отдѣлка ея мнѣ нравятся).

Сегодня вечеромъ былъ дяденька у одного купца и купилъ у него много мраморныхъ вещей.

22 апрѣля.—У насъ обѣдалъ г. П*** Онъ купилъ голову сатира и отдалъ ее скульптору, чтобы онъ къ ней придѣлалъ бюстъ изъ алебастра. Я думаю, что онъ завтра будетъ готовъ. Маменька давно уже ищетъ себѣ собаку, а сегодня приносили ей двѣ, но она ихъ не купила, оттого что онѣ ей не нравились.

Вечеромъ ѣздилъ я съ маменькой на гулянье „Cascino“, въ которомъ мы уже разъ были.

23 апрѣля. — Сегодня ходилъ я съ г. S*** и г. П*** въ Академію Художествъ; дорогой встрѣтили мы знаменитаго гравера Моргена, который поселился во Флоренціи и продолжаетъ работать.

Въ Академіи Художествъ показали намъ много гипсовыхъ снятковъ и большое собраніе новыхъ и старыхъ картинъ. Кромѣ сего есть тамъ еще рисунки Рафаэля, Микель-Анджело и другихъ знаменитыхъ художниковъ, а на дворѣ, между прочими статуями стоятъ два група Ивана Болоніезскаго, изъ которыхъ одинъ есть модель „Похищенія Сабинокъ", а другой представляетъ „Добродѣтель, попирающую Злобу".

Мы также были въ церкви San Spirito, примѣчательной одними сѣнями (17 шаговъ длины и 7 ширины), которыхъ потолокъ состоитъ изъ одного куска сѣраго камня, находимаго въ окрестностяхъ Флоренціи. Потолокъ сей и выработанъ Сансовино.

Въ другой церкви видѣли мы нѣсколько мраморныхъ барельефовъ, представляющихъ разныя сцены изъ исторіи Флоренціи и сдѣланныхъ неизвѣстнымъ мнѣ художникомъ; никогда не видалъ я еще такихъ прекрасныхъ барельефовъ, какъ эти: композиція, рисунокъ, — все въ нихъ хорошо. Фигуры болѣе обыкновеннаго выпуклы и очень подражаютъ природѣ.

24 апрѣля.—Сегодня обѣдалъ у насъ человѣкъ весьма достопримѣчательный своими приключеніями.

Это былъ г. Афендуловъ, котораго жители острова Кандіи избрали королемъ въ одномъ возмущеніи противъ турокъ.

Четырнадцать мѣсяцевъ управлялъ онъ островомъ, но когда англичане донесли о семъ русскому правительству, то императоръ Александръ I осудилъ его на изгнаніе изъ Россіи, не ограничивъ, притомъ, продолжительность сего изгнанія; и такъ г. Афендуловъ живетъ во Флоренціи, не рѣшаясь возвратиться въ отечество.

Онъ родомъ малороссіянинъ, роста средняго, волосы у него сѣдые, лицо—длинное и покрытое рябинами, носъ—орлиный и темно-сѣрые глаза, которые безпрестанно движутся.

Онъ довольно долго у насъ пробылъ и разсказалъ о странныхъ своихъ приключеніяхъ.

Мы были въ греческой церкви, но когда мы ѣхали домой, засталъ насъ дождь и промочилъ до костей.

Всѣ жалуются на нынѣшнюю весну и говорятъ, что она обыкновенно бываетъ лучше.

25 апрѣля.—Г. Афендуловъ приходилъ къ намъ сегодня и принесъ нѣсколько рисунковъ для альбома, о которыхъ его просила маменька.

Я ходилъ съ m-r Wanu и S *** смотрѣть послѣднее произведеніе Микель-Анджела; это—статуя, которая только-что начата, и трудно догадаться, что̀ она представляетъ: человѣкъ, опираясь о землю ногою, держитъ въ рукѣ (лѣвой) что-то похожее на книгу; вотъ все, что̀ я могъ разобрать. Остальное такъ неясно означено, что невозможно его различить. Статуя сія вдѣлана въ стѣну одного дома, близь коего стоитъ также римскій граничный столбъ пирамидальной формы, но съ сломаннымъ верхомъ.

Мы прошли мимо камня, на которомъ часто сиживалъ Данте и любовался куполомъ соборной церкви; камень этотъ находился прежде на другомъ мѣстѣ, но когда перестроивали улицу, то вкопали его въ тротуаръ.

Г. П*** водилъ насъ въ одну лавку, гдѣ продавался эскизъ Леонардо да-Винчи, представляющій двухъ собакъ.

Картина очень хороша, и, можетъ быть, дяденька ее бы купилъ, еслибъ цѣна болѣе была умѣренна, но въ Италіи картины бываютъ часто такъ до̀роги, что невозможно за нихъ заплатить и половину требованной цѣны.

Мы были также во дворцѣ Vecchio, бывшемъ прежде великогерцогскимъ дворцомъ.

Передъ фасадомъ стоятъ двѣ колоссальныя статуи, изъ которыхъ одна Микель-Анджела и представляетъ Давида, другая—Bascio Bandenelli и представляетъ Геркулеса, убивающаго Какоса.

Посреди двора находится порфирный фонтанъ съ бронзовымъ амуромъ Andrea da Verrochio, который г. П*** очень расхвалилъ. Въ комнатахъ нашли мы нѣсколько древнихъ мебелей, много картинъ и другихъ вещей, которыя теперь будутъ продаваться на аукціонѣ.

Стѣны расписаны al fresco—Salviati и Vasari, а потолокъ большой залы покрытъ картинами масляными красками, сего послѣдняго. Въ этой же залѣ стоятъ нѣсколько груповъ Vincento Rossi, „Добродѣтель, попирающая злобу“, Ивана Болоніезскаго, и групъ Микель-Анджела, представляющій „Побѣду и Побѣжденнаго.

26 апрѣля.—Поутру ѣздили мы къ живописцу Müller, который пишетъ ландшафты водяными красками, но гораздо хуже, нежели Migliara.

Отъ него поѣхали мы къ живописцу Gherardi, который тоже пишетъ ландшафты, но его не застали дома.

Вечеромъ приходилъ онъ къ намъ, и дяденька купилъ у него много рисунковъ.

Г. Афендуловъ пилъ у насъ чай.

Сегодня мы уже все уложили, оттого что завтра уѣзжаемъ въ Римъ.

27 апрѣля.—Въ пять часовъ утра покинули мы Флоренцію, и въ сумеркахъ пріѣхали ночевать въ городъ Arezzo, мѣсто рожденія Мецены и Петрарки. Домъ сего послѣдняго существуетъ до сихъ поръ: онъ ничѣмъ другимъ отъ прочихъ домовъ не отличается, какъ мраморною доскою съ надписью. Здѣсь есть красивая готическая церковь, примѣчательная фресками Вазари и другихъ знаменитыхъ художниковъ. Передъ церквой стоитъ на колоннѣ древняя изувѣченная статуя Мецены. Она, повидимому, сдѣлана изъ глины; сама статуя красновато-желтаго цвѣта, исключая тѣ мѣста, гдѣ она повреждена, которыя совершенно красны.

28 апрѣля.—Дорога была очень дурна и мѣста гористы.

Три раза принуждены были припрягать къ нашимъ экипажамъ быковъ.

Мы пріѣхали ночевать въ Foligno.

29 апрѣля.—Къ крайнему нашему сожалѣнію, не увидали мы знаменитаго каскада Терни.

Мы проѣхали черезъ деревню Терни, не останавливаясь въ ней, ибо проливной дождь намъ помѣшалъ, а каскадъ весьма теряетъ, когда солнце покрыто облаками.

Намъ еще разъ припрягали быковъ.

Мы ночуемъ въ Civita Castillana.

NB. *Намъ дали прекрасный ужинъ.*

30 апрѣля.—Сегодня утромъ прибыли мы въ Римъ.

Послѣ долгой ѣзды по предмѣстьямъ, выѣхали мы, наконецъ, въ ворота самаго города.

Первое, что̀ представилось глазамъ нашимъ, была огромная и прекрасная площадь—Piazza del Popolo. По срединѣ возвышается высокій египетскій обелискъ—и четыре египетскіе льва испускаютъ изъ пастей каскады.

По обоимъ концамъ площади сдѣланы фонтаны, украшенные

мраморными групами, а за ними видны красивые сады и дачи. Проѣхавъ черезъ сіе прекрасное мѣсто, остановились мы на Piazza del Spania, гдѣ обыкновенно живутъ иностранцы.

Нанявъ домъ, принадлежащій одному трактиру, дяденька послалъ человѣка за г. С***, который тотчасъ къ намъ пришелъ.

Черезъ нѣсколько времени пошли мы съ нимъ гулять и зашли въ церковь св. Петра. Сначала не сдѣлала она на меня большого впечатлѣнія, но когда я ее хорошо разсмотрѣлъ, то увидѣлъ ея непонятную вышину.

На площади, передъ церковью, бьютъ два прекрасные фонтана, которые, при большомъ вѣтрѣ, брызгаютъ по всей площади.

Отсюда пошли мы въ Пантеонъ, бывшій прежде римскимъ храмомъ, но превращенный теперь въ церковь. Примѣчательнѣйшее въ Пантеонѣ есть огромные купола, которые немного болѣе купола св. Петра. Въ круглой стѣнѣ сдѣланы углубленія, въ которыхъ, вѣроятно, стояли статуи боговъ.

Пантеонъ освѣщенъ сверху отверстіемъ въ крышѣ. На полу сдѣлана дыра, куда стекаетъ дождевая вода.

1 мая. — Сегодня были мы еще два раза въ церкви св. Петра.

Чѣмъ чаще въ ней бываешь, тѣмъ болѣе видишь чрезвычайную ея величину. Каждая вещь въ этой церкви, когда ее сравниваешь съ другими, кажется обыкновенной величины; когда же на нее смотришь особенно, то она кажется колоссальною.

Въ часовнѣ, принадлежащей къ церкви св. Іоанна, показали намъ мраморную лѣстницу, считаемую за ту самую, по которой Іисусъ взошелъ въ домъ Пилата. По ней не ходятъ иначе какъ на колѣняхъ. Здѣсь должно еще гдѣ-то быть копье, коимъ римскій воинъ прокололъ Іисусу бокъ; и *что всего лучше — обломки лѣстницы, которую Іаковъ видѣлъ во снѣ!!*

Мы ходили также въ Coliseum или Collosseum, гдѣ уже мы вчера были.

Это огромный амфитеатръ, построенный въ царствованіе Веспасіана; онъ овальной формы; стѣны его состоятъ изъ нѣсколькихъ рядовъ колоннъ: первый рядъ дорическій, второй — іоническій, а третій — коринѳскій.

Архитектура Коллосея отличается отъ архитектуры веронскаго театра тѣмъ только, что внутри перваго нѣтъ тѣхъ ступень, которыя служатъ скамейками второму; вмѣсто ихъ сдѣланы въ Коллосеѣ своды балконами (безъ перилъ), на которыхъ зрители по произволу могли стоять или сидѣть.

Чтобы предохранить Коллосей отъ буйства народа, построили въ немъ нѣсколько часовень и крестъ, который имѣетъ свойство уменьшать за каждый поцѣлуй цѣлымъ днемъ пребыванія въ чистилищѣ.

Весьма простое и полезное заведеніе для грѣшниковъ!

2-го мая.—Мы ѣздили съ г-номъ Соболевскимъ и Шевыревымъ смотрѣть знаменитое собраніе статуй и картинъ въ Ватиканѣ. Ватиканъ въ большомъ видѣ то же самое, что Галерея во Флоренціи. Извѣстнѣйшія статуи суть: „Аполлонъ Бельведерскій", „Лаоконъ", „Меркурій", извѣстный подъ именемъ Бельведерскаго „Антиноя", „Мелеагръ", „Торсо Геркулеса" и статуи Кановы: „Персей" и „Бойцы".

Я бы не кончилъ, если бы хотѣлъ описывать все, что видѣлъ въ этомъ дворцѣ; довольно того, что я назову тѣ вещи, которыя болѣе другихъ мнѣ показались примѣчательными.

Въ одной видѣлъ я вазу изъ одного куска порфира, удивительной величины, имѣющаго величины по крайней мѣрѣ шесть футовъ въ поперечникѣ; она стоитъ на древнемъ мозаичномъ полу и окружена перилами. Въ Ватиканѣ есть еще музей египетскихъ древностей и собраніе мраморныхъ надписей.

Три большія залы наполнены одними гипсовыми снятками.

Въ библіотекѣ есть много рѣдкихъ рукописей, но мы тамъ не были. Верхній этажъ содержитъ галереи, расписанныя Рафаэлемъ, извѣстныя подъ именемъ „Рафаэлевыхъ Ложъ".

Въ Сикстинской часовнѣ показываютъ знаменитую картину al fresco Микель-Анджела, представляющую „Страшный Судъ", но она такъ почернѣла отъ времени и отъ дыма свѣчей, горящихъ въ церкви, что вся картина составляетъ одно пятно, въ которомъ съ большимъ трудомъ можно разобрать нѣсколько фигуръ.

Мы ѣздили еще на дачу Milo, построенную на руинахъ дворца Августа; руины очень хорошо сохранены, но не совсѣмъ открыты. Весьма любопытно видѣть, сколько со времени римлянъ возвысилась въ городѣ земля; это можно легко примѣтить, смотря на древніе памятники, колонны, храмы, тріумфальныя ворота и пр., которые теперь нѣсколькими футами ниже новыхъ строеній.

Траянская колонна, тріумфальныя ворота Константина и много другихъ служатъ тому примѣрами.

Ихъ фундаменты такъ глубоко были погружены въ землю, что они теперь, когда ихъ открыли, находятся совершенно въ ямѣ.

Комнаты дворца Августа, на дачѣ Milo, такъ засыпались

землею, что надобно въ нихъ сходить по лѣстницѣ, какъ въ погребъ.

На этой дачѣ есть хорошенькій садъ съ розовыми алеями и клумбами.

Отсюда пошли мы смотрѣть скалу Тарпейскую, съ которой римляне сбрасывали преступниковъ.

Она теперь совсѣмъ застроена домами.

3 мая. — Сегодня ѣздили мы во дворецъ Farnesina смотрѣть „Галатею“ Рафаэля и картины al fresco Julio Romano и другихъ живописцевъ.

Мы были также въ монастырѣ, гдѣ умеръ Тассъ и гдѣ еще показываютъ его комнату, его зеркальце, поясъ, рукопись и бюстъ, сдѣланный послѣ его смерти.

Комната очень проста и ничѣмъ отъ прочихъ не отличается. Ее могутъ видѣть только мужчины, а женщины въ нее не входятъ безъ позволенія папы, потому что она находится посреди комнатъ монаховъ. Намъ показывали въ одной церкви мѣсто, гдѣ распяли св. Петра.

4 мая.—Мы ѣздили смотрѣть руины дворца Кесарей.

Насъ повели по другой лѣстницѣ при свѣтѣ факеловъ въ подземельныя комнаты, гдѣ видны на стѣнахъ и потолкахъ очень хорошо сохраненныя живописи; но сихъ комнатъ мало; остальныя еще не открыты.

Руина, которая лучше всѣхъ сохранена, есть, по моему мнѣнію, храмъ Весты, на берегу Тибра.

Онъ остался почти такъ же, какъ и былъ прежде, но теперь превратили его въ церковь. Не далеко отъ сего храма находится большой круглый камень, похожій на жерновъ, на которомъ вырѣзано человѣческое лицо, съ открытымъ ртомъ, называемый, не знаю, почему — Bocca della verita. Этотъ камень служитъ римлянамъ страшилищемъ для дѣтей, такъ, какъ въ Германіи—Knecht-Ruprecht, а у насъ въ Россіи—Бука.

Мы были у живописца Брюлова, который началъ писать для князя Демидова большую картину, представляющую послѣдній день Помпеи.

Кромѣ сего, есть у него много портретовъ и другихъ картинъ, которыя всѣ очень хороши. Брюловъ считается за лучшаго живописца въ Римѣ.

5 мая. — Я ходилъ съ г. Соболевскимъ во дворецъ Кесарей, чтобы искать древностей.

Мы долго тамъ ходили, но ничего не нашли.

Оттуда пошли мы въ Campidolio—(Capitolium). Тамъ показали намъ нѣсколько хорошихъ статуй и картинъ и, между прочимъ, древнюю бронзовую волчиху съ Ромуломъ и Ремомъ, которую считаютъ за этрусское произведеніе, но на одномъ мѣстѣ она очень повреждена отъ ударившей въ нее молніи. Эту волчиху описываетъ какой-то римскій писатель: если не ошибаюсь, Титъ Ливій.

Г. Брюловъ приходилъ вечеромъ къ намъ и пилъ у насъ чай.

6 мая. — Мы ѣздили сегодня въ Коллосей и видѣли тамъ странную церемонію, въ которой монахи съ завѣшанной головой ходили вокругъ арены и пѣли хоромъ.

При входѣ стоялъ такой же монахъ и сбиралъ милостыню, звоня въ колокольчикъ.

Монахи гораздо болѣе похожи были на духовъ, нежели на то, что̀ они есть, и всю церемонію скорѣе можно было бы счесть за колдовство, нежели за духовный обрядъ.

Въ сѣрыхъ мантіяхъ, съ суконною маскою на лицѣ, въ которой прорѣзаны были только двѣ дырочки для глазъ, медленно двигались они между руинами, и послѣдніе лучи заходящаго солнца, освѣщающіе ихъ сквозь древніе своды, дополняли волшебство сей сцены.

Говоря о монахахъ, вспомнилъ я объ одномъ классѣ сихъ людей, примѣчательномъ страннымъ родомъ жизни, который они ведутъ: францисканы или доминиканцы, не помню, какъ ихъ зовутъ, живутъ только подаяніемъ другихъ. Они ходятъ по улицамъ съ осломъ, котораго навьючиваютъ всякой всячиною: платьемъ, мебелью, рогожами и всѣмъ тѣмъ, что̀ имъ подадутъ. Эти монахи, однако, продаютъ иногда очень хорошій саладъ. Мы часто его у нихъ покупали.

7 мая. — Сегодня поутру ѣздили мы съ г. Шевыревымъ въ студій Торвальдесона и видѣли тамъ много статуй и моделей, сдѣланныхъ отчасти имъ самимъ, отчасти его учениками.

Въ залѣ, содержащей произведенія самого Торвальдесона, показали намъ модель Христа, появляющагося апостоламъ; оригиналъ находится въ соборной церкви, въ Копенгагенѣ. Всѣ хвалятъ эту статую и говорятъ, что она лучшая, которую сдѣлалъ Торвальдесоно. Мнѣ кажется, однако, что въ лицѣ Христа мало выраженія, и что статуи апостоловъ, находящихся въ той же залѣ, ее превосходятъ. Тутъ же стоитъ модель статуи Поня-

товскаго, Меркурій, вынимающій мечъ, чтобы убить Аргуса, Ганимедъ, барельефы, представляющіе тріумфъ Александра, и многія другія.

Послѣ обѣда поѣхали мы за городъ, посмотрѣть фонтанъ, у котораго по преданію бесѣдовалъ царь Нума съ нимфой Эгеріей.

Мы проѣхали мимо гробницы Сициліи Метеллы, которая въ средніе вѣка превращена была въ крѣпость.

Фонтанъ находится возлѣ густой рощи, въ теплой гротѣ, изъ которой съ быстротою стремится чистый ручей и теряется въ кустарникѣ.

Въ гротѣ лежитъ древняя изломанная статуя безъ головы, облокотившаяся на урну.

Возвращаясь по мощенной дорогѣ Via Appia, сдѣланной еще при римлянахъ, зашли мы посмотрѣть гробницу Сципіоновъ, въ которой, однако, ничего нѣтъ примѣчательнаго, кромѣ нѣсколькихъ стѣнъ, ибо большая часть подземельныхъ ходовъ сдѣланы въ теперешнее время и бывшія въ нихъ надписи переведены въ Ватиканъ, а на мѣсто ихъ поставлены копіи.

8 мая.—Сегодня не былъ я нигдѣ и не видалъ ничего примѣчательнаго.

Мы намѣрены ѣхать въ Неаполь 11-го мая, и г. Соболевскій также съ нами ѣдетъ. Дорога отъ Рима до Неаполя сдѣлалась еще опаснѣе, нежели прежде. Здѣсь носятся слухи, что разбойники недавно ограбили англійское семейство.

Вотъ что̀ я слышалъ объ образѣ, которымъ они грабятъ проѣзжихъ: остановивъ экипажъ, вынимаютъ они путешественниковъ и кладутъ ихъ на полъ лицомъ къ землѣ. Это называютъ они face a terra. Пока одинъ изъ разбойниковъ обыскиваетъ карманы лежащаго, другой приставляетъ къ нему ножъ или держитъ надъ нимъ заряженное ружье, чтобы при малѣйшемъ сопротивленіи его убить.

Послѣ сей операціи отпускаютъ они на волю бѣдныхъ ограбленныхъ; или если они замѣтятъ, что путешественники богаты, или что они принадлежатъ къ высшему сословію людей, то они уводятъ съ собой одного или нѣсколько изъ нихъ, назначивъ остающимся цѣну ихъ выкупа, которая непремѣнно должна въ назначенное время находиться подъ такимъ-то дубомъ или подъ такимъ-то камнемъ. Деньги отдаютъ пастухамъ; они большіе друзья разбойниковъ, также какъ и ветурини (veturini) или наемные кучера, на которыхъ они рѣдко нападаютъ. Если разбойники не получаютъ въ назначенное время условленной платы,

то они отрубливаютъ у плѣннаго уши, руку или ногу и отсылаютъ ее къ тѣмъ, къ которымъ онъ принадлежитъ.

Если же и это не помогаетъ, то они просто убиваютъ плѣннаго.

Ничего не служитъ (sic!) взять съ собой отрядъ драгуновъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ путешественники, ибо сіи господа, слѣдуя имъ свойственному влеченію, при первомъ шумѣ убѣгаютъ, что есть мочи, и прячутся куда могутъ.

9 мая.—Сегодня ходили мы еще разъ въ Ватиканъ, но такъ мало пробыли тамъ, что не успѣли ничего хорошаго видѣть.

10 мая.—Я былъ съ дяденькой у одного антиквара.

Онъ купилъ у него двухъ тигровъ, сдѣланныхъ изъ древняго камня, котораго теперь болѣе не находятъ.

У насъ обѣдалъ Брюлловъ и нарисовалъ мнѣ въ альбомъ картинку.

11 мая. — Сегодня вечеромъ пріѣхали мы въ „Molo di Gaeta“, прекрасный трактиръ у берега моря, въ саду съ померанцевыми деревьями посреди руинъ дворца Сципіона.

Мы проѣхали черезъ Понтинскія болоты, въ которыхъ доктора запрещаютъ спать, чтобы не получить лихорадки, ибо сіи мѣста очень нездоровы.

Разбойниковъ я не видалъ, но мы встрѣтили мужиковъ съ ружьями и штыками за поясомъ.

Дорогой старались мы болѣе говорить, чтобы не заснуть, и пріѣхали такъ въ „Molo di Gaeta“.

Когда сдѣлалось темно, то всѣ деревья въ саду заблистали маленькими огоньками, которые потухали, зажигались, опускались, подымались, кружились и бросались во всѣ стороны.

Это были маленькіе жучки и летучія букашки, но издали казались они искрами.

12 мая.—Сегодня передъ обѣдомъ пріѣхали мы въ Неаполь и остановились въ трактирѣ „Victoria“. У насъ очень красивыя комнаты и изъ окошекъ прекрасный видъ на море. Вечеромъ пріѣхали мы на главную улицу Неаполя—Toledo. Она освѣщена множествомъ фонарей; на тротуарахъ разставлены раскрашенныя и позолоченныя будки, въ которыхъ продаютъ фрукты и лимонадъ.

Мы проѣхали по берегу моря и видѣли Везувій, но онъ теперь не извергаетъ огня.

13 мая.—Мы ходили гулять по городу. Почти всѣ домы Неаполя съ плоскими крышами, и это съ непривычки кажется очень страннымъ.

Мы видѣли много lazzaroni, о которыхъ я много слышалъ еще въ Россіи.

Этотъ классъ людей не имѣетъ никакой обители и живетъ только тѣмъ, что его употребляютъ, чтобы нагружать корабли, таскать ноши и пр... Когда же у lazzaroni нѣтъ работы, то онъ ляжетъ въ свою корзину и спитъ. Lazzaroni ходитъ въ одной рубашкѣ; у иныхъ и ея нѣтъ, а только маленькіе, коротенькіе штаны.

Вечеромъ ходили мы съ г. В*** на гулянье въ Villa Reale, состоящемъ изъ длинной аллеи на берегу моря.

14 мая.—Мы были еще въ Villa Reale и хотѣли посмотрѣть, какъ рыбаки вытащатъ сѣти, но у насъ не стало терпѣнія, ибо они трудились болѣе двухъ часовъ, но вмѣсто невода вытащили однѣ веревки и поѣхали на лодкѣ, чтобы его вытянуть гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Вечеромъ мы были въ гротѣ Posilipo, происхожденіе которой вовсе неизвѣстно, но сдѣланной по преданію чортомъ.

Она имѣетъ болѣе полуверсты длины и освѣщена фонарями, горящими безпрерывно. На горѣ, въ которой она прорублена, находится гробница Виргилія, но мы ее не видали.

Возвращаясь домой по ухабистой и дурной дорогѣ, принуждены мы были выйти изъ коляски и идти довольно долго пѣшкомъ, потому что экипажи съ трудомъ могутъ по ней ѣхать.

Проѣзжая мимо Везувія, увидали мы надъ нимъ маленькій дымъ.

15 мая. — Я ходилъ въ Villa Reale. Тамъ было очень много народа, оттого что сегодня воскресенье.

Болѣе не были мы нигдѣ; большую часть дня шелъ дождь. У насъ были г. В. и графъ и графиня М., которые возлѣ насъ живутъ.

16 мая. — Мы видѣли похороны одного генерала. Все войско, бывшее подъ его командой, шло впереди при звукѣ трубъ, флейтъ и барабановъ, обитыхъ чернымъ сукномъ.

Покойника несли за нимъ въ открытомъ гробѣ. Здѣсь обычай хоронить женатыхъ въ закрытомъ, а холостыхъ людей въ открытомъ гробѣ.

Послѣ обѣда были мы въ Ботаническомъ саду, за которымъ такъ дурно смотрятъ, что дорожки заросли мохомъ.

19 мая.—Третьяго дня послѣ обѣда поѣхали мы въ гогодъ Castellamare, чтобы посмотрѣть знаменитую Помпею, находящуюся въ близи.

Но такъ какъ уже было поздно, то мы недолго тамъ пробыли и отложили на другой день нашу поѣздку.

Переночевавъ въ Castellamare, возвратились мы въ Помпею.

Она состоитъ изъ довольно прямыхъ и довольно широкихъ улицъ; храмы и дома очень хорошо сохранены, но всѣ безъ крышъ. (Это происходитъ оттого, что деревянныя бревны, которыя поддерживаютъ крыши, сгнили и превратились въ песокъ).

На стѣнахъ видны фрески не хуже тѣхъ, которыя пишутъ въ наши времена, и полы, дворы и иные тротуары выложены прекрасными тротуарами.

Улицы вымощены большими плоскими каменьями, прикрѣпленными одинъ къ другому желѣзомъ.

На нихъ еще видны глубокіе слѣды колесъ.

Жаль, что всѣ мебели и вещи, найденные въ домахъ, переведены въ неаполитанскій музеумъ.

Гораздо было бы любопытнѣе видѣть ихъ такъ, какъ ихъ нашли въ тѣхъ же комнатахъ, на томъ же мѣстѣ.

Домы въ Помпеи всѣ раскрашены желтою и красною краскою; комнаты очень малы и расписаны красивыми фресками; посреди двора есть маленькій прудъ и въ саду фонтанъ, украшенный раковинами.

Каждый день открываютъ либо новый домъ, либо улицу, но lazzaroni, которыхъ на это употребляютъ, роютъ очень неосторожно.

Найденныя вещи отсылаютъ, какъ я уже говорилъ, въ неаполитанскій музеумъ. Тамъ показываютъ много древнихъ тарелокъ, кострюль, котловъ, глиняныхъ сосудовъ, бронзовыхъ вазъ, статуй и канделябровъ, безчисленное множество глиняныхъ и мѣдныхъ лампъ, нѣсколько столовыхъ ножей и ложекъ; вилокъ въ Помпеи вовсе не нашли, а выкопали много желѣзныхъ инструментовъ, имѣющихъ на одномъ концѣ остріе, а на другомъ ложечку. Острый конецъ употребляли древніе, вѣроятно, вмѣсто вилки, а ложечкой брали соль или что-нибудь другое.

Въ музеумѣ находятся также два хлѣба, найденные въ Помпеи, кусокъ пирога, яйца, финики, фиги—много другихъ фруктовъ—и еще совершенно свѣжія маслины. Тутъ же показываютъ

разные женскіе уборы, золотыя ожерелья, серьги, кольца, браслеты и многіе другіе. Между многочисленными вещьми, принадлежащими къ убору, нашли кристальную баночку съ румянами. Одна весьма примѣчательная вещь, найденная въ Помпеи и которая можетъ служить примѣромъ роскоши древнихъ, есть судно, для обыкновеннаго употребленія, изъ rosso-antiquo.

Мраморныя статуи также перевезены въ музеумъ, а вмѣсто ихъ оставлены въ Помпеи дурныя гипсовыя копіи.

Послѣ обѣда поѣхали мы на ослахъ въ горы, примѣчательныя прекраснымъ мѣстоположеніемъ.

Пріѣхавъ назадъ въ Castellamare, отправились мы обратно въ Неаполь и остановились дорогой въ Геркуланумѣ, который гораздо менѣе сохранился, нежели Помпея.

Насъ повели со свѣчами въ подземелье, въ которомъ находится древній амфитеатръ, залитый лавой.

Мы долго ходили по разнымъ коридорамъ, но не могли обозрѣть вдругъ цѣлаго театра.

Часть города, находящаяся внѣ подземелья, дурно сохранилась, но видно, что дома были построены на образъ помпейскихъ. На стѣнахъ также видны фрески, а на полахъ мозаики. Мы недолго пробыли въ Геркуланумѣ и возвратились въ Неаполь—посмотрѣвъ только амфитеатръ и остатки другихъ строеній.

20 мая.—Сегодня ѣздили мы на фабрику этрусскихъ вазъ, которыя дѣлаютъ на образъ древнихъ. Маменька себѣ нѣсколько изъ нихъ купила, но онѣ очень дороги. Поутру были мы еще разъ въ музеумѣ и видѣли знаменитую коллекцію настоящихъ этрусскихъ вазъ.

21 мая. — Сегодня не были мы нигдѣ, оттого что цѣлый день была дурная погода.

22 мая. — Дурная погода еще не перестала. Ночью была ужасная буря; поутру шелъ дождь; море до сихъ поръ волнуется.

При всемъ томъ, однако же, жарко, потому что сегодня вѣетъ африканскій вѣтеръ „широкко“.

23 мая. — Сегодня видѣлъ я странный обрядъ, который, вѣроятно, не что иное, какъ остатокъ древнихъ римскихъ *Луперналій* или греческихъ *Бакханалій.* Человѣкъ, представляющій, вѣроятно, Силена, ѣхалъ на ослѣ, за нимъ шла толпа женщинъ и мужчинъ съ палками въ рукахъ, на которыхъ, какъ на тирсахъ, были привязаны сосновыя вѣтки.

Они кричали, пѣли во все горло и били въ бубны.

Процессія шла такъ отъ начала Кіяи (Chiaja—улица вдоль Villa Reale) до гроты Posilipo, гдѣ подъ большой пальмой сидѣли люди, также кричали и пѣли и пили вино.

Между тѣмъ ѣздили во весь духъ коляски взадъ и впередъ, наполненныя людьми, которые въ нихъ прыгали, махали руками и кричали что есть мочи.

Поутру, прежде нежели сей праздникъ начался, носили по улицамъ деревянную статую какого-то святого. Процессія монаховъ шла впереди и множество петардовъ хлопали вокругъ ихъ.

24 мая. — Мы пили вечеромъ у гр. Mestre чай. Всякій день собираемся мы влѣзть на Везувій, но до сихъ поръ онъ еще покрытъ облаками.

25 мая. — Сегодня вечеромъ уѣхалъ дяденька съ г. Соболевымъ и архитекторомъ Ефимовымъ на нѣсколько дней въ Помпею, чтобы тамъ снимать виды и купить древностей, если на это будетъ случай.

Вечеромъ былъ я еще разъ въ гротѣ Posilipo.

26 мая. — Мы ѣздили въ Torre dell'Anunziato возлѣ Помпеи, гдѣ остановился дяденька.

Отсюда поѣхали мы въ Помпею и довольно долго тамъ гуляли. Въ одномъ изъ домовъ я нашелъ кусокъ древняго стекла. Оно очень толсто, имѣетъ цвѣтъ морской воды, очень свѣтло, но не прозрачно.

Намъ показывали сегодня амфитеатръ, котораго мы въ прошедшій разъ не видали.

27 мая. — Мы ѣздили въ Puzzeoli, смотрѣть руины храма Юпитера Серапійскаго; о сихъ руинахъ я не могу много говорить, ибо онѣ состоятъ изъ нѣсколько колоннъ и разваленныхъ стѣнъ. Но мы видѣли тамъ сцену, которая можетъ служить примѣромъ нрава итальянцевъ: два чичероне заспорили, кто изъ нихъ намъ будетъ показывать руины; они такъ разгорячились, что одинъ изъ нихъ схватилъ въ обѣ руки два камня и бросился на своего соперника.

Всѣ присутствующіе окружили бѣднаго чичероне, чтобы защитить его отъ ударовъ его бѣшенаго противника... Тутъ мы ушли въ подземелье древняго амфитеатра. Когда мы изъ него вышли, то онъ стоялъ съ окровавленнымъ лицомъ, прислонив-

шись къ стѣнѣ, и изъ его ушей и носа текла кровь. Не знаю, умеръ ли онъ, или остался живъ.

28 мая. — Мы хотѣли влѣзть на Везувій, но дождь намъ попрепятствовалъ. Однако послѣ погода разгулялась.

Вечеромъ былъ у насъ гр. Mestre.

29 мая. — Сегодня были мы на Везувіи. Пріѣхавъ въ колясвѣ въ городокъ Резину, пошли мы къ извѣстному Salvator Maria.

На его дворѣ толпились, шумѣли проводники и носильщики— кто съ осломъ, кто съ муломъ, всякій выхваляя свое. У воротъ уже собралась толпа зѣвакъ, чтобы смотрѣть, какъ мы выѣдемъ; бѣдный Salvator, погруженный въ глубокій сонъ, пробудился криками проводниковъ, ословъ и муловъ, выбѣжалъ изъ своей комнаты и полусонный пустился съ нами въ путь. Мы тихо ѣхали по дурной и крутой дорогѣ, на которой видны струистые слѣды застылой лавы, такъ какъ она текла во время изверженія. Чѣмъ выше мы подымались, тѣмъ хуже дѣлалась дорога, тѣмъ рѣже становились деревья и травы и тѣмъ холоднѣе дѣлался воздухъ.

На половинѣ горы, на площадкѣ, окруженной большими липами, находился домикъ одного отшельника, у котораго обыкновенно путешественники останавливаются и отдыхаютъ. Мы также вошли въ его комнату позавтракать и опять поѣхали. Насъ провожалъ солдатъ съ заряженнымъ ружьемъ, оттого что на этой дорогѣ недавно кого-то ограбили.

Наконецъ пріѣхали мы къ подошвѣ высокаго холма, состоящаго изъ одной золы, слѣзли съ ословъ и полѣзли пѣшкомъ. Ничего не видалъ я утомительнѣе этой прогулки.

Зола доходитъ до колѣнъ, и непривычный путешественникъ за каждымъ шагомъ долженъ спотыкаться или падать.

Иныхъ носятъ на носилкахъ, другихъ тащатъ на ремнѣ.

Долѣзли до верху, наконецъ открылся нашимъ взорамъ кратеръ.

Это—огромная бездна, наполненная застылой лавой отъ послѣдняго изверженія, смѣшанной съ сѣрой, мѣдью и другимъ металломъ. Онъ испещренъ всевозможными цвѣтами, краснымъ, желтымъ, зеленымъ, голубымъ, бѣлымъ и пр.; въ серединѣ возвышается новый кратеръ въ видѣ маленькаго холмика, изъ котораго выходитъ густой дымъ. Многія другія мѣста тоже дымились и въ иныхъ трещинахъ виденъ былъ огонь. Видъ съ Везувія безподобенъ; съ него можно разомъ обозрѣть весь Неаполь,

Portici, Torra dell'Anunzio, Resina, Torre del Greco, Castellamare и Помпею, но сильный туманъ, окружающій кратеръ, мѣшалъ намъ ясно видѣть всѣ окружности.

У подошвы Везувія есть еще нѣсколько маленькихъ кратеровъ; всѣ въ видѣ пирамидальныхъ холмиковъ.

Мы недолго пробыли наверху. Съ кратера сошли мы весьма страннымъ образомъ: проводники наши взяли каждаго подъ руку и сбѣжали въ менѣе пяти минутъ внизъ.

Тутъ сѣли мы опять наословъ и пріѣхали при свѣтѣ факеловъ въ Резину, гдѣ, сѣвъ въ коляску, отправились въ Неаполь.

30 мая. — Сегодня былъ у насъ Сальваторъ и принесъ купленные у него минералы и книжку, куда записывались путешественники.

Мы сегодня все уже укладываемъ, оттого что завтра уѣзжаемъ на пароходѣ „Sully“.

31 мая.—Въ 9 часовъ утра взошли мы на французскій пароходъ „Sully“ и отправились прямо въ Генуу.

Съ нами ѣхали: испанскій посланникъ герцогъ Толедскій съ женой и дочерью, князь Pignatelli, гр. de Raimond, капитанъ швейцарской гвардіи въ Неаполѣ; товарищъ его португалецъ Fetal, ѣдущій въ Бразилію, англійскій пасторъ Benet, датчанинъ Daird, одинъ нѣмецъ, четыре англичанки, двое дѣтей и слуги пассажировъ. Въ Civita Vecchia прибавился еще одинъ австрійскій курьеръ. Всѣхъ насъ на пароходѣ было около семидесяти.

Сначала все шло очень хорошо, но когда пароходъ началъ болѣе качаться, то намъ сдѣлалось дурно...

Изъ
ВИКТОРА ГЮГО

Былинка мотыльку печально говорила,
Тоски полна:
„Какъ грустенъ мой удѣлъ...—Гляди—ты улетаешь,
Я—остаюсь одна...

И все-же любимъ мы и далеко отъ міра
Проводимъ дни,
И такъ мы схожи межъ собою, что находятъ—
Ты мнѣ сродни...

Но горе мнѣ! Увы, тебя зефиръ уноситъ,
И въ тишинѣ
Съ тобой хотѣла бъ я хотя дыханьемъ слиться
Тамъ, въ вышинѣ.

Но ты такъ далеко... Ты межъ цвѣтовъ порхаешь,
Ласкаешь ихъ,
И только тѣнь одна обычный кругъ свершаетъ
У ногъ моихъ...

Приходишь ты, мелькнешь мнѣ на мгновенье,
И снова—вдаль...
И вотъ я на зарѣ слезами облегчаю
Мою печаль.

О, царь души моей! Чтобъ свято, вѣрно, вѣчно
Любовь жила,—
Дай крылья мнѣ или сроднись съ землею,
Какъ я!"

II.

Молись и вѣрь, дитя! Пусть завтра, иль позднѣе
Придетъ желанное—надежды не теряй!
Въ грядущемъ блага жди и свято, неизмѣнно,
Встающій лучъ зари молитвою встрѣчай!

Страданья наши, другъ,—плоды ошибокъ нашихъ,
Но твердо вѣрю я—молитва всѣхъ спасетъ,
И, можетъ быть, Господь, благословивъ невинность
И стонъ раскаянья,—и насъ не обойдетъ!..

III.

Я голубю сказалъ: „Утѣшь меня въ печали,—
Мнѣ талисманъ-цвѣтокъ въ чужомъ краю добудь,
Чтобъ сердца моего любви не отвергали"...
И голубь отвѣчалъ:—„То слишкомъ дальній путь!"

Орла я сталъ просить: „Молю тебя, какъ друга!
Огонь небесъ помогъ бы мнѣ легко,—
О, взвейся, полети, не велика услуга"...
И отвѣчалъ орелъ: „То слишкомъ высоко!"

Я къ ястребу тогда:—„Спаси, насыться кровью,
И вырви сердце мнѣ, усталое отъ мукъ,
Оставь въ немъ только то, что не взято любовью"...
И ястребъ отвѣчалъ: „Увы, ужъ поздно, другъ!"

Е. М. Миличъ.

КИТАЙЦЫ

КАКЪ

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАСА

По личнымъ наблюденiямъ.

Несмотря на то, что китайцевъ насчитывается до 427 милл. душъ обоего пола, иначе говоря: они составляютъ почти 1/3 населенiя всего Земного Шара, но и по сiе время они являются въ глазахъ европейцевъ какимъ-то неразгаданнымъ сфинксомъ. Объясняется это тѣмъ, что, живя въ теченiе ряда тысячелѣтiй замкнуто и независимо отъ остального человѣчества, они создали свою самобытную, сложную, оригинальную и для европейцевъ малопонятную цивилизацiю въ центрѣ великаго азiатскаго древа желтокожихъ народовъ. Въ настоящее время, при столкновенiи между собою бѣлыхъ обитателей Европы и желтокожихъ Азiи—разница въ психическомъ складѣ антропологическихъ расъ, населяющихъ оба материка, бросается невольно въ глаза и прежде всего тѣмъ, кому волею судебъ приходилось имѣть болѣе или менѣе тѣсное общенiе съ новыми сосѣдями, какого бы рода оно ни было. Въ чемъ собственно заключаются различiя—психологи еще не выяснили, даже какъ будто мало считаются съ ними, хотя антропологи уже указали основные анатомическiе признаки отдѣльныхъ племенъ и расъ едва ли не всего европейско-азiатскаго материка. А между тѣмъ психика китайцевъ дѣйствительно настолько сильно отличается отъ таковой же хотя бы славянъ, что

наши русскіе поселенцы Дальняго Востока наивно убѣждены, что у ихъ желтыхъ сосѣдей души вовсе нѣтъ, а имѣется не то „паръ“, не то „черный дымъ“; китайцы, въ свою очередь, подозрительно присматриваются къ намъ, а наиболѣе невѣжественные между ними серьезно сомнѣваются: люди ли мы на самомъ дѣлѣ, или оборотни?

I.

Начнемъ съ художества. Европейское понятіе объ изящномъ непримѣнимо къ китайскому художественному творчеству, и причина тому лежитъ въ психическомъ различіи расъ. Прежде всего, въ Китаѣ всѣ узоры, рисунки, картины, какого бы содержанія они ни были, поражаютъ игнорированіемъ перспективы, реальности и соразмѣрности частей. Въ то время какъ мы во всякой картинѣ привыкли видѣть сходство съ дѣйствительностью, художникъ Срединнаго царства, пренебрегая такимъ, казалось бы, требованіемъ разсудка и эстетическаго чутья, даетъ полный просторъ своей фантазіи, причемъ старается отнюдь не выходить изъ рамокъ національнаго представленія о красотѣ. Онъ какъ будто даже не способенъ дать зрителю одну основную идею въ простомъ сочетаніи формъ, отвѣчающемъ дѣйствительности. У него какъ бы невольно всегда получается полумиѳическая исторія, очень сложное, фантастически изображенное явленіе изъ прошлаго, со множествомъ дѣйствующихъ лицъ и поясняющихъ аттрибутовъ, или рядъ случайно сцѣпленныхъ событій, такъ что картину нельзя только созерцать,—ее надо читать и разгадывать, словно шараду, при этомъ часто еще размышлять на отвлеченныя, большею частью моральныя темы. Вслѣдствіе незнакомства китайцевъ съ теоріей наложенія тѣней или просто отсутствія потребности въ ней, рисунки птицъ, звѣрей, людей получаются безжизненными. Человѣкъ изображается почти всегда en face; профиля художники не признаютъ; разрѣзъ глазныхъ щелей выходитъ гораздо болѣе наклоннымъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ; выраженіе лица мало-осмысленное; позы даются неестественныя. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что изображать людей голыми не допускается народною моралью. Драконы, единороги, слоны, зайцы, черепахи — выходятъ какими-то чудовищами, понятными только китайцамъ. Пейзажи настолько шаблонно-вымышленные, неестественные и непропорціональные въ своихъ частяхъ, что отъ нихъ не получается—у насъ по крайней мѣрѣ—

представленія о живой природѣ, ласкающей взоръ. Глядя на картину, невольно задумываешься надъ усидчивостью людей, умѣніемъ копировать и подражать съ удивительной стереотипностью древнимъ весьма разнообразнымъ художественнымъ образцамъ и въ то же время надъ неспособностью одухотворять изображаемое, создавать новое, стоящее внѣ схоластическихъ пріемовъ художества и старыхъ сюжетовъ. Китайцы восторгаются своими узорами, рисунками, картинами въ то время, какъ мы при созерцаніи ихъ художественнаго творчества испытываемъ лишь любопытство и удивленіе. Наши картины, въ свою очередь, имъ мало понятны и неинтересны.

Не менѣе живописи любятъ китайцы архитектуру, которая у нихъ такъ же самобытна и своеобразна, какъ все. Пагоды, буддійскія и даосскія кумирни, мавзолеи, арки, мосты—невольно поражаютъ всякаго, впервые посѣтившаго Китай, оригинальностью стиля, прихотливой орнаментикой, пестротою красокъ, подчасъ грандіознымъ, но съ нашей точки зрѣнія каррикатурнымъ общимъ видомъ. Только китайцамъ понятна красота ихъ національнаго архитектурнаго искусства; только они могутъ восторгаться не въ мѣру огромными, иногда многоэтажными черепичными крышами съ своеобразными загибами на углахъ и пѣтухами на вершинахъ, затѣненными стѣнами съ необычайнымъ обиліемъ странныхъ рѣзныхъ украшеній, узорчатыми арками и пр. И по архитектурѣ убѣждаешься невольно въ стремленіи народа крѣпко держаться традиціи, отчасти безсознательно сопротивляться новшеству въ искусствѣ. И тутъ творчество ограничено слишкомъ сильно опредѣленными, исторически сложившимися рамками, изъ которыхъ китайцы выйти не хотятъ или не могутъ.

Кустари оказываются поразительными мастерами своего дѣла и обязаны этимъ не только трудолюбію, настойчивости, но и остротѣ зрѣнія. Мужчины въ вырѣзываніи на деревѣ сценъ изъ исторіи династій, религіозныхъ шествій или семейнаго быта, въ выдѣлкѣ сложнѣйшихъ узоровъ на кости съ наложеніемъ мелкихъ изящныхъ инкрустацій и тому подобныхъ работахъ, достигаютъ всего, чтó доступно рукѣ и невооруженному глазу и возможно безъ заимствованія у иноземцевъ. Женскія рукодѣлія, напр., вышивки разныхъ сценъ изъ семейной жизни, обрядовъ, церемоній, пейзажей, фантастическихъ звѣрей и птицъ, пестрыхъ цвѣтовъ и пр. по шолку, сукну, бумагѣ или бархату—до того тонки, нѣжны и мелки, что намъ требуется подчасъ лупа, чтобы разсмотрѣть всѣ детали.

Китайцы знакомы со всѣми тончайшими оттѣнками цвѣтовъ спектра и очень любятъ сочетать яркія краски, что замѣтно во всемъ: въ ихъ хозяйственной обстановкѣ, домашней утвари, вывѣскахъ надъ магазинами, картинахъ и т. д. Пять цвѣтовъ считаются основными: желтый, красный, зеленый, бѣлый и черный. Кажется, наибольшими симпатіями пользуются черные, бѣлые и голубые цвѣта, наименьшимъ—малиновый, который трудно даже встрѣтить. Въ одеждѣ допускается только опредѣленное сочетаніе ихъ. Бѣлый цвѣтъ, выражающій у насъ радостное настроеніе, какъ все свѣтлое, китайцевъ наводитъ на грустныя мысли и является траурнымъ. Голубой—символизируетъ небо; красный—солнце, желтый—землю. Для привлеченія вниманія пользуются особенно краснымъ цвѣтомъ: въ таковой окрашены стѣны буддійскихъ и даосскихъ кумиренъ, флагъ, вывѣшиваемый надъ домомъ, гдѣ имѣется покойникъ, разные аннонсы, визитныя карточки, кисточки на шапочкахъ грамотныхъ, подвѣнечное платье, физіономія бога войны и т. д. Желтый цвѣтъ—достояніе богдыхана и чиновъ двора: въ таковой окрашенъ императорскій паланкинъ, дворцовое убранство, оффиціальныя бумаги, идущія ко двору, и пр. Тотъ же желтый цвѣтъ въ ходу въ праздникъ въ честь бога земледѣлія, когда бросается въ глаза и въ облаченіи священнодѣйствующихъ, и въ жертвенной бумагѣ, и во многихъ вещахъ домашняго обихода. Заслуживаетъ еще упоминанія, что населеніе Поднебесной Имперіи необычайно любитъ позолоту и посеребреніе, символизирующія богатство, и примѣняетъ ихъ тамъ, гдѣ на нашъ взглядъ они совсѣмъ неумѣстны.

Китайцы—народъ очень музыкальный, однако наша музыка имъ не только не нравится, но даже противна. Въ Гонконгѣ, Шанхаѣ, Пекинѣ, Тяньцзинѣ, Ньючуанѣ, если и собираются они около европейскихъ музыкантовъ, то просто изъ празднаго любопытства. На бульварахъ Благовѣщенска, Хабаровска и Владивостока, какъ я имѣлъ много случаевъ убѣдиться, они нашей музыки военныхъ оркестровъ рѣшительно не слушаютъ, проходя мимо съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Зато они испытываютъ истинное удовольствіе при звукахъ родного оркестра. Заявленіе европейцевъ, что китайская музыка рѣжетъ слухъ диссонансами и шумомъ—приписывается просто невѣжеству заморскихъ варваровъ. Надо сказать, что наши композиторы, охотно заимствуя мотивы для своихъ оперъ у восточныхъ народовъ, брали ихъ не у китайцевъ—вѣроятно потому, что мелодіи ихъ передать нашими нотами трудно и пониманіе и наслажденіе музыкой Поднебесной Имперіи намъ не свойственны. Китай-

скіе оркестры, обученные европейцами на свой ладъ, имѣютъ всегда одни и тѣ же недостатки—деревянность звука и отсутствіе чувства.

Необходимо имѣть въ виду, что Срединное царство съ давнихъ временъ выработало свои ноты, свою теорію, свою весьма обширную музыкальную литературу. Музыка находится въ вѣдѣніи особаго правительственнаго учрежденія; она же является важнымъ предметомъ экзаменовъ молодежи, а въ обществѣ издавна существуютъ музыкальные кружки на подобіе европейскихъ. По увѣренію знатоковъ, музыка китайцевъ требуетъ привычнаго слуха и хорошей памяти. Замѣчательно, что октава у нихъ имѣетъ однимъ тономъ меньше, чѣмъ у насъ, причемъ на самомъ дѣлѣ народъ пользуется только пятью тонами, соотвѣтствующими нашимъ do, re, mi, sol, la. Діэзы и бемоли совсѣмъ не употребляются [1]. По китайской теоріи музыки, re отвѣчаетъ острому вкусу, do—желтому цвѣту, la—черному цвѣту и соленому вкусу, sol—красному и горькому, mi—зеленому [2]. Каждый основной тонъ отвѣчаетъ какъ будто голосу какого-нибудь животнаго—мычанію коровы, ржанію лошади, хрюканью свиньи, блеянію овцы. Воспоминаніемъ объ этомъ руководствуются при настраиваніи инструментовъ. Въ употребленіи инструменты и струнные, и духовые, причемъ въ музыкальныхъ произведеніяхъ преобладаютъ звуки верхняго регистра, протяжно-скрипучіе, прерываемые мѣстами шумными ударами гонга или барабана.

По китайской теоріи, отъ тона do испытывается человѣкомъ состояніе простора и удобства, отъ mi—потребность въ любви и милосердіи, отъ la—желаніе молиться, и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что отношеніе слуховыхъ воспріятій къ зрительнымъ и вкусовымъ имѣетъ свое психологическое основаніе и можетъ быть объяснено съ точки зрѣнія расположенія ассоціаціонныхъ путей между соотвѣтствующими корковыми центрами, такъ что нельзя отъ авторовъ китайской теоріи музыки отнять глубокой философской вдумчивости и наблюдательности. Но спрашивается невольно, почему у китайцевъ sol—внушаетъ дѣлать добро, при слушаніи re испытывается чувство справедливости, а звукъ la—въ разныхъ сочетаніяхъ вызываетъ религіозное настроеніе? Отрицать вліяніе музыки на чувство, образованіе идей и ассоціаціи ихъ въ томъ или иномъ направленіи нельзя, но сомнительно, чтобы у азіатовъ и европейцевъ въ этомъ отношеніи существо-

---

[1] И. Коростовецъ. Китайцы и ихъ цивилизація. Спб. 1896 г., стр. 430.

[2] Ibid.

вало психологическое тожество. Наша погребальная музыка въ китайцахъ не вызываетъ грустнаго настроенія и мрачныхъ мыслей, а ихъ—у насъ. Вліяніе музыки на оживленіе движенія у нихъ проявляется относительно слабо, хотя бы она, съ нашей точки зрѣнія, была самая развеселая: при звукахъ оркестра ихъ не позываетъ, напр., танцовать — такъ, какъ насъ. Въ Китаѣ танцы являются скорѣе выраженіемъ религіознаго настроенія, чѣмъ веселья: мѣсто для нихъ—кумирня; танцуютъ при шествіи богдыхана къ алтарю и тому подобныхъ церемоніяхъ. Наши танцы ради удовольствія—все равно, подъ музыку или безъ нея —китайцы считаютъ крайне неприличнымъ и празднымъ занятіемъ, попросту неспособностью людей владѣть собою и невоспитанностью. Баловъ въ нашемъ смыслѣ у нихъ не бываетъ.

Чувственная окраска, сопровождающая ощущенія однихъ и тѣхъ же запаховъ, у китайцевъ и у насъ часто діаметрально противоположна. При пекинскомъ дворѣ недоразумѣнія вслѣдствіе этого особенно замѣтны: китаянки душатся, напр., камфарными, мускусными, сандаловыми и т. п. эссенціями, отъ которыхъ мутитъ дамъ европейскихъ посольствъ, придерживающихся своихъ излюбленныхъ духовъ. Прекрасный полъ Срединнаго царства, наоборотъ, ощущаетъ эти послѣдніе запахи какъ нѣчто самое неприличное и возмущается открыто, затыкая себѣ носъ. Говорятъ [1], китайцы чрезвычайно не любятъ запаха керосина, жаренаго кофе, нашатыря и мн. др. Въ Китаѣ ящики, сундуки, этажерки, комоды и т. п. вещи дѣлаются изъ разныхъ мѣстныхъ ароматическихъ древесныхъ породъ, и торговцы, желая угодить покупателямъ, предлагаютъ самые что ни на есть пахучіе. Шкатулки, ящички для платковъ, коробочки для визитныхъ карточекъ и прочіе предметы, которые я привезъ изъ Китая въ Петербургъ своимъ знакомымъ дамамъ, къ моему огорченію не произвели пріятнаго впечатлѣнія и не находили себѣ примѣненія, пока не выдохлись. „Все бы хорошо,—говорили мнѣ,— но противный запахъ, ничего положить нельзя"... А какъ восторгаются этими же вещами китаянки! Вонь въ китайскихъ проулкахъ, около базаровъ и всюду между постройками въ густо населенныхъ мѣстахъ съ силою бьетъ въ носъ каждому прохожему европейцу, случайно забравшемуся въ чуждую ему обстановку. Порою его обдаетъ съ кухни такимъ зловоніемъ отъ чесноку, кунжутнаго масла и всякой всячины, что онъ едва не падаетъ въ обморокъ. А между тѣмъ китайцы закусываютъ тутъ

[1] И. Коростовецъ, op. cit., стр. 7.

же за веселой бесѣдой, не обращая на вонь ни малѣйшаго вниманія, и къ удивленію нашему смотрятъ бодрыми и здоровыми.

II.

Въ психологіи всякаго народа многое объясняется характеромъ пищи и оправдываетъ пословицу: „Der Mensch ist was er isst“. Необычайное миролюбіе китайцевъ находитъ себѣ до нѣкоторой степени объясненіе въ крайнемъ вегетаріанствѣ населенія Срединнаго царства, поражавшемъ европейцевъ съ самаго перваго знакомства со страною. Въ пищу, приготовленную до чрезвычайности неопрятно и на нашъ взглядъ крайне непривлекательно, идутъ у нихъ, главнымъ образомъ, рисъ, ячмень, просо, кукуруза, капуста, картофель, лукъ, чеснокъ, разные мѣстные овощи, травы, коренья, плоды, при чемъ употребляются въ изобиліи кунжутное, бобовое, конопляное и др. масла и мало соли. Въ большомъ ходу разные посолы и маринады. Если не считать рыбы, черепахъ, трепангъ, каракатицъ и вообще водяной фауны, то мясныя блюда составляютъ въ общемъ рѣдкую роскошь. Изготовляемыя изъ мяса разныхъ домашнихъ животныхъ и птицъ, они въ китайской кухнѣ пріобрѣтаютъ своеобразный вкусъ.

Въ Китаѣ нѣтъ дойныхъ коровъ, а потому отсутствуютъ всѣ наши молочные продукты. Хлѣбъ и соль на столъ не подаются; суповъ, подобныхъ нашимъ, нѣтъ,—начинаютъ обѣдъ со сладкаго. У богатыхъ на званыхъ обѣдахъ бываетъ до двадцати-пяти разнообразнѣйшихъ блюдъ, не ложащихся, однако, тяжело на желудокъ, вслѣдствіе преобладанія растительныхъ продуктовъ и замѣчательной воздержности людей въ отношеніи спиртныхъ напитковъ. Среди китайцевъ поразительно много поваровъ по призванію, которые, служа у богатыхъ и знатныхъ лицъ, изощряются въ изготовленіи обѣденныхъ блюдъ до крайности. Пособіемъ служатъ имъ въ барскихъ домахъ кулинарныя книги, подобныя нашимъ. Въ меню фигурируетъ, помимо знакомыхъ намъ пищевыхъ средствъ, немало оригинальнаго, хотя бы пресловутыя ласточкины гнѣзда, плавники акулъ, жареные шелковичные черви, тухлыя яйца и т. д. Пировъ, однако, въ нашемъ смыслѣ въ Китаѣ не существуетъ. Ѣстъ народъ въ общемъ поразительно мало. Очень многіе тратятъ 2—5 коп. въ день на пищу—и такъ годами. Мнѣ бросалось въ глаза, что въ купеческомъ сословіи нѣтъ явныхъ обжоръ съ огромными животами, одутловатыми и синюшными лицами.

Если китаецъ очень бѣденъ и голоденъ, то онъ ѣстъ все, не разбирая и не считаясь съ вкусовыми потребностями или предразсудками: енотовъ, собакъ, кошекъ, крысъ, лягушекъ, змѣй; онъ не только подбираетъ падающую около фонаря саранчу и тутъ же поѣдаетъ ее живьемъ, но и прячетъ въ карманы, чтобы дома, поджаривъ, накормить ею семью. Самые бѣдные люди,—а такихъ очень много, — несмотря на замѣчательную постановку дѣла правительственнаго продовольствія бѣдняковъ въ неурожайные годы изъ запасныхъ хлѣбныхъ складовъ, рыскаютъ вмѣстѣ съ отощавшими собаками по вонючимъ оврагамъ и помойнымъ ямамъ, чтобы найти хотя бы что-нибудь съѣдобное, въ крайнемъ случаѣ попрошайничаютъ, но, какъ правило, никого не ограбятъ изъ-за куска хлѣба. Нельзя отрицать того факта, что при необычайномъ трудолюбіи, находчивости и изворотливости, китаецъ обыкновенно умѣетъ найти себѣ дѣло и заработать кусокъ хлѣба, и никогда не запьетъ съ горя. Нищій проситъ милостыню такъ: „капитана, дай работай, моя голодай“.

Хотя китайскіе ученые различаютъ только пять основныхъ вкусовъ, какъ-то: горькій, кислый, солончаковый, пряный и сладкій, однако вкусовыя способности у мандариновъ дошли почти до такихъ же утонченныхъ состояній, какія наблюдаются у нашихъ аристократовъ. Европейца нерѣдко тошнитъ при одномъ видѣ того, что ѣстъ и пьетъ китаецъ съ явнымъ удовольствіемъ; этотъ, наоборотъ, не тронетъ нашей пищи, нашихъ напитковъ, если только онъ не голоденъ до крайности. Намъ противна ихъ приправа, они не переносятъ нашей, напр., горчицы, гвоздики, укропа, корицы, лавроваго листа и пр. Вообще, избѣгая сношеній съ другими странами, населеніе Поднебесной Имперіи оставалось въ теченіе тысячелѣтій вѣрнымъ тѣмъ питательнымъ средствамъ и вкусовымъ веществамъ, которыя могла доставить имъ ихъ родина и къ которымъ народъ привыкъ.

Уже чрезвычайное разнообразіе и тонкость мелкихъ кустарныхъ издѣлій говорятъ о хорошемъ осязаніи въ пальцахъ китайскихъ рукъ, помимо всего другого, необходимаго для этого рода труда. Чувствительность кожи въ стопахъ у простолюдиновъ очень слаба, судя по босякамъ-чернорабочимъ и дженерикшамъ, которые, бѣгая по улицамъ, рѣшительно не обращаютъ вниманія на острія камней подъ ногами. Термическія ощущенія у насъ и у китайцевъ вѣроятно не вполнѣ совпадаютъ въ отношеніи чувственной окраски: мы, напр., чтобы освѣжиться, моемся холодной водой, они—подогрѣтой, а въ рѣчкахъ не купаются; у нихъ хотя употребляются прохладительные фруктовые напитки,

но большинство людей придерживается обычая подогрѣвать все, что предназначено для питья, даже ханшину (водку). Противъ палящихъ лучей солнца въ большомъ ходу зонтики, что необходимо тѣмъ болѣе, что въ жару принято ходить съ открытой головой. Обмахиваніе лица вѣеромъ доставляетъ всѣмъ — отъ чернорабочихъ до мандариновъ — чрезвычайное удовольствіе, и этотъ съ нашей точки зрѣнія предметъ роскоши — является въ Срединномъ царствѣ необходимой частью національнаго костюма. Зимой одѣвается народъ, конечно, теплѣе, чѣмъ лѣтомъ, однако въ морозъ не носитъ ни рукавицъ, ни перчатокъ, а въ знойную пору рабочій элементъ ходитъ голымъ по поясъ даже на Сѣверѣ.

Разные знахарскіе пріемы хирургическаго леченія, связанные съ причиненіемъ болей, напр. прижиганіе каленымъ желѣзомъ, чистка трахомотозно измѣненной соединительной оболочки глазъ скребкомъ, наружныхъ слуховыхъ проходовъ костяной палочкой — переносятся китайцами съ поразительнымъ спокойствіемъ и мужествомъ. Въ войну 1900 г., приходилось невольно удивляться, какія тяжелыя пораненія и сложныя поврежденія выносились ими безропотно и безнаказанно. Они свободно выдерживали операціи безъ наркоза. Отношеніе къ сквознякамъ и рѣзкимъ колебаніямъ температуры, которые обычны въ фанзахъ, — поразительно безразличное. Въ Хабаровскѣ, въ осеннюю пору, когда русскіе кутались въ теплую одежду и ходили съ перевязанными щеками и кислыми минами, — наши желтокожіе братья работали на улицахъ еще полуголые и босые, и тѣмъ не менѣе смотрѣли бодрыми и веселыми. Съ другой стороны, вѣроятно, ни одинъ народъ на землѣ не относится такъ благоразумно къ своему здоровью, какъ китайцы. Малѣйшему недомоганію они придаютъ значеніе, какъ сигналу о необходимости принять мѣры предосторожности въ смыслѣ устраненія явныхъ причинъ къ заболѣванію. Они не изнѣженные нытики Европы, въ болѣзни приходящіе въ отчаяніе и безпечные при хорошемъ здоровьи, — нѣтъ. Китайца очень трудно напоить водкой, затащить въ публичный домъ, заставить работать ночью — онъ съумѣетъ увильнуть отъ предложенія, логически доказать соблазнителю вредъ, могущій послѣдовать. При всемъ своемъ миролюбіи, китайцы упорно, бунтами протестуютъ противъ распространенія въ ихъ странѣ вмѣстѣ съ вторженіемъ европейцевъ опія и водки. Изъ-за свойственной имъ осторожности въ отношеніи къ дурной погодѣ немало страдали, напр., въ свое время наши работы по постройкѣ манчжурской желѣзной дороги, хотя тѣ же люди относились безразлично или скептически къ вреду отъ худой пищи, заразы и

грязи. Во время дождей рѣшительно никто на работу не приходилъ, хотя бы отъ этого всѣ терпѣли большіе убытки; но если погода стояла хорошая, то и праздникъ не задерживалъ ихъ муравьинаго трудолюбія.

III.

Трусость является одною изъ характерныхъ чертъ психологіи китайскаго народа, который въ войнахъ съ тюрками, монголами, манчжурами, японцами и, наконецъ, европейцами—всегда терпѣлъ пораженія и милліонныя потери въ людяхъ. Изъ недавнихъ событій стоитъ вспомнить, какъ бѣжали китайцы при первомъ слухѣ о войнѣ изъ Хабаровска, Владивостока, Портъ-Артура, Ньючуана, Гирина, Цицикара и т. д. Въ печальномъ дѣлѣ подъ Благовѣщенскомъ, они, побуждаемые стаднымъ началомъ, безъ малѣйшаго сопротивленія сотнями бросались въ Амуръ. Будь китайцы мало-мальски смѣлы и воинственны—знаменитое пекинское сидѣніе 1900 г. горсти людей среди полумилліона желтокожихъ развѣ кончилось бы тѣмъ, что было? Какъ извѣстно, незначительные по численности отряды европейскихъ войскъ входили въ многолюдные города при поразительно слабомъ сопротивленіи со стороны населенія. Даже войска, при встрѣчѣ съ непріятелемъ, удирали въ огромномъ большинствѣ случаевъ уже при первыхъ выстрѣлахъ, причемъ многіе солдаты сбрасывали съ себя въ поспѣшномъ бѣгствѣ все оружіе, шапку, куртку, подчасъ теряли штаны. Если артиллеристы не могли бѣжать, то только потому, что были прикованы цѣпями къ пушкамъ. При стрѣльбѣ изъ длинныхъ, тяжелыхъ ружей, двое становилось на колѣни, держа стволъ на плечахъ, а третій спускалъ курокъ; послѣ выстрѣла всѣ трое падали навзничь и оставались лежать, пока, переглядываясь, не убѣждались, что всѣ живы и надо вставать. Очень многіе солдаты стрѣляли изъ винтовокъ не впередъ, а черезъ собственное плечо назадъ, не глядя на врага и не соображая, что заряды летятъ въ небо. Потребность работать и привязанность къ домашнему очагу такъ велики, что люди, разбѣжавшіеся въ паникѣ, обыкновенно очень скоро, какъ ни въ чемъ не бывало, возвращались на свои пепелища. Интересно, что у китайцевъ нѣтъ пѣсенъ, прославляющихъ военные подвиги, которыми полна вся исторія европейцевъ. Военачальники—въ маломъ почетѣ, слабо олицетворяютъ собою силу и власть и не пользуются нравственнымъ вліяніемъ на толпу. Заслуживаетъ

также упоминанія, что у дѣтей не наблюдается игръ въ солдатики или лошадки.

Если въ полѣ, во время сельскихъ работъ, шутки ради громко гикнуть или свистнуть, то случается поднять изъ высокой травы сразу съ десятокъ китайцевъ, разбѣгающихся словно воробьи во всѣ стороны. Путешественники не разъ даже въ центрѣ Китая палками разгоняли тысячную толпу. Въ густо и исключительно китайцами населенной части Гонконга я какъ-то заблудился и, не видя возможности объясниться съ собравшейся вокругъ меня услужливой и любопытной толпой, куда надо ѣхать дженерикшѣ, въ досадѣ махнулъ рукой, съ цѣлью показать приблизительно направленіе, которое опредѣлялъ по стоянію солнца. И что же? Хотя я былъ въ партикулярномъ платьѣ и безъ оружія, толпа, болѣе сотни человѣкъ, думая, что я намѣренъ бить ее, такъ и шарахнулась въ сторону. Не безъ труда удалось успокоительными жестами снова приблизить ее къ себѣ.

IV.

Что боги въ народныхъ представленіяхъ являются не вселюбящими и всепрощающими, но очень страшными своей властью и трудно умолимыми въ гнѣвѣ,—легко убѣдиться, обойдя десятокъ буддійскихъ и даосскихъ кумиренъ. На грандіозныхъ фигурахъ боговъ, разставленныхъ у стѣнъ, имѣются, какъ вооруженіе, сѣкира, мечъ, колчанъ, кнутъ, словомъ—все, что должно символизировать власть и внушать страхъ. Боги земли, неба, лѣса, рѣки, войны и разные другіе,—а ихъ въ китайскомъ пантеонѣ безконечное множество, не имѣютъ вида какихъ-либо дѣйствительно существовавшихъ людей,—но представляютъ тѣлесное изображеніе иллюзорно искаженныхъ образовъ въ родѣ нашихъ домовыхъ, водяныхъ, лѣшихъ и тому подобныхъ созданій ада, и при этомъ такой пестрой окраски и оригинальной формы, что у зрителя-европейца рябитъ въ глазахъ и обнаруживается недоумѣніе на лицѣ. Мамки и няньки запугиваютъ этими страшными существами непослушныхъ дѣтей, и сознаніе человѣка съ раннихъ лѣтъ заполняется фантастическими чудовищными образами.

При обычномъ теченіи жизни, взрослые китайцы относятся къ своимъ идоламъ, собраннымъ въ кумирняхъ, съ поразительнымъ спокойствіемъ, пожалуй даже равнодушіемъ. Они рѣдко посѣщаютъ кумирни, курятъ въ нихъ табакъ, громко болтаютъ; случается, что, валясь на полу, предаются своей неудержимой

страсти—игрѣ въ карты. Однако идолы сразу оживаютъ въ коллективномъ сознанiи толпы въ дни праздниковъ, когда кумирни ярко освѣщаются многочисленными фонарями и курительными палочками, наполняются благоуханiемъ и чадомъ отъ сжигаемыхъ ароматическихъ веществъ и жертвенной бумаги, оглашаются звуками гонговъ и длинныхъ мѣдныхъ трубъ, напоминающихъ наши пастушьи свирѣли, но съ широкимъ раструбомъ на концѣ. Черезъ сильное одновременное возбужденiе зрѣнiя, обонянiя и слуха, при порчѣ вдыхаемаго воздуха, у собравшейся толпы народа порождается эмоцiя страха, развивается полетъ фантазiи, съ силою пробуждается вѣра въ могущество боговъ. Эти моменты языческаго богослуженiя производятъ сильное впечатлѣнiе на всѣхъ. Даже дѣти, принимающiя участiе въ церемонiяхъ, бываютъ потрясены видѣннымъ до глубины души и уносятъ воспоминанiя, оставляющiя прочный слѣдъ въ сознанiи. Съ ручными деревянными, костяными или металлическими идолами, которыми семьи обзаводятся для покровительства ремесла или иного дѣла и для памяти всѣмъ, особенно женщинамъ и дѣтямъ, въ обычное время люди обходятся тоже довольно пренебрежительно, но при разныхъ житейскихъ невзгодахъ и несчастьяхъ сейчасъ же обращаются къ нимъ за помощью.

Въ Китаѣ смотрятъ на жизнь разсудочно-просто и къ предстоящей смерти относятся удивительно спокойно, что отчасти объясняется вѣрою народа въ переселенiе души и въ загробное бытiе въ безтѣлесномъ состоянiи. Часто всѣми любимый и близкiй къ смерти человѣкъ еще не умеръ и, можетъ быть, не умретъ, а его уже моютъ и одѣваютъ въ покойницкiй парядъ. Преклонный возрастъ не страшитъ людей. Гости не спрашиваютъ хозяина: „Какъ ваше здоровье?“, а обращаются съ вопросомъ: „Сколько вамъ лѣтъ?“. Приличiе требуетъ не убавлять годы, какъ у насъ, а скорѣе немного накинуть. Чѣмъ меньше осталось жизни, тѣмъ больше почета и правъ. Старикъ, оставляя многочисленное потомство, знаетъ, что цѣль жизни достигнута,— у него есть семья, которая не разбредется по всѣмъ концамъ свѣта, а будетъ изъ поколѣнiя въ поколѣнiе у оставляемаго имъ очага оберегать традицiи предковъ, имя же его занесется на родовую табличку и будетъ предметомъ поклоненiя. Чего же безпокоиться? Мало того,—старикъ доволенъ, когда ему сынъ даритъ прекрасный гробъ, который и бережется въ кумирнѣ годами. Многимъ китайцамъ даже смертная казнь страшна лишь постольку, поскольку голова, выставленная въ клѣткѣ, можетъ затеряться и останки вообще не будутъ тогда предметомъ покло-

ненія дѣтей и внуковъ. По господствующему убѣжденію, душа только при цѣлости трупа дѣлится нормально на три части; изъ нихъ одна идетъ съ тѣломъ въ могилу, другая переселяется въ родовую табличку, свято хранимую въ каждомъ домѣ, третья улетаетъ на небо. Если же голова отсѣчена и потеряна, то душа не успокоится, будетъ рыскать по ночамъ въ поискахъ ея, будетъ являться живымъ родственникамъ. По этой же причинѣ китайцы не могутъ допустить, чтобы европейскіе хирурги удаляли имъ части тѣла; неуспокоившихся духовъ и безъ того достаточно. Придворные евнухи всю жизнь хранятъ въ консервированномъ видѣ то, что у нихъ было удалено, дабы взять это съ собою въ могилу. Когда палачъ, роль котораго выполняетъ одинъ изъ подлежащихъ въ свою очередь смертной казни, поставивъ на колѣни въ рядъ лицъ, присужденныхъ къ отсѣченію головы, приступаетъ къ дѣлу, онъ даже инстинктивнаго протеста со стороны обвиненныхъ почти не встрѣчаетъ. Мало того,—пока одному снимаютъ голову, другой нерѣдко подмигиваетъ сосѣду: „твоя, молъ, очередь, готовься", и показываетъ жестомъ, какъ отрубятъ голову и какъ она покатится по землѣ.

V.

О необычайномъ распространеніи самоубійства въ Китаѣ извѣстно всѣмъ. Страхъ смерти подавляется привычнымъ, чтобы не сказать унаслѣдованнымъ, послушаніемъ младшихъ старшимъ: сынъ неизбѣжно покоряется и накладываетъ на себя руки или идетъ добровольно на плаху, если того требуетъ осерчавшій отецъ. Для мелкаго чиновника достаточно подчасъ одного совѣта высшаго начальника оставить земное существованіе, чтобы тотъ принялъ опій, мышьякъ или инымъ путемъ лишилъ себя жизни. Здѣсь играетъ, конечно, роль и подражаніе при сознаніи разумности и нравственности поступка въ извѣстныхъ обстоятельствахъ жизни. Вѣдь ставится же за самоубійство, вызванное подвигомъ добродѣтели, почетная арка. Когда жена, вслѣдъ за смертью мужа, рѣшается кончить жизнь самоубійствомъ,—а это бываетъ не очень рѣдко,—то наканунѣ печальнаго событія женщину навѣщаютъ ея родственницы, прощаются и напутствуютъ ее. Она съ достоинствомъ и видимымъ спокойствіемъ отвѣчаетъ на привѣты и добрыя пожеланія, ссылаясь на обязанность хорошей жены слѣдовать за мужемъ. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ пережиткомъ сѣдой старины, когда при смерти мужа въ могилу

шла обязательно и жена, не говоря о рабахъ и имуществѣ покойнаго. Нынѣ, впрочемъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, бросается въ могилу маленькій бумажный или соломенный манекенъ, какъ символъ жены, а также модели любимыхъ мужемъ вещей. Страхъ передъ судомъ тоже часто является причиной самоубійства. Вообще, для сыновъ Поднебесной Имперіи наклонность къ самоубійству такъ же характерна, какъ, напр., для туземцевъ Кавказа—часто какъ будто унаслѣдуемая наклонность къ убійству другого лица.

Драки чрезвычайно рѣдки, и разбитыхъ физіономій отъ столкновенія людей между собою почти не бываетъ. Около харчевенъ, чайныхъ лавокъ, публичныхъ домовъ обыкновенно все обстоитъ спокойно и прилично: туда можно войти безъ опасенія встрѣтить непристойныя рѣчи и дурное поведеніе. Самое большое, что случается, это то, что поссорившіеся отдерутъ другъ друга за косы, да и то если не наложитъ своего veto случайно подвернувшійся старикъ, имѣющій неограниченныя права надъ младшими возрастомъ. Большой праздникъ Новаго года или другой, въ честь Неба и Земли, и всѣ второстепенные, напр. фонарей, цвѣтовъ, домашняго очага и т. д., а также свадьбы—проходятъ тихо и благопристойно. Въ Хабаровскѣ, Благовѣщенскѣ, Никольскѣ-Уссурійскомъ и даже Владивостокѣ, гдѣ живетъ нѣсколько десятковъ тысячъ чернорабочихъ китайцевъ, невольно приходится поражаться ихъ приличнымъ поведеніемъ и въ будни, и въ праздники. Въ мѣстныхъ газетахъ, въ отдѣлѣ городскихъ происшествій, фигурируютъ они очень рѣдко, а полицейскіе участки переполнены не ими. Когда вы ѣдете въ колясочкѣ, въ Шанхаѣ, по самымъ люднымъ улицамъ, то на перекресткахъ, гдѣ собирается особенно много народа, полисмену монголу стоитъ только поднять палецъ и во всеуслышаніе провозгласить: „джентльменъ“! (ѣдетъ)—и толпа моментально разступается передъ дженерикшей, никто не осмѣливается даже поворчать, хотя бы про себя.

Отсутствіе оскорбительныхъ и угрожающихъ жестовъ и вообще грубости обусловливается не только удивительнымъ долготерпѣніемъ, но и въ значительной мѣрѣ поразительной трезвостью людей. Я искалъ среди китайцевъ пьяныхъ въ теченіе полугода—и не нашелъ ни одного [1]). Что вино и водка порождаютъ склонность къ аффектамъ, преступленію, а также вносятъ

---

[1]) Э. Эриксонъ, „Душевныя и нервныя болѣзни на Дальнемъ Востокѣ“ („Невр. Вѣстникъ“ 1901 г.).

дезорганизацію въ семью—китайцамъ отлично извѣстно, а потому народная нива давно очищена отъ алкоголиковъ—бамбукомъ. Этимъ отчасти можно объяснить, что уличные скандалы въ Китаѣ—явленіе чрезвычайно рѣдкое, въ противоположность тому, что наблюдается въ Европѣ. Пѣсенъ, подобныхъ „Weinlieder" нѣмцевъ, тоже нѣтъ. Въ поэзіи, которая лучше всего отражаетъ народную душу, воспѣваются миръ, тишина, незлобивость, почтительность сыновей, умѣренность, правильный трудъ, законная жена и семейное счастье. Содержаніе пѣсни должно быть съ китайской точки зрѣнія прежде всего тенденціозно-нравственно; къ тому же у нихъ пѣвецъ часто поетъ не отъ себя, а отъ имени отца, дѣда, отъ семьи или народа. Пѣсни игриво-неприличнаго содержанія можно услышать лишь въ большихъ городахъ, и то какъ исключеніе.

Европейскіе юристы, засѣдавшіе въ смѣшанныхъ судахъ въ Гонконгѣ, Шанхаѣ, Тяньцзинѣ и другихъ городахъ, и большинство синологовъ, изучавшихъ кодексы китайскихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ [1]), заявляютъ, что они составлены разумно и логично, положенія содержательны и ясны при наивозможной краткости. Дѣйствительно, нелѣпые законы не могли бы сохранить колоссальное по размѣрамъ и населенію государство въ теченіе многихъ тысячелѣтій, тогда какъ кругомъ разныя цивилизаціи появлялись и вновь исчезали съ лица земли. Отдѣльныя статьи законовъ кажутся намъ, правда, странными, подчасъ смѣшными, но, связанныя съ другими, онѣ являются тѣми нитями, которыми сшито государство и способно было существовать и рости. Китайскій судъ вообще жестокъ съ нашей точки зрѣнія, но онъ обусловливается не гнѣвливостью толпы, не жаждой мести; да и жестокость сильно преувеличивается европейцами, немало писавшими по своему невѣжеству, что китайцы толкутъ въ ступахъ плѣнныхъ, пилятъ ихъ деревянными пилами, поджариваютъ людей на огнѣ и многое другое въ этомъ родѣ. Единичные примѣры изувѣрствъ въ отношеніи европейцевъ,—напр., изрѣзаніе на куски пойманныхъ враговъ,—при 427 милл. населенія, ничего не доказываютъ, какъ и немногіе случаи отрѣзанія носовъ и ушей, тѣмъ болѣе, что эта казнь и эти наказанія примѣняются китайцами по ихъ законамъ къ нѣкоторымъ ихъ собственнымъ преступникамъ. Знаменитый синологъ В. Васильевъ [2]) говоритъ: „Нигдѣ нѣтъ такой гуманности,

---

[1]) Они изложены въ пятидесяти томахъ!

[2]) В. П. Васильевъ. „Очеркъ исторіи китайской литературы", С.-Пб. 1880 стр. 74.

какъ въ Китаѣ; нигдѣ, въ самыхъ демократическихъ странахъ, не возвышается такъ рѣзко и безнаказанно голосъ правды; нигдѣ низшіе не пользуются такой свободой участвовать въ разговорахъ и дѣлахъ высшаго". Заявленіе это, по моему, безусловно справедливо.

VI.

Китайскій судъ приводитъ обыкновенно преступниковъ къ короткому чувствительному тѣлесному наказанію, къ выставленію съ колодкой на шеѣ на перекресткѣ улицъ или на мосту—въ назиданіе другимъ и на прокормленіе милостью, и, наконецъ, къ административной высылкѣ. Преступникъ, имѣющій престарѣлыхъ и больныхъ родителей, однако, прощается, какъ ихъ кормилецъ; если мужъ убьетъ жену, то сынъ не долженъ доносить; близкимъ родственникамъ, живущимъ не въ раздѣлѣ, разрѣшается скрывать преступленіе другъ друга, очевидно, чтобы не нарушать добрыхъ отношеній въ семьѣ, а мужьямъ и сыновьямъ дозволяется замѣнять собой женщинъ при несеніи наказанія. Въ Китаѣ имѣются тысячи бѣдняковъ, которые даютъ себя бить бамбукомъ или сажать въ тюрьму за деньги, вмѣсто настоящихъ преступниковъ, чтобы только прокормить семью. Чиновники и грамотные освобождены отъ тѣлеснаго наказанія. Изъ двухъ преступниковъ наказывается строже тотъ, кто первый далъ мысль совершить преступленіе. Мелкое воровство допускается, и нищіе, какъ шакалы, набрасываются на все, что съѣдобно, малоцѣнно и удобно для перехвата. Говорятъ, подкупъ судей считается въ Китаѣ не особенно предосудительнымъ, но уже необходимость денежной сдѣлки и унизительной мольбы о пощадѣ есть наказаніе для виновнаго и спасеніе семьи отъ надзора. Впрочемъ, законъ запрещаетъ тайный подкупъ, а допускаетъ открытый денежный откупъ за точно опредѣленныя мелкія преступленія, что часто смѣшивается авторами, писавшими о Поднебесной Имперіи, и что не совсѣмъ одно и то же.

Если даже согласиться съ миссіонерами, не въ мѣру строгими критиками невѣжества народа, что ежегодно, при обычномъ теченіи жизни, отъ смертной казни погибаетъ отъ 700 до 1.000 человѣкъ, то это вовсе уже не такъ много при 427 милліонахъ населенія. Въ послѣднее десятилѣтіе число отрубаемыхъ головъ страшно увеличилось, благодаря европейцамъ, то-и-дѣло требующимъ „высшаго наказанія" за всевозможные проступки. Китайскія власти, изъ трусости, примѣняютъ на каждомъ шагу

тѣ статьи законовъ, которыя созданы были, какъ крайняя мѣра, болѣе для устрашенія, чѣмъ для примѣненія. Главное наказаніе остается—удары по мягкимъ частямъ тѣла бамбукомъ, однимъ изъ двухъ точно опредѣленныхъ по размѣру и вѣсу нумеровъ; число ударовъ насчитывается отъ десяти до ста, смотря по проступку. Не слѣдуетъ забывать, что удары бамбукомъ гораздо менѣе болѣзненны, чѣмъ нашими розгами. Административная высылка есть, напротивъ, очень тяжелое наказаніе для китайца, которому чуждо бродяжничанье; высшее его счастье—семейный очагъ и близость праха предковъ. Отъ преступленій должны удерживать, по мнѣнію китайскихъ правовѣдовъ, стыдъ или страхъ,—соотвѣтственно чему опредѣлено и наказаніе. Обстоятельства, ослабляющія вину, принимаются судомъ во вниманіе, и снисхожденіе допускается очень часто.

Пытки существуютъ болѣе какъ устрашающій факторъ. Онѣ примѣняются далеко рѣже, чѣмъ о нихъ пишутъ; къ тому же онѣ не такія звѣрскія, какія были еще такъ недавно въ Европѣ, и по сіе время существуютъ въ Турціи и Персіи. Такъ какъ экзекуція производится публично въ судѣ и на улицѣ, то картина, естественно, производитъ тяжелое впечатлѣніе на европейца. На самомъ дѣлѣ допущены закономъ только пытки въ видѣ тисковъ для пальцевъ рукъ и стопъ, а смертная казнь совершается лишь однажды въ годъ, всякій разъ съ вѣдома богдыхана. При самосудѣ ограничиваются пощечинами, ударами бамбука, держаніемъ голыми колѣнами на цѣпи, рѣдко выщипываніемъ волосъ и тому подобными способами причиненія боли. Жертвами истязаній дѣлаются, къ несчастью, чаще психопаты, сбивающіе съ толку общество и судью, ничего не понимающихъ въ психопатологіи. Обыкновенно преступники, разъ они уличены, сознаются сейчасъ же сами, и нѣтъ надобности прибѣгать къ насилію.

Нѣкоторыя преступленія въ Китаѣ чрезвычайно рѣдки, напр. грабежи, убійства въ запальчивости, растраты вслѣдствіе расточительности, оскорбленіе младшими старшихъ. Тяжбы о наслѣдствѣ почти не возникаютъ. Преступность китайцевъ противъ личности и собственности очень мала, если сопоставить съ общей цифрой населенія и сравнить съ таковой же преступностью европейцевъ. Знатоки утверждаютъ, что чувство законности врожденно въ каждомъ китайцѣ. Въ Китаѣ нѣтъ такого огромнаго количества тюремъ, какъ въ государствахъ Европы, и содержаніе преступниковъ, уже по причинѣ кратковременности заключенія, не поглощаетъ въ такой степени заработокъ честныхъ тружениковъ. Съ основными законами страны, правилами мо-

рали и церемоній знакомъ весь народъ, и губернаторы, тѣмъ болѣе уѣздные начальники, не занимаются сочиненіемъ законовъ, въ виду существующаго на этотъ счетъ запрета, и океану китайскаго народа не приходится то-и-дѣло приспособляться къ мнѣніямъ отдѣльныхъ высокопоставленныхъ лицъ и прилаживаться къ передѣлкамъ исторически сложившихся бытовыхъ устоевъ и заполнять тюрьмы людьми неспособными, въ силу своей психической организаціи, измѣнить ее. Бѣгство отъ суда—явленіе очень рѣдкое, и въ полиціи почти нѣтъ надобности, очевидно, потому, что въ случаѣ, когда преступникъ скрылся,—берутъ, держатъ въ тюрьмѣ и могутъ даже наказать отца или самаго близкаго старшаго родственника, чего, при почти врожденномъ сыновнемъ почтеніи и благоговѣніи передъ родными, не допуститъ самый деморализованный преступникъ. Съ другой стороны, оставить, забыть домъ, семью, гдѣ выросъ китаецъ,—это не вяжется со всѣмъ его психическимъ складомъ. Нерѣдко—сынъ идетъ въ судъ просить за отца наказать бамбукомъ его, и судъ исполняетъ просьбу. Судиться вообще считается страшнымъ позоромъ, и законъ ставитъ дѣло такъ, чтобы мелкія преступленія разбирались и виновные карались старшимъ мужчиной въ семьѣ.

VII.

Едва ли существуетъ еще другой народъ на землѣ, у котораго на лицѣ было бы написано столько незлобивости, веселаго добродушія, спокойствія и, пожалуй, счастья, какъ у китайцевъ. Особенно симпатичны своею склонностью къ юмору ихъ дѣти. Однако, въ Китаѣ шумныхъ игръ не встрѣтишь ни въ проулкахъ, ни на дворахъ. У бѣдныхъ дѣти съ четырехлѣтняго возраста уже живутъ общими со взрослыми интересами, принимаютъ участіе и въ домашнихъ дѣлахъ съ повседневными заботами, и въ народныхъ празднествахъ съ веселыми иллюминаціями, ракетами, музыкой, несеніемъ дракона, пусканіемъ бумажныхъ змѣевъ и пр. Въ противоположность нашимъ дѣтямъ, они не любятъ бѣгать и лазать,—душевное свойство, какъ будто передаваемое по наслѣдству. И въ дѣтскихъ не слышно громкаго смѣха и крика, какъ и отчаянныхъ капризовъ, до топанія о полъ ногами включительно, что такъ обычно у насъ, когда и няньки, и мамки, и родители унимаютъ разбушевавшихся ребятъ. Меня поразило въ китайскихъ городахъ отсутствіе плачущихъ или дерущихся на улицѣ дѣтей, именно той картины, которая сразу предстала

передъ глазами по возвращеніи въ Европу. Та тишина, съ которой сидятъ и учатся китайчата въ школѣ, какъ въ присутствіи, такъ равно и въ отсутствіе учителя, невольно обращаетъ на себя вниманіе; дѣти поражаютъ послушаніемъ, трудолюбіемъ, неутомимостью, смышлёностью не по лѣтамъ, хотя школа, судя по предметамъ и способамъ преподаванія, должна бы, на нашъ взглядъ, заглушить даже зачатки пытливости и самобытности мышленія. По словамъ И. Коростовца, причиной хорошаго поведенія является не страхъ передъ наказаніемъ, а почти религіозное благоговѣніе передъ наставникомъ.

У китайцевъ свои печали, свои радости, намъ часто чуждыя и непонятныя. Въ общемъ, они, повидимому, болѣе склонны къ радости и смѣху, чѣмъ къ горю и слезамъ. Иногда они производятъ впечатлѣніе, положительно, какихъ-то чудаковъ. Гдѣ мы едва улыбаемся, они уже смѣются; гдѣ мы смѣемся—они хохочутъ; гдѣ мы хохочемъ — они надрываются отъ неудержимаго смѣха. Однако, если требуетъ приличіе, они отлично умѣютъ сдерживать эмоцію, напр. въ присутствіи старшихъ, когда считается неприличнымъ не только смѣяться, но даже чихать, сморкаться, плевать, кашлять и т. д. Женщины при встрѣчахъ не проявляютъ радости и восторга поцѣлуями; даже мать рѣдко цѣлуетъ своего ребенка, хотя относится къ нему съ искренней любовью. Знакомые просто обнюхиваютъ другъ друга или отвѣшиваютъ взаимные поклоны. Два пріятеля, встрѣтившись послѣ долгой разлуки, выражаютъ свою радость сжиманіемъ собственныхъ рукъ надъ грудью или потрясаніемъ кулаковъ передъ лицомъ знакомаго—жестомъ, который болѣе соотвѣтствовалъ бы гнѣву, желанію поколотить. Китайскія церемоніи вошли въ поговорку и установлены закономъ до крайнихъ мелочей [1]. Поклоновъ, напр., насчитывается до восьми видовъ, и каждому—свое мѣсто: въ однихъ случаяхъ только киваютъ головой съ соотвѣтствующими жестами рукъ; въ другихъ—кланяются въ поясъ; въ третьихъ—падаютъ на колѣни опредѣленное число разъ, напр. три или девять, и т. д. Когда главнокомандующій нашей арміей пріѣхалъ въ Манчжурію, китайскія войска присѣдали на корточки, выражая этимъ верхъ почтенія и удовольствія отъ встрѣчи.

Забавы китайцевъ—всегда мирнаго характера: пусканіе бумажныхъ змѣевъ, доставляющее величайшее удовольствіе не только дѣтямъ, но и взрослымъ, устройство боевъ сверчковъ, разные фокусы, пантомимы, обѣды. За нелюбовь къ шумному

[1]) Говорятъ, они изложены въ 200 томахъ!

веселью сыновъ Поднебесной Имперіи говоритъ почти полное отсутствіе у нихъ общественныхъ игръ и баловъ въ нашемъ смыслѣ, а также малая популярность театра. По словамъ о. Іакинфа [1], артистамъ дозволялось изображать: духовъ, мужчинъ, цѣломудренныхъ женщинъ, послушныхъ сыновей и покорныхъ внуковъ, какъ примѣры, поощряющіе благонравіе. Все неприличное, подрывающее нравственность, запрещено. Лицамъ, находящимся на государственной службѣ, не дозволено посѣщать театры, представленія акробатовъ, всякія гульбища, чтобы не давать народу дурныхъ примѣровъ праздности.

Въ портовыхъ городахъ, гдѣ даются европейскіе спектакли, эти послѣдніе желтокожими не посѣщаются, такъ какъ содержаніе и исполненіе нашихъ произведеній имъ совершенно чужды и неинтересны. Постановка пьесъ китайцевъ—самая примитивная: сцена безъ занавѣса, съ убогими и неподходящими декораціями, такъ что приходится объявлять публикѣ, гдѣ происходитъ дѣло; женскія роли исполняются мужчинами, правда, очень искусно; зрители громко разговариваютъ во время спектакля; дѣйствія затягиваются подчасъ на нѣсколько дней. Содержаніе пьесъ прекрасно отражаетъ своеобразное народное міровоззрѣніе и семейный бытъ. Въ Европѣ выраженіе высшаго удовольствія въ театрахъ испоконъ вѣковъ сопровождается бурными аплодисментами, уничтожить которые не могла даже сдѣланная нѣкогда попытка ввести въ законы, въ наказаніе за такое нарушеніе тишины въ общественномъ мѣстѣ, смертную казнь. Китаецъ, напротивъ, никогда не аплодируетъ въ Китаѣ, а лишь выкрикиваетъ изрѣдка, какъ бы для поощренія, свое лающее: „хао, хао“, что значитъ: „хорошо“.

Поютъ китайцы и за работой, и при богослуженіи, и въ процессіяхъ. Во время войны 1900 г., меня поражало, что въ такой серьезный моментъ соціальной жизни одни китайцы, на манчжурскомъ берегу, сражались съ русскими войсками, другіе— на нашемъ—какъ ни въ чемъ не бывало, за работой пѣли себѣ подъ носъ пѣсенки.

Горе, несчастье китаецъ переноситъ съ величайшимъ мужествомъ, и забываетъ ихъ поразительно скоро. До крайности нетребовательный въ жизни, онъ способенъ мириться со всякими случайностями, невзгодами, и не приходитъ въ отчаяніе даже въ совершенно, повидимому, безвыходномъ положеніи. Тоска по

---

[1] Монахъ Іакинфъ. „Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи“. Спб. 1848. Ч. I, стр. 120.

родинѣ есть самая сильная и продолжительная эмоція, которую онъ только можетъ испытывать; поэтому всякое путешествіе за предѣлы имперіи ему противно. Интересно, что обрядъ оплакиванія совершается не только женщинами, какъ вездѣ у отсталыхъ въ цивилизаціи народовъ, но и мужчинами. Всѣ приходящіе должны, согласно обычаю, проливать слезы, падая ницъ у гроба, справа или слѣва, смотря по возрасту, родству, общественному положенію и пр.; женщины и дѣвушки плачутъ за занавѣской. Еще болѣе странно—и на европейца дѣйствуетъ даже непріятно—поведеніе отца, у котораго только-что умеръ сынъ; когда родственники и знакомые начинаютъ собираться въ домъ, чтобы выразить сочувствіе родителямъ въ тяжелой утратѣ, они застаютъ хозяина дома не плачущимъ, а смѣющимся! Онъ встрѣчаетъ гостей на крыльцѣ съ веселой улыбкой на устахъ и приблизительно такими рѣчами: „Ха, ха, ха, слышали? Сынъ-то мой умеръ, кто могъ думать, вотъ забавно-то, ха, ха, ха"!.. Обряду траура въ Китаѣ придается государственная важность, и чиновникъ, потерявшій родителей, долженъ на продолжительный срокъ оставить службу. Законъ даетъ самыя точныя указанія, по комъ, сколько времени и какъ совершать обрядъ траура, и опредѣляетъ размѣры наказанія за несоблюденіе его. Отмѣчу еще, какъ оригинальное явленіе, что свадебные наряды въ Китаѣ заказываются у гробовщиковъ, такъ какъ магазины для радостнаго и печальнаго событія—общіе.

VIII.

Китайцы—народъ физически крѣпкій. Ихъ кули и дженерикши развиваютъ большую силу. Впрочемъ, на нашемъ Дальнемъ Востокѣ пришлось убѣдиться, что ихъ чернорабочіе слабѣе русскихъ и работаютъ медленнѣе, но терпѣливѣе и настойчивѣе. Физическій трудъ совершается китайцами въ высокой степени механически, по усвоеннымъ изъ поколѣнія въ поколѣніе крайне однообразнымъ привычкамъ. Тамъ, гдѣ требуется работать и не разсуждать, имъ нѣтъ конкуррентовъ. Они способны развить дѣятельность необычайно большую и выполнить очень крупныя предпріятія безпрекословно и съ автоматической точностью. Постройка знаменитой китайской стѣны на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ тысячъ верстъ свидѣтельствуетъ не только объ отсутствіи воинственности у народа, но еще болѣе о наличности замѣчательной трудоспособности. Китайцы по природѣ своей—люди

подвижные и болтливые. Движенія ихъ плавны, размашисты и ловки, но своеобразны: въ нихъ есть что-то бабье, что заставляетъ нашихъ крестьянъ подсмѣиваться надъ ними и отрицать въ нихъ достоинство мужчинъ. Въ Китаѣ во всѣхъ школахъ испоконъ вѣковъ преподаются мимика, пантомима, жестикуляція и церемоніи вообще, какъ предметы очень существенные и обязательные, почему естественно, что въ движеніяхъ даже простолюдиновъ проглядываетъ нѣкоторая театральность.

Рѣчь—плавная, мягкая, музыкальная, для нашего уха пріятная, хотя сочетаніе звуковъ своеобразное, различное, и часто слышатся свистящіе звуки. Говорятъ люди не словами, какъ у насъ, а звуками, которые, сами по себѣ отдѣльно взятые, какъ утверждаютъ знатоки, не имѣютъ опредѣленнаго внутренняго смысла. Письмо состоитъ не изъ слагаемыхъ буквъ, а изъ іероглифическихъ знаковъ, представляющихъ собою понятіе о вещи. Свои романы, повѣсти и стихи вслухъ китайцы, кажется, не читаютъ; письмо предназначено для воспріятія зрѣніемъ, а не слухомъ. Рѣчь имѣетъ ту особенность, что звукъ „р“ въ какомъ бы то ни было сочетаніи не встрѣчается. Чтобы артикулировать „р“, языкъ, какъ извѣстно, приподнимается къ верхнимъ рѣзцамъ и приводится въ движеніе, причемъ вдоль его образуется углубленіе, по которому гонится воздухъ. Вотъ этого-то они сдѣлать и не могутъ. Обстоятельство это важно, такъ какъ указываетъ, что самая иннервація языка у нихъ не вполнѣ тожественна съ наблюдаемой у народовъ индо-германской группы. Курьезно, что даже нѣтъ возможности изобразить звукъ „р“ соотвѣтствующими іероглифами. Слоги „по“ и „па“ китайской рѣчи почти не воспринимаются ухомъ европейца, но слышатся ясно желтокожими. Они вмѣсто „тридцать-три“ говорятъ „тилицати“, а передъ словами „артиллерія“ или „патруль“ совсѣмъ пассуютъ. Хотя всякому языку свойственно измѣняться въ теченіе вѣковъ, но китайскій за 2500 лѣтъ мало измѣнился, судя по тому, что древнія письмена свободно читаются нынѣ. Съ другой стороны, для того, чтобы исчезъ такой звукъ, какъ „р“, необходимы многія тысячелѣтія самобытнаго существованія народа или отсутствіе названнаго звука въ рѣчи и письмѣ съ самаго начала. Наиболѣе употребительные звуки и ихъ соединенія суть: „и, ли, у, уй, ю, нью, юнь, янь, чжи, узи, фу, ду, ча, ши, си, ай, хэ“ и т. д. Очень часто сочетаніе гласныхъ и согласныхъ такъ оригинально, что ихъ невозможно передать нашими буквами. Правильное произношеніе дается иностранцамъ весьма трудно, хотя бы они изучали языкъ очень долго. Линг-

висты считаютъ его самымъ труднымъ въ мірѣ. Какъ извѣстно, китайцы пишутъ справа налѣво и сверху внизъ, такъ что строки идутъ не горизонтально, какъ у насъ, а вертикально, а книгу читаютъ съ конца. Замѣчательно, что мужчины никогда не поютъ басомъ, женщины—контральто; пѣніе китайцевъ—фальцетное. И здѣсь имѣется, стало быть, нѣчто отличающееся отъ нашего, кроющееся въ особенности гортани или иннерваціи голосовыхъ связокъ.

IX.

Постановка земледѣлія, самаго древняго и почетнаго въ краѣ труда, доказываетъ удивительное терпѣніе, муравьиное трудолюбіе и отличное знаніе сельскаго хозяйства. Китайскія нивы считаются лучшими въ мірѣ. Способность людей къ ремесламъ и любовь къ этого рода труду изумительна: въ проулкахъ, гдѣ расположены мастерскія, работаетъ старъ и младъ съ такимъ рвеніемъ и напряженнымъ вниманіемъ, что нельзя не подивиться. Куда ни взглянешь—все и всюду свидѣтельствуетъ о необычайной борьбѣ за существованіе. При данныхъ условіяхъ только усиленно работающіе должны выжить; не успѣвающіе—вымрутъ. Имѣть мозоли на рукахъ въ обществѣ не считается постыднымъ, и власти, чтобы найти хунхуза, осматриваютъ у заподозрѣнныхъ субъектовъ прежде всего ладони. Многія знатныя лица отращиваютъ себѣ длинные ногти, чтобы всѣ знали, что имѣютъ дѣло съ честными гражданами, хотя и не занимающимися ручнымъ трудомъ.

Въ городахъ днемъ всѣ суетятся, бѣгутъ куда-то, тащатъ на рукахъ разныя легкія и тяжелыя вещи, но дѣлаютъ это какъ-то молча или изрѣдка перекидываясь словами. Ночью, когда все окутывается непроглядной тьмой и, по всеобщему убѣжденію, странствуютъ духи,—ни единаго человѣка, въ виду строгаго запрета выходить изъ дому, не встрѣтишь. Только удары въ гонги, для пробужденія сторожей, прерываютъ гробовую тишину. Послѣ проживанія въ китайскомъ городѣ шумъ отъ европейскаго кажется настоящимъ столпотвореніемъ вавилонскимъ. Конечно, дневная тишина, наблюдаемая даже въ большихъ городахъ, обусловливается въ значительной степени малымъ количествомъ громоздкихъ телѣгъ и экипажей, медленностью ихъ движеній, особымъ устройствомъ мостовыхъ, мягкостью обуви у людей и отсутствіемъ ея у рабочаго элемента, но главная причина кроется все-же въ природной нелюбви населенія къ шуму, какой-то

боязнью его. Мнѣ бросалось въ глаза, что возница не имѣетъ права орать надъ толпою пѣшеходовъ „эй!“, какъ у насъ, а долженъ спокойно и учтиво просить посторониться, хотя бы и спѣшилъ по дѣлу. Если ѣдетъ мандаринъ, то примѣняется попросту и палка, къ чему прибѣгаютъ, впрочемъ, очень рѣдко, такъ какъ къ представителю власти и закона китаецъ питаетъ и безъ того большое почтеніе. Съ проѣздомъ чиновника связано въ народѣ всегда представленіе о дѣлѣ.

Крупный купецъ и мелкій торгашъ равнымъ образомъ поражаютъ деликатностью въ обхожденіи съ покупателями, необычайной оборотливостью въ своихъ дѣлахъ, разсчетливостью и предпріимчивостью. Купцы имѣютъ большую склонность рисковать всѣмъ своимъ капиталомъ при нелюбви къ расточительности, и потому въ будущемъ явятся опасными конкуррентами для тѣхъ иностранцевъ, которые въ торговлѣ мало предпріимчивы. Мелкіе торговцы имѣютъ большую склонность къ обдѣлыванію всякихъ дѣлишекъ, занятію размѣномъ денегъ и даже ростовщичеству, чѣмъ китайцы напоминаютъ евреевъ. Однако къ распискамъ и письменнымъ договорамъ почти не приходится прибѣгать. Европейскіе коммерсанты и банкиры, имѣющіе съ китайской народной массой торговые обороты на десятки милліоновъ рублей, поражаются честностью купцовъ. Эта симпатичная черта народа удивляетъ невольно и европейцевъ-туристовъ, привыкшихъ у себя дома на родинѣ видѣть воровство во всѣхъ классахъ общества и на каждомъ шагу. Въ шумномъ и незнакомомъ портовомъ городѣ, положимъ, у пароходной пристани, можно послать любого, совершенно незнакомаго китайца купить что-нибудь въ лавкѣ и принести на пароходъ: онъ непремѣнно исполнитъ порученіе, хотя бы видѣлъ человѣка въ первый и послѣдній разъ въ обстановкѣ, гдѣ могъ бы легко исчезнуть съ деньгами безслѣдно. Исключенія, конечно, бываютъ, но рѣдко. До чего китайцы безкорыстны при всей ихъ бѣдности—видно изъ того, что они слишкомъ часто за большую услугу отказываются отъ вознагражденія, церемонно извиваясь и оправдываясь тѣмъ, что предлагаемая вами плата велика, что мелкую услугу можно оказать и даромъ, и разными софизмами. Назойливость нищихъ объясняется крайней бѣдностью многихъ людей, и она проявляется особенно въ отношеніи къ русскимъ, отличающимся щедростью при сравненіи, напр., съ англичанами. Въ портовыхъ городахъ только около русскихъ пароходовъ толпятся разные полуголые бѣдняки. Хунхузы—это продуктъ войнъ; въ мирное время они существуютъ болѣе въ абстрактномъ представленіи, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

X.

Всякое нарушеніе государственнаго строя въ Китаѣ крайне опасно въ виду необычайной численности населенія и приспособленности къ опредѣленно сложившемуся исторически семейному и общественному быту. Самыя страшныя революціи, которыя только происходили на землѣ, были въ Поднебесной Имперіи... Въ эти историческіе моменты появляется на сцену даже людоѣдство. Къ счастью, децентрализація денежныхъ средствъ, знаній, довольно равномѣрное распредѣленіе земельныхъ участковъ—дѣлали до сихъ поръ невозможнымъ участіе всего океана населенія въ народныхъ смутахъ, и возстанія пока были то же, что лѣсные пожары въ тайгѣ: погоритъ въ томъ или иномъ мѣстѣ и потухнетъ въ силу естественныхъ законовъ. Трудъ цѣнится очень низко, чѣмъ широко пользуются иностранцы. Китаецъ скорѣе умретъ съ голоду,—что и бываетъ въ иные годы въ возмутительныхъ размѣрахъ,—чѣмъ пойдетъ на убійство или грабежъ изъ-за денегъ. Случаи разбоевъ при нормальномъ теченіи государственной жизни въ отношеніи къ числу жителей—до крайности ничтожны. Но въ смутную пору, когда нарушается хозяйство и старикамъ грозитъ голодная смерть, мужская молодежь набрасывается на все съѣдобное, какъ шакалы на падаль.

Изъ мужчинъ, уже въ виду ихъ значительнаго численнаго преобладанія надъ женщинами, поневолѣ выдѣлилась издавна огромная масса людей въ чернорабочій элементъ, уходящій за предѣлы имперіи на заработки. Этимъ чернорабочимъ застѣннаго Китая не полагается, по обычаямъ страны, брать съ собою женъ, и потому, какъ правило, тысячи китайцевъ, живущихъ на нашей территоріи Дальняго Востока, въ Благовѣщенскѣ, Хабаровскѣ, Владивостокѣ и др. городахъ, и десятки и сотни тысячъ обитающихъ въ Японіи, на Малайскомъ архипелагѣ, въ Австраліи, Африкѣ, Америкѣ—все люди безсемейные. Замѣчательно, что они обнаруживаютъ равнодушіе къ женщинамъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ селятся, особенно европейской крови,—вѣроятно вслѣдствіе глубокаго расоваго отличія,—и къ всеобщему удивленію почти не посѣщаютъ инородческихъ публичныхъ домовъ. Прижитыхъ на сторонѣ отъ смѣшанныхъ браковъ дѣтей не полагается привозить на родину. Есть такіе фанатики, которые добровольно оскопляютъ себя только для того, чтобы, оставшись холостыми работниками, служить подспорьемъ многодѣтному отцу и дѣду.

Въ Китаѣ—вступить какъ можно скорѣе въ брачный союзъ и имѣть потомство до того привлекательно въ глазахъ молодежи, что обыкновенно никакія перспективы тяжелой борьбы за существованіе удержать отъ брака не могутъ. Родственники, въ свою очередь, не препятствуютъ его заключенію, тѣмъ болѣе, что бракъ, по обычаямъ страны, обязателенъ для всѣхъ мужчинъ возраста отъ 20-ти до 30-ти лѣтъ и не подлежитъ расторженію. Царемъ въ домѣ является отецъ. Онъ отвѣчаетъ за всѣхъ; его наказываютъ, если кто-нибудь въ чемъ-либо провинится; зато и почитаютъ его члены семьи какъ нигдѣ. Сыновья бѣдныхъ родителей, для того, чтобы спасти семью, особенно отца, отъ голода, нерѣдко замѣняютъ за деньги кого-нибудь изъ присужденныхъ къ смертной казни и сами обрекаютъ себя на самоубійство съ полнымъ сознаніемъ святости дѣла. Въ результатѣ ни въ одномъ государствѣ не встрѣтишь такого огромнаго количества физически и психически крѣпкихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, счастливо взирающихъ на свое разросшееся потомство и всей душой къ нему привязанныхъ. Боязнь стариковъ умереть на чужбинѣ, вдали отъ родныхъ, такъ велика, что они, уѣзжая куда-нибудь по дѣламъ торговли, везутъ съ собою, если позволяютъ средства, гробъ, предварительно сдѣлавъ распоряженіе о пересылкѣ трупа своего на родину. Умершаго на сторонѣ везутъ, если покойный былъ бѣднякомъ, на казенный счетъ. Какъ извѣстно, партія китайцевъ, работающихъ у насъ на чайныхъ плантаціяхъ около Батума, согласилась пріѣхать только на условіи, что въ случаѣ смерти кого-либо изъ нихъ тѣло будетъ отправлено на родину...

XI.

По разсужденіямъ китайцевъ, мощь и продолжительность существованія государства зависитъ не столько отъ качества и количества чиновниковъ и начальствующихъ лицъ, сколько отъ наилучшаго устройства семьи. При такихъ взглядахъ плодливость ихъ въ послѣдніе вѣка, несмотря на губительныя войны, пошла такъ быстро впередъ, что желтая раса стала угрожающимъ призракомъ для бѣлокожаго населенія всѣхъ частей свѣта. Изъ переполнившейся чаши—струи китайской крови потекли по всѣмъ направленіямъ въ образѣ колоніальныхъ чернорабочихъ Трансвааля, южной Австраліи, Бразиліи и т. д. Бѣда въ томъ, что эмиграція—почти исключительно мужская, а между тѣмъ отъ скрещиванія китайцевъ съ бѣлыми перевѣсъ беретъ желтая раса:

отъ брака русской дѣвушки съ сыномъ Поднебесной Имперіи получаются китайчата; то же самое—если русскій женится на китаянкѣ, какъ видно хотя бы по казакамъ-албазинцамъ. Словомъ, метисы и въ психическомъ, и антропологическомъ отношеніи пріобрѣтаютъ азіатскій типъ. Подобные примѣры окитаиванія смежныхъ народовъ можно найти въ Нижней Индіи и въ нашемъ Туркестанѣ. На манчжурахъ видно, какъ начинаетъ поглощаться китайскимъ сфинксомъ тунгузская раса; на аннамитахъ—какъ по тому же пути ассимиляціи идутъ племена малайской группы. Необходимо также имѣть въ виду, что чистота крови въ Центральномъ Китаѣ поддерживается закономъ, запрещающимъ его населенію смѣшанные браки,—напр., китайцу изъ нѣдръ Поднебесной Имперіи нельзя жениться на манчжуркѣ, монголкѣ, сартянкѣ, малайкѣ и т. д.; такое постановленіе какъ бы санкціонируетъ совершающееся въ природѣ явленіе окитаиванія сосѣдей черезъ посредство народныхъ массъ, лежащихъ по окраинамъ.

Женщина, разъ вступивъ въ бракъ, уже не можетъ покидать своего мѣста назначенія въ домѣ, по крайней мѣрѣ до 45 лѣтъ, когда становится менѣе ограниченной въ правахъ и дѣйствіяхъ—мужемъ, отцомъ или дѣдомъ. Во избѣжаніе прямыхъ цѣлей семейнаго союза—дѣторожденія, женщинамъ возбраняется гдѣ бы то ни было показываться на глаза постороннему мужчинѣ. Въ этомъ отношеніи онѣ такъ осторожны и боязливы, что когда, напр., европейцы въѣзжали неожиданно въ китайскіе города, женщины нерѣдко бросались лицомъ въ грязь, чтобы предстать въ такомъ обезображенномъ видѣ. Дома имъ приходится смотрѣть лишь на собственную обстановку и свою обширную семью, такъ какъ, согласно закону и обычаю страны, всѣ окна жилища обращены во внутренній дворъ. При искусственномъ искривленіи стопъ и послѣдовательной атрофіи мускулатуры нижнихъ конечностей, ноги превращаются въ подобіе палокъ, такъ что вѣтеръ и тотъ сбиваетъ подчасъ женщинъ на землю, словно карточный домикъ; при такихъ условіяхъ далеко изъ дому не уйдешь. Въ основѣ страннаго и нелѣпаго обычая самокалѣченія лежитъ отчасти слѣпое подражаніе привычкѣ, выгодной для роста государства въ смыслѣ количества людей.

На психическій складъ женщины затворническая жизнь кладетъ, конечно, особый отпечатокъ. Въ то время, какъ мужчины развиваются духовно и въ школахъ, и въ общеніи съ людьми въ торговлѣ и путешествіи, умственныя способности женщинъ принуждены оставаться на сравнительно низкой ступени разви-

тія, такъ какъ дѣвушка, едва выйдя изъ дѣтскаго возраста, должна по волѣ и указанію родителей вступить въ бракъ, затѣмъ отрожать 7—12 чел. дѣтей, всѣхъ выкормить, одѣвать, обучать труду, вѣжливости, сказкамъ, а если она крестьянка, ей приходится еще работать въ полѣ. При такихъ условіяхъ изъ нея выработалась лучшая мать въ свѣтѣ, замѣчательная хозяйка дома—и только. Она безропотна, спокойна, вѣжлива, но и безцвѣтна съ точки зрѣнія европейца, такъ какъ интересы ея ограничиваются семьей. Она довольна своимъ положеніемъ, хотя всегда сознаетъ, что можетъ быть послана и обратно къ родителямъ, если обнаружитъ сварливый характеръ, болтливость, завистливость, непочтительность къ роднымъ мужа и старшимъ, нерадѣніе къ хозяйству и тѣмъ болѣе развратное поведеніе; за послѣднее она можетъ быть предана даже смертной казни. Румяна, бѣлила, цвѣты въ прическахъ не могутъ скрасить духовную односторонность. Однако, хотя женщина сведена на степень плодящейся самки и ограничена въ своихъ правахъ до крайности, мужъ обыкновенно не злоупотребляетъ силой, не бьетъ жены, и она не ропщетъ на свое семейное и соціальное положеніе, привыкнувъ къ нему тысячелѣтіями. Въ Китаѣ есть и очень умныя женщины, но онѣ безплодны или малодѣтны и плохія матери, почему не удовлетворяютъ идеалу семейнаго счастья. Весьма странно, что онѣ чаще встрѣчаются въ публичныхъ домахъ, соотвѣтствующихъ, впрочемъ, нашимъ клубамъ, куда захаживаютъ, вопреки существующему закону, нерѣдко и семейные люди—послушать новости, поговорить на легкія темы; этихъ дамъ приглашаютъ также въ дома на званые обѣды, на которыхъ законнымъ женамъ бывать не полагается. Дамы ведутъ себя, однако, поразительно прилично. Какъ это ни странно, но Гессе Вартегъ [1]) совершенно справедливо утверждаетъ, что въ Китаѣ „женщина уважается и почитается не меньше, чѣмъ у народовъ, считающихся куда болѣе цивилизованными, и едва ли можно найти женъ нравственнѣе, цѣломудреннѣе, добродѣтельнѣе китаянокъ и въ поведеніи, и въ одеждѣ“. Правительство заботится о нравственности женщинъ и вноситъ въ правила статистики имена и фамиліи самыхъ добронравныхъ. Къ поощренію нравственности дѣвушкамъ и вдовамъ за цѣломудренное поведеніе ставятся тріумфальныя арки едва ли не въ одномъ только Китаѣ.

Чѣмъ многодѣтнѣе семья, тѣмъ больше славы отцу и лучше

---

[1]) Гессе Вартегъ. „Китай и китайцы“. Спб. 1900 г., стр. 113 и 116.

общественное положеніе матери. При отсутствіи дѣтей мужъ беретъ „добавочную жену“ съ ограниченными правами или покупаетъ за деньги мальчиковъ у бѣдняковъ въ голодный годъ. Продажа исходитъ изъ своеобразнаго понятія о нравственности. Такъ, въ купчихъ нерѣдко отецъ оговариваетъ, что только крайняя нужда заставляетъ его жертвовать однимъ членомъ семьи для блага остальныхъ. При существованіи купли и продажи дѣтей, воспитательная роль ложится на населеніе довольно равномѣрно, что уменьшаетъ нищету и раннюю смерть не въ мѣру многодѣтныхъ и обогащеніе лицъ, не обремененныхъ многочисленной семьей. Китаянки, не имѣющіе мальчиковъ, чтобы избѣгнуть позора, доставить мужу посмертное счастье почитанія души его и удовлетворить свой материнскій инстинктъ, нерѣдко крадутъ ихъ тамъ, гдѣ находятъ это удобнымъ и безопаснымъ. Дѣтей онѣ очень любятъ. У каждыхъ воротъ можно видѣть, какъ ласково относятся взрослые къ дѣтямъ, въ каждой лавкѣ—какъ любятъ старики своихъ внучатъ.

Дѣтоубійство распространено въ краѣ далеко не такъ сильно, какъ принято думать на основаніи слишкомъ частаго нахожденія трупиковъ на задворкахъ, огородахъ и семейныхъ кладбищахъ. Необходимо имѣть въ виду, что, помимо необычайной густоты населенія и огромной рождаемости, дѣти до семи лѣтъ, согласно исторически сложившемуся обычаю, не подлежатъ погребенію по правиламъ Конфуція или буддійской религіи, и въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что въ такомъ возрастѣ души еще нѣтъ, стало быть тѣла, послѣ смерти, по-просту выбрасывать на съѣденіе свиньямъ, собакамъ и воронамъ не грѣшно и не преступно. При эпидеміяхъ скопленіе дѣтскихъ трупиковъ на виду у всѣхъ тѣмъ болѣе естественно, что и взрослыхъ умершихъ иногда вмѣсто того, чтобы похоронить,—просто, отнеся въ поле, бросаютъ. Во Владивостокѣ русской администраціи немало приходится бороться съ этимъ зломъ. По китайскимъ законамъ, если покойникъ оставляется въ полѣ непохороненнымъ не собственными дѣтьми, а людьми чужими, то тутъ нѣтъ ничего преступнаго. Нерѣдко бываетъ, что мать проливаетъ горькія слезы надъ опасно заболѣвшимъ ребенкомъ, котораго она завтра своими же руками мертваго выброситъ въ помойную яму. Нѣтъ спору, что самые бѣдные люди излишнихъ дѣвочекъ иногда топятъ, вѣрнѣе—разрѣшаютъ это дѣлать услужливымъ повитухамъ сейчасъ же послѣ рожденія, какъ у насъ поступаютъ съ ненужными котятами и щенятами. И тутъ мотивъ довольно философскій: родители на семейномъ совѣтѣ рѣшаютъ, что имъ выкормить дитя и впослѣд-

ствіи выдать замужъ не хватитъ силъ и средствъ, а обставлять человѣку жизнь страдальчески уже на первыхъ же ступеняхъ— безнравственно. Пусть, думаютъ, гибнетъ ребенокъ, прежде чѣмъ пробудится въ немъ сознательная жизнь, появится душа. Законы страны ясно формулируютъ запретъ совершать дѣтоубійство, и если вопреки этому въ послѣднее десятилѣтіе оно стало сильно увеличиваться, то причиною служатъ необычайно сильный ростъ государства и усиленіе борьбы за существованіе. Нельзя также не отмѣтить факта, что печальное явленіе больше наблюдается на югѣ, куда мусульманство внесло жестокосердіе.

У китайцевъ въ поразительно молодыхъ годахъ развертывается самосознаніе, способность къ критикѣ и анализу окружающихъ явленій и къ активному участію въ борьбѣ за существованіе. Въ лавкахъ 7—10-лѣтніе мальчики, подъ руководствомъ отца или дѣда, тщательно выводятъ іероглифы и рисунки тушью на ящикахъ или посудѣ, ведутъ счетъ деньгамъ и прочее. Мальчикъ десяти лѣтъ уже можетъ жить совершенно самостоятельно, въ то время какъ у насъ человѣкъ въ двадцать-три года сплошь да рядомъ все еще, „какъ учащійся", въ глазахъ общества невмѣняемъ въ своихъ поступкахъ, а предоставленный самому себѣ— по неприспособленности, слишкомъ часто не въ состояніи идти безъ помочей и легко падаетъ „на дно" народнаго моря, превращаясь въ типъ „бывшихъ людей".

Взрослый сынъ Поднебесной Имперіи представляетъ собою индивидуумъ съ опредѣленно-сложившимся міровоззрѣніемъ, ясными представленіями объ основахъ нравственной жизни въ національномъ смыслѣ, уравновѣшеннымъ поведеніемъ, упорнымъ трудолюбіемъ, настойчивымъ характеромъ и всѣми другими качествами, которыя лично ему необходимы для вступленія въ самостоятельную жизнь и наиболѣе выгодны для сохраненія цѣлости общества. У мужчинъ внѣшнимъ признакомъ гражданской и политической правоспособности является, намъ смѣшно сказать, коса, которой дорожитъ каждый человѣкъ, какъ у насъ полкъ своимъ знаменемъ. Лишить китайца косы хуже по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ высѣчь горца Дагестана. Кто возвратится безъ нея въ общество, въ родное село, домъ—лишается всѣхъ правъ; на него нападаютъ соотечественники, какъ муравьи на своего же товарища, которому отрѣзали сяжки, какъ стая воронъ на свою же товарку, которую, какимъ-либо образомъ обезобразивъ, люди выпустили на свободу.

Въ музеѣ Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ Хабаровскѣ можно видѣть цѣлый

шкапъ статуэтокъ (бурхановъ), изображающихъ боговъ плодородія въ самыхъ омерзительныхъ видахъ. Европеецъ, возмущаясь до глубины души неприличной картиной, спѣшитъ сдѣлать выводъ о чрезвычайно низкой степени нравственности населенія Срединнаго царства. Однако эти идолы, изображающіе такъ реально боговъ, въ Китаѣ вовсе не служатъ для возбужденія эротическихъ мыслей и темой неприличныхъ рѣчей; ихъ назначеніе—просто и откровенно напоминать, что источникъ земного счастья лежитъ въ оставленіи потомства и въ воздаяніи молитвъ о дарованіи дѣтей. Во всякомъ случаѣ, въ музеѣ китайцы смотрятъ на этихъ идоловъ съ серьезной миной или проходятъ мимо равнодушно, въ то время какъ европеецъ хихикаетъ, радуясь своимъ непристойнымъ поясненіямъ.

При большомъ талантѣ къ художеству, наши желтокожіе, однако, иногда злоупотребляютъ привычкой общества къ откровеннымъ картинамъ и помѣщаютъ неприличныя изображенія на посудѣ, шкатулкахъ, шолковыхъ платкахъ и пр.,—впрочемъ, больше для проѣзжихъ черезъ портовые города европейцевъ, которые очень падки на эти вещи и выгодно платятъ. Понятіе о стыдѣ у нихъ и у насъ вообще не одно и то же. Выпить излишекъ водки или вина считается верхомъ безнравственности; за такой поступокъ назначается односельчанами наказаніе бамбукомъ; совершать же естественныя отправленія открыто и гдѣ кому угодно—не возбраняется. Въ южномъ Китаѣ всѣ взрослые, даже самой безупречной нравственности, ходятъ одѣтыми лишь на половину, а дѣти—и вовсе голыми. У бѣгущаго вмѣсто лошади впереди колясочки (дженерикши) часто спадаетъ поясокъ вокругъ таліи и промежности, такъ что сзади видно все, что видѣть сѣдоку не слѣдовало бы, но возница этимъ нисколько не смущается. Когда онъ встрѣчаетъ голую женщину, ему вовсе не приходятъ въ голову сейчасъ же дурныя мысли. Когда я въ Сайгонѣ сталъ разспрашивать пришедшихъ на палубу аннамитовъ и малайцевъ, какая между ними разница, одинъ услужливый китаецъ, желая показать, что онъ мусульманинъ и подвергся обрѣзанію, моментально обнажилъ свое тѣло, къ ужасу присутствующихъ пассажировъ — мужчинъ и дамъ, и былъ крайне удивленъ тому эффекту, который произвелъ на общество. Невольно вспомнилось мнѣ по контрасту, какъ, наоборотъ, мусульманинъ кавказскій, хотя бы больной, неохотно показываетъ свои запретныя части тѣла даже врачу: иной готовъ скорѣе умереть.

Извѣстно, что въ Китаѣ не считается позорнымъ дѣломъ, если дѣвушка идетъ на содержаніе или въ публичное заведеніе

съ разрѣшенія родителей. Нерѣдко матери даже продаютъ дочерей на короткое время; выручаемыя деньги идутъ не на увеселенія или наряды, а на самыя необходимыя потребности дома. Родители открыто предлагаютъ дѣвушкамъ выбирать бракъ или свободу. Середина, т.-е. тайная проституція, не допускается, а дорогу приходится выбирать разъ навсегда, такъ какъ она обставлена опредѣленными правами и обязанностями. На сто дѣвушекъ девяносто-девять предпочитаютъ бракъ и добровольно отказываются отъ свободы. Измѣна замужней карается очень строго и составляетъ величайшую рѣдкость; отъ мужа зависитъ, въ какой мѣрѣ дать женѣ свободу и какъ наказать виновную. Есть мужья, которые по бѣдности продаютъ своихъ женъ, особенно строптивыхъ или безплодныхъ,—правда, не какъ рабынь. Иной даетъ жену на прокатъ для оплодотворенія, что съ европейской точки зрѣнія очень странно, тѣмъ болѣе, что совершается этотъ поступокъ открыто; наконецъ, женатый можетъ обзавестись наложницей съ правами рабыни. Извѣстно, что въ Китаѣ неженатые мужчины и незаконныя жены не удостаиваются погребенія. Съ другой стороны, по законамъ страны, направленнымъ противъ проституціи, предающіеся половому разврату подвергаются тѣлесному наказанію. Наше понятіе о нравственности не всегда приложимо къ населенію Поднебесной Имперіи и съ критикой надо быть вообще очень осторожнымъ, такъ какъ государственный строй Китая чрезвычайно сложенъ и устои его намъ мало извѣстны.

Многіе судятъ о нравственности китайцевъ по обилію публичныхъ домовъ въ Шанхаѣ, Гонконгѣ, Тяньцзинѣ или Пекинѣ. Но дома эти содержатся гораздо болѣе для проѣзжихъ и осѣдлыхъ европейцевъ, которые посѣщаютъ ихъ очень охотно, какъ изъ простого любопытства, такъ и изъ потребности, какъ люди большею частью холостые и не принадлежащіе къ лучшимъ представителямъ своихъ народовъ. Даже содержательницы названныхъ заведеній слишкомъ часто европейки, скупающія желтокожихъ дѣвочекъ у бѣдняковъ. Въ портовыхъ городахъ, гдѣ европейскіе кварталы находятся рядомъ съ китайскими, нѣмцы, французы, англичане съ внѣшней стороны производятъ впечатлѣніе людей менѣе нравственныхъ при сравненіи съ коренными жителями края. Въ сельскомъ населеніи,—а таковымъ оно въ Китаѣ и является,—половой развратъ во всякомъ случаѣ отсутствуетъ.

Богдыханъ, отецъ всѣхъ подданныхъ, существуя, главнымъ образомъ, въ абстрактномъ представленіи подобія божества,

является верховнымъ сдерживающимъ началомъ. Правителями страны являются фактически вице-короли, около которыхъ группируются народныя массы, могущія при извѣстныхъ условіяхъ выдѣлиться въ самостоятельные общественные организмы. Чиновниковъ и вообще привилегированныхъ и дорого оплачиваемыхъ руководителей и контролеровъ общественной жизни сравнительно съ податной народной массой въ странѣ очень мало, что̀ стоитъ въ связи, между прочимъ, съ чрезвычайно слабымъ развитіемъ честолюбія и зависти у людей. Если должности и покупаются часто за деньги, то необходимо имѣть въ виду, что берутся на службу лишь выдержавшіе соотвѣтствующіе государственные экзамены.

Чиновники очень любятъ денежныя сдѣлки, что̀ часто приноситъ явный вредъ обществу. Способнымъ стоять во главѣ правительственнаго учрежденія считается всякій хорошій и зажиточный семьянинъ, лишь бы взгляды его и образъ жизни отвѣчали исторически сложившимся нравамъ и обычаямъ страны. По служебной лѣстницѣ менѣе достойные идутъ не вверхъ, а внизъ; однако быстрыхъ паденій, какъ и крупныхъ движеній въ смыслѣ житейской карьеры, мало. Невольно обращаетъ на себя вниманіе, что въ Китаѣ передъ закономъ всѣ равны, и высшіе чиновники, совершившіе преступленіе, также подлежатъ суду и наказанію, какъ и низшіе. Къ высшимъ чинамъ предъявляются даже слишкомъ большія требованія благонравія. Замѣчателенъ также обычай чиновниковъ оффиціально самимъ сознаваться въ своихъ ошибкахъ, что̀ не всегда объяснимо ханжествомъ. Много въ странѣ очень хорошихъ чиновниковъ и поразительно откровенныхъ. Военные вербуются изъ проданныхъ въ рабы преступниковъ и лицъ, присужденныхъ къ ссылкѣ, а также изъ монголовъ, манчжуровъ, манегровъ и другихъ окружающихъ Китай кольцомъ родственныхъ племенъ и разныхъ метисовъ. Торговля рабами не носитъ того постыднаго характера, какимъ она была еще такъ недавно въ Турціи. Рабы и рабыни являются членами семьи лишь съ слегка и часто временно ограниченными правами и положеніемъ своимъ, повидимому, довольны. Купившіе рабовъ обязаны, напримѣръ, въ теченіе извѣстнаго времени поженить ихъ на рабыняхъ, не препятствовать желанію откупиться, не обижать ихъ и т. д. Сословныя различія выражены въ Китаѣ, въ смыслѣ правъ, слабо. Аристократія малочисленна и въ общественной жизни не играетъ никакой роли.

XII.

Хотя книгопечатаніе было извѣстно китайцамъ гораздо раньше, чѣмъ европейцамъ, но ихъ науки—астрологія, географія, исторія, свѣтская и церковная философія, юриспруденція разрабатывались главнымъ образомъ въ устныхъ преданіяхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе; поэтому у народа упражнялась преимущественно память, которая и достигла предѣловъ возможнаго при данныхъ условіяхъ. Для изученія двухъ тысячъ іероглифическихъ знаковъ, необходимаго для элементарнаго образованія, восемь тысячъ для средняго и по крайней мѣрѣ двадцать-четыре тысячи для высшаго, требуется помимо удивительнаго терпѣнія и сильное напряженіе памяти. Не легко помнить также всѣ церемоніи, родословныя, преданія, знать которыя считается необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка. Способъ изученія книгъ, церемоній, генеалогическихъ таблицъ, китайскихъ классиковъ наизусть въ томъ порядкѣ, въ какомъ они написаны, требуя много времени и энергіи, не благопріятствуетъ развитію способности самостоятельнаго мышленія. Феноменальной памятью обладаютъ не только ученые, но также уличные пѣвцы и разсказчики.

Склонность въ Китаѣ къ пустому фантазированію необычайна. Легковѣріе поразительное. Большинство бунтовъ возникало на почвѣ дикихъ суевѣрій. Вѣра въ чудесное и сверхъестественное безгранична. Духовъ всѣ страшно боятся, въ нихъ заискиваютъ, имъ приносятъ жертвы. Домà строятъ окнами во дворъ для того, чтобы души самоубійцъ, непогребенныхъ, неоплаканныхъ, и пр., не вторгались; подземныхъ каналовъ не устраиваютъ, чтобы не дать духамъ дорогу для странствованія; на улицахъ ставятъ загородки, чтобы мѣшать ихъ пролету; вспыхнетъ эпидемія—виноваты опять они, и чтобы разогнать ихъ, бьютъ въ гонги и барабаны, стрѣляютъ изъ ружей, пускаютъ ракеты и производятъ всѣми возможными способами шумъ. Безчисленныя фантастическія преданія и замысловатыя по содержанію легенды, испоконъ вѣковъ укоренившись въ народѣ, поддерживаютъ вѣру его въ этихъ безтѣлесныхъ созданій, въ ихъ вліяніе на судьбу человѣка и въ единственную возможность уберечься отъ нихъ знаніемъ соотвѣтствующихъ заклинаній и талисмановъ. Всякаго рода суевѣрія, предразсудки сковываютъ мысль людей до послѣдней степени и въ то же время ложатся въ основу всей духовной жизни, всего міровоззрѣнія народа. Только боязнью передъ духами и не-

устанной борьбой съ ними народа объясняются многіе обряды, привычки, поступки, кажущіеся намъ подчасъ странными.

Изгнаніемъ злого духа изъ человѣка, иначе—леченіемъ душевно-больного, занимаются въ даосскихъ и буддійскихъ кумирняхъ жрецы, которые, производя пассы гипнотизера и призывая въ помощь бога медицины—Яована, приносятъ жертвы отъ имени молящихся. Помѣшанный сплошь да рядомъ поднимаетъ переполохъ въ цѣломъ селеніи, порождаетъ вражду среди мирно жившихъ сосѣдей, подчасъ даже междоусобную войну. Его, какъ одержимаго нечистымъ духомъ, везутъ въ кумирню; тамъ жрецъ, сдѣлавъ подобіе человѣка изъ бумаги, послѣ нѣсколькихъ таинственныхъ обрядовъ, заставляетъ бѣснующуюся душу перейти въ манекена, который сжигается передъ богомъ медицины. Въ результатѣ родственники больного, а подчасъ и все населеніе деревни успокаиваются. Жрецы поддерживаютъ въ народѣ суевѣрія, не умѣя иллюзію или галлюцинацію отличить отъ реальныхъ воспріятій, бредъ помѣшаннаго отъ нормальнаго мышленія человѣка, и поэтому отчасти невольно эксплоатируя невѣжественную толпу. Въ кумирняхъ, въ таинственной обстановкѣ, производятся и спиритическіе сеансы, дающіе толпѣ неизсякаемый матеріалъ для фантастическихъ разсказовъ и бредней всякаго рода, основанныхъ на ложномъ толкованіи искусственно вызванныхъ обмановъ чувствъ. Въ VII вѣкѣ богдыханъ Тайцзунь страдалъ галлюцинаціями, и съ тѣхъ поръ къ дверямъ каждаго дома принято наклеивать грозныя изображенія боговъ-покровителей воротъ. Естественно, что въ такой странѣ дикихъ суевѣрій колдуны и гадальщики находятъ себѣ широкую арену дѣятельности, а сборники предсказаній, толкованій сновъ составляютъ важный отдѣлъ въ народной литературѣ.

Китайцы—всѣ поэты по темпераменту. Ихъ способность къ стихосложенію поразительна, любовь къ природѣ—удивительная. Они берегутъ всякую животную тварь изъ жалости, и охота ради удовольствія имъ противна. Китайцамъ доставляетъ величайшее наслажденіе слушать пѣніе пернатыхъ обитателей священныхъ рощъ или стрекотаніе сверчковъ и цикадъ. Ихъ любовь къ цвѣтамъ-хризантемамъ, нарцисамъ, жасмину, піону, азаліямъ, абрикосамъ и др. умилительна, но они до сихъ поръ не проявили способности къ строго научнымъ ботаническимъ изслѣдованіямъ. Ихъ склонность къ фантазированію не дала возможности развиться географіи, астрономіи и др. наукамъ до надлежащей высоты, несмотря на большое уваженіе народа къ знаніямъ.

Если у китайцевъ память и фантазія развиты феноменально,

зато научное мышленіе вращается въ однообразномъ кругу мистицизма и практической морали, перетолковыванія генеалогическихъ преданій и теософическихъ системъ, въ чемъ народъ достигъ той степени, дальше которой идти некуда. Въ результатѣ мы плохо понимаемъ ихъ книги, а они—наши. Въ противоположность тому, что̀ наблюдается у насъ,—въ Китаѣ школьное образованіе начинается съ изученія философіи и заканчивается стихосложеніемъ и литературой. Вопросы, что̀ нравственно и прилично и что́ нѣтъ, кладутся въ основу школьной науки, и знаніе главныхъ этическихъ началъ ставится выше всего. Искаженіе текстовъ философскихъ системъ Лаоцзы (600 л. до Р. Хр.), Мэнцзы (родился въ 371 г. до Р. Хр.), Конфуція (род. въ 511 г. до Р. Хр.) и ихъ комментаторовъ не допускается, и всѣ разсужденія ученыхъ вращаются въ однообразныхъ схоластическихъ рамкахъ. Однако даже механически схваченное въ школахъ содержаніе книгъ, хотя бы оставалось совершенно неусвоеннымъ и непродуманнымъ, несомнѣнно оказываетъ свое вліяніе на нравственность населенія. Очень многое изъ соціальной жизни китайцевъ нашего времени объясняется вліяніемъ на нихъ древнихъ философскихъ системъ, и наоборотъ, все ученіе хотя бы Лаоцзы есть въ сущности описаніе основныхъ духовныхъ идеаловъ расы. Да и всѣ другіе древніе философы, начиная съ Мэнцзы и Конфуція, собственно собирали въ системы и записывали только то, что̀ видѣли вокругъ себя и что̀ считали наилучшимъ. Изъ всѣхъ ихъ произведеній вытекаетъ одно несомнѣнно, что по своему психическому складу въ теченіе 2500 л. раса осталась безъ измѣненій, а стало быть мнѣніе о возможности передѣлать китайцевъ, въ отношеніи душевныхъ свойствъ, въ европейцевъ не имѣетъ подъ собою научнаго основанія.

Какъ физическій, такъ и умственный трудъ совершается у китайцевъ точно полусознательно, въ силу унаслѣдованныхъ привычекъ въ рамкахъ застывшей, какъ было нѣкогда и въ Европѣ, цивилизаціи. Логическіе процессы мышленія происходятъ у нихъ какъ-то своеобразно и несомнѣнно отлично отъ того, что̀ наблюдается у насъ. Самыя простыя истины нашего времени по какому-то непонятному закону психики неудержимо искажаются въ головѣ китайца. Это не только извѣстно дипломатамъ, которые въ безконечной перепискѣ съ правительствомъ оригинальнаго во всемъ народа никакъ сладить не могутъ, но и всякому, кому съ нимъ приходится имѣть дѣло. Прежде всего бросается въ глаза, что китаецъ никогда всего не сдѣлаетъ и всего не скажетъ, чего отъ него хотятъ и требуютъ, добродушно схитритъ подчасъ безъ

всякой надобности, начнетъ отлынивать, увильнетъ отъ самой сути дѣла, потомъ начнетъ оправдываться, что-то туманно доказывать. Въ концѣ концовъ ведущій съ нимъ дѣло совсѣмъ собьется съ толку. Особенно дурными чертами его характера являются скрытность, вѣроломство и мстительность. Въ новыхъ предпріятіяхъ китаецъ мало находчивъ, не можетъ быстро соображать и, какъ бы влекомый какой-то внутренней силой, все сворачиваетъ на старую, проторенную предками, дорогу разсужденій...

Въ Поднебесной Имперіи насчитывается до тридцати милліоновъ мусульманъ; но если принять во вниманіе, что прошла почти тысяча лѣтъ съ начала распространенія тамъ ислама, то это число надо считать малымъ; къ тому же мусульманство образуетъ еще случайное, непрочное наслоеніе въ южной части страны, гдѣ постоянными междоусобными столкновеніями большинство упорно, отчасти безсознательно, стремится отстоять древній бытъ и старыя міровоззрѣнія, какъ продукты самостоятельнаго духовнаго развитія народа.

Поразительнымъ является то, что къ Китаю до сихъ поръ не удается привить христіанство съ его великимъ принципомъ любви къ ближнему. Отчасти объясняется это малочисленностью проповѣдниковъ ученія Христа, подозрительнымъ политиканствомъ ихъ и разнообразіемъ обрядовъ. Христіанство принимали пока фактически лишь отщепенцы, подонки общества, дававшіе себя по бѣдности подкупить миссіонерамъ. Лучшіе знатоки народа согласны съ тѣмъ мнѣніемъ, что китаецъ-христіанинъ нравственно стоитъ ниже своего собрата-язычника. Правду сказать, нѣмцы, французы, англичане, особенно изъ міра торговыхъ агентовъ и разныхъ предпринимателей, ведутъ себя въ торговыхъ и другихъ большихъ городахъ Китая возмутительно: пьянство, половой развратъ, нахальное обращеніе съ желтокожими и эксплоатація ихъ миролюбія и трудоспособности идутъ въ разрѣзъ съ туземнымъ представленіемъ о нравственности. У китайцевъ слово и дѣло идутъ обыкновенно рука объ руку, у европейцевъ—слишкомъ часто и очевидно расходятся. Почти поголовное избіеніе христіанъ-китайцевъ своими же соотечественниками-буддистами въ 1900 г. имѣетъ основаніемъ убѣжденіе, что измѣна принципамъ государственности есть преступленіе, и, стало быть, исходитъ изъ нравственныхъ мотивовъ, выработанныхъ народомъ, какъ самостоятельно развившейся психо-антропологической расой.

Намъ осталось въ заключеніе сказать, что слѣпое преклоненіе

передъ тѣмъ, что писалось, говорилось, создалось въ старину— затормазило въ Китаѣ творчество, сковало мысль, но не навѣки. Масса труднаго для изученія письменнаго вздора уже теперь начинаетъ утрачивать въ наукѣ свой интересъ. Новшество, не связанное съ прошлымъ, нынѣ дѣлается все менѣе нетерпимымъ, и жажда реформъ и знакомства съ успѣхами европейскихъ культуръ охватила уже въ Китаѣ лучшіе слои общества. Что толпа чрезвычайно консервативна въ своемъ невѣжествѣ и тянетъ назадъ — вполнѣ естественно. Она не допускаетъ уклоненій отъ разъ сложившихся устоевъ жизни, дающихъ какъ будто наивозможно равномѣрное распространеніе земныхъ благъ среди людей данной расы, и не хочетъ вѣрить, чтобы европейцы, забравшись насильно въ страну и нуждаясь въ ней, могли внести въ нее въ нравственномъ отношеніи что-нибудь лучшее. Когда волна естественно-научныхъ завоеваній и построенныхъ на нихъ техническихъ изобрѣтеній проникнетъ въ нѣдра страны, Китай безъ сомнѣнія развернетъ колоссальную рабочую и умственную силу, съ которой намъ, какъ ближайшимъ сосѣдямъ, придется считаться прежде всего. Въ послѣдніе годы отъ одного проведенія телеграфа на протяженіи десятковъ тысячъ верстъ и нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ зашевелился муравейникъ и уже сталъ жить нѣсколько иначе во времени и пространствѣ. Ясно, что настало время приступить къ самому тщательному изученію страны и неустанно слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что въ ней творится, не увлекаясь поспѣшнымъ заключеніемъ о неспособности китайцевъ къ умственному прогрессу. Необходимо помнить, что стремленіе ихъ сводится къ одному—заимствовать отъ европейцевъ все полезное и дѣйствительно новое, а незваныхъ пришельцевъ удалить изъ страны. Во всякомъ случаѣ, принадлежность китайцевъ къ особой расѣ не даетъ намъ никакого права отрицать возможность достиженія ими даже въ недалекомъ будущемъ гораздо болѣе высокой культуры, чѣмъ та, которая наблюдается у нихъ нынѣ.

Э. В. Эриксонъ.

СТРОИТЕЛЬ

РОМАНЪ.

— *Felix Hollaender.* Der Baumeister. Roman. Berlin. 1904.

I.

Было уже одиннадцать часовъ вечера, когда Кеслеръ вошелъ въ переполненное „Café des Westens". Было невыносимо душно, въ воздухѣ стоялъ табачный дымъ; со всѣхъ столиковъ несся гулъ голосовъ. Кеслеръ презрительно усмѣхнулся. Вся эта возбужденная толпа кофейни, всѣ эти банальныя лица раздражали его и наводили на него скуку. Рѣзкій свѣтъ электрическихъ лампъ придавалъ лицамъ холодный, болѣзненно желтый тонъ, еще болѣе искажавшій черты.

Кельнеръ снялъ съ него пальто. Онъ былъ одѣтъ очень изящно; бѣлье отличалось безукоризненной чистотой.

— Дайте мнѣ чашку чернаго кофе,—сказалъ онъ и съ усталымъ видомъ присѣлъ къ столу. Потомъ онъ поднялъ глаза и оглядѣлъ публику, занятую громкими разговорами. Низкія залы кофейни бывали переполнены очень разнороднымъ обществомъ до поздней ночи.

За однимъ изъ столиковъ собралось нѣсколько актеровъ; сильно жестикулируя, они громко ругали директора. За другимъ—какой-то лысый господинъ распространялся передъ нѣсколькими маклерами о доходности Шарлоттенбургскихъ участковъ.

Кеслеръ сталъ съ интересомъ прислушиваться къ нимъ, но вскорѣ вниманіе его было отвлечено другимъ столомъ, у самаго входа. У стола этого собирались каждый вечеръ нѣсколько

скульпторовъ, живописцевъ, писателей. Маленькій, тощій карикатуристъ, съ гладко прилизанными черными волосами, съ невозможнымъ носомъ и скрипучимъ, свистящимъ голосомъ, громко развлекалъ окружающихъ анекдотами. Кеслеръ сердито поглядѣлъ въ ихъ сторону, потомъ опять сталъ слушать бесѣду маклеровъ.

— Поймите же, участокъ продается за гроши. На этомъ дѣлѣ можно нажить огромное состояніе—повѣрьте мнѣ. Кстати: есть слухи, что тамъ хотятъ строить театръ.

Кеслеръ отложилъ газету, которую держалъ въ рукахъ. Его свѣтлые водянистые глаза широко раскрылись отъ напряженнаго вниманія.

— Не втирайте намъ очковъ!—возразилъ лысый господинъ, у котораго пенснэ торчало на самой серединѣ носа;—всегда, какъ только нельзя продать участка земли, поднимается разговоръ о постройкѣ на немъ театра. Старая штука—насъ этимъ не проведешь!

Въ это время открылась дверь, и въ кафé вошли двѣ дѣвушки рѣзко выраженнаго восточнаго типа, съ темными глазами и черными волосами. Своими вызывающими манерами онѣ обратили на себя общее вниманіе. Но Кеслеръ и не глядѣлъ на нихъ. Онъ былъ весь поглощенъ разговоромъ объ участкахъ земли. Шумъ голосовъ все болѣе усиливался вокругъ него. Маклера уже говорили о другомъ участкѣ.

Кеслеръ подозвалъ кельнера, чтобы расплатиться. Лицо его выражало легкую тревогу, и онъ самъ это почувствовалъ къ своему неудовольствію. Онъ быстро провелъ своей узкой, длинной рукой по лицу, принявшему строгое, неприступное выраженіе. Это была маска, за которой онъ скрывалъ свои безпокойныя мечты.

Одна изъ дѣвушекъ украдкой поглядѣла на него, но онъ гордо откинулъ голову и вторично подозвалъ кельнера. Открывъ изящное портмонэ изъ темной кожи, онъ вынулъ оттуда двухмарковую монету. Это были его послѣднія деньги.

— Съ васъ двадцать пять пфенниговъ,—сказалъ кельнеръ.

Кеслеръ далъ ему еще пятнадцать пфенниговъ на чай и поднялся. Кельнеръ подалъ ему пальто на шолковой подкладкѣ и цилиндръ. Изящная фигура Кеслера привлекала всѣ взоры. Его можно было принять за аристократа, за офицера въ штатскомъ платьѣ, и онъ самъ сознавалъ свою изящную внѣшность: она входила во всѣ его планы.

Очутившись на улицѣ, онъ съ отрадой вдохнулъ въ себя прохладный ночной воздухъ.—„Марка и шестьдесятъ пфенниговъ—вотъ все, что у меня осталось“,—пробормоталъ онъ.

Лицо его имѣло измученный видъ при свѣтѣ электрическаго фонаря. Онъ остановился. Цѣлый рядъ мучительныхъ мыслей и образовъ какъ бы приковывалъ его къ мѣсту.

— Чѣмъ же это кончится?—сказалъ онъ про себя, и вдругъ вздрогнулъ отъ неожиданнаго оклика.

— Да неужели же это ты?—раздался низкій голосъ, и кто-то коснулся его плеча. Это былъ приземистый господинъ, съ широкой спиной и маленькими глазами, остро и насмѣшливо выглядывавшими изъ-подъ золотыхъ очковъ.

— Какъ, это ты, Дренквицъ! Давненько же мы съ тобой не видались.

— Вѣрно!—отвѣтилъ Дренквицъ.—Я вѣдь только двѣ недѣли тому назадъ вернулся въ Берлинъ. Отпразднуемъ же теперь нашу встрѣчу. Пойдемъ, выпьемъ по стаканчику.

— Я, собственно, уже собирался домой,—я очень усталъ.

— Глупости, разопьемъ бутылку вина. Я приглашаю тебя.

Не ожидая возраженій, онъ взялъ Кеслера подъ руку и увлекъ его за собой. Нѣсколько минутъ спустя, они сидѣли въ винномъ погребкѣ „Штейнертъ и Гансенъ", и ассесоръ Дренквицъ наливалъ въ стаканы рюдесгеймеръ.

Но прежде чѣмъ поднести рюмку ко рту, онъ быстро оглянулъ Кеслера своими умными, проницательными глазами.

— Знаешь, другъ мой,—ты мнѣ не нравишься!.. Давай, чокнемся!

Кеслеръ пропустилъ мимо ушей замѣчаніе пріятеля и чокнулся съ нимъ.

— Что же ты, собственно, теперь дѣлаешь?—медленно спросилъ Дренквицъ.

— Я жду счастья со всей энергіей, на какую я способенъ.

— Гм!—сказалъ Дренквицъ.—Судя по твоей аристократической внѣшности, ты уже достигъ цѣли.

Кеслеръ полузакрылъ глаза и вдругъ весело разсмѣялся.

— Слава Богу, что хоть это мнѣ удается!—сказалъ онъ.

— Что ты этимъ хочешь сказать?

Лицо Кеслера приняло опять страдальческое выраженіе.

— Я хочу сказать,—медленно произнесъ онъ,—что я больше страдаю, чѣмъ кто бы то ни было. Мнѣ нечего ѣсть, а я долженъ притворяться, что какъ сыръ въ маслѣ катаюсь.

Дренквицъ прищурилъ глаза и посмотрѣлъ на него сбоку.

— Знаешь ли, эта политика мнѣ не нравится. Другими словами, ты пускаешь людямъ пыль въ глаза?

— До нѣкоторой степени это такъ; но дѣло только въ

томъ, что я еще не знаю, кому пускать пыль въ глаза. Да и чѣмъ это плохо? Кому я причиняю зло, если вмѣсто того, чтобы ѣсть досыта, ношу безукоризненно чистый воротничокъ?

— Пока дѣло ограничивается этимъ,—конечно, никто не пострадаетъ. Но вѣдь есть же у тебя цѣль,—и она, вѣрно, не вполнѣ безукоризненна. Къ тому же, откровенно говоря, я не понимаю, какъ человѣкъ съ твоими способностями не устроился въ жизни.

— Я этого тоже не понимаю, но, къ сожалѣнію, это фактъ.

— Ты сдалъ экзаменъ на архитектора—почему же ты не постараешься попасть на государственную службу? Такой человѣкъ, какъ ты, навѣрное найдетъ возможность честно зарабатывать свой хлѣбъ.

— Ба!—сказалъ Кеслеръ:—о кускѣ хлѣба я вовсе не такъ хлопочу. Я не рабъ, и не дамъ себя впречь въ ярмо.

— Однако, каждому до нѣкоторой степени приходится носить ярмо. Развѣ ты предпочитаешь голодать? и чего ты, собственно, хочешь?

— Чего я хочу?—Глаза его засверкали.—Я хочу строить... Выполнять мои собственные планы, осуществлять грандіозныя предпріятія, выйти изъ теперешней нищеты и быть, наконецъ, свободнымъ.

Дренквицъ допилъ свой стаканъ и сказалъ сухимъ тономъ:

— Желаю тебѣ счастья!

— Благодарю, но, къ сожалѣнію, однихъ пожеланій мало. Вотъ, если бы ты могъ дать въ мое распоряженіе четверть милліона—другое дѣло. Повѣрь мнѣ,—твои деньги принесли бы тебѣ хорошіе проценты.

— Какъ знать,—быть можетъ, я бы сдѣлалъ это, будь у меня деньги. Въ тебѣ, кажется, дѣйствительно живетъ сила, которая можетъ нѣчто создать, имѣя чѣмъ орудовать. И все-таки я тебѣ совѣтую: береги себя самого! Твое честолюбіе, положительно, пугаетъ меня.

Кеслеръ насмѣшливо взглянулъ на него.

— Ты, кажется, уже видишь меня на скамьѣ подсудимыхъ?.. Разскажи кстати, какъ твои дѣла по службѣ.

— Я переведенъ въ Берлинъ помощникомъ прокурора.

— Поздравляю!—сказалъ Кеслеръ.—Для меня это очень кстати. Ужъ прошу тебя, будь ко мнѣ снисходителенъ, если я попаду подъ-судъ. Ты вѣдь меня немножко понимаешь — и съумѣешь найти смягчающія обстоятельства.

— Постараюсь... Ну, да оставимъ эти шутки. Мнѣ онѣ не

нравятся... Скажи, пожалуйста, откровенно: ты, можетъ быть, теперь стѣсненъ въ деньгахъ? Не могу ли я тебѣ помочь?

Кеслеръ взглянулъ на него, широко раскрывъ глаза.

— Какъ это ты угадалъ! Впрочемъ, спасибо; мнѣ теперь ничего не нужно; мои обстоятельства блестящи въ данную минуту. У меня еще есть марка и шестьдесятъ пфенниговъ.

Дренквицъ вынулъ бумажникъ и передалъ ему три билета по сту марокъ.

— Я это дѣлаю не столько для тебя, сколько въ интересахъ государственной безопасности,—сказалъ онъ.—Человѣкъ безъ денегъ опасенъ для общества.

— Хорошо, я приму эти деньги—въ интересахъ государства. Хочешь росписку?..

— Не нужно.

Наступила короткая пауза.

— А знаешь ли?—сказалъ Кеслеръ, возобновляя разговоръ.— Можетъ быть, ты своей легкомысленной щедростью надѣлалъ много бѣды!

Въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ Дренквица онъ продолжалъ:

— Я чувствую, что эти синія бумажки доводятъ мою энергію до безграничнаго напряженія. Знаешь ли, бываютъ минуты, когда ощущаешь въ себѣ волю, не знающую преградъ. Если бы въ эту минуту кто-нибудь стоялъ передо мной, заграждая мнѣ путь къ моей цѣли, я бы убилъ его, не задумавшись.

— Давай, допьемъ лучше вино,—возразилъ Дренквицъ. Тонъ разговора становился ему непріятенъ. За шутками Кеслера ему слышалось нѣчто серьезное, пугавшее его. Когда они вышли на улицу, Кеслеръ спросилъ:

— Есть у тебя еще полчаса времени, Дренквицъ?

— Есть.

— Ну, такъ пойдемъ со мной,—ты переживешь историческій моментъ.

— Куда ты поведешь меня?

— Вотъ увидишь.

Передъ кафе остановилась электрическая конка, ѣхавшая по направленію въ Штиглицъ.

— Сядемъ въ конку,—предложилъ Кеслеръ.—Черезъ нѣсколько минутъ мы будемъ на Ноллендорфской площади.

Они молча доѣхали до мѣста. Выйдя на площадь, Кеслеръ взялъ Дренквица подъ-руку и молча подвелъ его къ огромному пустопорожнему мѣсту на углу площади и Мецштрассе.

— Посмотри хорошенько на это мѣсто. Знаешь ли, что это такое?

Не дождавшись отвѣта Дренквица, онъ сказалъ медленно и торжественно:

— Это „мой“ плацъ. Я долженъ строить здѣсь—иначе я чувствую, что пропаду.

— Что же ты хочешь строить?

— Театръ,—кафе—и огромные дома—въ глубинѣ; смѣсь готическаго и романскаго стиля. Вотъ тутъ будетъ раскинутъ садъ; тамъ—боковое строеніе; весь верхній этажъ будетъ состоять изъ огромныхъ мастерскихъ. Планы разработаны до мелочей. Недостаетъ только денегъ, чтобы пріобрѣсти землю. И нужно тебѣ сказать,—продолжалъ онъ торопливо и возбужденно,—что условія покупки теперь исключительно выгодны. Мѣсто можно купить за безцѣнокъ, и если бы нашлись умные люди, они бы поняли, что нужно вступить въ союзъ со мной, чтобы разбогатѣть. Я съумѣлъ бы поднять значеніе всего квартала; я выстроилъ бы самый красивый и роскошный театръ, какой только можно себѣ представить,—и это было бы только началомъ... Понимаешь ли, что это значитъ, когда голова полна плановъ и проектовъ, а приходится сидѣть, сложа руки... чувствовать себя связаннымъ только потому, что нѣтъ денегъ... Вѣдь какъ бы я строилъ! Я воздвигалъ бы дворцы, а не жалкія наемныя казармы, которыми уродуютъ Берлинъ... Ты вѣдь не представляешь себѣ, чего здѣсь можно достичь. Деньги, буквально, лежатъ на улицѣ—а нагнуться, поднять ихъ нѣтъ возможности. И при этомъ голодаешь и окончательно гибнешь.

Дренквицъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на возбужденное лицо пріятеля, который такъ и сыпалъ словами, упиваясь ихъ пестротой.

— Высоко ты заносишься, братъ!—сказалъ онъ.—А теперь спокойной ночи! Мнѣ нужно завтра рано утромъ на службу. У меня нѣтъ времени строить воздушные замки.—Онъ пожалъ ему руку, подозвалъ дрожки, и уѣхалъ, прежде чѣмъ Кеслеръ успѣлъ ему что-нибудь сказать.

II.

Кеслеръ пошелъ дальше медленнымъ шагомъ. Весенній вѣтеръ обвѣвалъ его лицо нѣжной прохладой. Все, что произошло за послѣднюю четверть часа, казалось ему какимъ-то чудомъ. Мо-

жетъ быть, все это ему только приснилось! Онъ сунулъ руку въ карманъ, вынулъ стомарковыя бумажки и долго внимательно глядѣлъ на нихъ. Онѣ были смяты, и онъ ихъ разгладилъ. Ему казалось, что этой жалкой суммой онъ держитъ въ рукахъ свое будущее. Онъ самъ выросъ въ своихъ глазахъ. Онъ шутилъ, говоря Дренквицу, что способенъ на всякій поступокъ для достиженія своихъ честолюбивыхъ плановъ,—а между тѣмъ это была правда. Онъ чувствовалъ, что долженъ идти впередъ, что ему нуженъ свѣтъ—свѣтъ со всѣхъ сторонъ... все, что угодно, лишь бы не стоять во мракѣ—не принадлежать къ числу людей, которые умираютъ на дорогѣ, никѣмъ не замѣченные.

Онъ остановился на минуту. Зачѣмъ было высказывать Дренквицу свои самыя сокровенныя мысли? Не слѣдуетъ открывать свою душу ни одному человѣку... Это—величайшая глупость! Никому не слѣдуетъ довѣрять... даже лучшему другу.

Но Дренквицъ порядочный человѣкъ—въ этомъ нельзя сомнѣваться. И какъ странно, что, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, онъ повстрѣчался ему какъ разъ въ такую тяжелую минуту. Что это—случай или судьба?

Странный онъ человѣкъ, этотъ Дренквицъ. Очень порядочный, но всецѣло во власти буржуазной морали и такъ называемыхъ нравственныхъ принциповъ. Широкіе горизонты были ему недоступны—это тоже не подлежало сомнѣнію. О характерѣ Наполеона онъ, навѣрное, никогда въ жизни не ломалъ себѣ головы...

И такой человѣкъ былъ прокуроромъ. Онъ мѣрилъ поступки людей аршиномъ буржуазныхъ приличій и обыденной морали, и не понималъ, что для всего крупнаго нужна отвага, иногда доходящая до преступности. Такого рода добросовѣстность и чувство долга, возведенные въ принципъ, задерживали развитіе государствъ, заграждали дорогу всѣмъ спящимъ силамъ, тянущимся къ свѣту для созиданія новыхъ цѣнностей...

Глупо было дѣлиться съ такимъ человѣкомъ своими планами и мыслями! Онъ вѣдь смотритъ на все сквозь очки справедливости и государственной пользы...

На башнѣ церкви въ память императора Вильгельма пробило двѣнадцать. Кеслеръ слегка вздрогнулъ и взглянулъ на мощное зданіе изъ песчаника, выдѣлявшееся на фонѣ ночного неба.

— Какъ плохо, какъ отвратительно выстроена эта церковь!—пробормоталъ онъ. — Я бы лучше построилъ... Въ сущности, храмъ ли или театръ—цѣль въ обоихъ случаяхъ та же: бѣг-

ство изъ сѣрой дѣйствительности. Нужно умѣть передать это въ архитектурѣ.

Онъ опять подумалъ о своемъ „мѣстѣ“ на Ноллендорфской площади. Мысленно онъ уже считалъ его своимъ. Онъ ясно представлялъ себѣ, какъ онъ хозяйничаетъ на постройкѣ, отдаетъ приказанія, распоряжается, бесѣдуетъ съ капиталистами, дѣлаетъ заказы фабрикантамъ, какъ они осаждаютъ его предложеніями. У него ни четверти часа нѣтъ свободнаго въ теченіе цѣлаго дня. Эти мечты были его единственной отрадой.

Проѣхали дрожки съ таксометромъ; онъ небрежнымъ жестомъ подозвалъ извозчика.

— Поѣзжайте по направленію къ Шютценштрассе,—сказалъ онъ. Онъ откинулся на подушки и закрылъ глаза. Одна только мысль всецѣло владѣла имъ: какъ достать денегъ, чтобы пріобрѣсти то мѣсто?

Ритмичное движеніе коляски создавало особаго рода музыку въ его воображеніи. Онъ ясно слышалъ, какъ музыканты въ оркестрѣ настраиваютъ инструменты, какъ капельмейстеръ ударяетъ палочкой о пюпитръ, какъ нарядно одѣтыя дамы и мужчины, переполняющіе зрительную залу, садятся на мѣста, и какъ всѣ съ ожиданіемъ устремляютъ взоры на занавѣсъ, который черезъ нѣсколько минутъ долженъ въ первый разъ подняться... А онъ сидитъ въ ложѣ бенуара, оглядываетъ радостно настроенную публику и любуется самъ пышной постройкой великолѣпной залы; всѣ краски въ ней тонко оттѣнены, нѣтъ ничего громоздкаго при всей пышности стиля... этому зданію нѣтъ равнаго въ мірѣ... На слѣдующій день онъ читаетъ въ газетахъ, что передъ такимъ мастерскимъ произведеніемъ должны смолкнуть всѣ возраженія, и что онъ создалъ своимъ зданіемъ нѣчто вполнѣ новое и образцовое.

Кеслеръ очнулся; ему стало душно въ экипажѣ, и онъ остановилъ его. Таксометръ показывалъ сумму въ одну марку и шестьдесятъ пфенниговъ. Кеслеръ весело разсмѣялся. „Все сегодня какъ-то странно сходится!“—подумалъ онъ, и имъ овладѣла стихійная веселость. Онъ повернулъ въ Мауерштрассе и былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своей квартиры на Шютценштрассе.

Онъ все думалъ о томъ, какъ это Дренквицъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, одолжилъ ему триста марокъ. И до чего тотъ возмущался тѣмъ, что, имѣя въ карманѣ только марку и шестьдесятъ пфенниговъ, Кеслеръ носилъ чистый воротникъ! Какія уголовныя опредѣленія онъ для этого находилъ! Онъ называлъ это— „пускать пыль въ глаза“. Вотъ дуракъ!

Кеслеръ повернулъ на Шютценштрассе. Крикъ и гамъ наполняли всю улицу. Кеслеръ улыбнулся: конечно, опять этотъ чудакъ! Цѣлая толпа бѣжала вслѣдъ за ѣздокомъ, который мчался по улицѣ на бѣлой лошади. Мальчишки кричали ему вслѣдъ изо всѣхъ силъ:

— Господинъ Фрейтагъ, вы упадете съ лошади! Вы оглохли, господинъ Фрейтагъ!

Они визжали отъ восторга, а ѣздокъ, маленькій человѣкъ съ развѣвающимися сѣдыми волосами, въ шляпѣ съ широкими полями, безпомощно глядѣлъ остановившимся стекляннымъ взоромъ на своихъ мучителей и пришпоривалъ свою измученную лошадь. Ускакавъ отъ толпы, онъ подъѣхалъ къ дому и спрыгнулъ съ лошади, чтобы какъ можно скорѣе скрыться отъ преслѣдованій. Хриплымъ голосомъ, громко отчеканивая каждый слогъ, онъ сталъ звать портье. Но никто не выходилъ на его зовъ, а тѣмъ временемъ его снова настигли его преслѣдователи, и опять раздались глупыя, насмѣшливыя приставанія къ старику. Его обступила толпа, и онъ глядѣлъ на всѣхъ, какъ полководецъ, презрительнымъ, гнѣвнымъ взглядомъ, хотя внутренно дрожалъ отъ страха. Онъ снялъ шляпу, и его густые сѣдые волосы развѣвались, какъ бы готовясь улетѣть. Они имѣли видъ двухъ развѣвающихся крыльевъ по обѣ стороны головы. Какая-то наглая съ виду женщина дернула его за полу, и это вызвало взрывъ общей веселости; со всѣхъ сторонъ старика обступили люди. Когда онъ началъ снова звать портье, голосъ его уже звучалъ плаксиво, а выраженіе глазъ было растерянное. Весь онъ походилъ на затравленнаго звѣря.

Кеслеръ отогналъ толпу. Онъ не въ первый разъ видѣлъ это зрѣлище. Старикъ жилъ съ нимъ рядомъ. Нѣсколько разъ въ недѣлю онъ ѣздилъ кататься верхомъ ночью, и каждый разъ за нимъ гналась толпа, поджидала его возвращенія и начинала потѣшаться надъ нимъ. Фамилія его была Фрейтагъ. Онъ слылъ въ кварталѣ за сумасшедшаго, и потому всякій считалъ себя въ правѣ потѣшаться надъ нимъ. Кеслеръ до сихъ поръ никогда не вмѣшивался въ эти стычки. Фрейтагъ былъ дѣйствительно чудакъ, который избѣгалъ и его общества, едва ему отвѣчалъ на поклонъ и вообще не обращалъ на него вниманія. Но на этотъ разъ онъ почувствовалъ инстинктивную потребность защитить старика отъ злыхъ людей.

— Убирайтесь прочь! — грубо крикнулъ онъ, и такъ схватилъ за шиворотъ перваго попавшагося ему подъ руку, что тотъ крикнулъ отъ боли. Это произвело должное впечатлѣніе. Толпа

испуганно отступила, и въ это время открылась дверь и появился портье. Фрейтагъ небрежно, царственнымъ жестомъ передалъ ему повода, потомъ пропустилъ впередъ Кеслера и послѣдовалъ за нимъ, съ шумомъ захлопывая за собой дверь. Съ улицы доносился смѣхъ и насмѣшки толпы.

— Пожалуйте!—сказалъ Кеслеръ и остановился, чтобы пропустить впередъ старика. Тотъ безмолвно отказался пройти первымъ, покачалъ головой и зажегъ восковую свѣчу; Кеслеру пришлось идти впереди.

— Плебеи! — пробормоталъ маленькій старичокъ, осмотрительно поднимаясь на лѣстницу.

— Это вы про меня?—спросилъ Кеслеръ со смѣхомъ.

Старикъ остановился и посвѣтилъ спичкой въ лицо архитектору.

— Не говорите глупостей! — грубо и высокомѣрно сказалъ онъ.

Этотъ отвѣтъ произвелъ на Кеслера самое комическое впечатлѣніе. Тонъ и жестъ старика были обдуманны. Онъ говорилъ тономъ короля, обращающагося къ лакею.

Они поднялись во второй этажъ, гдѣ оба и жили. Каждый имѣлъ отдѣльный входъ въ свою комнату. Оба они вынули по ключу и стали открывать каждый свою дверь.

— Спокойной ночи!—сказалъ Кеслеръ.

Старикъ закашлялъ вмѣсто отвѣта и съ трескомъ захлопнулъ за собой дверь.

III.

Кеслеръ зажегъ лампу. Изъ сосѣдней комнаты слышенъ былъ равномѣрный стукъ. Фрейтагъ ходилъ по комнатѣ большими шагами.

Кеслеръ прислушался. Чѣмъ занимается этотъ старикъ? Что означаетъ его странное поведеніе? Дѣйствительно ли онъ сумасшедшій, или только чудакъ? Чѣмъ онъ существуетъ? Какъ это онъ живетъ въ скромной меблированной комнатѣ и держитъ верховую лошадь—что это все означаетъ?

Вдругъ его осѣнила блестящая мысль. Что если Фрейтагъ и есть тотъ капиталистъ, котораго онъ такъ ищетъ? Кеслеръ выпрямился и, тотчасъ же принявъ смѣлое рѣшеніе, постучалъ въ сосѣднюю дверь. Отвѣта не послѣдовало.

— Послушайте, господинъ Фрейтагъ, я хотѣлъ взять на себя смѣлость предложить вамъ выпить со мной рюмку коньяку.

Опять никакого отвѣта.

— Вы бы доставили мнѣ большую честь и удовольствіе, еслибы зашли выпить рюмочку Henessy fine champagne. Великолѣпная марка!

Изъ сосѣдней комнаты не доходило никакого звука, но равномѣрный шумъ шаговъ прекратился.

— Кромѣ того, я хочу сказать вамъ нѣчто очень важное,— продолжалъ настаивать Кеслеръ.

Онъ подождалъ еще минуту.

— Зайдите лучше сами ко мнѣ,—раздалось изъ сосѣдней комнаты.

— Ага!—проговорилъ Кеслеръ, и на лицѣ его отразилось большое удовлетвореніе.—Я иду,—быстро отвѣтилъ онъ, и черезъ минуту уже стучался къ своему сосѣду. Тотъ осторожно пріотворилъ дверь.

— Черезъ щелку я не могу войти, — сказалъ Кеслеръ со смѣхомъ.

Старикъ открылъ наконецъ дверь, и Кеслеръ вошелъ въ комнату самаго обыкновеннаго типа; по срединѣ стоялъ столъ, заваленный книгами и бумагами. Зато костюмъ Фрейтага былъ очень странный. На немъ былъ синій шолковый полинявшій халатъ, а на головѣ—красная феска. Онъ показался Кеслеру фигурой изъ оперетки.

— Что вамъ, собственно, нужно?—грубо спросилъ онъ.

Кеслеръ ничего не отвѣтилъ. Онъ самъ, собственно, не зналъ, зачѣмъ онъ пришелъ. Фрейтагъ уставился на него съ видомъ судебнаго слѣдователя.

— Вы хотите сообщить мнѣ нѣчто важное,—такъ, кажется, вы сказали?

— Да, очень важное! — медленно отвѣтилъ Кеслеръ, стараясь тѣмъ временемъ что-нибудь придумать.

— Такъ говорите!.. да говорите же наконецъ! —нетерпѣливо повторилъ онъ.

Кеслеръ мучительно искалъ какой-нибудь предлогъ... Слава Богу, нашелъ!

— Я только хотѣлъ вамъ посовѣтовать оставить ваши ночныя прогулки, — медленно произнесъ онъ, отчеканивая каждый слогъ.—Вообще вамъ бы слѣдовало оставить этотъ кварталъ,— поспѣшно прибавилъ онъ.

Онъ сдѣлалъ короткую паузу и увидѣлъ, что слова его произвели сильное впечатлѣніе на старика: онъ глядѣлъ на него своими остановившимися большими глазами.

— Вы почему это говорите? У васъ есть основанія что-либо подозрѣвать?

Кеслеръ принялъ таинственный видъ.

— Здѣсь есть люди, которымъ я не довѣряю,—тихо сказалъ онъ.—Совѣтую вамъ быть крайне осторожнымъ.

— Да, да, вы правы,—отвѣтилъ старичокъ и, заложивъ руки за спину, сталъ нервно шагать по комнатѣ. Отъ времени до времени онъ останавливался и пристально глядѣлъ на Кеслера, какъ будто хотѣлъ его на чемъ-то поймать.

Кеслеръ стоялъ въ непринужденной позѣ и дѣлалъ видъ— какъ будто онъ ни на что не обращаетъ вниманія и вовсе не интересуется Фрейтагомъ и всѣмъ, что его окружаетъ.

— Зачѣмъ вы держите лошадь и скачете верхомъ по ночамъ? Это раздражаетъ сосѣдей, — не говоря уже о томъ, что стоитъ чертовски дорого.

Фрейтагъ выпрямился по военному.

— Милостивый государь, я ротмистръ, — ротмистръ въ отставкѣ... Да почему вы не присядете?

— А гдѣ же мнѣ сѣсть? — со смѣхомъ спросилъ Кеслеръ; диванъ и два стула были также завалены книгами, какъ и столъ.

Фрейтагъ безъ всякой церемоніи опрокинулъ стулъ, такъ что лежавшіе на немъ фоліанты съ трескомъ упали на землю, и потомъ снова поставилъ стулъ на мѣсто, попросилъ своего гостя сѣсть, и немного погодя сказалъ нерѣшительнымъ тономъ, приложивъ указательный палецъ къ носу:

— Это вѣдь возможно: у меня много враговъ—людей, которыхъ бы очень обрадовала моя внезапная смерть.

При этихъ словахъ, лицо его покрылось безчисленными морщинами. Было ясно видно, что онъ надъ чѣмъ-то ломаетъ себѣ голову, и не можетъ придти къ какому-нибудь рѣшенію. Вдругъ онъ встрепенулся.

— Вы служили?—рѣзко спросилъ онъ начальническимъ голосомъ.

— Такъ точно, господинъ ротмистръ.

— Получили чинъ?

— Прапорщика запаса.

— Въ какомъ полку?

Кеслеръ не отвѣтилъ, и Фрейтагъ, повидимому, и не ждалъ отвѣта. Онъ подошелъ къ письменному столу, схватилъ лежавшій на немъ документъ и поспѣшно, точно боясь, что Кеслеръ можетъ что-нибудь подглядѣть, спряталъ бумагу въ ящикъ.

— Вы полагаете, что мнѣ слѣдовало бы уѣхать отсюда?— сказалъ онъ, возобновляя прежній разговоръ.

— Да, я въ этомъ убѣжденъ. Вы подвергаете себя большимъ опасностямъ.

— Я не думаю, что опасность такъ велика, — возразилъ Фрейтагъ.—У меня вѣдь всегда при себѣ шестиствольный револьверъ. Пожалуйста, убѣдитесь сами. Онъ указалъ на револьверъ, лежавшій тутъ же на книгахъ.—Я могъ бы спокойно подстрѣлить всѣхъ этихъ негодяевъ,—сказалъ онъ презрительнымъ тономъ.—Но не стоитъ... Къ тому же, я долженъ избѣгать всякихъ столкновеній... У меня вѣдь есть важная миссія... Но это касается только меня одного. Хотите посмотрѣть мой патентъ—вы, кажется, не вѣрите, что я ротмистръ въ отставкѣ.

Онъ опять подошелъ къ столу и вынулъ изъ другого ящика большой пакетъ. Изъ широкаго полотнянаго конверта вывалилось множество коричневыхъ билетиковъ. Фрейтагъ быстро засунулъ ихъ обратно въ конвертъ и взглянулъ при этомъ испуганно и подозрительно на Кеслера. Кеслеру сдѣлалось на минуту жутко: этотъ чудакъ вѣдь могъ невзначай взяться за револьверъ. Онъ притворился, что весь этотъ разговоръ ему скученъ. Отставной ротмистръ тихо засмѣялся. Потомъ, безъ всякаго объясненія, онъ спряталъ конвертъ. Когда онъ опять обернулся къ нему, Кеслеръ сказалъ:

— Позвольте вамъ откланяться.

Онъ назвалъ свое имя, небрежно досталъ изъ кармана бумажникъ, чтобы вынуть изъ него визитную карточку. Въ бумажникѣ лежали три бумажки по сто марокъ. Вдругъ у него мелькнула мысль устроить хитрость. Онъ какъ бы невзначай уронилъ деньги на полъ, затѣмъ поклонился и ушелъ, говоря, что очень усталъ. Фрейтагъ не замѣтилъ его маневра.

IV.

Вернувшись къ себѣ въ комнату, Кеслеръ сталъ прислушиваться къ тому, что дѣлаетъ сосѣдъ. Что же произойдетъ теперь?—думалъ онъ.

Проходила минута за минутой. Онъ слышалъ, какъ сосѣдъ рылся въ бумагахъ и книгахъ, и, внимательно прислушиваясь, различалъ скрипъ пера по бумагѣ. Потомъ Фрейтагъ опять зашагалъ по комнатѣ, и Кеслеръ ясно представлялъ себѣ его фи-

гуру въ синемъ шолковомъ халатѣ и красной фескѣ, изъ-подъ которой виднѣлись сѣдые волосы. Вдругъ шаги остановились.

— Ага! увидѣлъ деньги.—Кеслеръ былъ убѣжденъ, что Фрейтагъ въ эту минуту увидѣлъ сотенныя бумажки. Онъ притаилъ дыханіе... Прошло нѣсколько минутъ, которыя показались ему вѣчностью. Потомъ раздался стукъ въ его дверь. Кеслеръ не отвѣтилъ. Стукъ усилился.

— Это вы, господинъ Фрейтагъ?—спросилъ онъ притворно заспаннымъ голосомъ.

— Пожалуйста, не можете ли вы зайти ко мнѣ еще на минуту?

— Нельзя ли отложить до завтра? — спросилъ Кеслеръ.— Я очень утомленъ.

— На одну минуту.

— Хорошо, я приду.

Фрейтагъ отворилъ ему дверь.

— Вы ничего не обронили?—спросилъ онъ.

— Кажется, ничего,—непринужденно отвѣтилъ Кеслеръ.

— Подумайте хорошенько.

— Право не знаю...

— Вы не вынимали бумажника?

— Можетъ быть, хотя не припомню. — Ну, а что если вынималъ?

— Вы потеряли нѣсколько денежныхъ бумажекъ.

— Позвольте удостовѣриться, — отвѣтилъ онъ небрежнымъ тономъ и вынулъ бумажникъ. — Да, вѣрно... Нѣсколько бумажекъ, кажется, выпало.

— Вотъ онѣ,—сказалъ Фрейтагъ, и передалъ ему три бумажки по сотнѣ марокъ каждая.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ Кеслеръ.—Но зачѣмъ было торопиться?—прибавилъ онъ.—Вы могли бы передать ихъ мнѣ завтра.

Онъ съ улыбкой смялъ бумажки. Фрейтагъ посмотрѣлъ на него, оцѣпенѣвъ отъ изумленія.

— Неужели вы такъ равнодушно относитесь къ деньгамъ?— спросилъ онъ его въ ужасѣ.

— Совершенно равнодушно, — возразилъ Кеслеръ.—А теперь я дѣйствительно уйду,—я усталъ до смерти.

— Да, да!—пробормоталъ Фрейтагъ и открылъ ему дверь.

Когда Кеслеръ легъ въ постель и его окружила полная тьма, въ немъ произошло нѣчто таинственное. Странные образы, мысли и планы, которыхъ онъ не могъ додумать до конца, а

тѣмъ болѣе выразить словами, перепутались въ его головѣ. Но когда онъ закрылъ глаза, то понялъ, что сыгралъ комедію, вполнѣ ему удавшуюся. Отнынѣ этотъ старикъ будетъ убѣжденъ, что сосѣдъ его несмѣтно богатъ... И съ этой мыслью, казавшейся Кеслеру необыкновенно привлекательной и многообѣщающей, онъ наконецъ заснулъ.

V.

На слѣдующій день рѣшеніе Кеслера окончательно окрѣпло. Необходимо дѣйствовать, прежде чѣмъ другіе успѣютъ предупредить его. Передъ нимъ на столѣ лежали его чертежи и планы. Онъ сталъ съ горечью разсматривать ихъ. Его охватило безсильное чувство злобы на свою безпомощность. Онъ зналъ, что жизнь его будетъ испорчена, если его планы останутся только на бумагѣ... Но какъ ихъ осуществить? У него не было никакихъ связей, никакихъ знакомствъ среди крупныхъ коммерсантовъ, которые одни только и могли достать деньги на такое гигантское предпріятіе... И все-же для него было ясно, что онъ долженъ дѣйствовать, что онъ долженъ какимъ-нибудь образомъ привести все въ движеніе.

Онъ тщательно вычистилъ щеткой свое пальто, разгладилъ цилиндръ и, одѣвшись, вышелъ изъ комнаты. На минуту онъ остановился передъ дверью Фрейтага, подумавъ, не зайти ли къ нему на минуту. Но этого онъ не сдѣлалъ и поспѣшилъ спуститься съ лѣстницы.

Въ ближайшемъ табачномъ магазинѣ онъ наполнилъ свой портъ-сигаръ папиросами и попросилъ адресъ-календарь, чтобы справиться, гдѣ можно по близости нанять коляску; оказалось, что есть каретный дворъ по близости, въ Мауерштрассе. Кеслеръ пошелъ туда и нанялъ на недѣлю изящную коляску. Онъ велѣлъ сейчасъ же запречь и приказалъ кучеру поѣхать на Кнезебекштрассе № 21.

Сидя въ коляскѣ, онъ вынулъ маленькое карманное зеркальце и внимательно посмотрѣлъ на себя. Ему хотѣлось знать, какой видъ у человѣка, который такъ яростно, какъ онъ, мчится на встрѣчу своему счастью. Потомъ онъ сталъ обдумывать, какъ начать переговоры, какъ вести себя, чтобы его не высмѣяли. Съ тремя стами марокъ въ карманѣ онъ хотѣлъ начать милліонную постройку и пріобрѣсти мѣсто, которое стоитъ сотни тысячъ...

Въ эту минуту онъ какъ разъ проѣзжалъ мимо облюбованнаго имъ мѣста для постройки и взглянулъ на него жадными глазами. Потомъ онъ надѣлъ свѣжія лайковыя перчатки, такъ какъ уже подъѣзжалъ къ Кнезебекштрассе. Коляска остановилась. Онъ ловко выскочилъ изъ нея и крикнулъ кучеру:

— Ждите меня у подъѣзда.

Мѣсто на Ноллендорфской площади принадлежало акціонерному обществу, представителемъ котораго былъ нѣкій Клефельдъ. Кеслеръ позвонилъ къ нему и передалъ свою визитную карточку. Ему пришлось подождать съ минуту въ коридорѣ, потомъ дѣвушка вернулась и попросила его войти. Онъ снялъ пальто, и черезъ нѣсколько минутъ очутился въ своемъ безукоризненномъ черномъ сюртукѣ, съ цилиндромъ въ лѣвой рукѣ, въ туго натянутыхъ перчаткахъ, передъ приземистымъ господиномъ съ коротко остриженными сѣдыми волосами, бритымъ лицомъ и глубоко сидящими, постоянно моргающими глазами.

— Я архитекторъ Кеслеръ, и пришелъ поговорить о мѣстѣ на Ноллендорфской площади,—сказалъ онъ съ легкимъ поклономъ.

— Садитесь, пожалуйста.

Кеслеръ сѣлъ и началъ говорить, внутренно удивляясь самъ спокойствію и увѣренности своего тона:

— Не знаю, знакомъ ли я вамъ по имени... Но вѣдь это въ сущности все равно. — Я намѣренъ пріобрѣсти тамъ мѣсто чтобы построить на немъ большой театръ, и явился сюда, съ цѣлью узнать болѣе подробно объ условіяхъ.

Клефельдъ вынулъ изъ кармана пестрый шелковый платокъ и началъ тщательно вытирать имъ пенснэ.

— Гмъ...—медленно протянулъ онъ.—Развѣ вы сами капиталистъ? Простите нескромный вопросъ, но въ такомъ важномъ дѣлѣ нужна ясность.

— Я совершенно съ вами согласенъ, и охотно отвѣчу на вашъ вопросъ. За мною стоитъ общество, располагающее нужнымъ капиталомъ.

— Позвольте узнать, кто члены этого общества?

— Мнѣ очень жаль,—отвѣтилъ Кеслеръ,—что я не могу вамъ на это отвѣтить. Мои довѣрители не хотятъ открыто выступить покупателями, прежде чѣмъ не будутъ сдѣланы предварительные шаги.

— Какъ же вы это собственно себѣ представляете?

— Дѣло прежде всего въ томъ,—осторожно отвѣтилъ Кеслеръ, — покажется ли ваша цѣна подходящей капиталистамъ, отъ имени которыхъ я веду переговоры. Одинъ изъ нихъ живетъ

въ Дрезденѣ. Онъ пріѣдетъ въ Берлинъ недѣли черезъ двѣ, и тогда можно будетъ устроить засѣданіе и рѣшить дѣло.

— Относительно цѣны-то мы сойдемся,—сказалъ Клефельдъ. —Мѣсто вѣдь продается теперь за безцѣнокъ, по четыреста марокъ за квадратный футъ. Этой покупкой можно нажить милліоны.

Кеслеръ снисходительно улыбнулся.

— Увѣряю васъ, что я говорю серьезно,—сказалъ Клефельдъ.

— Можетъ быть, — возразилъ Кеслеръ, — но вѣдь все это музыка будущаго. Впрочемъ, я пока не буду говорить о цѣнѣ. Объ этомъ еще успѣемъ потолковать. На мой взглядъ размѣръ мѣста—2.000 футовъ.

— Вашъ разсчетъ почти точенъ — въ немъ 2.350 футовъ.

— Я позволю себѣ только спросить, согласится ли ваше общество уступить мнѣ мѣсто на шесть недѣль за предполагаемую цѣну въ 830.000 марокъ?

Клефельдъ покачалъ головой.

— Это невозможно,—отвѣтилъ онъ. — Во-первыхъ, я васъ не знаю, а во-вторыхъ, общество не можетъ связать себя на такое большое время въ столь крупномъ дѣлѣ. Что, если вы придете къ намъ черезъ шесть недѣль съ отказомъ? Мы вѣдь могли бы продать мѣсто за это время. Нѣтъ, на это мы не можемъ согласиться. Да и зачѣмъ это вамъ?—прибавилъ онъ: —если ваши акціонеры изъявятъ согласіе, вы придете ко мнѣ, и мы покончимъ дѣло.

— Нѣтъ, это невозможно,—отвѣтилъ Кеслеръ.—Мнѣ нужно явиться къ моимъ капиталистамъ съ чѣмъ-нибудь твердымъ. Иначе я не могу начать съ ними переговоры. Да вѣдь для такого крупнаго дѣла шесть недѣль—сущіе пустяки... Что касается меня, то вы легко можете собрать обо мнѣ справки. Я могу вамъ назвать прокурора фонъ-Дренквица, моего друга, который охотно дастъ вамъ свѣдѣнія обо мнѣ.

— Все это прекрасно, господинъ архитекторъ,—возразилъ Клефельдъ,—но я все-же не знаю, согласится ли акціонерное общество на условія, которыя насъ связываютъ, а васъ ни къ чему не обязываютъ.

Кеслеръ поднялся.

— Пусть ваши акціонеры это обсудятъ, — сказалъ онъ.— Я бы хотѣлъ еще знать, какой вы потребуете задатокъ. Я долженъ также прибавить, что намъ предлагаютъ еще другое мѣсто и потому я попросилъ бы васъ какъ можно скорѣе сообщить мнѣ отвѣтъ акціонеровъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ Клефельдъ, который тоже поднялся и, стоя за спинкой стула, вертѣлъ въ пальцахъ свое пенснэ, вглядываясь въ лицо Кеслера своими моргающими глазами.—Не будете ли вы также любезны,—прибавилъ онъ,—дать мнѣ точный адресъ господина, на котораго вы ссылаетесь.

— Прокуроръ фонъ-Дренквицъ, — повторилъ Кеслеръ, — Ландграфенштрассе № 14, первый этажъ. А теперь я долженъ спѣшить,—прибавилъ онъ, поклонившись,—мой экипажъ и такъ уже слишкомъ долго дожидается меня.

Онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что эти слова произвели на коммерсанта должное впечатлѣніе. Но, отлично владѣя собой, онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ этого. Спускаясь съ лѣстницы, онъ былъ увѣренъ, что Клефельдъ подошелъ къ окну, чтобы поглядѣть, какъ онъ сядетъ въ коляску. Онъ сѣлъ, не поднявъ глаза вверхъ, и велѣлъ кучеру поѣхать въ Тиргартенъ.

— Обратно вы проѣдете Подъ-Липами и по Лейпцигерштрассе,—приказалъ онъ.

„Расходы по коляскѣ оплатятся,—подумалъ онъ, увѣренный, что его предложеніе будетъ принято владѣльцами мѣста.—Но съ чего это онъ вздумалъ сослаться на Дренквица? Вотъ-то тотъ будетъ удивленъ! Не предупредить ли его? Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ. Можетъ быть, общество удовлетворится однимъ только именемъ, и предпочтетъ не входить—даже въ такомъ дѣлѣ—въ сношенія съ судебной властью“.—На губахъ его промелькнула хитрая, загадочная улыбка.

VI.

Кеслеръ, сидя въ коляскѣ, мысленно возводилъ зданіе театра и мечталъ. Онъ вспоминалъ свою юность, очень жалкую и безрадостную. Отецъ его былъ упрямый человѣкъ, не соглашавшійся ни на волосъ поступиться своимъ пониманіемъ справедливости и честности. Ему поэтому приходилось постоянно бороться, и несмотря на свои выдающіяся способности и на огромное трудолюбіе, онъ все болѣе и болѣе впадалъ въ несчастіе. Его опережали всякія посредственности, которыя дѣлали карьеру очень быстро и удачно. А онъ оставался въ тѣни, все болѣе ожесточался противъ людей, и въ концѣ-концовъ никто не хотѣлъ имѣть съ нимъ дѣло; у него составилась репутація неуживчиваго чудака.

Семьѣ жилось очень плохо, пришлось сдавать комнаты жильцамъ, чтобы какъ-нибудь сводить концы съ концами, и вѣчная

раздраженность отца отражалась на дѣтяхъ самымъ тяжелымъ образомъ; они чувствовали надъ собою жесткую, немилосердную руку, карающую за проступки, и никогда не слышали добраго слова, не знали ласки. Отецъ вѣчно злился на судьбу, а мать была всецѣло поглощена заботами по хозяйству, заботами о томъ, чтобы все не пошло прахомъ. Вся юность была для него и его братьевъ и сестеръ временемъ духовнаго и физическаго голоданія, и они вспоминали о томъ съ большой горечью.

Кеслеръ былъ съ дѣтства очень наблюдателенъ. Онъ изучалъ окружающую его жизнь, и очень скоро пришелъ къ заключенію, что только тогда можно дурно обращаться съ людьми, когда самъ уже вполнѣ твердо стоишь на ногахъ, но что нужно входить съ ними въ компромиссы, пока еще зависишь отъ другихъ. Всѣ способности и таланты ни къ чему, если тратить силы на безнадежную неравную борьбу. Въ этомъ было несчастіе его отца, причина его гибели. Фанатическое стремленіе къ правдѣ — тоже своего рода болѣзнь, и Кеслеръ твердо рѣшилъ не впадать въ эту слабость. Испорченная жизнь отца послужила ему примѣромъ. И онъ тоже вовсе не желалъ подчиняться и смиряться, но онъ выработалъ въ себѣ слѣдующій жизненный принципъ: нужно изучать людей, пользоваться ихъ слабостями, идти, если нужно, на компромиссы, ловко лавировать и скрывать свою внутреннюю жизнь, никому не довѣрять и настойчиво идти къ своей цѣли, ни предъ чѣмъ не останавливаясь.

Онъ мысленно увидѣлъ передъ собой отца, старика съ гладко зачесанными назадъ сѣдыми волосами, открытымъ высокимъ лбомъ и большими сѣрыми лучистыми глазами. Его вторымъ словомъ было всегда: „лучше умереть съ голоду, чѣмъ утратить свое честное имя". Деньги можно, если судьба улыбнется, отвоевать обратно, а доброе имя теряется навсегда. Эта смѣшная гордость придавала ему особаго рода духовную красоту до самой смерти.

Всѣ эти воспоминанія нахлынули на Кеслера и придавили его. Забота о честномъ имени, фанатическая честность и искренность были причиной полнаго разоренія отца и всей семьи. Развѣ нельзя быть порядочнымъ человѣкомъ, не выкладывая сейчасъ же все, что у тебя на душѣ? Можно пользоваться доброй славой и общимъ уваженіемъ, идя окольными путями... У Кеслера было такое чувство во время этой прогулки въ коляскѣ, точно ему предстоятъ важныя жизненныя рѣшенія. Ему хотѣлось отдѣлаться отъ мысли объ отцѣ, образъ котораго слѣдовалъ теперь за нимъ неотступной тѣнью. Ему прежде всего хотѣлось разъ навсегда отказаться отъ жалкаго и безплоднаго понятія о пра-

вотѣ. Оно, можетъ быть, имѣетъ значеніе для мелкихъ мошенниковъ, преслѣдующихъ только удовлетвореніе голода, но не для людей, которымъ открываются далекія цѣли, которые чувствуютъ въ себѣ гигантскія силы и переросли все посредственное. Такія натуры работаютъ не для себя, не для удовлетворенія собственнаго тщеславія; онѣ—орудіе Провидѣнія, онѣ призваны насаждать культуру, открывать новыя дороги, уготовлять мѣсто новымъ идеямъ. И къ такому роду людей онъ причислялъ и себя. У кого впереди большія цѣли, того не должны останавливать укоры совѣсти относительно выбора средствъ...

— Довольно!—громко сказалъ онъ, и самъ испугался жесткости и рѣзкости своего собственнаго голоса.

„Уже то, что у меня возникаютъ подобныя мысли, — сказалъ онъ себѣ,—доказываетъ, что во мнѣ есть что-то подгнившее. Слѣдуетъ видѣть передъ собою только одинъ пунктъ—одну прямую цѣль. Всякій внутренній разладъ вреденъ и губитъ лучшія силы".

Онъ выпрямился. Коляска ѣхала по Тиргартенштрассе.

— Поѣзжайте скорѣе,—крикнулъ онъ кучеру,—направьтесь на Потсдамерплацъ и оттуда по Лейпцигерштрассе.

Кеслеръ вдругъ разсмѣялся.

— Не дурно было бы, еслибъ я встрѣтилъ теперь Дренквица. Съ одолженными тремя стами марками въ карманѣ и безъ всякихъ видовъ на будущее, я разъѣзжаю въ коляскѣ—вотъ бы онъ вытаращилъ глаза. Ахъ, этотъ Дренквицъ! Его чистосердечіе, рѣшительно, раздражаетъ.

— Чортъ возьми, да вѣдь это, кажется, Фрейтагъ? Кучеръ, поѣзжайте медленнѣе! Остановитесь на минуту!

Дѣйствительно, это оказался его сосѣдъ по комнатѣ.

— Съ добрымъ утромъ, господинъ Фрейтагъ, съ добрымъ утромъ!

Маленькій господинъ, который шелъ мѣрными шагами, погруженный въ мысли, изумленно оглянулся по сторонамъ. Онъ былъ безъ пальто и только поднялъ воротникъ сюртука, чтобы защитить шею. Ему было видимо очень холодно.

— Это я, господинъ Фрейтагъ.

Теперь только онъ замѣтилъ Кеслера, откинувшагося въ своей коляскѣ, и съ удивленіемъ взглянулъ на него. Кеслеръ настойчиво подозвалъ его.

— Поѣдемте со мной, пожалуйста, — сказалъ онъ, когда Фрейтагъ подошелъ къ коляскѣ, и усадилъ его подлѣ себя.

— Я, собственно, не хотѣлъ ѣхать,—сказалъ Фрейтагъ, но коляска уже двинулась въ путь.

— Съ которыхъ поръ вы держите коляску?—спросилъ онъ.

— Уже нѣсколько мѣсяцевъ, — отвѣтилъ Кеслеръ небрежнымъ тономъ. — Такимъ образомъ выигрываешь время, а тѣмъ самымъ и деньги.

— Я никогда не видѣлъ васъ въ коляскѣ,—сказалъ Фрейтагъ.

— Конечно, я до сихъ поръ избѣгалъ подъѣзжать къ дому. Зачѣмъ имъ всѣмъ знать, что я нанимаю коляску? Я бы вѣдь и на вашемъ мѣстѣ не показывался верхомъ на лошади. Я это считаю неблагоразумнымъ. Это сейчасъ рождаетъ у людей представленіе о личности, отъ котораго у нихъ кружится голова. Вѣдь это такіе коварные и ограниченные люди.

— А вы думаете, что противъ меня что-нибудь затѣваютъ?— спросилъ Фрейтагъ, еще шире раскрывъ глаза.

— У меня нѣтъ никакихъ данныхъ, и все-таки я предупреждаю васъ. Повторяю,—я васъ долженъ предупреждать.

— Человѣкъ не можетъ знать, что его ожидаетъ,—сказалъ Фрейтагъ, и вдругъ безъ всякаго повода пожалъ руку Кеслеру.

— Отъ души благодарю васъ,—горячо сказалъ онъ.

— Не за что. Я считалъ своимъ долгомъ предупредить васъ...

— Вы архитекторъ? — разсѣянно спросилъ Фрейтагъ.—Я, кажется, прочелъ это на вашей карточкѣ. Вѣдь помните, вы дали мнѣ вчера вашу карточку, — прибавилъ онъ робко и застѣнчиво, какъ бы извиняясь.

— Конечно, я отлично помню. Я дѣйствительно архитекторъ.

— Что вы, собственно, строите?—выспрашивалъ далѣе Фрейтагъ.

— Гмъ! я построилъ церковь въ Любекѣ, нѣсколько виллъ въ Груневальдѣ и теперь какъ разъ имѣю въ виду построить большой театръ на Ноллендорской площади. Театръ этотъ,—прибавилъ онъ внушительно,—будетъ достопримѣчательностью столицы.

— Вѣдь для такой постройки нужны огромные капиталы?

— Милліоны.

— А кто же ихъ даетъ?

Кеслеръ снисходительно усмѣхнулся.

— Еслибы вы знали, сколько людей толпится около такого предпріятія! Но я беру деньги только отъ абсолютно надежныхъ людей. Нужно быть крайне осторожнымъ,—повѣрьте мнѣ. Я-то во всякомъ случаѣ очень разборчивъ. Я самъ вложилъ въ это дѣло нѣкоторую сумму, и вовсе не желаю лѣзть изъ кожи ради другихъ. Вѣдь это предпріятіе—такое, на которомъ можно страшно

нажиться. Впрочемъ, простите, что я вамъ говорю о вещахъ, которыя васъ нисколько не могутъ интересовать.

— Напротивъ того, это меня весьма интересуетъ,—отвѣтилъ Фрейтагъ.—А вы дѣйствительно полагаете, что мнѣ слѣдуетъ выѣхать изъ этого дома и не держать лошадь?

Кеслеръ былъ пораженъ такимъ неожиданнымъ скачкомъ къ прежнему разговору. Онъ пристально взглянулъ на Фрейтага.

— Лошадь я во всякомъ случаѣ не держалъ бы, будь я на вашемъ мѣстѣ...

— Вѣдь я вамъ говорилъ, что я—отставной ротмистръ. Такъ неужели вы не понимаете, до чего мнѣ трудно разстаться съ моей лошадью?

— Я это отлично понимаю, но въ виду данныхъ обстоятельствъ...

— Я съ вами совершенно согласенъ,—перебилъ его Фрейтагъ,—что моя лошадь привлекаетъ вниманіе, что это ведетъ къ совершенно невѣрнымъ выводамъ... Но я вѣдь, кажется, говорилъ вамъ объ этомъ—у меня всегда при себѣ револьверъ; я никогда не выхожу безъ револьвера. Пуганая ворона... Еслибы вы испытали въ жизни то, что я испыталъ,—нѣтъ, не желаю я этого вамъ.

Глаза его сверкали. Онъ оборвалъ разговоръ и неподвижно глядѣлъ въ пустоту. Помолчавъ немного, онъ снова началъ:

— Знаете ли, милостивый государь, что еслибы правда царила среди людей, у меня были бы скаковыя конюшни? Вы думаете, я не знаю, что у васъ теперь въ мысляхъ? Вы считаете меня сумасшедшимъ—не отрицайте этого. И все-таки повторяю вамъ: я могъ бы содержать скаковыя конюшни.

— Я не позволяю себѣ никакихъ заключеній,—сдержанно отвѣтилъ Кеслеръ.

— Пожалуйста, не извиняйтесь, я вѣдь немножко понимаю людей. Вы должны усомниться въ своихъ словахъ... Впрочемъ, я искренно благодаренъ вамъ. Вы совершенно безкорыстно предупредили меня. Я чувствую,—прибавилъ онъ медленно,—нѣкоторое довѣріе къ вамъ. Вы производите на меня впечатлѣніе порядочнаго человѣка... Конечно, я могу ошибиться, но таково мое первое впечатлѣніе. Къ тому же, я давно ищу человѣка, которому я могъ бы довѣриться... Мнѣ такой человѣкъ крайне нуженъ... Не зайдете ли вы ко мнѣ сегодня вечеромъ?

— Сочту за честь.

— Хорошо,—я буду ждать васъ въ десять часовъ... А теперь дайте мнѣ сойти.

Кеслеръ остановилъ коляску, и Фрейтагъ вышелъ изъ экипажа. Кеслеръ слѣдилъ еще нѣсколько времени за нимъ глазами и смотрѣлъ, какъ его сѣдые волосы развѣваются по вѣтру.

VII.

Кеслеръ нѣсколько опоздалъ. Бесѣда съ Фрейтагомъ назначена была на десять часовъ, а теперь уже было почти половина одиннадцатаго. Ну, да не все ли равно? Старикъ подождетъ его, и еще Богъ вѣсть, что̀ изъ всего этого выйдетъ. Какая нелѣпая мысль была завязать сношенія съ этимъ чудакомъ!—Кеслеръ опять совершенно упалъ духомъ. День, который онъ началъ съ такими широкими планами въ головѣ, кончался для него очень плачевно. Настроеніе его измѣнилось безъ всякой внѣшней причины. Онъ теперь не понималъ, какъ это онъ могъ хоть минуту серьезно думать, что эти люди продадутъ ему „его“ мѣсто... Если они дѣйствительно справятся у Дренквица, то онъ навѣрное отвѣтитъ имъ холодно и уклончиво, и потомъ ему же прочтетъ проповѣдь... Это-то не важно... Лишь бы имѣть возможность взяться за постройку. Не все ли ему равно теперь? Если ему не придется теперь строить, то ничто его болѣе не интересовало...

Онъ подошелъ къ аптекѣ на Іерусалимской улицѣ. У дверей аптеки стояла молодая дѣвушка въ красномъ платкѣ на головѣ и въ пестромъ вышитомъ передникѣ. Тонкія линіи лица и изящность фигуры остановили его вниманіе. Онъ инстинктивно подошелъ поближе, чтобы лучше разглядѣть ее.

Въ эту минуту провизоръ открылъ ночную дверцу и передалъ дѣвушкѣ коробку. Тутъ произошелъ слѣдующаго рода инцидентъ: дѣвушка стала искать въ карманахъ кошелекъ, и очевидно не находила его. Провизоръ сталъ выражать неудовольствіе и довольно грубо потребовалъ обратно лекарство.

Кеслеръ увидѣлъ, какъ на тонкомъ, блѣдномъ лицѣ дѣвушки отразился страшный испугъ, и, недолго думая, приблизился и сказалъ:

— Вы позволите мнѣ заплатить за васъ?

Дѣвушка съ минуту стояла въ нерѣшительности, но потомъ сказала, вздохнувъ всей грудью:

— Пожалуйста, выручите меня.

Кеслеръ заплатилъ за нее три съ половиной марки, прови-

зоръ закрылъ форточку, и Кеслеръ очутился съ глазу на глазъ съ незнакомкой.

— Мнѣ вѣдь очень спѣшно, — сказала она сдавленнымъ голосомъ,—вы представить себѣ не можете, до чего спѣшно... Будьте любезны дать вашъ адресъ, чтобы я могла отослать вамъ завтра деньги.

— Мы, значитъ, должны назвать себя другъ другу?—сказалъ Кеслеръ и испытующе взглянулъ въ это лицо съ тонкимъ оваломъ, съ синими грустными глазами, надъ которыми шли дугой тонкія брови.

— Меня зовутъ Грета Андерсъ,—тихо сказала она.—Родители мои живутъ на Краузенштрассе, № 19, на дворѣ, въ третьемъ этажѣ.

Кеслеръ поклонился и сказалъ свое имя и адресъ.

— Еще разъ очень благодарю васъ,—торопливо сказала дѣвушка:—но теперь мнѣ пора,—я не могу терять ни минуты.

И она быстро убѣжала.

— Грета Андерсъ, — пробормоталъ онъ. — Странно, какъ много разныхъ отношеній создалось у меня за нѣсколько послѣднихъ часовъ! Что это все означаетъ? И какой странный видъ у этой дѣвушки съ ея краснымъ платочкомъ и пестрымъ передникомъ! Какъ эти пестрыя краски ей къ лицу!

Но что ему до этого? У него нѣтъ времени бѣгать за женщинами... У него въ головѣ болѣе серьезныя мысли.

Онъ подошелъ къ дому. Въ окнѣ Фрейтага былъ свѣтъ.

„Ага, онъ ждетъ меня",—съ удовольствіемъ убѣдился Кеслеръ.

Онъ открылъ входную дверь и быстро поднялся по лѣстницѣ. Потомъ онъ громко и явственно постучалъ къ Фрейтагу, и ему тотчасъ же открыли. Старикъ былъ видимо очень возбужденъ.

— Я уже думалъ, что вы не придете,—взволнованно сказалъ онъ.

— Я бы во всякомъ случаѣ пришелъ, какъ бы ни было поздно, — отвѣтилъ Кеслеръ, — у меня было важное совѣщаніе, которое, къ величайшему моему сожалѣнію, тянулось гораздо дольше, чѣмъ я ожидалъ. Совсѣмъ меня замучили дѣла,—прибавилъ онъ.

Фрейтагъ заставилъ его сѣсть. Онъ опять былъ въ своемъ маскарадномъ костюмѣ — синемъ шолковомъ халатѣ и фескѣ. Онъ надѣлъ золотые очки и съ внутренней тревогой глядѣлъ на своего гостя. Кеслеръ не сдѣлалъ ни малѣйшаго усилія, чтобы начать разговоръ. Напротивъ того, онъ принялъ совершенно непринужденный видъ.

— Крупныя дѣла, — проговорилъ онъ усталымъ голосомъ послѣ нѣкотораго молчанія, — страшно утомляютъ. Рѣшительно, пропадаешь изъ-за нихъ. Вотъ, я только-что пріѣхалъ изъ засѣданія ревизіонной коммиссіи—сколько голосовъ, столько мнѣній,—и сколько глупостей приходится выслушивать и возражать на нихъ! Иногда всякое терпѣніе можетъ лопнуть. Уже совершенно готовый проектъ иногда въ послѣдній часъ чуть не отвергается изъ-за того, что какой-нибудь тупица не умѣетъ вникнуть въ него. Нужно умѣть владѣть собою, чтобы въ концѣ концовъ не пасть духомъ отъ такого безсмысленнаго противодѣйствія. Будьте довольны, что вы человѣкъ независимый и такихъ дѣлъ не знаете. Чортъ побери купцовъ—это самый ненадежный народъ... Уфъ!—проговорилъ онъ: — теперь вы понимаете, почему я разстроенъ.

— Я бы тотчасъ же помѣнялся съ вами,—горячо возразилъ Фрейтагъ. — Мои заботы гораздо тяжелѣе вашихъ. Я вѣдь говорилъ вамъ вчера: еслибы все шло по правдѣ, у меня были бы скаковыя конюшни. Но вся бѣда въ томъ, что всѣ дѣла совершаются не по правдѣ. Мы живемъ среди негодяевъ и мошенниковъ. Съ этой кликой ничего не подѣлаешь. Вотъ, пожалуйста, убѣдитесь сами.

Онъ передалъ Кеслеру толстый документъ, очевидно копію съ духовнаго завѣщанія.

Кеслеръ прочелъ въ бумагѣ, что владѣлецъ дворянскаго помѣстья, по имени Фрейтагъ, назначаетъ единственнымъ наслѣдникомъ своего незаконнаго сына.

— Я понимаю,—сказалъ онъ, — вы считаете, что этотъ незаконный сынъ лишилъ васъ вашихъ правъ на наслѣдство. Такъ что ли я васъ понялъ?

— Совершенно вѣрно, — отвѣтилъ Фрейтагъ.

— Но я боюсь, что тутъ ничего нельзя сдѣлать.

— Вы сильно ошибаетесь—необходимо что-нибудь сдѣлать противъ этого. Выслушайте меня пожалуйста: дядя умеръ въ возрастѣ семидесяти-одного года. Его незаконному сыну было ко времени его смерти два года. Но за годъ до рожденія этого сына, дядя мой былъ тяжело боленъ, и его физическія духовныя силы находились въ полномъ упадкѣ. И вотъ что съ нимъ продѣлали тогда: дядя лежалъ въ больницѣ, и его сидѣлка, уже очень пожилая женщина, уговорила его, когда онъ нѣсколько оправился, переѣхать къ ней, потому что тамъ за нимъ будутъ лучше ухаживать. И этотъ дряхлый старикъ, совершенно выжившій изъ ума, попался на эту удочку. У женщины этой есть

дочь, которой еще не исполнилось двадцати лѣтъ. И вотъ съ этой дочерью мой бѣдный дядя, будто бы, состоялъ въ связи, которая, по ихъ словамъ, осталась не безъ послѣдствій. Вы видите, какое тутъ мошенничество? — съ бѣшенствомъ вскрикнулъ онъ.

Кеслеръ пожалъ плечами.

— Ну, такъ я вамъ доскажу конецъ этого бульварнаго романа: дядя мой, конечно, не могъ быть отцомъ тогда. Но онъ подпалъ до того подъ власть этихъ двухъ женщинъ, что утратилъ всякую волю... и такимъ образомъ его заставили написать такое духовное завѣщаніе. А на самомъ дѣлѣ эта особа, черезъ полгода послѣ смерти дяди, вышла замужъ за своего пріятеля, который, также какъ и покойный дядя, былъ у нихъ жильцомъ... Поняли вы наконецъ?—прибавилъ онъ, и все его лицо искривилось отъ бѣшенства.

Кеслеръ сталъ постепенно болѣе внимательно слушать его.

— Едва ли тутъ возможно что-нибудь сдѣлать,—скептически замѣтилъ онъ.

— Вы ошибаетесь,—кричалъ старикъ. — Все можно еще спасти. Я могъ бы съ успѣхомъ оспаривать завѣщаніе—будь у меня только нужный капиталъ.

— Какимъ образомъ?—спросилъ Кеслеръ невиннымъ тономъ.

— Знаете ли вы, что̀ значитъ вести процессъ, когда дѣло идетъ о двухъ-милліонномъ наслѣдствѣ? Знаете ли, что̀ это стоитъ?

— Не говоря уже объ издержкахъ,—медленно и уклончиво возразилъ Кеслеръ, — я считаю необыкновенно труднымъ доказать, что завѣщаніе было вынуждено у вашего дяди. Можетъ быть, онъ дѣйствительно отецъ этого ребенка, и тогда всѣ ваши заключенія невѣрны.

Старикъ шумно захлопнулъ папку съ документомъ и посмотрѣлъ на Кеслера очень разочарованно и пренебрежительно.

— Отъ васъ никакого толка не добьешься,—сказалъ онъ, пожимая плечами, но потомъ перемѣнилъ тонъ.—То, что̀ вы говорите, ограниченно... прямо-таки глупо!—сталъ онъ кричать на Кеслера.

— Взгляды на это могутъ быть разные,—спокойно возразилъ Кеслеръ.

Фрейтагъ всталъ въ вызывающую позу.

— О различныхъ взглядахъ не можетъ быть и рѣчи. Будь у меня только нужныя средства, я бы ужъ нашелъ доказательства. Я бы разыскалъ всѣхъ людей, которые могутъ объ этомъ что-либо знать,—повѣрьте мнѣ.

— Но развѣ для этого нуженъ такой огромный капиталъ?

— Конечно. Это дѣло можно довести до конца только располагая большими средствами.

— Что же дѣлать?—спросилъ Кеслеръ. — Нѣтъ ли у васъ друзей или родственниковъ, которые могли бы вамъ помочь? Я предполагаю конечно, что вы не въ состояніи нести расходы по процессу изъ собственныхъ средствъ.

— Это вы вполнѣ вѣрно сказали,—отвѣтилъ Фрейтагъ,—и что касается родственниковъ, то у меня ихъ нѣтъ, а во всѣхъ друзьяхъ, если я когда-либо ихъ имѣлъ, я разочаровался.—Затѣмъ онъ безъ всякихъ подходовъ положилъ свою тонкую, длинную руку Кеслеру на плечо и сказалъ:—Поэтому я и обращаюсь къ вамъ. Я къ вамъ чувствую довѣріе. Я хотѣлъ бы знать, согласны ли вы помочь мнѣ?

— Гмъ,—сказалъ Кеслеръ и нахмурилъ лобъ. Вы ставите мнѣ щекотливый вопросъ, на который я сразу не могу и не хочу отвѣтить... вѣдь о такомъ дѣлѣ нужно прежде поразмыслить.

— Будь у васъ хоть на грошъ предпріимчивости, вы бы руками и ногами взялись за это,—вы бы ни на минуту не колебались, я васъ увѣряю.

Кеслеру разговоръ начиналъ надоѣдать. Фрейтагъ пересталъ его интересовать. Въ подобныхъ исторіяхъ съ духовными завѣщаніями было, по его мнѣнію, слишкомъ много романтизма. Онѣ отравляютъ фантазію заинтересованныхъ лицъ, наполняютъ ее нечистыми представленіями, такъ что вполнѣ нормальные, разсудительные люди превращаются въ трагикомическія фигуры. Отъ такихъ людей лучше всего быть подальше.

— Я теперь занятъ гигантскимъ предпріятіемъ,—холодно отвѣтилъ онъ,—и по уши торчу въ дѣлахъ. Имѣйте въ виду, что я принялъ на себя отвѣтственность за милліонный капиталъ,—прибавилъ онъ просто, безъ всякаго хвастовства въ тонѣ.—Какъ только у меня голова нѣсколько освободится, обѣщаю вамъ заняться поближе вашимъ дѣломъ.

Старикъ съ глубокимъ разочарованіемъ взглянулъ на архитектора. У него былъ такой жалкій видъ, точно у него погибъ корабль.

— А вы какъ разъ были бы подходящимъ для этого человѣкомъ. У васъ такъ много связей, такое замѣтное положеніе въ обществѣ, у васъ такая внушительная внѣшность. Вы бы сейчасъ же разогнали всю эту шайку. Она бы поняла, что вы достаточно богаты, чтобы вести процессъ, что съ вами, значитъ,

нельзя шутить. Вотъ видите,—прибавилъ онъ тише,—я намѣревался совершенно стушеваться,—конечно, въ интересахъ дѣла. У меня уже былъ вполнѣ выработанный планъ. Дѣло въ томъ, что есть люди, которые меня преслѣдуютъ. Поэтому я хочу оставаться въ тѣни, и потомъ вдругъ сверкнуть, какъ молнія, когда уже побѣда будетъ одержана.

Онъ вдругъ схватилъ Кеслера за руки и сказалъ:

— Умоляю васъ, помогите мнѣ! Нужно вырвать добычу у этой шайки мошенниковъ.

Кеслеръ отвѣтилъ:—Дайте мнѣ подумать объ этомъ. Я вамъ дамъ отвѣтъ въ возможно скорѣйшемъ времени. Но уже теперь могу вамъ сказать: если я рѣшусь взяться за ваше дѣло, то пущу въ ходъ всю мою энергію. Вы во мнѣ не ошиблись. Но теперь я не хочу сказать ни да, ни нѣтъ. Мнѣ пора пойти спать, я очень усталъ. Спокойной ночи, господинъ Фрейтагъ!

— Спокойной ночи!—отвѣтилъ старикъ, и грустная улыбка показалась на его тонкихъ губахъ.

VIII.

Кеслеру снились самые нелѣпые сны: то ему казалось, что онъ стоитъ на мѣстѣ постройки, гдѣ уже начались земляныя работы; потомъ ему снилось, что онъ сидитъ въ директорской комнатѣ нѣмецкаго банка, показываетъ членамъ правленія планы, объясняетъ доходность земли въ этомъ мѣстѣ, и всѣ его выслушиваютъ, одобрительно кивая головой. Ему отдаютъ въ распоряженіе огромныя суммы денегъ, — но вдругъ передъ нимъ появляется маленькая фигурка прокурора Дренквица, который шепчетъ ему что-то страшное. А потомъ онъ стоитъ въ залѣ суда, и говоритъ съ благороднымъ возмущеніемъ и молніеноснымъ краснорѣчіемъ, какъ у старика Фрейтага двѣ женщины мошенническимъ образомъ отняли его состояніе. Среди рѣчи его кто-то тянетъ за рукавъ, и когда онъ оборачивается, то передъ нимъ—Грета Андерсъ, которая глядитъ на него большими, полными любви глазами. У нея опять красная шапочка на головѣ, а на лицѣ—выраженіе безконечной преданности и нѣжности.

Онъ проснулся съ тяжелой головой. Было уже одиннадцать часовъ. Къ нему въ дверь постучала хозяйка.

— Господинъ архитекторъ, васъ внизу ждетъ коляска,—почтительно доложила она, войдя въ комнату и сдѣлавъ глубокій реверансъ. Никогда она не ожидала, чтобы кто-нибудь изъ ея

жильцовъ держалъ коляску. Навѣрное, господинъ архитекторъ получилъ наслѣдство или выигралъ главный выигрышъ въ лотерею.

— Кучеръ можетъ подождать,—отвѣтилъ Кеслеръ и повернулся на другой бокъ.

— Куда я сегодня поѣду?—мысленно спросилъ онъ себя. Въ это сѣрое туманное утро вся его затѣя съ коляской показалась ему безсмысленной. Онъ нехотя всталъ съ постели и началъ одѣваться. Въ то время, какъ онъ мылся, ему пришла въ голову мысль поѣхать къ Гретѣ Андерсъ. Все-таки забавно будетъ, что такой полунищій, какъ онъ, будетъ въ теченіе нѣсколькихъ дней разыгрывать изъ себя богатаго и важнаго господина.

„Только не поддаваться упрекамъ совѣсти, — продолжалъ онъ думать,—иначе я безвозвратно погибъ. Кто въ наше время ходитъ въ костюмѣ, принадлежащемъ ему"?!—Онъ позвонилъ и заказалъ завтракъ. Хозяйка принесла ему вмѣсто обыкновенной чашки кофе серебряный кофейникъ. Кеслера начинала забавлять вся эта исторія.

— Писемъ не было?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, господинъ архитекторъ.

Лицо его омрачилось. На хозяйку его коляска произвела впечатлѣніе, но на Клефельда, очевидно, никакого, потому что ожидаемый отвѣтъ не пришелъ.

Онъ быстро выпилъ кофе, спустился съ лѣстницы и велѣлъ кучеру поѣхать на Краузенштрассе, къ № 19. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже у цѣли.

Изъ молочной и изъ сапожнаго магазина, внизу дома, вышли хозяева и уставились на коляску, точно никогда въ жизни не видѣли ничего подобнаго. Когда Кеслеръ освѣдомился, гдѣ здѣсь живетъ г. Андерсъ, всѣ они широко раскрыли рты, прежде чѣмъ отвѣтить ему.

Онъ взобрался на третій этажъ, и прочелъ на фарфоровой дощечкѣ: „Эммануэль Андерсъ, музыкантъ".

Онъ осторожно позвонилъ, и ему сейчасъ же открыла дверь средняго роста полная женщина въ бѣломъ чепчикѣ. На лицѣ ея было озабоченное выраженіе, и она взглянула на него съ нѣкоторымъ испугомъ.

— Мое имя Кеслеръ, архитекторъ Кеслеръ,—сказалъ онъ.

— Ахъ, это вы!—отвѣтила она, и лицо ея просвѣтилось.— Пожалуйста, войдите. Мы вамъ безконечно благодарны.

— Нѣтъ, что вы! Я пришелъ только справиться о здоровьи больного.

Лицо женщины опять омрачилось; она провела его въ маленькую комнату, гдѣ, кромѣ рояля, стоялъ еще диванъ, столъ и шкапъ.

— Пожалуйста присядьте, господинъ архитекторъ. Подумайте только, какое съ нами случилось несчастіе. Мужъ мой— совершенно здоровый человѣкъ—и вдругъ такая бѣда. Сто разъ я ему говорила, чтобы онъ не прыгалъ съ конки—вѣдь ему уже 59 лѣтъ. Но развѣ онъ меня слушается? Выскочилъ, упалъ и сломалъ себѣ ногу. Когда его принесли сюда, онъ былъ такъ слабъ, что сейчасъ же потерялъ сознаніе. Моя дочь тогда и побѣжала въ аптеку. Боже мой, что мы вытерпѣли! Только сегодня рано утромъ ему наложили повязку. И Богъ вѣсть еще, сможетъ ли онъ ходить по прежнему. Вѣдь подумайте, въ его годы...

Она безудержно говорила, точно Кеслеръ былъ ея старый знакомый и принималъ величайшее участіе въ ея горѣ; онъ же все время косился на дверь, въ надеждѣ, что сейчасъ покажется Грета Андерсъ. Но вмѣсто нея раздался низкій голосъ:

— Куда ты ушла?

— Ахъ, Боже мой, мой больной проснулся! Извините меня на минутку!—И не дожидаясь отвѣта, она быстро вышла изъ комнаты.

Черезъ минуту она опять вернулась.—Если вы хотите взглянуть на моего старика, господинъ архитекторъ, то милости просимъ. Онъ говоритъ, что чувствуетъ себя теперь превосходно. Удивительный онъ человѣкъ у меня! Какъ бы ему ни было плохо, онъ всегда веселъ и доволенъ.

Кеслеръ послѣдовалъ за нею. Довольно большая столовая, гдѣ стояла старая красная мебель, служила также и спальней; въ ней стояли кровати.

Больной кивнулъ ему головой, лежа въ постели. У него было потѣшное лицо, жидкіе усы, спускавшіеся на китайскій манеръ книзу, огромная грива волосъ, слишкомъ длинный, горбатый носъ и маленькіе смѣющіеся глаза.

— Подойдите поближе, благодѣтель человѣчества!—сказалъ больной.—Нѣтъ, нѣтъ, вы мой благодѣтель,—повторилъ онъ, не давая возразить Кеслеру.—Если бы вы вчера не встрѣтились съ моей дочерью, меня уже не было бы въ числѣ живыхъ,—я лежалъ безъ сознанія. Впрочемъ, не особенно большая была бы потеря. Только вотъ мои бабы подняли бы вой. Да и говоря по секрету, мнѣ тоже еще хочется жить. Только рѣдкіе чудаки желаютъ смерти.

— Я очень радъ, что застаю васъ въ такомъ хорошемъ расположеніи духа,—сказалъ Кеслеръ.—Переломъ ноги, конечно, непріятная вещь, но бываютъ и худшія несчастія.

— Я именно это и сказалъ моей старухѣ. Но женщина всегда сейчасъ же теряетъ голову. Въ моемъ возрастѣ у другихъ людей бываетъ ударъ, а у меня—какой-то пустяшный переломъ ноги. Въ худшемъ случаѣ—я буду хромать. Отлично можно жить и хромая,—прибавилъ онъ со смѣхомъ.

Кеслеръ почувствовалъ нѣчто вродѣ зависти. Спокойствіе и юморъ этого человѣка внушали ему уваженіе. Но все-же онъ только на половину слушалъ то, что̀ онъ говорилъ. Всѣ его мысли направлены были на Грету Андерсъ. Гдѣ-то она теперь? Онъ и самъ удивленъ былъ своимъ интересомъ къ этой совершенно чужой ему дѣвушкѣ. Женщины его никогда не интересовали. Въ концѣ концовъ онъ не могъ удержаться отъ вопроса, дома ли барышня?

— Что̀ вы?—возразила г-жа Андерсъ.—Она и такъ сегодня опоздала и не пошла въ магазинъ, пока не наложила повязки.

— Ваша дочь работаетъ гдѣ-нибудь?—спросилъ Кеслеръ.

— Да еще какъ! Съ утра до вечера,—отвѣтилъ больной.—Можно быть художницей, будучи продавщицей цвѣтовъ,—прибавилъ онъ.

— Ахъ, отецъ, какой ты!—укоризненно сказала старуха.

— Да ну тебя! Нечего скромничать. И если бы вы знали, какой у этой дѣвчонки феноменальный слухъ! Жаль только, что голосъ небольшой. Но послушали бы вы, какъ она поетъ—чисто, какъ серебряный колокольчикъ. Поразительно. Да вообще она...

— Да что̀ ты говоришь!—вмѣшалась въ разговоръ его жена.—Что̀ о насъ подумаетъ господинъ архитекторъ? Вѣдь онъ совершенно теряетъ разсудокъ, когда рѣчь заходитъ о его дочери,—пояснила она, обращаясь къ Кеслеру.

— Вы сами убѣдитесь, что я ничуть не преувеличиваю. А ты, старуха, не ругай меня. Въ этомъ пунктѣ меня нельзя переубѣдить. А къ тому же,—прибавилъ онъ,—она также влюблена въ свою дочь, какъ и я.

Въ это время раздался звукъ отпираемой ключомъ двери, и всѣ трое прислушались. Черезъ секунду на порогѣ появилась Грета Андерсъ. Она остановилась, очень удивленная, и лицо ея вспыхнуло. Кеслеръ смутился отъ взгляда ея глубокихъ, проницательныхъ глазъ.

— Вы не ждали,—сказалъ онъ,—что я самъ приду за уплатой долга?

— Нѣтъ,—отвѣтила она,—этого я не ждала.

Она протянула ему руку и потомъ сейчасъ же подошла къ больному и, нагнувшись къ нему, заговорила такъ, какъ будто бы никого чужого не было въ комнатѣ.

— Ну, скажи, папа, тебѣ еще больно? Какъ тебѣ теперь? Я прямо не могла выдержать такого безпокойства,—я должна была пойти къ тебѣ.

Музыкантъ взялъ ея голову въ обѣ руки.

— Пока эти глазки смотрятъ свѣтло и ясно,—отвѣтилъ онъ,—до тѣхъ поръ мнѣ отлично. Переломъ ноги—сущіе пустяки. И знаешь ли, что̀ сказалъ докторъ? Черезъ два дня я уже могу сидѣть въ креслѣ, а на четвертый день начну ходить. Онъ говорилъ, что такимъ старымъ костямъ не нужно давать ржавѣть. А теперь,—перебилъ онъ себя,—займи, пожалуйста, нашего гостя.

— Господинъ архитекторъ пойметъ, что ты представляешь теперь для меня самый главный интересъ,—отвѣтила она полушутливо, полусерьезно, и сейчасъ же прибавила въ видѣ извиненія:—Я должна вамъ сказать, что мы почти никогда не принимаемъ гостей. У насъ бываетъ только нѣсколько хорошихъ знакомыхъ, съ которыми намъ нѣтъ надобности стѣсняться.

— Я бы хотѣлъ, чтобы вы не стѣснялись и со мной,—сказалъ Кеслеръ.

Она слегка откинула голову и взглянула на него съ такой гордой сдержанностью, что онъ почувствовалъ себя страшно пристыженнымъ.

Наступило неловкое молчаніе, которое прервано было приходомъ г-жи Андерсъ; она принесла бутылку вина и нѣсколько стакановъ.

— Пожалуйста, господинъ архитекторъ,—сказала она, передавая ему стаканъ вина; другой стаканъ она дала больному.

— Я пью за ваше здоровье, господинъ Андерсъ.

— А я—за здоровье моей дочери и моей жены.

Они чокнулись, а Грета Андерсъ въ это время отвернулась. На ея бѣломъ, ясномъ лбу показалась глубокая морщина, и она нахмурила брови.

— Я, къ сожалѣнію, не могу дольше оставаться,—сказалъ Кеслеръ, почувствовавъ неловкость своего положенія и понявъ, что дѣвушкѣ непріятенъ былъ его приходъ.

— Не глядите на меня такъ сердито!—сказалъ онъ, подавая ей руку на прощанье.

Она ничего не отвѣтила и пошла провожать его; музыкантъ и его жена на прощанье любезно пригласили его повторить свой визитъ.

Въ передней онъ хотѣлъ ее взять за руку, но она отдернула руку и сказала:

— Оставьте это, пожалуйста. А вотъ и деньги, которыя вы выдали за меня,—прибавила она.

— Если вы будете смотрѣть на меня такими злыми глазами, то я сорву мое огорченіе на моемъ бѣдномъ кучерѣ,—быстро проговорилъ онъ.

— Лучшаго обращенія вы не заслуживаете,—прибавила она недовольнымъ тономъ.—Простите, но вашъ визитъ кажется мнѣ нападеніемъ.

Онъ прикусилъ губы. Этотъ тонъ былъ ему непріятенъ. Но, замѣтивъ, что гнѣвъ очень краситъ ее, онъ снова почувствовалъ нѣжность къ ней.

— Мнѣ хотѣлось снова увидѣть васъ,—сказалъ онъ.—Развѣ это такое преступленіе?

У нея дрогнули губы.

— Вы меня поняли,—сказала она.—Мнѣ бы не хотѣлось больше объ этомъ говорить.

— Вы мнѣ позволите придти еще разъ?

— Нѣтъ,—коротко и холодно отвѣтила она.

Онъ сухо и почтительно поклонился и ушелъ.

Она простояла нѣсколько времени задумавшись, а потомъ провела рукой по волосамъ и вернулась въ комнату больного. Она сѣла къ нему на постель и молча стала глядѣть въ пространство, въ то время какъ отецъ не переставалъ гладить ея руку.

— Что съ тобой приключилось, дитя мое?—спросилъ старикъ.—Еслибы кто взглянулъ на насъ, то принялъ бы тебя скорѣе за больную.

Она засмѣялась.

— Ты правъ, отецъ,—сказала она.—Но какъ быть, если человѣкъ, оказавшій маленькую услугу, сейчасъ же требуетъ вознагражденія?

— Не будь такой недовѣрчивой, моя дѣвочка; можетъ быть, дѣло обстоитъ совершенно иначе. Человѣкъ узнаетъ, что мы въ большой нуждѣ, и является сюда съ самыми добрыми помыслами...

— Ты наивенъ, какъ ребенокъ,—живо отвѣтила она.—Ты

судишь о другихъ людяхъ по своему собственному сердцу, не знающему кривыхъ путей. Еслибы ты зналъ, какіе люди пристаютъ иногда на улицѣ, и какъ трудно иногда отдѣлаться отъ ихъ назойливости, ты бы, можетъ быть, понялъ мое недовѣріе.

— Ты смотришь слишкомъ трагично, Грета. Да и что̀ за бѣда, если кто-нибудь пойдетъ вслѣдъ за хорошенькой дѣвушкой и скажетъ ей пару комплиментовъ? Можетъ быть, и я это продѣлывалъ въ юности.

Она обвила ему шею руками и сказала:

— Нѣтъ, я увѣрена, что ты не навязывалъ себя никому,— за это я кладу обѣ руки въ огонь.

— Побереги свои руки,—шутилъ онъ.—Какъ же ты безъ рукъ будешь дѣлать букеты?

— Скажи, мама!—крикнула она госпожѣ Андерсъ, которая въ эту минуту входила изъ кухни:—отецъ когда-нибудь ухаживалъ слишкомъ настойчиво за молодыми дѣвушками?

Мать Греты громко разсмѣялась.

— Это онъ теперь хвастаетъ на старости лѣтъ. Онъ былъ застѣнчивъ, какъ школьница, и еслибы не я первая сдѣлала ему предложеніе, мы бы никогда не вѣнчались. Да вѣдь ты и до сихъ поръ остался такимъ же. Бѣда главная въ томъ, что всѣ эксплоатируютъ его добродушіе. Онъ бы теперь занималъ совсѣмъ другое положеніе, еслибы успѣхъ давался по заслугамъ.

— Довольно!—остановилъ ее старикъ.—Нечего меня приводить въ смущеніе. Я вполнѣ доволенъ и тѣмъ, что̀ зарабатываю кое-что моимъ незначительнымъ талантомъ. Такими людьми, какъ я, хоть прудъ пруди.

— Нѣтъ,—сказала Грета,—такихъ, какъ ты, больше нѣтъ во всемъ божьемъ свѣтѣ, и мы страшно гордимся тобой. Вѣдь правда, мама? Намъ обѣимъ ты нравишься именно такимъ.

— Да вѣдь это настоящее объясненіе въ любви,—сказалъ старикъ.—Лицо его сіяло, и маленькіе глазки съ преданностью смотрѣли на большую красивую дѣвушку, которая была радостью и гордостью его жизни.

— Всѣ наши въ магазинѣ очень тебѣ кланяются,—сказала она нѣжно.—Они страшно перепугались, когда я все разсказала.—Вдругъ она громко расхохоталась, и въ глазахъ ея загорѣлся шаловливый огонекъ.

— Мой итальянецъ,—стала она разсказывать,—какъ разъ собирался снова сдѣлать мнѣ предложеніе. Онъ сталъ въ торжественную позу и ожидалъ меня съ огромнымъ букетомъ цвѣтовъ. Но онъ замѣтилъ по моему лицу, что время для предло-

женія выбрано несовсѣмъ удачно. Впрочемъ, всѣ они были чрезвычайно милы. Меня просто заставили пойти домой, видя, до чего я безпокоилась.

— Напрасно ты такъ шутливо относишься къ Канелли,— сказала мать.—Онъ тебя серьезно любитъ, а ты только смѣешься.

Грета нахмурилась.

— Пока я еще отношусь къ этому со смѣхомъ,—сказала она, помолчавъ,—я довольна. Какъ знать, долго ли это еще продлится,—прибавила она, и вышла изъ комнаты. Черезъ нѣсколько времени Андерсъ сказалъ женѣ:

— Не безпокойся ты о ней, и предоставь ей дѣйствовать, какъ знаетъ. Она и безъ насъ выбьется на дорогу.

— Это меня не безпокоитъ,—возразила старуха.—На нее можно положиться. Но я боюсь этого человѣка, который преслѣдуетъ ее своими предложеніями и не умѣетъ сдерживать своей страсти. Итальянцевъ нужно очень остерегаться. Ты вѣдь самъ говорилъ, что нельзя довѣрять...

— Не каркай, не каркай, старуха, а дай мнѣ лучше клавираусцугъ и нотную бумагу. Я обѣщалъ композитору въ недѣлю закончить инструментовку.

— Ни за что я не позволю тебѣ работать въ постели!— возразила она.

— Инструментовка должна быть закончена,—рѣшительно заявилъ онъ.—И она будетъ готова,—прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Пусть онъ самъ инструментируетъ свою ерунду,—сердито заворчала она.—Хорошъ композиторъ, который работаетъ чужими руками!

— Опять ты начинаешь понапрасну выходить изъ себя. Я тебѣ сто разъ объяснялъ, что всякій ремесленникъ можетъ инструментировать.

— А что потомъ стоитъ каждый разъ въ газетахъ? Что „инструментовка очень тонкая и оригинальная“. И это человѣкъ выслушиваетъ, не моргнувъ глазомъ, спокойно позволяя себя хвалить за чужой трудъ. Истинный позоръ!

Андерсъ провелъ рукой по своимъ густымъ сѣдымъ волосамъ.

— Надоѣла ты мнѣ со своими глупостями. Да кто же меня заставляетъ заниматься этой работой? Платитъ онъ хорошо, и намъ этотъ лишній заработокъ очень кстати. Одной игрой на флейтѣ не просуществуешь. Такъ не ворчи, старуха. Дай мнѣ карандашъ и нотную бумагу. Увидишь, какъ я отлично буду работать,—только подложи мнѣ еще одну подушку подъ спину.

Она исполнила, хотя и противъ воли, все, что онъ велѣлъ. Тогда онъ взялъ ее за руку и сказалъ:

— Глупая старуха. Ты все еще влюблена въ меня и считаешь меня великимъ музыкантомъ. Вздоръ, никуда я не гожусь, и долженъ быть счастливъ, что могу еще заработать кусокъ хлѣба.

Она дала ему нотную бумагу, и вскорѣ онъ такъ ревностно сталъ писать, что забылъ все на свѣтѣ. Она нѣжно взглянула на него и пошла въ кухню, смотрѣть, что дѣлаетъ дочь.

IX.

Письмо, которое Кеслеръ задумчиво нѣсколько разъ перечитывалъ, было слѣдующаго содержанія.

„По дѣлу вашего театра, я, быть можетъ, могу дать вамъ интересныя свѣдѣнія, и даже оказать вамъ значительныя услуги. Поэтому я имѣю честь васъ просить назначить мнѣ свиданіе. Такъ какъ дѣло не терпитъ отлагательства, то я васъ прошу, если ваше время это позволяетъ, пожаловать днемъ около пяти часовъ, въ „Café des Westens". Если этотъ часъ вамъ не подходитъ,—пожалуйста, назначьте другое время.

„Съ выраженіемъ полнаго почтенія,—Фрицъ Штейнеръ".

Кеслеръ прочелъ это письмо со смѣшаннымъ чувствомъ. Оно показалось ему многословнымъ и деликатнымъ; при этомъ, оно написано было съ нѣкоторою подобострастностью, которую Кеслеръ ясно ощутилъ. Но одно мѣсто въ письмѣ его настолько восхищало, что онъ его прочелъ нѣсколько разъ. Мѣсто это гласило: „по дѣлу *вашего* театра".

— Мой театръ,—тихо проговорилъ онъ.—Этотъ человѣкъ такъ пишетъ, какъ будто бы дѣло идетъ о чемъ-то твердомъ.— Вотъ первый человѣкъ, который вѣритъ въ „его театръ" и не считаетъ это простымъ измышленіемъ фантазіи. Слова эти преисполнили его такой благодарности, что онъ забылъ про многословность письма, и почувствовалъ къ его автору нѣжную симпатію.

Но откуда онъ зналъ про „его театръ"? Можетъ быть, онъ— одинъ изъ совладѣльцевъ участка? Черезъ минуту Кеслеръ уже не сомнѣвался, что письмо это могъ написать только заинтересованный въ дѣлѣ человѣкъ. Никто другой не зналъ о его планахъ.

Было совершенно ясно, что Клефельдъ сообщилъ объ его „предложеніи" комитету, и что одинъ изъ членовъ правленія обратился теперь къ нему лично, чтобы начать переговоры.

Глубокая радость охватила Кеслера. Наконецъ, онъ близокъ къ цѣли. Можетъ быть, изъ всѣхъ его смѣлыхъ мечтаній все-таки создастся прекрасная дѣйствительность. Ему видѣлось счастье, котораго онъ ждалъ съ такой вѣрой и съ такимъ терпѣніемъ... Но когда прошелъ первый порывъ радости, онъ сталъ серьезно обсуждать, какъ ему слѣдуетъ вести себя съ капиталистомъ, чтобы внушить къ себѣ довѣріе и сохранить свое достоинство.

Онъ усмѣхнулся, такъ какъ зналъ, что съумѣетъ надлежащимъ образомъ вести себя. Во-первыхъ, онъ явится на четверть часа позже назначеннаго срока; онъ сдержитъ свое нетерпѣніе, будетъ говорить очень холодно, скроетъ всѣ желанія, которыя кипятъ въ немъ, не выдастъ себя ни однимъ движеніемъ лица, а будетъ вести разговоръ спокойнымъ дѣловымъ тономъ, ни на минуту не открывая своихъ картъ. Вотъ программа, которую онъ поставилъ себѣ.

Во всѣ эти фантазіи и планы вплетался, по какимъ-то непостижимымъ для него самого ассоціаціямъ, образъ Греты Андерсъ. Онъ видѣлъ передъ собой каждую черту ея лица. Видѣлъ, какъ она гордо откинула голову и гнѣвно взглянула на него сверкающими глазами. Онъ былъ всегда нѣсколько суевѣренъ. Онъ былъ отчасти фаталистъ, придававшій значеніе всему случайному въ жизни; теперь онъ твердо вѣрилъ, что всѣ происшествія послѣднихъ дней стояли въ тѣсной связи, и что старикъ Фрейтагъ, также какъ Грета Андерсъ, сплетены какими-то таинственными нитями съ его судьбой.

Но не только фатализмъ привязывалъ его къ этой дѣвушкѣ. Всѣ его чувства спутались изъ-за нея; но такъ какъ онъ скептически относился ко всему связанному съ чувствами, то онъ старался увѣрить себя, что только любопытство влечетъ его къ тому, чтобы разгадать эту странную натуру, или что ея костюмъ въ ночной часъ произвелъ впечатлѣніе на его артистическую фантазію. Но какъ бы ни объяснять его отношеніе, онъ чувствовалъ только, что его все болѣе и болѣе охватываетъ внутреннее волненіе. Ему было тяжело, что они разстались такъ недружелюбно и что его внезапное вторженіе въ тихую, мирную семью не только не сблизило его съ нею, а напротивъ того, порвало и безъ того слабыя отношенія.

И вдругъ въ его головѣ мелькнула упрямая мысль, что все его предпріятіе не удастся, если онъ не перетянетъ на свою сторону Грету Андерсъ, или по крайней мѣрѣ не примиритъ ее съ собой... Отъ этой мысли, какъ только она возникла у него,

онъ уже не могъ отдѣлаться, и все время повторялъ:—Я долженъ примириться съ ней, прежде чѣмъ свижусь съ Штейнеромъ.

И онъ сталъ ломать себѣ голову, какъ это сдѣлать... но ничего умнаго не могъ придумать. Онъ медленно и тщательно одѣлся, положилъ свѣжую пару лайковыхъ перчатокъ въ карманъ и медленно спустился съ лѣстницы. Въ самомъ низу онъ встрѣтилъ Фрейтага. Онъ остановился передъ Кеслеромъ, выпрямился и посмотрѣлъ на него большими, вопрошающими глазами. Кеслеру сдѣлалось непріятно отъ этого взгляда.

— Я серьезно обдумалъ ваше дѣло,—сказалъ онъ,—и скоро сообщу вамъ мое рѣшеніе. Но теперь, пожалуйста, извините меня—у меня очень важное засѣданіе, и мнѣ нельзя опоздать на него.

Фрейтагъ снялъ шляпу и глубоко поклонился. Потомъ онъ пропустилъ Кеслера. Архитектору сдѣлалось на минуту жутко.

„Ужъ не смѣется ли онъ надо мной? — подумалъ онъ.— Не понялъ ли онъ меня? Или же я дѣйствительно внушаю такое огромное уваженіе, что его поклонъ выражаетъ его внутреннее убѣжденіе“?

Мысли Кеслера отклонились въ сторону... У дома его ожидала коляска... Онъ внутренно разсмѣялся. Среди всѣхъ треволненій онъ забылъ, что у него есть коляска. Это объясняло поклонъ Фрейтага. Этотъ человѣкъ проникся его величіемъ.

Садясь въ коляску, онъ убѣдился, что разсчетъ его на престижъ коляски былъ вѣрный: его значеніе въ глазахъ сосѣдей выросло невообразимо. Изо всѣхъ домовъ ему кланялись. Коляска дѣйствовала какъ магическое заклинаніе, и хозяйка его значительно содѣйствовала широкому распространенію слуховъ о его богатствѣ. На Шютценштрассе ему кланялись совершенно чужіе люди... Онъ слегка приподнималъ шляпу и каждый разъ снисходительно раскланивался.

— Куда прикажете ѣхать?—спросилъ кучеръ.

Совершенно безсознательно и самъ пораженный своими словами, онъ сказалъ:—Краузенштрассе, 19.

Теперь онъ уже сообразилъ, какъ поступить... Когда ему открыла дверь госпожа Андерсъ и взглянула на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ, онъ быстро проговорилъ, не смущаясь ея удивленнымъ взглядомъ:

— Простите, что безпокою васъ. Будьте любезны—дайте мнѣ адресъ цвѣточнаго магазина, гдѣ занимается ваша дочь,—мнѣ нужно сообщить ей нѣчто очень важное.

— Надѣюсь, ничего непріятнаго?—испуганно спросила госпожа Андерсъ, смущенная страннымъ поведеніемъ Кеслера.

— Нисколько,—быстро отвѣтилъ онъ.—Но она должна немедленно узнать то, что я ей скажу.

— Она работаетъ въ цвѣточномъ магазинѣ Шредера на Линкштрассе,—отвѣтила жена музыканта, облегченно вздохнувъ.

— А какъ поживаетъ вашъ мужъ?—спросилъ онъ такъ же быстро.

— Благодарю васъ. Докторъ надѣется, что все обойдется. Но не зайдете ли вы сами посмотрѣть?

— Я, къ сожалѣнію, страшно тороплюсь. Я позволю себѣ заглянуть къ вамъ на дняхъ...

Онъ вѣжливо откланялся и быстро спустился внизъ.

— Поѣзжайте на Линкштрассе и остановитесь у цвѣточнаго магазина Шредера.

Проѣзжая по Лейпцигерштрассе, среди оживленной суеты, скопленія всякаго рода экипажей, моторовъ, конокъ и быстро снующихъ по тротуарамъ пѣшеходовъ, Кеслеръ упивался, какъ всегда, кипучей столичной жизнью Берлина. Ему нравилось, что сильные спокойно сталкиваютъ съ дороги слабыхъ и безжалостно проходятъ черезъ нихъ... Кеслеру казалось, что такъ и должно быть. Слабые лишніе люди только тормазятъ движеніе, — ихъ нужно удалить. Но онъ не долго предавался размышленіямъ. Вниманіе его вдругъ остановилось на двухъ прохожихъ, которымъ не удавалось въ этой сутолокѣ перейти съ тротуара на тротуаръ.. Онъ вспомнилъ, какъ Дренквицъ, пріѣхавши въ первый разъ въ Берлинъ студентомъ, писалъ домой, что всѣ берлинскіе жители—акробаты или канатные плясуны,—потому что только такіе люди могутъ переходить черезъ улицу. Для всѣхъ прочихъ смертныхъ это—слишкомъ безумное предпріятіе, ведущее къ гибели. Дѣйствительно, въ первое время Дренквицъ не иначе переходилъ на другую сторону, какъ держась за его руку.

Кучеръ остановился, и онъ выпрыгнулъ изъ коляски.

Въ витринѣ выставлены были чудные весенніе цвѣты... Онъ не обратилъ на нихъ вниманія. Взявшись рѣшительнымъ движеніемъ за ручку двери, онъ вошелъ въ магазинъ. Молодой человѣкъ, съ черными, какъ смоль, волосами, насквозь пропитанными помадой, и съ маленькими острыми глазами, спросилъ его, что ему угодно.

— Я хотѣлъ бы видѣть на минуту фрейлейнъ Андерсъ,—твердо и нѣсколько высокомѣрно сказалъ онъ.

Молодой человѣкъ скрестилъ руки на груди и посмотрѣлъ на Кеслера враждебнымъ, подозрительнымъ и дерзкимъ взглядомъ.

— Вы слышали, что я сказалъ? — холодно спросилъ Кеслеръ.

Молодой человѣкъ презрительно улыбнулся и исчезъ въ глубинѣ магазина. Вскорѣ послѣ того появилась Грета Андерсъ.

— Чѣмъ могу служить? — холодно спросила она. По тону ея голоса онъ ясно понялъ, что она чувствуетъ себя оскорбленной... Тогда въ немъ произошло нѣчто странное: глаза его расширились, надменное лицо его получило мягкое выраженіе... Онъ сказалъ тихимъ голосомъ:

— Пожалуйста, милая фрейлейнъ Грета, не сердитесь, не приписывайте мнѣ дурныхъ намѣреній. Мнѣ необходимо поговорить съ вами о чрезвычайно важномъ для меня дѣлѣ. Я васъ очень прошу удѣлить мнѣ нѣсколько времени.

Тонъ его голоса и его взглядъ произвели на нее странное впечатлѣніе. Они какъ бы гипнотизировали ее.

— О чемъ бы вы могли желать поговорить со мной?—спросила она болѣе уступчивымъ тономъ.

— Пожалуйста, не отказывайте! — настаивалъ онъ. — Для меня это гораздо важнѣе, чѣмъ вы можете предположить.

Она еще колебалась съ минуту, и потомъ сказала ему:

— Хорошо, я иду обѣдать, и вы можете проводить меня немного. Подождите меня, пожалуйста, на улицѣ.

Онъ облегченно вздохнулъ, тихо повелъ головой и вышелъ изъ магазина... Черезъ нѣсколько минутъ вышла и Грета Андерсъ.

— Вотъ я и пришла. Что вамъ, собственно, нужно отъ меня? Пожалуйста, говорите покороче! — прибавила она рѣзко, точно уже раскаиваясь въ томъ, что уступила. Она оглянулась назадъ, на магазинъ, изъ котораго за нею слѣдила пара враждебныхъ глазъ. Кеслеръ посмотрѣлъ по тому же направленію и увидалъ лицо молодого человѣка, котораго онъ просилъ позвать Грету Андерсъ.

Ея лицо вспыхнуло, но она ни слова не сказала и пошла рядомъ съ Кеслеромъ. Коляска медленно поѣхала вслѣдъ за ними.

— Не позволите ли вы отвезти васъ домой?—спросилъ Кеслеръ, указывая рукой на кучера.

— Нѣтъ, не позволю, — отвѣтила она и остановилась посреди улицы, устремивъ на него гордый, проницательный взглядъ.

— Фрейлейнъ Грета,—заговорилъ онъ, снова обрѣтя тотъ же тонъ, которымъ онъ говорилъ въ магазинѣ, и опять въ его движеніи было что-то безпомощное, чему она не могла противиться...—

Фрейлейнъ Грета,—повторилъ онъ,—я очутился теперь передъ однимъ изъ самыхъ важныхъ рѣшеній моей жизни. Черезъ нѣсколько часовъ я узнаю, такъ ли устроится мое будущее, какъ я желаю всей душой. Я знаю,—возбужденно прервалъ онъ себя,—что вы въ эту минуту считаете меня сумасшедшимъ, и не понимаете, по какому праву я говорю вамъ о своихъ дѣлахъ?.. Можетъ быть, вы правы, но дѣло обстоитъ не такъ просто, какъ вы полагаете. Я увѣренъ,—сказалъ онъ медленно, отчеканивая каждое слово,—что меня будутъ преслѣдовать неудачи, если вы не простите мнѣ и вполнѣ искренно не примиритесь со мной. Вы смѣетесь,—прибавилъ онъ,—я понимаю, что вы не принимаете серьезно моихъ словъ. Но еслибъ вы меня лучше знали, вы бы повѣрили мнѣ. Вѣдь вы не знаете, что вы сплетены съ моей судьбой. Да и откуда вамъ это знать? Какъ разъ въ ту ночь, когда я васъ встрѣтилъ, въ судьбѣ моей произошелъ странный поворотъ... Все, что я вамъ теперь говорю,—прибавилъ онъ возбужденно и какъ бы опьяняясь самъ своими словами,—звучитъ таинственно, и все-же въ словахъ моихъ заключается глубокая правда. Я стою теперь у самой цѣли, и знаю, что не достигну ея, если вы не согласитесь со мной... Дѣло въ томъ,—сказалъ онъ пониженнымъ голосомъ,—что, въ противномъ случаѣ, между мною и моей волей поднимается темная сила, которая парализуетъ меня и лишаетъ меня необходимой при осуществленіи большихъ замысловъ непосредственности... Пожалуйста, не смѣйтесь, дорогая фрейлейнъ Грета, и не считайте меня безумцемъ.

Онъ замолчалъ, но не сводилъ съ нея глазъ, точно отъ ея отвѣта зависѣла вся его жизнь.

Грета Андерсъ провела рукой по лбу.

— Я уважаю, — медленно сказала она, — чувства другихъ людей, даже если не вполнѣ ихъ понимаю. — Легкая улыбка пробѣжала по ея лицу; она протянула ему руку и сказала: — Я не встану ни съ какими дурными мыслями между вами и вашей цѣлью. Я желаю вамъ достигнуть ея. — И она продолжала болѣе сочувственнымъ тономъ: — Такихъ громкихъ словъ не было даже надобности говорить,—они слишкомъ искусственны. А теперь—прощайте. Я все-таки желаю вамъ отъ души всякаго счастья.

Онъ на секунду задержалъ ея руку въ своей.

— За вашимъ адресомъ я заходилъ къ вашей матери, — сказалъ онъ,—и обѣщалъ ей опять придти. Но я приду только въ такомъ случаѣ, если вы мнѣ позволите. Мнѣ бы вѣдь тоже очень хотѣлось сообщить вамъ, какъ все устроилось.

Грета Андерсъ отвѣтила:

— Ужъ если мириться, то вполнѣ.—Она кивнула ему и легкой поступью пошла дальше. Ея слегка покачивающаяся походка восхищала Кеслера, и онъ слѣдилъ за ней глазами, пока она не исчезла въ толпѣ.

X.

Въ половинѣ шестого, Кеслеръ вошелъ въ кафе „des Westens“. Подойдя къ буфету, онъ спросилъ, не справлялся ли одинъ господинъ объ архитекторѣ Кеслерѣ.

— Да, вотъ этотъ господинъ, — отвѣтила барышня, сидѣвшая за буфетомъ, и указала на столикъ у входа. Взглянувъ въ ту сторону, Кеслеръ увидѣлъ тощаго человѣка въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ, который поспѣшно поднялся и пошелъ ему навстрѣчу.

Видъ у этого господина былъ очень странный. Онъ размахивалъ на ходу руками. Его возбужденные маленькіе глаза, которые онъ постоянно таращилъ безъ всякой надобности, имѣли блуждающее выраженіе. Длинный, лоснившійся отъ старости, сюртукъ былъ такой узкій, что обладатель его былъ точно зашнурованъ. У него была жидкая, острая бородка, которую онъ постоянно поглаживалъ.

Кеслеръ нѣсколько испугался его вида; имъ овладѣло чувство нерѣшительности и полнаго упадка духа... Этотъ человѣкъ, съ комическими жестами, никакъ не могъ быть желаннымъ капиталистомъ.

Но времени для долгихъ размышленій у него не было.

— Мое имя Штейнеръ, — сказалъ господинъ;—я, кажется, имѣю честь говорить съ архитекторомъ Кеслеромъ?

Кеслеръ безмолвно кивнулъ головой, и въ отвѣтъ на это Штейнеръ такъ комично поклонился, что Кеслеръ радъ былъ, когда эта церемонія кончилась и оба они сѣли къ столу.

— Позвольте узнать, чему я обязанъ чести вашего знакомства? — холодно и слегка иронически спросилъ Кеслеръ. Онъ былъ внѣ себя отъ того, что такъ попался.

— Вы вѣдь знаете, я вамъ уже писалъ. Дѣло идетъ о вашемъ театрѣ. Мнѣ необходимо переговорить съ вами о вашемъ театрѣ.

— Позвольте прежде всего узнать, — сдержанно сказалъ Кеслеръ, — какимъ образомъ вы знаете о моемъ проектѣ? На-

сколько мнѣ извѣстно, я говорилъ о немъ съ однимъ только человѣкомъ.

Штейнеръ многозначительно улыбнулся.

— Конечно, вы это узнаете. Я вѣдь затѣмъ и пришелъ, чтобы сообщить вамъ объ этомъ... Такъ вотъ, чтобы не долго распространяться,—вы были вчера у г-на Клефельда, чтобы поговорить о попыткѣ пріобрѣсти мѣсто на Ноллендорфской площади. Вѣрно я говорю?

Кеслеръ поднялъ на него глаза.

— Да, это вѣрно,—сказалъ онъ.

— Г-нъ Клефельдъ,—продолжалъ Штейнеръ,—сообщилъ объ этомъ, и вамъ черезъ нѣсколько дней пришлютъ извѣщеніе о томъ, что мѣсто вамъ уступаютъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы заплатили девяносто-тысячъ марокъ задатка и дали ясныя доказательства, что за вами стоятъ солидные капиталисты... Вѣдь задатокъ въ девяносто-тысячъ никакого значенія не имѣетъ,—продолжалъ онъ;—нужно знать, располагаете ли вы достаточными суммами, чтобы осуществить это гигантское предпріятіе.

— Это все, что вы имѣли мнѣ сказать?—спросилъ Кеслеръ, которому становилось не по себѣ, слушая точное изложеніе того, какъ обстоятъ дѣла. Все его предпріятіе показалось ему въ эту минуту безуміемъ; какая глупость—отдавать всѣ свои помыслы и все свое время такому неосуществимому дѣлу!

Штейнеръ прищурилъ свои безпокойные глазки.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—это еще не все, еще далеко не все. Я бы хотѣлъ знать,—медленно прибавилъ онъ,—примете ли вы и можете ли вы принять предложеніе директора.

Кеслеру становилось все болѣе не по себѣ. Вопросъ былъ поставленъ такимъ вызывающимъ тономъ, точно Кеслеръ принялъ на себя обязательство, которое онъ не въ силахъ выполнить. Ему становилось жутко. Ему показалось, что онъ сталъ въ тупикъ; потомъ ему представилось, что постройка уже началась, и что, въ своемъ безумномъ желаніи построить театръ, онъ навалилъ на себя тяжесть, подъ которою онъ изнемогаетъ... Безконечный рядъ темныхъ силъ нападаетъ на него и обступаетъ его требованіями.

— Да кто же собственно такой вы?—спросилъ онъ почти беззвучно. — Вы дѣлаете мнѣ допросъ, какъ судебный слѣдователь. Какое у васъ на это право?.. Я васъ совершенно не знаю.

— Вы меня совершенно невѣрно поняли,—отвѣтилъ Штейнеръ.—Я вѣдь вашъ единственный союзникъ, потому что мнѣ

нуженъ театръ, который вы хотите строить. Я хочу управлять этимъ театромъ... Кто я такой и какимъ образомъ я знаю о вашемъ проектѣ? Все это очень просто. Я часто вижу одного изъ владѣльцевъ „вашего“ участка. Я тотъ, который напишетъ вамъ отъ имени дирекціи письмо, о которомъ я вамъ теперь говорю... Мнѣ также поручено навести справки о вашей дѣятельности и о вашемъ матеріальномъ положеніи. Отвѣтъ справочнаго бюро уже у меня въ карманѣ. Я знаю, что у васъ нѣтъ ни гроша, никакихъ связей, но что вы безумно честолюбивы и что у васъ есть талантъ. Или, быть можетъ, вѣрнѣе сказать—„таланты“? — Онъ усмѣхнулся. — Я ни въ чемъ васъ не обвиняю,—поспѣшилъ онъ прибавить.—Человѣкъ въ вашемъ положеніи долженъ дѣлать долги. Я очень одобряю то, что вы сейчасъ же завели коляску. Если вамъ удастся вашъ планъ, то придется еще и не такія траты дѣлать. Нанимать экипажъ— этого еще мало. Вы должны жить въ шикарной квартирѣ, давать большіе обѣды, бывать на первыхъ представленіяхъ и показываться на балахъ,—вездѣ должны о васъ говорить.

Кеслеръ посмотрѣлъ на Штейнера совершенно растерянно. Этотъ человѣкъ, знающій всѣ условія его жизни, смѣется, должно быть, надъ нимъ.

Штейнеръ, повидимому, понялъ, что происходитъ въ душѣ архитектора.

— Я совершенно искрененъ съ вами, повѣрьте мнѣ. Я могу вамъ это доказать. Но мнѣ нужно прежде всего знать, какой театръ вы намѣрены строить. Послѣ того, я разскажу вамъ о себѣ.

Кеслеръ медленно изложилъ свои планы. Онъ былъ какъ бы подъ гипнозомъ, и чѣмъ болѣе онъ разсказывалъ, тѣмъ оживленнѣе, пламеннѣе и краснорѣчивѣе онъ становился.

— Это будетъ, — заключилъ онъ, — опера съ зрительнымъ заломъ на три тысячи человѣкъ.

Глаза его блестѣли, и онъ съ величайшимъ напряженіемъ ожидалъ отвѣта Штейнера, который долго молчалъ, точно обдумывая все слышанное, прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Если таково ваше намѣреніе, многоуважаемый господинъ Кеслеръ, то весь нашъ теперешній разговоръ не имѣетъ смысла.

Кеслеръ былъ глубоко пораженъ.

— Почему же?—растерянно спросилъ онъ.

— Потому что безсмысленно строить въ Берлинѣ оперу и конкуррировать съ оперой королевской. Такой фантастическій

проектъ не представляетъ для меня никакого интереса. О музыкѣ я не имѣю ни малѣйшаго представленія.

Кеслеръ почувствовалъ себя ошеломленнымъ. Точно кто-то сзади напалъ на него и повалилъ его на земь... Въ этомъ настроеніи онъ и отвѣтилъ совершенно наивно, не уяснивъ себѣ связи всего, что онъ слышалъ.

— Зачѣмъ же вамъ понимать музыку? Достаточно есть музыкантовъ на свѣтѣ — можно найти, кого пригласить. Вѣдь это не можетъ быть препятствіемъ... По моему мнѣнію, по крайней мѣрѣ...

— А вы думаете, что я соглашусь управлять театромъ, ничего въ этомъ не понимая? Неужели вы дѣйствительно считаете это возможнымъ?.. Нѣтъ, господинъ архитекторъ, это было бы безуміемъ и помимо моихъ соображеній.

— Да и нѣтъ никакой надобности, чтобы это была непремѣнно опера. Для меня вѣдь главное—построить театръ, а потомъ уже увидимъ. Еслибы вы помогли мнѣ осуществить постройку... Можете вы мнѣ помочь?

Штейнеръ оперся рукою о столъ и отвѣтилъ, сверкая глазами:

— Кажется, могу. Во всякомъ случаѣ, приложу всѣ старанія. Я желаю быть съ вами вполнѣ искреннимъ—въ такомъ предпріятіи нельзя обманывать другъ друга—и говорю поэтому, что примыкаю къ вамъ не изъ-за вашихъ „прекрасныхъ глазъ", а потому, что я въ такомъ же тяжеломъ положеніи, какъ и вы. Вамъ нужно построить театръ, а мнѣ непремѣнно нужно стать директоромъ театра... Дайте мнѣ договорить: не думайте, что это у меня навязчивая идея... я не всегда былъ канцелярскимъ служащимъ и частнымъ секретаремъ. Я съ дѣтства стою близко къ театру... Я игралъ въ провинціи, написалъ безконечный рядъ пьесъ, и писалъ театральныя рецензіи во всевозможныхъ газетахъ... Въ концѣ-концовъ, я достигъ цѣли всей моей жизни—я былъ директоромъ въ Вѣнѣ, — прибавилъ онъ трагическимъ голосомъ.—Я бы могъ начать новую театральную эпоху, еслибы со мной не случилось несчастія—мой театръ сгорѣлъ, и съ этой поры дѣла мои стали очень плохи. Да, говоря по правдѣ, мнѣ никогда въ жизни не везло... Жареные голуби не летали мнѣ въ ротъ. Я много мучился. Послѣ пожара моего театра, я окончательно разорился. Меня же обвинили въ несчастіи, и поэтому, куда бы я ни являлся, я всюду находилъ запертыя двери, пока, наконецъ, не получилъ мѣсто частнаго секретаря. Человѣкъ съ моими способностями—секретарь... Представляете вы себѣ, что

это значитъ? Я, однако, не терялъ надежды и ждалъ, что придетъ часъ, который вознаградитъ меня за все прошлое... И теперь этотъ часъ насталъ. Вы нуждаетесь во мнѣ, а я нуждаюсь въ васъ. Вы сами понимаете, что послѣ такихъ справокъ,—онъ вынулъ изъ бумажника нѣсколько густо исписанныхъ листковъ и передалъ ихъ Кеслеру,—послѣ такихъ справокъ, вамъ не продадутъ участка. И столь же трудно было бы вамъ найти капиталиста. Вы съ этимъ согласны?

— Я не отрицаю, что это очень трудно. Но если у человѣка есть счастье...

— А у васъ есть счастье?

— Да,—рѣшительно отвѣтилъ Кеслеръ,—у меня есть счастье.

Штейнеръ поглядѣлъ на него внимательно и задумчиво. У него былъ возбужденный видъ.

— Почему вы такъ пристально смотрите на меня? — спросилъ Кеслеръ.

— Нельзя достаточно наглядѣться на человѣка, у котораго есть счастье,—отвѣтилъ онъ;—но если это правда, то вы пробьете себѣ дорогу. Съ однимъ талантомъ ничего не подѣлаешь,—нужно счастье, особенно въ театральныхъ дѣлахъ. Кто неудачникъ въ театрѣ, тому въ пору повѣситься.

— Да, — сказалъ Кеслеръ. — Но въ такомъ случаѣ очень опасно войти въ театральныхъ дѣлахъ въ союзъ съ вами.

— Почему же такъ?—испуганно спросилъ Штейнеръ.

— У васъ, очевидно, нѣтъ никакого счастья. Вы—старый, сѣдой человѣкъ и ничего еще въ жизни не достигли. Что вамъ дала ваша любовь къ театру? Мнѣ кажется, что вы всю свою жизнь были жалкимъ неудачникомъ.

Штейнеръ нахмурилъ лобъ.

— Вы очень проницательны, господинъ архитекторъ, но все-же ошибаетесь. Я вовсе не такъ неудачливъ. На моемъ мѣстѣ, сколько другихъ погибло бы, не выдержавъ ударовъ судьбы, которые обрушивались на меня. Они бы отказались отъ своей любви и стали бы искать себѣ пропитанiе въ какомъ-нибудь захолустьи. А я ни на одинъ часъ не отказывался отъ своей надежды и зналъ, что когда-нибудь восторжествую. Вотъ вы увидите, какъ я поведу дѣло, — у меня поразительные замыслы. Но объ этомъ еще рано говорить. Знайте только одно: это долженъ быть театръ въ современномъ вкусѣ, съ актерами въ современномъ стилѣ, и я этотъ стиль нашелъ.

Кеслеръ совершенно растерялся отъ многословiя Штейнера, но онъ все-таки почувствовалъ въ немъ силу фанатика. Чтобы

показать, что его нельзя провести этими словами, Кеслеръ сказалъ:

— Все это прекрасно, но эти мечты не могутъ подвинуть наше дѣло... Я бы прежде всего хотѣлъ знать ваше мнѣніе о томъ, какъ могутъ сложиться дѣла.

Штейнеръ пододвинулъ стулъ.

— Мнѣ очень пріятно, что вы ставите этотъ вопросъ. Вотъ какъ обстоятъ дѣла. Дирекція должна продать участокъ, потому что платежи за него слишкомъ велики. Одинъ покупатель уже объявился. Если его отохотить отъ покупки — объ этомъ я постараюсь,—то на очереди ваше предложеніе. Нужно знать, какъ устроить дѣло, чтобы вы получили участокъ, не внося залога. Вамъ придется только нести расходы по купчей... Это нѣсколько тысячъ марокъ.

— Развѣ мнѣ дадутъ участокъ безъ залога?

— Такъ просто не дадутъ, но нужно убѣдить дирекцію, что вы геніальный человѣкъ, что вамъ нуженъ вашъ капиталъ для самой постройки, и что дирекція ничего не теряетъ, такъ какъ покупная цѣна можетъ быть отнесена подъ первую закладную.

Лицо Кеслера просіяло.

— Еслибы вамъ это удалось, я бы призналъ васъ геніемъ,—быстро замѣтилъ онъ.

— Это мнѣ удастся,—твердо отвѣтилъ Штейнеръ:—во-первыхъ, участокъ необходимо продать, а кромѣ того, мой непосредственный начальникъ, очень вліятельный членъ дирекціи—любитель театра. Ему я съ цифрами въ рукахъ докажу, что театръ нашъ будетъ получать огромные барыши, такъ какъ онъ будетъ первокласснымъ въ Германіи, и притомъ я буду предлагать публикѣ нѣчто крайне новое и оригинальное... Въ этомъ отношеніи вы можете на меня положиться.

— Охотно вамъ вѣрю,—сказалъ Кеслеръ,—но я хотѣлъ бы предложить вамъ еще нѣсколько вопросовъ. Предположимъ даже, что удастся пріобрѣсти этотъ участокъ. Какъ же мы достанемъ капиталъ на постройку?

— Положитесь на меня. Если у насъ будетъ участокъ, то я считаю дѣло сдѣланнымъ. Вторая закладная дастъ намъ возможность строиться.

Кеслеръ такъ громко разсмѣялся, что на сосѣднихъ столахъ поглядѣли въ ихъ сторону.

— А если мы не получимъ участка,—что тогда?

— Мы непремѣнно получимъ. Дѣло еще въ томъ, что тутъ

есть два участка земли, лежащіе рядомъ, но которые принадлежатъ разнымъ владѣльцамъ. Вѣдь вы это знаете?

— Да, знаю.

— Ну, такъ вотъ... Торгуясь на одинъ участокъ, мы скажемъ, что другой предлагаютъ намъ купить. Вы не представляете себѣ, какъ это подѣйствуетъ. Одна только есть опасность въ этомъ,— прибавилъ онъ, — что въ концѣ-концовъ оба участка окажутся у насъ на шеѣ.

Кеслеръ взялъ Штейнера за руку.

— Да вѣдь вы геній,—сказалъ онъ.—И тѣмъ лучше, если у насъ будутъ оба участка. Тогда я построю нѣчто еще никогда невиданное. Весь міръ заговоритъ обо мнѣ, а вы будете директоромъ театра,—я вамъ это обѣщаю.

— Хорошо,—сказалъ Штейнеръ. — Отнынѣ мы тѣсно связаны. Обѣщайте только говорить мнѣ всегда полную правду, ничего не предпринимать безъ моего вѣдома и противъ моего желанія.

— Это рѣшено,—отвѣтилъ Кеслеръ.

— А теперь бы я хотѣлъ еще знать, найдется ли у васъ какой-нибудь знакомый, который взялъ бы на себя расходы по покупкѣ. Вѣдь это все-таки около пяти тысячъ марокъ,—я уже это сказалъ.

Лицо Кеслера омрачилось.

— Я никого не знаю,—тихо проговорилъ онъ.

— Вотъ вы говорили о прокурорѣ Древквицѣ. Нельзя ли къ нему обратиться?

— Древквицъ могъ бы помочь мнѣ маленькою суммою. Но я, право, не знаю, слѣдуетъ ли къ нему обращаться,—задумчиво прибавилъ онъ больше для себя.

— Послушайте,—сказалъ Штейнеръ, — этотъ человѣкъ можетъ оказать намъ иного рода услугу. Онъ долженъ присутствовать при совѣщаніяхъ, которыя я устрою съ моимъ принципаломъ. Это ужъ вы должны устроить. Въ присутствіи прокурора гораздо легче будетъ уговорить моего принципала. Устроить это будетъ не трудно. Вы попросите вашего прокурора придти въ кафé для переговоровъ; мы тоже будемъ тамъ, и знакомство завязано... Это чрезвычайно важно.

Кеслеръ широко открылъ глаза. Ему стало жутко передъ изобрѣтательностью этого человѣка. Но онъ ясно чувствовалъ, что Штейнеръ идетъ вѣрнымъ путемъ.

— Почему вы такъ странно на меня смотрите?—спросилъ Штейнеръ и улыбнулся.

— Потому что вы мнѣ внушаете большое почтеніе. А скажите,—вдругъ спросилъ онъ, самъ не зная, какъ этотъ вопросъ вырвался у него,—скажите, вы никогда не сидѣли въ тюрьмѣ?

— Сидѣлъ,—отвѣтилъ Штейнеръ.—Тогда, послѣ пожара, я сидѣлъ въ предварительномъ заключеніи цѣлыхъ три мѣсяца,—прибавилъ онъ съ гордостью. А потомъ меня блестяще оправдали. Но почему вы объ этомъ спросили?

— Право, самъ не знаю. Вѣроятно, по какой-нибудь несознаваемой ассоціаціи идей.

— Мнѣ очень пріятно, что вы справляетесь о моемъ прошломъ... Я сидѣлъ также за нарушеніе законовъ печати... Но это нѣтъ надобности разсказывать вашему прокурору... Онъ можетъ это ложно истолковать. Онъ, видно, не знаетъ, что для журналиста иногда почетно попасть въ тюрьму.

— Вы правы. Дренквицъ бы это невѣрно понялъ.

Штейнеръ поднялся.

— Довольно на сегодня,—сказалъ онъ.—Черезъ нѣсколько дней, вы услышите обо мнѣ. Если я имѣю право дать вамъ совѣтъ, то прошу васъ ни съ кѣмъ пока не говорить о нашемъ проектѣ.

— Я никому ничего не скажу, — отвѣтилъ Кеслеръ, еще разъ пристально поглядѣвъ на Штейнера. Затѣмъ, онъ съ нимъ попрощался и пошелъ домой съ тяжелой головой и очень смѣшанными чувствами.

Съ нѣм. З. В.

ЭТЮДЫ
О
БАЙРОНИЗМѢ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Западныя литературы [1]).

Посмертное вліяніе Байрона—одинъ изъ любопытныхъ фактовъ въ „психологіи народовъ". Круговоротъ общественныхъ настроеній и симпатій, всегда неустойчивыхъ, съ короткой памятью, съ быстрыми переходами отъ энтузіазма къ охлажденію, равнодушію, неблагодарному забвенію, долженъ былъ бы, казалось, и въ данномъ случаѣ обнаружить повсемѣстную убыль увлеченія, какъ только миновали сильныя, героическія впечатлѣнія гибели поэта-вождя и прерванъ былъ многолѣтній, чарующій гипнозъ, непосредственно исходившій отъ необычайной личности и ея блестящаго творчества. Но вмѣсто убыли мы наблюдаемъ приливъ, сосредоточенность, бóльшую интенсивность. Великаго поэта нѣтъ,—но его óбразы и замыслы глубже и сильнѣе прежняго усвоиваются новыми поколѣніями; боевого представителя передовой мысли не стало,—но завѣты его живы и все шире развиваются его преемниками, не слѣпыми подражателями, но исповѣдниками его ученія. Мелочи байронической моды, картинная театральность, загадочность, титаническія аллюры могутъ еще иногда привлекать къ себѣ, но истинное содержаніе

[1]) Статья того же автора: „Школа Байрона", была помѣщена въ апрѣльской книгѣ, 1904 г., стр. 562—*Ред.*

поэзіи Байрона, мощь его протеста, міровая скорбь, философское раздумье, геніальная иронія, яркое развитіе личности, общественно-политическая руководящая роль, въ связи съ главными художественными красотами, становится источникомъ вдохновенія для тѣхъ, кому выпала на долю борьба съ старымъ порядкомъ въ государствѣ, обществѣ, нравственномъ строѣ, литературѣ. Пусть отъ Байрона отпадутъ такіе люди, какъ Гейне, Ламартинъ, Де-Виньи, и Пушкинъ покинетъ юношескіе восторги для разсудочнаго сочувствія,—на смѣну готовы новые дѣятели; одно уже славянское племя выставляетъ богатый ихъ выборъ; подходятъ неожиданныя, сильныя подкрѣпленія и съ другихъ сторонъ, напр. изъ Испаніи. Все группируется вокругъ стараго, испытаннаго имени, магически звучащаго, слушается стараго лозунга.

Канунъ іюльской революціи, отмѣченный послѣдними грубыми попытками пересилить духъ времени; безстыдный политическій фарсъ въ Испаніи, съ отреченіемъ короля отъ клятвенно закрѣпленной конституціи, гоненіемъ на народное представительство, казнью благороднаго Ріэго, вытравливаніемъ не только вольнодумства, но даже элементарныхъ запросовъ на справедливость и законность; томительное затишье въ Италіи, смѣнившее періодъ непрерывнаго броженія и охраняемое союзомъ папства, Бурбоновъ и Австріи; нестерпимый и допотопный режимъ германскаго Bund'а, съ его стремленіемъ наложить запретъ на мысль чуть не при зарожденіи ея въ мозгу подозрительныхъ людей и не дать ей воплотиться ни въ живомъ словѣ, ни въ печатной строкѣ; ближайшіе къ 14 декабря годы русской внутренней политики, полные отголосковъ тревоги и репрессіи и рѣзко разбивавшіе надежды людей пушкинскихъ убѣжденій на наступленіе эпохи реформъ; безостановочный, казалось, ростъ англійскаго консерватизма, какъ правительственнаго ученія и какъ катехизиса вліятельныхъ общественныхъ слоевъ,—такова была картина Европы вслѣдъ за кончиной Байрона, таковы условія, среди которыхъ предстояло дѣйствовать его ближайшимъ преемникамъ. Только одно общее дѣло высшаго, идеальнаго порядка,—скрѣпленное зато именно участіемъ въ немъ Байрона,—освобожденіе Греціи, затягивавшееся, задержанное помѣхами и неудачами, но уже неотвратимое ничѣмъ, свидѣтельствовало о томъ, что не заглохли гуманныя преданія.

Но омертвѣвшая общественная поверхность была обманчива. Подъ нею проявлялись, сливаясь и крѣпчая, живые народные соки, не принимая неизбѣжной, казалось, въ предшествующій періодъ формы заговора, подземной агитаціи, но все жизнеспо-

собнѣе содѣйствуя прогрессу. Парламентарная и публицистическая борьба во Франціи, протесты и вылазки англійской оппозиціи, постепенно сосредоточившіеся въ движеніи „чартизма", и разнообразные признаки пробужденія народныхъ массъ въ областной жизни Англіи; дѣятельность „Молодой Германіи" и ея итальянской сверстницы, быстро обогнавшей ее политическою зрѣлостью, „Молодой Италіи"; зарожденіе въ сдавленной, растоптанной Испаніи такой же юношеской боевой группы политиковъ и поэтовъ,—наконецъ, запоздавшая въ сравненіи съ однородными европейскими явленіями русская юношеская группа, ставшая разсадникомъ поколѣнія сороковыхъ годовъ, — были отвѣтомъ общественно-народныхъ силъ. И вездѣ, гдѣ только ни заявлялся онъ, мы встрѣчаемся, въ томъ или другомъ видѣ, съ вліяніемъ Байрона, какъ вдохновителя, какъ живого примѣра.

Но въ эту пору очевиднаго роста *общихъ* задачъ онъ не утратилъ великаго значенія и для тѣхъ, кто, выдѣляясь изъ толпы, порабощенной старымъ порядкомъ, закоснѣвшей въ покорности нравственнымъ и религіознымъ идеямъ далекаго прошлаго,—не нисходилъ до активной борьбы, а, замыкаясь въ себѣ, съ своими думами, грезами, съ своимъ презрѣніемъ и смѣхомъ, гордо выносилъ душевное одиночество, какъ прямой потомокъ разочарованныхъ людей начала вѣка. Это чувство одиночества, ставшее теперь предметомъ особаго изученія, какъ одинъ изъ главныхъ оттѣнковъ такъ называемой „болѣзни вѣка" [1]), устанавливало у тѣхъ, кто страдалъ имъ, непосредственную связь съ поэтомъ, который нѣкогда съ такою силой, съ такою захватывающей искренностью воспроизводилъ его,—правда, преодолѣвъ его потомъ и выйдя на встрѣчу народу, массѣ. Было бы, конечно, одностороннимъ утверждать, будто въ изучаемую эпоху привлекала въ байроновскомъ творчествѣ только воинствующая его сторона, будто сатирикъ, заговорщикъ и трибунъ заслонили въ немъ глубокаго лирика, пѣвца скорби, неудовлетворенности, заступника за права личности. Одна лермонтовская поэзія явилась бы рѣшительнымъ опроверженіемъ такого взгляда. Но, въ общемъ, вслѣдствіе особыхъ условій времени, перевѣсъ оставался за элементомъ борьбы. Возбуждая, вызывая броженіе, онъ проявлялъ свое вліяніе въ особенности тамъ, гдѣ жизнь выставляла опредѣленныя, насущныя задачи, гдѣ, отрѣшаясь отъ романти-

[1]) Новѣйшей работой въ этомъ направленіи, изучающей данный мотивъ во французской поэзіи прошлаго вѣка, явилась диссертація René Canat, „Une forme du mal du siècle. Du sentiment de la solitude morale chez les romantiques et les parnassiens", Paris, 1904.

ческихъ, неопредѣленныхъ томленій объ идеалѣ свободы, общественная энергія стремилась къ реальнымъ цѣлямъ,—въ той встревоженной атмосферѣ, въ которой прожиты были тридцатые и сороковые годы съ ихъ народными движеніями, рядомъ переворотовъ, политическими и соціальными системами, съ двукратнымъ электрическимъ сотрясеніемъ, обнявшимъ почти всю Европу въ началѣ и въ концѣ періода, съ двумя такими путеводными огнями, какъ іюльскія событія 1830 года и февральскіе дни 1848 г. Отъ политически-индифферентнаго Мюссе къ Лермонтову, вынесенному волнами байронизма изъ глубокаго, мучительнаго, но односторонняго самоанализа на просторъ общихъ задачъ,—отъ смѣлыхъ вылазокъ французскихъ драматурговъ, этихъ застрѣльщиковъ революціи, къ гнѣвному протесту третьей части „Дзядовъ“ или удивительной ироніи Словацкаго въ „Беньёвскомъ“,—отъ разноплеменныхъ запоздалыхъ перепѣвовъ на тему о загадочно-преступныхъ герояхъ во вкусѣ „Корсара“ или „Лары“ къ общественно-чуткой лирикѣ Гюго, Барбье, нѣмецкихъ „политическихъ поэтовъ“ сороковыхъ годовъ съ Гервегомъ во главѣ, или ихъ испанскаго собрата, эмигранта и революціонера Эспронседы, ростетъ и развивается байроновская школа, вѣрная завѣту поэта—хранить „право мыслить, наше послѣднее, неотъемлемое право“.

Вокругъ такого девиза и въ эту пору, какъ и при жизни Байрона, сходятся не одни лишь представители литературнаго слоя, поэтическаго цеха. То, что нѣкогда испытали на себѣ итальянскіе агитаторы, особенно Мадзини, повторялось теперь постоянно. Въ юности ощутивъ импульсъ байроновской поэзіи и общественной дѣятельности, воспринявъ потомъ уроки жизни, наконецъ внушенія соціальной науки, человѣкъ съ живыми стремленіями къ народному благу становился потомъ не стихотворцемъ байроническаго пошиба, а реформаторомъ, просвѣтителемъ, дѣятельнымъ публицистомъ. Таковы на родинѣ Байрона—Кингслей и Джонъ Рэскинъ. Въ этомъ расширенномъ кругѣ приверженцевъ и вѣрныхъ цѣнителей разносторонняго значенія Байрона намъ встрѣчаются такіе люди, какъ Бёрне и Герценъ.

Въ такой полнотѣ развитія, въ богатствѣ силъ, посвятившихъ себя поддержкѣ и распространенію движенія, въ выдающихся поэтическихъ и соціально-цѣнныхъ итогахъ—расцвѣтъ школы Байрона.

I.

Отечество поэта, казалось, всего менѣе подававшее надежду когда-либо примкнуть къ байроническому движенію, испытало, наряду съ континентомъ, тотъ же, вызванный смертью Байрона, поворотъ въ сторону его мысли и творчества, и вмѣстѣ съ тѣмъ пересмотръ прежнихъ приговоровъ о немъ. Начальную страницу въ новомъ отдѣлѣ исторіи байронизма составляетъ циклъ англійскихъ литературно-общественныхъ фактовъ, не сложившихся, правда, въ опредѣленную организацію, но цѣнныхъ по вліянію на умы.

„Не знаю, достигла ли моя повѣсть всѣхъ намѣченныхъ мною цѣлей, но думаю, что во всякомъ случаѣ она болѣе другихъ произведеній помогла положить конецъ сатанинской маніи и отклонить въ иную сторону честолюбивыя притязанія молодыхъ джентльменовъ, отрицающихъ галстукъ, и блѣднолицыхъ клерковъ, разыгрывавшихъ роль Корсара и хвастливо завѣрявшихъ, что они негодяи“,—такъ говорилъ въ предисловіи къ одному изъ раннихъ своихъ романовъ, „Пеламу“ [1]) (почему-то особенно плѣнившему потомъ Пушкина, задумывавшаго сходный съ нимъ очеркъ русской свѣтской жизни), даровитый представитель новой группы англійскихъ повѣствователей, Бульверъ. „Стоило лорду Байрону объявить себя несчастнымъ,—и всѣ юноши съ блѣднымъ челомъ и темными волосами сочли уже себя въ правѣ разочарованно смотрѣться въ зеркало и писать оды къ Отчаянію“,—остритъ въ одной изъ главъ романа дѣйствующее лицо, призванное, повидимому, истолковывать мнѣнія автора,—„небезъизвѣстный въ публикѣ писатель Невилль“. Подобныя выходки, съ ихъ спеціальнымъ назначеніемъ оздоровить общественный вкусъ, показываютъ, что, несмотря на всѣ громы, низвергнутые господствующей моралью на Байрона, съ другой стороны—несмотря на коренной переворотъ въ самомъ поэтѣ, покинувшемъ направленіе, ославленное сатанинскимъ, въ англійскомъ обществѣ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Байрона все еще приходилось считаться съ маніей, принявшей характеръ безотчетнаго увлеченія, душевной эпидеміи. Вѣрный своей цѣли, Бульверъ изображаетъ треволненія и злоключенія, въ которыя впадаетъ его герой, опускаясь до подонковъ общества,

[1]) Pelham or adventures of a gentleman, London, 1828. Для оцѣнки Байрона и байронизма важны предисловіе и главы 24, 43 и 67.

сталкиваясь съ преступностью и развратомъ, двусмысленной нравственностью и цинизмомъ. Это въ одно и то же время— обличительный портретъ и темная картина свѣтскихъ нравовъ. Но благонамѣренность предпринятаго полемическаго похода не можетъ скрыть любопытной, интимной черты въ самомъ обличителѣ. Несомнѣнно, байроническая манія была для него лично только-что пережитымъ моментомъ; въ томъ, что онъ хотѣлъ бы осудить, есть сродство съ его натурой; его біографы признаютъ, что оригиналомъ для портрета во многихъ отношеніяхъ былъ онъ самъ. Въ своемъ родѣ—это исповѣдь, заканчивающая извѣстный періодъ личной исторіи. Но художественная пригодность даннаго типа казалась Бульверу и послѣ того очень высокою. Соединеніе романтизма съ преступностью составило основу такихъ позднѣйшихъ его героевъ, какъ популярные когда-то Eugene Aram или Paul Clifford [1]. Съ виду анти-байронистъ, воюющій съ аффектаціей, Бульверъ выдаетъ иногда неизгладимое свое сочувствіе и удивленіе поэту. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ „Пельгама“, Vincent, сравниваетъ блестящую внезапность появленія Байрона въ англійской поэзіи съ такимъ же восходомъ поэтическаго свѣтила—въ лицѣ Шекспира. Въ другомъ мѣстѣ онъ удивляется необыкновенной способности Байрона внушить читателю живѣйшія симпатіи, властно захватить его, „придать силу чувствамъ и размышленіямъ, быть можетъ, совсѣмъ не новымъ, и не особенно украшеннымъ въ ихъ разработкѣ,—восхищенъ „неуловимой, но могучей красотой слога“, „сильнымъ отпечаткомъ оригинальности“, „таинственной дымкой, окружающей байроновскія произведенія“, и т. д... Протестъ превращается неожиданно въ похвальное слово, и первое же имя въ англійскомъ байронизмѣ новаго періода принадлежитъ противнику поэта.

Настала пора и для серьезной, положительной оцѣнки значенія Байрона. Явившіяся еще въ годъ его смерти „Письма о характерѣ и поэтическомъ геніи лорда Байрона“, авторитетнаго и стоявшаго внѣ партій критика Эджертона Бриджеса [2], признавая, что „на его творчествѣ отразились недочеты нравственнаго и умственнаго строя поэта“, и отмѣчая черты рѣзкости, эксцентричности, „блестящей порочности“, гнѣва и презрѣнія, заявляли, что „это было все-же необычайное явленіе“ (an extraordinary man); критикъ ставилъ Байрона наравнѣ съ великими поэтами, цѣнилъ „независимое положеніе среди литера-

---

[1]) Ср. оцѣнку ихъ съ этой стороны въ кн. Hugh Walker, „The age of Tennyson“, 1897.
[2]) Letters on the character and poetical genius of Lord Byron, London, 1824.

турныхъ школъ", удивлялся „Манфреду", въ которомъ „превзойдены всѣ средства и пути поэтическаго творчества", и „сколько бы ни осуждали „Каина", находилъ, что въ рѣчахъ Каина и Ады есть мѣста, съ которыми можетъ сравняться только Шекспиръ".

Такое заявленіе значенія нравственно-философскаго радикализма Байрона передъ лицомъ нетерпимаго консервативнаго трибунала было уже само по себѣ любопытнымъ признакомъ поворота и пересмотра. Но появленіе въ 1830 году обширной біографіи поэта, написанной такимъ близкимъ ему лицомъ, какъ Томасъ Муръ [1]), и обставленной изобиліемъ новаго стихотворнаго и въ особенности автобіографическаго матеріала, писемъ, отрывковъ изъ дневниковъ, набросковъ мыслей (Detached thoughts), раскрывъ много негаданныхъ сторонъ въ характерѣ, убѣжденіяхъ и взглядахъ Байрона, замолвивъ слово о семейныхъ несчастіяхъ его, передавъ исторію его творческой работы, но также и политической дѣятельности, увѣнчанной его послѣднимъ подвигомъ, стало настоящимъ откровеніемъ и сильно подвинуло впередъ безпристрастное изученіе жизни и дѣятельности человѣка, казалось, безповоротно осужденнаго. Сильно устарѣвшій теперь, но въ свое время казавшійся блестяще смѣлой критической выходкой, этюдъ Маколея [2]), вызванный появленіемъ книги Мура, обставляя сочувствіе свое поэту рядомъ оговорокъ и исключеній, съ большою рѣзкостью напалъ зато на лицемѣрное цѣломудріе общества, которое, какъ болѣзненный пароксизмъ, періодически усиливается въ немъ и во время своего разгара слѣпо обрушивается на тѣхъ, чья самостоятельная жизнь, къ несчастью, совпадаетъ съ этимъ приливомъ соціальнаго недуга...

Жгучій вопросъ этотъ скоро нашелъ себѣ отраженіе въ англійскомъ романѣ. Сынъ даровитаго эссеиста, Исаака Дизраэли, обратившаго на себя въ былое время вниманіе Байрона оригинальностью сужденій, Беньяминъ (впослѣдствіи лордъ Биконсфильдъ), какъ будто унаслѣдовавшій сочувствіе поэту, избралъ, чтобы отстоять память его, беллетристическую форму, которая должна была сообщить его взгляды большой публикѣ [3]). Такъ сложился романъ „Venetia" (1837). Въ лицѣ героевъ его нельзя

[1]) Letters and journals of Lord Byron with notices of his life, by Thomas Moore Esq. 1830.

[2]) Moore's life of L. Byron, Edinburgh Review, 1831, іюнь.

[3]) Этотъ пріемъ употребленъ былъ,—но во вредъ ему,—при его жизни лэди Кародиной Ламъ, которая отмстила ему за разрывъ съ ней, очернивъ его въ романѣ-пасквилѣ „Glenarvon".

не узнать Байрона и Шелли; апологія распространяется и на другую жертву нетерпимости. Авторъ нерѣдко дробитъ поступки и приключенія между двумя вымышленными лицами,—Марміономъ и лордомъ Cadurcis, порою даже не останавливается передъ описаніемъ того, чего не было, но что̀, казалось ему, входило въ естественное развитіе байроновскаго характера. Таково изображеніе примиренія Марміона съ женой (которая здѣсь носитъ имя супруги поэта, Annabell), происходящаго на любимомъ Байрономъ, прославленномъ его армянскими симпатіями, островѣ св. Лазаря, близь Венеціи. Но не ткань романической интриги, не психологическая выдержанность характеровъ останавливаетъ здѣсь вниманіе историка байроновской школы; его поражаетъ страстность, съ которой Дизраэли постоянно бичуетъ нетерпимость и лицемѣріе общественнаго суда надъ Байрономъ. Прошло тогда тринадцать лѣтъ со смерти поэта, и изъ озлобленной, злопамятной среды могъ раздаться такой рѣшительный протестъ.

Но не въ однѣхъ попыткахъ закончить старые счеты, возстановить поруганную память, выражался поворотъ къ Байрону въ новомъ поколѣніи. Условія переживавшейся эпохи способствовали признанію и въ Англіи общественной дѣятельности поэта, такъ давно понятой и оцѣненной на континентѣ. Годы классовой борьбы, отмѣченной торжествомъ либеральной буржуазіи надъ аристократическимъ консерватизмомъ, у котораго она взяла съ бою избирательный Reform act 1832 года, и подъемомъ встрѣчнаго движенія въ безправныхъ слояхъ и пролетаріатѣ, нашедшаго себѣ выраженіе въ чартизмѣ,—годы оживленной парламентской агитаціи, шумныхъ митинговъ, фабричныхъ безпорядковъ, разоблаченій нищеты народной, давали много соприкосновенія съ дѣятельностью того предтечи, который еще въ 1812 г. съ своими парламентскими рѣчами о жгучихъ соціальныхъ вопросахъ, затѣмъ какъ политическій сатирикъ, оставилъ рядъ сильнѣйшихъ обличеній стараго строя, и, отстаивая права личности, соединялъ съ этою защитой участіе къ нуждамъ и движеніямъ массъ. И многимъ изъ дѣятелей новаго поколѣнія, ратовавшихъ за программу чартизма или стремившихся инымъ путемъ придти на помощь народу, свойственно было, какъ исходная точка, сочувствіе Байрону.

Таковъ былъ ходъ развитія и у того блиставшаго нѣкогда критика и историка, который сначала такъ искренно отдалъ на пользу чартистскому движенію свой талантъ и энергію,—Карлейля. Къ потомству онъ перешелъ въ качествѣ порицателя Бай-

рона или, по крайней мѣрѣ, предостерегающаго отъ его чаръ проповѣдника новыхъ идеаловъ, но какъ высоко ставилъ онъ его смолоду! „Бѣдный Байронъ! Увы, бѣдный Байронъ! Вѣсть о его смерти обрушилась на меня свинцовой тяжестью,—и теперь эта мысль мучительно пронизываетъ все мое существо, точно я лишился брата. Боже! сколько душъ, созданныхъ изъ грязи и праха, выживаютъ свою ничтожную жизнь до крайняго предѣла, а этотъ *благороднѣйшій умъ* гибнетъ, не достигнувъ и половины жизненнаго срока. Такъ недавно полный огня, великодушныхъ влеченій, отважныхъ замысловъ, и теперь навсегда скованный безмолвіемъ и холодомъ! Бѣдный Байронъ!“ [1])—такими глубоко искренними выраженіями встрѣтилъ Карлейль катастрофу въ Миссолонги. Впослѣдствіи, словно умудренный опытомъ, онъ, возставая противъ Байрона (но, какъ говоритъ біографъ, никому не позволяя относиться къ нему легко), становился подъ знамя Гёте. Въ краткой и выразительной формулѣ убѣждалъ онъ современнаго читателя „закрыть своего Байрона и открыть Гёте“ [2]), при всей критической проницательности не подозрѣвая, что его кумиръ былъ однимъ изъ наиболѣе глубокихъ и всесторонних цѣнителей Байрона. Въ глазахъ Карлейля первичная форма героическаго типа у поэта, отмѣченная разочарованностью, печалью, презрѣніемъ къ дѣйствительности, осталась сущностью байронизма, и онъ противополагалъ ей живое воздѣйствіе человѣка выдающагося на современность, выражающееся не въ фантастическихъ порывахъ, а въ реальныхъ, земныхъ, полезныхъ людямъ трудахъ и возбужденіяхъ.

Признаемъ, что наше время располагаетъ несравненно болѣе обстоятельными свѣдѣніями о Байронѣ въ его отношеніяхъ къ соціально-политическимъ вопросамъ Англіи и Европы, чѣмъ эпоха Карлейля,—но удивимся способности не замѣчать ни активной борьбы съ отечественнымъ консерватизмомъ, ни отпора идеямъ Священнаго Союза, ни итальянской и греческой агитаціи, и остановиться на преходящихъ дѣяніяхъ молодости, когда передъ глазами былъ, словно завѣщаніе поэта, „Донъ-Жуанъ“, по истинѣ заслуживающій того мѣткаго названія, которое, взявъ у Цезаря, приложилъ къ нему недавно одинъ итальянскій критикъ, — „De bello byroniano“ [3])... У Карлейля слагалась уже тогда теорія о героическомъ началѣ и культѣ героевъ, съ ихъ провиденціаль-

---

[1]) „Thomas Carlyle. A history of the first forty years of his life“, by James Anth. Froude, 1882, I, 214.

[2]) „Sartor resartus“, книга II, глава IX.

[3]) Loforte Randi. „Nelle letterature straniere. Poeti“. Palermo, 1903, p. 152.

нымъ назначеніемъ и совмѣщенной въ нихъ высшей духовной жизнью эпохи. Передъ нимъ былъ человѣкъ, который, казалось бы, съ необычайнымъ блескомъ осуществилъ эти требованія,— но, покидая литературную исторію для міровой арены и дѣло критика для большихъ трудовъ историка государствъ и народовъ, словно застывъ въ поклоненіи избранникамъ, теряясь въ одностороннемъ толкованіи міровой жизни, онъ недальновидно миновалъ одного изъ истинныхъ „героевъ своего времени".

Между политическими идеями, положенными въ основу чартизма, и тѣмъ, въ чемъ для насъ формулируется байроновское credo, не было разногласія,—и еслибъ Байрону привелось быть свидѣтелемъ подобной группировки оппозиціонныхъ силъ, онъ счелъ бы себя солидарнымъ съ нею. Не шелъ ли онъ самъ дальше этой программы, когда, въ послѣдніе годы, съ возрастающей симпатіей относился къ американскому государственному устройству? И многіе изъ чартистовъ (напр. Т. Куперъ, Кингслей) проходили черезъ подготовку байронизма, не отрекаясь отъ него потомъ, не сжигая кораблей. Но условія, вызывавшія подъемъ демократизма въ Англіи, выразились и въ развитіи реализма въ литературѣ. Не только оживали преданія бытового романа, такъ успѣшно развитого въ XVIII вѣкѣ талантливой плеядой повѣствователей, но завѣщанныя ими рамки расширились, новые общественные классы нашли въ нихъ доступъ, и двадцать лѣтъ процвѣтанія англійскаго романа (съ 1830 по 1850 г.) обязаны успѣхомъ и вліяніемъ какъ счастливому подбору дарованій, такъ и постоянному служенію соціальнымъ цѣлямъ [1]). Но въ рядахъ его дѣятелей снова сказываются байроническія симпатіи, — конечно, не у Диккенса, геніальнаго самоучки, безъ школы, безъ книгъ, но съ глубокимъ поученіемъ, которое дала ему „битва жизни", и не у Теккерея съ его неизлечимой склонностью къ пародіямъ, которая вовлекла его (въ „The Book of Snobs", въ „Mr. Brown's Letters to his nephew") въ насмѣшливое изображеніе житейскихъ воззрѣній байроновскаго Донъ-Жуана и въ шаржъ, снятый съ вычуръ и смѣшныхъ крайностей свѣтскаго байронизма, но какъ будто мѣтившій глубже. Тотъ изъ романистовъ, который, видѣли мы, уже выступилъ съ самоотверженной защитой памяти Байрона, Дизраэли, сдѣлалъ свой вкладъ въ романъ съ общественной программой (повѣстями: „Sybille", „Coningsby" и „Tancred"), соединяя съ изображе-

[1]) Изученію этого періода исторіи англійскаго романа посвящена новѣйшая, основанная на близкомъ изученіи памятниковъ, работа Louis Cazamian, „Le roman social en Angleterre" (1830—1850). Paris, 1904.

ніемъ быта низшихъ слоевъ пропаганду вмѣшательства, помощи и преобразованія. Романъ непрерывно прогрессировалъ въ этомъ направленіи. Его разрабатывали люди, непосредственно наблюдавшіе трудовую жизнь или испытавшіе ее сами,—жена манчестерскаго пастора, друга бѣдныхъ, мистриссъ Гэскелль, впервые развернувшая въ „Mary Barton“ правдивую картину рабочаго быта, или еще болѣе близкій къ мастеровому люду и пролетаріату Чарльзъ Кингслей съ двумя романами христіански-соціалистскаго оттѣнка, проникнутыми искреннимъ рвеніемъ къ общественной пользѣ [1]). Въ трудахъ этихъ писателей романъ спускается уже къ пятидесятымъ годамъ,—но традиція не порвана, преемственная связь все жива,—и изъ устъ Кингслея слышится, напр., защитительная рѣчь въ пользу Байрона, Шелли и другихъ „субъективныхъ“ поэтовъ: „созданія *личныя* всегда останутся привлекательными, но лишь подъ условіемъ воплощенія субъективности въ объективной формѣ и, стало быть, истинной драматичности положенія,—писалъ онъ своему другу Т. Куперу.—Байронъ, Муръ, Китсъ, Теннисонъ, имѣли великій успѣхъ въ области субъективизма, потому что проводили въ умы нравственныя и философскія истины, проявляя ихъ въ образахъ и примѣрахъ, взятыхъ изъ быта человѣчества, изъ исторіи, изъ жизни вселенской“ [2]).

Но и въ прямомъ литературномъ потомствѣ Байрона,—въ средѣ молодыхъ англійскихъ поэтовъ, которымъ предстояло выдающееся положеніе въ новой генераціи, проявлялись такія же симпатіи. Съ Байрона начинали, на немъ воспитывались; однихъ вдохновлялъ его призывъ къ возрожденію, къ борьбѣ за свободу и неотъемлемыя права человѣка; другіе видѣли въ немъ „основателя и предшественника новѣйшаго реализма“ (какъ называетъ его все чаще современная намъ англійская критика) [3]), и они выходили на самостоятельную работу, ободренные превосходнымъ напутствіемъ. Такъ, Теннисонъ въ ранней молодости благоговѣлъ передъ Байрономъ. На первой книгѣ его стиховъ: „Poems by two brothers“ даже лежитъ слишкомъ очевидный отпечатокъ байроническаго стиля. Но сущность, основа подобной поэзіи раскрылась потомъ передъ нимъ,—и въ страстно написанномъ письмѣ, изъ средняго періода, онъ возсталъ противъ близорукихъ людей, неспособныхъ оцѣнить выдающуюся мощь такихъ поэтовъ, какъ

---

[1]) „Alton Locke“ и „Yeast“. Къ нимъ примыкаетъ историческая драма: „The saint's tragedy“ и множество памфлетовъ.

[2]) Letters and memories of the life of Charles Kingsley, edit. by his wife. 1887.

[3]) Edinburgh Review, 1900, october, статья объ изданіи Байрона Prothero, 378.

Байронъ и Шелли, „которые, если и могли ошибаться, все-же вложили въ міровую жизнь новое сердце, придали ей горячее біеніе пульса, и усвоили всѣмъ намъ движеніе впередъ, непрерывно продолжающееся. Пусть благословенна будетъ память о людяхъ, съумѣвшихъ смазать колеса стараго мірового механизма!“ восклицалъ поэтъ. Съ такими убѣжденіями мы встрѣчаемся у Лонгфелло (въ его „Prometheus or the poet's forethought“; они оживляли смолоду и нашего современника, Ольджернона Суинбэрна,—поэта съ неукротимымъ свободолюбіемъ, республиканскимъ жаромъ и мѣткимъ обличеніемъ, несмотря на позднѣйшее демонстративное отрицаніе имъ связи съ байроновскимъ направленіемъ, идущаго въ политической поэзіи своей по слѣдамъ такихъ предшественниковъ, какъ Мильтонъ, Шелли, Байронъ.

Въ области чистой красоты, оплотѣ и защитѣ отъ торжествующаго реализма, въ благоговѣйномъ эстетизмѣ поклонниковъ до-рафаэлевскаго творчества и первобытно-чистой поэзіи [1]) нелегко предположить солидарность съ страстной и воинствующей стихіей въ литературѣ. Но тотъ, къ чьимъ изумительно разнообразнымъ трудамъ сводится сущность движенія, главный вдохновитель его, апостолъ красоты, поклонникъ природы, художественный критикъ и популяризаторъ искусства, просвѣтитель, экономистъ-реформаторъ, другъ народныхъ массъ, Джонъ Рэскинъ, испыталъ въ годы подготовки къ дѣятельности вліяніе Байрона и никогда не переставалъ цѣнить его. О юношескихъ своихъ симпатіяхъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ замѣчательной автобіографіи „Praeterita“ [2]); даже со стороны отца онъ встрѣчалъ въ этомъ поддержку (старику, имѣвшему высокое представленіе о дарованіяхъ сына, хотѣлось, чтобы онъ „писалъ стихи, такіе же хорошіе, какъ байроновскіе,—но только благочестивые“); Рэскина привлекли въ особенности „Манфредъ“ и „Донъ-Жуанъ“. „Къ концу 1834 г. онъ, за немногими исключеніями, зналъ байроновскія произведенія наизустъ“, и преклонялся передъ „глубиной духа“, передъ „правдой и точностью наблюденій надъ жизнью и людскими характерами“, передъ пластичностью и содержательностью формы. Позже онъ еще болѣе расширилъ свою оцѣнку; нашлась почва, на которой должны были встрѣтиться сторонники столь разнородныхъ направленій. Съ одной стороны Рэскина сближала съ Байрономъ поэзія природы; въ его много-

[1]) Или „евангеліи красоты“, какъ назвалъ это движеніе въ англійской литературѣ его новѣйшій изслѣдователь: „Das Evangelium der Schönheit in der engl. Literatur und Kunst des 19-ten Jarh.“, von Ernst Sieber. Dortmund, 1904.

[2]) Томъ I, главы VIII и X.

образной дѣятельности нашлось мѣсто и для стихотворныхъ опытовъ, внушенныхъ Байрономъ, — но они слабѣе его образной прозы, проникнутой искреннимъ культомъ природы, доходившимъ до фанатизма, и возвѣщавшей не возвратъ къ первобытному состоянію, а необходимость сочетанія прогресса съ „вѣчными міровыми законами". Проникнутыя пантеизмомъ лирическія изліянія третьей пѣсни „Чайльдъ-Гарольда", вызванныя экстазомъ при видѣ альпійскихъ красотъ, повторялись у Рэскина съ неистощимой фантазіей, образностью и любовью; „сказывавшуюся еще въ дѣтствѣ любовь его къ горамъ и морю Байронъ впервые ввелъ въ атмосферу человѣческаго величія и человѣческаго же горя". Съ другой стороны, сильно развитый въ немъ индивидуализмъ побуждалъ его видѣть въ Байронѣ натуру родственную и тѣмъ легче понимать его своеобразность. Наконецъ, несмотря на различіе въ способахъ дѣятельности, и руководясь основнымъ своимъ стремленіемъ къ общественной пользѣ [1]), онъ оцѣнилъ въ „гордомъ эгоистѣ" (какимъ ославила его молва) своего единомышленника, самостоятельно и искренно ратовавшаго за народное благо. Такой взглядъ удержался у Рэскина и въ зрѣломъ періодѣ его жизни; онъ способенъ былъ тогда любоваться сочувствіемъ Байрону, встрѣченнымъ у людей совсѣмъ молодыхъ, напоминавшимъ его прежнее поклоненіе, и поддерживать это направленіе своими совѣтами [2]).

Таковы итоги относительныхъ успѣховъ байронизма въ Англіи за четыре первыхъ десятилѣтія со смерти поэта. Сравнительно съ широкимъ развитіемъ движенія на континентѣ они кажутся неглубокими, не особенно цѣнными. Непримиримость общественнаго суда и патентованныхъ блюстителей художественнаго вкуса, по прежнему выдвигаясь на первый планъ, поддерживала въ остальной Европѣ представленіе о неблагодарности родной страны къ великому поэту. Между тѣмъ, несомнѣнно расширялось и росло иное направленіе, исходившее отъ новыхъ поколѣній, не вѣдавшихъ личныхъ счетовъ съ Байрономъ и свободно заявлявшихъ свое сочувствіе. Не создавъ обособленной поэтической школы, которая водрузила бы байроническое знамя, оно дало

---

[1]) Оцѣнку этой стороны его дѣятельности даетъ книга А. Гобсона: „Джонъ Рэскинъ, какъ соціальный реформаторъ", перев. Николаева. М. 1899.

[2]) Въ Британскомъ музеѣ я нашелъ на экземплярѣ книги о Байронѣ, написанной однимъ дилеттантомъ изъ провинціи, восторженнымъ байронистомъ, заведшимъ у себя въ городкѣ рефератное общество для изученія поэта („Byron, by Henry Jowett", 1884; напечатано не для продажи), автографъ Рэскина—„Your love for Byron pleases me greatly".

просторъ влiянiю культурныхъ элементовъ, завѣщанныхъ потомству личною жизнью и творчествомъ Байрона. Это движенiе съ той поры не прекращалось болѣе. Въ немъ — корень того настроенiя англiйской литературной и общественной среды, которое въ наше время почти сгладило рѣзкую противоположность ея прежней байронофобiи съ неизмѣннымъ сочувствiемъ остальной Европы.

II.

Иной процессъ наблюдаемъ мы за тотъ же перiодъ въ литературѣ и обществѣ Францiи. Работа общественныхъ силъ, отражавшаяся въ политической борьбѣ и въ направленiи словесности, испытавъ и при жизни Байрона его влiянiе, не разстается съ нимъ и въ новую эпоху,—эпоху двухъ послѣдовательныхъ переворотовъ. Для поколѣнiй, которыя вынесли ихъ на себѣ, Байронъ былъ дороже и ближе, не какъ возбудитель къ культурной работѣ и реформѣ (какимъ онъ явился для англiйскаго общества тридцатыхъ—пятидесятыхъ годовъ), а какъ страстный обличитель, заговорщикъ, поэтъ политическiй, трибунъ, предтеча греческаго освобожденiя. Но и тогда не изгладилось влiянiе иныхъ, пережитыхъ имъ, душевныхъ настроенiй, скорби, разочарованности, тяжкаго самоанализа, или властнаго индивидуализма, на натуры исключительныя, обособившiяся отъ общаго движенiя, замкнувшiяся въ себѣ. Къ одному источнику сводятся политическая поэзiя школы Виктора Гюго, болѣзненно-субъективная лирика Мюссе, опыты Стендаля по психологiи проблематическихъ, феномальныхъ личностей. Тѣмъ ярче становится полнота, разнообразiе влiянiя.

Если къ порѣ смерти Байрона уже обозначилась въ наиболѣе способной къ активной роли группѣ французскихъ романтиковъ солидарность съ боевыми прiемами байронизма, и Гюго въ своемъ напутствiи поэту выдвинулъ заслуги его, какъ вождя общественной мысли, взглядъ этотъ входилъ все глубже въ сознанiе по мѣрѣ того, какъ увеличивалась соцiальная зрѣлость дѣятелей романтизма, ихъ пригодность въ насущныхъ дѣлахъ народа. Завѣщанная Байрономъ „греческая идея“ продолжаетъ привлекать сердца и возбуждать воинствующее вдохновенiе. Всѣ треволненiя, испытанныя греками въ теченiе шести лѣтъ до признанiя греческой независимости въ 1830 году, отражаются съ возрастающею напряженностью во французской лирикѣ. И во главѣ этого эллинофильства постоянно идетъ Гюго. Байроническiй оттѣ-

нокъ его отношенія къ вопросу придаетъ особый колоритъ двумъ сборникамъ его поэзіи, „Orientales“ и „Fleurs d'automne“. Первый полонъ отголосковъ новѣйшихъ греческихъ событій. Таковы стихотворенія, воспѣвающія популярныхъ героевъ Греціи („Canaris“), или дающія ужасную картину жестокости и звѣрства („Les têtes du sérail“, написано въ 1826 г., lors du désastre de Missolonghi), или призывающія къ походу въ Грецію для ея избавленія (стихотвореніе „Enthousiasme“, 1827, гдѣ поэтъ восклицаетъ въ духѣ байроновскихъ воззваній: „En Grèce, en Grèce! adieu vous tous! Il faut partir! Qu'enfin, après le sang de ce peuple martyr, le sang vil des bourreaux ruisselle! En Grèce, ô mes amis! Vengeance! Liberté!“). Имя Байрона то-и-дѣло мелькаетъ,—въ эпиграфѣ, взятомъ у него, въ восторженномъ отзывѣ среди текста (вспоминая подвижниковъ въ „Têtes du sérail“, при имени Китцоса, поэтъ поясняетъ—„Kitzos qu'aimait *Byron, poète immortel*“). Но къ тому же времени относится большое стихотвореніе, свободное отъ восточныхъ мотивовъ и, при помощи фабулы, внушенной тѣмъ же любимымъ учителемъ, пытающееся характеризовать — величіе независимаго и могучаго творчества. Это—„Mazeppa“ Гюго (1828).

Мы снова въ обстановкѣ того украинскаго преданія, которое когда-то выбралъ Байронъ для сюжета своей поэмы, и того разсказа изъ временъ юности, которымъ во время привала гетманъ-старикъ старается развлечь короля Карла. Уступая Байрону въ изображеніи бѣшеной скачки по степямъ и доламъ Украйны дикаго жеребца съ привязаннымъ къ нему обнаженнымъ Мазепой, Гюго повторяетъ въ условныхъ краскахъ описанія природы, горячаго бѣга обезумѣвшаго коня, душевныхъ движеній несчастной жертвы мщенія, — и затѣмъ внезапно, вступая въ роль самостоятельнаго истолкователя, набрасываетъ смѣлую параллель. „Вѣдь придетъ день, когда народы Украйны назовутъ царемъ этого осужденнаго страдальца, этотъ живой трупъ... Изъ его терзаній зародится его суровое величіе... павшая ницъ передъ нимъ толпа возгласитъ его славу, трубные звуки прогремятъ ее“. Но не то ли бываетъ и съ даровитымъ человѣкомъ, которому назначено въ удѣлъ безсмертное могущество поэта, спрашиваетъ себя Гюго, и, не покидая своего натянутаго сравненія до тѣхъ поръ, пока въ немъ не использована будетъ вся байроновская тема, онъ набрасываетъ картину другой безумной скачки. Смертный, на которомъ остановилось божественное избраніе, видитъ себя такъ же привязаннымъ заживо къ „роковому хребту“ (sur ta croupe fatale) того быстролетнаго коня, которому имя *геній*.

Напрасно борется онъ, желая освободиться; скакунъ въ своихъ порывахъ и прыжкахъ уноситъ его далеко за предѣлы реальнаго міра... Фантастическое описаніе чудесъ, мимо которыхъ проносится онъ, заоблачныхъ міровъ, пустынь, планетъ, горъ, морей, несмѣтныхъ людскихъ скопищъ, порою отличается неумѣренностью образовъ, столь развившеюся у Гюго въ старости, изобиліемъ метафоръ и праздныхъ подробностей (Мазепа видитъ, напримѣръ, „*les six lunes d'Herschel*, l'anneau du vieux Saturne"). На „пламенныхъ крыльяхъ" своихъ геній мчитъ всадника черезъ „поля Возможнаго и черезъ міры души" (les champs du possible et les mondes de l'âme), неумолимый, безпощадный, не слыша стоновъ и воплей; съ ужасомъ подчиняется его жертва. „Одни демоны и ангелы знаютъ, что выноситъ этотъ человѣкъ. Съ каждымъ шагомъ разверзается его могила. Но настаетъ роковой срокъ, — „онъ несется, летитъ, падаетъ, и встаетъ царемъ" (il court, il vole, il tombe, *et se relève roi*).

Если Байронъ своей украинской поэмой далъ Гюго основу, надъ которой онъ возвелъ затѣйливо-аллегорическое зданіе, то Байронъ же, конечно, своею личною судьбой далъ поводъ для изображенія терзаній, въ которыя вовлекаетъ поэта неукротимый полетъ генія,—терзаній, увѣнчанныхъ подъ конецъ царственнымъ ореоломъ. Въ связи съ этимъ заступничествомъ несомнѣнно находятся частые у Гюго приступы негодованія на нетерпимость и неблагодарность Англіи. Уже нѣсколько лѣтъ прошло послѣ смерти Байрона, и острота первыхъ впечатлѣній, вызвавшая, напримѣръ, характеризованную выше оду Казимира Делавиня, казалось, нѣсколько сгладилась,—но въ революціонный 1830 годъ Гюго пишетъ стихотвореніе „Dédain" (или „à Lord Byron"; включено въ сборникъ „Fleurs d'automne"), обличающее „враговъ генія, суетную толпу, безъ устали, безъ совѣсти преслѣдующую его клеветою". Вѣдь ему стоитъ захотѣть, „и всѣ огни, озаряющіе ея храмы, ея боговъ, ея пенатовъ, померкнутъ отъ малѣйшей искры, вспыхивающей подъ ногами его *быстраго коня*". Мы снова среди той метафоры, которая послужила фономъ для „Мазепы"...

Но циклъ обличеній Англіи французскими поэтами, заступавшимися за Байрона, еще не замыкается этимъ стихотвореніемъ. Новымъ горячимъ сторонникомъ англійскаго поэта явился Огюстъ Барбье, несомнѣнно замѣчательно даровитый, проявившій разъ въ жизни даже великую поэтическую силу въ знаменитой своей „Curée", полной гнѣва и презрѣнія къ „бѣлоручкамъ", присвоившимъ себѣ результаты іюльской революціи, послѣ того какъ она была вынесена на плечахъ народа. Уже въ группѣ

стихотвореній, внушенныхъ печальными впечатлѣніями Италіи и озаглавленныхъ „il Pianto", постоянно встрѣчались байроновскіе мотивы,—контрастъ прежняго величія и позорнаго паденія, дивной природы и безчувственныхъ ея обитателей, забывшихъ преданія свободы („o, superbes fièvreux, gras habitants du Tibre! Enfants dégénérés d'un peuple qui fut libre" и т. п.). Но въ слѣдующемъ затѣмъ лирическомъ циклѣ „Lazare" выдается помѣченное такою позднею датой, какъ 1837 годъ, стихотвореніе „Westminster" [1]), гдѣ слышится диѳирамбъ Байрону:

Byron, tu n'as pas craint,
Jeune dieu sans cuirasse,
D'attaquer corps à corps
Les défauts de la race,
De toucher ce que l'homme
A de mieux inventé—
Le voile de vertu
Par le vice emprunté...

и вмѣстѣ съ тѣмъ приговоръ надъ „Альбіономъ", оставляющимъ въ пренебреженіи прахъ поэта, „славное имя котораго, украшая отечество, разносится по всѣмъ концамъ вселенной".

Для Барбье Байронъ былъ прежде всего „гармоническимъ пѣвцомъ печалей нашего вѣка" („chantre harmonieux des douleurs de notre âge"), и въ своей солидарности съ нимъ онъ не пошелъ дальше этого опредѣленія. Но Гюго не остановился на половинѣ пути, и, прогрессируя, его байронизмъ привелъ къ попыткамъ литературной борьбы на современной *французской, политической* почвѣ. Ареной для нея послужили театральные подмостки, орудіемъ стала романтическая драма, насыщенная взрывчатымъ веществомъ, призванная вызывать общественное возбужденіе. Провозглашенная еще въ извѣстномъ предисловіи Гюго къ „Кромвелю" формула, сравнившая „романтизмъ въ поэзіи съ либерализмомъ въ политикѣ", широко примѣнялась къ драмѣ, которая отнынѣ должна была вести войну противъ стараго порядка и въ словесности, потрясая основы теоріи, и въ политикѣ, проникаясь духомъ демократическаго протеста. Героическій типъ, выдвинутый ею, умѣреннѣе, смягченнѣе сравнительно съ свойствами центральнаго лица въ раннихъ байроновскихъ поэмахъ [2]),

---

[1]) Iambes et poèmes, par Auguste Barbier. P. 1862, p. 250—59.

[2]) Сравн. замѣчанія Жозефа Текста въ статьѣ „Relations littéraires de la France avec l'étranger de 1799 à 1848", въ VII томѣ „Исторіи франц. литерат. и языка", изд. подъ ред. Пти де-Жюльвилля.

но родовая связь их несомнѣнна. Въ чужеземномъ, чаще всего испанскомъ нарядѣ, дѣйствуя въ давнопрошедшую пору или въ вымышленной обстановкѣ, всѣ эти бурныя, непризнанныя, но даровитыя и отзывчивыя къ народнымъ страданіямъ натуры, окруженныя таинственностью, движимыя мщеніемъ, не отступающія передъ преступленіемъ, даже съ ярлыкомъ разбойничества—не хуже „Корсара",—всѣ эти смѣло протестующіе плебеи типа Эрнани [1]) или Рюи-Блаза, явились, въ большей или меньшей степени, снимками съ байроновскаго оригинала, но партерръ тридцатыхъ годовъ, отмѣчая громомъ своихъ рукоплесканій наиболѣе сильныя мѣста въ ихъ рѣчахъ, озлобленіе старой партіи и запретительныя мѣры правительства показывали, что подражаніе привело къ служенію современнымъ, насущнымъ задачамъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ толпу захватывалъ „лирическій паѳосъ, широкой струей выбивавшійся у Гюго всегда, когда онъ изображалъ возрождающее дѣйствіе благородной страсти на приниженную душу человѣка, поднимающагося изъ житейской грязи,—гимнъ чувству, въ чьей гармоніи очищается эта душа отъ отягчающихъ ее винъ" [2]). И этотъ примѣръ дѣйствовалъ на другихъ французскихъ драматурговъ, хотя бы иные изъ нихъ остановились на рѣзкихъ контурахъ даровитаго неудачника, идущаго въ разрѣзъ съ старою моралью. Въ дальнихъ рядахъ байроновской свиты очутился и Александръ Дюма-отецъ, съ своимъ бурнымъ, пробившимся сквозь нѣсколько запрещеній, „Antony", смѣло перенесеннымъ вмѣсто Испаніи прямо въ современную французскую среду.

Моментъ этотъ былъ скоро пережитъ; родоначальникъ боевой драмы 30-хъ годовъ, Гюго, нашелъ иные, болѣе жизненные способы борьбы,—но на пути къ той роли вождя и верховнаго арбитра, которая въ свѣтлой старости сравняла его съ царемъ-Вольтеромъ, не можетъ быть забыта попытка революціонировать театръ, насытивъ его байроновскимъ лирическимъ пыломъ,—какъ не поскупится на ея оцѣнку историкъ вліянія театра на нравы и политическую жизнь французскаго народа [3]).

---

[1]) Любопытная тюбингенская диссертація „Hernani als litterarischer Typus", v. Reinhold Frick, 1903, снабжена раскидистымъ родословнымъ древомъ, въ которомъ Байронъ богато представленъ Корсаромъ, Ларой, Вернеромъ, Невѣстой Абидосской.

[2]) Brandes, Hauptströmungen etc. 1883, V, 403.—Свойства горячаго, страстнаго языка этихъ драмъ, въ связи съ общимъ переворотомъ въ слогѣ, произведеннымъ романтиками, изучены въ книгѣ Emanuel Barat, „Le style poétique et la révolution romantique", 1904.

[3]) Сравн., напр., книгу „Théodore Muret, L'histoire par le théâtre", 1865,—также Albert Le Roy, „L'aube du théâtre romantique", 1904.

Но, наряду съ вліяніемъ альтруистическимъ, къ той же порѣ литературнаго движенія во Франціи относится и отраженіе первоначальной формы байроновскаго героическаго типа,—второй оттѣнокъ французскаго байронизма. Властное проявленіе личности, крайній индивидуализмъ, для себя лишь желающій воли, упоенный ролью избранной натуры, способный все сбросить съ дороги ради влеченій страсти, личныхъ счетовъ, былъ особенно понятенъ и дорогъ людямъ, преклонявшимся передъ личною энергіею и возмущеннымъ ея упадкомъ въ новыхъ поколѣніяхъ, готовымъ выступать ея пророками. Таковъ былъ Стендаль, дважды поставленный къ тому же судьбой въ личныя отношенія съ Байрономъ въ Италіи и мастерски разсказавшій объ этихъ встрѣчахъ. Своеобразному, независимому мыслителю и наблюдателю нравовъ, котораго могла привлекать, какъ высшая мечта, какъ лучшая отплата его второму отечеству, Италіи, созданіе большого изслѣдованія объ „Исторіи энергіи въ Италіи", чудилось, что онъ имѣетъ передъ собою въ поэтѣ блестящее проявленіе боготворимаго имъ начала. Но, еслибъ задуманный имъ историческій трудъ осуществился, Стендалю пришлось бы изображать, наряду съ сильными духомъ честолюбцами, умными тиранами, геніальными эпикурейцами, и народныхъ подвижниковъ, вождей, трибуновъ, вспоминать о великихъ жертвахъ для общаго блага,— и тогда онъ былъ бы дѣйствительно на подлинной почвѣ байронизма, въ его окончательномъ развитіи. Вліяніе поэта сказалось въ иномъ направленіи, и усвоеніе приняло образъ и подобіе самого послѣдователя. Основой для романа, съ которымъ Стендаль впервые выступилъ въ области психологической повѣсти, „Le Rouge et le Noir" (1831), вмѣстѣ съ точнымъ бытовымъ фактомъ, взятымъ изъ „Gazette des Tribunaux",—уголовнымъ процессомъ 1828 г., надѣлавшимъ много шума во всемъ Дофинэ [1]), послужили автобіографическія черты, осмыслившія и углубившія тѣ контуры, которые даны были судебнымъ отчетомъ и провинціальною молвою [2]). Онъ придалъ своему герою, Жюльену Сорелю, значеніе исключительной натуры, испытывающей, по выраженію новѣйшаго критика [3]), „сладострастное наслажденіе своимъ превосходствомъ надъ людьми, видящей въ проявленіи его свой долгъ". Съ дѣтства, съ школьной среды

[1]) Adolphe Paupe. Histoire des oeuvres de Stendhal. 1904, pp. 57—70.

[2]) Эм. Зола (Les romanciers naturalistes, 1881, p. 93) опредѣленно высказалъ мысль, что „Stendhal a mis beaucoup de lui-même dans Julien". То же замѣчено было и раньше многими, напр. Ш. Монслэ, Монтегю.

[3]) René Canat. Du sentiment de la solitude morale etc., 1904, pp. 54—58.

(въ семинаріи) въ немъ уже почуяли недюжинную натуру; онъ умѣетъ усиливать подобныя впечатлѣнія, изумляетъ, страшитъ, плѣняетъ, и идетъ къ цѣли, ни передъ чѣмъ не останавливается. Общество непремѣнно должно разступиться передъ нимъ,—не потому, чтобы справедливость требовала этого для такого даровитаго плебея, но потому, что оно найдетъ въ честолюбцѣ, презирающемъ его, своего повелителя. На побѣдахъ надъ женскими сердцами, на успѣхахъ борьбы съ кастовыми предразсудками, на низверженіи личныхъ враговъ, онъ уже воздвигаетъ свой престолъ, и изъ бѣднаго учителя или секретаря въ аристократическомъ домѣ, казалось, выростаетъ будущій диктаторъ. Мелодраматическая развязка романа внезапно разрубаетъ всѣ эти блестящія возможности. Въ гнѣвѣ и мщеніи Жюльенъ убиваетъ свою бывшую любовницу, осмѣлившуюся разстроить его бракъ съ знатной дѣвушкой; онъ въ тюрьмѣ, приговоренъ къ смертной казни. Но и въ послѣднюю ночь, полную воспаленныхъ думъ, онъ не сдается; монологъ его, обозрѣвающій уходящую жизнь, полонъ угрозъ обществу и анархистскихъ пророчествъ. Стендаль придалъ его образу освѣщеніе, которое значительная часть критики того времени сочла демоническимъ; несмотря на порочность и цинизмъ, на алчное властолюбіе, которое сдѣлало бы его не титаномъ, богатыремъ, а—тираномъ, онъ сходитъ со сцены, во что бы то ни стало обѣленный авторомъ за великій подъемъ энергіи, за яркое проявленіе личности, за отвагу борьбы съ обществомъ. Въ его глазахъ, этотъ побочный отпрыскъ байронизма, выведенный и обрисованный съ большимъ мастерствомъ разсказа и тонкостью реалистическихъ деталей,—очевидно, одинъ изъ „героевъ своего времени".

Циклъ байроническихъ отраженій во французской поэзіи, однако, не замыкается стендалевскою варіаціею на основную тему; притязаніе на роль представителя своей поры оспаривается у людей, подобныхъ Жюльену, группою дѣйствующихъ лицъ, населившихъ созданія Альфреда де-Мюссе, съ тѣмъ ихъ вождемъ, отъ имени котораго, дѣйствительно, излагается „Признаніе сына своего вѣка";—личная жизнь и поэзія Мюссе вносятъ во французскій байронизмъ третій оттѣнокъ, не схожій ни съ боевымъ пыломъ лирики и драмы Гюго, ни съ роковымъ властолюбіемъ эгоистовъ Стендаля, но долго казавшійся несравненно тѣснѣе связаннымъ съ сущностью общаго первообраза.

Снова передъ нами примѣръ расточительнаго примѣненія эффектнаго титула „второго Байрона". Его придавали Мюссе съ такимъ же основаніемъ, какъ Гейне, Пушкину, Ламартину.

Мюссе величала такъ современная ему критика: Стендаль ставилъ его Роллу на одномъ уровнѣ съ Манфредомъ; ближайшія лица, напр. братъ-біографъ, находили между нимъ и Байрономъ „une grande communauté de sentiment et d'expérience de la vie“ [1]), такъ какъ они „поклонялись тѣмъ же богамъ, приносили въ жертву свое сердце и воплощали свою личность въ герояхъ своей поэзіи“. Такой взглядъ былъ до того укорененъ при жизни Мюссе, что ему приходилось нѣсколько разъ выступать противъ него, касаться вопроса о подражательности, отстаивать независимость. Въ одномъ изъ личныхъ отступленій, которыми такъ богата „Namouna“, онъ отвѣчаетъ на возможный упрекъ, будто въ шаловливо безпечной и остроумной causerie Байронъ служилъ ему образцомъ: „Вы не знаете развѣ, что онъ самъ подражалъ Пульчи? Читайте итальянскихъ поэтовъ, и вы увидите, какъ онъ ихъ обираетъ. Ничто не принадлежитъ никому, все принадлежитъ всѣмъ“ („rien n'appartient à rien, tout appartient à tous“). Еще опредѣленнѣе его заявленіе въ интереснѣйшемъ съ автобіографической стороны посвященіи, предпосланномъ „La coupe et les lèvres“: „Мнѣ сказали, годъ тому назадъ, будто я подражаю Байрону. Вы, зная меня, поймете, какъ это невѣрно. Смертельно ненавижу я ремесло плагіатора. Невеликъ мой стаканъ, но я пью изъ *своего* стакана“.

On m'a dit l'an passé
Que j'imitais Byron;
Vous qui me connaissez
Vous savez bien que non.
Je hais comme la mort
L'état de plagiaire;
Mon verre n'est pas grand,
Mais je bois dans mon verre.

Отвергая зависимость, Мюссе хотѣлъ отстоять для себя свободное сходство. Влеченіе къ Байрону не покидало его ни въ одинъ изъ періодовъ его жизни, какимъ бы упадкомъ, регрессомъ ни были они отмѣчены. Въ 1836 году (въ стихотвореніи „Lettre à Lamartine“) англійскій поэтъ неизмѣнно для него „le grand Byron“, „le grand inspiré de la Mélancolie“,—но и въ одномъ изъ послѣднихъ стихотвореній, помѣченномъ 1851 годомъ, „Souvenir des Alpes“, швейцарскія впечатлѣнія снова вызываютъ у Мюссе воспоминаніе о Байронѣ.

Но, несмотря ни на приговоръ современниковъ, ни на за-

[1]) Paul de Musset. „Biographie de Alfr. de Musset. Sa vie et ses oeuvres“. 1877, p. 113.

старѣлую въ историко-литературныхъ преданіяхъ оцѣнку Мюссе съ той же стороны, ни на мнѣніе самого поэта, очевидно ставившаго себя наравнѣ съ Байрономъ въ одну и ту же группу избранниковъ, невозможно присвоить ему равносильное значеніе. Онъ — не рабская копія съ изумительнаго оригинала, но и не полноправный сверстникъ поэта, полнаго титанической силы, высокой гуманности, великаго и въ трагической неудачѣ своей жизни; въ литературномъ потомствѣ Байрона для него найдется иное значеніе, иная роль, далеко не величавая, но печально привлекательная.

Какъ прилагать тѣ же требованія и ожиданія къ лирику, который на склонѣ жизни, въ горькомъ раздумьѣ о прошломъ и въ сознаніи, что лучшія стороны его духа остались невысказанными, такъ характеризовалъ свою поэзію:

Mes premiers vers sont d'un enfant,
Les seconds d'un adolescent,
Les derniers à peine d'un homme?

Когда въ избалованный своею вліятельною ролью и гордый ореоломъ талантливости *второй* романтическій cénacle — введенъ былъ женственно-красивый, въ вьющихся локонахъ, съ взоромъ, сіявшимъ вдохновеніемъ и жаждой наслажденій, отрокъ-поэтъ, — то передовая поэтическая школа дѣйствительно обогатилась замѣчательнымъ дарованіемъ. Невольно почувствовали это старшіе собратья и не только радушно приняли его въ свою среду, но отнеслись къ нему, какъ къ равноправному съ ними товарищу. Съ небрежностью баловня судьбы ронялъ онъ прелестныя блестки риѳмы и фантазіи, побѣдоносно вступая и въ литературу, и въ заманчиво красивую личную жизнь. Но страстность, рано принявшая оттѣнокъ „донъ-жуанизма", слишкомъ скоро сосредоточила его помыслы и влеченія на любви и женщинахъ, а фантазія погналась за пестрыми сказками и грезами про небывалое, далекое, экзотичное, нанизывая цѣлое ожерелье затѣйливыхъ „Contes d'Espagne et d'Italie". Для великаго, общаго, человѣчнаго, для подвига, страданія, борьбы, альтруизма, у него не осталось мѣста. Его и смолоду не томила *міровая* скорбь; никогда не испытывалъ онъ тревогъ и грёзъ, обвившихъ байроновскую юность. Весь первый періодъ его жизни иначе и не могъ представиться новѣйшему біографу Мюссе [1]), какъ „порой беззаботной молодости, веселой, независимой, безъ ноющихъ

[1]) Gaetano Crugnola, „Alfred de Musset e la sua opera". Studio critico. Teramo 1903.

мыслей, съ большой отвагой и задоромъ". Наслажденія и побѣды доставались легко, кружили, отуманивали и развращали, и рано вызвали пресыщеніе. Потомъ его захватила единственная искренняя, но болѣзненно мучительная и печальная по своимъ послѣдствіямъ, страсть,—любовь къ Жоржъ-Зандъ, всѣ перипетіи которой, наконецъ, раскрылись передъ нами въ только-что оглашенной—впервые—перепискѣ [1]), любовь, въ которой онъ рисуется весь, съ вѣчными контрастами, неровностями своей нервно-расшатанной натуры, съ капризами и ревнивыми причудами, съ отчаяніемъ, когда онъ открылъ своего соперника, мольбами къ бывшей подругѣ о материнской ласкѣ, готовностью разсудочно примириться съ чужимъ счастьемъ, съ новыми взрывами страсти и ревности, гложущими мыслями объ измѣнѣ, и поэтическимъ экстазомъ. Разочарованіе, припадки унынія, грозившаго перейти въ безуміе, долгая болѣзнь, замыкаютъ собой второй отдѣлъ жизни Мюссе. Раскаяніе въ безполезной растратѣ молодости, поднявшееся, когда наступила настоящая любовь, встрѣтилось съ чувствомъ еще бо́льшей разбитости, когда погасъ единственный свѣтъ. Тогда надвинулась преждевременная старость,—и протянулась она долгіе годы, почти безплодная для лирики, едва скрашенная удачными работами для театра, старость разслабленнаго жреца и пѣвца наслажденій и женщинъ, дряхлѣющаго и забываемаго всѣми донъ-Жуана.

Сравните эту жизнь и этотъ характеръ съ подлинными чертами Байрона,—есть ли между ними сходство, сродство? Съ одной стороны, борецъ противъ существующаго порядка, способный выдерживать чуть не единичными силами его натискъ, представитель широкаго, космополитическаго освободительнаго движенія; съ другой—человѣкъ, вкусы и склонности котораго побудили его брата заявить, что „еслибы Альфредъ родился въ вѣкъ Людовика XIV, онъ получилъ бы доступъ въ интимный кругъ короля, несомнѣнно принадлежалъ бы ко двору и пользовался всѣми привилегіями, которыя въ тѣ времена присвоены были дворянскому происхожденію и геніальности" [2]),—человѣкъ, заявившій (въ томъ же посвященіи „La coupe et les lèvres", которое уже дало намъ разъясненія о его байронизмѣ), что онъ сознательно „не сдѣлался писателемъ политическимъ,—не поклонникъ

---

[1]) Correspondance de George Sand et d'Alfred de Musset, publiée intégralement et pour la première fois d'après les documents originaux, par Félix Decori. Bruxelles, 1904.

[2]) Paul de Musset, Biographie, p. 4.

публичности и площади, что въ его притязанія *никогда не входило быть представителемъ своего вѣка и его увлеченій*.

Но „властитель думъ“ несомнѣнно подчинилъ себѣ и эту неустойчивую, нервно-трепетную эгоистическую натуру съ ея жаждой острыхъ и опьяняющихъ ощущеній. Тому содѣйствовали и общія причины, вліявшія на цѣлое поколѣніе французской молодежи, и личныя, частныя. О первыхъ позаботился дать цѣнныя разъясненія самъ Мюссе въ своей „Confession d'un enfant du siècle“; вторыя раскрываются изъ поэтическихъ результатовъ его байронизма.

Странное, двойственное впечатлѣніе производитъ повѣсть съ громкимъ, многообѣщающимъ заглавіемъ „Признаніе сына своего вѣка“. Сильно, мѣтко, съ вѣрнымъ пониманіемъ общественныхъ нуждъ написанное предисловіе приводитъ къ однотонному обвинительному акту противъ женщинъ, ихъ непостоянства, легкомыслія, противъ разврата и разгула, который губитъ неопытную мужскую молодежь, къ исповѣди сердечныхъ невзгодъ героя романа, обусловленныхъ растратой силъ въ похожденіяхъ полусвѣта и неумѣньемъ оцѣнить истинную любовь, къ исторіи мукъ ревности, подозрѣній, разрыва. Наблюдатель общественныхъ явленій превратился въ кающагося грѣшника; повѣсть воспроизводитъ съ легкими измѣненіями исторію любви къ Жоржъ-Зандъ [1]), и *общность* картины нравовъ совершенно утрачивается. Но изъ того, что данное авторомъ обѣщаніе не выполнено (не могъ же онъ доказать, что вокругъ „вопросовъ сердца“ вращались всѣ современные интересы, что понятія *amour* и *débauche* царили надъ цѣлымъ поколѣніемъ, цѣлымъ вѣкомъ!), не слѣдуетъ, чтобы самое обѣщаніе не было вѣрно формулировано и обосновано.

Набросавъ въ яркихъ чертахъ картину наполеоновской тираніи, могущества и паденія, Мюссе характеризуетъ затѣмъ нашествіе реакціонныхъ силъ на всю Европу. „Умиравшія уже правительства поднялись тогда съ смертнаго одра, всѣ королевскіе пауки, выдвинувъ свои крючковатыя лапы, стали разрывать Европу на части“. Франція упала въ изнеможеніи; ее сочли мертвою и закутали въ *бѣлый* саванъ. „Старинное воинство съ сѣдыми головами вернулось, разбитое усталостью; въ опустѣвшихъ дворянскихъ замкахъ снова зажглись, печально тлѣя, огни на очагахъ“. Среди этихъ развалинъ отжившаго міра вступала въ жизнь озабоченная, задумчивая молодежь,—и ея первымъ впе-

[1]) „Je m'en vais faire un roman. J'ai bien envie d'écrire notre histoire: il me semble que cela me guérira it et m'éleverait le coeur“, писалъ поэтъ къ Жоржъ-Зандъ, задумывая „Признаніе“. Decori, Correspondance, p. 56.

чатлѣніемъ было зрѣлище гнета, гоненія на свободную мысль, и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе оторванности отъ прошлаго, которое „все еще судорожно кривлялось", отъ всѣхъ „ископаемыхъ опоръ былыхъ вѣковъ абсолютизма". Чувство „невыразимаго недомоганія стало бродить въ юныхъ сердцахъ". „Внѣшняя жизнь была блѣдна и ничтожна, внутренняя жизнь общества стала сумрачной и безгласной". Тогда-то, говоритъ Мюссе, было испытано вліяніе двухъ европейскихъ поэтовъ, отозвавшихся на возраставшую меланхолію. Однимъ былъ Гёте съ своимъ Вертеромъ и Фаустомъ, другимъ былъ Байронъ.

Зачѣмъ понадобились послѣ мѣткаго очерка общественнаго состоянія запутанная витіеватость характеристики появленія Байрона, изображающей, напр., какъ онъ „отвѣтилъ Гёте крикомъ горя, заставившимъ Грецію содрогнуться, и вознесъ Манфреда надъ безднами, — какъ будто хаосъ былъ ключомъ къ загадкѣ, въ которую онъ облекалъ себя",—или недальновидное и одностороннее утвержденіе, будто „съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецкія и англійскія идеи пронеслись надъ нашими головами, водворилось чувство какого-то отвращенія къ жизни, за которымъ послѣдовало ужасное потрясеніе"? Не сильный въ анализѣ, Мюссе, однако, снова возвращается затѣмъ къ своимъ общимъ наблюденіямъ и, называя установившееся настроеніе разочарованіемъ или безнадежностью (désenchantement, désespérance), заканчиваетъ такимъ выводомъ: „вся *болѣзнь вѣка* происходитъ отъ двухъ причинъ,—народъ, пережившій 1793 и 1814 года, носитъ на сердцѣ двѣ раны. Того, что было, нѣтъ больше; то, что будетъ, еще не наступило. Не ищите иной тайны нашихъ страданій".

Такимъ былъ, по признанію поэта, фонъ, изъ котораго могли выходить и выходили подобныя ему надломленныя натуры. Романъ, быстро перемѣщая затѣмъ центръ дѣйствія въ міръ любви и женщинъ, связываетъ съ „безнадежностью"—„развратъ", повидимому, желая возбудить впечатлѣніе, будто это былъ безумный, дикій, съ горя, выходъ изъ угнетающей политической раздвоенности... Оговорившись, что передаетъ *не свою*, личную исторію, Мюссе все-же заявляетъ, что, „испытавъ въ ранней молодости отвратительную нравственную болѣзнь (une maladie morale abominable), онъ пишетъ для всѣхъ, кто ею страдалъ",— и подъ рѣзко звучащимъ терминомъ понимаетъ, очевидно, и фатальную безпринципность, расшатанность, и безотчетное, необдуманное служеніе любви.

Раскаяніе, проклятія прошлому, отголоски былого разгула,— одинъ изъ неизмѣнныхъ аттрибутовъ его героевъ, тема многихъ

изліяній въ такихъ интимныхъ документахъ, какъ переписка съ Жоржъ-Зандъ. Излишество въ пользованіи этимъ мотивомъ побуждало не разъ біографовъ заподозривать, что значительная доля libertinage у Мюссе была—головная [1]). Блестяще одаренный, но „слабый характеромъ, склонный къ бездѣятельности" [2]), и рано постарѣвшій душой („nous, vieillards nés d'hier", говоритъ и о немъ Ролла), слишкомъ глубоко потрясенный гибелью своей единственной привязанности, Мюссе могъ бы растратить силы въ стихотворныхъ попыткахъ, ограниченныхъ рамками повседневности и лирической виртуозности, въ романтическихъ вычурахъ, сквозь которыя слышались бы стоны разбитой души. Его поднялъ и увлекъ за собой Байронъ [3]),—не тотъ мнимый виновникъ „безнадежности", чей Манфредъ „повисъ надъ безднами" и т. д., какимъ онъ изобразилъ его въ „Confession", но возбудитель энергіи въ рядѣ поколѣній и чарующій образецъ художественности.

Въ то время, какъ французскіе собратья Мюссе все еще не могли освободиться отъ обаянія раннихъ поэмъ Байрона, онъ быстро переходитъ отъ нихъ (въ одномъ изъ первыхъ писемъ къ Ж.-Зандъ онъ еще сравниваетъ ея „Лелію" съ „Ларой") къ тѣмъ произведеніямъ, въ которыхъ выразился подъемъ общественной, нравственной, философской мысли Байрона, къ величественнымъ его замысламъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ блеску его сатиры, — и идетъ по байроновскимъ слѣдамъ. Была ли вполнѣ по его силамъ та часть задачи, которая провела бы его по пути Манфреда или Каина,—вопросъ иной, и на него приходится отвѣчать отрицательно вмѣстѣ съ итальянскимъ біографомъ, который видитъ у Мюссе, наряду съ „увлеченіемъ грандіозными сюжетами, неспособность овладѣть ими всецѣло, повелѣвать ими". Но сложившійся въ его поэмахъ и стихотворныхъ пьесахъ типъ героя, развязно бравирующаго людей и судьбу, ставя выше всего свою прихоть, капризы своей сладострастной распущенности, получаетъ, подъ вліяніемъ раздумья, совсѣмъ иное освѣщеніе, становится воплощеніемъ даровитаго и погибающаго неудачника, чьи силы могли бы пойти на великую пользу людямъ. Такъ, даже смерть Жака Ролла, „изъ всѣхъ

---

[1]) Такъ думаютъ Crugnola и Поль Линдау, „Alfred de Musset", 1879.

[2]) Его слова въ письмѣ къ Ж.-Зандъ — „Je suis d'une nature faible et oisive" (Correspondance, 92).

[3]) Повидимому, его посвятилъ въ байронизмъ его другъ Ulrich Guttinguer, большой поклонникъ англійскаго поэта, отозвавшійся, какъ мы уже видѣли, „Диѳирамбической пѣснью" на его смерть.

развратниковъ Парижа наиболѣе развращеннаго", все прожившаго, лишеннаго надеждъ и привязанностей, научившагося все презирать и отравляющагося у куртизанки Маріонъ, къ которой, на порогѣ смерти, въ немъ вспыхнула любовь,—эта развязка полна драматизма, будитъ состраданіе, раскрываетъ тайну разбитой и загрязненной жизнью души. Переходя въ иную, высшую сравнительно, область психическихъ явленій и выдѣляющихся характеровъ, фантазія Мюссе попыталась въ лицѣ Франка („La coupe") создать что-то въ родѣ параллели Манфреду. Альпійская природа (въ данномъ случаѣ почему-то природа Тироля, не виданнаго Мюссе и описываемаго условно) и здѣсь служитъ фономъ картины, но стремнины, потоки, снѣга, простота и воля горнаго быта не манятъ, какъ у Байрона, отрадой и успокоеніемъ разбитаго жизнью человѣка, уединяющагося среди нихъ, а кажутся, напротивъ, постылой помѣхой для безграничнаго эгоистическаго честолюбія, развившагося *въ одномъ изъ горцевъ*. Франкъ съ желѣзной послѣдовательностью и фанатически напряженной энергіей, которая временами могла бы напомнить безпощадное служеніе принципу у ибсеновскаго Бранда, вырывается изъ низкой доли, поджигаетъ бѣдную отцовскую хату, отказывается отъ личнаго счастья съ любящей его деревенской дѣвушкой и идетъ завоевывать славу и могущество. Сказочная удача превращаетъ горнаго охотника въ побѣдоноснаго полководца, любимца войска и народа, балуетъ его любовью блестящихъ и порочныхъ красавицъ, но не можетъ скрыть людской низости, двоедушія, измѣны и жестокосердія. Возмущенный и пресыщенный, онъ стремится *снова къ простотѣ и простору старой жизни*, къ искренней любви своей деревенской подруги, но злоба людская гонится за нимъ въ горное уединеніе, и несчастная Дейдамія гибнетъ отъ ножа соперницы-куртизанки.

Въ обработкѣ этого замысла много неровностей и странностей. Дѣйствіе переносится изъ реальной обстановки въ романтически вычурную среду, и непремѣнно въ ту картинную, условную, выдуманную Италію временъ ренессанса, безъ которой не могутъ и въ наше время обойтись западные, нѣмецкіе и французскіе нео-романтики. Разговоръ и необыкновенно пространные монологи Франка прерываются часто такими аксессуарами, какъ „хоръ охотниковъ". Франкъ, этотъ сынъ горъ, деревенскій честолюбецъ, надѣленъ не только чутьемъ и догадливостью относительно сложныхъ вопросовъ жизни, но и рѣдкимъ развитіемъ. Послѣ разрыва съ призрачнымъ и лживымъ міромъ онъ произноситъ длинный, книжный монологъ противъ тѣхъ „analyseurs

et sophistes", которые хотѣли „faire les Prométhées", но не надѣлили людей божественнымъ огнемъ, а погасили его. Порою замѣтно желаніе усвоить элементъ таинственности, окутавшей сюжетъ „Манфреда". Во время сна Франка слышатся голоса, заклинающіе его покаяться,—но онъ не поддается ни совѣтамъ, ни предостереженіямъ.

Для того псевдо-Манфреда, который пригрезился Мюссе и былъ ему по силамъ, невыгодно сравненіе съ первообразомъ,—сравненіе не разъ производившееся. Предшествующая душевная исторія его отсутствуетъ; печальныя, гнѣвныя, протестующія рѣчи не вытекаютъ изъ нея, но приписаны натурѣ непосредственной и полной невѣдѣнія. Титаническіе порывы, потрясающіе все незыблемо установленное на землѣ и на небѣ, замѣнены эгоистической, горделивой и самовластной прихотью, въ которой нѣтъ мѣста для общихъ, человѣчныхъ симпатій. Но, со всѣми изъянами формы и содержанія, и коренными недочетами въ характеристикѣ, внушенный Байрономъ замыселъ „La coupe et les lèvres" вызвалъ Мюссе къ такимъ лирическимъ изліяніямъ, какихъ не встрѣчаемъ у него дотолѣ. Сами по себѣ, внѣ связи съ фабулой, они воспроизводятъ тотъ процессъ душевной ломки и тяжкаго опыта, который превращалъ ослѣпительно талантливаго юношу-баловня въ сознательную, страдающую личность. Это рѣчи не Франка, а самого Мюссе, то раздраженныя, вызывающія, то презрительныя и насмѣшливыя.

Эти двѣ стороны, два способа отвѣчать судьбѣ и людямъ на несправедливость, жестокость, непониманіе, должны были, однако, выработаться еще полнѣе, совершеннѣе у Мюссе, чтобъ ясно стало, до какой высокой степени могъ бы подняться его талантъ. Таково значеніе двухъ, столь противоположныхъ одно другому, произведеній, какъ „Namouna" и „Ночи".

Въ поэтическомъ поколѣніи, вызванномъ къ жизни байроновскимъ „Донъ-Жуаномъ", шутливая импровизація Мюссе занимаетъ выдающееся мѣсто. Не завлекаетъ она сложнымъ и занимательнымъ сюжетомъ,—напротивъ, авторъ умышленно удлинилъ вступленіе, характеристику героя, описаніе обстановки, лишь въ концѣ набросалъ силуэтъ той женской головки, чьимъ именемъ названа поэма, скупо, сжато обрисовалъ дѣйствіе, и прервалъ разсказъ на порывѣ самопожертвованія невольницы Намуны, охваченной любовью къ своему повелителю Гассану. Фантастическій нарядъ, которымъ задрапированъ герой поэмы, французъренегатъ, скрывающій подъ именемъ Гассана и житейской обстановкой мусульманина какое-то неясное, но никоимъ образомъ не

трагическое и не преступное прошлое, — этотъ нарядъ плохо держится на тѣлѣ; въ началѣ поэмы авторъ даже освобождаетъ его отъ всякаго наряда и тратитъ много игривыхъ куплетовъ на описаніе нѣги совершенно обнаженнаго Гассана, отдыхающаго на леопардовой кожѣ послѣ ванны. Восточная затѣя, съ отпечаткомъ ранняго байроновскаго персонала, въ которомъ нѣсколько лицъ надѣлялось ренегатствомъ, совершенно не существенна, и то, что кроется за нею, безконечно цѣннѣе. И это— не характеристика Гассана, выставленнаго, въ сущности, „bon enfant", даже „très enfant", и въ то же время настойчиваго въ своихъ желаніяхъ, добивающагося во что бы то ни стало ихъ исполненія, и необузданно чувственнаго, но та игра ума, тонкой наблюдательности, ироніи, смѣха и печали, которая то-и-дѣло покидаетъ нить разсказа, чтобы дать просторъ мыслямъ, оцѣнкамъ и наблюденіямъ ѳбо всемъ на свѣтѣ. Какъ бы Мюссе ни восклицалъ въ напускномъ недоумѣніи: „Byron, me direz-vous, m'a servi de modèle?" — вліяніе блестящаго образца несомнѣнно. Младшій поэтъ высмотрѣлъ у автора „Беппо" и „Донъ-Жуана" искусство геніальной causerie, допускающей всѣ контрасты, всѣ смѣны настроеній и темъ—отъ „сердца горестныхъ утратъ" до обличенія людского безумія. Онъ съ наслажденіемъ предается жонглированію съ мыслью, тѣшится надъ читателемъ, перескакивая отъ одного отступленія къ другому и притворяясь, будто онъ потерялъ нить разсказа,—„où diable en suis-je donc?" Непринужденность формы помогла ввести въ ту же рамку полную грустной поэзіи и очевидно прочувствованную варіацію на многовѣковую легенду о донъ-Жуанѣ, новый вкладъ въ объясненіе типа, близко подходящій къ тому гуманному оправданію его, которое отъ Гофмана передалось Пушкину и Алексѣю Толстому. Безграничность увлеченій объяснена тщетнымъ ожиданіемъ рѣшающей встрѣчи съ желаннымъ, идеальнымъ существомъ, надеждой на искреннюю, вѣчную привязанность; „онъ всматривался во множество лицъ,—всѣ походили на *нее*, но то не была *она*" (toutes lui ressemblaient, ce n'était jamais elle). Но съ такою же свободой Мюссе отдается сатирическимъ выходкамъ противъ свѣта и его нравственнаго кодекса, противъ отжившихъ общественныхъ формъ, борется съ чопорными традиціями литературы, — переходы, необыкновенно напоминающіе пріемы другого послѣдователя байроновскаго „Донъ-Жуана",— автора „Онѣгина".

Подобно Лермонтову съ его Печоринымъ, подобно самому Байрону, Мюссе сознавалъ раздвоеніе своей личности. Онъ го-

ворилъ брату: „je sens en moi deux hommes; l'un agit, l'autre regarde". Мучительное самообличеніе Роллы, смутная борьба высшихъ влеченій съ необузданнымъ эгоизмомъ у Франка, постигнутаго тяжелымъ ударомъ судьбы въ ту пору, когда онъ какъ будто начиналъ новую жизнь, безпечная насмѣшка „Намуны" и скрытое за нею презрѣніе и негодованіе,—показатели того процесса, который давалъ *второй*, лучшей сторонѣ личности поэта перевѣсъ и былъ главнымъ результатомъ его байронизма. Не въ состязаніи съ Байрономъ по обрисовкѣ тѣхъ же типовъ, тѣхъ же темъ, сказывался онъ, но въ правдѣ глубокаго и печальнаго лиризма. Этотъ путь привелъ Мюссе къ лучшему, наиболѣе самобытному, единственному въ своемъ родѣ среди литературы поэтическихъ признаній и исповѣди, произведенію,—къ „Ночамъ".

Много смѣнилось литературныхъ поколѣній послѣ того, какъ сложились онѣ,—теперь господствуетъ совершенно иной критическій кодексъ, чѣмъ въ дни Мюссе, и не удовлетворятъ эти грустныя грезы ни гражданственнымъ, ни философскимъ требованіямъ отъ поэзіи,—но въ задушевныхъ импровизаціяхъ, полныхъ высшей искренности, какой только въ состояніи достигнуть лирика, такая привлекающая сила, которой нельзя противостоять, — и, думается, такъ будетъ всегда... Въ обстановкѣ таинственной, но въ то же время взятой изъ дѣйствительности, — потому что въ экстатическія причуды поэта входило, по свидѣтельству брата, взволнованное ожиданіе въ позднюю ночную пору, въ ярко освѣщенной комнатѣ, появленія музы,—въ рѣчахъ вѣщей подруги, то ласкающихъ и нѣжныхъ, то печальныхъ, то полныхъ отчаянія и осужденія, и въ изліяніяхъ даровитой, но сознающей свою гибель натуры, для которой послѣ чудныхъ грезъ мая настаетъ сумракъ, холодъ и одиночество суровой декабрьской ночи, возстаетъ цѣлая трагедія разбитой, напрасно загубленной жизни, съ укоризненными воспоминаніями о свѣтлыхъ, юныхъ стремленіяхъ, съ жуткимъ сознаніемъ непоправимости, неизбѣжности нравственнаго упадка, медленнаго, тоскливаго угасанія.

Дойти отъ фривольности первыхъ стихотворныхъ шалостей, горячихъ тоновъ эпикурейскаго сладострастія, вычуръ романтическаго экзотизма, до такой лирической силы Мюссе могъ только въ школѣ Байрона. Одинъ изъ преданныхъ ему біографовъ, Арсенъ Гуссэ, въ англійскомъ этюдѣ о немъ [1]) говоритъ

[1]) Написанномъ для „Fortnightly Review", 1889 года.

объ „удивительной способности до того усвоить пріемы Байрона, что, казалось, Байронъ былъ не учителемъ, а братомъ Мюссе“. Какъ авторъ „Ночей“, французскій поэтъ свободенъ отъ упрека въ „усвоеніи“; онъ дѣйствительно кажется младшимъ, несчастнымъ братомъ великаго художника и властителя умовъ...

Мюссе былъ вполнѣ правъ, говоря о себѣ, что никогда не могъ быть „представителемъ своего вѣка“. Среди сильнаго оживленія соціальной и политической мысли, среди борьбы за опредѣленные идеалы, странно выдѣляется его рано надломленное и опечаленное существованіе, съ разбитыми надеждами на личное счастье. Но идейный и художественный составъ байроническаго движенія во Франціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ былъ бы (къ существенному своему ущербу) неполонъ, еслибъ за показными фактами прямого вліянія освободительныхъ идей Байрона на группу Гюго и за стендалевской варіацией на тему объ избранникѣ и его непреклонной волѣ не виднѣлась вдали печальная тѣнь Мюссе.

III.

Словно прямой контрастъ съ нервной безпомощностью и разочарованіемъ автора „Ночей“, поражаетъ своимъ пыломъ, страстностью убѣжденій, не сломленныхъ ни тюрьмой, ни изгнаніемъ, ни неудачами и тревогами революціонныхъ попытокъ,—и своей преданностью идеалу поэзіи, какъ народной освободительницы,—личность современника Мюссе, донъ-Хозé де-Эспронседа, талантливѣйшаго изъ испанскихъ лириковъ XIX-го вѣка, поэта и политическаго вождя, въ чьей дѣятельности какъ бы сосредоточилось все, чтò испанская народность могла внести въ движеніе байронизма.

Личная судьба Эспронседы тѣснѣйшею связью соединена съ тяжкимъ періодомъ новѣйшей исторіи Испаніи. Какъ у Гюго, его младенчество окружено военными сценами; его отецъ—одинъ изъ храбрыхъ бойцовъ въ войнѣ за независимость. Дѣтство прошло, затѣмъ, подъ гнетущими впечатлѣніями реакціонной расправы, дѣяній возродившейся инквизиціи, борьбы кортесовъ, отстаивавшихъ народныя вольности, съ абсолютизмомъ Фердинанда VII. Въ школѣ, Colegio di san Mateo, какимъ-то чудомъ сберегшей свободу преподаванія, онъ слышитъ благородныя рѣчи учителей, печальниковъ о паденіи страны, испытываетъ первыя свѣтлыя впечатлѣнія иноземной поэзіи, говорящей ему о свободѣ, знаетъ уже о Шиллерѣ, слышитъ о жизни и подвигѣ Байрона.

Тиранческія, безумныя мѣры правительства, вызывавшія охлаждающіе совѣты и предостереженія со стороны европейскихъ кабинетовъ (даже русскаго, черезъ посла Поццо ди-Борго), казнь Ріэго, разбившая надежды на освобожденіе страны, вызывали въ ней повсюду организацію тайныхъ обществъ; даже масоны образовали союзъ „Defensores de la constitucion“,—и Эспронседа съ своими товарищами-школьниками также основываетъ тайное политическое общество „Los Numantinos“. Но это не дѣтская игра въ политику. Пламенное возбужденіе охватило молодыхъ заговорщиковъ. Трепещущіе отъ негодованія и нравственнаго потрясенія свидѣтели казни Ріэго, они связываютъ себя клятвеннымъ обѣщаніемъ „употребить всѣ усилія, чтобы отмстить за его смерть гонителямъ, начиная съ высшаго“, и скрѣпляютъ клятву письменнымъ договоромъ, который послужилъ потомъ важною уликой противъ нихъ [1]). Доносъ выдалъ существованіе ихъ общества; слѣдствіе и судъ привели къ приговору, выславшему Эспронседу на пять лѣтъ въ францисканскій монастырь въ Гвадалахарѣ на исправленіе. Тамъ онъ обо многомъ передумалъ, съумѣлъ многое прочесть, развить себя, тамъ „нашелъ отраду въ поэзіи“; свободно, мелодично и разнообразно полились его стихи, и уже выростала его первая поэма, съ отголосками испанской старины, ея „добродѣтелей и свободы“. Когда пришелъ конецъ его заточенію, — сокращенному по настоянію аббата, желавшаго избавить братію отъ общенія съ революціонеромъ,—и Эспронседа очутился на волѣ, онъ вмѣшивается въ ряды оппозиціи и вступаетъ участникомъ въ военный заговоръ. Его ждетъ новая неудача; избѣгая преслѣдованій и начавшейся расправы, онъ ищетъ себѣ на время убѣжища за предѣлами страны и черезъ Гибралтаръ направляется въ Португалію. Но между двумя сосѣдними правительствами полное согласіе и постоянная поддержка въ борьбѣ съ либерализмомъ. Эспронседа, вмѣстѣ съ другими эмигрантами, арестованъ и запертъ въ цитадели, возвышающейся надъ Лиссабономъ и изъ военной тюрьмы превращенной тогда въ арестный домъ португальскихъ и испанскихъ вольнодумцевъ.

Тайное школьное общество, армейское pronunciamiento, эмиграція и двѣ тюрьмы,—такова обстановка ранней юности поэта, таковъ прологъ къ его вѣчно взволнованной жизни. Но во время лиссабонскаго плѣна въ нее входитъ сильная струя любовнаго

---

[1]) Rodriguez-Solis. Espronceda, su tiempo, su vida y sus obras. Madrid, 1888, p. 65—67.

романтизма,—украшеніе, вдохновеніе, но и терзаніе всѣхъ дальнѣйшихъ лѣтъ. Онъ нашелъ свою музу въ лицѣ дочери одного изъ товарищей по заключенію, часто приходившей навѣщать отца. „Стройная, какъ пальма, съ небесно-голубыми очами и дѣвственно чистой душой", во всей прелести расцвѣтающей красоты (ей было всего 15 лѣтъ), Тереза отвѣтила на пылкую любовь такимъ же безграничнымъ увлеченіемъ. Мечтанія, клятвы, поэтическія импровизаціи, долгія прогулки обнявшись по террасѣ цитадели въ ароматные вечера, надъ моремъ и засыпающимъ городомъ, — полный очарованія медовый мѣсяцъ этой любви. Но онъ грубо прерванъ. Отца Терезы, испанскаго полковника, съ большими связями въ недовольныхъ военныхъ кругахъ, недовѣрчивое португальское правительство услало на одномъ изъ своихъ кораблей въ Англію; съ нимъ исчезла Тереза, — и погасъ свѣтъ въ жизни Эспронседы. Но онъ найдетъ во что бы то ни стало возможность бѣгства изъ тюрьмы,—и, конечно, не останется ни одного дня въ странѣ; для него во всемъ мірѣ одно убѣжище,—Англія, Лондонъ. Тамъ его любовь, его жизнь,— но тамъ и царство свободы, тамъ и отвѣтъ на давніе запросы его, какъ поэта; въ отечествѣ Байрона его ждало посвященіе въ тайны байронизма [1]).

Для него онъ не могъ быть модой, игрой, временной переходной ступенью развитія. Онъ нашелъ въ немъ отзвукъ на все, что волновало его и какъ преданнаго свободѣ патріота, и какъ ратующую за свои права самобытную личность; онъ отвѣчалъ широкимъ художественнымъ его требованіямъ, не признававшимъ классическаго ига, велъ его на просторъ міровыхъ вопросовъ и исторіи человѣчества,—онъ же научилъ его и лирикѣ любви, и потрясающему изображенію тѣхъ терзаній, того отчаянія, которыя вызываетъ то же чувство, когда оно поругано, искажено измѣной, предательствомъ. Въ Лондонѣ Эспронседа созрѣлъ, какъ политическій поэтъ, обличавшій позоръ родной страны съ такой же силой убѣжденія, какъ Байронъ въ его ѣдкихъ сатирахъ,—какъ агитаторъ-эмигрантъ, напряженно ждавшій минуты, когда онъ съ единомышленниками вторгнется въ Испанію и поборется съ деспотизмомъ, — какъ мыслитель, передъ которымъ носились грандіозные, въ духѣ Байрона и Шелли, философско-поэтическіе замыслы, — какъ пѣвецъ рокового, мучительнаго, но неодолимаго чувства.

---

[1]) Характеристику этого момента въ жизни поэта сравн. въ статьѣ Enrico Pineyro, „Espronceda", въ Bulletin hispanique, 1898, IV.

Свиданіе съ Терезой поразило его тяжкимъ ударомъ. Принесла ли она себя въ жертву, испытавъ съ отцомъ большія лишенія на чужой сторонѣ, и сошлась въ Лондонѣ съ поселившимся тамъ богатымъ испанскимъ купцомъ, ища поддержки и защиты,—сказался ли въ этомъ мимолетный капризъ чувственности,—но убѣдиться въ измѣнѣ боготворимаго существа, видѣть, кого предпочла ему Тереза, было слишкомъ мучительно для Эспронседы. Его появленіе возбудило въ ней новый приливъ чувства къ нему; романтика первой любви взяла верхъ. Не могъ и онъ вырвать изъ сердца слишкомъ глубокой привязанности. Тереза понимала это, и съ необыкновенной плѣнительностью и геніальнымъ кокетствомъ, о которомъ говорятъ воспоминанія всѣхъ знавшихъ ее, приковала къ себѣ своего поклонника. Годы прошли въ этой мучительной и сладостной зависимости. Порваны были лондонскія связи Терезы; ея личная судьба принимала потомъ самыя прихотливыя формы; она умѣла порою дѣлить съ своимъ другомъ всѣ случайности и опасности эмигрантства, агитаціи, но и онъ слѣдовалъ за нею, не могъ разлучаться надолго, мирился, прощалъ, снова поклонялся,—и едва пережилъ ея смерть.

Три года житья въ Англіи были для него, какъ политическаго дѣятеля, порою собиранія силъ и разносторонней подготовки. Тѣсно сплоченная семья испанскихъ эмигрантовъ, постоянно сносившаяся съ отечествомъ, увидала въ парижской революціи 1830 года предвѣстіе крушенія абсолютизма и въ Испаніи. Дѣятели ея, съ Эспронседой во главѣ (послѣ участія его въ борьбѣ на парижскихъ баррикадахъ), перенесли свой агитаціонный центръ въ Парижъ, чтобы быть ближе къ отечеству. Правительство Луи-Филиппа выказало такое же гостепріимство испанскимъ выходцамъ, какъ и представителямъ нѣмецкаго свободомыслія или итальянскимъ и польскимъ патріотамъ. Парижъ послѣ іюльскаго переворота сталъ для Эспронседы такимъ же средоточіемъ умственнаго возбужденія, отражавшагося во всей Европѣ, какъ для Гейне, Бёрне или Мицкевича.

Но король Фердинандъ демонстративно не захотѣлъ признать Луи-Филиппа, ставленника народа, революціоннаго короля. Между обѣими странами установились враждебныя отношенія; ожиданія уступокъ и реформъ со стороны испанскаго правительства, которое могло бы наконецъ, при видѣ усиливающагося броженія и подъ вліяніемъ французскаго переворота, сдаться духу времени, были разстроены. Оставалось прибѣгнуть къ политикѣ дѣйствія. Было основаніе разсчитывать на негласную

поддержку Франціи или на ея невмѣшательство, если черезъ границу двинутся, навстрѣчу народнымъ бандамъ, отряды испанскихъ волонтеровъ. Эспронседа, конечно, и здѣсь впереди всѣхъ, и съ летучимъ отрядомъ появляется въ Наваррѣ.

Печально окончилась эта первая, отчаянно смѣлая революціонная попытка поэта и его единомышленниковъ. Королевскія войска, во-время увѣдомленныя, противопоставили нѣсколькимъ инсургентскимъ небольшимъ отрядамъ, умышленно разбившимъ свои силы, желая вести партизанскую войну, всюду подавляющее превосходство силъ. Эспронседа выказалъ беззавѣтную храбрость; его ближайшій другъ-эмигрантъ, полковникъ De Pablo (прозванный Chapalangarra) былъ убитъ, къ великому его горю; послѣ упорной борьбы другіе отряды были отброшены къ границѣ. Надежды рушились, и Эспронседа, повидимому, готовъ былъ, какъ Байронъ, отдаться освобожденію иной страны, если нельзя освободить свое отечество [1]). Но онъ преодолѣлъ сомнѣнія, дождался перехода вліянія и власти отъ Фердинанда къ Христинѣ, начала уступокъ народу, призыва въ составъ правительства умѣренно либеральныхъ политиковъ, поспѣшилъ вернуться въ Испанію, съ горячностью бросился въ публицистику, снова навлекъ на себя гоненіе, очутился въ тюрьмѣ, послалъ изъ нея страстный протестъ королевѣ,—и вышелъ, наконецъ, на свободу. Съ той поры до самой его смерти идетъ непрерывная, напряженная его дѣятельность на пользу народа и во имя свободы. Среди междоусобій, вызванныхъ организаціей карлистскихъ шаекъ, но повлекшихъ за собою новыя стѣсненія для всей массы, осадное положеніе въ Мадридѣ, онѣмѣніе печати, Эспронседа является дѣятельнымъ пропагандистомъ-республиканцемъ, предпринимаетъ агитаціонныя поѣздки по провинціямъ, ораторствуетъ, волнуетъ умы. Когда, въ 1841 году, наконецъ, водворенъ былъ парламентаризмъ, онъ—главный, выдающійся дѣятель въ кортесахъ, и дошедшія до насъ краснорѣчивыя его рѣчи полны юношеской возбужденности; за нѣсколько дней до смерти еще раздавался въ палатѣ западавшій въ душу голосъ его.

Необозримый водоворотъ всевозможныхъ настроеній, ощущеній и испытаній, полный контрастовъ надежды и разочарованія, тяжелый житейскій опытъ, бездна гнѣва, негодованія и горя,

---

[1]) Есть свѣдѣнія о неудавшемся намѣреніи Эспронседы вступить въ ряды легіона, собиравшагося въ Парижѣ на помощь возставшей Польшѣ. Правительство Луи-Филиппа запретило вербовку въ этотъ отрядъ. Сравн. біографію поэта, написанную Antonio Ferrer del Rio для изданія „Obras poeticas“ Эспронседы, Madrid, 1884, также у Rodriguez-Solis, 107.

прибереженныя судьбою къ концу жизни поэта испытанія—разрывъ съ Терезой и смерть ея,—и, несмотря ни на что, неистощимая энергія и вѣра въ конечный успѣхъ,—вотъ основа для поэзіи Эспронседы, развивавшейся въ связи съ его политикой, сливаясь съ нею, какъ у Байрона, въ одинъ образъ великой освободительной силы.

Эспронседа не былъ одинокъ въ своихъ байроническихъ симпатіяхъ среди новаго поколѣнія испанскихъ писателей. Такіе же, какъ онъ, эмигранты занесли (о чемъ мы упоминали въ нашемъ очеркѣ: „Школа Байрона") въ Испанію раннія вѣсти о Байронѣ, и журналъ 1823—24 гг., „El Europeo", содѣйствовалъ распространенію этихъ идей. Но ни въ комъ изъ его сверстниковъ не встрѣтили онѣ такого полнаго отзвука, какъ въ немъ, казалось, призванномъ къ ихъ пропагандѣ.

Всѣ звуки байроновской гаммы откликаются въ его поэзіи, остающейся, несмотря на то, вполнѣ субъективной [1]). Сонеты и серенады дышатъ страстью, но надъ искренней любовной лирикой высится величественный „Гимнъ къ солнцу", въ оправѣ картинъ Вѣчности и торжества Свѣта; „Пѣснь Пирата", напоминающая своими красками „Корсара", встрѣчается съ раздумьемъ элегій, и въ особенности романса „Къ ночи", окутаннаго таинственной дымкой. Но политическое стихотворство оттѣсняетъ эти изліянія и порою захватываетъ все творчество. Тогда создается „Пѣсня казака" (El canto del cosaco) съ ея хоровымъ припѣвомъ: „Hurra, cosacos del desierto, hurra!",—внушенная не только воспоминаніями о казакахъ въ Парижѣ 1814 года, но и недавнею расправою въ Польшѣ, звучащая побѣднымъ вызовомъ „надвинувшейся на міръ грубой и хищной силы, попирающей одряхлѣвшую Европу" (y á esa caduca Europa á nuestros pies),—тогда возникаютъ многочисленныя боевыя стихотворенія изъ текущей революціонной поры въ Испаніи. Одно изъ нихъ еще близко къ байроновскому эллинофильству, но въ этихъ „Сѣтованіяхъ дочери греческаго ренегата" сквозитъ гнѣвъ испанскаго патріота на отступниковъ,—а за нимъ идетъ цѣлымъ потокомъ лирика поэта-инсургента и агитатора. Онъ славитъ память погибшихъ за свободу и посвящаетъ задушевную элегію убитому рядомъ съ нимъ при вторженіи въ Испанію храбрецу Chapalangarra,—зоветъ въ стих. „Guerra" къ всеобщему ополченію во имя двухъ чудныхъ силъ—„*patria* y *libertad*",—громитъ нрав-

[1]) Поэтическія произведенія Эспронседы собраны и изданы были Патрисіемъ де-ла-Эскозура въ Мадридѣ 1884 („Obras poeticas"). Проза его все еще не собрана.

ственное паденіе и рабскій духъ Европы („A la degradacion de Europa“),—напоминаетъ обезсилѣвшей Испаніи о героизмѣ и вольнолюбіи далекихъ предковъ,—а въ превосходной элегіи „Къ отечеству“, написанной еще въ эмигрантскіе годы, въ Лондонѣ, предается горю при видѣ безпросвѣтнаго упадка и позора страны, изъ которой должны скрываться честные люди и блуждать отверженными и одинокими въ чуждомъ краю. Мотивъ душевнаго одиночества, развившійся во время изгнанія и особенно сильно выступающій въ стихотвореніи „Soledad del alma“, встрѣчается въ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ, когда настала активная пора, съ ѣдкимъ обличеніемъ косности и инертности толпы, неспособной поддержать дружнымъ подъемомъ великаго дѣла освобожденія. Но за красотой и силой лирики выступаютъ обширные эпическіе замыслы поэта,—тѣ, что доставили ему въ общемъ литературномъ движеніи Европы наибольшую извѣстность, *легенда*: „El estudiante de Salamanca“, и поэма: „El diablo mundo“.

Въ богатомъ стихотворномъ убранствѣ, какое только могла дать автору эволюція поэтической формы къ началу девятнадцатаго вѣка, съ новыми красотами гармоніи и изящно-свободной прихоти, чья тайна принадлежала Эспронседѣ, ожила въ „Саламанкскомъ студентѣ“ старая легендарная фабула изъ донъ-жуановскаго цикла,—не напоминая байроновское толкованіе типа въ его міровой сатирѣ, но, черезъ двухвѣковой промежутокъ, возвращаясь къ самой основѣ, къ пошибу пьесъ Тирсо де Молины и старыхъ итальянцевъ. Поэтъ самъ называетъ героя своего, донъ-Феликса де-Монтемаръ, „вторымъ донъ-Жуаномъ Теноріо“; обѣщая только „передать о немъ преданіе въ томъ видѣ, какъ его слышалъ“, онъ вводитъ насъ въ обстановку старой Испаніи съ ея повѣрьями, полными мистики и таинственности, призраковъ и пришельцевъ изъ загробнаго міра. Повѣствованіе о безумномъ прожиганіи жизни, издѣвающемся надъ всѣмъ, что есть въ ней святого и чистаго, онъ заканчиваетъ рядомъ сумрачно-зловѣщихъ картинъ, гдѣ глухою ночною порой передъ донъ-Феликсомъ является неотразимо манящее къ себѣ видѣніе женщины подъ бѣлымъ покрываломъ, влечетъ его за собой въ кругъ вьющихся въ пляскѣ тѣней и призраковъ, заставляетъ его присутствовать при погребальной процессіи, гдѣ въ одномъ мертвецѣ онъ узнаетъ убитаго брата соблазненной имъ и безконечно любившей его дѣвушки, въ другомъ — свои черты; но его привели на свадьбу; видѣніе, одаренное нѣжнымъ голосомъ несчастной Эльвиры, окружаетъ своего милаго ликованіемъ толпы

мертвецовъ, прижимаетъ свои уста скелета къ губамъ супруга, и въ вихрѣ пляски, въ стонахъ адскихъ пѣсенъ, гаснетъ жизнь, до послѣдней минуты полная отваги, самоувѣренности и отпора.

Сынъ своего вѣка и горячій приверженецъ народнаго развитія, Эспронседа позволилъ себѣ поэтическую вольность, унесшую его вглубь давнопрошедшаго, опытъ оживленія ветхой темы,—но духъ байроновской школы побудилъ его вдохнуть въ завѣщанный образъ героя сверхъ-человѣческую, титаническую силу; его Монтемаръ дѣйствительно „грандіозная, сатанинская личность, дивная въ своемъ безуміи, съ открытымъ челомъ пролагающая себѣ путь, бросая вызовъ небесному гнѣву":

Grandiosa, satànica figura,
Alta la frente, Montemar camina.
Espiritu sublime en su locura,
Provocando la còlera divina.

Его не устрашатъ ни людская враждебность, ни „сила нездѣшняя"; на дуэли, въ игорномъ домѣ, среди пляски мертвыхъ, онъ тотъ же безстрашный боецъ, способный вызвать на поединокъ самую судьбу. На немъ несомнѣнный отпечатокъ байроновскихъ борцовъ. А его образъ оттѣненъ такими красотами, какъ печальный ликъ умирающей Эльвиры, какъ полное блаженныхъ воспоминаній о быломъ счастьѣ, предсмертной тоски и томящаго одиночества, послѣднее, прощальное письмо ея къ своему соблазнителю,—какъ чудные поэтическіе пейзажи южной ночи, подъ чьимъ покровомъ творятся тайныя дѣла нѣжности, вражды, мщенія,—или полныя мрачной фантастики сцены „danse macabre". Въ творчествѣ поэта-революціонера эта художественная вольность, опершаяся на солидарность съ Байрономъ даже въ легендарно-археологической обстановкѣ, по праву заняла выдающееся мѣсто.

Такая же вольность, но безъ связи съ какими бы то ни было легендами, широкая, безграничная,—до того, что поэту не удалось выполнить всего замысла,—призванная охватить въ прихотливой формѣ, не поддающейся никакой теоріи, всѣ важнѣйшіе вопросы, волнующіе искони человѣчество, и вмѣстѣ съ тѣмъ всю политическую и общественную „злобу дня" въ современной Испаніи, выстраданную на дѣлѣ Эспронседой, создала второе и важнѣйшее изъ его обширныхъ произведеній, поэму: „El diablo mundo", Міръ-Сатана.

Шесть пѣсенъ и нѣсколько отрывковъ седьмой пѣсни—вотъ все, что осталось въ посмертномъ наслѣдствѣ Эспронседы отъ

необъятно раскинувшейся въ его воображенiи фабулы, своеобразной, мятежной, вѣчно измѣнчивой, порою неуловимой. Она увѣнчана заглавiемъ, которое уже звучитъ загадкой. Это—эмблема всего человѣческаго общества, всего вселенскаго строя,—говорятъ одни, ссылаясь на слова самого поэта; это—картина постояннаго превосходства духа зла надъ добромъ, повсемѣстнаго торжества дiавола,—говорятъ другiе [1]). Фантастическое встрѣчается съ ультра-реальнымъ; краски пестры до-нéльзя; „то трагическiй котурнъ, то звуки эпической трубы, то плавная, спокойная мелодiя, то тривiальный тонъ, то шутка, то глубокое, печальное раздумье и широкiй полетъ философской мысли",—все входитъ въ повѣствованiе, порою превращенное въ драматическiй дiалогъ, порою—въ сплошное лирическое излiянiе. Кто отважится преградить путь художнику-мыслителю, подчинить его какой бы то ни было формѣ или традицiи? И онъ свободно предваряетъ свой разсказъ таинственно-волшебнымъ прологомъ, гдѣ дѣйствуютъ хоры демоновъ и видѣнiй, носящiеся въ воздухѣ, и поэтъ, внимающiй ихъ голосамъ,—а вторую пѣснь, надписанную: „Къ Терезѣ",—чуждую общему сюжету, но усиливающую печальную его мораль новой, лично выстраданной скорбью,—посвящаетъ воспоминанiю о той завѣтной своей привязанности, которая была и свѣтомъ, и отравой его жизни, и возлагаетъ погребальный вѣнокъ на дорогое когда-то чело. Байроновскiй „Манфредъ" вовлекъ его и въ фантастику, и въ состязанiе съ мiровыми силами, тогда какъ „Донъ-Жуанъ" любимаго поэта научилъ свободѣ остроумiя и сатиры въ тѣхъ частяхъ разсказа, гдѣ испанская дѣйствительность, съ ея царствомъ застоя, вступаетъ въ свои права. Боецъ въ политической жизни, Эспронседа остается бойцомъ и непослушнымъ новаторомъ въ своей лучшей поэмѣ.

„Поэтъ" (въ прологѣ) въ ропотѣ на судьбу и божество, напоминающемъ въ средѣ байронизма развѣ только подобный же сильный моментъ въ III-ей пѣсни мицкевичевскихъ „Дзядовъ", съ гнѣвомъ и горечью возмущается противъ „вѣчнаго рабства", противъ тенетъ и тюремъ, въ которыхъ бьется человѣчество, созданное „съ мыслями ангеловъ и съ пошлымъ ничтожествомъ звѣрскихъ стремленiй", влачащее жизнь, въ которой „несомнѣнно только одно—его безсилiе", пробивается сквозь всѣ преграды, чтобы передъ лицомъ вѣчныхъ силъ заявить свои запросы о

[1]) Escosura, „Don José Espronceda, su personalidad poetica y sus obras", приложенiе къ „Obr. poeticas", 60.

смыслѣ жизни, о судьбѣ духа человѣческаго, о вѣчности и безсмертіи,—а надъ нимъ вьются духи, наполняя воздухъ шепчущими голосами, полными манящаго соблазна, говоря о прелестяхъ славы, богатства, наслажденій, безпечности, или возбуждающими его отчаяніе картинами несчастій и страданій. Неземные это образы и звуки, или это *его* личныя грёзы, *его* бредъ, имъ же сложенныя поэтическія созданія,—но мучатъ они его, удрученнаго неодолимой человѣческой долей, безконечно и непроглядно, и слышится ихъ припѣвъ: „духи, спѣшите, спѣшите раздѣлить зло свое съ человѣкомъ!"

Когда занавѣсъ поднимается надъ самимъ сюжетомъ поэмы, демонической фантастикѣ—конецъ, и въ свои права вступаетъ житейская проза. Связующимъ звѣномъ для ея сценъ служатъ личность и похожденія центральнаго лица, имя котораго, „Adan", задумано, какъ нарицательное прозвище человѣка—par excellence. Какъ Фауста, мы застаемъ его сначала старымъ, ветхимъ, пережившимъ всѣ желанія; свѣтлое видѣніе, представшее передъ нимъ, усыпляя его грёзой о новой жизни, полной безконечныхъ впечатлѣній, возвращаетъ ему молодость, и, утративъ память о прошломъ, онъ вступаетъ въ иное существованіе, полный воспріимчивости. Поэтъ нѣсколько смущенъ тѣмъ, что онъ долженъ передавать факты жизни послѣ ряда великихъ мастеровъ, его предшественниковъ, „послѣ *Байрона*, Кальдерона, Шекспира, Сервантеса", но все-же рѣшается приступить къ разсказу о томъ, что стало раскрываться передъ Аданомъ, когда свѣжій, юный, наивный, онъ пошелъ навстрѣчу радугѣ жизни. И идутъ тогда вереницей грубые и жесткіе уроки *настоящей* дѣйствительности; авторъ хотѣлъ провести его черезъ разнообразнѣйшія житейскія положенія, черезъ различные общественные слои, слишкомъ широко раскидывая границы и рамки, какъ Байронъ въ „Донъ-Жуанѣ", и такъ же, какъ онъ, осуждая себя на недоговоренность, невыполненность плана.

Эспронседа сразу расходится съ своимъ образцомъ въ выборѣ бытовой обстановки, погружая Адана съ первыхъ же шаговъ въ плебейскіе, низменные слои, на дно общества, вводитъ въ среду преступности, разврата, хищничества, гдѣ гибнутъ силы, склонныя къ свѣту и добру, гдѣ всего безотраднѣе доля женщины. Задушевнымъ горемъ проникнута сцена у едва остывшаго трупа дѣвушки изъ пролетаріата, соблазненной и погибшей; горькія, кающіяся жалобы ея матери, хозяйки притона, встрѣчаются съ вызывающими рѣчами Адана, впервые стоящаго передъ лицомъ смерти, отказывающагося вѣрить, чтобы такому

чудному созданію суждена была гибель, и изумляющаго осиротѣвшую женщину твердой надеждой на возвратъ жизни. Въ лицѣ такой же плебейки, которая окружена была съ дѣтства порокомъ и называетъ себя „дочерью вора, гнилымъ, порченнымъ плодомъ", Аданъ самъ встрѣчаетъ искреннюю привязанность; Salada удерживаетъ его отъ соблазновъ двусмысленной братіи, видимо сбирающейся вовлечь его въ преступленіе, не боится насмѣшекъ этихъ людей надъ „діаволомъ, превратившимся въ проповѣдника", и готова на всѣ жертвы, чтобы спасти своего друга. Всѣ такія существа гибнутъ,—какъ погибла въ иной средѣ и дорогая поэту Тереза, вдохновительница его юныхъ думъ и свѣтлыхъ влеченій,—и печалью обвѣянъ тотъ уголокъ земли, гдѣ „схоронена красота ея, теперь—жалкая тлѣнная пыль". „Терезы нѣтъ, но жизнь прекрасна, природа сіяетъ,—что за дѣло міру до того, что стало однимъ трупомъ больше!" И все ростетъ, все углубляется этотъ гамлетовскій пессимизмъ, и слышатся байроновскія рѣчи о человѣкѣ, скелетѣ съ нервами и кожей, безотчетно появляющемся на свѣтъ и столь же непонятно исчезающемъ, согрѣтомъ душой, этимъ таинственнымъ пришельцемъ, этимъ метеоромъ. Зрѣлище людскихъ отношеній, контраста избытка и бѣдности, торжествующаго паразитизма, царства денегъ, проходящее передъ глазами Адана и ярко освѣщаемое комментаріями поэта въ его постоянныхъ отступленіяхъ отъ сюжета (онъ часто говоритъ о „misdigresiones"), содѣйствуетъ тому же пессимизму. Впереди—непроглядная масса зла и несправедливости ждетъ Адана. Ему предсказана великая и страшная участь. „Ты увидишь движеніе вѣковъ и будущность міра",—звучало это предсказаніе; „вѣка будутъ кружиться въ безконечномъ движеніи, народы будутъ умирать; ты запросишь пощады у неба и въ агоніи проклянешь вѣчность".

Но, вопреки всему, жива и вѣчно дѣятельна въ борьбѣ со зломъ освобождающая мысль. Вступая въ жизнь, самъ поэтъ уже былъ полонъ жаждой подвига, его привлекали тогда „мечъ Катона, благородство Брута, безстрашность Сцеволы и Сократа"; это лучшія его воспоминанія, и этимъ идеямъ онъ остался навсегда вѣрнымъ. Въ посмертномъ отрывкѣ изъ поэмы, надписанномъ: „Ангелъ и поэтъ", передъ лицомъ ангела, вызывающаго его оторваться отъ связей съ грѣшнымъ міромъ и познать высокое, божественно-величавое призваніе творчества, поэтъ изливаетъ безконечную свою тоску, причиняемую равнодушіемъ и черствостью людскою, но, чувствуя призывъ къ небесному, неземному, останется вѣренъ неблагодарному, тяжелому своему труду.

Борьбу съ „міромъ-сатаною“ поэтъ ведетъ не только байроновскимъ оружіемъ гнѣвнаго обличенія или укоряющаго раздумья; ему нуженъ и другой, испытанный его учителемъ, способъ войны,—насмѣшка. Болѣе склонный патетически воспринимать факты жизни, онъ пользуется и этимъ видомъ оружія; тогда онъ становится реалистомъ-бытописателемъ, даже остроумнымъ causeur'омъ. Сцены въ тавернѣ или въ тюрьмѣ, гдѣ очутился Аданъ, цинически развязная исповѣдь стараго проходимца Lucas и весь характеръ его, рельефно очерченный, всюду разсѣянныя колкія выходки поэта противъ административныхъ, полицейскихъ, церковныхъ, литературныхъ испанскихъ нравовъ, немало украшаютъ разсказъ. Юморъ автора доходитъ до крайняго напряженія въ набросанной рѣзкими мазками картинѣ всеобщаго сумбура, поднявшагося въ столицѣ послѣ эксцентрическаго, по-боккачьевски непринужденнаго инцидента,—появленія Адана, спасающагося отъ преслѣдованія среди бѣлаго дня въ первобытномъ видѣ... безъ костюма. Подхваченное стоустою молвой и сплетней, это необыкновенное событіе выростаетъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Аданъ превращенъ въ анархиста, у него есть сообщники, задуманъ переворотъ, престолъ въ опасности, съ церковныхъ каѳедръ громятъ враговъ отечества, наемные писаки проповѣдуютъ походъ противъ нихъ, войскамъ приказано быть наготовѣ, у пушекъ дымятся фитили,—и объявляется военное положеніе.

Еслибъ судьба дала поэту выполнить широкій планъ задуманнаго пересмотра жизни, какъ царства зла, его „El diablo mundo“ заняло бы выдающееся мѣсто въ новой европейской поэзіи. Вѣчно дѣятельная, перегоравшая отъ напряженія, энергія его, не знавшая различія между словомъ и дѣломъ, но умѣвшая страстно продвигать ихъ совмѣстно впередъ, прервала его поэму почти на полусловѣ. Но это не наноситъ непоправимаго урона тому обаянію, которое неразрывно соединено со всею личностью Эспронседы; въ обломкѣ его замысла сказался онъ весь,—и въ международной литературной группѣ, вызванной къ жизни движеніемъ байронизма, врядъ ли найдется другой послѣдователь великаго англійскаго поэта, который съ такой цѣльностью, съ такимъ убѣжденіемъ донесъ бы до послѣднихъ своихъ дней преданность излюбленному направленію, какъ поэтъ-трибунъ Эспронседа.

IV.

Въ нестерпимо душной общественной атмосферѣ Германіи 1830—1848 годовъ—Байрону суждено было проявить такое же возбуждающее вліяніе, какъ въ истомленной „темной реакціонной ночью“ (noche oscura) Испаніи. Служеніе греческому дѣлу, доставившее Байрону большую популярность въ нѣмецкихъ интеллигентныхъ слояхъ, уже сосредоточило вниманіе на положительной сторонѣ его дѣятельности; сравнительно съ нею отступали на второй планъ художественныя, творческія красоты. О поэтѣ вспоминали въ сочувственныхъ стихотвореніяхъ, смѣнившихъ собою первыя некрологическія изліянія,—какъ о пѣвцѣ свободы, избавителѣ народовъ изъ-подъ гнета. Такъ, въ циклѣ *Totenkränze*, прославившемъ великихъ людей творчества, мысли и политической дѣятельности (1828), воспѣлъ его Цедлицъ [1]), проводя передъ читателемъ разные моменты жизни Байрона, когда затрачивались его лучшія силы, и съ сокрушеніемъ повторяя въ концѣ каждаго куплета: „Былъ ли онъ счастливъ?“ (Doch war er glücklich?)—но находя для него, какъ для Гёте, высшее удовлетвореніе въ томъ, что онъ много послужилъ дѣйствительной жизни. Появленіе большого полнаго собранія сочиненій Байрона въ переводахъ нѣмецкихъ стихотворцевъ подъ редакціею профессора Адріана [2]) усилило извѣстность и распространенность байроновской поэзіи въ Германіи, но, въ противоположность тому, что наблюдалось въ дни молодости Гейне, преимущественное вниманіе направлялось теперь на элементъ борьбы, сатиры, обличенія, политической пропаганды, образцовъ котораго новое изданіе давало въ изобиліи. Отголоски іюльской революціи будили и волновали умы; возстанія въ Бельгіи и въ Польшѣ поддерживали возбужденіе; изъ отечества Байрона приходили вѣсти о сильно разгоравшемся ирландскомъ народномъ движеніи, поднятомъ О'Коннелемъ,—и, слѣдя за его перипетіями, нѣмецкая молодежь глубоко сочувствовала многострадальной странѣ (современемъ Фрейлигратъ, въ прекрасномъ стихотвореніи „Irland“, заявилъ, что „къ ней еще болѣе, чѣмъ къ Риму Гарольда-Бай-

---

[1]) Типическій представитель *австрійской* группы нѣмецкихъ романтиковъ, Цедлицъ (авторъ извѣстнаго „Ночного смотра“) прекрасно перевелъ „Чайльдъ-Гарольда“—Ritter-Harold's Pilgerfahrt, im Versmass des Originals uebersetzt, Stuttgart, 1836.

[2]) Lord Byron's sämmtliche Werke, herausg. von Dr. Adrian, Prof. an d. Universit. Giessen (первый томъ—біографія), Frankfurt, 1830.

рона, пристало имя *Ніобеи народовъ*", —Dichtungen, III, 149). За политическими судорогами Италіи двадцатыхъ годовъ настала пора долголѣтней, напряженной агитаціи „Молодой Италіи" и ея вождя, молодого Мадзини, байроновскаго поклонника. Среди такихъ условій понятна чуткость къ политическимъ мотивамъ въ иноземной поэзіи и стремленіе развить, разработать ихъ въ поэзіи отечественной. Тяжелое зрѣлище невозможныхъ, патріархально попечительныхъ условій, скрѣпленныхъ авторитетомъ Германскаго-Союза, и позорной отсталости отъ остального культурнаго міра, вызывало томленіе и щемящую тоску по утраченной свободѣ. „Германія—это Гамлетъ; каждую ночь къ нему является призракъ насильно похороненной народной свободы и требуетъ отмщенія",—восклицалъ впослѣдствіи, въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ вдохновенномъ стихотвореніи юный Фрейлигратъ [1]),—но въ ту пору, когда писались эти строки, нерѣшительный, замученный рефлексіею нѣмецкій Гамлетъ начиналъ уже переходить къ дѣйствіямъ и въ 1848 г. пережилъ лихорадочный пароксизмъ энергіи. Насколько же правдивѣе была картина и жестче укоризна молодого поэта въ примѣненіи къ глухой порѣ начала тридцатыхъ годовъ, такъ рѣзко совпавшей съ всеобщимъ оживленіемъ вокругъ!

Все, что говорило о возрожденіи, подъемѣ, что напоминало объ идеалѣ свободы и обличало ея противниковъ, являлось тогда желаннымъ для разрозненныхъ представителей пробуждавшагося молодого поколѣнія. Байроновская поэзія была въ первыхъ рядахъ, но вѣдь и во вліяніи французской поэзіи, Гюго и его сверстниковъ, вслѣдствіе ея связей съ англійскимъ образцомъ сказывалось то же отраженное воздѣйствіе на нѣмецкое литературное настроеніе; уроки парламентарной жизни, свободной публицистики, вліяніе соціальныхъ системъ, въ особенности сенъ-симонизма, довершали воспитаніе, подготовку. Таковъ фонъ „Молодой Германіи", этой даровитой плеяды, блестяще выступившей, сдѣлавшей рядъ смѣлыхъ заявленій, но скоро, слишкомъ скоро разбитой, разсѣянной, замученной, заклейменной, осужденной на нѣмоту, поставленной внѣ закона. Пока ея дѣятели „горѣли свободой", на нихъ шелъ непрерывный токъ оживляющей энергіи изъ парижскаго приволья, отъ обоихъ ея вождей-эмигрантовъ, Бёрне и Гейне, изъ того наслѣдія, что оставилъ послѣ себя авторъ „Гарольда" и „Донъ-Жуана", изъ воинствующей лирики

---

[1]) „Hamlet" входитъ въ составъ цикла „Ein Glaubensbekenntniss", 1844, Freiligrath, Gesammelte Dichtungen, III, 86.

иныхъ передовыхъ поэтовъ и изъ дѣятельности соціальныхъ реформаторовъ. Какъ для Бёрне, встрѣтившаго необыкновенно сочувственною статьей появленіе Муровой біографіи Байрона, англійскій поэтъ казался божественно просвѣтленнымъ своими страданіями, лучезарной вольной кометой, съ дикой свободой пронесшеюся надъ міромъ, искреннимъ другомъ *человѣчества*, презиравшимъ лишь *людей*, великимъ и въ одиночествѣ [1]), — и для такого вѣрнаго послѣдователя Бёрне, какъ Гуцковъ, Байронъ — одинъ изъ главныхъ выразителей духа новаго времени; очевиднымъ доказательствомъ геніальной чуткости старца Гёте, безостановочно шедшаго наравнѣ съ вѣкомъ, въ его глазахъ является глубокое сочувствіе Байрону и желаніе объяснить современникамъ его значеніе. Только одна пьеса (сполна до насъ не дошедшая), „Марино Фальеро", остается свидѣтельствомъ состязанія, въ которое Гуцковъ задумалъ-было вступить съ Байрономъ - драматургомъ, обработавъ одинъ изъ его сюжетовъ. Но общая солидарность его съ поэтомъ несомнѣнна [2]). Еще опредѣленнѣе она у главнаго теоретика школы, Винбарга, чья книга „Aesthetische Feldzüge", поспѣшно запрещенная прусскою цензурой, произвела сильнѣйшее впечатлѣніе еретическими сужденіями о литературныхъ именахъ первой величины, проповѣдью сближенія словесности съ насущными общественными запросами, и новшествами въ проблемахъ нравственности и религіи. По взгляду Винбарга, Байронъ явился предтечей непосредственной европейской современности, указавшимъ ей пути; онъ воплотилъ въ себѣ лиризмъ новаго времени, проникнутый революціоннымъ вдохновеніемъ. „Великій поэтъ, выступающій въ нашу эпоху, призванъ изображать борьбу и волненія своей поры и своего собственнаго сердца", и Байронъ выполнилъ съ удивительной силой эту задачу. Его ближайшимъ преемникомъ критикъ считаетъ Гейне, съумѣвшаго слить байронизмъ съ вольтерьянствомъ, — и такимъ путемъ устанавливаетъ послѣдовательную связь съ дѣятелями „Молодой Германіи", образующими третье поколѣніе вождей прогресса [3]). Горячо написанная, подъ

---

[1]) Ludwig Börne, „Briefe aus Paris", vier und vierzigster Brief, 20 марта 1831 г. Бёрне готовъ былъ бы „отдать всѣ радости своей жизни за одинъ годъ страданій Байрона".

[2]) О Гуцковѣ сравн. новѣйшую диссертацію J. Dresch, „Gutzkow et la Jeune Allemagne", Paris, 1904, съ неизданными письмами—также Johann Proelss, „Das Junge Deutschland", Stuttgart, 1892.

[3]) „Aesthetische Feldzüge, dem Jungen Deutschland gewidmet", Hamburg, 1834, 22 и 23 главы,—также у Dresch, стр. 165—66.

вліяніемъ польскаго возстанія и отношенія къ нему Германіи, сатирическая картина общества, которое готово отвлеченно увлекаться идеей освобожденія страдающихъ народовъ, даже любуется описаніемъ освободительныхъ подвиговъ, но остается безучастнымъ къ такимъ опредѣленнымъ задачамъ, въ которыхъ честь и человѣчность требуютъ вмѣшательства и прямого участія,—тѣмъ болѣе выдѣляетъ заслуги такихъ людей, какъ Байронъ, не знавшихъ разлада идеи и поступка. Генрихъ Лаубе, идя по слѣдамъ Байрона, увлекается движеніемъ, явившимся послѣднимъ словомъ народно-освободительной программы, подъ вліяніемъ событій въ Польшѣ становится писателемъ политическимъ, и въ сообществѣ съ однимъ изъ спасшихся въ Германію раненыхъ инсургентовъ пишетъ горячій памфлетъ для возбужденія нѣмецкихъ симпатій къ возстанію. Къ Байрону стремится мысль романиста Густава Кюне, и въ фантастически задуманный имъ „Карантинъ въ домѣ сумасшедшихъ", гдѣ подъ видомъ пестрыхъ набросковъ мыслей въ дневникѣ эксцентрика, на время очутившагося въ пріютѣ умалишенныхъ, высказано много оригинальныхъ мнѣній о литературѣ, обществѣ, политикѣ, вводитъ разсужденіе о Байронѣ и Шелли.

Прозаики или драматурги, публицисты, проповѣдники нравственной свободы, приверженцы политическаго радикализма (Гуцковъ смолоду былъ страстнымъ поклонникомъ республики), дѣятели „Молодой Германіи" не могли вступить въ школу Байрона, какъ поэта, и продолжать его художественное дѣло. Но въ своей борьбѣ съ старымъ порядкомъ, оставившей далеко за собой шумливыя дѣянія такой же юной группы иконоборцевъ въ XVIII-мъ вѣкѣ,—поэтовъ „Sturm und Drang"'a,—они находили въ соціально-политической сторонѣ байронизма, все еще живого и дѣятельнаго, важную опору. Но сильный отрядъ уже выступилъ противъ смѣлыхъ и безстыдныхъ развратниковъ; его велъ опытный вождь, Меттернихъ, вся реакціонная гвардія была подъ ружьемъ, всѣ свѣтила Германскаго-Союза и соединенной политической полиціи нѣмецкихъ государствъ, а для подкрѣпленія шла партизанская команда изъ писателей-доносчиковъ, съ Менцелемъ во главѣ. Союзный декретъ 1835 года, воспретившій печатаніе и оглашеніе какихъ-либо произведеній „Молодой Германіи", рядъ арестовъ, тюремныхъ заключеній, изгнаній и бѣгствъ, положилъ конецъ ея существованію.

Но начатое ею дѣло не погибло. Среди кажущагося затишья и оцѣпенѣнія, вызваннаго расправой, уже обозначились силы будущихъ преемниковъ и мстителей,—и къ 1840 году сошлись

отовсюду, съ Рейна, съ южнонѣмецкой окраины, съ балтійскаго взморья, даже изъ скованной летаргіею Австріи, на смѣну выбывшимъ изъ строя, новые борцы, съ свѣжей энергіей, твердой вѣрой въ конечную побѣду свободы и гуманности,—и съ общимъ лозунгомъ, указавшимъ въ дѣлѣ національнаго возрожденія выдающееся назначеніе *политической поэзіи*. То была, отвоевавшая себѣ на цѣлое десятилѣтіе передовую роль въ литературѣ, школа „нѣмецкой политической лирики", прямая предшественница и проповѣдница всеобщаго подъема умовъ въ революціонный 1848-й годъ [1]).

Байроновскія традиціи въ сильной степени передались и ей. Болѣе, чѣмъ когда-либо, являлись для нея чуждыми формы, образы и характеры восточныхъ поэмъ Байрона; титаническая борьба, философская лирика не волновали людей, сознавшихъ необходимость вести немедля натискъ на враговъ народа, изо дня въ день, отвоевывая шагъ за шагомъ почву для народной свободы, собирая для того отовсюду силы, вдохновляя ихъ побѣднымъ кличемъ; и здѣсь для нихъ былъ неоцѣнимъ Байронъ въ той же роли политическаго борца, которая плѣняла и „Молодую Германію", и не въ идейномъ только содержаніи дѣятельности его послѣднихъ, лучшихъ лѣтъ, но столько же и въ той увлекательной поэтической формѣ, въ которую оно облекалось. Одни изъ молодыхъ поэтовъ взяли себѣ образцомъ для стихотворной пропаганды пріемы Байрона въ обличительныхъ строфахъ „Ч. Гарольда" и „Донъ-Жуана", направляя свое остроуміе и иронію на гнилые устои нѣмецкой жизни. Такъ поступилъ (скончавшійся лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ глубокой старости) Вильгельмъ Іорданъ, сдѣлавъ блестящій починъ въ новомъ для нѣмецкаго стихотворства родѣ поэмы на современные мотивы, озаглавивъ ее „Potpourri mit Arabesken und Seitenhieben" и тѣмъ сразу узаконяя тѣ остроумныя отступленія и эпизоды, тѣ вылазки и „боковые удары", которымъ онъ научился у Байрона. Вступленіе къ поэмѣ, съ комической тревогой автора, тщетно ищущаго для нея подходящаго героя,—свободная и искусная варіація на извѣстное вступленіе къ „Донъ-Жуану". Она уже свободна въ томъ, что поиски свои поэтъ обрываетъ рѣшеніемъ избрать въ герои—себя самого, повести рѣчь отъ собственнаго своего лица. И набрасываетъ онъ тогда сатирическую картину нѣмецкаго общества сороковыхъ годовъ въ разныхъ его слояхъ, направленную

[1]) Въ послѣднее время и она начинаетъ привлекать изслѣдователей литературнаго движенія. Новѣйшая работа—Christian Petzet, „Die Blütezeit der deutschen politischen Lyrik von 1840 bis 1850". München, 1903.

не только на стачку правительствъ противъ духа времени, или на клерикальный гнетъ, или на раболѣпствующую литературу, но и на крикливую и безсодержательную демагогію, на неумѣренное превознесеніе „народнаго генія" (на эту же тему написано имъ было стихотвореніе „Der Schiffer und der Gott", прочтенное на съѣздѣ писателей въ 1846 г. и вызвавшее среди нихъ тревогу), на игру въ свободомысліе, замѣняющую энергическое и глубоко сознательное политическое подвижничество звонкими фразами изъ „заученнаго наизусть либеральнаго катехизиса".

Другіе участники въ движеніи,—и значительное большинство,—предпочитали подобнымъ ироническимъ наброскамъ съ натуры и остроумнымъ собесѣдованіямъ съ читателемъ мѣткую, сжатую и выразительную форму стихотворнаго политическаго воззванія, гимна къ свободѣ, твердаго заявленія принциповъ, — или политической сатиры и летучей эпиграммы. За даровитой личностью Іордана, которому пришлось поплатиться высылкой за его смѣлость, выдвигается богатая талантами группа лириковъ того же направленія, Гофманнъ фонъ-Фаллерслебенъ, Гервегъ, Фрейлигратъ, Прутцъ, австрійцы Анастасій Грюнъ и Карлъ Бекъ, съ его ярко-соціалистическимъ оттѣнкомъ,—цѣлый кладъ воодушевленія, искренности, преданности народному благу, боевой отваги, способный передать и позднему потомку свое энергическое возбужденіе, когда онъ прикоснется къ поблекшимъ страницамъ этихъ старомодныхъ книжекъ.

Политическая сторона байроновской поэзіи была знакома многимъ изъ этой группы, и въ переводахъ, и въ подлинникѣ (напримѣръ, такому знатоку англійской литературы и переводчику ея памятниковъ, какъ Фрейлигратъ), но ни у кого, быть можетъ, изъ всѣхъ собратій не сказалось вліяніе Байрона такъ сильно, какъ у Георга Гервега, ни одинъ не выработался въ такого убѣжденнаго лирика-пропагандиста, не покинувшаго своихъ завѣтовъ, несмотря на всѣ невзгоды и преслѣдованія, до самой смерти.

Свободный отъ узко-національныхъ сочувствій, смолоду уже грезившій объ общечеловѣческой свободѣ, которая принесетъ избавленіе и его родному народу, начавшій жизнь юношескимъ республиканизмомъ и кончившій ее въ семидесятыхъ годахъ, въ рядахъ соціально-демократическаго движенія, онъ испыталъ, какъ лирикъ, обратившій на себя вниманіе блестящими импровизаціями еще въ студенческіе годы, вліяніе предшественниковъ въ политическомъ стихотворствѣ. Въ автобіографическихъ признаніяхъ стихотворенія „Byron's Sonett an Chillon", написаннаго въ про-

славленіе извѣстнаго „Sonnet on Chillon", этого диѳирамба свободѣ, Гервегъ, называя поэзію Байрона „небесною пѣснью" (himmlisch Lied), говоритъ съ глубокой отрадой о томъ, какое утѣшеніе доставляла она ему въ „тяжелыя, сумрачныя минуты его жизни", какъ „радовала она уже порывистаго, непокорнаго отрока и какъ потомъ, словно вѣрный товарищъ, сопровождала жизнь юноши"; онъ такъ страстно хотѣлъ бы прославить любимаго поэта,—но вспоминается ему, какъ, „состязаясь, лучшія дарованія современности возлагали лавры на его могилу", и томится мыслью, что „самъ онъ такъ мало смогъ бы внести въ это чествованіе". Съ Байрономъ дѣлитъ вліяніе на Гервега Беранже, которому онъ посвятилъ восторженное стихотвореніе, надписанное его именемъ и мѣтко обрисовавшее значеніе великаго французскаго chansonnier, какъ *народнаго* пѣвца свободы. Вліяніе нѣмецкой эмигрантской литературы, и въ особенности Бёрне, также должно было поддержать настроеніе молодого, увлекающагося поэта и намѣтить ему цѣли. Первая же побывка его въ Швейцаріи, гдѣ онъ въ юности искалъ убѣжища отъ виртембергской военной лямки, сильно подѣйствовала и на его свободолюбіе, и на поэтическое вдохновеніе. Какъ на Байрона въ 1816 году, на Гервега живительно повліяла величавая природа, вызывавшая смѣлый полетъ его мысли, и, какъ Байронъ, прославлялъ онъ ее въ стихотвореніяхъ, которыя несли „съ высотъ" благовѣстіе тѣмъ страдальцамъ, что „осуждены влачить жалкую жизнь въ родныхъ низинахъ",—вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовали впечатлѣнія жизни народа, воспитаннаго вѣковою свободой, давшаго въ ту пору пріютъ и покровительство тѣмъ нѣмецкимъ вольнодумцамъ, съ которыми Гервегъ поспѣшилъ сблизиться и въ чьихъ эмигрантскихъ журналахъ участвовалъ.

Когда, вернувшись снова въ отечество, онъ выступилъ впервые съ своими политическими пѣснями, и когда два цикла ихъ, украшенные типическимъ, мѣткимъ названіемъ „Gedichte eines *Lebendigen*" [1]), выказали и рѣдкое дарованіе, и необыкновенную страстность боевого темперамента, впечатлѣніе было потрясающее. Не для эффекта, не для игры словъ избралъ Гервегъ титулъ своего сборника. Поводъ далъ ему писатель-дилеттантъ, страннымъ образомъ захотѣвшій также причислить себя къ байроническому толку, сибаритъ и баловень судьбы, свѣтскій остроумецъ и causeur, неутомимый странствователь по сушѣ и по морямъ

---

[1]) „Gedichte eines Lebendigen mit einer Dedication an den Verstorbenen". Zürich und Winterthur, 1841. Въ два года оба тома выдержали семь изданій.

князь Pückler-Muskau, который придумалъ облечь свои путевые наброски, перевитые остротами и кокетливыми выходками великосвѣтскаго blasé, въ нарядъ Гарольда или донъ-Жуана, и снабдить ихъ притязательнымъ названіемъ „Писемъ умершаго" (Briefe eines Verstorbenen). Презрительно заклеймивъ въ своемъ вступительномъ стихотвореніи аристократическую блажь, заигрывающую съ насущными вопросами современности, и, конечно, преувеличивъ вредное значеніе книги и ея автора [1]), Гервегъ хочетъ противопоставить замогильной, безжизненной лже-поэзіи полную настоящей, горячей жизни лирику; отбросивъ призракъ *умершаго*, онъ выступаетъ *живымъ* заступникомъ за народъ, погрязшій въ рабствѣ и безгласности, будитъ, зоветъ его впередъ, обличаетъ угнетателей. „Мы слишкомъ долго любили, станемъ же, наконецъ, ненавидѣть!" (Wir haben lang genug geliebt und wollen endlich hassen!)—восклицаетъ онъ. Ничто не устрашитъ его, заявляетъ онъ въ другомъ стихотвореніи („Xenien", I),—ни буря, ни подводные камни; „вопреки всему на свѣтѣ онъ пройдетъ своимъ путемъ и *откроетъ* тотъ „міръ, что предсталъ передъ нимъ въ грёзахъ". Геніальная иронія Гейне, блескъ публицистики Бёрне, реформаторское рвеніе Гуцкова и „Молодой Германіи", все, казалось, поблѣднѣло и отодвинулось передъ этимъ безстрашнымъ и неудержимо-гнѣвнымъ лиризмомъ, въ которомъ снова слышались звуки былого богоборства и титанизма. Передъ Гервегомъ не находили пощады и единомышленные поэты, если, казалось, они отъ насущной борьбы уходили въ абстрактный, вселенскій либерализмъ (такъ бросилъ онъ Фрейлиграту суровый протестъ, защищая великое призваніе *партіи* въ политической борьбѣ); не избѣжали строгаго суда и нѣмецкое революціонное движеніе 1848 года, и ораторскія упражненія франкфуртскаго парламента на тему о германскомъ единствѣ. „Дорогу свободѣ!" (der Freiheit eine Gasse!) — восклицаетъ онъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній. „Среди спокойнаго народа раздавалась гнѣвная, вольнолюбивая пѣснь" того, кого Гейне такъ мѣтко называлъ „die eiserne Lerche". Ему мечталось, что именно

[1]) Князю Пюклеру несомнѣнно свойственна была и гуманность, и забота объ общественномъ благѣ; въ остроуміи, скорѣе напоминающемъ пріемы Стерна, ему также нельзя отказать. Гейне предпослалъ одному изъ отдѣловъ „Reisebilder" большой эпиграфъ изъ книги Пюклера, громящій англичанъ за гоненіе на Байрона. Главною слабостью Пюклера было неумѣренное копированіе англійскаго поэта, даже въ житейскихъ частностяхъ, напр. въ путешествіи на Востокъ. „Байронъ былъ великій поэтъ, Пюклеръ же не былъ ни великимъ человѣкомъ, ни поэтомъ", — говоритъ о немъ R. M. Meyer (Deutsche Literat. des 19 Jahrh., 1900).

изъ этого народа выйдутъ со временемъ тѣ силы, что откроютъ широкую „дорогу свободѣ для всей Европы“. Ни одного свѣтлаго, ласкающаго звука нѣтъ въ этой поэзіи; она — „тяжелая, мрачная туча, которую Богъ одарилъ лишь громовыми раскатами“. Свой идеалъ поэтъ находитъ въ вѣковѣчной легендѣ о Прометеѣ, этомъ вдохновителѣ Байрона,—и такъ же смѣло поднимаетъ онъ чело свое передъ божествомъ, передъ земной силой и властью.

Жизнь переросла и отбросила потомъ въ тяжелое одиночество пламеннаго мечтателя, который на порогѣ сороковыхъ годовъ предвѣщалъ уже ея перерожденіе, — черствая и жестокая дѣйствительность долгой нѣмецкой реакціи, воскресшаго бонапартизма, бисмарковской Германіи,—и съ словами ропота, не сдавшись до конца, сошелъ онъ въ могилу. Но могучій протестъ его юной лирики, совмѣстившей въ себѣ лучшее идейное содержаніе нѣмецкой „политической поэзіи“, всегда останется украшеніемъ національнаго германскаго творчества, и въ то же время цѣннымъ вкладомъ въ общеевропейское движеніе байронизма, явившагося снова великою вдохновляющею силой.

Родная поэту англійская среда, французскій, испанскій, нѣмецкій племенные элементы выставили такимъ образомъ своихъ участниковъ въ этомъ движеніи за тотъ его періодъ, когда байронизмъ достигалъ наибольшаго своего развитія. Но, съ честью выдерживая соперничество съ своими сверстниками, выдвинулась тогда же примѣчательная доля того участія, которое въ созданіи „школы Байрона“ приняла славянская народность,—польскій и русскій байронизмъ средняго періода, требующій особаго, тщательнаго изученія.

Алексѣй Веселовскій.

ГРАЖДАНСКАЯ СМЕРТЬ

РАЗСКАЗЪ.

Bürgerlicher Tod. Novelle von Prinz Emil von Schönaich-Carolath. Leipzig. 1903.

Среди одной изъ нѣмецкихъ столицъ лѣниво протекала широкая рѣка; черезъ нее были перекинуты многочисленные мосты. Изъ ея чернаго, почти неподвижнаго зеркала поднимались въ высоту толстыя стѣны фабричныхъ строеній и сырые, мрачнаго вида жилые дома. По улицамъ громыхали подводы съ товарами, катились и звонили конки, сновала въ однообразной сутолокѣ, безшумно и безрадостно, озабоченная дѣятельная толпа. Проходили смѣнившіеся съ караула солдаты, а на перекресткахъ виднѣлись конные и пѣшіе полицейскіе. На крышахъ, на мостовой—лежала скользкая, дымящаяся сырость, вызванная смѣсью угольной копоти и мелкаго, точно сѣявшаго сквозь сито, осенняго дождя.

Съ той стороны, гдѣ людской потокъ былъ менѣе стремителенъ, шагалъ человѣкъ лѣтъ сорока. Онъ былъ чисто, но очень бѣдно одѣтъ; на его заурядномъ лицѣ замѣчалась страдальческая черта и по временамъ плечи его вздрагивали, какъ будто подъ жиденькимъ, намокшимъ отъ дождя сюртукомъ, его пробирала дрожь. Порою онъ останавливался, прислонившись къ выступу стѣны передъ магазинами и, казалось, разсматривалъ выставленные въ окнахъ товары. Затѣмъ, неувѣренными шагами онъ шелъ далѣе, сначала—по прямой линіи, а потомъ непроизвольно начиналъ описывать едва замѣтную дугу.

Никто изъ прохожихъ не обращалъ на это вниманія; только

мальчишка изъ булочной, нахлобучившій себѣ на голову пустую корзину, остановился на мигъ, подозрительно вглядываясь въ него свѣтлыми насмѣшливыми глазами, но вслѣдъ затѣмъ, какъ бы убѣдясь, что зародившееся у него подозрѣніе лишено основанія, онъ равнодушно отвернулся и принялся насвистывать прерванную имъ пѣсенку.

Человѣкъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ и наконецъ остановился, съ трудомъ удерживаясь на ногахъ, какъ это бываетъ съ людьми при сильной качкѣ. Съ большимъ усиліемъ добрелъ онъ до подъѣзда, вошелъ туда и тяжело опустился на ступени темной лѣстницы, склонивъ голову на грудь между высоко поднятыхъ колѣнъ.

Въ первомъ этажѣ стукнули дверью и послышались шаги кого-то, спускавшагося внизъ. Это былъ пестро и безвкусно одѣтый мужчина съ широкимъ добродушнымъ лицомъ слуги; онъ несъ въ рукѣ бумажный дождевой зонтикъ и связку книгъ. Замѣтивъ сидѣвшаго, онъ похлопалъ его по плечу и поднялъ при этомъ свалившуюся съ него шляпу.

— Эй, пріятель, вы плохо выбрали мѣсто для того, чтобы проспаться. Увидитъ васъ хозяинъ—сейчасъ пошлетъ за полицейскимъ! Ступайте-ка себѣ домой... Замѣчательно,—продолжалъ онъ, когда прохожій съ усиліемъ поднялъ голову и затѣмъ всталъ, пошатываясь,—онъ не только не хватилъ лишняго, но, кажется, у него во рту маковой росинки не было.—Послушайте,—снова обратился онъ къ незнакомцу, обтирая руку, которою дотронулся до его мокрой одежды,—ваше лицо какъ будто бы знакомо мнѣ; по такой дурной погодѣ не вредно выпить чашку кофе; зайдемте-ка въ кофейную, тамъ насупротивъ... Вы не изъ Саксоніи ли, какъ и я самъ? Нѣтъ? Ну, не бѣда! Хозяинъ кофейной — мой землякъ, и если вы никуда не торопитесь, мы можемъ покалякать съ четверть часика...

Взявъ свою шляпу, человѣкъ хотѣлъ-было удалиться, но при словѣ „кофе“ онъ оказался не въ силахъ побороть искушеніе, и, пробормотавъ что-то непонятное, послѣдовалъ за своимъ покровителемъ. Вскорѣ, не обративъ на себя ничьего вниманія, онъ оказался сидящимъ за опрятнымъ столикомъ въ кофейной среди посѣтителей того же разряда, и, подъ вліяніемъ горячаго напитка, онъ мало-по-малу пришелъ въ себя отъ холода и изнеможенія. По прошествіи четверти часа, добродушный саксонецъ заплатилъ по счету и снова взялъ связку книгъ, отодвинутую имъ, вслѣдствіе невообразимо грязнаго вида переплетовъ, на самый край стола.

— Видите,—пояснилъ онъ, извиняясь:—это романы, которые я беру для барыни изъ библіотеки. Такая грязь, съ позволенія сказать, что нашему брату въ руки взять противно, а барыня читаетъ ихъ по цѣлымъ днямъ, и даже иногда по ночамъ въ постели. Большихъ чудесъ насмотришься у богатыхъ людей, надо правду сказать... А вы здѣсь покуда посидите да погрѣйтесь хорошенько. Въ воскресенье, черезъ недѣлю, я буду свободенъ вечеркомъ, тогда я объявлюсь къ вамъ, и мы снова потолкуемъ. Радъ былъ познакомиться съ вами, господинъ... Витгофъ, сказали вы? Совершенно вѣрно. Писецъ правленія, г. Витгофъ, уголъ Горшечной площади, во дворѣ, четвертый этажъ. До свиданія... Поклонъ вашей женѣ и дѣтямъ.

Витгофъ былъ типичнымъ чахлымъ растеніемъ, выросшимъ на столичной мостовой, истиннымъ сыномъ предмѣстья. Отецъ его, фабричный рабочій, умеръ рано; фабрикантъ пріютилъ мальчика, но сосѣдніе богатые заводчики скоро довели небольшое обойное заведеніе до полнаго разоренія. Плохо питавшійся и слабый здоровьемъ, Витгофъ былъ тѣмъ не менѣе признанъ годнымъ для военной службы и отправленъ въ пѣхотный полкъ въ провинцію. Онъ попалъ въ роту, куда еще не успѣлъ проникнуть благотворный духъ нововведеній. Командиръ ея принадлежалъ къ типу, еще весьма часто встрѣчающемуся въ средѣ арміи; при своей представительной внѣшности и служебной исполнительности, онъ былъ очень ограниченнымъ человѣкомъ; низкопоклонный, преисполненный усердія передъ начальствомъ, онъ проявлялъ по отношенію къ подчиненнымъ полную безшабашность и грубость, свойственныя мелкимъ деспотамъ. Нелюбимый товарищами, не цѣнимый, но лишь терпимый начальствомъ, онъ признавалъ, кромѣ людей, выше его поставленныхъ, лишь одного кумира—муштру. Ему даже въ голову не приходило, что, помимо успѣховъ въ ружейныхъ пріемахъ и чисткѣ пуговицъ, люди его нуждаются въ нравственномъ уходѣ, въ школѣ, образующей характеръ, въ поднятіи чувства чести.

Зато на церемоніальномъ маршѣ порученный ему живой матеріалъ являлъ собою верхъ совершенства. Старшій лейтенантъ былъ военный академикъ съ тяжеловѣснымъ умомъ,—казалось, вѣчно размышлявшій о томъ, какою незаполнимою бездною легли между нимъ и его подчиненными его глубокія познанія въ военномъ дѣлѣ. Младшимъ лейтенантомъ былъ веселый молодой человѣкъ изъ купеческаго сословія, находившійся въ томъ блаженномъ періодѣ, когда люди довольствуются восхищеннымъ созерцаніемъ своей собственной, украшенной эполетами особы.

Унтеръ-офицеры, по примѣру высшихъ, тоже были деспотами въ миніатюрѣ, утратившими, вслѣдствіе дурного обращенія съ ними начальства, чувство чести и сознаніе своего положенія. Грубые и жестокіе въ своихъ капральствахъ, они предавались за стѣнами казармы весьма неблаговидному разгулу. Что касается солдатъ—у большинства изъ нихъ ни разу даже не мелькнула мысль о томъ, чтобы время службы могло и должно было быть чѣмъ-либо инымъ кромѣ сплошнаго наказанія, которое надо претерпѣть со стиснутыми зубами, худо ли, хорошо-ли—до конца. Лишь незначительное, инстинктивно подозрѣваемое начальствомъ меньшинство додумывалось до вопросовъ: „Почему обращаются съ нами грубо и презрительно, требуя въ то же время чтобы мы охотно, даже съ радостью служили отечеству? Почему насъ скудно кормятъ и не пріучаютъ держать тѣло въ опрятности вмѣсто того, чтобы проявлять показную опрятность, выражающуюся въ ослѣпительной чистотѣ пуговицъ? Почему насъ отдаютъ съ руками и съ ногами во власть низшимъ, зачастую—жестокимъ учителямъ, которые за спиною офицеровъ немилосердно обращаются съ нами? Почему со стороны высшихъ мы встрѣчаемъ лишь взысканіе и муштру, и никогда—ни капли теплаго человѣческаго участія? Если существуетъ инструкція, гдѣ широковѣщательными словами прославляется наше призваніе, необходимость его для отечества, то почему въ насъ осмѣливаются заглушать чувство чести и стремленіе къ этому призванію, совершенно уничтожая, на время службы, идеальную его сторону? Почему все сводится къ использованію силъ, къ внѣшности, и ничего не остается на долю внутренней жизни человѣка“?

Подъ гнетомъ старыхъ традицій, требующихъ со стороны солдата полнаго отреченія отъ его личности, и эти простыя мысли не приходили въ голову большинства товарищей Витгофа. Муштра производилась съ большимъ усердіемъ; помимо постоянныхъ занятій, примѣнялись разнообразныя, соотвѣтствующія личности каждаго наказанія, а слабое тѣлосложеніе Витгофа не было въ состояніи выносить суровости солдатской жизни. Когда онъ, заболѣвъ воспаленіемъ легкихъ въ опасной формѣ, лежалъ въ госпиталѣ, фельдфебель сказалъ ему въ утѣшеніе, что такой горе-служака не стоитъ листа бумаги и грошовой марки, которые должна истратить рота на то, чтобы получить замѣстителя ему. Такимъ образомъ, Витгофъ, въ качествѣ полуинвалида, получилъ свободу.

Когда онъ оставилъ казарму, время солдатчины показалось ему короткимъ тяжелымъ сномъ. Онъ оказался вытолкнутымъ въ

жизнь съ поруганнымъ чувствомъ чести, неувѣренностью въ себѣ и путаницею въ понятіяхъ. Въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ онъ вздрагивалъ, завидѣвъ издали мундиръ, и уже много позднѣе, ставъ свободнымъ гражданиномъ, онъ отчасти вернулъ себѣ самосознаніе и самоуваженіе. Найдя занятіе на фабрикѣ, онъ, будучи трезвымъ, усерднымъ работникомъ, успѣлъ кое-что скопить. У хозяйки онъ познакомился съ дѣвушкой-сиротой, работавшей въ мастерской верхняго платья, владѣлецъ которой эксплоатировалъ своихъ служащихъ и очень дурно платилъ имъ.

Среди дѣвушекъ, вынужденныхъ работать за семьдесятъ пфенниговъ въ день, сирота выдѣлялась своимъ скромнымъ видомъ и свѣженькимъ личикомъ, доставившими ей особое благоволеніе со стороны ея принципала. Когда оно съ ужасомъ было ею отвергнуто, хозяинъ выгналъ ее изъ дому. Подавивъ вызванное обидою огорченіе, она рѣшила работать у себя и вступила въ борьбу за существованіе при помощи пріобрѣтенной въ разсрочку швейной машины. Витгофъ, жившій по тому же коридору, слышалъ съ ранняго утра стукъ машинки въ комнатѣ своей сосѣдки, и его сочувствіе къ тихой, грустной дѣвушкѣ, еще болѣе страдавшей, чѣмъ онъ, подъ гнетомъ изнурительной работы,—приняло вскорѣ болѣе сердечный характеръ. Изъ ежедневнаго общенія этихъ двоихъ не знавшихъ радости людей возникъ незамѣтно для нихъ цѣлый міръ любви, полный искреннихъ, чистыхъ ощущеній. Подобно великодушному земному солнцу, и солнце чистой, свѣтлой любви свѣтитъ порою изъ мрака бѣднякамъ, къ сожалѣнію—на короткое время. Въ данномъ случаѣ высокія стѣны и заботы о хлѣбѣ насущномъ еще не успѣли окончательно затмить его сіяніе; послѣ многихъ лѣтъ супружества оно озаряло ихъ жизнь своими золотыми примиряющими лучами.

Тѣмъ временемъ явилось на свѣтъ шестеро дѣтей, съ рожденіемъ которыхъ увеличились заботы, но зато сдѣлалась еще тѣснѣе внутренняя связь, соединявшая членовъ семьи. Въ продолженіе десяти лѣтъ мирное теченіе ихъ жизни, посвященной труду, ничѣмъ не нарушалось, но тутъ заработокъ главы семейства пошелъ на убыль. Причиною этого было возростающее болѣзненное состояніе Витгофа, не могшаго вполнѣ оправиться отъ всего перенесеннаго имъ во время отбыванія воинской повинности. А когда болѣзнь появляется въ домѣ бѣдняковъ, живущихъ тяжелымъ трудомъ, съ ними бываетъ то же, что со стебліями травы, пригнутой вѣтромъ къ землѣ: имъ уже не поднять головы.

Витгофъ пытался найти менѣе утомительное занятіе, и об-

радовался, когда ему удалось пристроиться писцомъ въ конторѣ нотаріуса. Онъ получалъ за тяжелый, двѣнадцатичасовой трудъ шестьдесятъ пфенниговъ; жена его работала на сторонѣ: шила и стирала какъ могла. Этого хватало какъ разъ настолько, чтобы не умереть съ голоду, и все-же бѣдняки радовались возможности жить вмѣстѣ и работать другъ для друга. Ихъ величайшей заботою былъ страхъ передъ грозившей имъ, быть можетъ, невдалекѣ разлукою, такъ какъ наружность Витгофа ясно говорила, что недостаточное питаніе и заботы подтачивали его хрупкое здоровье. Онъ также чувствовалъ, что, несмотря на всѣ старанія, они неудержимо катятся подъ гору, къ краю бездны.

Ныньче онъ въ первый разъ въ жизни не смогъ заплатить въ срокъ за квартиру, и съ тѣхъ поръ постоянно пробирался домой крадучись, какъ преступникъ, мимо квартиры управляющаго, окна котораго находились надъ подъѣздомъ. Сегодня, когда онъ уже собирался подняться по лѣстницѣ, привратница, любившая прикладываться къ бутылкѣ, грубо и обидно окликнула его. Довольно уже и того, что человѣкъ, дѣти котораго только и дѣлаютъ, что пачкаютъ лѣстницу грязными сапогами, не можетъ заплатить въ срокъ за квартиру. Но если подобный человѣкъ еще приводитъ въ домъ полицію, то это уже слишкомъ... Впрочемъ, она давно уже предсказывала, что дѣло этимъ кончится; надо надѣяться, что самъ хозяинъ приметъ теперь свои мѣры!

И она съ бранью захлопнула окно.

Витгофъ, многаго не понявшій изъ гнѣвнаго потока ея словъ, съ болѣзненною улыбкой потеръ себѣ лобъ,—отъ слабости у него шумѣло въ головѣ. Женщина упомянула о полиціи... Что могло это значить? Онъ поднялся въ раздумьи по крутой лѣстницѣ и нашелъ жильцовъ четвертаго этажа въ волненіи. Жена съ громкимъ плачемъ вышла къ нему на встрѣчу. Въ дверяхъ кухни, гдѣ за убогою утварью попрятались дѣти, стоялъ полицейскій, выказывавшій явные признаки нетерпѣнія.

Замѣтивъ вошедшаго, онъ грубо спросилъ его: гдѣ находится старшій сынъ его Робертъ? Мальчикъ обвиняется въ кражѣ голубей и долженъ слѣдовать за нимъ въ полицейское управленіе.

Витгофъ смотрѣлъ на блюстителя порядка такимъ испуганнымъ и растеряннымъ взглядомъ, что тотъ невольно смягчилъ свои выраженія. Изъ его объясненія, также какъ изъ отрывистыхъ словъ жены, которая, закрывъ лицо передникомъ, горько плакала отъ стыда, Витгофъ наконецъ понялъ, что мальчикъ заманилъ и поймалъ двухъ голубей, принадлежавшихъ сосѣду, богатому купцу, который, замѣтивъ это, сейчасъ же извѣстилъ полицію.

За мальчикомъ явился полицейскій, но тотъ, догадавшись, что его преступленіе открыли, куда-то исчезъ.

— Вѣроятно онъ спрятался, — заявилъ полицейскій, — и я совѣтую вамъ отыскать его и привести сюда; иначе я, къ величайшему сожалѣнію, буду принужденъ произвести въ квартирѣ обыскъ.

Витгофъ отстранилъ плачущую жену и сталъ подниматься по узкой лѣстницѣ на чердакъ. Оставшись одинъ, онъ громко застоналъ, губы его побѣлѣли и руки задрожали. На самомъ верху, въ углу, образовавшемся между покатостью крыши и стѣною, находилось отгороженное рѣшетчатою перегородкою пространство, наполненное старыми ящиками и всякой рухлядью. Витгофъ, сдерживая голосъ, окликнулъ сына, но не получилъ отвѣта. Онъ снова позвалъ его, и въ голосѣ его слышалось столько тревоги, горя и любви, что вскорѣ раздался тихій, испуганный звукъ, похожій на всхлипываніе. Изъ-подъ изъѣденнаго молью, полуразвалившагося кресла безшумно вылѣзъ мальчикъ и со страхомъ остановился, но, увидавъ взволнованное огорченное лицо отца, кинулся ему на грудь.

— Отецъ, — прошепталъ онъ, — я не пойду съ полицейскимъ, я лучше выпрыгну изъ окна на мостовую... Милый, добрый отецъ, прости меня, и матери также скажи, чтобы она не сердилась; я не зналъ, что эти голуби кому-то принадлежатъ, и мнѣ пришло въ голову словить парочку, чтобы мать могла сварить изъ нихъ супъ. Жаль сестренокъ было, что онѣ голодаютъ...

Витгофъ опустился на опрокинутый ящикъ и безъ слезъ, безъ словъ обхватилъ руками тщедушное тѣло мальчика. Слова о голоданіи больно рѣзнули его по сердцу, но сознаніе сына удивительно успокоило и утѣшило его. Мальчикъ рѣшился на кражу не изъ себялюбія, не изъ низкихъ побужденій, и когда эта тяжесть свалилась съ отцовскаго сердца, все остальное показалось ему несущественнымъ. Онъ ласково заговорилъ съ мальчикомъ, и оба они не замѣтили, какъ дверь на чердакъ распахнулась, и въ ней рядомъ съ полицейскимъ показался молодой человѣкъ съ серьезнымъ лицомъ, глаза котораго пытливо вглядывались въ полумракъ чердака. Его стройное тѣло облекалъ старомоднаго покроя сюртукъ и весь обликъ его свидѣтельствовалъ о вдумчивости и добротѣ. Съ нимъ въ затхлую атмосферу чердака словно ворвалась струя свѣжаго воздуха; въ широко распахнутую дверь скользнулъ вечерній лучъ солнца, и въ рамкѣ двери, надъ массою крышъ, трубъ и перекрещивающихся между собою проволокъ, мельк-

нулъ клочокъ неба, гдѣ съ набѣгавшими дождевыми тучами боролся слабый отблескъ осенняго солнца.

Съ крикомъ радости мальчикъ кинулся ему на встрѣчу, и самъ Витгофъ овладѣлъ собою при видѣ дружески настроеннаго, сочувствующаго ему человѣка. Молодой человѣкъ, „кандидатъ“, недавно назначенный въ ихъ приходъ помощникомъ священника, жилъ въ томъ же этажѣ; онъ былъ по отношенію къ мѣстной бѣднотѣ неутомимымъ заступникомъ и совѣтникомъ, и помогалъ ей—поскольку могъ—при своихъ скудныхъ средствахъ. Голосомъ, прерывающимся отъ рыданій, мальчикъ объяснилъ ему, въ чемъ его обвиняютъ. Онъ приманилъ голубей на овесъ, подобранный имъ на улицѣ, близъ стоянки извозчичьихъ лошадей; одного голубя онъ самъ отпустилъ, а другой удавился въ неумѣло разставленныхъ силкахъ. Онъ закончилъ свою исповѣдь слезами, и Витгофъ сдавленнымъ голосомъ присовокупилъ, что въ этомъ состояла вина (слово: „воровство“ не шло у него съ языка) его сына.

Кандидатъ успокоительно положилъ руку на плечо мальчика.

— А теперь, милый, — сказалъ онъ твердымъ голосомъ,— надо нести послѣдствія своей вины; но такъ какъ я знаю, что ты провинился по необдуманности, то я пойду съ тобою и помогу тебѣ вынести это испытаніе. Утѣшьтесь, Витгофъ, дѣло не такъ еще плохо,—надѣюсь, что въ скоромъ времени мы вернемся назадъ. Итакъ, идемъ!—подбодрялъ онъ мальчика, взявъ его подъ руку, между тѣмъ какъ полицейскій замыкалъ печальное шествіе.

Витгофъ безсильно опустился на ящикъ. Видѣть, какъ мальчика его, сопровождаемаго косыми взглядами, уводитъ съ собою полицейскій — казалось ему почти столь же ужаснымъ, какъ еслибы его вынесли отсюда въ деревянномъ гробу по направленію къ кладбищу предмѣстья, гдѣ кончаются всѣ страданія и всѣ искушенія нашей жизни.

Лишь поздно вечеромъ вернулся мальчикъ со своимъ покровителемъ; въ полицейскомъ управленіи дѣло приняло другой оборотъ. Составлявшій протоколъ полицейскій чиновникъ накричалъ на мальчика, неоднократно обозвавъ его воромъ и негодяемъ, и лишь изъ снисхожденія къ просьбамъ священника согласился временно отпустить его. Мальчикъ былъ совсѣмъ разбитъ, его сильно лихорадило; кандидатъ заставилъ его лечь въ постель, и убѣдившись, что печь оставалась нетопленной, прошелъ къ себѣ въ комнату, гдѣ у него въ шкафу всегда имѣлся небольшой запасъ черстваго хлѣба, пріобрѣтаемаго имъ въ бу-

лочной по дешевой цѣнѣ, подъ предлогомъ страданія желудка, не позволяющаго ему ѣсть свѣжій хлѣбъ. Отложивъ одинъ хлѣбецъ, онъ съ видимымъ знаніемъ дѣла нарѣзалъ остальные ломтиками въ кострюлю, налилъ ее водою и, прибавивъ соли и мясного экстракта, вскипятилъ на керосинкѣ эту похлебку, которою поужинала голодная семья. Вернувшись къ себѣ, онъ закусилъ оставшимся хлѣбцемъ, не отрывая глазъ отъ книги, которую читалъ; она называлась: „Хлѣбъ и мечъ".

На слѣдующее воскресенье къ Витгофамъ явился Антонъ—такъ звали добродушнаго слугу, сведшаго знакомство съ писцомъ. Убѣдившись собственными глазами въ печальномъ положеніи семьи, онъ не безъ труда уговорилъ Витгофа обратиться съ просьбою о поддержкѣ къ его господину—одному изъ городскихъ представителей, Ганшману. Антонъ имѣлъ основаніе предполагать, что господинъ его не откажетъ въ помощи отцу многочисленнаго семейства.

Капиталистъ Ганшманъ былъ воплощеніемъ тѣхъ непріятныхъ особенностей, изъ-за которыхъ нѣмцы зачастую бываютъ ненавидимы въ чужихъ краяхъ. Онъ отличался показнымъ, весьма дурного вкуса патріотизмомъ, мелочнымъ и придирчивымъ, проявлявшимся съ особенною яркостью во время требуемыхъ модою поѣздокъ за границу на Риги-Кульмъ или въ Санъ-Ремо, гдѣ Ганшманъ находилъ нелѣпымъ и безобразнымъ все противорѣчившее правиламъ и обычаямъ, установленнымъ въ отечественныхъ полицейскихъ участкахъ. Въ качествѣ бывшаго военнаго, онъ выработалъ извѣстную рѣзкость манеръ и обращенія, прикрывавшую большое самодовольство и грубость. Послѣдняя примѣнялась, однако, въ полной мѣрѣ лишь по отношенію къ кельнерамъ и другимъ беззащитнымъ людямъ, съ тѣхъ поръ какъ г. Ганшманъ былъ за нее однажды проученъ товарищемъ по путешествію—эпизодъ, о которомъ онъ не любилъ, чтобы ему напоминали. Къ этимъ качествамъ онъ присоединялъ непомѣрныя претензіи на общественное уваженіе и признаніе его заслугъ.

Не такъ давно Ганшманъ, по случаю торжественно праздновавшихся въ знакомомъ домѣ крестинъ, взялъ туда своего слугу, съ тѣмъ, чтобы тотъ, помогая служить за столомъ, предсталъ обществу во всемъ блескѣ синяго фрака и красныхъ плюшевыхъ штановъ, свидѣтельствуя этимъ о высокомъ общественномъ положеніи упитанной четы Ганшманъ.

Такимъ образомъ, Антонъ имѣлъ возможность слышать застольную рѣчь своего барина, сначала повергшую его въ изумленіе, а потомъ внушившую ему хорошую мысль.

Ганшманъ вздумалъ произнести напыщенную рѣчь во славу нѣмецкихъ женщинъ, воспѣвъ ихъ главнымъ образомъ въ качествѣ „чадо-обильныхъ матерей“.

— Благодареніе Богу,—сказалъ онъ въ заключеніе,—у насъ не то, что въ развращенной, безстыдной Франціи! И покуда еще существуютъ женщины, умѣвшія въ теченіе семилѣтней супружеской войны подарить нашему всемилостивѣйшему императору семерыхъ здоровыхъ рекрутъ, мы вправѣ говорить: „Любезная отчизна, спокойной можешь быть!“ Да здравствуютъ неутомимыя умножительницы германскаго народонаселенія, да здравствуютъ женщины! Ура!

Среди возгласовъ одобренія со стороны мужчинъ, заглушеннаго хихиканьемъ дамъ и звона стакановъ, честнаго Антона осѣнило вдохновеніе: взгляды его господина показались ему благопріятными для Витгофа—отца многочисленной семьи, и онъ понадѣялся, что при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ г. Ганшманъ не откажетъ въ своей помощи, хотя вообще, какъ это было ему извѣстно, капиталистъ неохотно раскрывалъ свой бумажникъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда, въ обмѣнъ на деньги, онъ клалъ туда квитанцію государственнаго банка.

Сердце Антона сильно билось, когда въ условленный часъ Витгофъ робко позвонилъ у дверей; онъ даже предоставилъ горничной доложить о немъ. На лицѣ капиталиста, заинтересованнаго раннимъ посѣщеніемъ, отразилось разочарованіе, когда, вмѣсто ожидаемаго „господина“, передъ нимъ явился просто „человѣкъ“. Когда Витгофъ срывающимся голосомъ изложилъ свою просьбу о доставленіи ему какого-нибудь занятія въ свободные отъ службы у нотаріуса часы, капиталистъ выразилъ свое разочарованіе, обратившись къ просителю съ вопросомъ: не принимаетъ ли онъ его—члена городского совѣта—за хозяина бюро для пріисканія занятій? Въ интересахъ самого просителя, онъ надѣется, что тутъ вышло простое недоразумѣніе...

— Викторъ, не волнуйся!—послышался изъ сосѣдней комнаты жирный, скрипучій женскій голосъ, обладательница котораго оставалась невидимой.

У Витгофа, не привыкшаго къ просьбамъ, проступилъ потъ на лбу. Теребя шляпу въ рукахъ, онъ готовился уже отступить, но воспоминаніе о семьѣ и довѣріе къ Антону—вернули ему мужество. Не поднимая головы, въ торопливыхъ словахъ описалъ онъ свое положеніе, свою честную жизнь, невозможность прокормить шестерыхъ дѣтей, и чѣмъ дольше онъ говорилъ, тѣмъ легче становилось у него на душѣ: вѣдь онъ просилъ не мило-

стыни, но работы, которую исполнитъ съ благодарностью и самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Высказавшись, онъ перевелъ духъ и впервые отважился взглянуть на своего собесѣдника.

Тотъ внимательно выслушалъ его, барабаня пальцами по подносу и сложивъ губы, какъ будто бы собирался свистнуть.

— Сколько же, въ сущности, у васъ дѣтей?—спросилъ онъ тономъ, казалось, поощрявшимъ къ откровенности.

— Викторъ, подумай о твоей апоплексіи и не волнуйся!— снова проскрипѣлъ женскій голосъ, на этотъ разъ уже настойчивѣе.

— Шестеро дѣтей, и все — подростки, — отвѣтилъ Витгофъ,—мы...

Онъ не договорилъ. Капиталистъ хватилъ кулакомъ по подносу и разразился гомерическимъ, неудержимымъ хохотомъ, странно противорѣчившимъ гнѣвному выраженію маленькихъ глазъ, казавшихся щелочками на его покраснѣвшемъ лицѣ.

— Шестеро дѣтей,—съ трудомъ прокаркалъ онъ,—у этого нищаго шестерка дѣтей? Или эти люди думаютъ, что имъ полагается размножаться какъ кроликамъ? Производятъ дюжинами дѣтей на свѣтъ Божій, а затѣмъ навязываютъ на шею порядочнымъ людямъ свое отродье. Но здѣсь вы не на такого напали! Слѣдовало бы засадить въ тюрьму этотъ сбродъ, рожающій дѣтей, не заботясь о томъ, кто будетъ ихъ кормить. Полиціи бы слѣдовало вмѣшаться въ это дѣло, такъ какъ вы разоряете государство, населяя рабочіе дома вашими дѣтьми. Вонъ отсюда, безсовѣстный человѣкъ, и скажите ослу, пославшему васъ сюда, что не буду я Гаппманъ, членъ городского совѣта, если не выдеру его за длинныя уши!

Витгофъ, не сознавая, что съ нимъ происходитъ, очутился за дверью; тамъ стоялъ Антонъ, слышавшій ихъ разговоръ.

— Баринъ сегодня не въ духѣ,—смущенно пробормоталъ онъ, робко выпроваживая Витгофа къ выходу,—онъ не всегда бываетъ такимъ; вотъ что онъ ранѣе передалъ мнѣ для васъ!— съ этими словами Антонъ всунулъ въ руку Витгофа чекъ, представлявшій собою его собственное мѣсячное жалованье цѣликомъ; щеки его горѣли отъ стыда не за себя, но за своего барина.

Писецъ быстро зашагалъ впередъ, боясь опоздать въ контору. Голова его, поникшая-было подъ гнетомъ униженія, мало-по-малу поднялась; щедрый денежный подарокъ на половину утѣшилъ его—такъ велика развращающая власть нищеты. Въ виду чека, обезпечивавшаго его хлѣбомъ и топливомъ на нѣ-

сколько недѣль, онъ почти забывалъ объ униженіи. Во время занятій онъ не допускалъ никакихъ постороннихъ мыслей, но по возвращеніи домой рана, нанесенная ему словами богача, дала себя чувствовать.

Онъ не рѣшился сознаться женѣ въ перенесенномъ имъ униженіи, но у него вырвалось замѣчаніе о томъ, что Господь Богъ послалъ имъ слишкомъ много дѣтей и недостаточно хлѣба насущнаго—на ихъ долю. Еще впервые у него вырвалась жалоба; она не заключала въ себѣ упрека и была лишь выраженіемъ тяжелой озабоченности, но тѣмъ не менѣе слова его больно рѣзнули по сердцу г-жу Витгофъ. Заявленіе мужа тѣмъ сильнѣе поразило ее, что она готовила ему новую заботу: несчастная женщина носила подъ сердцемъ седьмого ребенка. У бѣдняковъ это часто случается; голодъ и горе тѣснѣе сближаютъ ихъ, и холодъ менѣе чувствуется, когда они согрѣваютъ другъ друга въ объятіяхъ. Но теперь женщинѣ показалось, что она одна во всемъ виновата: на ней лежитъ отвѣтственность за нищету, на которую обречена ихъ семья. Чувствуя потребность хотя чѣмъ-нибудь облегчить свою совѣсть, принести жертву, всегда казавшуюся ей самою тяжелою, она рѣшилась разстаться съ самымъ завѣтнымъ, дорогимъ, оставшимся у нея: на слѣдующій день она снесла въ ссудную кассу свои обручальныя кольца. Но когда она вернулась домой, ей показалось, что она утратила послѣдній отблескъ чего-то свѣтлаго, облагораживающаго жизнь, и въ то время, какъ она пряталась отъ дѣтей по темнымъ угламъ, слезы ея неудержимо лились на пустую коробочку изъ-подъ колецъ.

Наступила ранняя, холодная осень. Когда стоящія въ инеѣ деревья сбрасываютъ послѣднюю листву и вдоль изгородей краснѣютъ ягоды шиповника, для бѣдняковъ начинается ужасная пора, несущая съ собою не только вздорожаніе припасовъ, но страхъ передъ наступленіемъ безрадостной зимы, съ безработицею по цѣлымъ днямъ и безсонницею по ночамъ, — когда соломенникъ не можетъ служить защитою отъ холода, такъ какъ вѣтеръ врывается въ щели разбитаго окна и завываетъ въ нетопленной печи.

Объ этомъ думалъ помощникъ священника, сидя у окна и уныло всматриваясь сквозь туманъ въ море крышъ. Онъ нервно комкалъ въ рукахъ нумеръ столичной газеты, и однако въ ней не было ничего особеннаго—для тѣхъ, по крайней мѣрѣ, кто, въ силу привычки, не останавливается мыслью на явленіяхъ,

знаменующихъ духъ времени. Бѣжалъ банкиръ, унесшій съ собой вклады своихъ кліентовъ; умеръ талантливый, но чуждый практической смётки поэтъ. „Опять смерть похищаетъ одного изъ избранныхъ!"—какъ гласилъ пышно составленный некрологъ. Въ королевскую оперу ангажированъ теноръ на шестидесятитысячный окладъ, съ правомъ пользоваться отпускомъ, съ сохраненіемъ содержанія въ теченіе восьми мѣсяцевъ. Ученый, послѣ пятидесятилѣтней преподавательской дѣятельности въ высшей школѣ, награжденъ орденомъ Дракона четвертой степени. Студентъ, единственный сынъ у родителей, застрѣленъ на дуэли, причина которой—обмѣнъ крупныхъ словъ изъ-за кельнерши. Въ объявленіяхъ предлагалось людямъ, обладающимъ капиталомъ въ сотню марокъ, удвоить этотъ капиталъ, притомъ съ выплатою имъ двадцати процентовъ. Титулованнымъ и украшеннымъ орденами влюбленнымъ обѣщалось удовлетвореніе ихъ страсти—подъ условіемъ строжайшей тайны. Подъ объявленіемъ о пикантныхъ книгахъ и фотографіяхъ молодая вдова искала поддержки у пожилого состоятельнаго господина, и тутъ же родители предлагали въ обмѣнъ за единовременное пособіе хорошенькую бѣлокурую дѣвочку.

Это была обыкновенная столичная грязь, изливавшаяся со столбцовъ большой газеты, и тѣмъ не менѣе проповѣдникъ не могъ побѣдить чувство гнѣвнаго отвращенія. Онъ невольно задавалъ себѣ вопросъ: не должна ли остаться безплодною всякая дѣятельная спасительная работа, въ виду все возростающей силы грѣха, нищеты, отсутствія любви? Онъ подумалъ о наступающей зимѣ, грозящей гибелью семьѣ Витгофъ, и о томъ, какимъ способомъ могъ бы онъ, при своей безпомощности, предотвратить ее? Увы, въ теченіе вѣковъ проносится надъ человѣчествомъ суровая бурная осень; въ теченіе вѣковъ въ обычное время пригнетаетъ ихъ зима страданія и нищеты—неотвратимая, вѣчно возобновляющаяся, несмотря на всѣ добрыя намѣренія, благородныя рѣшенія, возвышенныя рѣчи, митинги, дешевыя столовыя, филантропическіе и соціалъ-демократическіе листки... „Нищета и горе стары, какъ міръ,—такъ должно быть, и будетъ!"—говоритъ большинство. Нѣтъ, такъ не должно быть! Себялюбіе, равнодушіе правящихъ, обладающихъ властью и капиталами, жажда наслажденія, распущенность, овладѣвшія средними классами, недостатокъ любви среди человѣчества вообще—породили ту страшную болѣзнь, кризисъ которой—долго, искусно предотвращаемый—все-же долженъ завершиться катастрофой. А между тѣмъ наряду съ недугомъ ростетъ спасеніе. Изъ могильнаго

праха поднимается дерево жизни съ вѣчно зеленою главой и могучими побѣгами—дерево великой, спасительной, божественной любви. О, какъ бы онъ хотѣлъ, чтобы его родной народъ—народъ мыслителей и мечтателей—пробудился первымъ! Пусть онъ будетъ вождемъ среди народовъ, указывающимъ имъ всѣмъ путь мира! Безъ кровопролитія, безъ ужасовъ разрушенія—пусть онъ воздвигнетъ у себя въ каждомъ домѣ, въ каждомъ сердцѣ алтарь Богу любви. Ему первому надлежитъ сдѣлать могучее нравственное усиліе, порвать съ преувеличенной жаждою наслажденія, вернуться къ болѣе простой жизни, къ болѣе умѣренному пріобрѣтенію денегъ, къ болѣе здоровой дѣятельности. Онъ долженъ свободнѣе вздохнуть въ атмосферѣ любви къ ближнему, вносящей болѣе сердечности и доброжелательности въ общеніе людей другъ съ другомъ.

Прежде всего, да будетъ жертвою всесожженія кастовая, какъ и всякая другая, гордость, для того, чтобы всѣ различія въ смыслѣ образованія, происхожденія, состоянія—легче сглаживались, лучше уживались между собою! Въ такой смягчающей атмосферѣ эгоизмъ, нетерпимость, во всѣхъ своихъ безобразныхъ проявленіяхъ, эти разсадники нищеты,—должны атрофироваться. Тогда раздѣляющая народы ненависть—станетъ братствомъ, всякаго рода угнетеніе—свободою...

Онъ распахнулъ окно, чтобы освѣжить пылающій лобъ влажнымъ осеннимъ воздухомъ. Вдали, среди тумана, надъ современнымъ Содомомъ поднималась примирительная радуга, между тѣмъ какъ надъ шумною суетою города, въ которой тонули предсмертные стоны гибнущихъ, надъ его кровлями и стѣнами—стояло кровавое зарево заката.

Дѣло по обвиненію старшаго сына Витгофа въ воровствѣ было, наконецъ, назначено къ слушанію; откладываніе его и безъ того уже повліяло на здоровье мальчика. Днемъ и ночью его преслѣдовала мысль: „неужели меня не отпустятъ? Неужели засадятъ въ тюрьму“? Кандидатъ надѣялся, что мальчикъ отдѣлается выговоромъ; онъ пользовался этимъ временемъ, чтобы посѣять въ душѣ его сѣмена добра и отвращенія къ неправдѣ.

Миновавъ лабиринтъ лѣстницъ и переходовъ въ громадномъ зданіи суда, Витгофъ съ сыномъ очутились, наконецъ, въ длинномъ пустомъ коридорѣ передъ дверью, на которой виднѣлась надпись: „Отдѣленіе III“. Служитель объяснилъ имъ, что теперь слушается другое дѣло, а имъ придется здѣсь подождать, покуда ихъ не вызовутъ. Изъ окна открывался видъ на красныя кирпичныя стѣны, рѣшетчатыя окна и сумрачныя кровли, на

которыхъ лежалъ налетъ копоти и сырости. По коридору сновали озабоченные, кого-то ищущіе, о чемъ-то спрашивающіе люди, проходили чины судебнаго вѣдомства въ формѣ, чиновники со связками бумагъ подъ мышкою, полицейскіе, ведшіе обвиняемаго, на которомъ уже были наручники, хотя преступленіе его еще оставалось недоказаннымъ, и тѣмъ не менѣе его, на потѣху зѣвакамъ, вели въ такомъ видѣ на допросъ къ судебному слѣдователю.

Мальчикъ въ робкомъ ожиданіи прижимался къ отцу, и самъ Витгофъ, никогда не бывавшій на судѣ, чувствовалъ испугъ и неувѣренность въ виду этой сложной машины, дѣйствующей, конечно, со строгою справедливостью, но безконтрольно предающей въ руки состоящихъ при ней людей—честь и судьбу тѣхъ, кого она зацѣпила своими колесами.

Прошло около получаса; наконецъ онъ услышалъ свое имя, настолько громко произнесенное, что онъ вздрогнулъ. Передъ нимъ, съ бумагою въ рукѣ, стоялъ служитель.

— Куда вы запропали?—грубо крикнулъ онъ.—Снимите шляпу и ступайте за мною!

Дверь отворилась, и Витгофъ съ сыномъ очутились въ комнатѣ среднихъ размѣровъ. Низкая перегородка отдѣляла часть комнаты для свидѣтелей; въ большей половинѣ ея, гдѣ не было ни стульевъ, ни скамьи, возвышался крытый зеленымъ столъ, заваленный актами, среди которыхъ стояло деревянное Распятіе съ мѣдною фигурою Спасителя. За столомъ сидѣлъ пожилой господинъ въ золотыхъ очкахъ, раздраженно разглядывавшій входившихъ; по обѣимъ сторонамъ его чинно, со скучающими лицами, возсѣдали двое присяжныхъ. За нижнимъ концомъ стола помѣщался писецъ, за верхнимъ—молодой человѣкъ во фракѣ, разглаживавшій свои выхоленные усы и бросавшій вокругъ дерзкіе взгляды. На скамьѣ свидѣтелей находились: полицейскій, помощникъ священника, а также истецъ—пожилой лысый господинъ въ теплой шубѣ, которую онъ не снялъ, несмотря на жару въ комнатѣ. Далѣе толпились многіе изъ жильцовъ ихъ дома, привлеченные любопытствомъ; среди нихъ виднѣлись даже женщины съ корзинами для провизіи.

Мальчику приказали подойти къ столу; онъ, дрожа, повиновался, между тѣмъ какъ свидѣтелей приводили къ присягѣ; предсѣдательствующій, снявъ шапочку, монотонно прочелъ ея текстъ, повторенный свидѣтелями; затѣмъ приступили къ допросу. Мальчикъ со слезами повинился; священникъ далъ самыя благопріятныя для него показанія, упомянулъ о безукоризненной

честности всей семьи, прибавилъ также, что мальчикъ провинился вслѣдствіе преувеличеннаго стремленія облегчить нищету домашнихъ.

Во время его рѣчи, молодой человѣкъ, фигурировавшій въ роли обвинителя, дѣлалъ такія презрительныя мины и смотрѣлъ на священника съ такимъ презрительнымъ состраданіемъ, что при другихъ обстоятельствахъ его поведеніе могло бы назваться наглостью. Оба они съ первой минуты почувствовали антипатію другъ къ другу, но здѣсь представитель правосудія чувствовалъ себя въ безопасности, въ виду большого штрафа, грозящаго свидѣтелямъ за всякое проявленіе неудовольствія съ ихъ стороны.

Пожилой господинъ показалъ, что у него уже не впервые пропадаютъ голуби, а въ тотъ день онъ самъ случайно былъ свидѣтелемъ кражи. Голуби его были весьма рѣдкой породы, а ихъ разведеніе—его любимымъ занятіемъ, можно сказать—его единственною радостью на землѣ...

У бѣднаго стараго господина имѣлись, помимо этой единственной страсти, и кое-какія другія радости—въ образѣ фигурантокъ маленькаго театра въ предмѣстьи, но въ данномъ случаѣ онъ предпочелъ поставить на видъ исключительно свою любовь къ голубямъ. Показаніе старичка, жестоко потревоженнаго въ своемъ невинномъ занятіи, вызвало общее сочувствіе къ нему въ толпѣ слушателей.

По знаку предсѣдательствующаго, съ мѣста поднялся колкій молодой человѣкъ.

Прежде всего онъ обязанъ энергично протестовать противъ показаній одного свидѣтеля,—тутъ онъ сдѣлалъ небрежное движеніе рукою въ сторону помощника священника,—которому, очевидно, желательно, чтобы обвиняемый вышелъ сухимъ изъ воды... Эти показанія отличаются не только явнымъ лицепріятіемъ, но и полной нелогичностью. Онъ не намѣренъ доискиваться, была ли нищета родителей незаслуженною, или они бѣдствуютъ по своей собственной винѣ; но причиною преступленія не могла быть нужда: мальчикъ укралъ бы хлѣбъ, а не цѣнныхъ голубей, составлявшихъ единственную радость всѣми уважаемаго господина на закатѣ дней его. Но болѣе всего ему представляется достойнымъ кары самый способъ, употребленный обвиняемымъ для завладѣнія чужой собственностью: это—не простой, сравнительно честный, ударъ камнемъ, но хитро разставленный силокъ. Мальчикъ, хотя находящійся еще въ школьномъ возрастѣ, очевидно, уже испорченъ, и только чувствительное наказаніе можетъ послужить къ его исправленію, заставить его одуматься. Въ виду

такихъ обстоятельствъ, онъ предлагаетъ присудить его къ двухнедѣльному тюремному заключенію.

Во время этой рѣчи двое присяжныхъ, недалекихъ малыхъ изъ ремесленнаго сословія, не спускали глазъ съ обвиняемаго и по временамъ укоризненно качали головами, словно дивясь раскрывавшейся передъ ними глубинѣ испорченности мальчика, который, всхлипывая, стоялъ передъ ними. Предсѣдательствующій раздраженно откинулся на спинку кресла, шепнулъ два слова присяжнымъ, и прежде чѣмъ тѣ успѣли отвѣтить, мальчикъ уже былъ присужденъ къ шестидневному аресту.

Служитель, открывъ дверь, провозгласилъ имена лицъ, участвующихъ въ слѣдующемъ судебномъ разбирательствѣ, между тѣмъ какъ потрясенный приговоромъ мальчикъ долженъ былъ опереться на отца; оба они были поражены несчастнымъ исходомъ дѣла, и не скоро удалось священнику успокоить ихъ. Мальчикъ нѣсколько пришелъ въ себя, узнавъ, что его арестуютъ не сейчасъ и что ему придется отсидѣть свой срокъ впослѣдствіи. На прощанье кандидатъ смѣрилъ серьезнымъ, почти печальнымъ взоромъ судей и истца, видимо почувствовавшаго себя неловко подъ этимъ взглядомъ, такъ какъ онъ поспѣшилъ ускользнуть. Дорогою священникъ съ горечью задалъ себѣ вопросъ: для чего существуютъ судьи, присяжные и стряпчіе, если они не въ состояніи примирить законъ съ чувствомъ справедливости, неспособны постановить самостоятельный приговоръ, не заботясь о мертвой буквѣ?

Эти мысли тревожили его, покуда расходились зрители, изъ которыхъ многіе бросали недружелюбные взгляды на Витгофа и его сына. Нѣкоторые изъ жильцовъ дома, дружившіе до сихъ поръ съ бѣдною семьей, теперь прекратили съ нею сношенія, такъ какъ большинство людей стыдится не грѣха, но понесенной за него кары.

Напряженіе, поддерживавшее Витгофа и его жену до дня судебнаго дѣла, сразу смѣнилось полнымъ упадкомъ силъ; послѣ злосчастнаго приговора они чувствовали себя уничтоженными, запятнанными, отверженными.

Антонъ, пріятель ихъ, послѣ непріятнаго происшествія въ домѣ его хозяина, больше не показывался у нихъ; жизненная бодрость, способность къ работѣ, здоровье—еще быстрѣе пошли на убыль. Витгофъ началъ кашлять и съ усиліемъ взбирался, задыхаясь, на свою крутую лѣстницу. Думая, что дни его сочтены, онъ отправился къ врачу для бѣдныхъ. Долго пришлось ему ожидать въ пріемной — пустой комнатѣ, гдѣ сильно пахло кар-

болкой, и на скамьяхъ, вдоль стѣнъ, сидѣли унылыя фигуры: мужчины въ повязкахъ, старушки съ зонтиками на глазахъ, женщины изъ рабочаго класса, укачивавшія блѣдныхъ, съ восковыми, апатичными лицами дѣтей. Рядомъ съ Витгофомъ оказалась дѣвушка лѣтъ двадцати, бѣдно, но очень чисто и прилично одѣтая. Ея черныя фильдекосовыя перчатки были много стираны и чинены; у нея были блестящіе, печальные глаза и нѣжное, исхудалое личико. Сквозь тонкую стѣну слышался по временамъ сердитый голосъ врача; послѣ недолгихъ промежутковъ дверь открывалась и высовывалось круглое, раздраженное лицо, съ очками на носу, послѣ чего дождавшійся своей очереди паціентъ поспѣшно поднимался и исчезалъ въ сосѣдней комнатѣ. Докторъ, очевидно, зналъ цѣну времени, и вскорѣ въ пріемной остались только Витгофъ и больная дѣвушка.

Войдя въ кабинетъ, писецъ увидѣлъ передъ собою низенькаго человѣка съ непомѣрно большою головой и мрачнымъ лицомъ, который, сдвинувъ очки на лобъ, воззрился въ паціента своими свѣтлыми, водянистыми глазами.

— Сюртукъ долой! Садитесь. Профессія?.. Женатъ? Сколько дѣтей?—Онъ сыпалъ вопросами быстро и повелительно: но когда Витгофъ, повинуясь приказанію, опустился на стулъ, надъ нимъ участливо склонилось круглое, добродушное, изрѣзанное морщинами лицо.

Осмотръ былъ недолгій,—многолѣтняя практика дала врачу большой опытъ.

— Ну-съ, мой милый,—сказалъ онъ мягко,—легкія у васъ давно затронуты, но все-же вы можете прожить года два. Еслибы вы могли хорошо питаться и отдохнуть, процессъ можно было бы пріостановить, но вы, очевидно, не въ состояніи этого сдѣлать: печальная старая пѣсня. Вонъ та молодая дѣвушка тоже нуждается лишь въ молокѣ и свѣжемъ воздухѣ, а между тѣмъ она принуждена шить до смерти, чтобы прокормить старуху-мать. Нужны только деньги, а въ нихъ-то и нуждается моя публика. Еслибы я могъ прописывать имъ деньги, почти всѣ мои паціенты были бы здоровы. Ну, не вѣшайте головы, старина! Вы еще протянете, а тѣмъ временемъ великій Врачъ на небесахъ, быть можетъ, пропишетъ вамъ рецептъ—получше моего.

Съ этими словами онъ выпустилъ Витгофа черезъ заднюю дверь, и тотъ вышелъ отъ него странно успокоенный и подбодренный.

Его хорошее настроеніе разсѣялось, однако, на возвратномъ пути. Утомленный и невольно привлеченный видомъ выставлен-

ныхъ драгоцѣнностей, онъ остановился передъ витриной ювелира. Дверь въ магазинъ была открыта, и за прилавкомъ распинался ювелиръ, державшій въ рукѣ бархатный футляръ, который онъ поворачивалъ во всѣ стороны, чтобы выказать игру драгоцѣнныхъ камней въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Покупатели были: молодой, разжирѣвшій господинъ, одѣтый по послѣдней модѣ, и неменѣе красиво разряженная, сильно намазанная особа женскаго пола. Подъ вуалеткою глаза ея горѣли жадностью при видѣ камней, и отрывались отъ нихъ лишь для того, чтобы бросать самые нѣжные взгляды на кавалера. Въ томъ, очевидно, происходила борьба; требуемая цѣна казалась ему черезчуръ высокою, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находился подъ обаяніемъ чаръ своей спутницы.

Онъ спорилъ, пожималъ плечами, посмѣивался полу-сердито, полу-самодовольно; покуда продавецъ пускалъ въ ходъ всю силу своего убѣжденія, особа женскаго пола, въ видѣ поощренія, тихонько подталкивала своего кавалера зонтикомъ въ бокъ.

Наконецъ господинъ рѣшился; онъ, со вздохомъ, вынулъ бумажникъ и выложилъ изъ него значительное количество денежныхъ знаковъ. Особа женскаго пола повисла у него на рукѣ, глядя на него влюбленными глазами, а ювелиръ съ поклономъ вручилъ ему футляръ.

Витгофъ подумалъ не безъ горечи, какимъ счастіемъ было бы для него или для той больной дѣвушки получить хотя одинъ изъ этихъ банковыхъ билетовъ. Интересная чета, увлеченная нѣжною болтовнею, прошла мимо него, и онъ собирался двинуться въ томъ же направленіи, какъ вдругъ замѣтилъ лежащій передъ нимъ въ уличной грязи тотъ самый бумажникъ, изъ котораго господинъ доставалъ деньги. Витгофъ поднялъ его, обтеръ съ него грязь и машинально осмотрѣлся, но никто не глядѣлъ на него; люди равнодушно спѣшили мимо, и въ окнахъ никого не было видно. Тогда онъ кинулся въ догонку за удалявшеюся четою и скоро догналъ ее. Задыхаясь отъ скорой ходьбы, онъ разсказалъ о своей находкѣ и протянулъ оброненный предметъ.

Женщина смѣрила его съ ногъ до головы презрительнымъ взглядомъ, свойственнымъ продажнымъ тварямъ, когда имъ везетъ въ жизни; господинъ, сначала пораженный, быстро подошелъ къ ближайшему подъѣзду.

— Надо провѣрить!—проговорилъ онъ съ противною улыбкой, оттопырившей его красныя, толстыя губы.—Ничего, кажется, все въ порядкѣ,—прибавилъ онъ послѣ краткаго осмотра, запихивая бумажникъ въ боковой карманъ и застегиваясь. — Вотъ

вамъ, любезный!—съ этими словами онъ сунулъ въ руку писцу мелкую монету и кликнулъ проѣзжавшій экипажъ.

Признательный Витгофъ вѣжливо раскланялся вслѣдъ отъѣзжавшимъ: въ его раскрытой рукѣ лежала монета въ пятьдесятъ пфенниговъ.

Молодой священникъ неутомимо помогалъ своимъ сосѣдямъ, стараясь спасти ихъ отъ окончательной гибели, но его собственныя средства были недостаточны; онъ занималъ свое скромное мѣсто съ недавнихъ поръ и не успѣлъ еще пріобрѣсти вліянія среди членовъ-распорядителей благотворительныхъ обществъ. Наконецъ, онъ явился съ отраднымъ извѣстіемъ: г-жа Витгофъ должна обратиться съ просьбою о помощи къ одной богатой графинѣ, дамѣ-патронессѣ, устроительницѣ блестящихъ ежегодныхъ баловъ въ пользу бѣдныхъ, на которыхъ собиралось высшее общество столицы. Молодая графиня, окруженная всеобщимъ поклоненіемъ, была дочерью крупнаго финансиста и, выйдя замужъ за аристократа, заняла положеніе одной изъ наиболѣе вліятельныхъ и модныхъ дамъ въ высшемъ кругу. Она занимала со вкусомъ убранный домъ, находившійся по близости иностраннаго посольства, въ лучшей части города.

Швейцаръ, въ богатой ливреѣ, открывшій г-жѣ Витгофъ тяжелую дверь подъѣзда, передалъ ее, послѣ непродолжительнаго допроса, на попеченіе лакея, а тотъ, въ свою очередь, допросивъ ее, предложилъ ей обождать въ передней.

Жена писца робко присѣла на кончикъ стула, смущенная окружавшимъ ее великолѣпіемъ, хотя все убранство этой комнаты, обтянутой двухцвѣтною кожей, состояло изъ массивнаго, обложеннаго порфиромъ камина и дубовыхъ скамеекъ вдоль стѣнъ. Здѣсь царила тишина, показавшаяся женщинѣ, привыкшей къ шуму и грохоту оживленнаго предмѣстья, почти торжественной; въ домѣ шла невидимая, таинственная жизнь. По временамъ изъ дальнихъ покоевъ доносилась слабая, тревожная трель электрическаго звонка; въ верхнемъ этажѣ хлопали дверцы шкафовъ, слышались легкіе, торопливые шаги по невидимымъ лѣстницамъ. Порою съ улицы доносился грохотъ подъѣзжавшаго экипажа или проходилъ, безшумно ступая по ковру, лакей, не обращавшій никакого вниманія на бѣдную женщину, несмотря на ея робкое покашливанье. Большіе часы монотонно отбивали каждую четверть часа; въ передней стемнѣло,—вѣроятно, на улицѣ шелъ сильный дождь.

Г-жа Витгофъ двигалась на своемъ стулѣ; тишина, напря-

женное ожиданіе пробуждали въ ней чувство глухого безпокойства, жгучаго нетерпѣнія. Она думала объ оставленныхъ ею безъ присмотра дѣтяхъ, о томъ, что если ей долго придется прождать—семья останется безъ обѣда. Навѣрное, важнымъ дамамъ и въ голову не придетъ, какъ дорого достается ожиданіе такой бѣднотѣ, какъ она... Притомъ, у графини, вѣроятно, и дѣтей нѣтъ: не слышно ни смѣха, ни крика. Но, конечно, еслибы ея сіятельству было извѣстно, какъ много у нея дѣла, она скорѣе отпустила бы ее.

Ожиданіе становилось все невыносимѣе; она просидѣла въ передней не менѣе двухъ часовъ, но у нея не хватало мужества вернуться домой ни съ чѣмъ. Внезапно входная дверь отворилась,—вошелъ молодой человѣкъ, въ простомъ утреннемъ костюмѣ; на его загорѣломъ лицѣ рѣзко выдѣлялись бѣлый лобъ и бѣлокурые усы. Онъ окинулъ сидѣвшую женщину бѣглымъ взглядомъ и, проходя мимо, слегка, но дружелюбно кивнулъ ей головою. Навстрѣчу ему, изъ противоположной двери, ведшей въ широкій, уставленный пальмами коридоръ, показалась горничная, несшая куда-то цѣлый ворохъ газовыхъ матерій. Онъ обратился къ ней съ вопросомъ: у себя ли графиня? и, не дождавшись отвѣта, постучался въ дубовую рѣзную дверь въ концѣ коридора. Войдя въ просторную, обитую свѣтлою шолковою матеріей комнату, съ высокими шкафами и большими зеркалами, онъ подошелъ къ графинѣ и, пожелавъ ей добраго утра, поднесъ ея руку къ губамъ.

— Я очень занята сегодня, милый Зигфридъ, — отвѣтила она:—мой костюмъ для бала въ пользу бѣдныхъ еще не готовъ; я положительно не знаю, чѣмъ отдѣлать юбку „помпадуръ“: свѣтло-зеленымъ или нѣжно-лиловымъ? Мнѣ не нравится ни то, ни другое; лучше всего была бы вышивка въ старинномъ стилѣ, но моя вышивальщица обманула меня... Эти люди понятія не имѣютъ о томъ, какъ дорого наше время... Пожалуйста, не садись сюда, ты сомнешь мой атласный корсажъ... Тутъ негдѣ повернуться...

Просторная комната имѣла такой видъ, какъ будто бы здѣсь происходилъ грабёжъ: изъ раскрытыхъ шкафовъ были вынуты вороха платьевъ, матерій, перьевъ, кружевъ, покрывавшіе не только мебель, но частью и обитый ковромъ полъ. Подставки большого зеркала были увѣшаны кружевными юбками; нигдѣ не оказывалось свободнаго мѣстечка, и тѣмъ не менѣе двѣ горничныя продолжали таскать новыя груды вещей изъ гардеробной.

Хорошенькая, бѣлокурая графиня, нервная и взволнованная, лихорадочно рылась въ этихъ предметахъ, примѣряя одно, отбрасывая другое, причемъ горничныя сбились съ ногъ, исполняя ея противорѣчивыя приказанія.

Графъ оглядѣлъ этотъ хаосъ страннымъ взглядомъ и съ трудомъ удержался отъ ироническаго замѣчанія.

— Я былъ у дѣтей, Bichette, — заговорилъ онъ по-французски;—имъ хочется идти гулять, и они удивляются, что ты до сихъ поръ не позвала ихъ; ты знаешь, они не очень-то любятъ англичанку. Не пойдешь ли ты съ ними? Они цѣлое утро ожидаютъ этой прогулки.

— Дѣти просто избалованы,—рѣзко отвѣтила графиня,—и я не понимаю, мой другъ, какъ ты можешь предлагать мнѣ заняться ими теперь... Ты видишь, сколько у меня дѣла!

По лицу его промелькнула горькая усмѣшка.

— Милая Bichette,—заговорилъ онъ,—я совсѣмъ не желаю читать тебѣ филистерскую мораль, но повѣрь мнѣ, что эти волненія, эта суета не могутъ быть полезны ни тебѣ, ни какой бы то ни было женщинѣ въ мірѣ. Онѣ вредятъ твоему здоровью и отвлекаютъ тебя отъ разумной жизни, отъ твоей семьи и обязанностей. Какъ бы я желалъ, чтобы ты согласилась удѣлять болѣе времени твоему дому! Я просто не переношу этотъ благотворительный спортъ и проклинаю ваши балы въ пользу бѣдныхъ и другія рекламныя празднества въ томъ же родѣ.

— Ты проклинаешь ихъ? А почему? Потому что мнѣ доставляетъ удовольствіе соединять мои свѣтскія обязанности съ благотворительностью?

— Нѣтъ, потому что эти празднества—ложь, они основаны на лжи и себялюбіи. Если вы хотите дѣлать добро, почему вы не устроите подписки и не распредѣлите, затѣмъ, эти деньги между нуждающимися? Конечно, это не такъ весело, какъ засѣданіе въ комитетахъ и репетиціи костюмированныхъ баловъ, а позднѣе—газетныя похвалы съ упоминаніемъ вашихъ фамилій и описаніемъ туалетовъ. На долю бѣдныхъ, въ большинствѣ случаевъ, ничего не останется, такъ какъ расходы превышаютъ сборъ. Результатъ, въ концѣ концовъ, не достигается, но участники довольны, если имъ удалось убить время и пофигурировать передъ собою и другими въ роли сострадательныхъ ангеловъ. Хорошо я знаю этотъ родъ благотворительности, и меня всегда возмущаетъ, когда эти господа выискиваютъ самую жестокую, непокрытую нищету, чтобы разыграть, съ помощью ея,

ту комедію, грубыя нити которой состоятъ изъ тщеславія, жажды наслажденій и стремленія къ рекламѣ.

— Зигфридъ!—воскликнула хорошенькая графиня, причемъ въ ея глазахъ блеснулъ недобрый огонекъ, а лицо приняло далеко не аристократическое выраженіе.—Не забывай, пожалуйста, что я веселюсь за свои деньги какъ мнѣ угодно!

Графъ поблѣднѣлъ до самыхъ губъ, поклонился и вышелъ; войдя съ нахмуреннымъ лицомъ въ переднюю и увидѣвъ тамъ все еще сидѣвшую въ ожиданіи г-жу Витгофъ, онъ рѣзко ударилъ въ попавшійся ему подъ руку гонгъ.

— Доложите графинѣ отъ моего имени,—приказалъ онъ вошедшему слугѣ,—что въ передней уже два часа ожидаетъ женщина, которая проситъ графиню принять ее.

Черезъ минуту лакей вернулся съ отвѣтомъ:

— Ея сіятельство приказали сказать этой женщинѣ, чтобы она зашла въ другой разъ: сегодня графинѣ некогда,—у нихъ завтра благотворительный балъ.

— Хорошо,—сказалъ графъ,—ступайте.

Когда они остались вдвоемъ, графъ ближе подошелъ къ женщинѣ, которая поднялась и жалобно, съ осунувшимся лицомъ, смотрѣла на него.

— Вы, безъ сомнѣнія, бѣдны,—проговорилъ онъ мягко,— замужемъ и бѣдны. Это тяжело, но было бы еще тяжелѣе, еслибы вашъ мужъ сдѣлалъ глупость, скажемъ лучше — совершилъ преступленіе, женясь на богатой.

Онъ вынулъ тощій кошелекъ, досталъ оттуда чуть ли не единственный остававшійся въ немъ талеръ и подалъ его бѣдной женщинѣ.

— Сожалѣю, что не могу дать вамъ бо́льшаго, — ласково проговорилъ онъ,—но этотъ талеръ—мой собственный, онъ— остатокъ моего лейтенантскаго жалованья.

Нотаріусъ, у котораго занимался Витгофъ, позвалъ его къ себѣ во время перерыва. На столѣ передъ нимъ лежали копіи актовъ, переписанныя рукою Витгофа.

— Другъ мой,—заявилъ нотаріусъ,—вашъ почеркъ становится все хуже и неразборчивѣе и вы работаете все меньше и меньше. Мои кліенты плохо разбираютъ вашу руку, и я не могу долѣе держать васъ у себя на службѣ. Пріискивайте себѣ съ завтрашняго дня новое занятіе,—я прикажу выдать вамъ жалованье за полъ-мѣсяца.

Комната завертѣлась передъ глазами Витгофа; лобъ его увлажился потомъ, онъ невольно отшатнулся къ стѣнѣ и оперся о нее обѣими руками, чтобы не упасть. Ужасъ парализовалъ его тѣло, и въ то же время онъ улыбался просительною, насильственною улыбкой, какъ будто его уважаемый принципалъ вздумалъ лишь пошутить съ нимъ.

Нотаріусъ былъ человѣкъ рѣшительный, но, замѣтивъ потрясающее впечатлѣніе своихъ словъ, онъ, будучи непріятно пораженъ, добавилъ нѣсколько смягчающихъ фразъ:

— Вы старѣетесь, любезный, но мое дѣло не должно отъ этого страдать. Вы послужили мнѣ по мѣрѣ силъ, и я прикажу выдать вамъ жалованье за полный мѣсяцъ. Оставить же васъ я не могу, ваше мѣсто уже отдано. Ступайте.

Витгофъ понялъ, что всякія возраженія были бы напрасны. Покуда остальные писцы болтали и ѣли бутерброды, онъ пробрался къ своей конторкѣ и принялся за работу. Въ виски ему стучало, горло было сдавлено; онъ чувствовалъ, что такого несчастія онъ не переживетъ: это уже послѣдній ударъ. При пустомъ желудкѣ и окоченѣвшихъ пальцахъ, трудно сохранить хорошій почеркъ. Витгофъ зналъ, что рѣшенія его патрона всегда непреложны, и, тѣмъ не менѣе, онъ старался писать какъ можно красивѣе и разборчивѣе: быть можетъ, нотаріусъ, просмотрѣвъ листы, перемѣнитъ свое намѣреніе. Эта слабая надежда дала ему силу скрыть на нынѣшній вечеръ отъ жены ужасную новость.

На слѣдующій день онъ продолжалъ работать съ безконечнымъ стараніемъ надъ улучшеніемъ своего почерка, и счастіе, повидимому, улыбнулось ему; его позвали въ кабинетъ патрона, приказавшаго ему сейчасъ же переписать только-что полученную бумагу. Рука Витгофа такъ дрожала, передавая листы, что нотаріусъ, внутренно возмущенный такимъ недостаткомъ выдержки, сразу разрушилъ все зданіе надеждъ злополучнаго писца, заявивъ ему, что съ прекращеніемъ занятій въ конторѣ оканчивается срокъ его службы, и онъ получитъ немедленно разсчетъ.

Передъ обѣдомъ нотаріусъ появился въ конторѣ, отдалъ краткія распоряженія и, проходя мимо Витгофа, положилъ на его конторку нѣсколько завернутыхъ въ бумагу талеровъ.

Писецъ только ниже наклонилъ голову надъ послѣднимъ листомъ,—сердце у него разрывалось. Съ тѣхъ поръ, какъ эта работа была у него отнята, онъ почувствовалъ себя выброшеннымъ на улицу, перешедшимъ въ разрядъ ненужныхъ людей. Онъ сознавалъ, что ему нигдѣ уже не получить работы, а между

тѣмъ онъ долженъ былъ, во что бы то ни стало, достать ее; онъ снова долженъ съ трясущимися колѣнями подниматься по лѣстницамъ и вымаливать ее. Можетъ быть, ему посчастливится достать заработокъ у сострадательныхъ людей, а до тѣхъ поръ надо умолчать объ отказѣ ему отъ мѣста.

Когда въ урочный часъ остальные писцы поспѣшно разошлись, Витгофъ еще разъ оглядѣлъ комнату, гдѣ онъ проработалъ столько лѣтъ и двери которой запрутся для него навсегда. Нѣсколько дней тому назадъ сидѣлъ онъ здѣсь на привычномъ мѣстѣ, довольный — несмотря на тяжелую работу; онъ былъ счастливъ и обезпеченъ—сравнительно съ теперешнимъ своимъ положеніемъ. Его безжалостно выгнали; остается лишь проститься со старымъ товарищемъ—съ конторкою, за которою онъ просидѣлъ столько лѣтъ. И Витгофъ прощался съ нею, какъ съ живымъ существомъ: онъ опустилъ на ея доску свою усталую голову, и крупныя капли слезъ падали изъ его глазъ на чернильныя пятна и рѣзьбу перочиннымъ ножемъ—оставленныя на ней цѣлымъ поколѣніемъ писцовъ. Онъ, шатаясь, спустился по лѣстницѣ.

Тяжело разставаться съ юной любовью, но еще тяжелѣе, еще горше разставаться съ работой, которая даетъ средства къ жизни и бываетъ неразрывно связана съ самою жизнью. Съ этихъ поръ для стараго писца началось существованіе, полное униженій и разочарованій. Самымъ тяжелымъ въ немъ была необходимость—скрывать отъ домашнихъ истину и разыгрывать передъ ними роль, бывшую свыше силъ его. Какъ и ранѣе, онъ выходилъ изъ дому по утрамъ въ опредѣленное время, взявъ съ собою завтракъ; на случай еслибы кто-нибудь вздумалъ послѣдовать за нимъ, онъ шелъ сначала по направленію къ конторѣ, но затѣмъ быстро сворачивалъ въ сторону и отправлялся на новое свое занятіе: пріискиваніе мѣста. Никакой кварталъ не казался ему слишкомъ отдаленнымъ, никакая лѣстница—черезчуръ высокою; гдѣ только мелькала возможность получить мѣсто—всюду онъ являлся со слабымъ лучомъ надежды въ печальныхъ глазахъ, но всюду ему отказывали по причинѣ его лѣтъ и болѣзненнаго вида.

Онъ молча кланялся и шелъ далѣе съ опущенною головою, утомленный, забрызганный грязью, какъ прогнанная собака. Въ серединѣ дня, когда другіе люди обѣдали, онъ потихоньку съѣдалъ гдѣ-нибудь въ углу принесенный съ собою хлѣбъ. Если же силы его были окончательно истощены, онъ отдыхалъ на скамьѣ въ городскомъ саду, не смѣя вернуться домой раньше времени.

Порою жена спрашивала его, что у нихъ въ конторѣ новаго, не произошло ли какихъ-нибудь перемѣнъ въ составѣ служащихъ?—и тогда онъ принимался усиленно кашлять или старался замять разговоръ. Будь г-жа Витгофъ болѣе наблюдательна, она примѣтила бы его неловкія старанія уклониться отъ отвѣта, но, вѣчно озабоченная и разстроенная, она не обращала вниманія на странность поведенія мужа. Она очень тревожилась о своемъ старшемъ сынѣ, только-что отбывшемъ срокъ заключенія. За простую вину, какъ и за тяжкое преступленіе, каковы бы ни были поводы къ нимъ, наши прославленные законодатели придумали въ мудрости своей лишь одно возмездіе — тюрьму. Это универсальное средство противъ всѣхъ болѣзней послужило, однако, сыну Витгофа во вредъ: кроткій и послушный мальчикъ вернулся изъ заключенія озлобленнымъ, утратившимъ всякую жизнерадостность и способность къ работѣ. Помимо этого, онъ свелъ въ тюрьмѣ нежелательныя знакомства; онъ сталъ неаккуратно посѣщать школу и зачастую возвращался домой подпившимъ и съ запахомъ табаку. Вскорѣ заболѣла изнурительной лихорадкою двѣнадцатилѣтняя дѣвочка; приведенный священникомъ врачъ прописалъ съ видомъ, не предвѣщавшимъ ничего хорошаго, рецептъ, но лекарство, по весьма уважительнымъ причинамъ, осталось незаказаннымъ.

Однажды вечеромъ, послѣ напраснаго хожденія по городу, Витгофъ вернулся домой смертельно уставшимъ. Въ комнатѣ было страшно холодно, такъ какъ на улицѣ, съ наступленіемъ сумерекъ, осенній дождь смѣнился крупными водянистыми хлопьями снѣга, таявшими на мокрыхъ крышахъ и асфальтовой мостовой.

За отсутствіемъ топлива, г-жа Витгофъ выпросила у сосѣдки керосинку, чтобы сварить на ней похлебку, и дѣти усѣлись вокругъ стола, слѣдя жадными глазами за дымящимся котелкомъ. Мать собиралась нарѣзать хлѣба, но его оказалось такъ мало, что каждому еле хватило по кусочку, хотя маленькая больная ничего не ѣла. Тутъ Витгофъ вспомнилъ, что онъ отъ усталости не могъ съѣсть своего хлѣба; онъ вынулъ его изъ газеты и отломилъ всѣмъ по кусочку.

— Кушайте, дѣти,—сказалъ онъ;—сегодня, по случаю добавочной работы, намъ дали закусить въ конторѣ.

Старшій сынъ грубо фыркнулъ, и когда мать сдѣлала ему за это выговоръ, снова разсмѣялся.

— Отецъ втираетъ вамъ очки,—сказалъ онъ дерзко и насмѣшливо; — онъ совсѣмъ не былъ сегодня въ конторѣ: я два

раза видалъ его, утромъ—у складовъ, а подъ вечеръ—на скамьѣ въ паркѣ. Я прошелъ совсѣмъ близко отъ него, но онъ даже не замѣтилъ меня. Что, правду я говорю?

Отецъ не могъ обвинить мальчика во лжи; онъ кивнулъ головою, и краска стыда выступила на его исхудалыхъ щекахъ. Мать заставила мальчика замолчать, но она поняла, охваченная смертельнымъ ужасомъ, что мужъ скрылъ отъ нея бѣду. Послѣ ѣды она выпроводила дѣтей и съ долгимъ печальнымъ взоромъ положила Витгофу руки на плечи. Онъ не былъ въ состояніи дольше выдерживать свою роль и во всемъ сознался; до самаго возвращенія дѣтей съ улицы, они просидѣли въ унылой темной комнатѣ, склонивъ сѣдѣющія головы подъ гнетомъ общаго несчастія.

А нищета, подобно упорному, злому пауку, все тѣснѣе плела свою черную сѣть, неотвратимо охватывавшую несчастную семью. Недоставало самаго необходимаго, а въ спальнѣ, на окнахъ которой утренній морозъ разрисовывалъ нѣжные цвѣты, лежала то въ жару, то въ полу-безчувственномъ состояніи маленькая больная, держа на рукахъ свертокъ изъ лоскутьевъ, изображавшій собою куклу. Маленькое созданіе, успѣвшее лишь заглянуть въ жизнь, полную горя и нужды, съ тѣмъ, чтобы вскорѣ совсѣмъ уйти изъ нея, таило въ своемъ сердечкѣ избытокъ любви и нѣжности, которому необходимо было на что-нибудь излиться. Воображеніе ея изукрасило свертокъ лоскутковъ, и ни одному ребенку богатыхъ родителей не доставляла большаго удовольствія самая дорогая кукла.

Желая доставить какое-нибудь облегченіе своей любимицѣ, Витгофъ удвоивалъ усилія; порою онъ помогалъ перетаскивать матеріалъ на постройкахъ, но, вслѣдствіе слабости силъ, онъ никогда не могъ долго работать. Особенно терзала его одна мысль: больная мучительно жаждала апельсиновъ и постоянно просила ихъ; это было, конечно, во время бреда, такъ какъ въ полномъ сознаніи она никогда не рѣшилась бы высказать такого неслыханнаго, дерзновеннаго желанія. Витгофъ невыразимо страдалъ отъ невозможности исполнить это желаніе больного ребенка. Онъ осмѣлился зайти въ магазинъ колоніальныхъ товаровъ, гдѣ фрукты лежали массами въ боченкахъ, и попросилъ хозяина дать ему два-три залежавшихся и уже нѣсколько попорченныхъ плода для его больной дѣвочки. Торговецъ, оглядѣвъ его изумленнымъ взоромъ, заставилъ его повторить просьбу, изложенную бѣднякомъ нѣсколько сбивчиво и неясно; когда же смыслъ ея сталъ ему понятенъ, онъ воскликнулъ, что подобнаго

безстыдства ему никогда еще не случалось встрѣчать! Люди просятъ, чтобы имъ подавали милостыню деликатесами! Во всякомъ случаѣ изобрѣтатель такой моды заслуживаетъ быть вышвырнутымъ за дверь.

Онъ схватилъ старика за плечи и вытолкнулъ его на улицу; хорошо еще, что по близости не оказалось полицейскаго. Подавленный стыдомъ, Витгофъ быстро удалился и, дойдя до бульвара, почти упалъ на скамью. Онъ понялъ вдругъ съ ужасающей ясностью, что если не случится чуда, то въ теченіе недѣли его семья должна неминуемо погибнуть. Дѣти такъ ослабѣли, что за послѣдніе дни они почти уже не встаютъ съ постели. Среди громаднаго города его охватилъ смертельный ужасъ полнаго одиночества; ему хотѣлось крикнуть, молить о помощи, но онъ побоялся, что его осмѣютъ, пожалуй даже—арестуютъ. Къ чему такой вызовъ, если можно прибѣгнуть къ нѣмой мольбѣ? Правда, нищенствовать запрещено, но никто не запретитъ ему поставить рядомъ съ собою шляпу, въ которую проходящіе мимо люди могутъ опустить нѣсколько грошей.

Многіе проходили по бульвару, но никто не обратилъ вниманія на неподвижно сидѣвшаго человѣка; господинъ представительной наружности пріостановился, пошарилъ-было у себя въ пальто, но, не найдя мелочи въ боковомъ карманѣ, счелъ слишкомъ затруднительнымъ доставать кошелекъ, и потому, пожавъ плечами, прошелъ далѣе. Прошли подъ руку двое молодыхъ людей—изъ воспитанниковъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній; несмотря на сравнительно ранній часъ, они были уже не совсѣмъ трезвы и громко разговаривали, часто употребляя прилагательныя въ превосходной степени, что составляетъ отличительное свойство юнцовъ. Одинъ изъ нихъ счелъ остроумнымъ сбить тросточкою шляпу со скамьи и отшвырнуть ее въ кусты, вслѣдъ за чѣмъ они со смѣхомъ удалились. Витгофъ поднялъ свой старенькій, пострадавшій отъ удара тростью головной уборъ и снова положилъ его рядомъ съ собою на скамью.

Проходили часы; пошелъ холодный мелкій дождь, а Витгофъ все сидѣлъ, сдвинувъ худыя колѣни, продрогшія насквозь отъ сырости и холода. Его старый крашеный сюртукъ промокъ отъ дождя; на жилистой шеѣ и возлѣ худыхъ кистей рукъ образовались лиловые подтёки. Его рѣдкіе волосы прилипли къ вискамъ, а лицо, подъ гнетомъ физическаго страданія и нравственныхъ мукъ, становилось все мрачнѣе, безнадежнѣе, отчаяннѣе.

Молоденькая барышня, несшая на рукѣ папку съ нотами, а на плечѣ дождевой зонтикъ, на фонѣ котораго выдѣлялось, какъ

въ рамкѣ, ея свѣжее, миловидное лицо, быстро прошла мимо Витгофа, затѣмъ повернула и замедлила шаги, не рѣшаясь предложить ему подаяніе; ее пугало страдальческое выраженіе его лица. Наконецъ, она остановилась и вопросительно посмотрѣла на него.

Это была премиленькая дѣвочка съ моцартовскою косою и чистосердечными синими глазами; старикъ робко и смиренно улыбнулся въ отвѣтъ на ея взглядъ, чтобы этимъ ободрить ее. Увидѣвъ эту улыбку, освѣтившую лицо дрожащаго отъ холода человѣка, она расхрабрилась.

— Вотъ, пожалуйста, возьмите,—заторопилась она, доставая изъ кармана кофточки мелочь,—къ сожалѣнію, у меня больше нѣтъ... Но, можетъ быть, вы не откажетесь взять мой завтракъ? Да? Вотъ это мило съ вашей стороны; вы мнѣ доставите этимъ большое удовольствіе, — болтала она, доставая изъ папки довольно большой свертокъ.—Только вамъ не слѣдуетъ здѣсь дольше оставаться; мама говоритъ, что сырость очень вредна для здоровья, можно схватить насморкъ... Всего хорошаго! Извините, я спѣшу на урокъ...

Витгофъ поднялся со скамьи и поспѣшно зашагалъ домой. Въ каждомъ добромъ дѣлѣ заключается тайное благословеніе, разрѣшающее и умиротворяющее. Городской бульваръ опустѣлъ подъ дождемъ; тѣло Витгофа промокло и окоченѣло, но онъ чувствовалъ, какъ въ сердцѣ у него затеплился остатокъ надежды, зажженный сострадательнымъ взоромъ синихъ глазъ маленькой барышни.

Онъ зашелъ во фруктовый магазинъ и купилъ для своей любимицы три чудныхъ апельсина; затѣмъ быстро сталъ подниматься по лѣстницѣ, съ усиліемъ переводя духъ.

Холодная, неуютная комната была погружена въ ранній сумракъ осенняго вечера. Онъ не безъ страха переступилъ порогъ, боясь найти дѣтей голодными въ ихъ постеляхъ, быть можетъ—уже умершими отъ истощенія, съ застывшими, заостривщимися личиками. А можетъ быть, для нихъ нашлась въ теченіе дня корка хлѣба и теперь мать увела ихъ куда-нибудь съ собою?

Комната была пуста; только больная дѣвочка спала лихорадочнымъ сномъ, прижимая къ себѣ свою куклу и зарывшись головою въ подушку. Отецъ не захотѣлъ тревожить ребенка и присѣлъ у холодной печки, вздрагивая отъ озноба, такъ какъ платья для смѣны у него не было. Черезъ нѣсколько времени вернулась жена съ дѣтьми; младшіе плаксиво просили ѣсть, и

мать сердитымъ, безнадежнымъ голосомъ крикнула имъ, чтобы они замолчали.

Она почти не обратила вниманія на мужа; ей казалось совершенно естественнымъ, что онъ возвратился съ пустыми руками. Подъ вліяніемъ крайней нужды, бѣдная женщина начинала озлобляться; очевидно, она поработала черезъ силу, такъ какъ, оттолкнувъ цѣплявшихся за ея юбку дѣтей, она, тяжело дыша, въ изнеможеніи опустилась на постель.

Тѣмъ временемъ Витгофъ ощупью нашелъ жестяной подсвѣчникъ и зажегъ остававшійся въ немъ огарокъ; затѣмъ онъ позвалъ дѣтей и выложилъ передъ ними закуску, заключавшуюся въ сверткѣ.

Проголодавшіяся дѣти шумно заработали челюстями, что привело въ себя г-жу Витгофъ; она приподнялась на локтяхъ, встала и подошла къ столу, вопросительно глядя на мужа.

— Это милостыня,—объявилъ Витгофъ съ тихою, покорною улыбкой,—но ее подало мнѣ милое дитя... Да благословитъ ее Богъ!—Онъ подвинулъ одинъ изъ кусковъ женѣ, и та съ жадностью принялась ѣсть. Даже больная приподнялась и молча смотрѣла на ужинавшихъ; Витгофъ поспѣшно всталъ и, подойдя со свѣчою въ рукахъ къ постели больной, положилъ на жалкое одѣяло круглые, золотистые апельсины, покатившіеся по немъ какъ золотые шары.

Дѣвочка безмолвно глядѣла на желанное сокровище; затѣмъ она судорожно прижала къ сердцу куклу и все ея худенькое тѣло затрепетало отъ радости.

— Знаешь, Лиза, — проговорила она какъ въ полуснѣ,— теперь, послѣ такой радости, мы съ тобою можемъ и умереть...

При этихъ словахъ ея блѣдное, грустное личико озарилось такимъ солнечнымъ лучомъ невыразимаго блаженства, что оно казалось просвѣтленнымъ. Мать опустилась на стулъ, закрывъ лицо загрубѣвшими отъ работы руками; у Витгофа, терпѣливо переносившаго до сихъ поръ каждое горе, каждое лишеніе— внутри словно что-то оборвалось. То, чего не могло сдѣлать никакое страданіе—сдѣлала эта улыбка, мелькнувшая на исхудаломъ личикѣ близкаго къ смерти ребенка. Порывъ восторга, такъ безжалостно изобличившаго ихъ нищету, вспышка счастья, которымъ могутъ пользоваться другія, менѣе обдѣленныя судьбою дѣти,—надломили его въ самомъ основаніи, нанесли ему послѣдній, смертельный ударъ. Онъ подавилъ слезы, расправилъ руки, какъ человѣкъ, намѣревающійся поднять тяжесть, и всталъ на

ноги; онъ покончилъ со всѣми колебаніями, и съ нимъ самимъ—все кончено.

Его обступили дѣти, дуя на свои окоченѣвшіе пальцы и прося его развести огонь; онъ сейчасъ же согласился, но велѣлъ имъ прежде лечь, обѣщая не пожалѣть сегодня угля и такъ натопить печь, чтобы имъ не пришлось зябнуть ночью.

Онъ сильнымъ движеніемъ поднялъ старое ведро и вскорѣ вернулся, таща въ немъ угли; дѣти забились тѣмъ временемъ подъ рваныя одѣяла и съ любопытствомъ слѣдили за тѣмъ, какъ отецъ, растопивъ лучину, наложилъ сверхъ нея угольевъ. Вскорѣ въ печкѣ начало потрескивать; сквозь ея изломанную дверцу виднѣлось яркое пламя, отблескъ котораго ложился полосами на потолокъ. Вспыхивавшіе угли озаряли порою уголъ комнаты съ дѣтскими кроватями и лица укутанныхъ въ тряпье и тѣсно прижавшихся другъ къ другу ребятишекъ, наслаждавшихся видомъ пламени.

Скоро теплота усыпила ихъ; только темные задумчивые глаза больной дѣвочки долго и понятливо слѣдили за перебѣгающими струйками огня, но наконецъ и они сомкнулись сномъ.

Когда послышалось тихое, ровное дыханіе заснувшихъ дѣтей, Витгофъ придвинулъ къ самой печкѣ деревянную скамеечку и усадилъ жену рядомъ съ собою.

— Забудь на сегодня всѣ заботы, — проговорилъ онъ ласково,—отогрѣйся... Видишь, какъ растопилась печка; въ комнатѣ стало уютнѣе, только вѣтеръ дуетъ сквозь разбитое стекло...

Онъ отыскалъ какое-то тряпье и тщательно заткнулъ отверстіе въ окнѣ, также какъ и щель у порога, сквозь которую проходилъ воздухъ.

Женщина боролась со сномъ и щурила глаза; онъ присѣлъ рядомъ съ нею и обнялъ ее рукою.

— Что это съ тобой?—проговорила она:—ты нынче такъ глядишь на меня, точно мы оба молоды, здоровы и счастливы, какъ въ тотъ годъ, когда мы повѣнчались.

Онъ не сразу отвѣчалъ, но подсыпалъ еще угольевъ въ раскаленную до красна печь, втискивая туда связку лучинъ.

— Да, хорошо тогда жилось,—отвѣтилъ онъ, тихо прижимаясь щекою къ ея щекѣ и наклоняясь къ самому ея уху:—ты была красавицей, и влюбился я въ тебя до погибели. А свадьбу нашу помнишь? Ты хотѣла отпраздновать ее въ деревнѣ, и хозяева все устроили честь-честью. Помнишь, въ залѣ были развѣшаны гирлянды изъ зелени по стѣнамъ и надъ дверями... А по дорогѣ въ церковь была устроена арка изъ вѣтвей.

— Да, чудесно было, — прошептала женщина и опустила съ полусмущенною улыбкою свою усталую голову на плечо мужа, собираясь заснуть.

— А помнишь, сколько времени сидѣли за ужиномъ, говорили рѣчи, пили за наше здоровье?—продолжалъ онъ, между тѣмъ какъ ею все болѣе и болѣе овладѣвала дремота.—А потомъ, покуда всѣ другіе играли въ кегли, мы пошли съ тобою въ лѣсъ—мужемъ и женою, и ты такъ конфузилась и робѣла, точно я былъ чужой человѣкъ. Мы спустились къ рѣчкѣ и сѣли на травѣ—плечомъ къ плечу, какъ теперь...

Голосъ его становился все глуше, дыханіе женщины—все ровнѣе и тише.—Помнишь, солнце всходило надъ рѣкою, птицы заливались въ кустахъ и все горѣло, какъ въ огнѣ...

Комната тоже горѣла, какъ въ огнѣ. Изъ раскаленной, трещавшей печи струилась одуряющая, удушливая жара. Витгофъ безшумно протянулъ руку и—разъ, два—плотно завернулъ клапанъ затвора...

Онъ проснулся, пробужденный струею холоднаго воздуха; въ вискахъ у него стучало,—онъ задыхался. Жена, бывшая сильнѣе его—первая опомнилась отъ угара и растворила окно, въ которое клубился удушливый паръ отъ каменнаго угля; съ улицы вливалась въ комнату волна холоднаго воздуха. Тяжело дыша, жена съ ужасомъ исподлобья глядѣла на него заплаканными глазами. Она указала ему рѣзкимъ повелительнымъ движеніемъ на кровать; онъ повиновался и, дотащившись до нея, безсильно упалъ на соломенный тюфякъ.

Она, шатаясь, подошла къ нему и, опустившись съ нимъ рядомъ, отерла съ его лба испарину, вызванную удушьемъ и головокруженіемъ.

— Дѣти не должны умереть, слышишь?.. — шептала она, борясь съ обморокомъ:—мы должны выдержать, должны заставить людей помочь намъ. Все еще поправится. Мужайся, надѣйся на Бога... вдругъ выиграемъ въ лотерею или... или сама графиня послѣ благотворительнаго бала... денегъ, много денегъ даютъ такіе балы и... польза отъ нихъ... большая, боль...

Мысли ея спутались, но это было лишь на нѣсколько мгновеній. Несмотря на полное изнеможеніе, онъ уловилъ смыслъ ея словъ.

— Да,—повторилъ онъ, какъ бы утѣшая себя, — надо заставить людей помочь намъ, надо заставить ихъ... И дѣти должны жить; пусть изъ нихъ выйдутъ хорошіе, честные люди, и ты должна жить для дѣтей, моя бѣдная, добрая жена...

Но она еще не вѣрила его словамъ,—съ трудомъ стащила она на полъ матрацъ и легла на него, между дѣтскими кроватями и накалившеюся печью, защищая ихъ собственнымъ тѣломъ.

Эта ночь смѣнилась холоднымъ, сырымъ осеннимъ днемъ. Надъ моремъ домовъ еще болѣе сгустился туманъ, и люди суетливо двигались среди этой сырости, подгоняемые тяжелою борьбою за существованіе. На мосту, перекинутомъ чрезъ широкую, лѣниво струящуюся рѣку, движеніе было нѣсколько меньше, чѣмъ на близлежащихъ улицахъ. Въ ту минуту, какъ сильный порывъ вѣтра заколебалъ зонтики пѣшеходовъ и даже поднялъ легкую рябь на черной поверхности рѣки, какой-то прохожій, положивъ на перила моста записку, къ которой былъ привязанъ камень, съ трудомъ перелѣзъ черезъ перила и, кинувшись внизъ головою, исчезъ подъ водою. Нѣкоторые изъ проходившихъ по мосту остановились и, махая зонтиками, принялись звать на помощь; другіе кинулись къ периламъ, которыя вскорѣ были облѣплены темною массою народа на всемъ своемъ протяженіи. Немедленно былъ брошенъ спасательный кругъ, закачавшійся на водѣ: двое мужчинъ отвязали лодку отъ большой барки съ овощами и принялись за поиски; но бросившійся въ воду человѣкъ не показывался на ея поверхности.

Только часъ спустя, съ помощью багровъ, было втащено въ лодку нѣчто темное, намокшее, похожее скорѣе на свертокъ стараго платья, нежели на человѣческое тѣло.

Полицейскій, замѣтившій еще вначалѣ записку съ привязаннымъ къ ней камнемъ, немедленно отправился съ нею въ ближайшій полицейскій участокъ, чтобы передать ее своему непосредственному начальству.

На четвертушкѣ простой бумаги было выведено нѣсколько дрожащимъ, каллиграфическимъ почеркомъ:

„Дорогіе сограждане, у меня много дѣтей, и никто не даетъ мнѣ работы, такъ какъ никто не вѣритъ, какъ плохо намъ живется. Я радъ былъ бы пожить еще, но я старъ и слабъ здоровьемъ. Потому я и бросаюсь въ воду, чтобы вы убѣдились, какъ велика наша нужда. Сжальтесь надъ моею женою и дѣтьми, помогите имъ и простите меня.—Виттофъ“.

У блюстителя порядка невольно вырвалось, тотчасъ же подавленное имъ, выраженіе состраданія.

— Надѣюсь, что никто не прочелъ этой записки?—сурово обратился онъ къ полицейскому.

И когда тотъ отвѣтилъ отрицательно, онъ прибавилъ:

— Записка останется здѣсь, и въ протоколъ, конечно, не будетъ внесена. Узнай о ней кто-нибудь изъ газетчиковъ—вотъ былъ бы желанный матеріалъ для радикальныхъ листковъ! На это не очень благосклонно посмотрѣли бы свыше, такъ какъ страна кишитъ недовольными и смутьянами, первая задача которыхъ—отравлять жизнь нашему достойному всякихъ похвалъ правительству.

Когда, окруженная дѣтьми, г-жа Витгофъ, съ сухими глазами, стояла внизу лѣстницы, по которой носильщики съ трудомъ протащили къ выходу узкій гробъ изъ еловыхъ досокъ, до нея донесся съ улицы смутный гулъ голосовъ. Выстроившись рядами, какъ войско, тамъ стояли массы людей въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, но у каждаго былъ въ петлицѣ красный бумажный цвѣтокъ. Когда погребальное шествіе тронулось, они, повинуясь командѣ, двинулись вслѣдъ за нимъ упорными, молчаливыми, плотно сомкнутыми рядами. По дорогѣ толпа все увеличивалась, и молодой священникъ не безъ тревоги поглядывалъ на сборище, опасаясь послѣдствій готовящейся демонстраціи.

Появленіе его на похоронахъ являлось актомъ гражданскаго мужества, такъ какъ старшіе священники единогласно отказались дать послѣднее напутствіе самоубійцѣ. Молодому проповѣднику весьма недвусмысленно дали понять, что онъ изъ принципа долженъ отказаться отъ всякаго проявленія самостоятельности. Но страхъ передъ людьми не ввелъ его въ заблужденіе; совѣсть говорила ему, что онъ обязанъ совершить послѣднее дѣло любви по отношенію къ бѣдняку, нужду котораго онъ зналъ и жизнь котораго была отравлена горемъ, нищетою, униженіями всякаго рода.

Окружая черную, зіяющую могилу, полуприкрытую досками, временно поддерживавшими гробъ, тѣснилась возбужденная толпа, а позади видны были блестящія каски многочисленныхъ полицейскихъ.

Священникъ, поднявъ глаза къ небу, прочелъ передъ тѣснившимися среди могилъ краткія слова вѣчной любви, между тѣмъ какъ блѣдный осенній лучъ солнца золотилъ разрыхленные комья влажной земли. Бросивъ три пригоршни земли на крышку гроба, онъ отошелъ.

Тотчасъ же мѣсто его занялъ невысокій человѣкъ съ блѣднымъ отъ волненія лицомъ и горящими глазами. Сдѣлавъ движеніе рукою, державшей мягкую войлочную шляпу, онъ возвысилъ голосъ:

— Братья! Сограждане! Единомышленники!..

Ему не дали продолжать; двое полицейскихъ кинулись къ нему, обхватили его руками и стащили съ возвышенія; послышались крики, свистки, и полиція, окруживъ демонстрантовъ, погнала ихъ къ выходу. Среди могилъ произошла дикая свалка; отдѣльныя группы пытались удержать позицію, но потокъ бѣгущихъ увлекалъ ихъ за собою; внезапно распространился слухъ, что у воротъ кладбища ихъ ожидаетъ большой конный отрядъ полицейскихъ.

Собравшіеся спѣшили разойтись, шумно очищая поле сраженія. Среди замедлившихъ былъ и священникъ, къ которому, противъ его желанія, присоединился полицейскій офицеръ, завѣдывавшій тѣмъ участкомъ, въ которомъ жилъ покойный Витгофъ.

Блюститель порядка высказалъ свое удовольствіе по поводу полученнаго имъ своевременнаго извѣщенія, благодаря которому властямъ во-время удалось прекратить безпорядокъ. Онъ изумлялся духу возмущенія, воцарившемуся среди массъ, и не понималъ, какимъ образомъ въ лонѣ благоустроеннаго германскаго государства, обладающаго превосходною военною силой, могла развиться партія, желавшая ниспроверженія всякихъ основъ? Онъ вскорѣ разсчитываетъ получить значительное повышеніе, а слѣдовательно—возможность бороться съ этимъ зломъ, и поэтому желалъ бы слышать изъ устъ священника, кто виновенъ въ томъ, что на гладкой поверхности общественнаго порядка появляются такіе мутные пузыри?

— Мнѣ думается, что мы съ вами разойдемся въ воззрѣніяхъ,—отвѣтилъ кандидатъ;—мы стоимъ на скользкой поверхности: это говоритъ намъ не только наша совѣсть, общая тревога и недовольство, но тоже обнаруживается и множествомъ признаковъ, невидныхъ лишь слѣпому. Кто не чувствуетъ неувѣренности, неустойчивости всѣхъ отношеній, взаимнаго озлобленія и непониманія, уклоненія отъ правилъ нравственности, недостатка честности и довѣрія въ дѣлахъ промышленности и торговли? Такое положеніе вещей создало среди молодежи цѣлую группу людей, глумящихся надъ честью, уваженіемъ къ женщинѣ и старикамъ, отрекшихся отъ всякихъ идеаловъ; людей, признающихъ вмѣсто рыцарей духа—рыцарей наживы. Стремленіе къ легкой громадной наживѣ убило въ гражданахъ духъ чести; среди чиновнаго, даже среди военнаго сословія—она клонится къ упадку. Наше поколѣніе считаетъ грѣхъ—шуткою, а искупленіе—бреднями. Когда свершилась воочію великая мечта объеди-

ненія германскаго народа, мы думали, что все уже достигнуто, но мы слишкомъ понадѣялись на свои силы, слишкомъ мало заботились о духовной сторонѣ, и теперь намъ грозитъ другая— быть можетъ худшая—внутренняя опасность.

— Какимъ же путемъ намъ возможно было бы избѣжать ея?—спросилъ съ рѣзкимъ смѣхомъ полицейскій офицеръ.—Насколько я понимаю, вы предсказываете всякіе ужасы. Гдѣ же, по вашему, путь спасенія?

— Въ возвращеніи къ Богу истинной любви, — отвѣтилъ священникъ серьезно.—Во время войны за освобожденіе германскій народъ приносилъ всякія жертвы: люди отдавали жизнь и имущество, богачи—свои уборы, бѣдная крестьянка—тонкое обручальное колечко; теперь мы должны пробудиться къ самосознанію, начать борьбу со зломъ, живущимъ въ насъ самихъ, и побороть врага, худшаго изъ всѣхъ, свившаго себѣ гнѣздо въ сердцѣ каждаго народа, судьбою котораго онъ располагаетъ по усмотрѣнію, врага, зовущагося грѣхомъ! Государство достигло наибольшаго въ смыслѣ внѣшняго благоустройства, въ использованіи силъ служащихъ ему людей, въ подавленіи и урѣзываніи всего самобытнаго; оно сильно и могущественно въ примѣненіи наказанія и опеки, но слишкомъ слабо для того, чтобы защитить старцевъ, женъ и дѣтей, и обезпечить человѣческое существованіе тѣмъ изъ своихъ гражданъ, которые уже не въ силахъ работать. Покуда государство допускаетъ умирать съ голоду честнаго, работящаго отца семейства—его устройство не можетъ считаться совершеннымъ. Пусть имущіе помогутъ неимущимъ, пусть правящіе пожертвуютъ устарѣвшими учрежденіями, оскорбительными формами и привилегіями въ угоду духу любви, долженствующему сгладить неравенство общественнаго положенія среди людей. Любовь къ ближнему, осуществленная на дѣлѣ, сдѣлаетъ экономію по части примѣненія полицейскихъ и иныхъ обуздательныхъ мѣръ; она же, эта дѣятельная любовь, обезоружитъ и ненавистныхъ вамъ соціалъ-демократовъ.

— Вы заблуждаетесь, ваше преподобіе,—отвѣтилъ не безъ раздраженія полицейскій офицеръ:—палка на нихъ нужна, палка— и ничего болѣе! Честь имѣю кланяться.

Онъ приложилъ руку къ козырьку и зашагалъ далѣе. Толпа разсѣялась; въ полѣ мальчишки пускали своихъ змѣевъ; вдали, за тонкою завѣсой осенняго тумана, слышался барабанный бой и сигналы горнистовъ; за нею лежали казармы, тюрьмы, дома для умалишенныхъ, кладбища. Далѣе, захватывая громадныя, тѣсно застроенныя квадратныя пространства, распростерлись

переполненные рабочіе кварталы—пріютъ злополучнаго пролетаріата.

Изъ облака дыма и тумана выступали высокія трубы, башни, масса крышъ, сверкающіе куполы, и оттуда несся несмолкаемый глухой гулъ, похожій на стонъ чудовища.

Глаза священника покоились почти съ нѣжностью на густомъ облакѣ, скрывавшемъ поприще, на которомъ онъ призванъ былъ потрудиться. Передъ нимъ лежала арена тяжелой, великой борьбы за существованіе, и онъ, съ минуту передохнувъ, бодро зашагалъ впередъ...

Съ нѣм. О. Ч.

ИЗЪ М. КОНОПНИЦКОЙ

Приходили нѣмцы
Землю покупать,
„Продай, хлопецъ, землю,
Можемъ много дать.—

„За̀ домъ мы заплатимъ,
За̀ поле дадимъ;
Кошелекъ нашъ полный
Будетъ весь твоимъ!“

— Уходи подальше,
Милый нѣмецъ мой!
Торговать не станемъ
Мы родной землей.

Прячь-ка, братецъ, деньги
Ты скорѣй въ карманъ:
Кто землей торгуетъ—
Чистый басурманъ!

Ты богатъ, я знаю,
Только не подъ стать,
Силъ не хватитъ нашу
Землю покупать.

За поля пожалуй
Ты тряхнешь казной,—
Ну, а какъ ты купишь
Мѣсяцъ золотой?

Чѣмъ, скажи, заплатишь
Ты за свѣтъ дневной,
Что въ окошко свѣтитъ
Каждою зарей?

За родную кровлю
И за тихій звонъ,
Что зоветъ молиться
Насъ со всѣхъ сторонъ?

И за лѣсъ шумящій,
За цвѣты въ лугахъ,
И за крестъ, стоящій
На родныхъ поляхъ?

За румянецъ неба,
Росу на цвѣтахъ,
Что блеститъ алмазомъ
Въ утреннихъ лучахъ?

За веселый клёкотъ
Аиста весной,
За напѣвъ печальный
Пѣсенки родной?

И за отблескъ солнца,
Что дрожитъ въ водѣ,—
Хватитъ ли червонцевъ
Заплатить тебѣ?

За песокъ прибрежный—
Радость для дѣтей,
И за птичьи пѣсни
Средь родныхъ полей?

И за вѣтеръ вольный,
Пастуха свирѣль,

За сверчка, чья громко
Раздается трель?

За святую вербу
Въ воскресенья день
И въ садочкѣ нашемъ
За прохладу, тѣнь?

Чѣмъ за медъ заплатишь,
Что пчела даетъ,
За кладбище наше,
Гдѣ уснулъ нашъ родъ?

Тамъ и мнѣ, вѣдь, нуженъ
Уголокъ, поди,—
Если Богъ мнѣ скажетъ:
„На небо иди!"

И мои дѣтишки
Стали бъ тосковать,
Коль родной могилки
Имъ не отыскать!

Не продамъ я землю,—
Деньги прячь въ карманъ:
Кто землей торгуетъ—
Чистый басурманъ!..

Ив. Бѣлоусовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1905.

Именной Высочайшій указъ 12-го декабря.—Правительственное сообщеніе.—Записка С. Ю. Витте по крестьянскому вопросу.—Тревога, возбужденная ею въ нѣкоторыхъ органахъ печати.—„Духъ сословности" и мнимо-сословная льгота.—Проектъ сельскаго устава о наслѣдованіи.—Реформа губернскаго управленія.—Письмо къ редактору Н. А. Зиновьева.—А. А. Книримъ †.

14-го минувшаго декабря, распубликованъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" слѣдующій Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату:

По священнымъ завѣтамъ Вѣнценосныхъ Предковъ Нашихъ непрестанно помышляя о благѣ ввѣренной Намъ Богомъ Державы, Мы, при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости Основныхъ Законовъ Имперіи, полагаемъ задачу правленія въ неусыпной заботливости о потребностяхъ страны, различая все дѣйствительно соотвѣтствующее интересамъ Русскаго Народа отъ нерѣдко ошибочныхъ и преходящими обстоятельствами навѣянныхъ стремленій. Когда же потребность той или другой перемѣны оказывается назрѣвшею, то къ совершенію ея Мы считаемъ необходимымъ приступить, хотя бы намѣченное преобразованіе вызывало внесеніе въ законодательство существенныхъ нововведеній. Не сомнѣваемся, что осуществленіе такихъ начинаній встрѣчено будетъ сочувствіемъ благомыслящей части Нашихъ подданныхъ, которая истинное преуспѣяніе Родины видитъ въ поддержаніи государственнаго спокойствія и непрерывномъ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ народныхъ.

Во главѣ заботъ Нашихъ поставляя мысль о наилучшемъ устройствѣ быта многочисленнѣйшаго у насъ крестьянскаго сословія, Мы усматриваемъ, что, согласно нашимъ предуказаніямъ, дѣло это уже подвергается обсужденію: наряду съ подробнымъ, на мѣстахъ, разсмотрѣніемъ первоначальныхъ предположеній Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, нынѣ въ особомъ, изъ опытнѣйшихъ лицъ высшаго управленія, совѣщаніи изучаются важнѣйшіе вопросы устроенія крестьянской жизни на основаніи свѣдѣній и отзывовъ, заявленныхъ при изслѣдованіи въ мѣстныхъ комитетахъ общихъ нуждъ сельско-хозяй-

ственной промышленности. Мы повелѣваемъ, чтобы работы эти привели законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ Имперіи, облегчивъ задачу прочнаго обезпеченія пользованія лицами этого сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ „полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей".

Обозрѣвая засимъ обширную область дальнѣйшихъ народныхъ потребностей, Мы, для упроченія правильнаго въ Отечествѣ Нашемъ хода государственной и общественной жизни, признаемъ неотложнымъ:

1) принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона—важнѣйшей въ самодержавномъ государствѣ опоры Престола,—дабы ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе его почиталось первѣйшею обязанностью всѣхъ подчиненныхъ Намъ властей и мѣстъ, неисполненіе же ея неизбѣжно влекло законную за всякое произвольное дѣйствіе отвѣтственность, и въ сихъ видахъ облегчить потерпѣвшимъ отъ такихъ дѣйствій лицамъ способы достиженія правосудія;

2) предоставить земскимъ и городскимъ учрежденіямъ возможно широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства, даровавъ имъ для сего необходимую, въ законныхъ предѣлахъ, самостоятельность, и призвать къ дѣятельности въ этихъ учрежденіяхъ, на однородныхъ основаніяхъ, представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія; съ цѣлью успѣшнѣйшаго же удовлетворенія потребностей онаго образовать сверхъ нынѣ существующихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, въ тѣснѣйшей съ ними связи, общественныя установленія по завѣдыванію дѣлами благоустройства на мѣстахъ, въ небольшихъ по пространству участкахъ;

3) въ цѣляхъ охраненія равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній, внести должное единство въ устройство судебной въ Имперіи части и обезпечить судебнымъ установленіямъ всѣхъ степеней необходимую самостоятельность;

4) въ дальнѣйшее развитіе принятыхъ уже Нами мѣръ по обезпеченію участи рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и промыслахъ, озаботиться введеніемъ государственнаго ихъ страхованія;

5) пересмотрѣть изданныя во времена безпримѣрнаго проявленія преступной дѣятельности враговъ общественнаго порядка исключительныя законоположенія, примѣненіе коихъ сопряжено съ значительнымъ расширеніемъ усмотрѣнія административныхъ властей, и озаботиться приэтомъ какъ возможнымъ ограниченіемъ предѣловъ мѣстностей, на которыя они распространяются, такъ и допущеніемъ вызываемыхъ ими стѣсненій правъ частныхъ лицъ только въ случаяхъ, дѣйствительно угрожающихъ государственной безопасности;

6) для закрѣпленія выраженнаго Нами въ Манифестѣ 26-го февраля 1903 г. неуклоннаго душевнаго желанія охранять освященную Основными Законами Имперіи терпимость въ дѣлахъ вѣры, подвергнуть пересмотру узаконенія о правахъ раскольниковъ, а равно лицъ, принадлежащихъ къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ, и независимо отъ сего принять нынѣ же въ административномъ порядкѣ соотвѣтствующія мѣры къ устраненію въ религіозномъ бытѣ ихъ всякаго, прямо въ законѣ не установленнаго, стѣсненія;

7) произвести пересмотръ дѣйствующихъ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи, съ тѣмъ, чтобы изъ числа сихъ постановленій впредь сохранены были лишь тѣ, которыя вызываются насущными интересами Государства и явною пользою Русскаго Народа,

и 8) устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати, соотвѣтственно успѣхамъ просвѣщенія и принадлежащему ей вслѣдствіе сего значенію, возможность достойно выполнять высокое призваніе быть правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи.

Предуказывая на сихъ основаніяхъ рядъ предстоящихъ въ ближайшемъ будущемъ крупныхъ внутреннихъ преобразованій, часть которыхъ, по прежде даннымъ Нами указаніямъ, подвергается уже предварительному изслѣдованію, Мы съ тѣмъ вмѣстѣ, по разнообразію и важности сихъ преобразованій, признаемъ за благо установить самый порядокъ для обсужденія способовъ наиболѣе быстраго и полнаго ихъ осуществленія. Въ ряду государственныхъ Нашихъ учрежденій задача тѣснѣйшаго объединенія отдѣльныхъ частей управленія принадлежитъ Комитету Министровъ; вслѣдствіе сего повелѣваемъ: Комитету Министровъ по каждому изъ приведенныхъ выше предметовъ войти въ разсмотрѣніе вопроса о наилучшемъ способѣ проведенія въ жизнь намѣреній Нашихъ и представить Намъ въ кратчайшій срокъ свои заключенія о дальнѣйшемъ, въ установленномъ порядкѣ, направленіи подлежащихъ мѣропріятій. О послѣдующемъ ходѣ разработки означенныхъ дѣлъ Комитетъ имѣетъ Намъ докладывать.

Къ исполненію сего Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„*НИКОЛАЙ*".

Въ Царскомъ Селѣ,
12-го декабря 1904 года.

Въ тотъ же самый день было обнародовано слѣдующее „Правительственное сообщеніе":

Осенью текущаго года въ Петербургѣ происходили собранія нѣкоторыхъ гласныхъ разныхъ губернскихъ земствъ, выразившія рядъ пожеланій о необходимыхъ, по мнѣнію участниковъ ихъ, реформахъ внутренняго управленія Имперіею. Пожеланія эти сдѣлались предметомъ обсужденія печати, различныхъ созывавшихся для сего или по инымъ поводамъ собраній, а также, вопреки требованіямъ закона, обсуждались въ засѣданіяхъ нѣкоторыхъ городскихъ думъ и земскихъ собраній. Подъ вліяніемъ лицъ, стремящихся внести въ общественную и государственную жизнь смуту и воспользовавшихся возникшимъ въ обществѣ волненіемъ умовъ, преимущественно къ воспріимчивой средѣ молодежи,—въ нѣкоторыхъ городахъ Имперіи произошелъ рядъ шумныхъ сборищъ, заявлявшихъ о необходимости представить Прави-

тельству различныя требованія, недопустимыя въ силу освященныхъ Основными Законами Имперіи незыблемыхъ началъ нашего государственнаго строя, и цѣлыми скопищами устраивались уличныя демонстраціи, причемъ оказывалось полиціи и властямъ открытое сопротивленіе. Такое движеніе противъ существующаго порядка управленія, чуждое Русскому народу, вѣрному исконнымъ основамъ существующаго государственнаго строя, старается придать означеннымъ волненіямъ несвойственное имъ значеніе общаго стремленія. Охваченныя этимъ движеніемъ лица, въ забвеніи тяжелой годины, выпавшей нынѣ на долю Россіи, ослѣпленныя обманчивыми призраками тѣхъ благъ, которыя они ожидаютъ отъ коренного измѣненія вѣками освященныхъ устоевъ русской государственной жизни, сами того не сознавая, дѣйствуютъ на пользу не Родины, а ея враговъ.

Законный долгъ Правительства ограждать государственный порядокъ и общественное спокойствіе отъ всякихъ попытокъ прервать правильный ходъ внутренней жизни,—поэтому всякое нарушеніе порядка и спокойствія и всякія сборища противоправительственнаго характера должны быть и будутъ прекращаемы всѣми имѣющимися въ распоряженіи властей законными средствами, а виновные въ сихъ нарушеніяхъ, особенно же лица, состоящія на государственной службѣ, будутъ привлекаемы къ законной отвѣтственности. Земскія и городскія установленія и всякаго рода учрежденія и общества обязаны не выходить изъ предѣловъ предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію предметовъ и не касаться тѣхъ вопросовъ, на обсужденіе которыхъ они не имѣютъ законнаго полномочія; предсѣдатели же общественныхъ собраній, за допущеніе въ нихъ обсужденія не относящихся къ ихъ вѣдѣнію вопросовъ общегосударственнаго свойства, подлежатъ отвѣтственности на основаніи дѣйствующихъ законовъ. Органы печати, при трезвомъ отношеніи къ текущимъ событіямъ и при сознаніи лежащей на нихъ отвѣтственности, должны, съ своей стороны, внести необходимое успокоеніе въ общественную жизнь, уклонившуюся въ послѣднее время отъ правильнаго теченія.

Важность преобразованій, предрѣшенныхъ, въ принципѣ, Высочайшимъ указомъ 12-го декабря, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить содержаніе указа съ содержаніемъ манифеста 26-го февраля 1903-го и Высочайшаго указа 8-го января 1904-го года. Два года тому назадъ имѣлось въ виду „укрѣпленіе завѣтовъ вѣротерпимости“, т.-е. болѣе точное соблюденіе существующихъ по этому предмету законовъ, и притомъ только по отношенію къ иновѣрнымъ и инославнымъ исповѣданіямъ, въ число которыхъ, по принятой у насъ терминологіи, не входятъ ни раскольническія, ни сектантскія вѣроученія; теперь на очередь ставится *пересмотръ узаконеній*, которыми опредѣляются какъ *права раскольниковъ*, такъ и права лицъ, принадлежащихъ къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ. Два года тому назадъ шла рѣчь объ „усиленіи способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни тру-

дами мѣстныхъ людей, *руководимыхъ сильной властью*"; теперь земскимъ и городскимъ учрежденіямъ обѣщано не только *возможно широкое*, но и *самостоятельное* участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства. Годъ тому назадъ существеннымъ условіемъ новой крестьянской реформы считалось „сохраненіе крестьянскаго сословнаго строя"; теперь цѣлью реформы провозглашается объединеніе законовъ о крестьянахъ съ общимъ законодательствомъ имперіи и прочное обезпеченіе за лицами крестьянскаго сословія признаннаго за ними Царемъ-освободителемъ положенія „полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей". Рядомъ съ расширеніемъ и углубленіемъ прежде поставленныхъ задачъ выдвигаются другія, которыхъ вовсе не касались недавніе акты верховной власти: привлеченіе къ участію въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія; образованіе мелкой земской единицы; объединеніе судебной части и обезпеченіе самостоятельности судебныхъ установленій; государственное страхованіе рабочихъ; пересмотръ „исключительныхъ узаконеній"; пересмотръ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ частей имперіи; устраненіе „излишнихъ стѣсненій" печатнаго слова и введеніе его въ точно опредѣленные закономъ предѣлы; облегченіе для частныхъ лицъ, потерпѣвшихъ отъ произвольныхъ дѣйствій власти, способовъ достиженія правосудія. Изъ частныхъ вопросовъ, давно назрѣвшихъ, указомъ 12-го декабря не затронуты два: вопросъ о народномъ образованіи и вопросъ о коренномъ измѣненіи податной и финансовой системы.

Представляя собою программу преобразованій, указъ 12-го декабря намѣчаетъ ихъ только въ общихъ чертахъ: неясными, во многихъ случаяхъ, остаются ихъ границы, не устранена возможность различныхъ толкованій. Какъ понимать, напримѣръ, призывъ къ дѣятельности въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, на однородныхъ основаніяхъ, „представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія"? Означаютъ ли эти слова только болѣе уравнительное распредѣленіе избирательнаго права въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введены земскія и городскія учрежденія, или они обѣщаютъ, сверхъ того, распространеніе земскаго и городского самоуправленія на всю имперію, за исключеніемъ развѣ тѣхъ ея частей, населеніе которыхъ, по своему племенному составу, будетъ признано недоросшимъ до сознательнаго интереса къ мѣстнымъ дѣламъ? Въ пользу второго, болѣе широкаго рѣшенія говоритъ, повидимому, пун. 7-й указа, предписывающій сохранить въ силѣ, изъ числа постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей имперіи, лишь тѣ, которыя „вызываются насущными интересами государства и явною

пользой русскаго народа"; но, въ виду неопредѣленности послѣднихъ словъ, мыслимо и иное толкованіе, менѣе благопріятное для населенія окраинъ. Аналогичныя недоумѣнія могутъ возникнуть и по поводу другихъ пунктовъ указа. Въ высшей степени важенъ, поэтому, порядокъ его исполненія, т.-е. способъ составленія законопроектовъ, которыми будутъ осуществлены намѣренія верховной власти. Исполнителемъ указа 12-го декабря будетъ комитетъ министровъ, въ качествѣ учрежденія, призваннаго къ „тѣснѣйшему объединенію отдѣльныхъ частей управленія". На самомъ дѣлѣ, однако, комитетъ министровъ никогда не осуществлялъ этой задачи, никогда не игралъ выдающейся роли въ преобразовательной работѣ. Его дѣятельность выражалась съ одной стороны—въ разрѣшеніи частныхъ вопросовъ, съ другой—въ изданіи такъ называемыхъ „временныхъ правилъ", получавшихъ, внѣ установленнаго порядка и вопреки прямому смыслу основныхъ законовъ, силу и значеніе постоянныхъ законоположеній. Чѣмъ больше, притомъ, мѣропріятія, намѣченныя указомъ 12-го декабря, идутъ въ разрѣзъ съ началами, въ теченіе цѣлой четверти вѣка господствовавшими въ нашемъ внутреннемъ управленіи, тѣмъ труднѣе ожидать успѣшнаго осуществленія преобразованій руками лицъ, дѣйствовавшихъ до сихъ поръ, за немногими изъятіями, въ прямо противоположномъ направленіи. Въ концѣ концовъ законопроекты, составленные комитетомъ министровъ, должны поступить на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта; но въ его средѣ, въ особенности послѣ недавнихъ назначеній, едва ли найдется достаточно многочисленная и достаточно сильная группа лицъ, не солидарныхъ съ политикой двухъ послѣднихъ десятилѣтій—политикой, въ отрицаніи которой заключается главный смыслъ указа 12-го декабря. Логическимъ дополненіемъ указа являлся бы, поэтому, призывъ новыхъ силъ, способныхъ провести его въ жизнь, облечь въ плоть и кровь провозглашенныя имъ общія начала. За такой призывъ, формы котораго могутъ быть весьма различны, высказывались, въ послѣднее время, самые умѣренные голоса—высказывались потому, что безъ него немыслимъ полный успѣхъ преобразовательной работы, мало вѣроятно „необходимое успокоеніе общественной жизни". Указать на это печать обязана именно въ силу того „сознанія отвѣтственности", о которомъ говорится въ „Правительственномъ сообщеніи".

Въ виду указа 12-го декабря, придающаго большое значеніе работамъ Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, посвященнымъ крестьянскому вопросу, особенный интересъ пріобрѣтаетъ обнародованная недавно записка предсѣдателя Особаго

Совѣщанія, С. Ю. Витте. Построенная, главнымъ образомъ, на заключеніяхъ мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, она идетъ прямо въ разрѣзъ съ систематически игнорировавшею эти заключенія редакціонною коммиссіей, учрежденною при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Говоря, годъ тому назадъ [1]), объ основныхъ началахъ, принятыхъ редакціонною коммиссіею, мы старались доказать, что она совершенно упустила изъ виду *временной* характеръ положеній 1861-го года, установившихъ обособленность крестьянства лишь какъ *переходный порядокъ*, неизбѣжный въ виду только-что совершившагося раскрѣпощенія. Редакціонная коммиссія направляла всѣ усилія къ тому, чтобы увѣковѣчить и обострить эту обособленность; записка С. Ю. Витте признаетъ ее отжившей свой вѣкъ и подлежащей устраненію. Исходной точкѣ записки соотвѣтствуютъ и проектируемыя ею мѣры. Сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ: волостной судъ надлежитъ замѣнить общимъ для всего населенія низшимъ судомъ, независимымъ отъ администраціи и входящимъ въ составъ общесудебнаго управленія. Во главѣ такого суда должно быть поставлено выборное лицо съ образовательнымъ цензомъ; при этомъ лицѣ—очередные засѣдатели отъ мѣстнаго сельскаго населенія. Обязанности крестьянскаго общественнаго управленія расчленяются: въ вѣдѣніи сословно-крестьянскихъ союзовъ остаются только дѣла, обусловленныя общностью владѣнія надѣльною землей; всѣ дѣла общественнаго благоустройства переходятъ къ организаціямъ земскаго типа, объединяющимъ все населеніе, независимо отъ сословныхъ отличій. Такихъ организацій намѣчается двѣ, въ видѣ земскаго округа и поселковаго общества, вѣдающихъ интересы благоустройства: первая—въ предѣлахъ части уѣзда, вторая—въ предѣлахъ отдѣльнаго населеннаго пункта. Обязанности полицейскія и податныя, исполняемыя нынѣ крестьянами въ порядкѣ сословной натуральной повинности, крайне отяготительны, нерѣдко даже разорительны для крестьянскаго хозяйства. Эти обязанности проектируется возложить на наемныхъ лицъ, содержимыхъ на средства всего населенія и притомъ назначаемыхъ и увольняемыхъ исполнительными органами земства. Послѣднее обезпечиваетъ контроль, безъ котораго, въ условіяхъ сельской жизни, слишкомъ мало было бы препятствій для произвольныхъ дѣйствій низшихъ чиновъ сельской полиціи. Лицомъ, объединяющимъ дѣятельность земской стражи и общей полиціи и наблюдающимъ за законностью дѣйствія мелкихъ земскихъ организацій, намѣчается земскій начальникъ, какъ органъ чисто административный, освобожденный отъ всѣхъ обя-

[1]) См. „Внутр. Обозр." въ № 2-мъ „Вѣстника Европы" за 1904 г., стр. 775.

занностей судебнаго характера. Къ этому же органу и къ подвѣдомственнымъ ему чинамъ общей и земской полиціи переходятъ прочія административныя обязанности крестьянскаго общественнаго управленія: по регистраціи населенія, паспортному дѣлу, воинской и военно-конской повинности. Въ качествѣ матеріальнаго права для крестьянъ, гражданскаго и уголовнаго, записка проектируетъ, соотвѣтственно пожеланіямъ преобладающаго большинства мѣстныхъ комитетовъ, обще-гражданскій и обще-уголовный законъ. Обще-гражданскій законъ, однако, не предусматриваетъ условій уравнительнаго пользованія полевою землей; съ другой стороны, нѣкоторое изъятіе изъ обще-гражданскаго права необходимо въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительно существуютъ нормы обычнаго права, отличающагося отъ нормъ общаго (преимущественно въ наслѣдственномъ правѣ, какъ указывается въ средѣ комитетовъ). Такими частичными и временными исключеніями отнюдь не нарушается тотъ основной принципъ объединенія всего населенія однимъ гражданскимъ закономъ, который долженъ быть въ виду при пересмотрѣ каждаго законодательнаго опредѣленія, касающагося крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы обычай былъ дѣйствительно источникомъ права, а не источникомъ произвола, совершенно необходимо, во-первыхъ, точно опредѣлить въ законѣ случаи и условія примѣненія обычая; во-вторыхъ, подвергнуть его всестороннему изслѣдованію, и впослѣдствіи, если это изслѣдованіе дастъ что-либо положительное, ввести необходимѣйшія нормы обычнаго права въ законъ. Записка стоитъ, однако, за сохраненіе тѣхъ особенностей сословнаго строя, которыя необходимы для пользы самого крестьянства и всего государства. Къ числу такихъ особенностей принадлежатъ: союзы для завѣдыванія надѣльными землями, состоящими въ общинномъ и общемъ владѣніи; сословная замкнутость надѣльныхъ земель и неотвѣтственность ихъ по долгамъ владѣльцевъ; особый доступный для крестьянъ порядокъ размежеванія и судебнаго межевого разбирательства; особое охранительное судопроизводство и нотаріальный порядокъ, имѣющіе цѣлью обезпечить крестьянамъ укрѣпленіе правъ на надѣльную недвижимость; сословная организація поземельнаго кредита, въ видѣ крестьянскаго банка; сословный порядокъ заселенія свободныхъ казенныхъ земель; сословныя особенности въ порядкѣ арендованія казенныхъ земель и въ договорныхъ отношеніяхъ съ казной; наконецъ, нѣкоторыя сословныя отличія по государственной службѣ. Въ заключеніе записки высказывается убѣжденіе, что всякая работа, „которая имѣла бы въ виду развитіе сословной обособленности крестьянъ, которая расширила бы, напримѣръ, компетенцію чисто-сословнаго суда и управленія и стремилась бы нормировать частныя правовыя отношенія крестьянъ и уголовную

ихъ отвѣтственность въ иномъ порядкѣ, инымъ положительнымъ правомъ, чѣмъ существующія для прочихъ сословій,—всякая такая работа не отвѣчала бы дѣйствительнымъ нуждамъ страны, указаннымъ мѣстными комитетами, противорѣчила бы основнымъ началамъ той освободительной реформы, которая устранила наиболѣе серьезныя правовыя отличія крестьянъ отъ прочихъ сословій, и тѣмъ самымъ оказалась бы несогласованной съ предуказаніями Его Императорскаго Величества".

Нѣтъ надобности объяснять, какъ важно проведеніе въ жизнь бо̀льшей части преобразованій, намѣчаемыхъ въ запискѣ С. Ю. Витте. Они во многомъ совпадаютъ съ программой, защищаемой, въ теченіе многихъ лѣтъ или даже десятилѣтій, передовыми земскими дѣятелями и прогрессивной печатью—программой, къ которой примкнуло, въ 1902-мъ году, большинство мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. С. Ю. Витте стоитъ за устройство всесословнаго сельскаго общества, всесословной волости, нормально организованной низшей судебной инстанціи, допускаетъ ссылку на обычай (пока все, что̀ есть въ немъ цѣннаго, не введено въ общее гражданское законодательство), рекомендуетъ отмѣну соединенія властей судебной и административной и правильную постановку низшихъ органовъ администраціи. Осуществленіе всѣхъ этихъ мѣръ значительно подвинуло бы впередъ разрѣшеніе, въ смыслѣ благопріятномъ для народа, одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашей внутренней жизни. Стушевалась бы, въ значительной степени, демаркаціонная черта, отдѣляющая народную массу отъ привилегированнаго меньшинства; поколебалось бы въ самой своей основѣ завѣщанное крѣпостной эпохой понятіе о „низшемъ родѣ людей", нуждающемся въ „властной рукѣ" и въ постоянной опекѣ. Слабую сторону записки С. Ю. Витте составляетъ, въ нашихъ глазахъ, сословный характеръ, безъ достаточнаго основанія придаваемый ею нѣкоторымъ чертамъ сельскаго быта. Почему, напримѣръ, особо доступный порядокъ размежеванія и судебно-межевого разбирательства долженъ быть созданъ для однихъ только крестьянъ, а не для всѣхъ мелкихъ землевладѣльцевъ? Зачѣмъ ограничивать сословными рамками сферу дѣйствія упрощеннаго нотаріальнаго порядка, одинаково желательнаго для всѣхъ малоцѣнныхъ поземельныхъ сдѣлокъ? Есть ли основаніе обусловливать право на полученіе ссуды изъ крестьянскаго банка, на льготы по переселенію и по арендованію казенныхъ земель, такимъ формальнымъ признакомъ, какъ принадлежность къ крестьянскому сословію? Не лучше ли было бы признать это право за всѣми вообще профессіональными земледѣльцами, недостаточно обезпеченными собственною землею? Не пора ли сдѣлать государственную службу равно доступною для лицъ всѣхъ сословій, сообразуясь только съ степенью ихъ образованія? Что̀

мѣшаетъ регулировать общинное землевладѣніе общимъ гражданскимъ закономъ, одинаково ко всѣмъ примѣнимымъ?.. Сомнѣніе можетъ возникнуть только относительно неотчуждаемости надѣльныхъ земель; но если она и будетъ удержана въ силѣ, основаніе къ тому можетъ быть найдено въ исторіи надѣльныхъ земель, а не въ принадлежности ихъ владѣльцевъ къ крестьянскому сословію... Далеко не безразличнымъ для дальнѣйшаго движенія крестьянскаго вопроса будетъ, во всякомъ случаѣ, заключеніе, къ которому придетъ Особое Совѣщаніе. Между членами послѣдняго есть сторонники взглядовъ редакціонной коммиссіи (напр. г. Стишинскій, руководившій ея трудами), но есть и ихъ противники (напр. г. Кутлеръ, вновь назначенный товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, и сенаторъ Г. А. Евреиновъ, извѣстный нашимъ читателямъ авторъ брошюры о крестьянскомъ вопросѣ). Къ различнымъ, даже противоположнымъ направленіямъ принадлежатъ и лица, приглашенныя къ участію въ Особомъ Совѣщаніи съ правомъ совѣщательнаго голоса. За проекты редакціонной коммиссіи будетъ стоять, безъ сомнѣнія, управляющій земскимъ отдѣломъ, г. Гурко; столь же несомнѣнно противодѣйствіе, которое они встрѣтятъ со стороны А. С. Посникова и Н. А. Каблукова. Какъ бы, впрочемъ, ни отнеслось къ спорнымъ вопросамъ Особое Совѣщаніе, его сужденія не будутъ имѣть того авторитетнаго характера, который принадлежалъ бы голосу выборныхъ представителей земства или всего русскаго народа.

Въ пользу записки С. Ю. Витте говоритъ, между прочимъ, тревога, возбужденная ею въ реакціонной печати. Расшаркиваясь, въ почтительныхъ, даже восторженныхъ фразахъ, передъ авторомъ записки, редакторъ „Гражданина“ очевидно смущенъ ея содержаніемъ. Ему казалось, что крестьянскій вопросъ, благодаря иниціативѣ покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ и трудамъ редакціонной коммиссіи, „наконецъ, послѣ долгихъ странствованій, дошелъ до пристани, въ которой найдетъ разрѣшеніе“. И вотъ, изъ этой пристани его опять вытолкнули“ два *событія*: назначеніе г. Кутлера на мѣсто г. Стишинскаго и записка С. Ю. Витте, переносящая все дѣло на обсужденіе Особаго Совѣщанія (теперь къ двумъ событіямъ присоединилось еще третье, самое важное — указъ 12-го декабря). Намъ кажется, что еслибы и не случилось никакихъ „событій“, еслибы побѣда осталась на сторонѣ стремленій, такъ ярко выразившихся въ трудахъ редакціонной коммиссіи, объ окончательномъ ихъ торжествѣ все-таки не могло бы быть и рѣчи: новыя преграды на ихъ пути немедленно создала бы самая жизнь. Слишкомъ велико противорѣчіе между духомъ времени, сближающимъ различныя группы населенія, соединяющимъ ихъ въ общей культурной и освободительной работѣ—и узкой тенден-

ціей, усиливающейся поддержать падающія перегородки, остановить развитіе новыхъ силъ, сохранить длинный рядъ ненужныхъ стѣсненій. „Мирная пристань“, въ которую редакціонная коммиссія пыталась ввести крестьянскій вопросъ, оказалась бы для него эоловой пещерой; рано или поздно онъ былъ бы выброшенъ оттуда въ открытое море, и разрѣшать его вновь пришлось бы при условіяхъ болѣе сложныхъ и болѣе трудныхъ, чѣмъ существующія въ настоящее время.

Въ минорномъ тонѣ написана и статья „Московскихъ Вѣдомостей“, полная трепета въ виду опасности, въ которой неожиданно очутилась „сословность“. „Сохраненіе сословнаго строя — восклицаетъ газета г. Грингмута—означаетъ сохраненіе всего того, что для сословія необходимо въ цѣляхъ его жизни своимъ сословнымъ духомъ“. Мѣры, предлагаемыя С. Ю. Витте, приведутъ къ тому, что „болѣе культурные элементы передѣлаютъ крестьянъ по своему подобію, посредствомъ учрежденій общественнаго благоустройства, суда и полиціи, ими (т.-е. культурными элементами) направляемыхъ“. Крайнее огорченіе заставляетъ, очевидно, забывать самыя простыя вещи. Въ „учрежденіяхъ общественнаго благоустройства“, т.-е. въ земствѣ, крестьяне давно уже участвуютъ вмѣстѣ съ болѣе культурными элементами—и все-таки сохраняютъ тѣ особенности, которыя обусловливаются внѣшней обстановкой, занятіями и образомъ жизни. Еще меньше можетъ влiять на эти особенности полиція, и теперь въ значительной степени общая для крестьянъ и для другихъ сословій, да въ добавокъ очень мало проникнутая болѣе культурными элементами. Волостной судъ, подвластный земскимъ начальникамъ, подвѣдомственный уѣздному съѣзду, больше по имени, чѣмъ на самомъ дѣлѣ является судомъ спеціально-крестьянскимъ. Весь внѣшній укладъ сельскаго быта, задерживая духовное и матеріальное благосостояніе населенія, охраняетъ, въ сущности, только то, что вовсе не заслуживаетъ охраненія—произволъ однихъ, забитость другихъ, отсутствіе ясныхъ понятій объ обязанности и правѣ. Крестьянство подчиняется не внушеніямъ какого-то „сословнаго духа“, а требованіямъ посторонней силы—или завѣтамъ старины, давно утратившей всякое жизненное значеніе. Для борьбы съ вліяніями, проникающими въ деревню изъ городовъ, изъ фабрикъ, безсильны „внутреннія таможни“, безсильны запрещенія; необходимъ такой подъемъ умственныхъ и нравственныхъ силъ деревни, который позволилъ бы ей самой, усвоивъ всѣ лучшія стороны культуры, отбросить ея болѣзненные наросты.

Систематически игнорируя опроверженія, реакціонная печать продолжаетъ твердить на всѣ лады старую пѣсню о преимуществахъ, которыя сословная обособленность предоставляетъ самимъ крестья-

намъ, о потеряхъ, съ которыми была бы сопряжена для нихъ ея отмѣна. Въ новѣйшей варіаціи на эту тему—въ статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, озаглавленной: „Наши народолюбцы и ихъ прислужники“, —проводится мысль, что крестьяне вовсе не жаждутъ навязываемой имъ „жизни по X-му тому Свода законовъ“, не жаждутъ уже потому, что она положила бы конецъ чрезвычайно важнымъ льготамъ, ограждающимъ неприкосновенность большей части крестьянскаго имущества. Не говоря уже о томъ, что „жизнь по Своду законовъ гражданскихъ“ вовсе не составляетъ существенной, необходимой части освободительной программы, допускающей и дальнѣйшее дѣйствіе обычаевъ, и включеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ новое гражданское уложеніе,—совершенно невѣрно утвержденіе, что изъятія изъ принудительной продажи установлены только въ пользу крестьянъ. Въ ст. 973, 974 и 975 уст. гражд. судопр. перечисленъ цѣлый рядъ ограниченій, имѣющихъ одинаковую силу для лицъ всѣхъ сословій и распространяющихся не только на „кровать, пару платья и бѣлья“, но и на многое другое (посуду, жизненные припасы, дрова, иконы, а условно — на земледѣльческія орудія, инструменты, рабочій и домашній скотъ, запасы зернового хлѣба, сѣна, соломы и т. п.). Пун. 10-ый ст. 973-ей, относящійся къ движимости, необходимой въ крестьянскомъ хозяйствѣ, остался бы въ силѣ, безъ сомнѣнія, и послѣ отмѣны сословной обособленности крестьянъ; подъ дѣйствіе его были бы, по всей вѣроятности, подведены всѣ сельскіе обыватели, живущіе земледѣльческимъ промысломъ. Неприкосновеннымъ могло бы быть признано и право на усадебную осѣдлость, т.-е. на извѣстный минимумъ земельнаго владѣнія, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось. Всѣ льготы этого рода, которыми теперь пользуются крестьяне, предоставлены имъ не вслѣдствіе принадлежности ихъ къ извѣстному сословію, а по соображеніямъ болѣе общаго характера. Государство заинтересовано въ томъ, чтобы масса населенія сохраняла за собою обезпечивающій ее, до извѣстной степени, земельный фондъ и фактическую возможность пользованія землею.

Разсматривая одинъ за другимъ, въ длинномъ рядѣ обозрѣній [1], законопроекты, составленные редакціонною коммиссіею, мы старались показать, что несостоятельность началъ, изъ которыхъ онѣ исходятъ, привела—и не могла не привести—къ крайне неудовлетворительнымъ результатамъ. Вполнѣ примѣнимъ этотъ выводъ и къ сельскому уставу о наслѣдованіи, представляющему собою, вмѣстѣ съ сельскимъ уставомъ о договорахъ, тотъ спеціально-крестьянскій гражданскій

[1] Въ №№ 2, 7, 10, 11 и 12 „Вѣстника Европы“ за 1904 г.

кодексъ, который коммиссія задумала поставить рядомъ съ общегражданскимъ законодательствомъ. Коммиссія находитъ, что въ такой двойственности „нѣтъ ничего неблагопріятнаго, ни даже ненормальнаго“: законы гражданскіе „должны быть сообразованы съ потребностями, *въ данное время, той среды*, для коей они издаются, и съ господствующими въ ней *въ это время* правовыми воззрѣніями, насколько послѣднія не противорѣчатъ основнымъ задачамъ государства... Различные по существу, взгляды *отдѣльныхъ классовъ населенія* имперіи на наслѣдованіе должны отражаться на существѣ установляемыхъ для нихъ законодательныхъ правилъ по сему предмету“. Изъ этихъ соображеній, если бы они были основательны, вытекала бы, съ одной стороны, необходимость особыхъ гражданскихъ законовъ для *каждаго* класса населенія, съ другой—крайняя неустойчивость гражданскаго законодательства, какъ подлежащаго приспособленію къ потребностямъ и взглядамъ *даннаго времени*. Издать столько кодексовъ, сколько сословій или соціальныхъ классовъ, редакціонная коммиссія, однако, не предлагаетъ: установивъ общее начало, она примѣняетъ его только къ крестьянству, какъ къ наиболѣе удобному объекту для законодательныхъ экспериментовъ. Не замѣчаетъ она, повидимому, и того, что именно гражданскіе законы всего медленнѣе, всего труднѣе поддаются измѣненію. Составители ихъ должны имѣть въ виду не только настоящее, но и будущее, должны считаться съ потребностями и взглядами не только укоренившимися, но и нарождающимися, пролагающими себѣ дорогу. Гражданское законодательство представляетъ собою не только результатъ, но и источникъ вліяній; оно не только отражаетъ въ себѣ существующее—оно является однимъ изъ двигателей жизни, однимъ изъ носителей новизны, измѣняющей ея складъ и ея теченіе. Элементовъ разъединяющихъ и задерживающихъ и безъ того много: ихъ число не должно быть искусственно увеличиваемо. Между тѣмъ, именно къ такому увеличенію ведетъ закрѣпленіе, спеціальнымъ закономъ, сословныхъ, мѣстныхъ обычаевъ—закрѣпленіе, въ основаніи котораго лежитъ, притомъ, не столько доказанное, сколько предполагаемое ихъ существованіе. Русское обычное право слишкомъ мало извѣстно, слишкомъ мало и слишкомъ рѣдко служило предметомъ научнаго изслѣдованія; достовѣрнаго матеріала редакціонная коммиссія для своего кодекса въ немъ найти не могла. Отсюда внутреннее противорѣчіе: рядомъ съ уставомъ, построеннымъ, будто бы, на дѣйствующихъ обычаяхъ, редакціонная коммиссія оставляетъ, какъ *главный источникъ* судебныхъ рѣшеній, другіе, можетъ быть противоположные обычаи, если существованіе ихъ въ данной мѣстности будетъ установлено (весьма шаткими, мало надежными способами) мѣстнымъ волостнымъ судомъ. Гораздо

послѣдовательнѣе поступили составители проекта гражданскаго уложенія, прямо признавъ мѣстный обычай единственнымъ основаніемъ для опредѣленія порядка наслѣдованія послѣ крестьянъ (за исключеніемъ городскихъ недвижимостей, а также имуществъ болѣе цѣнныхъ).

Посмотримъ теперь, къ чему привело бы одновременное дѣйствіе новаго гражданскаго уложенія и сельскаго устава о наслѣдованіи. Уложеніе предоставляетъ женщинамъ, какъ въ линіяхъ нисходящей и восходящей, такъ и въ боковыхъ, право наслѣдованія равное съ мужчинами; уставъ устраняетъ отъ наслѣдства дочерей—при сыновьяхъ [1]), мать—при отцѣ, сестеръ — при братьяхъ. Громадный шагъ впередъ, намѣченный уложеніемъ, не коснулся бы, такимъ образомъ, большинства крестьянъ,—а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ обычай уравниваетъ женщинъ съ мужчинами, совершился бы даже шагъ назадъ, такъ какъ опредѣленный, ясный уставъ въ бо́льшей части случаевъ взялъ бы верхъ надъ колеблющимся, нелегко поддающимся опредѣленію обычаемъ.—Уложеніе не дѣлаетъ различія между наслѣдованіемъ послѣ отца и наслѣдованіемъ послѣ матери; уставъ, вовсе устраняя дочерей отъ наслѣдованія послѣ отца, допускаетъ ихъ, наравнѣ съ сыновьями, къ наслѣдованію послѣ матери, а такъ называемое платное ея приданое (наряды, платья, бѣлье, холсты, утварь) предоставляетъ даже однѣмъ дочерямъ. Мотивируется такой порядокъ исключительно ссылкою на существующіе обычаи, хотя они и оказываются весьма разнообразными; коммиссія старалась найти средину между крайностями, взаимно исключающими одна другую.—Уложеніе не различаетъ дочерей замужнихъ отъ незамужнихъ; уставъ допускаетъ первыхъ къ наслѣдованію лишь при отстутствіи послѣднихъ, хотя бы выходъ замужъ и не сопровождался выдѣломъ части отцовскаго имущества. Въ другихъ случаяхъ уставъ придаетъ большое значеніе факту выдѣла, между тѣмъ какъ уложеніе вовсе не знаетъ различія между дѣтьми отдѣленными и неотдѣленными. Уложеніе ставитъ родителей, какъ наслѣдниковъ, выше братьевъ и сестеръ наслѣдодателя; уставъ даетъ братьямъ предпочтеніе передъ матерью. Право наслѣдованія супруговъ, по уложенію зависящее единственно отъ наличности другихъ наслѣдниковъ (того или иного разряда), въ проектѣ коммиссіи обставлено разнообразными условіями, открывающими широкій просторъ усмотрѣнію суда. Мало похожи на законъ правила вродѣ слѣдующихъ: „волостному суду предоставляется право опредѣлить долю мужа въ зависимости отъ бо́льшей или ме́ньшей продолжительности брачнаго сожитія... Въ случаѣ непродолжительнаго брачнаго сожитія съ наслѣдодателемъ вдова (бездѣтная) получаетъ

[1]) Объ исключеніи изъ этого правила будетъ упомянуто ниже.

только нѣкоторые предметы въ память о мужѣ, какъ-то образъ, обручальное кольцо, постель *и т. п.*" Этой послѣдней прибавкой характеризуются какъ нельзя ярче кодификаціонные пріемы коммиссіи: ей, очевидно, не подъ силу законодательная работа, требующая прежде всего опредѣленности и точности выраженій. Столь же мало соотвѣтствуютъ этому требованію и многія другія постановленія проекта. Такъ напримѣръ, по ст. 36-ой „вдова имѣетъ право требовать отъ свекра, *если жизнь въ его семьѣ для нея невыносима*, выдачи достаточнаго для пропитанія содержанія"; по ст. 37-ой „братья обязаны *имѣть попеченіе* о своихъ сестрахъ и *выдавать ихъ замужъ, прилично, по ихъ состоянію*". Желательно было бы знать, возможно ли, по мнѣнію коммиссіи, предъявленіе иска, основаннаго на нарушеніи братомъ *обязанности* выдать замужъ свою сестру, и если возможно, то съ какого момента возникаетъ право на искъ? Другими словами, съ какого момента крестьянская дѣвушка можетъ считаться утратившею надежду на замужство? При какихъ условіяхъ замужство можетъ считаться *приличнымъ*? При какихъ условіяхъ дальнѣйшее пребываніе вдовы въ семьѣ свекра можетъ считаться *невыносимымъ*?.. Такіе вопросы проектъ возбуждаетъ на каждомъ шагу—а разрѣшеніе ихъ ввѣряется волостному суду, не представляющему ни одной серьезной гарантіи правосудія.

Не выдерживаетъ критики и бо̀льшая часть постановленій о духовныхъ завѣщаніяхъ, насколько они отступаютъ отъ общихъ правилъ по этому предмету. Допуская устное объявленіе послѣдней воли, если *вскорѣ* (опять полнѣйшая неопредѣленность) послѣдовала смерть завѣщателя, проектъ лишаетъ это правило всякаго значенія, потому что ограничиваетъ силу устнаго завѣщанія *распредѣленіемъ* наслѣдственнаго имущества, безъ измѣненія доли, причитающейся каждому изъ наслѣдниковъ на основаніи устава. На завѣщателя, близкаго къ смерти, возлагается, такимъ образомъ, едва ли осуществимая для него обязанность сообразить, соотвѣтствуетъ ли цѣнность имущества, назначаемаго имъ тому или другому изъ наслѣдниковъ, цѣнности той наслѣдственной доли, на которую этотъ наслѣдникъ имѣетъ законное право. Немного нашлось бы устныхъ завѣщательныхъ распоряженій, которыя, съ этой точки зрѣнія, не подавали бы поводъ къ основательному спору. *Такому* разрѣшенію словеснаго завѣщанія слѣдуетъ предпочесть безусловное его запрещеніе, установляемое дѣйствующимъ закономъ и повторяемое проектомъ гражданскаго уложенія... Завѣщаніемъ, облеченнымъ въ письменную форму, можно, по сельскому уставу, совершенно устранить любого изъ родныхъ дѣтей отъ наслѣдованія въ движимомъ имуществѣ (если оно не входитъ въ составъ принадлежностей недвижимости или хозяйства); между тѣмъ,

гражданское уложеніе обезпечиваетъ за каждымъ нисходящимъ обязательную долю во всемъ отцовскомъ или материнскомъ наслѣдствѣ, допуская исключеніе изъ этого правила только въ особыхъ, точно указанныхъ случаяхъ. За силою устава, письменное завѣщаніе во всякомъ случаѣ должно быть удостовѣрено двумя свидѣтелями (непремѣнно грамотными); уложеніе не требуетъ такого удостовѣренія, если завѣщаніе все собственноручно написано и подписано самимъ завѣщателемъ. Казалось бы, что особенно необходима такая льгота именно для сельскихъ мѣстностей, гдѣ сравнительно мало грамотныхъ людей. Безъ надобности строгій въ данномъ случаѣ, уставъ является чрезмѣрно снисходительнымъ въ другомъ: онъ приравниваетъ завѣщанія, внесенныя въ книгу сдѣлокъ и договоровъ при волостномъ правленіи, къ завѣщаніямъ, совершеннымъ въ нотаріальномъ порядкѣ. Такова ли репутація волостныхъ правленій, чтобы можно было облекать ихъ столь высокою степенью довѣрія?... Замѣтимъ, въ заключеніе, что въ уставъ не включены гуманныя постановленія уложенія о внѣбрачныхъ дѣтяхъ, хотя именно въ крестьянскомъ быту меньше распространены взгляды, неблагопріятные для незаконнорожденныхъ.

О движеніи другого вопроса, поставленнаго на очередь одновременно съ крестьянскимъ дѣломъ — вопроса о преобразованіи губернскаго управленія,—уже давно ничего не слышно. Быть можетъ, разрѣшеніе его отложено на неопредѣленное время; быть можетъ, признано необходимымъ измѣнить самыя основанія реформы. Исходной ея точкой, въ томъ видѣ, въ какомъ она была задумана при бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, служила предполагаемая недостаточность и неопредѣленность губернаторскихъ правъ; конечной цѣлью—такое усиленіе губернаторской власти, которое вновь сдѣлало бы губернатора *хозяиномъ* губерніи. Къ *отрицательнымъ* правамъ, принадлежащимъ губернатору по отношенію къ общественнымъ учрежденіямъ — т.-е. къ праву протеста, столь широко раздвинутому въ земскомъ положеніи 1890-го и городовомъ положеніи 1892-го года,—признавалось необходимымъ присоединить права *положительнаго* характера. Первымъ изъ нихъ являлось право требовать исполненія городомъ или земствомъ обязательныхъ для нихъ повинностей, съ назначеніемъ для того опредѣленнаго срока, по истеченіи котораго губернаторъ получалъ бы возможность дѣйствовать своею властью, за земскій или городской счетъ. Это право, въ нѣсколько менѣе рѣшительной формулировкѣ, принадлежало губернатору при дѣйствіи прежнихъ положеній земскаго (1864-го года) и городового (1870-го года). Чѣмъ объяснить, что оно не было закрѣплено за нимъ положеніями 1890 и 1892 гг.,

гораздо менѣе ограждающими самостоятельность общественныхъ учрежденій, значительно усиливающими зависимость ихъ отъ губернатора? Очевидно — только тѣмъ, что въ пользованіи такимъ правомъ не встрѣчалось надобности: постановленія, къ нему относившіяся, на практикѣ оказались мертвой буквой и, какъ излишнія, не были включены въ новую редакцію положеній. Съ тѣхъ поръ ничто, повидимому, не измѣнилось; нѣтъ новыхъ обстоятельствъ, которыя доказывали бы необходимость возвращенія къ старому порядку. Наоборотъ, уменьшеніе числа обязательныхъ повинностей, лежащихъ на земствѣ, уменьшило число поводовъ къ активному вмѣшательству администраціи въ земское дѣло. Возстановленіе антиквированнаго права было бы, поэтому, не чѣмъ инымъ, какъ демонстраціей противъ земскаго и городского самоуправленія, напоминаніемъ, что выше него стоитъ облеченная чрезвычайными полномочіями власть *начальника* губерніи [1]). Вполнѣ „положительнымъ“ орудіемъ въ рукахъ губернатора можетъ служить принадлежащее ему и теперь право обращаться къ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ съ предложеніями, обсужденіе которыхъ для нихъ обязательно. Губернаторъ можетъ, такимъ образомъ, идти рука объ руку съ городомъ или земствомъ—и достигать, дѣйствуя *вмѣстѣ съ ними*, гораздо бóльшаго, чѣмъ дѣйствуя *противъ нихъ*... Гарантія противъ необдуманнаго, недостаточно обоснованнаго пользованія проектируемымъ правомъ усматривалась въ контролѣ губернскаго совѣта и министерства внутреннихъ дѣлъ: губернскому совѣту предоставлялось предварительное обсужденіе требованій, обращаемыхъ къ городу или земству, а министерству внутреннихъ дѣлъ—наблюденіе за ихъ исполненіемъ. Трудно допустить, чтобы министерство рѣшилось отмѣнить требованіе, уже приводимое въ исполненіе: это шло бы въ разрѣзъ съ обычнымъ охраненіемъ „престижа“ губернаторской власти. Возможнымъ, но очень мало вѣроятнымъ представлялся бы отпоръ со стороны губернскаго совѣта, въ составъ котораго предполагалось ввести, кромѣ предсѣдателя-губернатора, *девять* должностныхъ лицъ и только *шесть* представителей общественныхъ учрежденій (въ томъ числѣ двухъ, до извѣстной степени подчиненныхъ губернатору: предсѣдателя губернской земской управы и городского голову губернскаго города)... Еще болѣе возраженій возбуждаетъ другое право, которымъ предполагалось облечь губернатора: право требовать снятія съ очереди обсужденія въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ вопросовъ, признаваемыхъ губернаторомъ неудобными съ точки зрѣнія порядка управленія. Такихъ вопросовъ нѣтъ: что̀ бы ни обсуждалось

[1]) Право администраціи, въ лицѣ градоначальника, дѣйствовать за счетъ города, включено въ изданное при В. К. Плеве положеніе объ общественномъ управленіи города С.-Петербурга (первое прилож. къ ст. 122, прим., пун. 12-ый).

въ земскомъ собраніи или городской думѣ, порядокъ управленія отъ этого пострадать не можетъ. „Неудобнымъ“ то или иное предложеніе можетъ быть для самого губернатора или для другихъ органовъ губернскаго управленія—но такое „неудобство“, не говоря уже о крайней неопредѣленности и растяжимости самаго понятія, не должно вести къ стѣсненію и безъ того уже крайне ограниченной свободы дѣйствій земскаго и городского самоуправленія. Для устраненія противозаконныхъ предложеній болѣе чѣмъ достаточна власть предсѣдателя собранія, съ достоинствомъ котораго несовмѣстима отдача подъ административную опеку. Разсчитывать на „тактъ“ лица, облеченнаго дискреціонною властью, всегда рискованно и опасно: гдѣ нѣтъ преградъ для увлеченія, тамъ оно не только вѣроятно, но почти неизбѣжно—а нельзя же считать преградой обязанность сообщать министерству внутреннихъ дѣлъ о совершившемся фактѣ. Пользованіе вторымъ изъ двухъ новыхъ правъ губернатора не предполагалось стѣснять даже предварительнымъ разсмотрѣніемъ дѣла въ губернскомъ совѣтѣ.

По поводу помѣщеннаго у насъ (ноябрь 1904 г.) обзора послѣдней сессіи уѣздныхъ земскихъ собраній, на основаніи извѣстій, встрѣченныхъ нами въ газетахъ, Н. А. Зиновьевъ обратился къ редактору журнала съ слѣдующимъ письмомъ, отъ 8 декабря:

„М. Г. Возвратясь, на этихъ дняхъ, послѣ мѣсячнаго отсутствія, въ Петербургъ, я прочелъ на стр. 360 ноябрьскаго номера вашего журнала указаніе на невѣрное, будто бы, изложеніе въ моемъ отчетѣ по ревизіи земскихъ учрежденій Московской губерніи, факта совмѣстнаго помѣщенія мущинъ и женщинъ, усмотрѣннаго дѣйствительно въ Золотовской больницѣ Бронницкаго уѣзда. Въ отвѣтъ на это считаю долгомъ сообщить, что въ одной изъ палатъ этой больницы дѣйствительно усмотрѣно такое совмѣщеніе скарлатинозныхъ больныхъ, но ихъ было не трое, а четверо, именно: дѣвушка, судя по виду, лѣтъ 14, двое ея братьевъ и посторонній мущина, какъ это подробно объяснено въ т. II, стр. 42 моего отчета. Не сомнѣваюсь, что данный случай вызванъ былъ недостаткомъ помѣщенія, но такой недостатокъ и является результатомъ увлеченія павильонной системой, которая для маленькихъ больницъ страшно удорожаетъ постройку и слѣдовательно сокращаетъ число кроватей.

„Что касается до сообщенія или публикованія моего отчета, то я противъ него, въ настоящее время, ничего не имѣю, такъ какъ, если можно оспаривать мои выводы, то, съ другой стороны, я увѣренъ, что всѣ, помѣщенные въ немъ факты изложены совершенно правильно,

такъ какъ они тщательно провѣрялись. Въ настоящее время такое опубликованіе отъ меня впрочемъ не зависитъ".

Нашъ судебный міръ понесъ тяжелую, трудно вознаградимую потерю. 6-го декабря скончался А. А. Книримъ, почти полвѣка трудившійся неутомимо и надъ развитіемъ нашего гражданскаго законодательства, и надъ примѣненіемъ его къ жизни. Быстро выдвинувшись изъ ряда, доказавъ свою работоспособность исполненіемъ серьезныхъ порученій, возлагавшихся на него министерствомъ юстиціи, А. А. былъ призванъ къ участію въ коммиссіи, подготовлявшей судебную реформу, и сталъ, рядомъ съ С. И. Заруднымъ, главнымъ дѣятелемъ отдѣла, составлявшаго уставъ гражданскаго судопроизводства. Не менѣе выдающуюся роль онъ игралъ впослѣдствіи и какъ оберъ-прокуроръ гражданскаго кассаціоннаго департамента Сената, и какъ сенаторъ. Онъ вносилъ въ совѣщанія департамента бездну разнообразныхъ знаній, глубокое изученіе очередныхъ дѣлъ, тонкій юридическій анализъ и необыкновенное діалектическое искусство, не претендовавшее на внѣшній блескъ, но освѣщавшее ровнымъ свѣтомъ всѣ извилины спорнаго вопроса. Посѣщать засѣданія Сената онъ не переставалъ и тогда, когда началось составленіе новаго гражданскаго уложенія. Въ коммиссіи, учрежденной съ этою цѣлью, А. А. — сначала въ качествѣ товарища предсѣдателя, потомъ предсѣдателя,—сразу занялъ и долго сохранялъ первое мѣсто, руководя работой и входя во всѣ ея детали. Назначеніе его членомъ Государственнаго Совѣта, состоявшееся въ началѣ 1901-го года, должно было открыть передъ нимъ еще болѣе широкое поприще. Къ несчастію не только для него самого, но и для учрежденія, въ рядахъ котораго немного найдется силъ, ему равныхъ, его вскорѣ постигла тяжкая болѣзнь. Онъ продолжалъ, до самаго конца, принимать къ сердцу все происходившее вокругъ него, но не могъ уже отзываться активно на запросы жизни. На юридическомъ обществѣ, которому онъ посвятилъ массу труда, лежитъ обязанность показать, кого, въ его лицѣ, лишилась Россія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1905 (19 декабря 1904 г.).

Политическія событія истекшаго года.—Русско-японская война.—Ходъ военныхъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ.—Печальная судьба нашего флота.—Балтійская эскадра и патріотическія разъясненія капитана Кладо. — Настроеніе въ Японіи и японскій парламентъ.—Политическія дѣла въ западной Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ.

Политическая жизнь не только Россіи, но и всего культурнаго міра въ теченіе послѣдняго года находилась подъ гнетомъ тяжелой и жестокой русско-японской войны. Какимъ образомъ мы втянулись въ эту мучительную исторію, при оффиціальномъ миролюбіи нашей политики,—остается до сихъ поръ неяснымъ для нашего общества. Извѣстно только, что мы вовсе не желали войны и не готовились къ ней, а разсчитывали удержать за собою Манчжурію и пріобрѣсть фактическое преобладаніе въ Кореѣ при помощи одного лишь дипломатическаго искусства, опираясь на установившійся авторитетъ Россіи и на ея репутацію могущества и величія въ глазахъ азіатскихъ народовъ. Оказалось, что наше поступательное движеніе на Дальнемъ Востокѣ столкнулось съ національными интересами Японіи и было сочтено за угрозу самому существованію этой имперіи, какъ независимой великой державы. Японское правительство и японская нація не могли намъ простить того, что мы заставили ихъ въ 1895 году отдать обратно Китаю завоеванный ими Портъ-Артуръ, во имя принципа территоріальной неприкосновенности Китая, а потомъ сами же заняли этотъ важный пунктъ, вмѣстѣ съ Квантунскимъ полуостровомъ, пользуясь слабостью и ничтожествомъ правительства богдыхана. Японцы особенно раздражались также нашими попытками водвориться въ сѣверной Кореѣ, на берегахъ рѣки Ялу, и получить право голоса въ управленіи страною, служившею издавна яблокомъ раздора между Японіею и Китаемъ. Изъ-за Кореи японцы еще недавно вели побѣдоносную войну, и они искренно негодовали на насъ за то, что мы, будто бы, собираемся вытѣснить ихъ и оттуда. Наконецъ, Японія усматривала великую для себя опасность въ дальнѣйшей русской оккупаціи Манчжуріи, которую мы, впрочемъ, сами обязывались очистить къ извѣстному сроку. Съ нашей стороны существовала, однако, твердая увѣренность, что токійское правительство, несмотря на свой союзъ съ Англіею, воздержится отъ серьезнаго конфликта съ Россіею и не по-

смѣетъ довести дѣло до вооруженнаго столкновенія,—и въ этомъ была наша роковая ошибка. Если національное настроеніе Японіи, свободно выражавшееся въ ея печати и въ парламентѣ, могло быть незамѣчено нами, то прямыя дѣйствія и заявленія ея оффиціальныхъ представителей, усиленныя военныя приготовленія японцевъ, ихъ дипломатическія требованія и предупрежденія—несомнѣнно входили въ кругъ обязательныхъ свѣдѣній нашихъ компетентныхъ властей, тѣмъ болѣе, что, кромѣ посольства въ Токіо, мы имѣли на Дальнемъ Востокѣ еще особаго намѣстника, уполномоченнаго слѣдить и за отношеніями и переговорами съ Японіею. Въ дѣйствительности у насъ ничего не знали и не предвидѣли, хотя имѣли полную къ тому возможность, и война разразилась надъ нами совершенно неожиданно. Недоразумѣніе упорно поддерживалось у насъ и послѣ формальнаго разрыва, объявленнаго 24 января: этотъ разрывъ почему-то не считался непремѣннымъ предвѣстникомъ войны и произвольно истолкованъ былъ въ смыслѣ временнаго прекращенія переговоровъ, безъ ущерба для мира,— хотя въ заключительномъ японскомъ сообщеніи, переданномъ нашему министру иностранныхъ дѣлъ, заявлялось прямо, что „императорское правительство Японіи оставляетъ за собою право прибѣгнуть, по своему усмотрѣнію, къ такимъ мѣрамъ, какія оно признаетъ необходимыми для укрѣпленія и защиты своего международнаго положенія, равно какъ и для охраны своихъ законныхъ правъ и интересовъ“. Еще три дня спустя, 27 января, наше правительство предупреждало въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, что оно „будетъ *выжидать* развитія событій и при первой же необходимости приметъ самыя рѣшительныя мѣры къ защитѣ своихъ правъ и интересовъ на Дальнемъ Востокѣ“,—и такое странное, неизвѣстно на чемъ основанное недоразумѣніе разсѣялось только по полученіи извѣстій о потопленіи „Варяга“ и „Корейца“ у гавани Чемульпо, 26 января, и о минной аттакѣ на русскій флотъ у Портъ-Артура. Поразительнѣе всего было то, что даже начальники нашихъ морскихъ вооруженныхъ силъ въ Тихомъ океанѣ, которые вовсе не обязаны были руководствоваться толкованіями и заключеніями дипломатіи, прониклись почему-то ея миролюбивымъ оптимизмомъ и не приняли никакихъ мѣръ предосторожности тотчасъ послѣ разрыва съ Японіею, вслѣдствіе чего сразу были выведены изъ строя лучшіе наши броненосцы, стоявшіе беззаботно на внѣшнемъ рейдѣ Портъ-Артура. Только послѣ этого „внезапнаго“, „коварнаго“ и „дерзкаго“ нападенія японцевъ у насъ повѣрили наконецъ, что Японія серьезно рѣшилась воевать съ Россіею.

Война началась при крайне трудныхъ и тягостныхъ для насъ обстоятельствахъ, о которыхъ нѣтъ надобности напоминать; но русское

общество, разочарованное первыми неудачами нашего флота, возлагало всѣ свои надежды на сухопутную армію, постепенно собиравшуюся въ Манчжуріи, и не сомнѣвалось въ успѣхѣ нашихъ войскъ при первой рѣшительной встрѣчѣ съ японцами на сушѣ. Намъ, однако, откровенно объявили заранѣе, что нужно запастись „терпѣніемъ", такъ какъ отсутствіе заблаговременной подготовки къ войнѣ „заставляетъ насъ употребить не мало времени для того, чтобы начать наносить Японіи такіе удары, которые соотвѣтствовали бы могуществу Россіи". Позднѣе, въ апрѣлѣ, наше министерство иностранныхъ дѣлъ выразило твердую рѣшимость устранить всякую мысль о мирномъ посредничествѣ и „не допустить вмѣшательства какой бы то ни было державы въ непосредственные переговоры, которые послѣдуютъ между Россіею и Японіею по окончаніи военныхъ дѣйствій для опредѣленія условій мира". Газеты предсказывали неминуемый разгромъ японской арміи, говорили о будущихъ подвигахъ нашего казачества и грозили заключить миръ не иначе какъ въ Токіо. Дѣйствительный ходъ войны совершенно не оправдалъ всѣхъ этихъ ожиданій и предположеній. Война продолжается уже одиннадцать мѣсяцевъ, и до сихъ поръ она имѣла вполнѣ односторонній характеръ. Первый періодъ ея, до половины августа, отличается тою особенностью, что мы постоянно отступали вслѣдствіе численнаго перевѣса непріятеля, и мало-по-малу у насъ настолько вошли во вкусъ этихъ отступленій, что стали открывать въ нихъ разныя великія преимущества и достоинства; — мы сами, какъ будто, старались находиться повсюду въ меньшинствѣ при столкновеніяхъ съ японцами, чтобы имѣть случай каждый разъ воочію доказывать превосходныя качества русскаго солдата. Высадившись въ Кореѣ и занявъ почти всю страну, японскія войска употребили болѣе двухъ мѣсяцевъ на приготовленія къ переходу черезъ рѣку Ялу; переходъ этотъ начался 13-го и закончился 17-го апрѣля, чему не могли помѣшать русскіе отряды, занимавшіе противоположный берегъ рѣки; а послѣ того какъ вся армія Куроки была уже на той сторонѣ, 18 апрѣля, небольшая часть нашихъ войскъ пыталась задержать ея наступленіе отчаянною битвою при Тюренченѣ, послѣ чего пришлось отступить съ потерею нѣкотораго количества орудій. Около 21 апрѣля началась высадка японцевъ въ окрестностяхъ Портъ-Артура, въ мелкомъ и неудобномъ для высадки мѣстѣ, у Бицзывоо, причемъ съ русской стороны не было сдѣлано никакой попытки сопротивленія, и высадка производилась въ теченіе двухъ дней вполнѣ безпрепятственно и благополучно, къ большому удивленію японскаго главнаго штаба. Послѣ жестокаго и продолжительнаго боя, японцы, 13 мая, завладѣли укрѣпленною линіею Цзинь-Чжоу-Таліенванъ, т.-е. узкимъ перешейкомъ, отдѣляющимъ Квантунъ отъ остальной

части Ляодунскаго полуострова; Портъ-Артуръ былъ отрѣзанъ отъ внѣшняго міра уже съ двадцатыхъ чиселъ апрѣля. Корпусъ барона Штакельберга, двинутый къ югу на выручку Портъ-Артура, потерпѣлъ неудачу при Вафангоу, 1—2 іюня, и вынужденъ былъ отступить обратно къ Лаояну, гдѣ сосредоточивались наши главныя силы съ самаго начала кампаніи. Затѣмъ, 11 іюля, мы очистили Дашичао, покинули Нючуанъ и чрезвычайно важную для японцевъ гавань Инкоу, обезпечившую имъ снабженіе всѣмъ необходимымъ съ моря. Въ концѣ іюля три японскія арміи, генераловъ Куроки, Оку и Нодзу, подъ общимъ руководствомъ маршала Ойямы, соединились для общаго наступленія на Лаоянъ; наши военныя силы успѣли уже настолько увеличиться къ тому времени, что численное превосходство перестало быть удѣломъ непріятеля въ Манчжуріи.

Между тѣмъ, положеніе наше на морѣ становилось все болѣе безнадежнымъ; 31 марта погибъ одинъ изъ сильнѣйшихъ нашихъ броненосцевъ, „Петропавловскъ", вмѣстѣ съ адмираломъ Макаровымъ и его штабомъ, а также съ случайно находившимся на кораблѣ знаменитымъ художникомъ В. В. Верещагинымъ; цѣлый рядъ японскихъ попытокъ заградить выходъ изъ гавани Портъ-Артура посредствомъ брандеровъ не имѣлъ успѣха, но наша эскадра была фактически заперта въ осажденной крѣпости, находясь подъ неустаннымъ наблюденіемъ могущественнаго флота адмирала Того. Послѣдняя попытка злополучной портъ-артурской эскадры прорваться въ открытое море, 28 іюля, окончилась полнымъ ея разгромомъ и гибелью адмирала Витгефта; часть судовъ разсѣялась или нашла убѣжище въ нейтральныхъ портахъ; остальные, и въ томъ числѣ пять могучихъ броненосцевъ, возвращены были адмираломъ княземъ Ухтомскимъ въ Портъ-Артуръ, гдѣ ихъ ожидала безплодная и жалкая агонія подъ выстрѣлами японскихъ батарей. Около того же времени, 1 іюля, потерпѣла пораженіе и небольшая владивостокская эскадра, пріобрѣвшая нѣкоторую славу удачными крейсерскими набѣгами въ Японскомъ морѣ и въ Тихомъ океанѣ. Нашъ тихоокеанскій флотъ, столь внушительный при началѣ войны, пересталъ существовать; онъ далъ себя уничтожить по частямъ, принеся себя въ жертву Портъ-Артуру, гдѣ остались снятыя съ судовъ морскія орудія. Портъ-Артуръ держался и держится съ замѣчательнымъ, истинно-героическимъ упорствомъ; искусная оборона этой крѣпости, руководимая генераломъ Стесселемъ, и особенно Фокомъ, Кондратенкомъ, Смирновымъ и Никитинымъ, обошлась чрезвычайно дорого японцамъ и опровергла всѣ ихъ первоначальные разсчеты, но она едва ли могла имѣть существенное вліяніе на общій результатъ войны.

Съ восьмидневной битвы при Лаоянѣ, 13—20 августа, начинается

второй періодъ кампаніи, когда наши послѣдовательныя отступленія вызываются уже не численнымъ перевѣсомъ непріятеля, а другими мотивами, зависящими отъ особой системы командованія. Хотя позиціи при Лаоянѣ были сильно укрѣплены и считались почти неприступными, тѣмъ не менѣе японцы завладѣли ими, и наша армія отошла къ сѣверу, не преслѣдуемая противникомъ; это отсутствіе преслѣдованія приписывалось уже необыкновенному искусству нашей мѣстной стратегіи. Послѣ мѣсячнаго перерыва командующій манчжурскою арміею издалъ извѣстный приказъ, отъ 19 сентября, о томъ, что настала пора идти впередъ и сокрушить непріятеля, опираясь на численное превосходство и подготовленность нашихъ силъ. Крайне упорное и кровопролитное сраженіе, разыгравшееся на цѣлыхъ десять дней, съ 26 сентября до 6 октября, въ окрестностяхъ станціи Янтай, близъ рѣки Шахэ, окончилось, однако, тѣмъ, что японцы продвинулись впередъ, и мы едва удержали за собою сѣверный берегъ рѣки, загородивъ непріятелю путь къ Мукдену. Опять произошла остановка въ военныхъ дѣйствіяхъ на два или на три мѣсяца; обѣ огромныя арміи засѣли въ своихъ окопахъ и землянкахъ, страдая отъ холода и ненастья, и только маленькіе передовые отряды и охотничьи команды своими смѣлыми развѣдками даютъ матеріалъ для подробныхъ оффиціальныхъ телеграммъ съ театра войны.—Чтобы обезпечить болѣе успѣшный ходъ военныхъ операцій на будущее время, рѣшено положить конецъ двоевластію, ставившему командующаго нашими войсками въ зависимость отъ намѣстника на Дальнемъ Востокѣ: всѣ права и полномочія главнокомандующаго переданы генералу Куропаткину, и подвластныя ему военныя силы раздѣлены на три отдѣльныя арміи, подъ начальствомъ генераловъ Леневича, Гриппенберга и Каульбарса. Пассивное выжиданіе событій, направляемыхъ исключительно японцами, и отсутствіе всякой иниціативы, всякаго смѣлаго плана и замысла,—являются по прежнему наиболѣе характерными чертами нашей военной тактики. Японцы выжидаютъ сознательно, имѣя въ виду или сосредоточеніе своихъ войскъ, или прибытіе крупныхъ подкрѣпленій изъ-подъ Портъ-Артура въ случаѣ паденія этой крѣпости; наши же стоятъ неподвижно только потому, что привыкли уже сообразоваться съ дѣйствіями и планами противника, не задаваясь никакими самостоятельными цѣлями и ограничиваясь лишь болѣе или менѣе упорною обороною. Казалось бы, что одна мысль о погибающемъ Портъ-Артурѣ должна была заставить наши манчжурскія арміи стремиться впередъ во что бы то ни стало, чтобы спасти для Россіи эту ея „твердыню на Тихомъ океанѣ"; но на дѣлѣ не было видно, чтобы эта забота вдохновляла руководителей и оказывала вліяніе на ихъ рѣшенія и дѣйствія. Чисто оборонительный, выжидательный планъ кампаніи ни въ чемъ

не измѣнился послѣ тревожныхъ перемѣнъ въ положеніи Портъ-Артура, хотя мечты о серьезномъ наступленіи несомнѣнно были и выражались даже въ оффиціальныхъ приказахъ по арміи.

До полумилліона солдатъ собрано уже нами на поляхъ Манчжуріи, а никакого положительнаго успѣха мы не достигли; ни одной побѣды, ни одной удачи за всѣ одиннадцать мѣсяцевъ,—только одни пораженія и отступленія, послѣ страшныхъ кровавыхъ жертвъ. Оставленный безъ помощи Портъ-Артуръ обреченъ на гибель, подобно злосчастной эскадрѣ, потопленной безъ боя въ портъ-артурской гавани. Эту эскадру должна была выручить часть нашего балтійскаго флота, приготовлявшаяся еще съ весны къ отправленію на Дальній Востокъ; она двинулась въ путь только въ началѣ октября, подъ командой адмирала Рожественскаго, и успѣла сразу обратить на себя вниманіе, подвергнувъ нечаянному разгрому англійскую рыбачью флотилію въ Сѣверномъ морѣ, въ ночь съ 8 на 9 октября. Говорили, что среди этихъ рыбацкихъ судовъ изъ Гулля находилось нѣсколько японскихъ миноносцевъ, пытавшихся внезапно напасть на эскадру; одинъ изъ нихъ былъ, будто бы, уничтоженъ русскими выстрѣлами, а другой исчезъ неизвѣстно куда; но пострадали главнымъ образомъ не они, а попавшіе подъ стрѣльбу гулльскіе рыбаки и даже нѣкоторые изъ нашихъ собственныхъ кораблей, гдѣ оказались и жертвы. Это загадочное происшествіе возбудило сильнѣйшее волненіе въ Англіи и даже подняло вопросъ о войнѣ; раздавались голоса о немедленномъ преслѣдованіи и возвращеніи „разбойничьей“ эскадры, и только съ большимъ трудомъ удалось предупредить опасный международный конфликтъ соглашеніемъ 15 октября, состоявшимся при дружескомъ посредничествѣ Франціи. Дѣло передано на разсмотрѣніе особой слѣдственной коммиссіи, которая должна подготовить матеріалъ для третейскаго суда согласно постановленіямъ Гаагской конвенціи; въ декабрѣ коммиссія собралась въ Парижѣ, и печальный инцидентъ по всей вѣроятности не будетъ имѣть другихъ послѣдствій, кромѣ крупныхъ денежныхъ выдачъ изъ русской казны въ пользу пострадавшихъ англичанъ.

Послѣ того какъ вторая тихоокеанская эскадра ушла въ дальнѣйшее плаваніе, въ нашихъ газетахъ появился рядъ статей, указывавшихъ на очевидную недостаточность ея для успѣшной борьбы съ японскимъ флотомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ приводились поразительные факты, относящіеся къ способамъ хозяйничанья и управленія въ морскомъ вѣдомствѣ. Особенное вниманіе обратили на себя весьма обстоятельныя и краснорѣчивыя разъясненія ученаго морского офицера, преподавателя морской академіи и начальника штаба при адмиралѣ Скрыдловѣ, капитана Кладо, писавшаго въ „Новомъ Времени“ подъ псевдонимомъ „Прибоя“. Какъ знатокъ своего дѣла, г. Кладо настойчиво

утверждалъ, что эскадра адмирала Рожественскаго, будучи значительно слабѣе флота адмирала Того, идетъ на встрѣчу неминуемой катастрофѣ, если не будетъ своевременно поддержана присылкою броненосцевъ и крейсеровъ, оставленныхъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, въ Балтійскомъ морѣ. Изъ сообщеній и намековъ капитана Кладо можно было видѣть, что компетентныя лица, въ томъ числѣ адмиралы Скрыдловъ и Рожественскій, требовали включенія всѣхъ готовыхъ военныхъ судовъ въ составъ посылаемой эскадры, но это требованіе встрѣтило какія-то неодолимыя затрудненія со стороны представителей канцелярской рутины, бюрократическаго самодовольства и бездѣйствія; завѣдомо недостаточныя морскія силы отправлялись какъ будто на убой, безъ разсчета и надежды на достиженіе предположенной цѣли, которая, повидимому, мало озабочивала высшую администрацію нашего флота. Подъ вліяніемъ понятныхъ патріотическихъ побужденій, капитанъ Кладо рѣшился публично высказать свои опасенія и забить тревогу предъ общественнымъ мнѣніемъ, пока еще была возможность поправить роковую ошибку; онъ съ большимъ воодушевленіемъ проводилъ мысль о скорѣйшемъ снаряженіи третьей эскадры, и нѣкоторое время спустя рѣшено было привести эту мысль въ исполненіе. Такимъ образомъ, горячія и убѣдительныя статьи г. Кладо не только взволновали извѣстную часть читающей публики, но и расшевелили сонное царство сухопутно-морской бюрократіи, побудивъ ее немедленно приступить къ осуществленію проекта, который, безъ этихъ призывовъ къ гласности, пролежалъ бы спокойно подъ спудомъ до весны. Въ то же время виновникъ этого патріотическаго „пробужденія", капитанъ Кладо, подвергнутъ аресту на двѣ недѣли за „дерзкія" разсужденія о предметѣ своей спеціальности и за „искаженіе фактовъ", какъ сказано въ обнародованномъ приказѣ; съ своей стороны, г. Кладо печатно протестовалъ противъ такого обвиненія и требовалъ преданія его суду для провѣрки справедливости всего высказаннаго имъ въ печати,—но и начальство вспомнило, что названный офицеръ является однимъ изъ оффиціальныхъ свидѣтелей по гулльскому дѣлу и долженъ давать свои показанія передъ международной коммиссіею въ Парижѣ въ защиту интересовъ русскаго правительства, въ качествѣ моряка, находившагося на эскадрѣ при штабѣ адмирала Рожественскаго, и потому объявлять его теперь недостойнымъ довѣрія, способнымъ „искажать факты",—было, по меньшей мѣрѣ, неосторожно. Серьезное обвиненіе, выраженное, хотя и голословно, въ оффиціальномъ приказѣ, было тотчасъ же подхвачено иностранными, особенно англійскими газетами и, конечно, не будетъ упущено изъ виду при оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній капитана Кладо объ инцидентѣ въ Сѣверномъ морѣ; а такъ какъ нельзя уже

было поправить дѣло и устранить сдѣланную оплошность, то пришлось ограничиться освобожденіемъ „виновнаго“ изъ-подъ ареста и отпустить его въ Парижъ для исполненія обязанностей достовѣрнаго свидѣтеля, правдивость котораго заподозрѣна его собственнымъ высшимъ начальствомъ только по недоразумѣнію.

Очень много новаго узнала публика изъ статей г-на Кладо, но еще болѣе поднято ими вопросовъ, которыхъ самъ авторъ не ставилъ, и которые, однако, имѣютъ огромное практическое значеніе. Сложное и крупное вѣдомство, завѣдывающее морскою обороною государства и располагающее ежегоднымъ бюджетомъ въ 114 или 115 милліоновъ рублей, не исполняетъ, какъ оказывается, своего назначенія: флотъ находится въ такомъ состояніи, что ни одной эскадры и даже ни одного броненосца нельзя тотчасъ же употребить въ дѣло въ случаѣ надобности, а для отправленія части балтійскихъ военныхъ судовъ на Дальній Востокъ потребовалось цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ приготовительной работы, вслѣдствіе чего нашъ злосчастный тихоокеанскій флотъ оставленъ былъ безъ обѣщанной помощи и долженъ былъ безнадежно погибнуть въ водахъ Портъ-Артура. Куда же направится и кому поможетъ теперь эскадра адмирала Рожественскаго, посланная именно въ разсчетѣ на соединеніе съ портъ-артурскими судами? Третья вспомогательная эскадра, о которой хлопочетъ г. Кладо, будетъ тоже готовиться два или три мѣсяца, и она также не успѣетъ оказать поддержку второй эскадрѣ при рѣшительной и скорой встрѣчѣ ея съ японскимъ флотомъ. Насколько можно судить по замѣчаніямъ и разъясненіямъ спеціалистовъ, отсутствіе боевой готовности нашихъ морскихъ силъ считается какъ бы нормальнымъ, и даже элементарный техническій ремонтъ предпринимается лишь передъ назначеніемъ кораблей въ плаваніе; другими словами, у насъ вообще не было и нѣтъ флота, готоваго къ дѣйствію, — хотя въ мирное время тратились и тратятся десятки милліоновъ въ годъ на судостроеніе и ремонтъ судовъ (около тридцати-девяти милліоновъ по бюджету 1904 года). Если всѣ составныя части нашего флота въ каждый данный моментъ нуждаются въ долговременномъ ремонтѣ и не могутъ быть пущены въ ходъ иначе какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, то очевидно страна фактически беззащитна въ смыслѣ активной морской обороны, и милліонныя траты морского бюджета идутъ не на тѣ надобности, которыя должны стоять на первомъ планѣ для морского вѣдомства. Мы видѣли, что послѣ происшествія съ гулльскими рыбаками въ Сѣверномъ морѣ различныя британскія эскадры были *немедленно* поставлены на военную ногу и имѣли возможность дѣйствовать по первому телеграфному распоряженію адмиралтейства; тамъ не было и рѣчи о мѣсячныхъ приготовленіяхъ, о предварительномъ долгомъ ремонтѣ и

т. п., ибо все морское могущество Англіи превратилось бы въ фикцію, еслибы ея военный флотъ не обладалъ способностью къ быстрой мобилизаціи. Весь смыслъ военной силы заключается въ сознаніи, что ее можно вполнѣ примѣнить къ дѣлу во всякое время, когда того потребуютъ интересы государственной защиты; между тѣмъ, главное вмѣстилище нашего военнаго флота, насчитывающее номинально множество грозныхъ русскихъ судовъ съ болѣе или менѣе громкими названіями, не въ состояніи было выпустить въ море ни одной эскадры въ трудные мѣсяцы японской войны, когда съ Дальняго Востока приходили такіе отчаянные призывы о поддержкѣ. Всякій понимаетъ, что снаряженіе кораблей въ дальнее плаваніе предполагаетъ массу сложныхъ операцій по доставкѣ угля и продовольствія въ пути; но если нужно мѣнять котлы, исправлять машины и т. п., то это свидѣтельствуетъ уже о запущенности и негодности матеріала, предназначеннаго служить для дѣла военной защиты. Это все равно, какъ еслибы для сбора и отправленія сухопутной арміи требовалось предварительно отдавать въ починку пушки и ружья, закупать лошадей, заказывать разныя необходимыя принадлежности солдатской аммуниціи, т.-е. устраивать еще самое войско, содержаніе котораго въ надлежащемъ порядкѣ предусмотрѣно вполнѣ достаточнымъ бюджетомъ въ 360 милліоновъ въ годъ.

На газетные толки о такомъ загадочномъ положеніи дѣлъ въ морскомъ вѣдомствѣ откликнулся, между прочимъ, и главный начальникъ балтійскаго флота, адмиралъ Бирилевъ, помѣстившій любопытное и весьма откровенное письмо въ той же газетѣ, гдѣ печатались и статьи г. Кладо. По мнѣнію почтеннаго адмирала, въ обнаруженныхъ непорядкахъ виноваты всѣ, и начальники и подчиненные, и всѣ они „таскаютъ головы на плечахъ только по неисчерпаемой милости Императора"; но, признавая морскихъ дѣятелей достойными чуть ли не смертной казни за многолѣтнія упущенія, авторъ полагаетъ, однако, что печать не должна уже заниматься обсужденіемъ дѣлъ морского вѣдомства въ пессимистическомъ духѣ, такъ какъ этимъ она наводитъ уныніе на моряковъ и мѣшаетъ имъ спокойно работать надъ приготовленіемъ третьей эскадры къ отправкѣ на Дальній Востокъ. Имѣетъ ли эта эскадра шансы поспѣть на театръ войны своевременно, до паденія Портъ-Артура и до рѣшенія участи судовъ адмирала Рожественскаго, и почему она не была приготовлена раньше,—объ этомъ не упоминаетъ адмиралъ Бирилевъ; повелѣно снарядить эскадру,— говоритъ онъ,—и повелѣніе будетъ исполнено—но такъ ли быстро, какъ то исполнили англійскія эскадры въ октябрѣ—въ 24 часа?! Нельзя, однако, запретить публикѣ волноваться по поводу того, что насущные военно-морскіе интересы государства плохо соблюдались до сихъ поръ, по признанію

самого адмирала, и могутъ въ такомъ же родѣ соблюдаться и впредь, при обычномъ чисто формальномъ отношеніи къ исполняемымъ приказамъ. Теперь и газета, удѣлившая мѣсто разоблаченіямъ г. Кладо и заявленію адмирала Бирилева, можетъ ясно видѣть, насколько остроумно было съ ея стороны взывать къ частнымъ пожертвованіямъ на флотъ при первыхъ его неудачахъ,—какъ будто вся бѣда была въ недостаткѣ бюджетныхъ средствъ на правильное содержаніе и усиленіе флота. Японія тратила по морскому вѣдомству вчетверо меньше, чѣмъ мы, и однако она создала себѣ болѣе могущественный флотъ, доказавшій на дѣлѣ свою всегдашнюю боевую готовность, соединенную съ разсчетливостью, энергіею и единствомъ дѣйствій. Никакіе частные денежные сборы не возмѣстятъ и сотой доли той безплодной траты средствъ и силъ, какую мы видимъ въ судьбѣ нашей портъ-артурской эскадры; и, разумѣется, самый вопросъ о пожертвованіяхъ не могъ бы возникнуть, если бы принята была во вниманіе необходимость болѣе цѣлесообразнаго расходованія тѣхъ 114 или 115 милліоновъ, которые назначаются ежегодно на нужды русскаго флота.

Пока еще трудно говорить о возможномъ прекращеніи убійственной и безцѣльной войны: продолжительность ея будетъ зависѣть отъ свойства тѣхъ задачъ, которыя ставитъ себѣ русская дипломатія по отношенію къ Японіи и Китаю. Въ нашей печати вопросъ о мирѣ связывается почему-то съ настроеніемъ и намѣреніями непріятеля, которому и въ этой области, какъ и въ военныхъ дѣйствіяхъ, приписывается исключительная иниціатива; „патріотическія“ газеты часто сообщаютъ, что японцы страшно недовольны упорнымъ сопротивленіемъ Портъ-Артура и медленнымъ вообще ходомъ войны, что они напрягли свои силы до крайняго предѣла и не могутъ болѣе выставить никакихъ военныхъ отрядовъ, что финансовыя средства ихъ изсякли и что нація раздражена противъ правительства, не съумѣвшаго обезпечить ей полной и скорой побѣды. Японское недовольство, будто бы, усиливается и ростетъ,—тогда какъ у насъ—говорятъ онѣ,—всѣ проникнуты радостными чувствами, восхваляютъ направленіе и результаты военныхъ событій, съ восторгомъ идутъ на войну и наслаждаются избыткомъ финансовыхъ средствъ, которыхъ даже некуда дѣвать. Если вѣрить нашимъ „патріотамъ“, японцы уже готовы просить о мирѣ, въ виду плохого положенія своихъ дѣлъ. Но относительно японскихъ желаній и чувствъ нѣтъ никакой надобности ограничиваться догадками и предположеніями, какъ это принято при оцѣнкѣ нашего народнаго или общественнаго настроенія. Въ Японіи существуютъ законные способы выраженія подлинныхъ взглядовъ и желаній народа; страна

высказывается свободно черезъ посредство выборныхъ представительныхъ собраній, согласно исконнымъ національнымъ началамъ взаимнаго довѣрія и единенія между націею и ея монархомъ.

Японскій парламентъ собрался въ концѣ ноября (нов. ст.); обѣ главныя политическія партіи — умѣренные консерваторы и прогрессисты—обнародовали свои манифесты, въ которыхъ единодушно заявляли рѣшимость поддерживать веденіе войны до конца и давать на нее необходимыя обширныя средства,—причемъ консерваторы безусловно одобряли представленный кабинетомъ бюджетъ, тогда какъ прогрессисты предлагали нѣкоторыя измѣненія въ системѣ налоговъ. Обѣ партіи настаивали на болѣе ясной и послѣдовательной политикѣ относительно Кореи, тѣсно связанной съ національными интересами Японіи; съ этой точки зрѣнія прогрессисты особенно осуждали недостатки заключенной недавно конвенціи. Обѣ партіи согласны въ томъ, что нужно открыть Манчжурію для иностранной торговли и принять мѣры для поощренія и развитія японскихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій въ Китаѣ; въ частности прогрессисты требуютъ усиленія японскаго вліянія въ Пекинѣ, въ виду плачевной слабости китайской дипломатіи. Правительство проводитъ свою программу съ большою энергіею, опираясь на общественное мнѣніе; японскій премьеръ, графъ Катсура, въ разговорѣ съ корреспондентомъ „Times", высказался объ общемъ положеніи дѣлъ въ весьма оптимистическомъ духѣ. „Для Японіи,—по его словамъ,—война означаетъ жизнь или смерть, и ни одинъ изъ нашихъ 45 милліоновъ согражданъ не сомнѣвается въ жизненной важности предстоящей задачи. Мы готовы пожертвовать послѣднимъ человѣкомъ и послѣднимъ іеномъ для этой войны. Многое связано съ паденіемъ Портъ-Артура, но мы не утѣшаемся надеждою, что взятіе этой несчастной крѣпости ускоритъ заключеніе мира. Напротивъ, взятіе ея дастъ Россіи случай выработать новый планъ кампаніи. Мы усердно слѣдимъ за всякими перемѣнами въ приготовленіяхъ непріятеля... Внутреннія обстоятельства Японіи,—продолжалъ министръ,—въ высшей степени благопріятны. Имѣя предъ собою великую цѣль войны, наша нація сдѣлалась какъ бы однимъ человѣкомъ. Мы не имѣемъ партіи мира и партіи войны, какъ въ Россіи. Японская нація составляетъ единое тѣло, полное рѣшимости бороться до послѣдней крайности... Каждый изъ нашихъ внутреннихъ займовъ покрывался съ излишкомъ. Финансовые результаты превзошли наши ожиданія. Это можетъ быть объяснено только тѣмъ, что нашъ народъ вполнѣ спокойно относился къ событіямъ и старательно предавался обычной производительной работѣ, сохраняя свои скромныя привычки и не уменьшая своей энергіи. Жатва этого года превысила средніе размѣры на сто милліоновъ іенъ

(около десяти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ). Наша внѣшняя торговля увеличила свои обороты сравнительно съ прошлымъ годомъ и достигнетъ, вѣроятно, суммы въ семьсотъ милліоновъ іенъ (семьдесятъ милліоновъ фунтовъ ст.). Цѣны разныхъ предметовъ потребленія слегка повысились, но общее финансовое и экономическое положеніе не измѣнилось. Непріятель, конечно, не ожидалъ этого, но и мы сами разсчитывали на худшее. Мы удвоили наши усилія и трудимся неустанно, стараясь идти непоколебимо впередъ вмѣстѣ съ развитіемъ военныхъ операцій".

Если даже и допустить, что японскій министръ-президентъ нѣсколько преувеличиваетъ благополучіе своей націи и изображаетъ его черезчуръ розовыми красками спеціально для англійской публики, то все-таки изъ его словъ никакъ нельзя вывести заключенія объ упадкѣ воинственной энергіи или объ истощеніи силъ Японіи и ея правительства. При торжественномъ открытіи японскаго парламента 30 ноября, императоръ сказалъ между прочимъ слѣдующее: „Наши экспедиціонныя силы дѣйствовали побѣдоносно и имѣли успѣхъ въ каждомъ сраженіи, выказывая блестящую храбрость, чѣмъ обезпечили дальнѣйшій постоянный прогрессъ на театрѣ войны. Относясь съ полнымъ довѣріемъ къ преданности и усердію нашихъ подданныхъ, мы полагаемъ, что окончательная цѣль войны будетъ достигнута, и мы надѣемся, что вы постараетесь, въ соотвѣтствіи съ нашей волей, исполнить въ совмѣстной работѣ лежащія на васъ обязанности". Спокойный и довѣрчивый тонъ этого заявленія микадо въ обращеніи къ выборнымъ представителямъ народа также не свидѣтельствуетъ о плохомъ состояніи Японіи или о разстройствѣ ея дѣлъ. Въ засѣданіи нижней палаты, 3 декабря, глава кабинета, графъ Катсура, и министръ финансовъ, баронъ Сонэ, выставляли на видъ вѣроятность очень продолжительной военной кампаніи, что заставляетъ озаботиться приготовленіемъ весьма крупныхъ средствъ. Баронъ Сонэ объяснилъ, что военный бюджетъ опредѣляется цифрою въ 780 милліоновъ іенъ, со включеніемъ процентовъ по военнымъ займамъ, и что въ 1905 году необходимо будетъ занять только 450 милліоновъ. Экономія въ обыкновенныхъ расходахъ позволяетъ обратить на военныя надобности еще 120 милліоновъ іенъ; весь государственный бюджетъ доходитъ до милліарда іенъ (около милліарда рублей). Члены парламента не дѣлали по этому поводу никакихъ запросовъ или возраженій, и въ первый разъ за все время существованія народнаго представительства—какъ замѣтили мѣстные корреспонденты иностранныхъ газетъ—оппозиція воздержалась отъ всякихъ попытокъ противодѣйствовать или создавать какія-либо затрудненія министрамъ. Очевидно, въ Японіи установилось общее патріотическое единодушіе, основанное

на дѣйствительномъ взаимномъ довѣріи между властью и народомъ, и это довѣріе держится не на искусственныхъ фразахъ угодливой печати и не на мимолетныхъ благосклонныхъ чувствахъ того или другого министра, а на прочныхъ національныхъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ публично и вошедшихъ уже въ систему незыблемыхъ основъ государственнаго строя, въ качествѣ надежной опоры мирнаго внутренняго развитія Японіи и могущества ея древнѣйшей въ мірѣ династіи. При такихъ условіяхъ, надѣяться на недовольство японцевъ войною и правительствомъ и ожидать отъ нихъ смиренной просьбы о мирѣ—намъ не приходится; противоположныя же увѣренія газетныхъ „патріотовъ", поддерживаемыя иногда наивными или фальшивыми телеграммами изъ Токіо, ничего кромѣ вреда принести не могутъ.

Въ большей части государствъ западной Европы, какъ и въ Сѣверной Америкѣ, замѣчается нѣкоторое затишье во внѣшней политикѣ, подъ вліяніемъ далекой, но грозной и поучительной русско-японской войны. Общее выжидательное настроеніе сказывается и въ усиліяхъ предупреждать и улаживать всякіе международные споры предварительными мирными соглашеніями, въ ряду которыхъ наиболѣе видное мѣсто занимаетъ англо-французская конвенція, заключенная 8 апрѣля (нов. ст.). Этой конвенціею окончательно разрѣшаются вопросы, издавна служившіе матеріаломъ для опасныхъ пререканій и столкновеній между Англіею и Франціею въ разныхъ частяхъ свѣта; вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливаются точныя границы правъ обѣихъ державъ въ Египтѣ и Марокко, въ центральной Африкѣ, въ Сіамѣ и на Мадагаскарѣ, на Ново-Гебридскихъ островахъ и у береговъ Новой Земли. Англо-французское сближеніе, состоявшееся несомнѣнно подъ вліяніемъ событій на Дальнемъ Востокѣ, давало возможность союзной съ нами Франціи оказывать умѣряющее дѣйствіе на политику Англіи, что успѣло уже обнаружиться къ нашей выгодѣ послѣ тягостнаго инцидента въ Сѣверномъ морѣ. Къ этой же категоріи успокоительныхъ международныхъ актовъ принадлежатъ соглашенія о третейскомъ судѣ, которыя особенно распространились въ истекшемъ году и стали мало-по-малу охватывать большинство крупныхъ и малыхъ государствъ культурнаго міра.

Враждебное отношеніе къ Россіи, питаемое неудачными ея внутренними дѣлами, продолжаетъ, къ сожалѣнію, господствовать въ значительной части иностранной печати; но оффиціальное миролюбіе сохраняетъ свою силу даже для японской союзницы, Англіи, которая при осторожномъ и умѣренномъ кабинетѣ Бальфура не поддается увлеченіямъ патріотовъ, совѣтующихъ воспользоваться событіями для

прямой или косвенной борьбы съ Россіею. Единственное, что устроили англичане подъ шумъ русско-японской войны,—это тибетская экспедиція, задуманная и исполненная по плану индійскаго вице-короля, лорда Керзона, и приведшая къ установленію фактическаго британскаго протектората надъ Тибетомъ, согласно подписанной въ Лхассѣ конвенціи 7 сентября (нов. ст.). Сторонники широкаго и предпріимчиваго имперіализма въ колоніальной политикѣ имѣютъ въ Англіи талантливаго предводителя и оратора, въ лицѣ бывшаго министра Чемберлена, идеи котораго находятъ сочувствіе и поддержку главнымъ образомъ среди крупной промышленной буржуазіи. Министерство, консервативное и уніонистское по своему составу, подчиняется во многомъ вліянію Чемберлена, но отчасти расходится съ нимъ въ поднятомъ имъ важномъ вопросѣ о возстановленіи покровительственныхъ пошлинъ въ связи съ созданіемъ таможеннаго союза между Англіею и всѣми ея полунезависимыми колоніями. Само собою разумѣется, что консерватизмъ англійскаго правительства, зависящій отъ оффиціальной принадлежности министровъ къ извѣстной парламентской партіи, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ затхлымъ бюрократическимъ направленіемъ, которое прикрывается охранительными принципами въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ; еще недавно въ нашей печати допущено было грубое смѣшеніе этихъ совершенно разнородныхъ явленій—въ замѣчаніяхъ князя Б. А. Васильчикова по поводу записки его отца, причемъ англійскіе парламентскіе дѣятели консервативнаго оттѣнка,—въ числѣ которыхъ есть и крупные реформаторы, какъ знаменитые предводители торіевъ, сэръ Робертъ Пиль и Дизраэли-Биконсфильдъ,—приравниваются къ нашимъ жалкимъ обскурантамъ и ретроградамъ, противникамъ элементарныхъ человѣческихъ и общественныхъ правъ. Нынѣшніе англійскіе министры, будучи номинально консерваторами, успѣли провести нѣсколько значительныхъ либеральныхъ реформъ и между прочимъ осуществили новый проектъ поземельнаго устройства Ирландіи на началахъ выкупа земель у ландлордовъ въ пользу фермеровъ при содѣйствіи государственнаго казначейства; въ общемъ строѣ внутренней и колоніальной жизни они привыкли строго соблюдать и охранять ничѣмъ не ограниченный либерализмъ, какъ видно, напримѣръ, изъ засѣданій съѣзда побѣжденныхъ буровъ или конгресса выборныхъ представителей туземныхъ народностей Индіи. Собственно либеральная партія прежняго типа все болѣе теряетъ почву въ Англіи, уступая мѣсто новому дѣленію передовыхъ группъ на радикаловъ и соціалистовъ. Послѣднимъ выразителемъ стараго британскаго либерализма въ партійномъ смыслѣ этого слова былъ Гладстонъ, со смертью котораго партія осталась безъ общепризнаннаго и авторитетнаго вождя;

лордъ Розбери является уже только главою оппозиціи въ палатѣ лордовъ, а умершій въ прошломъ году Вильямъ Гаркортъ, сотрудникъ Гладстона и видный оппозиціонный дѣятель въ парламентѣ не имѣлъ достаточно популярности, чтобы играть роль предводителя партіи.

Въ Германіи политическая жизнь развивается еще не въ столь широкихъ рамкахъ, какъ въ Англіи; нѣмецкое общество должно во многихъ отношеніяхъ довольствоваться только правомъ свободной критики и контроля, не имѣя еще возможности непосредственно влiять на выборъ министровъ и на общую политику правительства. Немало безпокойства причиняло нѣмцамъ за истекшій годъ возстаніе племени гэреро въ германско-африканскихъ владѣніяхъ,—возстаніе, упорно разростающееся и потребовавшее уже огромныхъ денежныхъ затратъ; храбрые и хорошо вооруженные туземцы никакъ не хотятъ понять преимуществъ культурнаго нѣмецкаго владычества, олицетворяемаго прусскими офицерами, и всѣ предпринимавшіяся до сихъ поръ военныя мѣры для обузданія непокорныхъ не имѣли еще прочнаго успѣха. Дѣло, казавшееся вначалѣ ничтожнымъ, стоило уже не менѣе двухсотъ милліоновъ марокъ и выдвинуло на очередь общій вопросъ о перемѣнѣ всей системы колоніальнаго управленія, обнаружившей на практикѣ свою полную несостоятельность. На этой почвѣ правительство подвергается неустанной и ядовитой критикѣ со стороны соціально-демократической партіи, которая все болѣе становится главнѣйшею активною силою оппозиціи въ парламентѣ и печати. Знаменитый Бебель завоевалъ себѣ положеніе перваго парламентскаго оратора въ Германіи, и обычнымъ его соперникомъ въ краснорѣчіи выступаетъ имперскій канцлеръ, графъ Бюловъ. Блестящіе ораторскіе турниры между смѣлымъ глашатаемъ соціализма и первымъ министромъ германскаго императора входятъ уже какъ будто въ установившуюся программу нѣмецкой парламентской дѣятельности, и даже самые крайніе консерваторы и ретрограды въ Германіи не усматриваютъ въ этомъ ничего такого, что подрывало бы авторитетъ государственной власти въ имперіи. Бебель часто позволяетъ себѣ критиковать заявленія и дѣйствія самого Вильгельма II, и это также не считается опаснымъ ни для существующаго порядка, ни для личнаго обаянія и могущества монарха. Графъ Бюловъ и другіе министры не стѣсняются по временамъ извлекать пользу изъ указаній и разъясненій оппозиціи, такъ что и Бебель могъ иногда прямо влiять на постановку и рѣшеніе текущихъ политическихъ вопросовъ. Въ засѣданіяхъ имперскаго сейма, начиная съ 5 декабря, при обсужденіи бюджета, Бебель и графъ Бюловъ обмѣнялись пространными

рѣчами, въ которыхъ говорили преимущественно объ отношеніяхъ къ Англіи и Россіи. На упрекъ въ угодничествѣ передъ русскимъ правительствомъ, съ которымъ, будто бы, заключили въ Берлинѣ какую-то секретную сдѣлку полицейскаго свойства, имперскій канцлеръ, въ засѣданіи 9 декабря, отвѣчалъ шутливымъ вопросомъ: „Неужели вы считаете меня такимъ колоссальнымъ болваномъ?“ По словамъ графа Бюлова, Германія не имѣетъ повода интересоваться внутренними дѣлами Россіи и разстраивать дружественныя отношенія съ ея правительствомъ изъ-за интересовъ, чуждыхъ нѣмецкому народу. Противъ этой формальной точки зрѣнія горячо возставалъ Бебель, который въ то же время рѣшительно отрицалъ намѣреніе соціалъ-демократовъ впутать Германію въ войну съ Россіею или съ какою-либо другою державою.

Во Франціи министерство Комба дѣятельно продолжало политику борьбы съ католическимъ монашествомъ и не остановилось также передъ открытымъ разрывомъ съ папствомъ. Страстная оппозиція націоналистовъ довела дѣло до скандальной сцены въ палатѣ депутатовъ, когда военный министръ, генералъ Андрè, подвергся внезапному личному нападенію со стороны депутата Сиветона; нѣкоторое время спустя, за день до судебнаго разбирательства этого дѣла, Сиветонъ окончилъ жизнь самоубійствомъ или, быть можетъ,—какъ намекали газеты,—сдѣлался жертвою загадочной семейной трагедіи. Это происшествіе волновало умы въ Парижѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней; затѣмъ публика успокоилась, и кабинету Комба опять удалось избѣгнуть угрожавшаго ему кризиса. Радикально-соціалистическое большинство палаты, при вліятельномъ участіи Жорèса, настойчиво поддерживаетъ министерство въ виду обѣщанныхъ имъ важныхъ реформъ, изъ которыхъ одна, финансовая или, вѣрнѣе, податная, уже обсуждается въ парламентѣ; но французское общественное мнѣніе относится скептически къ проекту подоходнаго налога, выработанному министромъ финансовъ Рувье.

Въ имперіи Габсбурговъ хроническій парламентскій кризисъ почти одновременно, въ концѣ года, разрѣшился отставкою австрійскаго министра-президента Кербера и объявленіемъ о предстоящемъ распущеніи венгерской палаты депутатовъ, гдѣ графъ Тисса оказался неспособнымъ справиться съ популярною оппозиціонною партіею Франца Кошута и графа Аппоньи. Министерскій кризисъ произошелъ и въ Сербіи: умѣренно-радикальный кабинетъ генерала Груича уступилъ мѣсто болѣе сплоченному радикальному министерству Пашича.

Въ Италіи происходили въ ноябрѣ парламентскіе выборы, доставившіе торжество умѣреннымъ прогрессистамъ и министерству Джіолитти надъ радикалами и соціалистами; число депутатовъ крайней лѣвой уменьшилось всего на десять человѣкъ (выбрано 91 вмѣсто бывшихъ 101), но неудачи въ такихъ крупныхъ городскихъ центрахъ, какъ Флоренція и Миланъ, значительно ослабили положеніе соціалистической группы, сохранившей только тридцать мѣстъ въ парламентѣ. При торжественномъ открытіи новой законодательной сессіи, 30 ноября, король Викторъ-Эммануилъ II прочиталъ тронную рѣчь, въ которой обратили на себя вниманіе слѣдующія слова: „Когда я въ первый разъ обращался къ парламенту, я выразилъ свое твердое довѣріе къ свободѣ. Опытъ послѣднихъ лѣтъ укрѣпилъ меня въ этомъ довѣріи и вселилъ во мнѣ убѣжденіе, что только путемъ свободы могутъ быть разрѣшены тяжелыя задачи, лежащія на всѣхъ народахъ въ силу новыхъ стремленій и новой организаціи соціальныхъ элементовъ. Мое правительство будетъ поэтому продолжать ту политику широкой свободы, которая нашла такое сочувствіе въ странѣ".

Въ Соединенныхъ Штатахъ оживленная президентская кампанія окончилась вторичнымъ избраніемъ Теодора Рузевельта на постъ главы государства. Въ посланіи къ обѣимъ палатамъ конгресса, въ началѣ декабря, президентъ вкратцѣ изложилъ программу своихъ руководящихъ идей, намѣреній и предположеній. Онъ рѣшительно возстаетъ противъ того, чтобы между новыми иностранными поселенцами, прибывающими въ Америку, дѣлалось какое-либо различіе по происхожденію или національности: „всякій долженъ быть разсматриваемъ только по своему достоинству человѣка; изъ какой бы страны ни явился прибывшій, если онъ только здоровъ физически и умственно и не уклоняется отъ добрыхъ нравовъ, онъ имѣетъ право разсчитывать у насъ на сердечное гостепріимство". Слѣдуетъ стремиться къ общему миру, соединенному съ господствомъ справедливости,—продолжаетъ президентъ:—„каждый просвѣщенный народъ долженъ не только заботиться объ обезпеченіи своихъ собственныхъ правъ, но и сознавать и исполнять свой долгъ относительно другихъ народовъ". Нація, какъ и отдѣльный человѣкъ, не вправѣ нарушать чужія права или допускать такое нарушеніе, и потому, „пока не найдены средства и способы для международнаго контроля надъ государствами, совершающими несправедливость, до тѣхъ поръ нельзя желать разоруженія наиболѣе цивилизованныхъ націй". Полное разоруженіе великихъ передовыхъ народовъ означало бы, по мнѣнію Рузевельта, возвратъ другихъ государствъ въ варварство въ той или дру-

гой формѣ. Между прочимъ, въ посланіи упоминается о необходимости доставленія американскимъ гражданамъ за границею такой же полноправности, какою пользуются иностранцы въ Соединенныхъ Штатахъ, независимо отъ расы и религіи; „особенно труднымъ оказалось добиться признанія этого начала взаимности со стороны Россіи, гдѣ американскимъ гражданамъ еврейскаго вѣроисповѣданія отказываютъ въ паспортѣ, тогда какъ русскіе подданные всякой вѣры свободно проживаютъ въ Америкѣ“,—но президентъ надѣется отстоять законную справедливость и въ этой области.

Вообще можно сказать, что во всемъ культурномъ мірѣ народы живутъ полною свободною жизнью, и антагонизмъ между государствомъ и націею, между правительствомъ и обществомъ, все болѣе уходитъ въ область исторіи,—если не считать, конечно, такихъ отжившихъ и вымирающихъ державъ азіатскаго типа, какъ Турція или Персія.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1905.

I.

— Н. Гаринъ. Корейскія сказки. Спб. 1904. Изданіе товарищества „Знаніе".
— Georges Ducrocq. Pauvre et douce Corée. Paris, 1904.

Двѣ книжки, вышедшія въ свѣтъ почти одновременно въ разныхъ литературахъ, по разнымъ поводамъ, очень любопытны, между прочимъ, своей параллельностью: какъ будто намѣренно, одна можетъ служить дополненіемъ къ другой.

Ни та, ни другая не были вызваны политическимъ интересомъ, какой получаетъ Корея въ русско-японской войнѣ. Французскій путешественникъ (какъ и русскій авторъ) совсѣмъ не касается политическаго вопроса: онъ просто разсказываетъ о тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія производила на него эта страна, мало кому извѣстная по ея природѣ, характеру обитателей, нравамъ и обычаямъ. Впечатлѣніе было вообще очень благопріятное: авторъ вынесъ изъ знакомства съ Кореей самыя лучшія воспоминанія, что и указалъ въ заглавіи своей книги. Французскій писатель съ особенной подробностью останавливается на внѣшнихъ и домашнихъ подробностяхъ быта, начиная съ построекъ и кончая одеждою и препровожденіемъ времени: все это такъ своеобразно, что бросается въ глаза. Прежде всего, корейцы—совсѣмъ особое племя. „У корейцевъ не такое лицо съ гримасами, какъ у желтыхъ. Кровь сѣверныхъ расъ примѣшалась въ ихъ жилахъ къ монгольской крови и произвела этотъ типъ человѣка сильнаго, крѣпко скроеннаго, высокаго ростомъ. Глаза не стянуты, не находятся въ постоянной лихорадкѣ; лобъ выдающійся, гладкій и открытый, похожъ на лобъ нашихъ бретонцевъ, что-то веселое, кельтское отражается въ его формѣ; лица густо обросли бородою, какъ у айновъ острова Сахалина, и одной этой черты достаточно, чтобы отличить корейца отъ

его сосѣдей. Въ нихъ есть элементъ, который не есть ни японскій, ни китайскій; они—родня тѣмъ старымъ сибирскимъ племенамъ, которыя еще отзываются первобытными временами. Ихъ естественное выраженіе спокойное; ихъ взглядъ тонкій и мечтательный; въ манерахъ много простоты и добродушія. Ихъ всегдашняя бѣдность есть еще признакъ этой простоты ума, которая заставляетъ ихъ презирать новѣйшую жизнь: они желаютъ только спокойствія".

Страна вообще бѣдная; но жители довольствуются тѣмъ, что выпало на ихъ долю. Жизнь корейцевъ, повидимому, сложилась по тому способу, какъ складывался нѣкогда бытъ древнихъ народовъ: живя въ странѣ уединенной, внѣ историческихъ столкновеній, которыя тревожатъ (и обыкновенно подвигаютъ) національную жизнь, они привыкли къ неподвижности, которая ведетъ къ особенному могуществу преданія и обычая, и къ сохраненію первобытной простоты нравовъ и всего быта. Французскій путешественникъ начинаетъ съ описанія столицы Кореи, Сеула: это—также нѣчто первобытное, собственно говоря, громадная деревня изъ домиковъ или хижинъ съ соломенными крышами и деревенскими нравами, — но яркое солнце сглаживаетъ эту бѣдную простоту, и неизмѣнно бѣлая одежда жителей оживляетъ картину. Получается впечатлѣніе деревенской идилліи...........

[А. П.] [1])

II.

— А. В. Никитенко. Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, „чему свидѣтель въ жизни былъ". Записки и дневникъ (1804—1877 гг.). Съ портретомъ автора. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное по рукописи, подъ редакціей, съ примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ М. К. Лемке. Т. I—II. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Спб. 1905.

Тотъ успѣхъ, который выпалъ на долю перваго изданія автобіогра-

---

[1]) Это была послѣдняя литературная замѣтка А. П. (А. Н. Пыпина), писанная имъ наканунѣ смерти, 25 ноября, и оставшаяся на его письменномъ столѣ незаконченной, особенно по отношенію къ „Корейскимъ сказкамъ", которыя очень трогали покойнаго своей наивностью, младенческой чистотой и тѣмъ добрымъ чувствомъ, которымъ онѣ проникнуты, онъ хотѣлъ отмѣтить это и въ своемъ отзывѣ. „Корейскія сказки" (числомъ 64) были записаны г. Гаринымъ въ 1898 г., во время его поѣздки на Востокъ, со словъ одного изъ лучшихъ сказочниковъ, при посредствѣ переводчика, прекрасно владѣвшаго и корейскимъ, и русскимъ языкомъ. Въ предисловіи г. Гаринъ опредѣляетъ основныя черты корейцевъ такими словами: „юморъ, добродушіе, всепониманіе и всепрощеніе, поразительное благородство" — эти черты и отразились въ сказкахъ, заключившихъ въ себѣ всю несложную и въ то же время мудрую философію патріархальнаго народа. — *Ред.*

фіи Никитенка, разошедшагося въ теченіе самаго короткаго времени (послѣдніе годы книга эта считалась библіографической рѣдкостью) убѣдительно говоритъ о томъ, что она нашла своего читателя. Передъ читателемъ открылась не только искренняя и простая повѣсть о самомъ себѣ человѣка добраго сердца и большого ума, но и живой и столь же искренній, по отношенію къ изображаемому, разсказъ о томъ, что авторъ могъ наблюдать въ современныхъ ему сложныхъ и разнообразныхъ теченіяхъ, создававшихся взаимодѣйствіемъ общественныхъ стремленій и политическихъ условій, весьма измѣнчивыхъ на протяженіи той эпохи, когда жилъ Никитенко. Сынъ крѣпостного графовъ Шереметевыхъ, учившійся на мѣдныя деньги, Никитенко, благодаря своей любознательности и дарованію, выдвинулся изъ той среды, къ которой принадлежалъ по рожденію, и вошелъ равноправнымъ членомъ въ ряды высшей умственной и бюрократической аристократіи. Знатокъ и любитель литературы, разносторонне образованный человѣкъ, онъ былъ рѣдкимъ исключеніемъ среди дѣятелей цензуры своего времени, смотрѣвшихъ на литературу какъ на враждебную силу, которая была неистребима и постоянно обнаруживала склонность къ вредному направленію умовъ. Въ этомъ отношеніи положеніе Никитенка, всегда искавшаго возможности найти благородный исходъ въ борьбѣ непримиримыхъ противорѣчій и принциповъ, было далеко не легкимъ, и на страницахъ дневника отразилась тревожная борьба, происходившая въ самомъ авторѣ, когда завѣтнѣйшія душевныя убѣжденія и взгляды страдали, вступая въ неизбѣжный компромиссъ съ дѣйствіями, на которыя приходилось рѣшаться по долгу службы. Никитенко держался того мнѣнія, что во всякомъ положеніи можно быть человѣкомъ полезнымъ, и, возмущаясь и негодуя, когда въ его присутствіи обсуждались возмутительнѣйшія мѣры противъ печати, онъ въ своей университетской и академической дѣятельности неизмѣнно служилъ идеаламъ науки, добра и правды. Какъ бы ни относиться къ личнымъ взглядамъ его, особенно проводившимся имъ въ разсужденіяхъ на отвлеченныя темы, нельзя не признать, что взгляды эти принадлежали человѣку глубоко сознательному въ своихъ отношеніяхъ къ себѣ, къ обществу, въ которомъ онъ жилъ, и къ народу, изъ котораго вышелъ. Нѣкоторыя мысли его о современномъ положеніи дѣлъ—замѣчательны.

Исторія повторяется, по крайней мѣрѣ исторія русскаго общественнаго самосознанія. Волнующіяся смѣны настроеній, исходившихъ то изъ глухого отчаянія, то изъ радостной надежды на лучшія судьбы русской жизни, отразились на страницахъ дневника живыми и подчасъ яркими чертами. Оптимистамъ этотъ дневникъ можетъ дать хорошій урокъ; онъ можетъ наглядно показать имъ, какъ мало пріоб-

рѣтено русскимъ обществомъ для улучшенія своего быта. Поразительной, въ деталяхъ совпадающей иногда параллелью къ тому, что переживается нынѣ, встаютъ передъ нами черты былой эпохи, эпохи напряженной борьбы, надеждъ и разочарованій, жестокости и героизма, волненій сердца и мысли и страданій, страданій безъ конца. Иныя страницы такъ свѣжи по проникающему ихъ настроенію, что кажется, будто авторъ ихъ жилъ съ нами и думалъ нашими думами, волновался тѣми же вопросами, которые и въ наши дни кошмаромъ тяготѣютъ надъ душой каждаго мало-мальски сознательно живущаго человѣка, общественнаго работника, а между тѣмъ наиболѣе интересныя страницы относятся къ событіямъ, отошедшимъ сравнительно давно. Ровно пятьдесятъ лѣтъ назадъ, Никитенкѣ пришлось записать краткій, но выразительный фактъ: въ двѣнадцать часовъ пополуночи Севастополь взятъ. Затѣмъ онъ приводитъ историческія слова донесенія: „войска Вашего Императорскаго Величества защищали Севастополь до крайности, но болѣе держаться въ немъ, за адскимъ огнемъ, коему городъ подверженъ, невозможно"... и добавляетъ: „Боже мой, сколько жертвъ! Какое гибельное событіе для Россіи! Бѣдное человѣчество! Одного мановенія... достаточно было, чтобы съ лица земли исчезло столько цвѣтущихъ жизней, пролито столько крови и слезъ, родилось столько страданій. Мы не два года ведемъ войну—мы вели ее тридцать лѣтъ, содержа милліонъ войскъ и безпрестанно грозя Европѣ. Къ чему все это? Какія выгоды и какую славу пріобрѣла отъ того Россія?"

Вопросы, касавшіеся народнаго просвѣщенія по служебному положенію Никитенка, занимаютъ видное мѣсто въ дневникѣ. Изображается не только положеніе, которое занимало это министерство въ государственномъ механизмѣ, но и личность министра (Норова), человѣка экспансивнаго, но не лишеннаго добрыхъ порывовъ. Въ изображеніи Никитенка онъ производитъ впечатлѣніе неустойчиваго и нѣсколько наивнаго человѣко. Какъ водится, министръ разъѣзжалъ по Россіи и произносилъ рѣчи. Между прочимъ, профессорамъ въ Казани онъ внушалъ, что „наука всегда была для насъ одною изъ главнѣйшихъ потребностей, но теперь она первая". Придя къ этой мысли, министръ сдѣлалъ и другое, не менѣе важное признаніе, едва ли новое для профессоровъ, но до паденія Севастополя врядъ ли отчетливо сознававшееся: „если враги наши имѣютъ надъ нами перевѣсъ, то единственно силою своего образованія"... Эти мудрыя мысли Никитенко иллюстрируетъ указаніемъ на то, что поверхностность нашего образованія стала очевидной, и выражаетъ пожеланіе, чтобы эта очевидность со словъ перешла въ дѣло (что, какъ извѣстно, совершается не такъ быстро). Едва ли случайно, говоря о нашей непросвѣщен-

ности, Никитенко даетъ сжатую, но опредѣленную характеристику того положенія вещей, которое сознавалось всѣми только послѣ севастопольскаго пораженія. „Теперь только открывается,—говоритъ онъ,—какъ ужасны были для Россіи прошедшія 29 лѣтъ. Администрація—въ хаосѣ; нравственное чувство подавлено; умственное развитіе остановлено; злоупотребленія и воровство выросли до чудовищныхъ размѣровъ. Все это—плодъ презрѣнія къ истинѣ и слѣпой вѣры въ одну матеріальную силу". Исторія показала, чѣмъ сказался урокъ, данный намъ севастопольскимъ пораженіемъ, и какими неувѣренными шагами пошла впередъ наша общественность въ смыслѣ улучшенія внѣшнихъ условій жизни. Въ томъ же году встрѣчаемъ у Никитенка поразительно мѣткую и замѣчательную по прозорливости характеристику современнаго положенія вещей: „Въ обществѣ начинаетъ прорываться стремленіе къ лучшему порядку вещей. Но этимъ еще не слѣдуетъ обольщаться. Все, что до сихъ поръ являлось у насъ хорошаго или дурного—все являлось не по свободному, самобытному движенію общественнаго духа, а по указанію и по волѣ высшей власти, которая всѣмъ распоряжалась и одна вела, куда хотѣла. Замѣчательныя личности и отдѣльные факты мало значатъ въ общей массѣ застоя: это — пузыри, выскакивающіе на поверхности сонной влаги, взволнованной вдругъ паденіемъ въ нее какой-нибудь тяжести.

„Многіе у насъ теперь даже начинаютъ толковать о законности и гласности, о замѣнѣ бюрократіи въ администраціи болѣе правильнымъ отправленіемъ дѣлъ. Лишь бы все это не испарилось въ словахъ! Русскій умъ удивительно склоненъ довольствоваться словами вмѣсто дѣлъ—начинать и оканчивать одними хорошими намѣреніями, которыми, какъ говорится, вымощенъ адъ. Теперь намъ предстоитъ собрать всѣ свои силы и дружно ихъ сосредоточить на благія дѣла. До сихъ поръ мы изображали въ Европѣ только огромный кулакъ, которымъ грозили ея гражданственности, а не великую силу, направленную на собственное усовершенствованіе и развитіе".

Изображеніе слѣдующаго года проникнуто у Никитенка новымъ настроеніемъ: у него начинаетъ зарождаться надежда на лучшее будущее. Время продолжаетъ быть еще смутнымъ, но на горизонтѣ какъ будто свѣтлѣетъ. На престолъ вступилъ имп. Александръ II. Идутъ слухи о мирѣ, обставленномъ столь унизительными условіями для нашей родины. И Никитенко стоитъ за миръ. „Въ массахъ сильно недовольны согласіемъ на миръ и принятіемъ въ немъ четырехъ пунктовъ. „Драться надо, говорятъ отчаянные патріоты, драться до послѣдней капли крови, до послѣдняго человѣка". Нѣкоторые, дѣйствительно, такъ думаютъ и чувствуютъ, какъ говорятъ. Эти люди благородные, хотя и недальновидные. Но большинство крикуновъ состоитъ изъ лицемѣровъ, которые

хотятъ своимъ крикомъ выказать патріотизмъ. Есть и такіе, которые жалѣютъ о войнѣ, какъ о мутной водѣ, гдѣ можно рыбу ловить и гдѣ они, дѣйствительно, и ловили ее усердно. Правительство очень умно— слышитъ эти толки, но не слушается ихъ. Государь своею уступчивостью и своимъ согласіемъ на четыре пункта доказалъ, мнѣ кажется, не только благородство характера и свое нежеланіе безполезнаго кровопролитія, но и умный, тонкій разсчетъ. Онъ считаетъ нужнымъ начать съ того, чтобы примириться съ общественнымъ мнѣніемъ Европы, и, видя, какъ это тамъ хорошо принято, нельзя не согласиться, что онъ достигъ своей цѣли. Онъ не долженъ, подобно отцу своему, возстановлять противъ себя и противъ Россіи силу, которая, по выраженію Талейрана, умнѣе и сильнѣе даже его и Наполеона— общественное мнѣніе. Николай... (пропускъ)... онъ не взвѣсилъ всѣхъ послѣдствій своихъ враждебныхъ Европѣ видовъ—и заплатилъ за это жизнью, когда, наконецъ, послѣдствія эти открылись ему во всемъ своемъ ужасѣ. Нѣтъ возможности идти дольше этимъ путемъ и нести на своихъ плечахъ коалицію всей Европы. Это все равно привело бы къ миру, но уже окончательно безславному и пагубному. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Хвала и благодареніе Александру II, который имѣлъ высокое мужество отказаться отъ голоса самолюбія въ пользу истинныхъ выгодъ и истинной славы. Мы видѣли, каковы наши военные успѣхи. Хорошо кричать тѣмъ, у кого нѣтъ отвѣтственности, а Александръ отвѣчаетъ не только за настоящее, но и за будущее".

Созрѣли мы или не созрѣли для кризиса? Этотъ вопросъ настойчиво волновалъ Никитенка, и въ умѣ своемъ онъ не находитъ положительнаго отвѣта. „Неужели настало время совершеннаго разрыва между партіею мысли и движенія и правительствомъ?—спрашиваетъ онъ три года спустя:—неужели нѣтъ выбора, какъ между *ультрами?*"— Никитенко отказывается вѣрить этому и, въ общемъ, склоняется къ мысли, что мы еще не созрѣли, но „кризисъ" онъ понимаетъ нѣсколько неясно, какъ нѣкую постоянную величину, не вытекающую изъ нѣкоторыхъ условій историческаго момента, а приходящую, въ качествѣ deus ex machina, откуда-то извнѣ, съ цѣлью все сразу рѣшить, устроить и поселить счастье и миръ на землѣ. Зрѣлостью онъ называетъ то, — „когда бы кризисъ въ состояніи былъ привести вещи къ опредѣленному положенію и ручаться за какую-нибудь благоустроенную будущность", и ему кажется, что „кризисъ" не произвелъ бы ничего, кромѣ хаоса. Въ дальнѣйшемъ ходѣ изложенія кризисъ болѣе опредѣленно называется конституціей, о которой, повидимому, шли въ обществѣ безконечные толки. По крайней мѣрѣ, подъ 30 марта того же 1859 года мы находимъ любопытную и мѣткую, какъ все, что выходило изъ-подъ пера Никитенка, запись: „Конечно, конституція вещь

прекрасная и безъ нея нельзя обойтись. Но я никакъ не полагаю, чтобы для нея необходима была революція, и, Боже, спаси насъ отъ революціи! Она была бы самая безалаберная. Мнѣ кажется, что къ конституціоннымъ формамъ можно идти постепенно, такъ, чтобы онѣ вырабатывались безъ шума и тревогъ, въ послѣдовательномъ развитіи либеральныхъ началъ, какъ въ общественномъ духѣ, такъ и въ административномъ. Напримѣръ, пусть развивается гласность, осуществится публично-словесное судопроизводство, устроится кассаціонный судъ: это вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ образуетъ уже значительные начатки новаго порядка вещей, а тамъ и самое дѣло и опытъ покажутъ, какъ и куда идти далѣе. При такомъ ходѣ вещей выработаются не только элементы для новаго порядка вещей, но и люди. А такъ, вдругъ, невозможно! Мы не имѣемъ никакой подготовки. Журнальныя статьи и нѣсколько либеральныхъ, положимъ, порядочныхъ головъ еще не составляютъ ея.—Правительство должно открыто и смѣло удовлетворить нѣкоторымъ желаніямъ образованнаго класса, какъ оно открыто и смѣло удовлетворило нуждамъ низшаго посредствомъ эмансипаціи".

И въ то время, какъ шуйца Никитенка цензора самообольщалась ролью цензурнаго комитета примирять, находя точки гармоничнаго соприкосновенія, „расположеніе лучшихъ умовъ въ литературѣ" съ правительствомъ, десница его записывала подъ начальными числами апрѣля для своего времени драгоцѣнныя слова: „Надо привести въ систему либеральныя идеи и высказать прямо: чего *должно* и *можно* хотѣть... Правительство никакъ не должно показывать, что оно—врагъ новыхъ идей, если онѣ сдѣлались всеобщими. Его роль въ этомъ случаѣ есть роль согласителя этихъ идей съ общими интересами и съ безопасностью и благомъ государства. Должно указать настоящій путь либеральному началу, а правительство убѣдить, чтобы оно уважало его".

Словомъ, много поучительнаго и интереснаго разскажетъ этотъ просвѣщенный, добрый и искренній человѣкъ, если читатель изберетъ его на время путеводителемъ по лабиринту недавняго прошлаго нашей жизни, преданіе котораго начинаетъ понемногу складываться въ историческія формы въ то время, какъ бившаяся въ немъ горячая общественная мысль продолжаетъ съ удвоенной силой разрушать преграды, мѣшающія воплотиться въ жизнь тѣмъ, давно уже назрѣвшимъ, идеаламъ личной и общественной жизни, которые ковались въ горнилѣ ожесточенной борьбы лучшими дѣятелями прежнихъ поколѣній. Въ этомъ отношеніи появленію второго изданія богатѣйшихъ мемуаровъ Никитенка можно только радоваться, тѣмъ болѣе, что, по заявленію редактора, оно напечатано въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Полезными окажутся и подстрочныя примѣчанія въ ко-

торыхъ редакторъ отмѣчаетъ неточности автора или неясность и неполноту какого-либо сообщенія; примѣчанія эти, впрочемъ, весьма кратки. Какъ извѣстно, записки охватываютъ время отъ 1804 до 1877 года, съ нѣкоторыми пропусками, между прочимъ за 1825 годъ, когда авторъ уничтожилъ относящуюся къ нему часть, что онъ сдѣлалъ не безъ нѣкоторой связи, какъ можно думать, съ событіями 14-го декабря.

III.

— В. Я. Стоюнинъ. О преподаваніи русской литературы. Изданіе шестое. Спб. 1904

Шестое изданіе этого, казалось бы, спеціальнаго сочиненія служитъ нагляднымъ доказательствомъ того, насколько еще нужна намъ прекрасная книга Стоюнина. Дѣйствительно, тѣ идеальныя требованія, которыя предъявляетъ авторъ къ учебному преподаванію русской литературы, такъ еще далеки отъ своего воплощенія въ жизни нашей школы, что они долго еще будутъ служить предметомъ самыхъ насущныхъ желаній какъ со стороны общества, такъ и со стороны истинно просвѣщенныхъ педагоговъ, если такъ можно выразиться, Стоюнинскаго типа. Книга Стоюнина пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что она построена на началахъ сознательной вѣры въ великую цивилизующую силу русской литературы, на глубокомъ знаніи природы и потребностей молодого, развивающагося ума, наконецъ, на беззавѣтной любви къ родному слову, выразителю идеальнѣйшихъ стремленій національнаго духа. Именно эти начала встрѣчаютъ непреодолимыя трудности при своемъ осуществленіи въ учебной практикѣ: царящая въ современной казенной школѣ атмосфера условности, недовѣрія и гнета убиваетъ эти начала въ корнѣ и ставитъ преподаваніе литературы въ узкія рамки большею частью скучнаго и шаблонно-програмнаго предмета, въ которомъ сохранено все, что сухо и неинтересно, и старательно обойдено то, что могло бы разбудить пытливую и критическую мысль. Едва ли не приходится признать общимъ правиломъ, что тамъ, гдѣ преподаваніе литературы служитъ тѣмъ, чѣмъ оно должно быть—развивающимъ и возвышающимъ средствомъ—преподаватель не можетъ не выходить изъ програмы,—иными словами, онъ совершаетъ то, что на оффиціальномъ языкѣ называется преступленіемъ по службѣ. Не очевидно ли, что современное пониманіе значенія курса литературы и способовъ преподаванія переросло рутинныя, схоластическія рамки? Преподаваніе литературы тѣснѣйшимъ образомъ связано, конечно, съ общимъ строемъ нашей средней школы, но здѣсь ярче, чѣмъ на другихъ предметахъ, отражаются

всѣ недостатки учебной постановки, какъ въ отношеніи программъ, такъ и положенія преподавателей.

Чего же требуетъ Стоюнинъ отъ преподавателя словесности?— Прежде всего того, чтобы словесность въ его рукахъ была не мертвымъ, но живымъ, а главное—жизненнымъ предметомъ. Преподаваніе этого предмета должно предполагать въ немъ, со стороны преподающаго, три живыя силы, которыя должны благодѣтельно дѣйствовать на учащихся: 1) истинныя познанія, касающіяся природы и человѣка, 2) умственное и нравственное развитіе (самодѣятельность) и 3) пріученіе къ труду. Изъ этихъ трехъ, самихъ по себѣ элементарныхъ пунктовъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ второй, наиболѣе страдающій въ современномъ учебномъ строѣ. Дѣйствовавшія при Стоюнинѣ (и продолжающія дѣйствовать и теперь) программы заботливо оставляли этотъ пунктъ въ сторонѣ и даже старались сосредоточить вниманіе преподавателя на формальной или, лучше сказать, внѣшней сторонѣ дѣла. Не того требовалъ Стоюнинъ. Предназначая свою книгу, какъ можно думать, не только для широкихъ круговъ образованнаго общества, но и для оффиціальныхъ творцовъ „учебныхъ плановъ“ и цензоровъ „учебныхъ программъ“, онъ старался писать какъ можно нагляднѣе, удобопонятнѣе и до элементарности просто. „Каждое эстетическое произведеніе,—читаемъ у него,—отражаетъ въ себѣ жизнь, дѣйствительность, съ которою связывается много нравственныхъ, общественныхъ и другихъ вопросовъ. Разбирая такое произведеніе, мы необходимо должны подробно обсудить его содержаніе, безъ чего невозможна даже и одна эстетическая оцѣнка; слѣдственно, должны имѣть дѣло съ разнообразными вопросами жизни, коснемся ли разбора фактовъ, или личностей и ихъ характеровъ, или отношенія ихъ между собою, или идеаловъ самого поэта, будемъ ли разсматривать основную его идею, отношеніе его къ дѣйствительности или его поэтическое міросозерцаніе, все будетъ наводить насъ на вопросы близкіе и интересные каждому, вопросы житейскіе; а съ нимъ вмѣстѣ будутъ разъясняться и самыя понятія нравственныя, семейныя, общественныя,— понятія, которыя у учениковъ обыкновенно бываютъ слишкомъ туманны, неопредѣленны и сбивчивы, такъ какъ имъ рѣдко приходится задумываться надъ ними. Въ этомъ туманѣ они нерѣдко остаются и по выходѣ изъ школы, а иной и всю жизнь“.

Понятно, что преподаваніе литературы въ духѣ Стоюнина—налагаетъ и на преподавателя важную обязанность быть очень внимательнымъ къ нарождающимся запросамъ молодого поколѣнія и къ развитію въ немъ критической мысли. Учитель долженъ направить всѣ свои стремленія къ развитію самодѣятельности въ учащихся и менѣе всего пріучать ихъ къ затверживанію казенныхъ похвалъ авто-

рамъ или произведеніямъ. Конечно, современная школа до момента ея полной реорганизаціи, въ связи съ общими условіями общественнаго порядка въ нашемъ отечествѣ, не дастъ простора свободной дѣятельности такихъ преподавателей, какъ не дала она возможности развернуть всѣ свои духовныя силы и покойному Стоюнину, постоянно встрѣчавшему противодѣйствіе со стороны оффиціальныхъ опекуновъ и радѣтелей нашей школы. Учителю, не менѣе чѣмъ врачу, писателю, юристу, необходима свобода убѣжденія, слова, личности, а при отсутствіи этихъ необходимѣйшихъ данныхъ изъ него вырабатывается жалкій чиновникъ или забитый судьбою труженикъ, не способный внушить ни интереса къ предмету, ни уваженія къ школѣ.

IV.

— С. К. Буличъ. Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Т. I (XVIII в.—1825 г.). Съ приложеніемъ, вмѣсто вступленія, „Введенія въ изученіе языка" В. Дельбрюка. Спб. 1904 (Изданіе С. К. Булича и Л. Ф. Пантелѣева).

Объемистый томъ, въ 1.250 страницъ, заключаетъ въ себѣ прежде всего переводъ классической книги Дельбрюка „Einleitung in das Sprachstudium", исполненный студентами Петербургскаго университета, подъ редакціей и при участіи г. Булича, и затѣмъ—очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи, начиная съ разсмотрѣнія рукописной грамматической литературы XIII—XVI вв. и кончая трудами Кеппена, Евгенія Болховитинова и др. по діалектологіи русскаго и общемъ изученіи славянскихъ языковъ въ первой четверти XIX-го в. Первоначально имѣлось въ виду, какъ объясняетъ авторъ въ предисловіи, ограничиться только переводомъ книги германскаго языковѣда, но впослѣдствіи явилась мысль присоединить къ этой книгѣ, заключающей въ себѣ историческій очеркъ развитія европейскаго языкознанія (Боппъ, Шлейхеръ, Вестфаль, Лудвигъ, Курціусъ, Шмидтъ и др.), и то, что сдѣлано въ этомъ отношеніи русской наукой. Сжатому, строго фактическому изложенію Дельбрюка г. Буличъ противопоставилъ подробный обзоръ болѣе или менѣе всего подлежащаго матеріала, съ обстоятельнымъ изложеніемъ содержанія различныхъ книгъ и брошюръ, съ наиболѣе характерными и подчасъ значительными выдержками изъ нихъ. „Пріемъ этотъ,—говоритъ г. Буличъ,—быть можетъ, встрѣтитъ осужденіе „строгихъ" критиковъ, но авторъ тѣмъ не менѣе считаетъ и будетъ считать его необходимымъ, имѣя въ виду жалкое состояніе нашихъ провинціальныхъ книгохранилищъ, въ томъ числѣ и университетскихъ. Даже лучшія столичныя библіотеки наши не всегда имѣютъ полные комплекты тѣхъ или другихъ старыхъ журна-

ловъ и прочихъ періодическихъ изданій, не говоря уже о разныхъ старыхъ учебникахъ, книгахъ и брошюрахъ. Голыя ссылки на страницы, вмѣсто цитатъ, конечно, очень уменьшили бы объемъ книги, но ничего бы не дали нестоличнымъ читателямъ". Съ другой стороны, этотъ пріемъ сообщилъ книгѣ г. Булича, кромѣ спеціальнаго, и нѣкоторый общій интересъ, поставивъ ее въ связь съ исторіей нашего просвѣщенія вообще, а также съ ходомъ нашихъ этнографическихъ изученій.

Съ большимъ интересомъ читаются главы, гдѣ собранъ матеріалъ о знакомствѣ нашихъ предковъ съ языками. Свѣдѣнія о знаніи иностранныхъ языковъ нашими князьями, напримѣръ, идутъ съ очень ранняго времени. Всеволодъ Юрьевичъ (отецъ Владиміра Мономаха) „дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ", а внукъ Мономаха, Михаилъ Юрьевичъ, по преданію, „съ грекы и латины говорилъ ихъ языкомъ, яко своимъ". Извѣстно, затѣмъ, какую роль игралъ вопросъ о переводахъ и переводчикахъ въ древней Руси. Любопытные факты собраны, между прочимъ, относительно заботъ Петра Великаго, направленныхъ къ изученію въ Россіи японскаго (и китайскаго) языка. „Покореніе Камчатки поставило Россію лицомъ къ лицу съ Японіей, и дальновидный императоръ, имѣя въ виду возможность торговыхъ и иныхъ сношеній съ нашей новой сосѣдкой, положилъ начало правильному преподаванію у насъ японскаго языка". Началось съ того, что нѣкій японецъ Денбей былъ выброшенъ бурей на берегъ Камчатки и отправленъ въ Анадырскій острогъ. Это случилось въ самомъ началѣ XVIII-го в. Узнавъ объ этомъ, Петръ распорядился немедленно перевести Денбея изъ Сибирскаго въ Артиллерійскій приказъ съ порученіемъ „ему, Денбею, учить своему японскому языку и грамотѣ ребятъ человѣкъ четырехъ или пяти". Года черезъ три Петръ справился о Денбеѣ, научился ли онъ русскому языку, а у него кто-либо японскому. Повидимому, фактъ обученія былъ на лицо; въ помощь Денбею пріискивали другого японца, и въ Петербургѣ открылась даже „школа для изученія японскаго языка", въ которую ученики набирались изъ солдатскихъ дѣтей. „Положеніе этихъ учениковъ было подневольное,—говоритъ авторъ:—учениками они числились всю жизнь, и все время должны были изучать японскій языкъ. Когда была нужда въ переводчикахъ японскаго языка, ихъ брали изъ учениковъ названной школы; проходила эта нужда—переводчики опять превращались въ пожизненныхъ учениковъ". Замѣчательны были распоряженія Петра и относительно изученія китайскаго, монгольскаго, турецкаго, персидскаго и татарскаго языковъ. Геніальный прозорливецъ уже въ ту раннюю пору понималъ необходимость не только „окна въ Европу", но и практическаго знакомства съ народами Востока.

Многія главы (особенно послѣдняя—„состояніе языкознанія въ теченіе первой четверти XIX-го в.") съ удовольствіемъ прочтутся не одними спеціалистами; основное же значеніе этой книги въ томъ, что въ ней авторъ сдѣлалъ первый опытъ представить болѣе или менѣе полную картину историческаго развитія языкознанія въ Россіи, и въ этомъ отношеніи она является въ высшей степени цѣннымъ изданіемъ, заключая въ себѣ огромное количество библіографическихъ данныхъ. Подробно составленное оглавленіе помогаетъ оріентироваться въ книгѣ, но указатель, тѣмъ не менѣе, необходимъ; вѣроятно, авторъ приложитъ его къ слѣдующему тому.

V.

— Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 г, собранныя и изданныя П. И. Щукинымъ. Съ фототипіями и фотолитографіями. Ч. I—VII. М. 1897—1903.

— Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина. Ч. I—VIII. М. 1896—1903.

— Щукинскій сборникъ. Вып. I—III. М. 1902—1904.

Всѣ названныя изданія свидѣтельствуютъ о безкорыстной любви собирателя къ историческому просвѣщенію и той громадной энергіи, съ какою онъ спѣшитъ подѣлиться своими сокровищами со всѣмъ ученымъ и любознательнымъ міромъ. Не задаваясь никакими спеціальными цѣлями, г. Щукинъ дѣлаетъ общимъ достояніемъ огромное количество самаго разнообразнаго матеріала, среди котораго есть документы высокой цѣнности. Несмотря на то, что матеріалы эти почти не систематизированы и лишены какихъ бы то ни было комментаріевъ, они живо изображаютъ эпоху и читаются въ большинствѣ случаевъ съ большимъ интересомъ. Въ бумагахъ, относящихся до отечественной войны, читатель встрѣчаетъ множество оффиціальныхъ документовъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, донесеній, распоряженій, разнаго рода актовъ, характеризующихъ дѣйствія правительственныхъ учрежденій и отдѣльныхъ административныхъ дѣятелей; многочисленные документы, письма частныхъ лицъ, очевидцевъ событій двѣнадцатаго года, прошеній о вознагражденіи за убытки и т. д.— рисуютъ внутреннее состояніе Россіи (между прочимъ, состояніе крестьянъ) послѣ французскаго погрома; среди авторовъ писемъ и бумагъ встрѣчаемъ имена гр. Каподистріи, М. И. Кутузова-Смоленскаго, Растопчина. Въ числѣ различныхъ дѣлъ о грабежахъ, разбояхъ и поджогахъ встрѣчаемъ среди бумагъ московской управы благочинія довольно любопытное „дѣло о нѣмцахъ, изъявившихъ желаніе рус-

скому правительству составить гражданскую стражу въ Москвѣ". Послѣ оставленія Москвы французами у администраціи труда и хлопотъ было по горло, притомъ совершенно необычнаго свойства: приходилось налаживать жизнь по-новому и водворять порядокъ. Но любопытно, что старыя канцелярскія формы оставались неизмѣнны и при этихъ необыкновенныхъ случаяхъ. Такъ, московскій оберъ-полиціймейстеръ Ивашкинъ доносилъ 4 ноября 1812 г. министру юстиціи о состояніи Москвы: „Имѣю честь донести вашему превосходительству, что въ столичномъ городѣ Москвѣ обстоитъ все благополучно и никакихъ же особенныхъ происшествій не случилось". А дальше сообщается отъ отысканіи полиціей разграбленнаго имущества, арестахъ и пр.

Тому же Ивашкину гр. Растопчинъ приказалъ кухмистера француза Турне—„за внушенія разнаго рода, клонящіяся къ преклоненію умовъ къ французамъ, вывести на конную съ конвоемъ и объявя, за что онъ наказывается, дать двадцать ударовъ плетьми, а потомъ отправить на житье въ Тобольскъ".

Живымъ бытовымъ интересомъ проникнуты копіи съ дѣлъ о разграбленіи имущества, о жителяхъ, остававшихся въ Москвѣ во время нашествія; между прочимъ, было дѣло объ иностранцахъ, „говорившихъ непристойныя слова о Россіи". Одинъ изъ нихъ, Этіенъ, оказался „въ преступленіи своемъ ничѣмъ не изобличеннымъ, а къ тому же живущимъ въ домѣ господина сенатора, князя Кольцова-Масальскаго...", прочіе высланы въ Вятку. Таково было правосудіе сто лѣтъ назадъ. Весьма характеренъ отзывъ о современномъ состояніи умовъ и нравовъ, сдѣланный консерваторомъ стараго закала, съ явно враждебнымъ отношеніемъ къ реформамъ первой половины царствованія Александра I. Тенденція его стереотипно-консервативная: подъ тлетворнымъ вліяніемъ дѣятелей европейской образованности утратились наше прежнее благочестіе и чистота нравовъ. „Теперь,—скорбитъ авторъ,—мы пожинаемъ плоды сихъ наставниковъ и учителей.... нашимъ взведенъ на ...... престолъ государь, не знающій ни духовныхъ, ни гражданскихъ законовъ и прилѣпленный къ одному только барабанному бою и солдатской аммуниціи. Министры достойные въ отставкѣ, а глупые—налицо".

Громадное количество документовъ заключаетъ въ себѣ и сборникъ старинныхъ бумагъ: здѣсь и архивныя бумаги, и грамоты патріарховъ, челобитныя (начиная преимущественно съ XVI-го вѣка), жалованныя грамоты, акты тяжебнаго характера, жалобы, рядныя записи, дѣла о грабежахъ, убійствахъ и т. д.

Въ бытовомъ отношеніи нѣкоторые матеріалы особенно драгоцѣнны. Нравы крѣпкаго и грубаго вѣка, на рубежѣ Петровской ре-

формы, оживаютъ въ нихъ всѣми особенностями общественнаго и домашняго уклада, міросозерцанія, языка. Достаточно прочитать, напримѣръ, какое-нибудь дѣло о помѣщикѣ Ларіоновѣ или „о ложномъ наговорѣ на вологжанина, посадскаго человѣка 1700 года", который, на основаніи наговора, будто онъ съ „Агрофѣнкою живетъ блудно",— взятъ былъ „въ архіерейскій приказъ и безъ подлиннаго розыску битъ много плетми и ізувѣченъ и отъ такихъ многихъ побой былъ близъ смерти и держали ево за рѣшеткою на чепи и скована многое время"... Матеріала такъ много, что въ краткой замѣткѣ не знаешь, на чемъ остановиться. Сколько характернаго, отмѣченнаго духомъ эпохи, даже въ мелочахъ, вродѣ „росписки матери, отдавшей свою дочь для прокормленія солдату". Много интереснаго также въ матеріалахъ, относящихся къ концу XVIII-го и первой половинѣ XIX-го вѣка. На глазахъ у читателя происходитъ выработка новыхъ понятій и отношеній, возникавшихъ на почвѣ борьбы стараго съ новымъ; нѣсколько документовъ относится къ вопросу о запрещеніи книгъ въ началѣ XIX-го вѣка. Изъ матеріаловъ новѣйшаго времени любопытны воспоминанія о московскомъ митрополитѣ Филаретѣ. Между прочимъ, незадолго до кончины, Филаретъ, по словамъ одной игуменьи, сказалъ ей (въ 1869 г.): „Вижу я страшную тучу, идущую отъ запада на церковь и на Россію, но чѣмъ она разразится,—не вижу".

Начиная съ VII тома, собиратель сталъ помѣщать весьма полезный „хронологическій указатель" матеріаловъ.

Характеръ „Щукинскаго Сборника"—тотъ же: рядъ любопытнѣйшихъ документовъ самаго разнообразнаго характера, причемъ большинство изъ нихъ относится къ XIX вѣку.

Обширное хранилище Щукина возникло, какъ извѣстно, въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ въ Москвѣ. Оно заключаетъ въ себѣ, кромѣ бумагъ, обширныя коллекціи историческія, археологическія, бытовыя и т. д.; лѣтъ десять назадъ было издано его „краткое описаніе", теперь уже, вѣроятно, устарѣлое. Было бы желательно болѣе систематическое распредѣленіе матеріаловъ, съ указаніями, хотя бы самыми краткими, на происхожденіе, степень сохранности, характеръ документа и т. д. Примѣчанія такого рода имѣли бы тѣмъ бо́льшее значеніе, что вызываемый матеріалами г. Щукина интересъ невольно возбуждаетъ рядъ попутныхъ вопросовъ объ ихъ, если можно такъ выразиться, обстановкѣ и исторіи.

VI.

— Л. Шепелевичъ. Историко-литературные этюды. Серія I. Спб. 1904.

Настоящая книжка заключаетъ въ себѣ рядъ очерковъ по исторіи всеобщей литературы, разсчитанныхъ повидимому на широкую публику, изложенныхъ популярно и съ возможной въ такихъ случаяхъ научностью. Цѣль автора—„облегчить изученіе мало и вовсе незатронутыхъ нашими изслѣдователями вопросовъ тѣмъ любителямъ исторіи литературы, которые лишены возможности удѣлять много времени историко-литературнымъ изысканіямъ, но не довольствуются общими курсами и поверхностными очерками". По мнѣнію автора, — „трудъ историка литературы проходитъ незамѣченнымъ и не окупается, но онъ необходимъ, какъ несеніе извѣстнаго долга передъ обществомъ за тотъ небольшой досугъ, который оно предоставляетъ спеціалистамъ".

Сборникъ распадается на пять статей; первая посвящена общей, но всесторонней характеристикѣ литературной дѣятельности Эразма Роттердамскаго. Сжато, но рельефно передаетъ авторъ черты этой благородной и гармоничной личности, широко развитой въ духовномъ смыслѣ, съ глубокимъ и проникновеннымъ умомъ. Г. Шепелевичъ разсматриваетъ сначала педагогическія идеи Эразма, затѣмъ его отношенія къ литературному движенію Германіи въ XVI вѣкѣ, останавливается на теологическихъ сочиненіяхъ и на отношеніи знаменитаго гуманиста къ церковной реформѣ; послѣднія и наиболѣе обстоятельныя главы посвящены характеристикѣ „Похвалы глупости" и политическихъ идей Эразма. Эти идеи были замѣчательны для своего времени; но и въ наше время напоминаніе о нихъ далеко не лишено значенія по существу. Авторъ въ такой формѣ характеризуетъ основныя политическія идеи Роттердамскаго мудреца: „Въ противоположность Маккіавелли, — говоритъ онъ, — Эразмъ не думаетъ, что существуетъ два кодекса нравственности: одинъ для обыкновенныхъ смертныхъ, другой—для правителей. Онъ полагаетъ, что законъ для всѣхъ одинаковъ. „Государь не долженъ стыдиться повиноваться закону добра, которому повинуется самъ Богъ". „Никто не можетъ быть хорошимъ государемъ, не будучи хорошимъ человѣкомъ". „Тотъ, кто имѣетъ въ виду общественное благо—царь; тотъ, кто обращаетъ вниманіе лишь на свое собственное—тиранъ: но что же сказать о такихъ, которые основываютъ свое счастіе на несчастіи отечества?". О формѣ правленія Эразмъ не имѣетъ опредѣленнаго представленія: „Можетъ быть,—замѣчаетъ онъ,—лучше бы было никогда не вводить льва въ овчарню", протестуя этимъ противъ тираніи. Вообще онъ стоитъ за

монархическое правленіе, ограниченное сенаторами и народными представителями. Государю, по его мнѣнію, гораздо лучше имѣть дѣло съ людьми, добровольно повинующимися, нежели съ толпою рабовъ, знающихъ лишь страхъ. Скажутъ, замѣчаетъ Эразмъ, что царствовать такимъ образомъ, скорѣе значитъ быть подчиненнымъ, чѣмъ царемъ. „Совершенно наоборотъ,—самому себѣ возражаетъ гуманистъ,—это самая благородная манера царствовать. Богъ тоже рабъ, такъ какъ даромъ управляетъ міромъ и распространяетъ свои благодѣянія на все живое. Царствовать надъ ослами менѣе почетно, чѣмъ надъ разсудительными и свободными существами"... „Богъ также хотѣлъ повелѣвать свободными существами,—вотъ почему онъ далъ свободную волю ангеламъ и людямъ, чтобы возвысить великолѣпіе своего царства". „Только тѣ всецѣло принадлежатъ вамъ, кто добровольно оказываетъ повиновеніе. Страхъ подчиняетъ тѣла, а не души; христіанское милосердіе соединяетъ государя съ подданными".

Въ статьѣ „Бытъ и нравы Германіи XII—XIII столѣтія по Цезарію Гейстербахскому" авторъ набрасываетъ живую и яркую, но, къ сожалѣнію, нѣсколько отрывочно изложенную картину общественной и духовной жизни средневѣковой Европы. Цезарій Гейстербахскій — авторъ весьма любопытнаго латинскаго сборника „Dialogus miraculorum". Онъ отличался яснымъ пониманіемъ современнаго положенія, и сборникъ его, о чемъ читатель можетъ судить по извлеченіямъ г. Шепелевича, особенно богатъ фактическимъ матеріаломъ. Весьма любопытны приводимыя авторомъ черты изъ быта духовенства, которое изображается въ этомъ сочиненіи далеко не съ положительной стороны. Не лишены интереса и факты, рисующіе крайнюю грубость понятій и нравовъ, и это въ то время, когда умъ и фантазія „были опутаны теологической паутиной"... Съ поразительной объективностью передаетъ Цезарій ужасающіе факты изъ области религіозныхъ суевѣрій и ересей, совершенно тѣмъ же тономъ, какъ и эпизоды изъ похожденій святыхъ отцовъ, невольно напоминающіе наиболѣе соблазнительныя страницы Декамерона.

Одинъ изъ очерковъ авторъ посвящаетъ выясненію основной идеи „Венеціанскаго купца" Шекспира („Шейлокъ не хуже среды, его окружающей, по нравственнымъ качествамъ, а умомъ, остроуміемъ и чистотою семейныхъ нравовъ онъ значительно превосходитъ христіанскую среду"), другой—этюду о Боккачьо, по изслѣдованію А. Н. Веселовскаго, причемъ исходной точкой автора является желаніе разъяснить достоинства этого труда... Особой продуманностью отличается краткая характеристика драматическаго творчества Кальдерона, которому авторъ придаетъ, впрочемъ, нѣсколько преувеличенное значеніе. Въ итогѣ, книга г. Шепелевича—безусловно полезное явленіе въ на-

шей литературѣ, и, надо думать, она будетъ встрѣчена читающей публикой съ интересомъ.

VII.

— На вичну пам'ять Котляревському. Литературный збирныкъ. Выдавныцтво „Викъ". У Кыиви, 1904.

Изящно напечатанный, съ прекрасно выполненными иллюстраціями, сборникъ въ память Котляревскаго содержателенъ и интересенъ. Онъ открывается сонетомъ г. Ивана Франка, гдѣ, сравнивая знаменитаго украинскаго поэта съ орломъ, авторъ говоритъ:

Такъ Котляревськый у щаслывый часъ
Вкраинськымъ словомъ розпочавъ спиваты,
И спивъ той выглядавъ на жартъ не разъ...

Та бувъ у нимъ завдатокъ сылъ богатый,
И разъ засвиченый огонь не згасъ,
А розгоривсь, щобъ всихъ насъ огриваты.

Затѣмъ идетъ рядъ очерковъ, стихотвореній и разсказовъ художественнаго и бытового характера. Правдиво, точно съ натуры нарисованъ типъ сельскаго сатирика, принадлежащій перу г. Бѣлоусенко. Разсказъ ведется отъ самого доморощеннаго сатирика, и въ немъ наглядно рисуется и личность пѣвца, и бытовое значеніе сатирической пѣсни. Тонкимъ знаніемъ быта вѣетъ отъ разсказа г. Григоренко („Щастя"), какъ и отъ разсказовъ г.г. Винниченко, Левицкаго, г-жи Яновской; талантливо написаны разсказы гг. Стефаныка („Басарабы") и Бордуляка („Жура"). Маститый „Мордовець Даныло" помѣстилъ живой, написанный съ обычнымъ мастерствомъ, разсказъ „Луна зъ новои Украины". Въ отдѣлахъ стихотвореній и стихотворныхъ переводовъ находимъ имена гг. Волоха, Вороного, Грабовскаго, Гринченко, Доброхольскаго, Комаровой, Крымскаго, Павленко, Франка, Чернявскаго и др. Въ концѣ книги помѣщенъ библіографическій указатель изданій Энеиды Котляревскаго и литературы о немъ.

Въ наше вообще тяжелое для печати время сборники украинскихъ произведеній пріобрѣтаютъ особое значеніе. Они растутъ и развиваются, несмотря на всѣ внѣшнія затрудненія, создаваемыя искусственными теоріями государственнаго объединенія, предвзятыми принципами, давно уже обнаружившими свою несостоятельность. Теоретиковъ этого рода не убѣдить никакими фактами, ни указаніемъ на цѣлую литературу, созданную усиліями крупныхъ талантовъ, съ Котляревскимъ и Шевченко во главѣ, ни соображеніями историческаго характера, ни

доводами общечеловѣческой справедливости. Съ настойчивостью, достойной лучшей участи, они продолжаютъ ратовать за то, чтобы творенія великихъ національныхъ поэтовъ не распространялись въ широкой массѣ украинскаго народа, чтобы въ земскихъ школахъ преподаваніе велось на малопонятномъ дѣтямъ великорусскомъ нарѣчіи, чтобы, наконецъ, слово Божіе на родномъ языкѣ, священное писаніе, проникало къ нимъ изъ-за границы, тайкомъ, какъ какая-нибудь краденая вещь... И то, чего не лишены евреи и инородцы, эти тоже пока еще не родныя дѣти нашей государственной семьи, отнято у многомилліоннаго малорусскаго племени, не имѣющаго возможности, благодаря этимъ условіямъ, подняться, въ народной массѣ, до той культурной высоты, на которую она имѣетъ всѣ права по своимъ богатымъ дарованіямъ и особенностямъ своего національнаго генія. Тѣмъ большая честь ея литературѣ, прокладывающей свой путь среди камней и терній.—Евг. Л.

VIII.

— С. Н. Прокоповичъ. Мѣстные люди о нуждахъ Россіи. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Эта очень интересная книга г. Прокоповича заключаетъ сводъ мнѣній, высказанныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности относительно общихъ условій, дѣйствующихъ угнетающимъ образомъ на положеніе нашего сельскаго хозяйства. Центральное Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте, преподало мѣстнымъ комитетамъ программу занятій, обнимающую вопросы, непосредственно касающіеся сельскаго хозяйства; но при этомъ совѣщаніемъ не устранялись отъ разсмотрѣнія и другіе вопросы, имѣющіе, по мнѣнію мѣстныхъ людей, отношеніе къ сельско-хозяйственной промышленности. Мѣстные же люди на эти общіе, а не частные вопросы обратили главное вниманіе, и труды мѣстныхъ комитетовъ являются поэтому выраженіемъ взглядовъ провинціальнаго общества на современное направленіе внутренней политики Россіи. По мнѣнію г. Прокоповича, общественное мнѣніе въ трудахъ комитетовъ получило далеко не полное выраженіе. Непремѣнными членами комитетовъ были представители администраціи и земской управы, но въ ихъ составъ не вводились лица, избранныя для даннаго случая мѣстными организаціями, земскими, дворянскими, сельскими и т. п. Мнѣнія комитетовъ, въ ихъ оффиціальномъ составѣ, выражали бы поэтому взгляды лицъ, случайно оказавшихся въ данный моментъ въ несвойственной имъ роли выразителей общественнаго мнѣнія. Болѣе широкій общественный

характеръ приданъ былъ, впрочемъ, комитетамъ приглашеніемъ въ ихъ составъ разныхъ лицъ по выбору предсѣдателей: губернаторовъ и уѣздныхъ предводителей дворянства. Предсѣдатели въ очень различной степени воспользовались правомъ приглашенія; нѣкоторые пригласили лишь извѣстныхъ имъ лицъ, другіе открыли двери комитетовъ для всѣхъ гласныхъ земскихъ собраній, третьи приняли мѣры къ тому, чтобы былъ выслушанъ и голосъ крестьянъ. Основываясь на томъ фактѣ, что широко общественный характеръ составъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ имѣлъ далеко не вездѣ, авторъ и высказываетъ заключеніе, что эти комитеты „какъ суррогаты общественнаго представительства, должны были дать фальсифицированное общественное мнѣніе" (стр. 46).

Не получили мѣстные комитеты значенія настоящаго выразителя общественнаго мнѣнія и потому, что не всѣ предсѣдатели допускали въ нихъ разсмотрѣніе общихъ вопросовъ. Предсѣдатели комитетовъ находились въ этомъ отношеніи подъ двумя оффиціальными вліяніями. Предсѣдатель Особаго Совѣщанія, учредившаго комитеты, разсылая программы занятій, объяснялъ, что этимъ не имѣется въ виду „въ чемъ-либо стѣснить сужденіе мѣстныхъ комитетовъ, такъ какъ послѣднимъ будетъ поставленъ общій вопросъ о нуждахъ нашей сельско-хозяйственной промышленности, дающій имъ полный просторъ въ изложеніи своихъ взглядовъ" (стр. 6). Министръ же внутреннихъ дѣлъ, напротивъ того, предлагалъ губернаторамъ ограничивать дѣятельность комитетовъ спеціальной программой Особаго Совѣщанія. Въ зависимости отъ того, насколько предсѣдатели собраній чувствовали себя гражданами или чиновниками—мѣстные комитеты носили общественный или бюрократическій характеръ и въ первомъ случаѣ служили болѣе или менѣе яркимъ выраженіемъ взглядовъ общества на коренные недостатки нашего государственнаго быта. Въ нѣкоторыхъ комитетахъ не только не допускалось обсужденіе вопросовъ, неугодныхъ министру внутреннихъ дѣлъ, но предсѣдатели не прилагали даже соотвѣтствующихъ записокъ къ трудамъ комитетовъ для представленія въ Особое Совѣщаніе, и брали на себя такимъ образомъ роль цензора, не допускающаго мѣстнаго голоса до правительства. „Получается по истинѣ странное впечатлѣніе,—говоритъ по этому поводу одинъ публицистъ.—Высшее правительство обращается къ общественнымъ силамъ съ просьбою откровенно высказать свой взглядъ на причины упадка народнаго хозяйства и мѣры къ его подъему; а ближайшіе органы этого самаго правительства не допускаютъ до него тѣхъ самыхъ откровенныхъ сужденій, которыя оно желало выслушать" (стр. 41). Министерство внутреннихъ дѣлъ принимало и другія мѣры, чтобы не допустить до Особаго Совѣщанія свободнаго голоса мѣстныхъ людей:

„откровенно“ высказывавшіяся лица подвергались административному преслѣдованію. Мы не будемъ называть имена всѣмъ извѣстныхъ членовъ воронежскаго комитета, высланныхъ за свои мнѣнія административнымъ порядкомъ, но напомнимъ объ арестѣ въ Тулѣ крестьянина Новикова за записку о положеніи крестьянъ. Хотя подобныя непріятныя для отдѣльныхъ лицъ послѣдствія были результатомъ довѣрчиваго отношенія этихъ лицъ къ предложенію, исходившему отъ предсѣдателя Высочайше учрежденнаго Совѣщанія,—послѣднимъ не было принято никакихъ мѣръ огражденія отозвавшихся на призывъ Особаго Совѣщанія, и репрессивныя мѣры администраціи производили такое впечатлѣніе, что предсѣдатели нѣкоторыхъ комитетовъ сочли себя вынужденными предостеречь членовъ отъ преувеличенныхъ страховъ и призывать ихъ не уклоняться отъ своего долга выраженія высшему правительству того, что они считаютъ важнымъ и полезнымъ.

Въ книгѣ г. Прокоповича, на основаніи трудовъ мѣстныхъ комитетовъ, излагаются свѣдѣнія о личномъ составѣ различныхъ комитетовъ, объ отношеніи предсѣдателей послѣднихъ къ общимъ вопросамъ, поднимавшимся въ комитетахъ, и приводятся заявленія комитетовъ о той атмосферѣ, въ какой обречено развиваться начальное народное образованіе, о правовомъ положеніи крестьянъ и земскаго самоуправленія, мнѣнія комитетовъ о финансовой политикѣ государства, о малоземельи крестьянъ и о вопросѣ о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Авторъ говоритъ по возможности словами самихъ комитетовъ, и это придаетъ больше яркости и жизненности картинамъ правового положенія провинціи, каковыми прежде всего и слѣдуетъ считать очерки, составляющіе содержаніе разсматриваемаго труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ производитъ подсчетъ голосовъ комитетовъ, высказавшихся въ томъ или другомъ смыслѣ по разнымъ вопросамъ, квалифицируетъ высказанныя мнѣнія какъ либеральныя или консервативныя и дѣлаетъ попытку опредѣлить соотношеніе между либеральными и консервативными теченіями въ обществѣ.

Согласно подсчету автора по шести разсмотрѣннымъ имъ вопросамъ, мѣстными комитетами сдѣлано 1.061 либеральныхъ постановленій и 233 консервативныхъ, изъ коихъ 106 приходится на рабочій вопросъ. „Это подавляющее большинство либеральныхъ постановленій прошло въ комитетахъ, несмотря на ихъ составъ, цензуру предсѣдателей и кары, которымъ подвергались общественные дѣятели, откровенно высказывавшіе свои мнѣнія. Цифры эти свидѣтельствуютъ—насколько безпочвенна у насъ консервативная партія и какіе глубокіе корни пустило въ странѣ либеральное освободительное стремленіе“ (стр. 256). „Консервативная партія не можетъ быть признана самостоятельнымъ факторомъ русской жизни“,—говоритъ авторъ въ

другомъ мѣстѣ (стр. 258). Мы не считаемъ этого мнѣнія справедливымъ, и малочисленность консервативныхъ заявленій въ мѣстныхъ комитетахъ, указывающую на отсутствіе организаціи консервативныхъ силъ, объясняемъ ненужностью этой организаціи, въ виду того, что всѣ пожеланія консерваторовъ, и даже больше того, выполняются правительствомъ. Сила консервативныхъ теченій въ русскомъ обществѣ проявится въ то время, когда послѣднему будетъ предоставлено участвовать въ рѣшеніи вопросовъ государственнаго характера, и организованная дѣятельность партіи сдѣлается необходимымъ условіемъ проведенія тѣхъ или другихъ постановленій. О слабости нашихъ консервативныхъ силъ можно говорить при условіи, если подъ консерватизмомъ разумѣть стремленіе сохранить всецѣло тотъ порядокъ, который созданъ законодательной и административной практикой послѣднихъ двадцати лѣтъ. Но внутреннее безсиліе такого консерватизма доказывается не постановленіями мѣстныхъ комитетовъ, а тѣмъ, что господство даннаго режима ведетъ къ колебанію самихъ основаній общественнаго благоустройства. Время университетской жизни нашей молодежи, напр., проходитъ не въ ученіи, а въ волненіяхъ, вредно отражающихся на занятіяхъ и здоровьи нашихъ сыновей и дочерей; государство оказывается одинаково безсильнымъ и водворить въ учебныхъ заведеніяхъ порядокъ, и создать обстановку, устраняющую поводы къ безпорядкамъ. Повсюду въ Россіи происходятъ массовыя насилія надъ мирными гражданами, а полиція остается или безсильной свидѣтельницей разрушенія, или—въ случаяхъ еврейскихъ погромовъ—не всегда даже молчаливымъ нравственнымъ въ нихъ соучастникомъ; иначе и не можетъ отнестись къ насиліямъ учрежденіе, само воспитавшееся на насиліи. Въ обществѣ ходятъ легендарные разсказы о хищеніяхъ въ разныхъ учрежденіяхъ, и власть оказывается настолько безсильной съ ними бороться, что почти слагаетъ съ себя отвѣтственность за цѣлость ввѣряемыхъ ей посылокъ на Дальній Востокъ. Предсѣдатель судебной палаты въ процессѣ, ведущемся при открытыхъ дверяхъ въ Гомелѣ, не задумываясь становится на одну сторону противъ другой и систематически противодѣйствуетъ выясненію, путемъ судебнаго слѣдствія, обстоятельствъ дѣла, подлежащаго разсмотрѣнію суда. Объ этихъ и имъ подобныхъ неустройствахъ открыто говорится всюду, и безсиліе власти устранить ихъ служитъ самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ недомоганія дѣйствующаго механизма, и если послѣдній является выраженіемъ консервативныхъ (а не реакціонныхъ) тенденцій въ русскомъ обществѣ, то можно безъ колебанія утверждать, что консерватизмъ у насъ вымираетъ. Но консерватизмъ и реакція—не одно и то же, и самъ г. Прокоповичъ замѣчаетъ, что „консервативное общественное мнѣніе

также нуждается въ извѣстной свободѣ и въ извѣстныхъ политическихъ правахъ для своего проявленія" (стр. 257). Это обстоятельство не могло не усилить либеральныхъ теченій въ мѣстныхъ комитетахъ; а эти теченія такъ ярко выразились въ трудахъ комитетовъ именно потому, что господствующій режимъ находится въ полномъ противорѣчіи съ элементарнѣйшими нуждами страны. Въ этомъ обстоятельствѣ нужно видѣть и главную силу освободительнаго движенія въ Россіи. Это движеніе гораздо болѣе есть движеніе интеллигенціи, нежели общества. Это нисколько, однако, не умаляетъ его значенія, потому что безъ участія интеллигенціи въ наше время невозможна никакая творческая работа, и правительство, отшатнувши отъ себя интеллигентныя силы, теряетъ корни, связывавшіе его съ почвою страны, и обрекаетъ послѣднюю на опасныя волненія внутри и на безсиліе во внѣшнихъ отношеніяхъ.

Моральная сила, однако, не есть еще сила политическая. Разрывъ между властью и интеллигенціею грозитъ намъ неисчислимыми бѣдствіями; но прочное возстановленіе вліянія послѣдней возможно лишь при активномъ сочувствіи народныхъ массъ. Такого же мнѣнія держится, повидимому, и авторъ разсматриваемаго нами труда. „Теперь уже нельзя дѣлать политику безъ народныхъ массъ и тѣмъ болѣе противъ нихъ,—говоритъ онъ.—Ни бюрократія, ни либеральное общество не могутъ игнорировать этотъ новый политическій факторъ. Если массы не будутъ за либеральную партію, онѣ поддержатъ бюрократію" (стр. 260). Эти вполнѣ правильныя соображенія, однако, больше принимаются въ теоріи, чѣмъ проводятся на практикѣ; и уже поэтому нельзя категорически утверждать, что освободительное движеніе „пустило глубокіе корни въ странѣ". Почва для этого движенія прекрасно подготовлена и стихійнымъ процессомъ жизни, и сознательными мѣрами бюрократіи; но корни его распространяются пока лишь въ поверхностныхъ слояхъ.

Высказанныя нами замѣчанія о нѣкоторыхъ выводахъ г. Прокоповича, конечно, нисколько не умаляютъ интереса его труда, какъ живой картинки правового положенія провинціи и какъ попытки анализа содержанія и подсчета силъ нашего либеральнаго и консервативнаго теченій.

IX.

— Проф. В. А. Косинскій. Къ вопросу о мѣрахъ къ развитію производительныхъ силъ Россіи. Одесса. 1904.

Названная брошюра профессора новороссійскаго университета, В. А. Косинскаго, есть какъ бы предварительное сообщеніе о боль-

шомъ изслѣдованіи, которое будетъ закончено нескоро. Въ этой брошюрѣ разсматривается вопросъ о томъ, какъ происходитъ развитіе крупной промышленности и какимъ образомъ этотъ процессъ связанъ съ судьбами промышленности мелкой. Авторъ возражаетъ противъ мнѣнія, что развитіе крупной промышленности слѣдуетъ объяснять концентраціей послѣдней и что крупное производство возвышается на развалинахъ мелкаго. Сравнивая данныя двухъ послѣднихъ промышленныхъ переписей Германіи по группамъ производствъ (бумажное, кожевенное и т. д.) и по классамъ предпріятій каждой группы, различающимся по размѣрамъ (предпріятія съ 2—5 рабочими, 6—10 рабочими и т. д.), г. Косинскій констатировалъ три явленія: 1) что процентъ мелкихъ предпріятій, и особенно процентъ лицъ, занятыхъ въ этихъ предпріятіяхъ, въ 1895 г. сократился сравнительно съ 1882 г., а процентъ лицъ, приходящихся на среднія и крупныя предпріятія, увеличился; это значитъ, что крупныя предпріятія играютъ теперь въ промышленной жизни Германіи болѣе видную роль, нежели раньше; 2) число мелкихъ предпріятій, однако, тоже увеличилось, и крупная промышленность, слѣдовательно, выросла не на счетъ мелкой; 3) увеличился и средній размѣръ предпріятія каждаго почти класса, что свидѣтельствуетъ о постепенномъ окрупнѣніи предпріятій во всѣхъ группахъ и классахъ германской промышленности.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ проф. Косинскій выводитъ заключеніе, что развитіе нѣмецкой промышленности совершается путемъ увеличенія числа и размѣровъ предпріятій на всѣхъ ступеняхъ перехода отъ самой мелкой промышленности до самой крупной; или, какъ онъ выражается, нѣмецкая промышленность ростетъ во всѣхъ суставахъ промышленнаго организма. Это значитъ, что она ростетъ изъ самой себя, и въ себѣ самой находитъ соки для этого роста. Въ каждомъ классѣ предпріятій постепенно накопляются капиталы, идущіе на дальнѣйшее расширеніе производства, которое происходитъ, поэтому, съ извѣстной постепенностью. Новые мелкіе капиталы затрачиваются на образованіе новыхъ же мелкихъ предпріятій. Процессъ расширенія идетъ, однако, быстрѣе процесса нарожденія, и потому процентъ болѣе крупныхъ предпріятій, или процентъ числа лицъ, занятыхъ въ болѣе крупныхъ предпріятіяхъ, во всѣхъ составныхъ частяхъ германской промышленности увеличивается. Авторъ, поэтому, совершенно несогласенъ со взглядомъ, „будто каждая эпоха имѣетъ свою типическую форму предпріятія—наше время, напримѣръ, будто бы имѣетъ свою типическую форму въ фабрикѣ. Существуютъ рядомъ всевозможныя формы предпріятій, и ни одна изъ нихъ не имѣетъ исключительнаго, господствующаго значенія типа“ (стр. 35).

Если же между мелкой и крупной промышленностью нѣтъ анта-

гонизма, если крупная промышленность постепенно выростаетъ изъ мелкой и организуется на средства, накопляемыя въ этой послѣдней; если, словомъ, мы имѣемъ передъ собой не борьбу двухъ формъ промышленности, а разностороннее развитіе послѣдней, то „этимъ самымъ указанъ тотъ пунктъ промышленной жизни, воздѣйствіе на который въ нашъ историческій моментъ можетъ дать самые благіе результаты". Пунктъ этотъ есть мелкая промышленность. Въ Германіи въ 1895 г. 93,4% всѣхъ предпріятій въ промышленности и торговлѣ принадлежали къ числу тѣхъ, которые даютъ занятіе не больше какъ пяти лицамъ. Даже въ пятнадцати крупнѣйшихъ городахъ Германіи перепись 1882 г. обнаружила 94% предпріятій съ числомъ рабочихъ 1—5 въ каждомъ, а перепись 1895 г.—89,2%. „Уже однѣ эти цифры показываютъ, какъ велико значеніе всякихъ мѣръ, направленныхъ на пользу мелкой промышленности: эти мѣры затрогиваютъ интересы громадной массы населенія. А такъ какъ мелкая промышленность является колыбелью крупной, то это придаетъ означеннымъ мѣрамъ еще бо̀льшее значеніе; заботясь о мелкой промышленности, мы тѣмъ самымъ содѣйствуемъ крупной индустріи, и притомъ въ самый важный моментъ—моментъ ея возникновенія", in statu nascenti".

Будемъ ожидать съ нетерпѣніемъ появленія интереснаго изслѣдованія г. Косинскаго. Не знаемъ, коснется ли онъ въ немъ исторіи промышленнаго развитія Россіи. Новѣйшій періодъ этой исторіи представляетъ полную противоположность тому, что̀ наблюдается въ Германіи. „Въ шестидесятыхъ годахъ промышленность Германіи состояла по преимуществу изъ мелкихъ предпріятій. Изъ этой мелкой промышленности и выросла современная крупная индустрія Германіи. Несомнѣнно, что нѣкоторыя предпріятія основываются на капиталъ, пришедшій издалека; но громадное большинство ихъ выростаетъ изъ мелкихъ" (стр. 34).

Въ Россіи, какъ извѣстно, мелкая промышленность находится въ полномъ пренебреженіи, и развитіе крупной индустріи достигалось въ послѣднее время путемъ привлеченія огромныхъ иностранныхъ капиталовъ. Это средство промышленнаго развитія нарушаетъ естественную эволюцію экономической жизни и дѣйствуетъ революціонно, сметая совершенно цѣлые классы предпріятій. Мы здѣсь имѣемъ дѣйствительно настоящую и притомъ побѣдоносную борьбу крупнаго производства съ мелкимъ. Сомнѣваемся, однако, чтобы отъ этого много выиграла наша страна, и вполнѣ присоединяемся къ слѣдующему заключенію автора (стр. 38). „Пора намъ вообще обратить самое серьезное вниманіе на развитіе тѣхъ силъ, которыя я позволю себѣ, пользуясь аналогіей съ естественными явленіями, назвать молекулярными силами общества. Молекулярными силами сдерживается вся вселенная, ихъ

дѣйствія безконечно громадны. Въ развитіи молекулярныхъ силъ общества принимаютъ участіе необъятныя массы народныя, способныя дать колоссальные результаты".

X.

— Очерки по крестьянскому вопросу. Собраніе статей подъ редакціей проф. московскаго университета А. А. Мануилова. Выпускъ II. Москва. 1905. Цѣна 1 р. 75 коп.

Возбужденіе крестьянскаго вопроса въ правительственныхъ сферахъ и передача министерствомъ внутреннихъ дѣлъ выработаннаго имъ проекта преобразованія крестьянскихъ учрежденій на разсмотрѣніе особо образованныхъ для этого мѣстныхъ комитетовъ, вызвало оживленіе этого вопроса и въ литературѣ. Результатомъ этого оживленія было, между прочимъ, появленіе особымъ изданіемъ статей по крестьянскому вопросу, печатавшихся въ разное время въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ". Первый выпускъ этихъ статей, подъ заглавіемъ: „Очерки по крестьянскому вопросу", изданъ былъ въ началѣ текущаго года; второй, составляющій предметъ настоящей замѣтки, явился въ свѣтъ недавно. Наибольшая часть послѣдняго выпуска принадлежитъ, впрочемъ, не статьямъ названной газеты, а запискамъ, составленнымъ для Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, причемъ самая крупная статья сборника: „Аренда земли въ Россіи въ экономическомъ отношеніи", была уже напечатана въ „Вѣстникѣ финансовъ". Арендѣ земель въ разсматриваемомъ изданіи, кромѣ названной статьи г. Мануилова, посвящена еще работа г. Брейера: „Сдача и съемъ надѣльныхъ земель", и разборы г. Мануиловымъ взглядовъ Особаго Совѣщанія на законодательное регулированіе арендныхъ отношеній, и г. Хвостовымъ—на русское и западно-европейское законодательство объ арендахъ. Кромѣ того, въ разсматриваемомъ изданіи напечатаны еще четыре очерка. Въ старыхъ статьяхъ „Русск. Вѣд.", написанныхъ г. Скалономъ: „Крестьянскій банкъ и его недоимщики", авторъ высказывается въ пользу того, чтобы крестьянскій банкъ поставилъ себѣ задачей не помощь крестьянамъ въ пріобрѣтеніи земель вообще, а „содѣйствіе поземельному устройству крестьянъ, т.-е. оказанію крестьянамъ помощи для покупки земель, имѣющихъ для нихъ значеніе надѣла (напр., участки, пріобрѣтаемые для соединенія частей надѣла, для пополненія послѣдняго недостающими угодьями, для доведенія размѣра его до установленной нормы необходимаго округленія и т. п.), а также помощь безземельнымъ". „При этомъ желательно,

чтобы въ отношеніи взысканія платежей по ссудамъ банкъ дѣйствовалъ на началахъ, установленныхъ положеніемъ о выкупѣ". Статья г. Герценштейна о сберегательныхъ кассахъ развиваетъ мысль о томъ, что капиталы этихъ кассъ должны употребляться не для государственныхъ надобностей или поддержанія крупныхъ промышленныхъ предпріятій, какъ это имѣетъ мѣсто у насъ, а для нуждъ населенія, наполняющаго кассы своими сбереженіями. Статьи гг. Розенберга и Мануилова разбираютъ проекты министерства внутреннихъ дѣлъ по вопросамъ организаціи волости и общиннаго землевладѣнія.

Наиболѣе постоянный интересъ имѣютъ статьи о крестьянскихъ арендахъ и сдачѣ и съемкѣ надѣльныхъ земель. Особенно важное значеніе имѣетъ послѣдняя статья, потому что въ литературѣ встрѣчается очень мало попытокъ разработать данный вопросъ, на основаніи огромнаго матеріала такъ называемой земской статистики. Къ сожалѣнію, авторъ не задавался цѣлью полной сводки этого матеріала и даже не овладѣлъ послѣднимъ, вслѣдствіе чего приводимыя имъ данныя имѣютъ нерѣдко характеръ случайныхъ. Для примѣра укажемъ на то, что по вопросу о связи сдачи надѣльной земли съ размѣрами надѣловъ сдатчиковъ авторъ оперируетъ по преимуществу со свѣдѣніями, касающимися не домохозяевъ съ той или другой площадью семейныхъ участковъ, а цѣлыхъ общинъ. Разсмотрѣніе же вопроса сдачи надѣловъ въ связи съ дѣйствительнымъ землевладѣніемъ сдатчиковъ сдѣлано имъ лишь для орловскаго уѣзда, несмотря на то, что групповыя и комбинаціонныя таблицы земской статистики по нѣкоторымъ губерніямъ (особенно по саратовской и таврической) допускали гораздо болѣе обстоятельное разсмотрѣніе этого вопроса. Неполнота свѣдѣній и нѣкоторая случайность въ пользованіи матеріалами замѣчаются въ работѣ г. Мануилова о крестьянскихъ арендахъ. Такъ, въ таблицахъ распространенія аренды по уѣздамъ и губерніямъ, составленныхъ по даннымъ основныхъ земскихъ изслѣдованій крестьянскаго хозяйства, для ярославской и пермской губерній приведено лишь по одному уѣзду. Вопросъ о зависимости крестьянской аренды отъ нѣкоторыхъ экономическихъ факторовъ въ саратовской, напр., губерніи, съ примѣненіемъ данныхъ комбинаціонныхъ таблицъ, трактуется авторомъ на основаніи труда г. Каблукова: „Условія развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи", въ которомъ приводятся свѣдѣнія лишь для одного хвалынскаго уѣзда, между тѣмъ какъ статистическія изданія губернскаго земства позволяютъ разсмотрѣть этотъ вопросъ и для нѣкоторыхъ другихъ уѣздовъ этой губерніи. Нѣкоторыя другія характерныя данныя объ арендахъ въ саратовской губерніи извлекаются изъ краткаго доклада губернской земской управы и игнорируется большая статья г. Колобова по данному вопросу („Саратовская Земская Недѣля", 1902 г., № 11—12),

представляющая тѣмъ бо̀льшій интересъ, что въ распоряженіи автора находились неопубликованныя еще данныя новѣйшаго изслѣдованія крестьянскаго хозяйства, между тѣмъ какъ г. Мануилову приходилось пользоваться преимущественно матеріаломъ, собраннымъ еще въ восьмидесятыхъ годахъ. Въ статьѣ г. Мануилова мы встрѣтили, кромѣ того, неполныя данныя и неточныя обозначенія. Такъ, при распредѣленіи земли, арендуемой сельскими сословіями полтавской губ., по срокамъ аренды, упущены угодья, снятыя на одинъ урожай (стр. 133); заголовки таблицъ наемныхъ цѣнъ земли, на стр. 145 и 146: „при долгосрочной арендѣ", „при краткосрочной арендѣ"—должны быть замѣнены слѣдующими: „при арендѣ", „при съемкѣ на одинъ урожай", и т. д.—В. В.

Въ истекшемъ декабрѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія книги и брошюры:

Авиновъ, Н. Н.—Опытъ программы систематическаго чтенія по вопросамъ земскаго самоуправленія. М. 905. Ц. 20 к.

——— Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ. Сарат. 904. Ц. 50 к.

Ароратянъ, І. А.—Задачникъ-тетрадь къ конкретной методѣ преподаванія курса ариѳметики въ азбучномъ и младшемъ отдѣленіяхъ. Ч. I и II. Баку, 904. Ц. 10 к.

——— Тетрадь къ конкретной методѣ преподаванія курса ариѳметики въ азбучномъ и младшемъ отдѣленіяхъ. Ч. I и II. Баку. 904. Ц. 10 к.

——— Конкретная метода преподаванія нумераціи на приспособленной къ ней ариѳметической машинкѣ. Баку. 904. Ц. съ машинкой 15 рублей.

——— Для учителей и родителей. Конкретная метода преподаванія курса ариѳметики въ азбучномъ и младшемъ отдѣленіяхъ. Баку. 904. Ц. 40 к.

Аренсъ, Е. П.—Русскій флотъ. Историческій очеркъ. Спб. 904. Ц. 20 к.

Ачкасовъ, Алексѣй. — „Повѣяло весною"... — Рѣчи г. министра вн. дѣлъ князя П. Д. Святополкъ-Мирскаго и толки о нихъ въ прессѣ. М. 904. Ц. 50 к.

Барсуковъ, Николай. — Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 2. Изд. 2-е. Спб. Тип. М. Стасюлевича. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Бауманъ, В. И.—Курсъ маркшейдерскаго искусства. Ч. I: Опредѣленіе направленія астрономическаго меридіана и съёмка висячими инструментами. Съ 89 чертеж. Спб. 905. Ц. 1 р. 80 к.

Бобриковъ, Г. И., генер.-отъ-инф. — Мотивы преобразованія мѣстныхъ учрежденій. Мнѣніе члена волынскаго губернскаго совѣщанія. 904. Стр. 33. Ц. 75 к.

Бобылевъ, Д. М.—Учрежденія для мелкаго кредита въ Пермской губерніи за 1903 г. Пермь. 904.

Борхардъ, Бруно, д-ръ.—Въ началѣ столѣтія: Культурныя завоеванія XIX-го столѣтія. Съ нѣм. Э. Бернштейнъ. М. 905. Ц. 40 к.

Брэ, Руфь.—Право на материнство. Призывы къ борьбѣ съ проституціей, женскими и половыми болѣзнями. Съ нѣм. Нины Коршъ. М. 905. Ц. 40 к.

Бюхеръ, К.—Крупные города въ прошломъ и настоящемъ. Съ нѣм. Б. Вологдинъ. Спб. 905. Ц. 30 к.

Бѣлоконскій, И. П.—Разсказы. Ростовъ н/Д. 905.

Волковъ, Н. Н.—Джорджъ-Генри и Льюисъ. Біографич. очеркъ съ его портретомъ. Владикавк., 904. Ц. 15 к.

Врадій, В. П.—Двухлѣтнее путешествіе по Азіи. Великимъ морскимъ путемъ въ Азію. Вып. I. Спб. 904. Стр. 31. Ц. 70 к.

Гиляровскій, В. М., протоіерей.—Собраніе проповѣдей. Т I. Спб. 905. Ц. 2 р.

Горяевъ, Н. — Этимологическія объясненія наиболѣе трудныхъ и загадочныхъ словъ въ русскомъ языкѣ. Тифл. 905. Ц. 60 к.

Грабина, А. Т. — Давни Ричи (Русско-украинскій сборникъ). Кіевъ. 904. Цѣна 35 к.

Гредескулъ, Н. А.—Марксизмъ и Идеализмъ. Публ. лекція. Харьк. 905.

Гриневецкій, Б. — Предварительный отчетъ о путешествіи по Арменіи и Карабаху въ 1903 году. Спб. 904.

Д., В. — Основныя начала христіанскаго воспитанія, съ изложеніемъ способовъ обученія Закону Божію. Харьк. 902. Ц. 90 к.

Давыденко, В.—Церковно-приходская школа. Съ приложеніемъ двухъ портретовъ. Харьк. 903. Ц. 2 р.

Делабель, д-ръ Жюль.—Школьная гигіена. Перев. п. р. д-ра мед. А. Вирениуса. Спб. 905. Ц. 1 р.

Дризенъ, бар. Н. В.—Матеріалы для исторіи русскаго театра. М. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Дрожжинъ, С. Д.—Новыя стихотворенія. 1898—1903. М. 904. Ц. 50 к.

Дюпоркъ, Л., и *Мрозекъ*, Л.—Троицкое мѣсторожденіе желѣзныхъ рудъ въ Кизеловской дачѣ на Уралѣ. Спб. 904. Ц. 3 р. Съ 6 табл. и географ. картою.

Еленскій, Н. О.—Основныя начала страхованія жизни въ общедоступномъ изложеніи. Спб. 904.

Ждановъ, Левъ. — Царь Іоаннъ Грозный. Историческая повѣсть. Изданіе, вполнѣ переработанное для юношества, съ 10 иллюстр. и съ древнимъ планомъ Москвы и осады Казани. Спб. 904.

Житковъ, С. М.—Формула денежнаго обращенія. Спб. 905.

Іегера, О. — Всеобщая исторія, въ 4 т., пер. Л. З. Слонимскаго. Вып. 2, съ 90 иллюстр. Спб. 905. Ц. 1 р.

Иностранцевъ, А.—Геологія, т. I. Спб. 905. Ц. 4 р. 50 к.

Кенигъ, Бруно Эмиль. — Черные Кабинеты въ западной Европѣ. Исторія нарушенія почтовой тайны. Съ нѣм. Я. Шабацъ. М. 905. Ц. 60 к.

Козловъ, В. Д.—Дневникъ военнаго корреспондента. Въ тылу у японцевъ. Набѣгъ партизановъ въ Корею. Спб. 904. Ц. 1 р.

Коссинскій, бар. Ф. М.—Состояніе русскаго флота въ 1904 году. Съ 11 рис. Спб. 904.

Корнаковъ, В. — Краткій практическій курсъ геометрическаго ученія и землемѣрія въ связи съ необходимыми свѣдѣніями изъ геометріи. 504 черт. въ текстѣ. Изд. 5-е. Спб. 904. Ц. 50 к.

Корфъ, бар. Н. А.—О численности населенія въ Кореѣ. Спб. 904.

Коцюбинськый, М.—Для вачальнаго добре. Черныгивъ, 904. Ц. 20 к.

Кр—инъ, К.—Взаимопомощь среди животныхъ и людей. Спб. 904. Ц. 1 р. 25 к. (Перев. съ англ. А. Николаевъ).

Крюковъ, Н. А.—Эвкалипты, ихъ польза и значеніе. Съ 16 рис. Спб. 904. Цѣна 75 коп.

Лейкинъ, Н А.—Въ родномъ углу, ром.—Просвѣтитель, пов. Спб. 905. Ц. 1 р. 20 к.

Милюковъ, П. — Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и Реформа Петра Великаго. Изд. 2-е. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Миропольскій, А. Л.—Вѣдьма. Лѣствица. М. 905. Ц. 1 р.

Михайловъ-Стоянъ.—Еврей Ивановъ 20 лѣтъ—на цѣпи. Петроградъ (Спб.) 904.

——— Генезисъ, Анализъ и Методъ естественнаго пѣнія. Руководство къ быстрому достиженію правильнаго и хорошаго пѣнія. Спб. 904.

——— Къ столѣтнему юбилею Глинки. Два генія. Двѣ сестры. Спб. 904.

Мошковъ, В. А.—Турецкія племена на Балканскомъ полуостровѣ. Спб. 904.

Мушкетовъ, И. В. — Геологическія изслѣдованія вдоль линіи Кругобайкальской желѣзной дороги. Вып. I. Спб. 904.

Некрасовъ, П. А. — Московская философско-математическая школа и ея основатели. М. 904.

Никитенко, А. В.—Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, „чему свидѣтель въ жизни былъ". Записки и Дневникъ (1804—1877 гг.). Съ портр. автора. Изд. 2-е, исправл. и дополн. п. р. М. К. Лемке. Т. I и II. Спб. 905. Ц. за оба тома 7 р.

Плетневъ, Алексѣй. — Парижскіе босяки. Очерки изъ парижской жизни: Философъ—Компаньонъ—Пляска живота—Почтенный джентльменъ—Студентка—Моралистъ. Спб. 905. Ц. 30 к.

Прокофьевъ, Е. П.—„Убійца". Кіевъ. 904. Ц. 70 к.

Радченко, А. Ѳ.—На распутьи. Стих. (1901—1904 г.) Спб. 905. Ц. 60 к.

Ройтланъ, Дм.—Начала геометріи. Отдѣлъ I: Чѣмъ занимается геометрія? Отдѣлъ II: Практическая геометрія. Спб. 905. Ц. 40 к.

Рыбчинскій, Н. Ф.—Собраніе сочиненій. Т. I: Ольгердъ и Кейстутъ. Историческая поэма изъ литовской жизни, съ предисловіемъ о германо-славянскихъ отношеніяхъ. Варш. 904. Ц. 75 к.

Саводникъ, В. Ѳ.—Къ вопросу о Пушкинскомъ Словарѣ. Спб. 904.

Свирскій, А. П.—Преступникъ. Записки арестанта. Т. I: Разсказъ. Кіевъ. 905. Ц. 1 р.

Сикорскій, И. А., проф. — Всеобщая Психологія съ Физіогномикой, въ иллюстрированномъ изложеніи. Съ 21 табл. и 285 фиг. въ текстѣ. Кіевъ. 905. Цѣна 5 р.

Скальковскій, К.—За годъ. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Смѣлковъ, В. М.—Дворянскій мелкій банковый кредитъ. Спб. 904. Ц. 50 к.

Сѣверовъ, Н.—Шербекскіе выборы. Разсказъ изъ фламандскихъ нравовъ. Спб. 904.

Темниковскій, Евг.—Новая книга о папствѣ. Яросл. 904.

Тихоміровъ, В. В.—Къ вопросу объ организаціи военно-медицинскаго вѣдомства. Вильна. 904. Ц. 10 к.

Толстой, гр. Сергѣй.—О составѣ крестьянскаго сословія. Изд. журнала „Русская Мысль". М. 904. Стр. 79. Ц. 50 к.

Толстой, Н.—Три сестры. Сказка въ стихахъ для всѣхъ возрастовъ. Рисунки и заставки автора. Спб. 905.

Таранчукъ, П.—Іерей Макарій. Повѣсть о превращеніи человѣка. М. 904. Цѣна 35 к.

Трубецкая, кн. О.—Кн. В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Матеріалы для біографіи. Т. I, кн. 2: ч. 3 и 4. М. 904. Ц. 3 р.

Успенскій, Д. М., д-ръ.—Основы органотерапіи. Спб. 905. Ц. 40 к.

Файфъ, Ч.—Исторія Европы XIX-го вѣка. Съ англ. перев. М. Лучицкой, п. р. проф. Лучицкаго. Изд. 2-е. Спб. 904. Ц. 5 р. 50 к.

Фаресовъ, А. И.—Семидесятники. Очерки умственныхъ и политическихъ движеній въ Россіи. Спб. 905. Ц. 2 р.

Хвостовъ, Н. Б.—Подъ осень. Стихотворенія. Спб. 905. Стр. 176. Ц. 1 р.

Чернышевъ, В.—Гоненія на христіанъ въ Римской имперіи. Общедоступные историческіе разсказы. Спб. 904. Ц. 50 к.

Чижевскій, П.—Вопросъ объ измѣненіи цензовыхъ нормъ и системы избранія земскихъ гласныхъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. Екатеринославъ, 904.

Шапиръ, Ольга.—Инвалиды и новобранцы. Спб. 905. Ц. 1 р.

Шараповъ, С.—Тучи. М. 904. Ц. 30 к.

Шлиппе, Ф. В. — Крестьянское хозяйство въ Верейскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Спб. 905.

— Библіотека для семьи и школы: 1) Весенніе гости, стих. И. А. Бѣлоусова, ц. 25 к.; 2) Державный вождь земли русской имп. Петръ В., Д. И. Тихоміpова, ц. 60 к.; 3) Черезъ Алай и Памиръ, Б. Тагѣева-Рустамъ-Бека, ц. 15 к.; 4) Картинки изъ японской жизни, состав. Е. Н. Тихомірова, ц. 15 к. М. 905.

— Былины. Вольга. Рисов. И. Я. Билибинъ. Изд. И. И. Билибина. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

— Городское и Земское Общественное хозяйство на 1904—5 г. Вып. I. Изд. А. С. Харитонова Спб. 904. Ц. 3 р.

— Записки Имп. Рус. Географ. Общества по Общей Географіи. Т. XLI, № 1: Отчеты Экспедиціи Имп. Русск. Геогр. Общества на Канинъ полуостровъ въ 1903 г. Спб. 904.

— Крѣпостное право на Руси. Сборникъ. Спб. 904.

— Матеріалы по статистикѣ землевладѣнія въ Россіи. Вып. VIII: Библіографическій Указатель литературы по статистикѣ землевладѣнія. Спб. 904.

— Московская губернія по мѣстному обслѣдованію. 1898 — 1900 гг. Т. I: Поселенныя таблицы и поуѣздныя итоги. Вып. III. М. 904.

— Настоящее положеніе русской желѣзной промышленности. Спб. 904.

— Научный Архивъ Виленской Окружной Лечебницы. Вильна. 904.

— Нужды деревни, по работамъ Комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Т. II. Сборникъ статей Н. Анненскаго, М. Герценштейна, А. Каминки, А. Мертваго, А. Пѣшехонова, А. Чупрова и др. Изданіе Н. Львова и А. Стаховича, при участіи ред. газ. „Право“. Спб. 904. Ц. 3 р. 50 к.

— Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губерніи. Т. VIII: Опредѣленіе доходности земельныхъ угодій. Ч. IV: Сводъ доходностей земель и лѣсовъ. Уфа. 904. Ц. 1 р. 25 к.

— Сибирскій сборникъ за 1904 годъ. П. р. И. И. Попова. Ирк. 904.

— Современный Календарь на 1905 г. А. Д. Ступина. М. 904. Ц. 15 к.

— Составъ служащихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ въ отношеніи подданства, языка и образовательнаго ценза. Спб. 904.

— Статистико-экономическій обзоръ по Елисаветградскому уѣзду, Херсонской губ., за 1903 г. Елисаветгр. 904.

— Три бесѣды о современномъ значеніи философіи. Каз. 904. Ц. 35 к.

— Труды опытныхъ лѣсничествъ. 1904 г. 2-й вып. Спб. 904.

— Труды подкоммиссіи по вопросу о введеніи преподаванія статистики въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 904. Ц. 30 к.

ЗАМѢТКА.

По поводу книги г. Евгенія Аничкова: „Литературные образы и мнѣнія“. Спб. 1904.

Книга г. Аничкова читается съ большимъ интересомъ. Въ рядѣ небольшихъ, живо написанныхъ очерковъ авторъ останавливается на вопросахъ, которые съ давнихъ поръ занимаютъ русскаго читателя и вызываютъ нескончаемые споры, рѣдко приводящіе къ примиренію: таковы вопросы о роли искусства въ дѣйствительности, и обратно — дѣйствительности въ искусствѣ. Обсужденіе подобныхъ вопросовъ стоитъ по большей части въ связи съ появленіемъ тѣхъ или иныхъ новыхъ произведеній, волнующихъ въ данный моментъ читателя и вызывающихъ въ немъ рѣзкую противоположность мнѣній, и если не всегда можно сказать, что изъ этого — „choc des opinions jaillit la vérité“, то во всякомъ случаѣ за серьезно обоснованнымъ отстаиваніемъ своихъ мнѣній несомнѣнно остается значеніе новаго шага впередъ въ углубленіи и изслѣдованіи истинныхъ задачъ искусства. Такими литературными произведеніями, которыя какъ бы иллюстрируютъ теоретическія положенія, данныя авторомъ въ первой половинѣ книги („Эстетика правды-справедливости“), являются у него разсказы Леонида Андреева, Максима Горькаго, Станислава Пшибышевскаго, Серафимовича, Бунина, Куприна (въ сборникахъ „Знанія“) и поэты „Скорпіона“. Книга, такимъ образомъ, отличается единствомъ настроенія и, что оказывается при ближайшемъ знакомствѣ, единствомъ основной мысли. О ней можно сказать, что она хорошо сдѣлана; зданіе эстетики, воздвигнутое ею, стройно, воздушно, легко... такъ легко, что по временамъ является опасеніе, не слѣдовало ли бы укрѣпить нѣкоторыя части постройки, чтобы сообщить ей большую стойкость въ борьбѣ съ непокорными стихіями,—но во всякомъ случаѣ существо книги носитъ на себѣ печать обширной эрудиціи и живой, пытливой мысли. Задача, поставленная себѣ авторомъ, трудна, но благодарна: осмыслить совершающійся на нашихъ глазахъ процессъ образованія новыхъ литературныхъ формъ и новыхъ эстетическихъ воззрѣній всегда своевременно, а теперь и особенно важно. Русская литература до такой степени сжилась со всѣмъ ходомъ нашего общественнаго развитія, что всякая внутренняя перемѣна, совершающаяся въ художественномъ самосознаніи, не можетъ не вызывать въ

обществѣ повышеннаго и вполнѣ понятнаго интереса. И любопытная книга г. Аничкова вновь свидѣтельствуетъ, какъ мало въ сущности сдѣлано для сведенія въ одно цѣлое той массы самыхъ разнообразныхъ теорій, мнѣній и взглядовъ, среди которыхъ происходило развитіе общества и литературы въ ихъ многосложнѣйшихъ и исторически складывавшихся взаимоотношеніяхъ. Жизнь и искусство долгое время шли рядомъ, пока между ними не возникло того недоразумѣнія, при которомъ эти взаимныя отношенія до того утратили ясность, что передъ историкомъ литературы и критикомъ всталъ вопросъ о „роковой разобщенности искусства и жизни“.

Красивый ходъ мыслей, опредѣляющій воззрѣнія автора на искусство, беретъ свое начало въ „правовѣрныхъ“ взглядахъ Чернышевскаго и Добролюбова. Авторъ полагаетъ эти взгляды краеугольнымъ камнемъ своего построенія, въ чемъ они должны, повидимому, почерпнуть „правовѣрную“ устойчивость и убѣдительность. Считая необходимымъ установить связь современныхъ теченій въ литературѣ не только со взглядами на искусство критиковъ-шестидесятниковъ, но въ особенности съ „своеобразнымъ міросозерцаніемъ“ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, которое авторъ называетъ философіей правды-справедливости, г. Аничковъ такъ представляетъ дальнѣйшій ходъ развитія. „Возникшее въ семидесятыхъ годахъ міровоззрѣніе было, какъ извѣстно, отвѣтомъ на жгучія и упорно мучившія русское общество сомнѣнія. Передъ большинствомъ мыслящихъ русскихъ людей того времени такъ настойчиво и такъ рѣзко всталъ тогда этотъ угрожающій вопросъ о столкновеніи нашихъ увлеченій добромъ, общественнымъ благомъ и справедливостью къ обездоленнымъ—съ сухимъ и холоднымъ дэтерминизмомъ явленій, какъ будто совершенно неподдающимся какому-нибудь воздѣйствію. Идеи Бѣлинскаго, Герцена, Добролюбова и Чернышевскаго еще были такъ живы и близки; сама жизнь взывала къ нимъ этой такъ быстро налетѣвшей и все болѣе упрочивавшейся реакціей. А тутъ вслѣдъ за „писаревщиной“ злорадно вползали въ сознаніе буржуазныя теоріи эволюціонизма, органическаго развитія общества, борьбы за существованіе и естественнаго подбора, въ примѣненіи къ соціологіи. Казалось, какой-то тяжеловѣсно-научный и безнадежный фатализмъ долженъ былъ оправдать всѣ отрицательныя стороны современности и принудить къ почтительному примиренію съ ней. Такова была дилемма. И мыслящій реалистъ того времени ни за что не рѣшился бы поступиться ни своими, такъ называемыми, убѣжденіями, ни научнымъ міросозерцаніемъ. То и другое крѣпко засѣло въ немъ. Научное міросозерцаніе онъ купилъ себѣ нелегкой борьбой, купилъ одновременно съ этими самыми убѣжденіями, стремившимися претвориться въ поступки, въ жизнь“.

Шиллеръ (мы излагаемъ мысли г. Аничкова) видѣлъ выходъ изъ подобной трагической дилеммы въ золотомъ мірѣ поэзіи, который примирялъ художника съ печальными и отрицательными явленіями дѣйствительности. Для „мыслящаго реалиста семидесятыхъ годовъ“ такое рѣшеніе было слишкомъ односторонне. Искусство, какъ и наука, должны были служить къ разрѣшенію его вопросовъ, но далеко не примиряя человѣка съ дѣйствительностью, не успокаивая его, а служа могучимъ оружіемъ въ дѣлѣ общественнаго переустройства. Развившіяся въ этомъ направленіи воззрѣнія на искусство стали „завѣтными“, какъ извѣстнаго рода лозунгъ на аренѣ общественной борьбы и въ общей сложности образовали ту сумму эстетическихъ понятій, которую авторъ опредѣляетъ, какъ „эстетику правды-справедливости“, которая, по его словамъ, продолжаетъ властвовать надъ умами русскихъ людей до сего времени. Она требуетъ, чтобы искусство было правдиво, чтобы оно было проникнуто любовью къ истинѣ и выражало идеальное стремленіе самой жизни. Задачей этого правдиваго искусства является и въ настоящее время, какъ прежде, воздѣйствіе на общество въ смыслѣ развитія идей справедливости, гуманности и добра. Въ немъ нашло себѣ выраженіе не только красивое, но и „интересное вообще“ (по Чернышевскому) и „важное для жизни“ (по Толстому).

Такъ понимаетъ авторъ состояніе господствующаго въ наше время (но не вполнѣ удовлетворительнаго для автора) взгляда на искусство, и съ этимъ пониманіемъ, конечно, нельзя не согласиться принципіально. Можно было бы требовать большей отчетливости въ характеристикѣ той роли, которую сыграла литература въ образованіи „мыслящаго реализма“ въ теченіе всей второй половины пережитаго вѣка; можно было бы желать указанія болѣе конкретныхъ связей между научно-общественнымъ міросозерцаніемъ и характеромъ тѣхъ идей, въ распространеніи которыхъ „могучимъ орудіемъ“ была литература, но основной смыслъ того значенія, которое придаетъ авторъ исторически сложившимся задачамъ искусства, въ этой части не подлежитъ сомнѣнію: искусство должно служить жизни, совершенствуя ея внѣшнія условія, украшая и возвышая цѣнность ея въ самосознаніи человѣка.

Но это не все, по мнѣнію г. Аничкова:—главное впереди.

Эстетику правды-справедливости необходимо, кажется автору, расширить, приспособивъ ее къ современнымъ требованіямъ, и тѣмъ устранить то очевидное недоразумѣніе, о которомъ мы говорили выше. „И если немного видоизмѣнить эту эстетику,—говоритъ г. Аничковъ,— если передѣлать кое-какія ея черты, влить въ нее только самую маленькую струйку нѣсколько иныхъ и вовсе не противорѣчащихъ ей художественныхъ исканій, то оно обниметъ и взгляды тѣхъ, кто еще

съ оговорками и колебаніями, полу-нехотя и полу-робко соглашается отдать справедливость такъ называемымъ новымъ вѣяніямъ въ искусствѣ, т.-е. настроенію и символизму".

И эту задачу беретъ на себя г. Аничковъ въ своей книгѣ. Онъ начинаетъ съ заявленія, совершенно невѣрнаго по существу, будто при своемъ возникновеніи эстетика правды-справедливости (по необходимости будемъ пользоваться этимъ искусственнымъ и нѣсколько расплывчатымъ терминомъ) была построена на чисто-интеллектуальныхъ основаніяхъ. Призывая къ различнаго рода подвигамъ во имя моральнаго совершенствованія, во имя идеаловъ долженствованія, она будто бы требовала отъ художника прежде всего разсужденія, логической мозговой разсудочности (а не революціоннаго, подчасъ, фанатизма, какъ это было у Писарева?). Ставъ на эту ложную точку зрѣнія, авторъ начинаетъ сначала несмѣлый и осторожный походъ противъ этой разсудочности, которую въ дальнѣйшемъ изложеніи, въ главѣ о декадентахъ, можно безъ ущерба синонимизировать со здравымъ смысломъ. „Но не объявляя объ этомъ во всеуслышаніе и не слишкомъ откровенно признаваясь въ этомъ и передъ собой, можно вѣдь,—говоритъ г. Аничковъ,—и поколебать это требованіе разсудочности. Во имя все-таки самаго главнаго, т.-е. субъективизма,—продолжаетъ авторъ,—можно незамѣтно подставить (?) „приговору, выносимому „художникомъ" или „обобщенію въ образѣ" чувство, эмоцію, болѣе смутное мышленіе, построенное не на одномъ только исключительно логическомъ умозаключеніи". Тогда прямая и открытая дорога мысли будетъ потеряна, и изслѣдователь пойдетъ по той „болѣе извилистой стезѣ", которую вслѣдъ за Пшибышевскимъ онъ называетъ „дорогой души". При этомъ авторъ выражаетъ увѣренность, что такая перемѣна пути не измѣнитъ направленія и „поведетъ къ той же цѣли". Отсюда видно, что читатель вступаетъ съ г. Аничковымъ въ особую область критики, которая боится слишкомъ яркаго свѣта разсудочной мысли, предпочитая „болѣе смутное мышленіе", при которомъ слабѣетъ зрѣніе, но, надо думать, обостряется инстинктъ, пріобрѣтающій свойства ясновидѣнія въ сумеркахъ души. Благожелательный читатель, конечно, пожелаетъ добраго пути автору въ его исканіяхъ истины по извилистымъ путямъ душевныхъ откровеній, но читатель-скептикъ, зная, что люди не всегда одинаково понимаютъ даже отчетливо, ясными словами выраженную мысль, назоветъ избранный авторомъ методъ малонадежнымъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ читатель-скептикъ будетъ правъ: поколебавъ требованія „разсудочности", авторъ развиваетъ дальше свою основную мысль не вездѣ съ одинаковой ясностью и убѣдительностью, такъ-что временами кажется,

будто и само изслѣдованіе совершается хотя и энергично, но не вполнѣ увѣренно, словно въ туманѣ.

Напомнимъ, кстати, что споръ по поводу разсудочности въ художественной литературѣ велся уже съ давнихъ поръ и былъ предметомъ любопытной переписки между Тургеневымъ и Фетомъ. Фетъ требовалъ абсолютной независимости поэтическаго творчества отъ идей общественнаго характера, и въ этихъ требованіяхъ заходилъ настолько далеко, что далъ поводъ Тургеневу написать ему слѣдующее письмо: „Считаю долгомъ увѣдомить васъ, что я, несмотря на свое бездѣйствіе, угобзился однако сочинить и отправить къ Анненкову вещь, которая, вѣроятно, вамъ понравится, ибо не имѣетъ никакого человѣческаго смысла, даже эпиграфъ взятъ у васъ. Вы увидите, если не въ печати, то въ рукописи, это замѣчательное произведеніе очепушившейся фантазіи". Еще опредѣленнѣе онъ высказывается черезъ три года: „Моя претензія на васъ состоитъ въ томъ, что вы все еще съ прежнимъ, уже носящимъ всѣ признаки собачьей старости упорствомъ нападаете на то, что̀ вы величаете „разсудительствомъ", но что̀ въ сущности не что̀ иное, какъ человѣческая мысль и человѣческое знаніе... Вы видите, что нашъ „старый споръ" еще не взвѣшенъ судьбою и вѣроятно не скоро прекратится. Въ отвѣтъ на всѣ эти нападки на разсудокъ, на эти рекомендаціи инстинкта и непосредственности, мы здѣсь на Западѣ отвѣчаемъ спокойно:—Wir wissen's besser; das ist ein alter Dudelsack,—и, извините, отсылаемъ васъ въ школу". Тургеневъ цѣнилъ въ Фетѣ его тонкую, высоко-художественную поэзію, но въ его эстетическихъ сужденіяхъ видѣлъ сплошное недоразумѣніе, въ которомъ, при отсутствіи общаго философскаго взгляда на искусство, не трудно различить обрывки смутныхъ романтическихъ построеній.

Незатуманенный читатель во многомъ не согласится и съ г. Аничковымъ и не согласится прежде всего съ исходнымъ пунктомъ, съ основной постановкой вопроса. Въ эстетикѣ „правды-справедливости", создавшейся, по признанію автора, усиліями мысли Чернышевскаго, Добролюбова и всѣхъ тѣхъ, кого авторъ называетъ мыслящими реалистами послѣдующихъ десятилѣтій, онъ собирается *кое-что*, потихоньку, полегоньку, незамѣтно для себя и другихъ, замѣнить, *кое-что* прибавить,—а кончаетъ апоѳеозомъ творчества такъ-называемыхъ декадентовъ и готовъ отдать имъ чуть ли не пальму первенства въ правѣ на высокій титулъ современныхъ выразителей этой эстетики. „Поэзія есть жизнь, увлеченіе, страсть"—цитируетъ г. Аничковъ слова Чернышевскаго,—и мнѣ кажется,—продолжаетъ авторъ,—ни къ какой другой школѣ поэтовъ нельзя примѣнить эти слова такъ, какъ къ нашимъ „одинокимъ" поэтамъ-ницшеанцамъ. Оттого взглядъ ихъ па-

даетъ на дерзновенія людей Возрожденія съ ихъ формулой—fais ce que tu voudras. Люди Возрожденія,—по словамъ Бальмонта,—„знали, что, когда хочешь чего-нибудь достигнуть, нужно хотѣть,—хотѣть и не уступать“.

Это уже нѣсколько черезчуръ—и по многимъ пунктамъ. И какъ это не похоже на то опредѣленіе искусства, которое далъ ему г. Аничковъ до своей „поправки“! Если отбросить въ твореніяхъ такъ-называемыхъ декадентовъ неистовства самообожанія, словоизступленія и всяческаго иного кривлянья, достойнаго только осмѣянія и, смотря по темпераменту, злостной пародіи или добродушной шутки, то среди этихъ твореній окажется немало пьесъ, отмѣченныхъ высокой артистичностью работы, говорящихъ о серьезномъ и любовномъ отношеніи авторовъ къ своимъ дарованіямъ. Но навязывать имъ роль преемственныхъ носителей завѣтовъ правды-справедливости, говорить объ ихъ связи на этой почвѣ съ Чернышевскимъ, Добролюбовымъ, Михайловскимъ и прочими „мыслящими реалистами“, подготовившими зарю завтрашняго дня, значитъ не отдавать себѣ отчета въ направленіи и характерѣ ихъ реально-общественной дѣятельности, разросшейся въ то явственно ощущаемое нами могучее освободительное движеніе, сложный процессъ котораго безсильна выразить современная литература. Это временное безсиліе, вѣрнѣе—естественная реакція, не составляетъ большой бѣды: мы еще не изжили завѣщаннаго ею великаго и вѣщаго слова, которое не раньше завтрашняго дня отойдетъ въ вѣчность, когда вспомнятся и облекутся въ плоть и кровь всѣ „забытыя слова“, теперь лежащія подъ спудомъ вседневной суеты и тревоги, мрачныхъ предзнаменованій, колеблющихся надеждъ, горячихъ ожиданій... Движеніе, созданное завѣтнымъ призывомъ къ борьбѣ во имя идеаловъ „правды-справедливости“, захватитъ всю ширину общественнаго пути, отъ верху до низу, и увлечетъ въ своемъ порывѣ все способное къ живому и разумному строенію жизни. И если веселый каменьщикъ и будетъ распѣвать когда-нибудь, разбивая камень, граціозное—„Будемъ какъ солнце—оно молодое“, то будущій историкъ освободительнаго движенія никогда не свяжетъ послѣдняго съ артистической дѣятельностью своеобразнаго кружка декадентовъ. Въ лучшемъ случаѣ, онъ воздастъ имъ должное и за яркіе образы, и за красивые звуки, за то, что въ тяжелыя минуты отчаянья и унынья они порывались быть тѣми безумцами, которыхъ прославляетъ поэтъ за навѣянный человѣчеству сонъ золотой, за то, что нѣкоторые изъ нихъ работали, переводили, издавали, съ чѣмъ-то боролись, кого-то будили, куда-то звали,—но въ то же время скажетъ, что не ими завоевано просторное мѣсто на жизненномъ пиру обновленной жизни, мысли, поэзіи...

А теперь—маленькая справка о Чернышевскомъ; ея вполнѣ достаточно, чтобы рѣшить вопросъ и о Добролюбовѣ, и Михайловскомъ. У послѣдняго, кстати сказать, есть опредѣленныя сужденія о ближайшихъ къ нашему времени теченіяхъ „настроенія и символизма", изложенныя яснымъ и, по обыкновенію, мѣткимъ языкомъ. Настоящаго (эпохи „Современника") Чернышевскаго знаютъ теперь немногіе читатели: одна половина его сочиненій находится подъ полицейскимъ запретомъ, другая исковеркана насильственными недомолвками и цензурой. Ближайшему будущему предстоитъ показать во весь ростъ этого истиннаго поэта борьбы за дѣйствительность, за ту русскую дѣйствительность, въ которую онъ вѣрилъ не мистической вѣрой туманныхъ славянофильскихъ или метафизическихъ ожиданій мессіанизма и откровенія, но реальной вѣрой—убѣжденіемъ мыслителя-гражданина, чуткаго къ пробудившимся запросамъ культурно-историческаго развитія русской общественной и народной жизни и прозорливаго истолкователя, владѣвшаго обширнымъ научнымъ знаніемъ способовъ и средствъ, которые облегчали борьбу новыхъ, болѣе разумныхъ, болѣе справедливыхъ и братскихъ началъ занимавшейся эры съ перержавѣвшими, но все еще тяжкими, грозившими гибелью, безформенными обломками переживавшей себя рутины. Чернышевскій, Добролюбовъ, Некрасовъ... ихъ объединяли не личныя симпатіи и вкусы—въ этомъ отношеніи они были слишкомъ своеобразны и самобытны,—но общность стремленій, единство дорогой имъ, завѣтной, священной для нихъ цѣли. Они знали, *чего они хотѣли*, знали это конкретно, реально и, не навязывая никому своихъ ребяческихъ „я такъ хочу", увлекали за предметомъ своихъ „хотѣній" не кружки, не сектантскія группы, но передовые классы общества, лучшую учащуюся молодежь, грамотные слои народа...

Интересъ Чернышевскаго къ искусству объяснялся особыми соображеніями: эстетика сама по себѣ стояла у него на второмъ и даже на третьемъ планѣ. Она давала лишь поводъ и, въ то время, единственную возможность говорить о тѣхъ сторонахъ дѣйствительности, непосредственное разсмотрѣніе которыхъ представлялось невозможнымъ. Необходимо было прежде всего и главнымъ образомъ привлечь общественное вниманіе къ дѣйствительности подлинной, настоящей, не преломленной въ призмѣ поэтическихъ созерцаній и теоретическихъ, искусственныхъ построеній, сдѣлать самую дѣйствительность предметомъ дѣятельнаго *интереса*. Искусство, по Чернышевскому, призвано не только воспроизводить, но и *объяснять* жизнь, заставлять „лучше понять" ее. Чернышевскій низводитъ искусство до простого механическаго средства воздѣйствія на жизнь и, вопреки выспреннимъ и пышнымъ опредѣленіямъ искусства, завѣщаннымъ романтикой

и туманной философіей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, словно преднамѣренно пользуется, въ дальнѣйшемъ опредѣленіи, сухими и прозаическими терминами. „Въ этомъ смыслѣ (т.-е. въ смыслѣ объясненія жизни) искусство ничѣмъ не отличается отъ разсказа о предметѣ; различіе только въ томъ, что искусство вѣрнѣе достигаетъ своей цѣли, нежели простой разсказъ, тѣмъ болѣе ученый разсказъ“... Г. Аничковъ упомянулъ мимоходомъ, что философской первоосновой „эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности“ былъ Фейербахъ. Фейербахъ-то оно Фейербахъ, но почему Фейербахъ, а не Гегель? Гегель съ успѣхомъ могъ бы примириться съ ходомъ изслѣдованій г. Аничкова, потому что послѣдній нигдѣ не отмѣчаетъ, что Фейербахъ и понадобился Чернышевскому для борьбы съ Гегелемъ, т.-е. не съ философской системой, конечно, ибо и самъ Фейербахъ былъ гегельянецъ въ спеціальномъ смыслѣ, а съ слѣдами гегельянскихъ, шеллингіанскихъ и прочихъ поэтико-философскихъ вліяній въ жизни, приводившихъ къ пресловутому примиренію съ дѣйствительностью и возвеличенію надъ нею искусства съ его золотыми снами и міромъ усыпляющихъ грезъ. Значеніе искусства, по Чернышевскому, заключается, съ одной стороны, въ томъ, что въ его произведеніяхъ выражается „приговоръ“, „мысль“ объ явленіяхъ жизни—„художникъ является мыслителемъ“. „Если человѣкъ, въ которомъ умственная дѣятельность сильно возбуждена вопросами, порождаемыми наблюденіями жизни, — говоритъ Чернышевскій, — одаренъ художническимъ талантомъ, то въ его произведеніяхъ, сознательно или безсознательно, выразится стремленіе произнести живой приговоръ о явленіяхъ, интересующихъ его (и его современниковъ, потому что мыслящій человѣкъ не можетъ мыслить надъ ничтожными вопросами, никому кромѣ него не интересными), будутъ предложены или разрѣшены вопросы, возникающіе изъ жизни для мыслящаго человѣка; его произведенія будутъ, чтобы такъ выразиться, сочиненіями на темы, предлагаемыми жизни“. Вы видите, насколько пониманіе искусства Чернышевскаго было отрицаніемъ той эстетики, которую роднитъ съ нимъ г. Аничковъ. Мы уже не говоримъ о взглядѣ Чернышевскаго на поэзію, какъ на одно изъ средствъ къ распространенію образованности, *ясныхъ и точныхъ понятій о вещахъ*. Мы не касаемся и вопроса о томъ, насколько правильнымъ, съ нашей точки зрѣнія, было такое пониманіе искусства,—это завело бы насъ слишкомъ далеко. Намъ важно установить фактъ, что это, можетъ быть одностороннее, пониманіе искусства было діаметрально противоположно тому опредѣленію искусства, которое выражено въ словахъ нашего автора: „искусство—лишь вожделѣнный, священный пріютъ восторженнаго созерцанія, куда скрывается отъ бѣдствій мятущійся среди нихъ человѣкъ“.

Можно было бы продолжить параллель и далѣе и показать, какъ несвойственна была бы Чернышевскому мысль заключить въ свое пониманіе искусства новыя вѣянія въ современной намъ литературѣ. Справедливо отмѣчая въ творчествѣ современныхъ намъ символистовъ обратное тому, что утверждалъ Гюго (каждый разъ какъ поэтъ говоритъ *я*, онъ могъ бы сказать также: *мы*; онъ выражаетъ тѣмъ „общее, для всѣхъ одинаково дорогое и существенное"), т.-е. ихъ „одиночество", слишкомъ исключительный, личный характеръ ихъ творчества, что роднитъ ихъ съ „интернаціональной" школой такихъ писателей, какъ Верхарнъ, Пшибышевскій и др., авторъ пытается связать это личное, слишкомъ лирическое, extra-субъективное творчество „съ нашими собственными исканіями и восторгами, съ нашей домашней скорбью и радостью". Эта связь вышла у автора недоказанной, искусственно созданной, а главное — едва ли нужной и съ точки зрѣнія самихъ символистовъ. У нихъ свои отрады и печали, они стремятся къ сверхъ-національному и сверхъ-человѣческому, и муза ихъ не вмѣшивается въ то, что авторъ называетъ „домашней скорбью и радостью". Подобную связь легко и естественно было отмѣтить Чернышевскому, напримѣръ, въ рецензіи на стихотворенія Огарева. „Въ лирической поэзіи личностью автора затмеваются обыкновенно всѣ другія личности, о которыхъ онъ пишетъ,—говоритъ Чернышевскій, —у г. Огарева напротивъ: когда онъ говоритъ о себѣ, вы видите, что изъ-за его личности выступаютъ личности тѣхъ, которыхъ любилъ или любитъ онъ; вы чувствуете, что и собою дорожитъ онъ только ради чувствъ, которыя питалъ онъ къ другимъ. Даже любовь, подъ которою чаще всего скрывается себялюбіе, у него чиста отъ эгоистическаго оттѣнка. Тѣмъ болѣе у него преданности въ дружбѣ, которая и вообще часто отличается отъ другихъ чувствъ человѣка сильнѣйшимъ участіемъ этого качества. Когда г. Огаревъ говоритъ о своихъ друзьяхъ, онъ говоритъ, дѣйствительно, о нихъ, а не о себѣ; да когда говоритъ и о себѣ, то всегда чувствуется отсутствіе всякаго себялюбія, чувствуется, что наслажденіе жизни для такой личности заключается въ томъ, чтобы жить для другихъ, быть счастливымъ отъ счастья близкихъ и скорбѣть ихъ горемъ, какъ своимъ личнымъ горемъ.

„Дѣйствительно, таковы были люди, типъ которыхъ отразился въ поэзіи г. Огарева, одного изъ нихъ".

Все сочувствіе Чернышевскаго лежало на сторонѣ именно такихъ людей,—въ этомъ коренная черта его писательской физіономіи, и она дѣлала невозможнымъ зачисленіе его хотя бы въ отдаленные ряды теоретиковъ такъ-называемаго „чистаго искусства", или „искусства для искусства", или „свободнаго искусства", въ смыслѣ отсутствія за-

висимости искусства-наслажденія, искусства-исканія отъ морально-общественныхъ принциповъ и побужденій.

Въ частности о поэтической фантазіи, для которой современные символисты требуютъ такого простора, Чернышевскій въ рецензіи на стихотворенія Бенедиктова говоритъ слѣдующее: „Поэтическая фантазія состоитъ не въ томъ, чтобы придумывать небывалыя метафоры и гиперболы,—иначе въ извѣстной книгѣ „Не любо не слушай“ было бы гораздо болѣе поэзіи, нежели въ Шекспирѣ и Гомерѣ. Она не состоитъ и въ томъ, чтобы описывать подробно всѣ принадлежности женскаго организма: иначе въ „Руководствѣ къ повивальному искусству“ опять-таки было бы гораздо больше поэзіи, нежели въ Шекспирѣ и Гомерѣ. Поэтическая фантазія состоитъ въ томъ, чтобы предметъ немногими чертами изображался живо и точно“...

Изъ этого еще и еще разъ ясно, что „критика“ Чернышевскаго была чистѣйшей воды публицистикой, въ которой не было мѣста признанію необходимости „лгать изъ любви къ людямъ“ и искусства, какъ „священнаго пріюта восторженнаго созерцанія“. О такъ называемой эстетической критикѣ Чернышевскій могъ бы сказать словами Шекспира:

Краса сама собою благодатна.
Глаза людей не замкнуты ничѣмъ.
Зачѣмъ хвалить, что̀ и безъ словъ понятно
И рѣдкостно?

Правъ ли былъ Чернышевскій? Объ этомъ можно до безконечности спорить. Въ области публицистической критики— онъ былъ ея создателемъ на практикѣ и въ теоріи; въ области критики въ широкомъ смыслѣ литературной онъ былъ одностороненъ, если угодно, узокъ, да литературная въ собственномъ смыслѣ критика не была прямою цѣлью его писательскихъ интересовъ. За это взялись другіе—и прежде всего Добролюбовъ, создавшій особый родъ критики на прочной публицистической основѣ. Такимъ образомъ, изъ стройнаго зданія, возведеннаго г. Аничковымъ, придется вынуть его краеугольный камень — Чернышевскаго, какъ родоначальника того, что̀ нашъ авторъ разумѣетъ подъ эстетикой современныхъ намъ теченій „настроенія и символизма“ въ литературѣ.

Требуя для творчества (стало быть и критики) полной свободы и независимости отъ какихъ бы то ни было догмъ („искусство безразлично по отношенію къ морали, какъ оно безразлично и по отношенію къ истинѣ, потому что эта истина и мораль не абсолютны, а только слабо намѣчены“), авторъ самъ, однако, не вездѣ послѣдователенъ и выражаетъ мѣстами положительную нетерпимость. Онъ про-

тивъ того, чтобы высказывать критическія сужденія о художественныхъ произведеніяхъ брались люди практическихъ спеціальностей—химики, врачи, юристы, статистики и т. д.,—какъ будто искусство, въ особенности литература, не есть общее достояніе и судить о нихъ могутъ лишь спеціальные теоретики искусства или люди, особо готовящіе себя въ присяжные цѣнители. Пора оставить это требованіе ценза для сужденія о предметахъ, всѣмъ близкихъ и дорогихъ, и считаться съ сужденіемъ, какъ съ таковымъ, независимо отъ того, кѣмъ оно высказано. Способность оцѣнивать художественныя произведенія зависитъ отъ той или иной спеціальности не болѣе, чѣмъ и сама художественная литература, и едва ли кому-либо придетъ въ голову безотносительное сужденіе о достоинствахъ и недостаткахъ „Господъ Головлевыхъ“ приводить въ связь съ вице-губернаторствомъ Салтыкова, если въ нихъ не усматривается чертъ внутренняго соотношенія. Напротивъ, чѣмъ разностороннѣе будетъ критика, чѣмъ больше будетъ указано точекъ, съ которыхъ можно разсматривать то или иное произведеніе, тѣмъ скорѣе выяснятся его сущность и степень его эстетической цѣнности, интересности и важности для жизни.—Евг. Л.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

— *O. Wilde.* Die Herzogin von Padua. Deutsch von Max Meyerfeld. Berlin, 1904. — *Carl Hagemann.* O. Wilde. 1904.

Въ послѣднее время въ Германіи возобновился интересъ къ англійскому писателю, умершему нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ очень печальныхъ обстоятельствахъ. Писатель этотъ — Оскаръ Уайльдъ, авторъ парадоксальныхъ и въ то же время блестящихъ афоризмовъ, „Intentions", авторъ трагедіи нѣжно-жестокой любви, „Саломея", а также веселыхъ свѣтскихъ комедій, вышучивающихъ англійское фарисейство; онъ же авторъ угрюмо-насмѣшливаго романа въ духѣ Эдгара Поэ, „Портретъ Доріана Грэ", и нѣжныхъ лирическихъ стиховъ. Во всей совокупности своего творчества Оскаръ Уайльдъ—самый оригинальный и даровитый выразитель современнаго эстетизма, безпощадный насмѣшникъ надъ всѣмъ существующимъ во имя любви къ неосуществленной красотѣ.

Оцѣнкой творчества Оскара Уайльда занялись теперь, когда прошло время остраго отношенія къ нему въ послѣдніе годы его жизни. Появились воспоминанія о немъ Шерарда, а въ самое послѣднее время спеціалистомъ по изученію англійскаго эстета сдѣлался нѣмецкій писатель Карлъ Гагеманъ. Имъ изданъ сборникъ изреченій и афоризмовъ Оскара Уайльда, извлеченныхъ изъ всѣхъ его произведеній. Ему же принадлежитъ недавно вышедшая книга, посвященная біографіи и обстоятельному разбору произведеній Уайльда. Гагеманъ даетъ въ краткихъ чертахъ исторію жизни Оскара Уайльда. Онъ—ирландецъ, родился въ Дублинѣ, въ 1856 году, и принадлежалъ къ аристократической ирландской семьѣ. Мать его, лэди Уайльдъ, была извѣстной поборницей ирландскихъ правъ; у нея былъ очень видный салонъ въ Лондонѣ. Отецъ поэта былъ выдающійся археологъ; онъ внушилъ сыну его любовь къ античному искусству. Оскаръ Уайльдъ получилъ солидное образованіе сначала въ Дублинѣ, потомъ—въ оксфордскомъ университетѣ, занимался философіей и эстетикой, и сразу выдѣлился еще въ студенческіе годы своими стихами, за которые получилъ высшія университетскія награды. Вступивъ въ жизнь, Оскаръ Уайльдъ сдѣлался свѣтскимъ дэнди, и переживалъ періоды то яркихъ жизненныхъ удачъ, славы и блеска, то паденія и одино-

чества. Онъ ѣздилъ въ Америку, читалъ тамъ лекціи о литературѣ, поражая американцевъ своей огромной ученостью въ философіи, литературѣ и искусствѣ, а главное—оригинальностью своей манеры, своими мѣткими афоризмами и парадоксами, также какъ своей оригинальностью въ обращеніи и даже въ одеждѣ. Послѣ Америки Оскаръ Уайльдъ жилъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ, въ самомъ блестящемъ литературномъ кругу, поражая даже французскихъ beaux esprits своимъ яркимъ умомъ. Необыкновенный блескъ въ разговорѣ составляетъ главную особенность Оскара Уайльда—и въ его творчествѣ тоже отточенность формы, красота образовъ и парадоксальность изреченій преобладаютъ надъ глубиной мыслей. Уайльдъ велъ очень легкомысленный образъ жизни, окруженный поклоненіемъ своему таланту и уму, возбуждая общія симпатіи, несмотря на чрезвычайно непривлекательную внѣшность.

Основной чертой всего, что писалъ Оскаръ Уайльдъ, является презрительное отношеніе къ обществу, стремленіе всячески вышутить его и, такъ сказать, водить читателей за носъ, заставляя принимать за глубокомысліе то, что съ его стороны было шуткой. Въ такомъ духѣ написаны его комедіи и отчасти его знаменитые афоризмы („Intentions“), гдѣ искусственное ставится выше дѣйствительнаго, потому что въ дѣйствительности, каковой ее сдѣлало общество, все плоско и лишено новизны, а искусственность—плодъ свободной творческой фантазіи. Въ созиданіи своего обособленнаго міра искусственныхъ ощущеній Оскаръ Уайльдъ наиболѣе ярко проявлялъ свой талантъ. Въ драмѣ „Саломея“ право на изысканность ощущеній, доведенную до полной жестокости, возводится въ законъ красоты, а красота—въ законъ жизни. Здоровыхъ нравственныхъ идей, конечно, нельзя искать у этого яркаго представителя эстетизма, но, какъ отпоръ уродливому англійскому фарисейству, ядовитыя насмѣшки Уайльда и его защита красоты имѣютъ идейное значеніе,—тѣмъ болѣе, что въ художественномъ отношеніи произведенія Уайльда стоятъ очень высоко. И драма „Саломея“, и странный романъ „Портретъ Доріана Грэ“, написанный въ духѣ Эдгара Поэ, и, главное, его „Intentions“, а также нѣкоторые маленькіе разсказы и сказки останутся въ литературѣ какъ образцы изысканнаго, сверкающаго стиля.

Гагеманъ подробно разбираетъ всѣ лучшія произведенія Оскара Уайльда, и приходитъ къ заключенію, что эстетизмъ поэта состоитъ изъ странной смѣси устарѣлаго романтизма съ разъѣдающимъ скептицизмомъ, направленнымъ противъ бездушно-пошлаго общества. Эта двойственность эстетизма и романтизма сказывается почти во всѣхъ художественныхъ произведеніяхъ Оскара Уайльда. Въ его комедіяхъ фабула—самая условная, съ романтическими чувствами и обычной фи-

листерской моралью. Авторъ — и въ этомъ его своеобразный демонизмъ—готовъ предоставить своимъ читателямъ ту мораль, къ которой они привыкли и которой они заслуживаютъ; для него важны только разговоры, включенные въ дѣйствіе: въ діалогѣ сверкаетъ его бичующая насмѣшка, оттачиваются его афоризмы, въ которыхъ жизнь приносится въ жертву на алтарь прекраснаго творческаго вымысла. Въ романѣ „Портретъ Доріана Грэ“ фабула тоже романтично-сказочна, съ примѣсью ужасовъ въ духѣ Эдгара Поэ. Но интересъ романа не въ описываемыхъ событіяхъ, а въ интеллектуальныхъ особенностяхъ нѣсколькихъ дѣйствующихъ лицъ и въ той эстетической теоріи жизни, которая создается ими въ бесѣдахъ.

Въ книжку Гагемана не входитъ разборъ одного интереснаго произведенія Оскара Уайльда,—трагедіи „Герцогиня Падуанская“. Гагеманъ только вскользь упоминаетъ, что Оскаръ Уайльдъ, по свидѣтельству французскаго критика Камиля Моклэра, написалъ драму подъ этимъ заглавіемъ, что она въ 1891 году была представлена въ Нью-Іоркѣ, но осталась неизвѣстной въ литературѣ, такъ какъ въ печати никогда не появлялась. Дѣйствительно, она вышла въ свѣтъ только мѣсяца два тому назадъ—и то въ нѣмецкомъ переводѣ Макса Мейерфельда, который перевелъ ее съ единственнаго сохранившагося (съ помѣтками автора) рукописнаго экземпляра драмы. Драма эта или, какъ ее называетъ авторъ, трагедія изъ жизни XVI-го вѣка (въ стихахъ), написана въ духѣ Шекспировскихъ трагедій и представляетъ несомнѣнный интересъ, какъ по яркости и силѣ двухъ центральныхъ фигуръ, такъ и по мыслямъ, вложеннымъ въ разработку сюжета — тоже чисто романтическаго, какъ и въ другихъ пьесахъ Уайльда.

„Герцогиня Падуанская“ написана въ традиціяхъ стараго театра— и по фабулѣ, и по разработкѣ характеровъ, болѣе стремительно-страстныхъ, нежели сложныхъ и глубокихъ. Индивидуальнаго въ этихъ характерахъ очень мало. Всѣ они—носители рѣзко очерченныхъ романтическихъ страстей, но то, что̀ говорится и совершается ими, отражаетъ особаго рода примиреніе съ жизнью во имя всего, что̀ исходитъ изъ глубины чувства. Въ понятіи о прекрасномъ сливается и подвигъ отреченія, и героическое преступленіе,—таковъ выводъ Оскара Уайльда изъ трагической исторіи его героя, отказывающагося отъ долга мести во имя любви, и его героини, которая во имя любви и рѣшается совершить преступленіе. Для эстета Оскара Уайльда не возникаетъ вопроса, кто изъ двухъ правъ. Поставить такой вопросъ—значило бы вносить въ жизнь этическій критерій, или признавать утилитарную мораль, или основывать стремленіе къ добру на религіозной санкціи. Но всякій морализмъ чуждъ Оскару Уайльду,— все, что̀ проходитъ черезъ подлинное внутреннее переживаніе, что̀

одухотворено отраженіемъ идеальнаго чувства, любви или красоты, все это тѣмъ самымъ и оправдано.

Фабула „Герцогини Падуанской“ романтична; она изобилуетъ устарѣлыми эффектами, нарушающими правдоподобность дѣйствія; но, какъ мы уже сказали, Уайльдъ всегда пренебрегаетъ фабулой; онъ беретъ самое знакомое и привычное для публики, чтобы тѣмъ искуснѣе перевернуть всѣ общепринятыя понятія и принципы въ вставленныхъ въ дѣйствіе діалогахъ на принципіальныя темы; или же онъ вноситъ въ условную фабулу самобытный психологическій смыслъ. Послѣднее относится къ трагедіи „Герцогиня Падуанская“; въ ней на фонѣ чисто романтическихъ событій вырисовывается идейный замыселъ, опрокидывающій устои старой морали. Дѣйствіе трагедіи перенесено въ яркую обстановку итальянскаго Возрожденія; оно разыгрывается въ Падуѣ, въ XVI-мъ вѣкѣ. Эти рамки даютъ автору возможность изображать прямолинейные страстные характеры; они болѣе пригодны стать носителями той или другой идеи, чѣмъ люди со сложной современной психологіей, неспособные на опредѣленные поступки вслѣдствіе множественности своихъ психологическихъ мотивовъ. Такими цѣльными трагическими натурами являются герой трагедіи, Гвидо Феранти, и Беатриче, жена падуанскаго герцога, Симона Гессо. Гвидо является въ Падую въ сопровожденіи своего друга Асканіо по очень романтическому случаю: онъ получилъ письмо, въ которомъ его вызывали въ Падую на площадь, ровно въ полдень, съ тѣмъ, чтобы сообщить ему тайну его рожденія. Незнакомецъ, подписавшійся: „другъ твоего отца“, сообщилъ, что въ означенный часъ онъ встрѣтитъ Гвидо на площади. Увидавъ человѣка въ фіолетовой мантіи, съ вышитымъ серебрянымъ соколомъ на плечѣ, пусть Гвидо знаетъ, что это—авторъ письма. Эта завязка напоминаетъ мелодрамы очень стараго типа—и драма интересна не ею, также какъ и не дальнѣйшими событіями, а тѣмъ, какъ авторъ пользуется сюжетомъ для своихъ идейныхъ цѣлей. Незнакомецъ является въ назначенное время;—оказывается, что это графъ Моранцоне, играющій въ трагедіи роль духа мести. Отъ него Гвидо узнаетъ, что онъ—сынъ герцога, властителя Пармы, замученнаго въ неволѣ герцогомъ Римини и казненнаго, какъ простолюдинъ, на площади. Самъ герцогъ Римини, Джіованни Малатеста, уже умеръ,—но живъ тотъ, кто предалъ за деньги отца Гвидо его врагу, и этому человѣку Гвидо долженъ отомстить, узнавъ о тайнѣ своего рожденія. Моранцоне разсказываетъ далѣе, что мать Гвидо, узнавъ о захватѣ въ плѣнъ мужа, преждевременно произвела на свѣтъ своего первенца, Гвидо, и сама умерла. Моранцоне же пробрался въ темницу къ герцогу, сообщилъ ему о рожденіи сына и обѣщалъ выростить его для доблестной жизни. Теперь онъ напоминаетъ сыну его священный долгъ мести.

Гвидо пылаетъ негодованіемъ противъ предателя и молитъ только назвать его имя, чтобы немедленно уничтожить его. Но Моранцоне требуетъ не быстраго необдуманнаго поступка, а медлительной и тѣмъ болѣе вѣрной мести. Онъ желаетъ, чтобы Гвидо сдѣлался сначала другомъ намѣченной жертвы, не отходилъ отъ него, льстилъ всѣмъ его капризамъ, и только тогда, когда наступитъ удобный часъ, Моранцоне пришлетъ ему кинжалъ—кинжалъ, принадлежавшій его отцу; съ нимъ въ рукахъ Гвидо долженъ пробраться ночью въ спальню врага, разбудить его и объяснить сначала, чей онъ сынъ, а потомъ исполнить свой долгъ и умертвить его. Моранцоне требуетъ отъ Гвидо клятвы въ томъ, что онъ подчинится его указаніямъ и не умертвитъ врага, пока Моранцоне не прикажетъ ему. Только тогда, когда Гвидо даетъ ему эту клятву, Моранцоне соглашается назвать предателя. Указывая на приближающійся кортежъ герцога Падуанскаго и его придворныхъ, онъ говоритъ, что тотъ, предъ кѣмъ онъ преклонитъ колѣно, и есть убійца отца Гвидо. Понявъ, что рѣчь идетъ о герцогѣ, Гвидо хватается за кинжалъ, а Моранцоне долженъ напомнить ему о клятвѣ, чтобы остановить его. Моранцоне привѣтствуетъ герцога и представляетъ ему Гвидо подъ видомъ своего племянника изъ Мантуи; герцогъ принимаетъ его на службу, сразу давая ему правила своей циничной житейской мудрости, говоря ему, что нужно презирать народъ: „любовь народа—вотъ оскорбленіе, которому я никогда не подвергался“. Въ уста герцога авторъ вкладываетъ много своихъ чисто эстетическихъ взглядовъ на жизнь, свой протестъ противъ всего навязаннаго—противъ нравственнаго долга. Онъ нарочно высказываетъ это отъ лица крайне несимпатичнаго герцога, чтобы высказать свое искреннее отчужденіе отъ общепринятой морали подъ видомъ циничныхъ рѣчей тирана. Гвидо выслушиваетъ поученія герцога, обѣщаетъ повиноваться ему и, принятый имъ на службу при дворѣ, цѣлуетъ ему почтительно руку. Послѣ ухода герцога, Гвидо въ ужасѣ отъ своего лицемѣрія, отъ того, что онъ поцѣловалъ руку злѣйшаго врага; но Моранцоне требуетъ исполненія клятвы и говоритъ, что явится въ тотъ моментъ, когда должна свершиться месть. Онъ уже сейчасъ требуетъ первой жертвы отъ Гвидо,—требуетъ, чтобы онъ навсегда разстался съ другомъ, съ которымъ пріѣхалъ въ Падую. Гвидо, вѣрный клятвѣ, исполняетъ, хотя и противъ воли, требованіе Моранцоне и клянется также отказаться отъ всѣхъ личныхъ радостей, отъ любви, пока не исполнитъ долга мести. Онъ всецѣло отдается своему сыновнему долгу. Въ тотъ моментъ, однако, когда онъ произноситъ отреченіе отъ любви, изъ собора выходитъ кортежъ съ прекрасной женщиной во главѣ; проходя черезъ площадь, она останавливаетъ свой взоръ на Гвидо. На вопросъ ослѣпленнаго ея красотой Гвидо, кто она, ему отвѣчаютъ, что

это—герцогиня Падуанская, т.-е. жена его смертельнаго врага. Съ этой минуты начинается расколъ въ душѣ Гвидо. Полюбивъ сразу Беатриче за ея красоту, Гвидо тѣмъ сильнѣе привязывается къ ней, что она прекрасна душой, добра и заступается за народъ, который угнетаетъ жестокій герцогъ. Глумленія герцога надъ страданіями народа полны ироніи надъ лицемѣріемъ мнимыхъ народолюбцевъ, саркастическими нападками на духовенство, отвѣчающее проповѣдью смиренія на жалобы голодныхъ. Вышучивая все съ цинизмомъ злого тирана, герцогъ низводитъ и демократическіе принципы, заставляя своихъ подданныхъ привѣтствовать себя кликами радости за брошенный въ подачку дукатъ. Въ умѣніи ядовито глумиться надъ всѣмъ общепризнаннымъ— главная сила Уайльда, и потому фигура герцога у него выходитъ очень удачной. Въ его цинизмѣ есть много правды, которую авторъ говоритъ отъ себя,—только прикрываясь тѣмъ, что говоритъ отъ имени „злодѣя". Герцогъ угнетаетъ и заступающуюся за несчастныхъ герцогиню; ея заступничеству онъ не внемлетъ, а ей угрожаетъ смертью, если она не будетъ его послушной рабой. Беатриче несчастна; извергъ-мужъ ей ненавистенъ, и она не понимаетъ, какъ у него нашелся такой преданный слуга и другъ, какъ Гвидо; она не знаетъ, что его преданность—притворная. Но, оставшись наединѣ съ Беатриче, Гвидо не можетъ сдержать загорѣвшуюся въ немъ любовь и говоритъ герцогинѣ о своихъ чувствахъ. Она не скрываетъ, что и онъ сразу пробудилъ ея сердце. Но среди любовныхъ рѣчей герцогиню пугаетъ сверкнувшій изъ двери огненный взглядъ,—это Моранцоне, воплощенный духъ мести. Онъ слѣдитъ, вѣренъ ли Гвидо данной имъ клятвѣ. Черезъ нѣсколько минутъ слуга приноситъ пакетъ Гвидо — въ немъ оказывается кинжалъ, долженствующій напомнить Гвидо, что пришло время дѣйствовать. Гвидо вспоминаетъ о забытомъ долгѣ, въ отчаяніи говоритъ Беатриче, чтобы она забыла о его любви, такъ какъ теперь между ними стоитъ непреодолимая преграда. Онъ покидаетъ ее совершенно растерянную, не понимающую внезапной перемѣны въ немъ. Подвергаясь снова глумленію вернувшагося во дворецъ герцога, Беатриче рѣшаетъ сначала убить себя, потомъ, подъ вліяніемъ горькой обиды, ненависти къ герцогу и, главное,—любви къ Гвидо, она принимаетъ иное, болѣе страшное рѣшеніе — убить герцога, чтобы не восторжествовала злоба, тѣшащаяся надъ невинными жертвами.

Въ третьемъ дѣйствіи ярко выдвинута основная идея трагедіи. Гвидо говоритъ Моранцоне, что онъ отказывается совершить дѣло мести. Любовь озарила его душу и сдѣлала невозможнымъ насиліе и преступленіе. Моранцоне тщетно напоминаетъ ему о сыновнемъ долгѣ и о клятвѣ,—Гвидо говоритъ, что его месть будетъ иною; онъ отнесетъ кинжалъ въ спальню герцога, положитъ ему его на грудь, съ запи-

ской, изъ которой онъ узнаетъ, кто пощадилъ его. Это, быть можетъ, вернетъ къ добру его закоренѣлую въ грѣхѣ душу. Моранцоне уходитъ, и Гвидо направляется въ спальню герцога, чтобы исполнить свое намѣреніе; но на встрѣчу ему выходитъ Беатриче и объявляетъ, что всѣ преграды къ ихъ счастью исчезли, такъ какъ она убила мужа. Гвидо—въ ужасѣ, и осыпаетъ ее проклятіями за то, что она убила ихъ счастье, ихъ любовь своимъ преступленіемъ. Беатриче признаетъ себя правой, — она совершила свое дѣло во имя любви, т.-е. во имя того же чувства, которое убило въ Гвидо способность творить зло. Она молитъ его сначала примириться съ собой, принять счастье, купленное такой цѣной, но, ожесточенная его отпоромъ, проникается мстительнымъ чувствомъ къ нему — и, при появленіи стражи, указываетъ на Гвидо какъ на убійцу герцога. Въ четвертомъ актѣ изображенъ судъ надъ Гвидо, и авторъ опять имѣетъ случай проявить свой тонкій саркастическій умъ въ разговорахъ падуанскихъ гражданъ, разсуждающихъ о правосудіи.

Моранцоне убѣжденъ, что убійство совершила Беатриче, а не Гвидо, и умоляетъ обвиняемаго, говоря съ нимъ вполголоса, чтобы онъ открылъ правду и тѣмъ отомстилъ женѣ убійцы своего отца. Гвидо проситъ права голоса, принадлежащаго ему по закону,—съ тѣмъ чтобы назвать имя истиннаго убійцы. Судъ готовъ предоставить ему это право, но герцогиня, боясь его признанія, настаиваетъ на своемъ правѣ карать убійцу; она протестуетъ противъ предоставленія ему слова. Опять одно и то же чувство ведетъ двухъ любящихъ въ противоположныя стороны: Гвидо — къ высотамъ самоотверженнаго героизма, Беатриче—въ бездну бушующихъ себялюбивыхъ страстей; ослѣпленная жаждой мести къ Гвидо, она хочетъ во что бы то ни стало погубить его—и спасти себя, наперекоръ и законамъ, и внутренней справедливости. Но когда все-таки Гвидо получаетъ слово, онъ объявляетъ, что убійца герцога—онъ самъ, и молитъ только, чтобы его казнили ночью, такъ какъ онъ не хочетъ еще разъ взглянуть на свѣтъ солнца. Онъ довелъ до конца подвигъ просвѣтленной любви—и этимъ спасъ и Беатриче отъ ложныхъ внушеній мести. Въ послѣднемъ дѣйствіи она приходитъ въ темницу къ осужденному, выпиваетъ приготовленный для него ядъ; кубокъ съ ядомъ приготовленъ на тотъ случай, если осужденный предпочтетъ самоубійство, на которое онъ имѣетъ право. Уже увѣренная въ близости смерти, она будитъ спящаго Гвидо и умоляетъ его убѣжать. Онъ не соглашается уйти, считая единственнымъ для себя счастіемъ умереть за нее, и хочетъ выпить ядъ; тогда оказывается, что ядъ уже выпитъ Беатриче; онъ умираетъ вмѣстѣ съ ней, заколовъ себя кинжаломъ. Беатриче умираетъ со словами, что если она и грѣшила, то ей это простится за то, что она много лю-

сила. На этомъ кончается трагедія, оправдывающая и силу добра, и силу зла, порожденную глубиной чувства.

II.

Hermann Bahr. „Theater“. Ein Wiener Roman. Стр. 231. Berlin.

Германъ Баръ принадлежитъ къ числу вѣнскихъ молодыхъ писателей, — романистовъ, драматурговъ и критиковъ, которые вносятъ въ нѣмецкій стиль французскую легкость тона и побѣждаютъ драматизмъ жизненныхъ переживаній скептически примиряющей улыбкою. Очень близокъ въ этомъ отношеніи къ французамъ Артуръ Шницлеръ, но прямымъ посредникомъ между „молодой Франціей“ съ конца минувшаго вѣка и новѣйшей нѣмецкой литературой является Германъ Баръ. Онъ долго жилъ въ Парижѣ, знаетъ жизнь артистической и литературной молодежи и первый ввелъ въ нѣмецкую литературу понятіе о французскомъ fin de siècle. Послѣ того онъ сталъ въ критикѣ толкователемъ новѣйшихъ литературныхъ движеній всѣхъ европейскихъ странъ, и среди всего написаннаго о символизмѣ, книги Бара—„Rennaissance“ и „Ueberwindung des Naturalismus“ — быть можетъ наиболѣе интересныя по мѣткости формулировокъ и умѣнію вникнуть въ психологію того или другого момента литературной жизни.

Германъ Баръ, вмѣстѣ съ тѣмъ — драматургъ; въ послѣдніе годы онъ особенно прославился своими пьесами для театра. Нѣкоторыя изъ его пьесъ любопытны для характеристики вѣнской жизни, какъ, напр., „Der Star“, „Das Tschaperl“, но болѣе самостоятельное и широкое значеніе имѣютъ другія его пьесы, какъ „Атлетъ“ и „Властелинъ жизни“ (Der Meister); въ нихъ Баръ является въ своей излюбленной и наиболѣе удающейся ему роли проповѣдника новыхъ идей. Какъ въ своихъ критическихъ очеркахъ онъ звалъ отъ побѣжденнаго натурализма къ идеаламъ символическаго искусства, такъ въ „Атлетѣ“ и въ „Властелинѣ жизни“ онъ изображаетъ носителей ницшеанскаго идеала свободы и власти надъ страстями. Его герои принадлежатъ еще будущему,—въ дѣйствительной жизни ихъ еще побѣждаетъ старое; правда стихійныхъ страстей оказывается выше освобождающаго разума. Эти пьесы, въ особенности вторая, написаны съ огромнымъ знаніемъ театра, съ умѣніемъ ярко выдвинуть основную идею, удачно выбрать освѣщающіе ее характеры.

Знаніе театра обнаруживается и въ романѣ Германа Бара „Театръ“, вышедшемъ недавно новымъ изданіемъ. Въ немъ Германъ Баръ изла-

гаетъ свои мысли о драматическомъ искусствѣ; онъ удачно пользуется своимъ знаніемъ театральнаго міра, для изображенія интересныхъ типовъ актерской среды. Романъ интересенъ не своей фабулой,—авторъ какъ бы нарочно избираетъ очень обыденное происшествіе—любовь молодого драматурга къ актрисѣ, прекрасно исполнившей главную роль въ его пьесѣ и создавшей ему огромный успѣхъ; но на фонѣ этой банальной исторіи Баръ освѣщаетъ вопросъ о томъ, что составляетъ обаяніе театра, почему онъ тянетъ и засасываетъ людей; онъ показываетъ также, какъ въ перспективѣ закулисной жизни измѣняются всѣ чувства, извращаются всѣ отношенія, исчезаетъ всякая подлинность жизненныхъ переживаній. Разсказъ ведется отъ имени писателя, который готовился сначала къ ученой карьерѣ, потомъ сдѣлался журналистомъ, сталъ во главѣ газеты, посвященной идеямъ литературной молодежи, потомъ вдругъ прославился театральной пьесой и попалъ въ центръ актерской жизни. Черезъ полгода появилась на сценѣ его вторая пьеса, но она съ трескомъ провалилась, и съ тѣхъ поръ онъ отошелъ отъ театра, оставилъ журналистику, поселился въ Мюнхенѣ и возобновилъ свои филологическіе труды. Но за эти полгода онъ испыталъ все, что можетъ дать театръ и актерская среда. „Моя исторія,—говоритъ онъ своему собесѣднику,—начинается съ премьеры и заканчивается премьерой. Между ними прошло полгода, но для меня это время равняется цѣлой жизни—такъ много я испыталъ“. Онъ разсказываетъ, что сдѣлался драматургомъ случайно: въ своей газетѣ онъ преслѣдовалъ сатирическими выходками отсталость во всѣхъ областяхъ, и, между прочимъ, всячески вышучивалъ директора одного изъ видныхъ театровъ. Вдругъ этотъ самый директоръ явился къ нему съ предложеніемъ передѣлать въ пьесу для театра одну изъ его „вѣнскихъ сатиръ“, рисующую молодую дѣвушку изъ финансоваго міра, испорченную безцеремонностью гостей своего отца и въ то же время глубоко несчастную. Журналистъ принимаетъ предложеніе; черезъ нѣсколько времени пьеса его написана, поставлена и имѣетъ неожиданно огромный успѣхъ. Чувства неожиданно прославившагося автора, въ день перваго же представленія, изображены въ романѣ очень живо. Разсказчикъ говоритъ, что ничего не помнитъ обо всемъ, что происходило; въ памяти у него сохранился только шлемъ пожарнаго; онъ слышалъ крики и чувствовалъ въ своей рукѣ дрожащую руку молодой актрисы, игравшей роль героини и сразу прославившейся вмѣстѣ съ нимъ. Изъ-за нея онъ и переживаетъ тяжелую душевную драму. Они знакомятся послѣ спектакля, когда она появляется въ тавернѣ, куда пошли директоръ, авторъ и актеры, и кажется отуманенному драматургу какимъ-то сверкнувшимъ бѣлымъ огонькомъ. Она заходитъ только на минуту, чтобы поблагодарить про-

славившаго ее автора, и, пожавъ его руку, быстро исчезаетъ. Но уже на слѣдующій день, когда авторъ идетъ къ ней съ визитомъ и застаетъ ее въ странной, полу-роскошной, полу-цыганской обстановкѣ, она съ безудержностью легкомысленныхъ натуръ бросается ему въ объятія, очевидно принимая свое чувство благодарности за проснувшуюся любовь. Завязывающійся такъ быстро романъ съ актрисой вводитъ героя Бара въ сферу театральныхъ интересовъ, и онъ старается уяснить себѣ, въ чемъ обаяніе театра для всѣхъ—отъ приказчика до министра. Баръ пытается отвѣтить на этотъ вопросъ, т.-е. дать формулу сценическаго искусства, или, вѣрнѣе, психологіи актеровъ и актрисъ. „Театръ обаятеленъ тѣмъ,—говоритъ Баръ,—что удовлетворяетъ самымъ разнообразнымъ требованіямъ и ожиданіямъ. Но если подходить къ театру безъ предвзятыхъ требованій, если искать въ чемъ его самобытное значеніе, то ничего не получится. Театръ—такъ же и арена для аферистовъ, которые подлаживаются подъ вкусъ публики, предлагаютъ ей модный товаръ; но театръ влечетъ и людей, чуждыхъ практическихъ интересовъ, мечтателей, служителей красоты. И вмѣстѣ съ тѣмъ театръ способствуетъ развитію дурныхъ инстинктовъ. Какъ сказать, кто составляетъ театральный міръ—аферисты ли, мечтатели или служители сатаны? Афера переходитъ въ мессу, месса въ оргію, возвышенное и позорное сливаются воедино,—и потому всякій находитъ себя же въ театрѣ. Самъ по себѣ театръ—ничто; онъ ускользаетъ отъ точнаго анализа, сверкая измѣнчивой, соблазнительной загадкой, какъ сама жизнь. И потому столькихъ людей влечетъ къ театру, что они надѣются найти весь міръ въ этомъ тѣсномъ кругу. Театръ—какъ бы небольшихъ размѣровъ атласъ жизни: вотъ каковой мнѣ кажется его формула, вотъ почему такъ много людей стремятся къ театру. Иначе нельзя себѣ объяснить его обаяніе. Поэты живутъ для себя, живописцы имѣютъ свою маленькую общину, но всѣ люди интересуются театромъ и актерами. Это какое-то темное, метафизическое влеченіе: отъ актеровъ хотятъ узнать смыслъ жизни“.

Въ этой мѣткой характеристикѣ Баръ вѣрно отмѣтилъ двѣ основныя черты театральной среды: отсутствіе подлинности всѣхъ переживаній вмѣстѣ съ открытой возможностью испытывать всю гамму человѣческихъ чувствъ. Въ совмѣщеніи этихъ контрастовъ, включающихъ жизнь отъ полюса до полюса, заключается главное обаяніе театра—но и его проклятіе, какъ доказываетъ Баръ въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ. Раздвоенность актера, чувствующаго въ себѣ и воплощенный имъ образъ, и свою индивидуальную личность, дѣлаетъ его одинаково открытымъ и для самаго высокаго, и для самаго низкаго, вноситъ элементъ игры въ его переживанія—и лишаетъ его самоцѣльности. Ни въ какомъ другомъ искусствѣ нѣтъ надобности въ

столь полномъ отрѣшеніи отъ себя для перевоплощенія въ создаваемый образъ. Это отсутствіе подлинности, какъ условіе сценическаго таланта, особенно подчеркивается Баромъ въ его злыхъ, но несомнѣнно вѣрно наблюденныхъ актерскихъ портретахъ, служащихъ ему для иллюстраціи его мнѣній о сущности сценическаго искусства и его служителей. Особенно удачна въ этомъ смыслѣ фигура талантливаго комика Мерца въ романѣ. „Его лицо,—разсказываетъ герой Бара,—всегда складывалось въ самыя разнообразныя гримасы, такъ что его общество было истиннымъ страданіемъ для нервныхъ людей. И видъ его и манеры напоминали обезьяну. Онъ всегда кого-нибудь копировалъ,—иначе ему было не по себѣ. Никогда нельзя было услышать его собственный голосъ, никогда не приводилось мнѣ поймать его на естественномъ движеніи. На улицѣ съ нимъ непріятно было ходить, потому что онъ все время то хромалъ, то волочилъ ногу, то всячески ломался. Но при всемъ томъ это былъ самый забавный человѣкъ, какого только можно себѣ представить. Впрочемъ, я иногда сомнѣвался, дѣйствительно ли онъ человѣкъ. Онъ могъ быть кѣмъ угодно, но долженъ былъ всегда быть кѣмъ-нибудь другимъ—самъ онъ какъ бы не существовалъ. Его проклятіе заключалось въ томъ, чтобы быть всегда другимъ человѣкомъ. Это именно проклятіе; что можетъ быть ужаснѣе, чѣмъ если, здороваясь съ кѣмъ-нибудь, человѣкъ прежде всего думаетъ, кого ему при этомъ копировать? Его, однако, это не стѣсняло,—и я увѣренъ, что, оставаясь наединѣ, онъ долженъ былъ всегда играть". Отъ его лица Баръ высказываетъ свои самыя рѣзкія сужденія объ актерахъ. „Онъ презиралъ театръ,—говоритъ разсказчикъ,—и выходилъ изъ себя, когда говорили о сценическомъ искусствѣ. Со стороны актеровъ наглость—считать себя художниками,—говоритъ онъ.—У художника есть душа, которую онъ умѣетъ выразить другимъ людямъ. А между тѣмъ сущность актера—въ томъ, чтобы не имѣть души; у него есть только тѣло, которое умѣетъ вмѣстить въ себя всякую душу, или, по крайней мѣрѣ, дѣлать видъ, что вмѣщаетъ. „Мы шуты,—кричалъ онъ,—балаганные фокусники и акробаты, и какъ бы насъ ни награждали орденами и титулами, мы не бываемъ честны. Къ тому же, мы продаемъ за деньги свои чувства—и это отвратительно". Послѣдній аргументъ онъ особенно любилъ выдвигать, требуя прибавки жалованья у директора. Какъ только онъ имѣлъ успѣхъ въ новой роли, онъ моментально садился писать письмо о прибавкѣ жалованья. Онъ писалъ, что ему стыдно, и что онъ требуетъ вознагражденія именно поэтому. Не за свои заслуги передъ искусствомъ требовалъ онъ платы, а за унизительность своего ремесла.

Конечно, въ этомъ портретѣ талантливаго актера-циника преуве-

личено „проклятіе притворства“, извращающее психологію актеровъ; но основная мысль—въ томъ, что самаго цѣннаго во всякомъ искусствѣ, души художника, раскрывающей себя другимъ душамъ, въ актерѣ нѣтъ и не должно быть; нужно только умѣніе перенимать чужія души.

Понимая такимъ образомъ психологію сценическаго искусства, Баръ вовсе не противникъ театра; напротивъ того, онъ показываетъ, какъ увлекательна сцена—и для писателя по быстротѣ общенія съ публикой, по возможности непосредственно видѣть дѣйствіе своихъ мыслей и своихъ образовъ на зрителей, и для людей, стоящихъ внѣ искусства, по яркости, съ которой вся жизнь воплощается на сценѣ. Но, увлекаясь сценой, нужно знать, что всякій актеръ и всякая актриса—все и ничего, и не нужно искать въ личности актера той красоты, которую онъ способенъ воплощать. Жизненная драма героя Бара происходитъ отъ того, что онъ не руководствовался этимъ правиломъ, а повѣрилъ въ прекрасную и тонкую душу талантливой красавицы актрисы, и полюбилъ ее, какъ человѣка своего міра. А между тѣмъ оказалось, что она именно—„все и ничего“, что она въ состояніи была, будто бы, отвѣчать любовью на любовь, проявлять сокровища нѣжной женственности, быть граціозной, изысканно-изящной даже въ повседневномъ быту, когда она поселяется вмѣстѣ съ полюбившимъ ее писателемъ, упоеннымъ ея внѣшней и внутренней красотой. Они скрываютъ свое счастье отъ людей, тѣмъ болѣе, что у писателя есть семья, жена и сынъ, отъ которыхъ онъ долженъ таить свое увлеченіе. Жена его догадывается о настоящей причинѣ его отъѣзда изъ дому—будто бы для того, чтобъ, поселясь отдѣльно, онъ скорѣе и успѣшнѣе могъ закончить свою новую пьесу, заказанную ему директоромъ театра, послѣ шумнаго успѣха его первой комедіи. Она принимаетъ его объясненіе и не мѣшаетъ его счастью. Но идиллія любви и красоты постепенно разрушается, когда обнаруживается истинная натура актрисы; она груба, вульгарна и чувствуетъ себя хорошо только среди распущенности и грязи. Писатель знакомится съ родителями актрисы, и онъ ужасается, что такое изысканно прекрасное существо, какъ его возлюбленная, могла выйти изъ столь низменной среды. Отецъ—красавецъ итальянецъ, тунеядствующій всю жизнь, то какъ натурщикъ, то какъ продавецъ въ загородныхъ садахъ, гдѣ его опаивали кутящія компаніи,—циничный, грубый и невѣжественный человѣкъ; мать—испробовала всяческія ремесла, пыталась даже торговать своей дочерью, жадная, уродливая старуха. И дочь не чувствуетъ себя чужой этимъ людямъ. Она ругается съ матерью, уличая ее въ мошенническихъ продѣлкахъ, но всецѣло раздѣляетъ ея интересы, а отцомъ своимъ даже гордится, потому что онъ такъ

красивъ. Постепенно, когда ихъ любовь перестаетъ быть тайной, актриса снова поселяется въ своей прежней большой квартирѣ, гдѣ ея возлюбленный становится постояннымъ гостемъ: онъ уходитъ въ свою одинокую комнатку только для работы. Начинается прежняя богемная жизнь актрисы, и писатель съ ужасомъ глядитъ на общество, которымъ его красавица съ тонкой душой окружаетъ себя. Онъ узнаетъ, каковы ея вкусы, что она называетъ весельемъ, и какъ она относится къ своему искусству. Онъ хочетъ говорить съ ней по существу о ея новыхъ роляхъ, тѣмъ болѣе, что послѣ ея успѣха въ его пьесѣ ей даютъ роли героинь въ Шекспировскихъ комедіяхъ. Но онъ убѣждается, что она не въ состояніи понять его объясненій, а только за нѣсколько дней до перваго представленія запирается у себя и какъ-то по-своему, чутьемъ, создаетъ вѣрный и художественный образъ изъ своей роли. А разъ создавъ, она уже перестаетъ чувствовать его нервами и механически повторяетъ задуманное. Писатель убѣждается въ низшей натурѣ своей возлюбленной на праздникѣ, который она устраиваетъ у себя, и на которомъ она ведетъ себя съ истиннымъ уродствомъ, соперничая съ комикомъ Мерцемъ въ цинизмѣ. Окончательный ударъ въ любви къ ней наноситъ случайно раскрывшійся для писателя фактъ ея измѣны. Когда онъ ночью, страдая отъ безсонницы вслѣдствіе накопившагося раздраженія и разочарованія, выходитъ изъ дому и машинально направляетъ шаги къ дому актрисы, онъ видитъ въ окнахъ ея свѣтъ; черезъ нѣсколько времени изъ воротъ дома выходитъ Мерцъ, останавливается противъ окна, у котораго появляется актриса въ капотѣ, и они мимируютъ любовное прощаніе, причемъ комикъ, по обыкновенію, гримасничаетъ и гаерничаетъ. Измѣна ради уродливаго шута, почти лишеннаго человѣческаго образа, убиваетъ любовь; но писатель не хочетъ порвать съ актрисой, прежде чѣмъ пойдетъ новая пьеса, потому что не хочетъ рисковать успѣхомъ ея; онъ скрываетъ свою ярость, и даетъ ей волю только дома, гдѣ онъ разбиваетъ все, что только напоминаетъ о ней. Къ актрисѣ онъ недѣлю не ходитъ, потомъ снова является, говоритъ о пьесѣ, вызываетъ актрису на похвалы Мерцу и замышляетъ месть противъ нихъ обоихъ. До перваго представленія возможность всякихъ сценъ и объясненій исчезаетъ, потому что занятая своей ролью актриса перестаетъ быть женщиной. На генеральной репетиціи, при видѣ Мерца, авторъ пытается устроить ему скандалъ, отнять у него роль. Но директоръ кое-какъ примиряетъ ихъ, и наступаетъ день перваго представленія, страшный для автора, у котораго дурныя предчувствія. Пьеса проваливается—и это все разрѣшаетъ. Когда авторъ является въ уборную къ своей прежней возлюбленной, его не пускаютъ. Онъ только слышитъ ея слова: „Скажите ему, чтобы

онъ поискалъ себѣ другую дуру. Мнѣ такихъ авторовъ не нужно". Этотъ финалъ уже не удивляетъ писателя, который понялъ наконецъ, что онъ любилъ не живое существо, а иллюзію, и понялъ правду относительно сцены. Онъ возвращается къ своей женѣ, оставляетъ навсегда мысли о театрѣ и ищетъ успокоенія въ мирныхъ книжныхъ занятіяхъ. Въ романѣ интересенъ рядъ типовъ, составляющихъ театральную среду. Всѣ они служатъ автору для иллюстраціи его мысли о театрѣ и объ актерахъ.—З. В.

НЕКРОЛОГЪ.

Александръ Николаевичъ Пыпинъ.

1833—1904 гг.

26-го ноября минувшаго года скончался А. Н. Пыпинъ. Чѣмъ онъ былъ для „Вѣстника Европы“—это хорошо знаютъ наши читатели, въ особенности тѣ, которымъ памятна вся почти сорокалѣтняя исторія журнала. Постоянно, съ 1867 г., участвуя въ трудахъ редакціи, отмѣчая, въ „Литературномъ Обозрѣніи“, все выдающееся въ близкихъ ему областяхъ науки и жизни, А. Н. проводилъ черезъ „Вѣстникъ Европы“ всѣ тѣ труды, изъ которыхъ составлялись впослѣдствіи капитальныя, часто многотомныя ученыя его работы. Отсюда—особый характеръ его журнальной дѣятельности. Многое изъ того, что появляется въ періодическихъ изданіяхъ, пишется подъ вліяніемъ минуты и, вмѣстѣ съ нею или вслѣдъ за нею утрачивая свой интересъ, почти неизбѣжно обречено на скорое забвеніе. Не таковы были, обыкновенно, статьи А. Н. Пыпина. Задуманныя и исполненныя планомѣрно, на основаніи глубокаго и тщательнаго изученія даннаго предмета, но вмѣстѣ съ тѣмъ предназначенныя для такъ называемой широкой публики, онѣ соединяли въ себѣ точность научнаго изслѣдованія съ доступностью изложенія. Пересмотрѣнныя и дополненныя, онѣ легко переходили со страницъ журнала на страницы книги и становились прочнымъ пріобрѣтеніемъ для русской литературы. Значеніе ихъ увеличивалось тѣмъ, что А. Н. Пыпинъ былъ не только ученымъ, но и публицистомъ. Неизгладимый слѣдъ оставили въ немъ его молодые годы. Свои воспоминанія о нихъ А. Н. изложилъ въ книгѣ: „Н. А. Некрасовъ“, вышедшей въ свѣтъ за мѣсяцъ до его смерти. Надъ всѣмъ кружкомъ, къ которому, едва сойдя съ университетской скамьи, примкнулъ А. Н., носилась свѣжая еще память о Бѣлинскомъ: она поднимала, поддерживала его даже въ тяжелую эпоху восточной войны, до пробужденія, ознаменовавшаго собою начало новаго царствованія. „Высоко ставилось“—по словамъ А. Н.—„дѣло литературы; съ дѣломъ литературы само собою соединялось и предполагалось извѣстное нравственное достоинство и общественная обязанность“. Понятно, что именно здѣсь, гдѣ свѣточъ свободной мысли не угасалъ во время наиболѣе сгустившагося мрака, съ особенною силой отразился подъемъ духа, вызванный эпохою великихъ реформъ. Новыя стремленія выдвинули на первый планъ новыхъ людей: въ редакціи „Современника“ выдающуюся

роль сталъ играть Н. Г. Чернышевскій, родственникъ и другъ А. Н. Пыпина; къ нему вскорѣ присоединился Н. А. Добролюбовъ. „Вопросы общественные стали господствующимъ интересомъ"—и властно захватили собою молодого историка литературы. На первыхъ порахъ, занятый сначала приготовленіемъ къ занятію университетской каѳедры, потомъ чтеніемъ лекцій, А. Н. не могъ удѣлять много времени движенію, кипѣвшему вокругъ него—но не колебался ни минуты, когда усвоенные имъ взгляды потребовали отъ него, въ 1861 г., тяжелой жертвы: отказа отъ профессуры, которой онъ только-что достигъ и къ которой его влекло призваніе. Вмѣстѣ съ четырьмя другими профессорами, съ которыми его навсегда сблизило воспоминаніе объ этой минутѣ, онъ оставилъ университетъ—и, продолжая и углубляя свои ученыя изысканія, соединилъ съ ними отвѣтственную и трудную работу журналиста. Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ онъ раздѣлялъ съ Некрасовымъ редактированіе „Современника"—и въ то же время составилъ, вмѣстѣ съ В. Д. Спасовичемъ, „Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ". Славянству посвящены и многія статьи, напечатанныя имъ въ „Вѣстникѣ Европы". Другой предметъ, на которомъ, съ шестидесятыхъ годовъ, останавливается его вниманіе—развитіе русской общественной мысли. Начавъ съ изученія масонства и другихъ религіозныхъ теченій, которыми отмѣчены конецъ XVIII-го и начало XIX-го вѣка, онъ скоро перешелъ къ болѣе широкимъ картинамъ и далъ, въ двухъ большихъ сочиненіяхъ („Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I" и „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ"), изображеніе умственной работы, подготовившей переходъ отъ до-реформенной къ послѣ-реформенной Россіи. Одному изъ важнѣйшихъ эпизодовъ этой работы—дѣятельности Бѣлинскаго—А. Н. посвятилъ цѣлую книгу, уплативъ, такимъ образомъ, долгъ благодарности тому, подъ чьей невидимой эгидой сложились и окрѣпли основы его умственнаго и нравственнаго склада... Въ позднѣйшихъ монументальныхъ трудахъ А. Н. Пыпина—„Исторіи русской этнографіи" и „Исторіи русской литературы"—научный элементъ беретъ верхъ надъ общественнымъ, отнюдь, однако, его не вытѣсняя. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ то, что въ А. Н. до конца не угасалъ интересъ къ идеямъ, увлекавшимъ его въ молодости, служитъ, вмѣстѣ съ названнымъ уже нами сочиненіемъ о Некрасовѣ, книга его о Салтыковѣ.

Имя А. Н. Пыпина хорошо извѣстно не одной только образованной Россіи: оно пользуется уваженіемъ и авторитетомъ вездѣ, гдѣ живутъ славяне. По отношенію къ нимъ А. Н. былъ не только безпристрастнымъ наблюдателемъ-историкомъ, но и искреннимъ, разумнымъ другомъ. Чуждый славянофильскихъ мечтаній о „русскомъ морѣ", въ которомъ должны слиться „славянскіе ручьи", онъ признавалъ за всѣми

славянскими народами, на какомъ бы языкѣ они ни говорили, къ какому бы вѣроисповѣданію ни принадлежали, одинаковое право на самостоятельное развитіе. Стремленію къ свободѣ, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, А. Н. сочувствовалъ вездѣ, гдѣ бы оно ни проявлялось. Онъ велъ борьбу не только съ „обрусителями", съ ультра-націоналистами, съ сторонниками мнимо-патріархальныхъ порядковъ, но и съ тѣми узкими народниками, которые провозглашали несовмѣстимость высокой культуры съ матеріальнымъ благосостояніемъ народной массы. Искусственное „опрощеніе" онъ считалъ излишнимъ, даже опаснымъ. Въ прошедшемъ онъ останавливался съ особенною любовью на тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ находилъ задатки лучшаго будущаго. „Молодое либеральное поколѣніе" — говоритъ онъ, напримѣръ, о декабристахъ — „рѣшительно отказывалось отъ идеала, который рисовалъ русскому обществу Карамзинъ; его нисколько не прельщали и не обманывали архаическія красоты добраго стараго времени. Что оно вѣрнѣе видѣло истинныя потребности русской жизни—достаточно показала дальнѣйшая исторія. Общественное самосознаніе, свободный отъ иллюзій и предубѣжденій взглядъ на дѣйствительность никогда раньше не высказывались у насъ съ такой настоятельностью"... Возражая тѣмъ, кто видитъ въ движеніи двадцатыхъ годовъ только „легкомысленное увлеченіе западной либеральной модой", А. Н. считалъ его вполнѣ русскимъ и народнымъ: не даромъ же у его вождей стояло на первомъ планѣ освобожденіе крестьянъ. Если народъ отнесся къ нему безучастно, то просто потому, что оно не было извѣстно народу. Вопросъ, поставленный А. Н. Пыпинымъ по этому поводу болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ: „знаетъ ли народъ и теперь свои славныя имена"?—почти съ такимъ же правомъ могъ бы быть повторенъ и въ настоящее время.

Съ той же точки зрѣнія защищаетъ А. Н. и тѣхъ дѣятелей сороковыхъ годовъ, которыхъ упрекали въ систематическомъ недоброжелательствѣ къ существовавшему тогда порядку вещей. Ихъ вина—читаемъ мы въ „Характеристикахъ литературныхъ мнѣній"—„ихъ вина состояла только въ томъ, что они лучше массы общества понимали истинный интересъ народа и государства: они не хотѣли повторять льстивой лжи о всеобщемъ благополучіи и видѣли тѣ слабыя стороны общества и государства, которыя нуждались въ перемѣнѣ и по требованію разумной справедливости, и по требованію національнаго сохраненія. Первое испытаніе, которое встрѣтилось потомъ націи, подтвердило ихъ предвидѣнія и повело общество на тотъ путь преобразованія, какого они давно желали". Такіе взгляды, обоснованные съ свойственною А. Н. Пыпину обстоятельностью и ясностью, проливаютъ массу свѣта не только назадъ, но и впередъ. Многое изъ сказаннаго имъ о двадцатыхъ и сороковыхъ годахъ было примѣнимо, mutatis mutandis,

и къ семидесятымъ годамъ, когда написаны приведенныя выше строки —и остается примѣнимымъ къ нашему времени, когда начинается, повидимому, осуществленіе идей, давно назрѣвшихъ въ передовыхъ рядахъ общества и литературы.

Для личнаго спокойствія А. Н. Пыпина было бы, быть можетъ, лучше, еслибы призывъ его въ Академію Наукъ состоялся тогда, когда онъ былъ впервые задуманъ, т.-е. въ началѣ семидесятыхъ годовъ; но русская наука мало проиграла, а русское общество много выиграло отъ того, что эта мирная пристань открылась для А. Н. только въ концѣ его многотрудной жизни. Менѣе гармоничнымъ и полнымъ, по всей вѣроятности, оказалось бы соединеніе, въ лицѣ А. Н., двухъ указанныхъ нами типовъ, еслибы ученый рано оттѣснилъ на второй планъ общественнаго дѣятеля. Область знанія и теперь расширена трудами А. Н. Пыпина — но двойственный ихъ характеръ упрочилъ за ними, сверхъ того, глубоко-жизненное значеніе. До крайности прискорбнымъ кажется намъ, наоборотъ, другой пробѣлъ въ дѣятельности А. Н. Пыпина, до конца оставшійся невосполненнымъ. Онъ соединялъ въ себѣ всѣ условія, чтобы быть выдающимся, любимымъ наставникомъ молодежи—а между тѣмъ для него рано закрылась профессорская каѳедра. Правда, онъ сошелъ съ нея добровольно—но только потому, что въ данную минуту этого требовало сознаніе долга. Еслибы она была предложена ему вновь, при другихъ условіяхъ, онъ, мы въ этомъ убѣждены, не отказался бы принять ее, и для университета была бы сохранена крупная сила, а для самого А. Н. открылся бы новый источникъ воздѣйствія на общество. Скромный по натурѣ, привыкшій къ кабинетному труду, А. Н. очень рѣдко выступалъ публично. Его непосредственное вліяніе, всегда благотворное, испытывалъ на себѣ только тѣсный кругъ болѣе или менѣе близкихъ къ нему людей —а въ университетѣ оно распространялось бы на сотни и тысячи воспріимчивыхъ слушателей. Съ этой точки зрѣнія А. Н. Пыпина можно причислить къ тѣмъ даровитымъ русскимъ дѣятелямъ, которымъ условія русской жизни помѣшали дать все то, на что они были способны, развить до конца всѣ свои силы.

Подробная оцѣнка научно-литературнаго наслѣдства, оставленнаго А. Н. Пыпинымъ — дѣло будущей коллективной работы: участіе въ ней должны принять специалисты по всѣмъ отраслямъ знанія, которыхъ касался покойный. Она уже началась въ Вѣнѣ, во Львовѣ; къ ней присоединятся, конечно, и товарищи покойнаго по Академіи наукъ, и профессора нашихъ университетовъ, и представители различныхъ отдѣловъ нашей литературы.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 января 1905.

Минувшій годъ.—Сессія губернскихъ земскихъ собраній. — Странное происшествіе въ Тамбовѣ.—Идеологія и законность.—Спорный вопросъ государственнаго права.—Реакціонная печать и реформы.—Еще о положеніи политическихъ ссыльныхъ.—Изъ области цензуры и печати. — Юбилеи „Русской Мысли", Н. П. Карабчевскаго и В. И. Ламанскаго.—Е. І. Лихачева, Н. М. Коркуновъ и П. Н. Обнинскій †.

Болѣе тяжелаго года, чѣмъ минувшій, никогда еще, со временъ смуты, ознаменовавшей собою начало XVII-го вѣка, не переживала Россія. Къ безпримѣрнымъ, по своей продолжительности и интенсивности, ужасамъ войны, окончаніе которой и теперь еще трудно предвидѣть, присоединилось, въ теченіе лѣта, возобновленіе политическихъ убійствъ. Вскорѣ послѣ того началась быстрая смѣна надеждъ и разочарованій. Казалось, по временамъ, что Россія вступаетъ въ новый періодъ своей исторической жизни—но бывали минуты, когда застой грозилъ вступить въ свои прежнія права или даже превратиться въ регрессъ. Два пріобрѣтенія „новая эпоха новыхъ вѣяній" оставитъ по себѣ несомнѣнно. Благодаря ей, вышло на свѣтъ многое, скрывавшееся во мракѣ; благодаря ей, до очевидности ясными стали и главныя потребности русскаго народа, и главные пути, ведущіе къ ихъ удовлетворенію. Общность взглядовъ, близкая къ единодушію, обнаружилась тамъ, гдѣ были, повидимому, всѣ условія для разногласія; стремленія, прежде проявлявшіяся въ сферѣ небольшихъ группъ, оказались широко распространенными и прочно укоренившимися. Ноябрь 1904-го года навсегда, поэтому, займетъ выдающееся мѣсто въ лѣтописяхъ русской жизни. Ознаменовавшій его подъемъ духа не прекратился и тогда, когда напомнили о себѣ не отмѣненныя еще преграды. Никогда, кажется, не ожидалась съ такимъ нетерпѣніемъ сессія губернскихъ земскихъ собраній; никогда еще засѣданія тѣхъ изъ нихъ, которыя открылись до половины декабря, не привлекали въ такой степени общее вниманіе. Въ Калугѣ, Черниговѣ, Херсонѣ, Орлѣ, Полтавѣ, Тамбовѣ, Москвѣ—интересъ къ дѣятельности земства былъ настолько же великъ, насколько полна жизни была самая дѣятельность.

Открытіе тамбовскаго губернскаго земскаго собранія совершилось, по словамъ корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей", при совершенно необычайной обстановкѣ. „Внутренніе и наружные входы

въ помѣщеніе собранія охранялись полиціей. Прибывшей публикѣ было объявлено, что пускаютъ только по билетамъ. Это было новостью для тамбовцевъ. Удивленію публики не было границъ, когда она узнала, что уже задолго до начала собранія всѣ билеты, въ числѣ 150, были розданы. На протесты публики стража объявляла, что таково распоряженіе предсѣдателя собранія. Тѣ, кому удалось все-таки проникнуть въ залу, были поражены необычайнымъ составомъ публики. Почти всѣ свободныя мѣста на хорахъ были заняты лабазниками, мелкими торговцами, барышниками, старьевщиками, половыми изъ трактировъ и т. п. Изъ разспросовъ нѣкоторыхъ изъ нихъ оказалось, что всѣ они явились въ собраніе по приглашенію полиціи, которая наканунѣ раздавала имъ билеты за печатью губернскаго предводителя дворянства. Когда все это сдѣлалось извѣстнымъ служащимъ въ губернской управѣ, они заявили предсѣдателю управы, что не явятся въ засѣданія собранія и отказываются отъ дачи всякихъ свѣдѣній, пока не будетъ открытъ доступъ въ засѣданія собранія всѣмъ желающимъ, а не только приглашеннымъ полиціей. Послѣ этого предсѣдатель собранія принужденъ былъ отмѣнить свое распоряженіе, и доступъ въ собраніе былъ объявленъ свободнымъ". Искусственный подборъ слушателей—новость не только для Тамбова, но и для всей земской Россіи. Этой своеобразной плотиной предполагалось, очевидно, предупредить взаимодѣйствіе между собраніемъ и публикой, создать кажущійся противовѣсъ господствующему теченію. Весьма можетъ быть, что половые, барышники и другіе избранники полиціи должны были образовать что-то въ родѣ театральной „клаки", выражающей, по заранѣе условленному сигналу, одобреніе или неодобреніе происходящему на сценѣ. Очень хорошо, конечно, что тамбовскимъ земцамъ пришлось говорить въ присутствіи обыкновенной, а не чрезвычайной публики—но все-таки жаль, что опытъ не былъ доведенъ до конца, хотя бы въ продолженіе одного засѣданія. Могло бы вѣдь случиться и нѣчто совершенно неожиданное: „клакеры"—или нѣкоторые изъ нихъ—могли бы понять значеніе произносимыхъ въ ихъ присутствіи рѣчей и отнестись къ нимъ не такъ, какъ требовала данная имъ инструкція [1]).

Одновременно съ попыткой повліять на тамбовское губернское земское собраніе особымъ составомъ публики, присутствующей при его

[1]) Изъ Тамбова телеграфируютъ, 15-го декабря, „Русскимъ Вѣдомостямъ" (№ 349), что находившаяся въ засѣданіи среди публики „черная сотня" ожидала на улицѣ конца засѣданія и при выходѣ гласныхъ и остальной публики стала наносить имъ побои. Не состоитъ ли этотъ безпримѣрный въ исторіи земства инцидентъ въ какой-либо связи съ ролью, отведенной „черной сотнѣ" въ началѣ сессіи тамбовскаго губ. земскаго собранія?

преніяхъ, была сдѣлана попытка подѣйствовать на самихъ гласныхъ путемъ печати. Въ „Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ появилась статья, увѣщевавшая собраніе не поддаваться той „небольшой кучкѣ земскихъ дѣятелей“, которая, „увлекаясь политическими теоріями западной Европы, игнорируетъ дѣйствительныя потребности русскаго народа“. Заканчивалась статья ссылкой на слова гр. Л. Н. Толстого, „являющагося, несмотря на религіозныя, а частью и политическія заблужденія, крупною интеллигентною величиною“: „нынѣшнее движеніе представляется преградой на пути прогресса... Конституціонное правленіе не можетъ уврачевать человѣческія страданія“. Удостоивая Л. Н. Толстого аттестата на званіе „интеллигентной величины“, оффиціальная газета должна была бы вспомнить, что ученіе знаменитаго писателя составляетъ одну неразрывную цѣпь, отъ которой нельзя произвольно отдѣлять одно изъ звеньевъ: кто стремится *исключительно* къ усовершенствованію личности, тотъ можетъ считать тщетными или даже вредными всѣ надежды, возлагаемыя на улучшенія государственнаго устройства... Нужно ли прибавлять, что даже самымъ смѣлымъ изъ этихъ надеждъ чужда увѣренность въ возможности уврачевать, путемъ однѣхъ только политическихъ реформъ, *всѣ* человѣческія страданья?

Какъ отразились на тамбовскомъ губернскомъ земскомъ собраніи „предохранительныя“ мѣры, сопровождавшія его открытіе—этого мы еще достовѣрно не знаемъ. Изъ того, что постановлено другими собраніями, не все, въ настоящую минуту, доступно для обсужденія. По словамъ „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 345), херсонское губернское земское собраніе постановило: 1) ходатайствовать, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда явится необходимость приглашенія мѣстныхъ представителей къ обсужденію тѣхъ или другихъ мѣропріятій или законопроектовъ, приглашались лица, избранныя для того губернскими собраніями, и 2) ходатайствовать о разрѣшеніи періодическихъ съѣздовъ земскихъ выборныхъ для обсужденія и разсмотрѣнія общихъ для всѣхъ земствъ вопросовъ, возникающихъ въ ихъ дѣятельности. Ходатайство, отчасти сходное съ первымъ изъ двухъ только-что приведенныхъ, возбуждено и полтавскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, избравшимъ изъ своей среды, на случай его удовлетворенія, четырехъ представителей и четырехъ къ нимъ кандидатовъ [1]). Вятское губернское земское собраніе, выслушавъ докладъ предсѣдателя губернской земской управы о ноябрьской поѣздкѣ его въ Петербургъ, выразило одобреніе его образу дѣйствій. Въ смоленскомъ губернскомъ земскомъ собраніи аналогичный вопросъ не былъ допущенъ къ обсужденію предсѣда-

[1]) См. № 342 „Русскихъ Вѣдомостей“.

телемъ собранія. Не совсѣмъ ясно газетное сообщеніе о томъ, что произошло въ ярославскомъ губернскомъ земскомъ собраніи—и эта неясность вполнѣ понятна, такъ какъ рѣшеніе „выразить неодобреніе происшедшему инциденту и, оставаясь на строгой почвѣ закона, перейти къ обсужденію очередныхъ дѣлъ, входящихъ въ сферу земской компетенціи", было постановлено въ закрытомъ засѣданіи, изъ котораго были удалены и представители печати. Не отличается ясностью и полнотою и газетный отчетъ о первомъ засѣданіи московскаго губернскаго земскаго собранія, происходившемъ 13-го декабря [1]). Оно привлекло такую массу публики, какой не бывало въ собраніи въ теченіе послѣдней четверти вѣка, и закончилось восторженными рукоплесканіями. На другой день, когда въ Москвѣ сдѣлалось извѣстнымъ правительственное сообщеніе 14-го декабря, происходило частное совѣщаніе гласныхъ, послѣ котораго, по желанію большинства, слишкомъ взволнованнаго, чтобы продолжать занятія, было объявлено о перерывѣ сессіи на неопредѣленное время [2]). Преждевременно прекратились также засѣданія губернскихъ собраній черниговскаго и смоленскаго.

Приподнятое настроеніе, господствовавшее, до половины декабря, въ земской сферѣ, нашло отголосокъ въ городскихъ думахъ, рѣдко, въ обыкновенное время, выходящихъ изъ области текущихъ мѣстныхъ дѣлъ. „Новое Время" (№ 10341) сообщаетъ, что 12-го декабря гласные московской городской думы, въ числѣ 70-ти, обратились къ московскому городскому головѣ, кн. В. М. Голицыну, съ слѣдующимъ привѣтствіемъ: „въ засѣданіи московской городской думы 30-го ноября, которое останется навсегда памятнымъ въ исторіи русскаго общественнаго самосознанія, вы проявили себя доблестнымъ гражданиномъ и достойнымъ представителемъ родного города. Высказывая вашему сіятельству одушевляющія нась чувства глубокаго уваженія и искренней признательности, мы, какъ представители московскаго населенія, просимъ васъ вѣрить, что крѣпка та нравственная связь, которая установилась между вами и городской думой въ силу единства нашихъ общественныхъ убѣжденій и упованій, и что при какихъ бы условіяхъ вы ни явились выразителемъ взглядовъ городской думы, вы можете дѣйствовать со спокойнымъ сознаніемъ нашей неизмѣнной солидарности съ вами". Кн. В. М. Голицынъ отвѣтилъ на это слѣдующей рѣчью: „Господа, столь краснорѣчивое и внушительное выраженіе вашихъ чувствъ ко мнѣ въ данную минуту не является для меня неожиданнымъ. Какъ вы сказали и какъ я сознавалъ, въ томъ

---

[1]) См. № 347 „Русскихъ Вѣдомостей".

[2]) См. „Русь", № 365.

фактѣ, который послужилъ поводомъ къ настоящему собранію, я только выполнилъ долгъ вашего представителя и долгъ русскаго гражданина. Разъ это такъ, я твердо увѣренъ, что встрѣчу въ васъ единодушное сочувствіе и единодушную поддержку. Но неожиданнымъ для меня является то, что вы предупредили событія. Никому изъ насъ неизвѣстно, что скрываетъ будущее. Но, что бы ни было, послѣ этой оваціи я чувствую подъ собою твердую опору, непоколебимую увѣренность, что мы, граждане одного города, одушевлены единымъ чувствомъ, единымъ стремленіемъ къ его благу". Такой обмѣнъ мыслей между представителями городского населенія звучитъ чѣмъ-то мало привычнымъ для русскаго уха...

Слишкомъ привычны, наоборотъ, тѣ рѣчи, которыя раздаются въ той же Москвѣ, на страницахъ газеты, какъ бы по ироніи судьбы все-еще сохраняющей внѣшнюю связь съ учрежденіемъ радикально ей противоположнымъ: съ московскимъ университетомъ. Еслибы „Московскія Вѣдомости" не шли дальше обычнаго призыва къ бдительности правительства, къ репрессивнымъ мѣрамъ, еслибы онѣ довольствовались излюбленнымъ ими способомъ борьбы—отожествленіемъ разномыслія съ крамолой, реформъ съ государственнымъ переворотомъ, открытаго выраженія давно назрѣвшихъ взглядовъ съ „искусственнымъ революціоннымъ броженіемъ"—вступать съ ними въ споръ было бы совершенно излишне; но между безчисленными ихъ статьями, посвященными злобѣ дня, есть и такія, которыя, мало чѣмъ отличаясь отъ остальныхъ по существу, претендуютъ на болѣе объективную, болѣе теоретическую постановку спорныхъ вопросовъ. Именно здѣсь, однако, особенно ясно обнаруживается безнадежная слабость аргументаціи, привыкшей искать точекъ опоры не въ себѣ самой, а въ посторонней силѣ. „Состояніе политической мысли людей"—читаемъ мы, напримѣръ, въ статьѣ, озаглавленной: „Идеологія и законность",—„имѣетъ своими полюсами идеологію и законность. Это двѣ прямыя противоположности... Отрицая дѣйствительность, которая всегда существуетъ по необходимымъ причинамъ, и требуя замѣны ея выводами отвлеченной мысли, идеологія можетъ лишь насильственными средствами заставить данное общество исполнить свои требованія... Духъ законности не отрицаетъ высшихъ нормъ, но полонъ сознанія дѣйствительности. Онъ требуетъ дѣйствительнаго исполненія того, что признано обязательнымъ, но именно закономъ, а не отвлеченною идеей". Мы не впадемъ въ преувеличеніе, сказавъ, что во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ ни одно слово не выдерживаетъ критики. Нельзя противополагать понятію точному, установившемуся, какъ *за-*

конность, понятіе совершенно неопредѣленное, допускающее различныя толкованія, какъ *идеологія*. Послѣдній терминъ означалъ первоначально метафизическое ученіе объ идеяхъ, но, съ легкой руки Наполеона I-го, идеологами стали называть людей, возстающихъ, въ силу принципіальныхъ соображеній, противъ практическихъ требованій текущей политики. По отношенію къ идеологіи—въ этомъ единственномъ общепринятомъ теперь значеніи слова,—„противоположнымъ полюсомъ" является отнюдь не законность, а такъ называемый практическій смыслъ, граничащій, сплошь и рядомъ, съ затхлымъ консерватизмомъ или съ тѣмъ „растлѣвающимъ опытомъ", который Некрасовъ заклеймилъ именемъ „ума глупцовъ". Насиліе—вовсе не необходимый спутникъ идеологіи: она скорѣе отвергаетъ его, чѣмъ допускаетъ, именно потому, что апеллируетъ къ идеѣ. Можно стремиться къ осуществленію идей, признаваемыхъ истинными и справедливыми—и не сходить съ почвы закона, *измѣненіе* котораго, требуемое во имя принципа, отнюдь не равносильно его *нарушенію*. Желать улучшенія дѣйствительности—не значитъ игнорировать ее; напротивъ того, всякій разумный шагъ впередъ коренится въ указаніяхъ дѣйствительности, освѣщенныхъ и осмысленныхъ идеей. Скажемъ болѣе: во имя идей велась и ведется и самая борьба противъ идеологіи и идеологовъ—но это были и продолжаютъ быть идеи отжившія или отживающія свой вѣкъ, подсказываемыя рутиной, поддерживаемыя личнымъ интересомъ. Идеологомъ своего рода былъ самъ Наполеонъ I-ый, когда ставилъ выше всего измѣнившее ему, въ концѣ концовъ, умѣнье считаться съ обстоятельствами. Идеологами можно было бы, пожалуй, назвать и тѣхъ, кто, подъ вліяніемъ смутныхъ воспоминаній о прогремѣвшей когда-то гегелевской формулѣ, смѣшиваетъ дѣйствительное съ разумнымъ—если бы въ данномъ случаѣ не такъ очевидно было стремленіе влить ложку якобы философскаго меда въ бочку давно выдохшагося публицистическаго дегтя.

Въ самомъ дѣлѣ, для чего понадобилась московской газетѣ неудачная параллель между идеологіей и законностью? Для вящшаго посрамленія тѣхъ юристовъ, которые находятъ, что при данныхъ условіяхъ въ Россіи невозможно правильное отправленіе правосудія. „Ну, а раньше, въ до-реформенное время"—вопрошаютъ „Московскія Вѣдомости",—„правильнаго правосудія въ Россіи тоже не было? Значитъ, государство въ сотни милліоновъ людей, распространившееся на полсвѣта, создавшее очень многое даже въ культурномъ отношеніи, можетъ жить тысячу лѣтъ безъ правильнаго правосудія.? Вотъ до какихъ вещей способны договариваться наши юристы. Но если они это думаютъ, то, значитъ, по ихъ мнѣнію, правильное правосудіе—совсѣмъ не важная вещь? Безъ хлѣба народъ тысячу лѣтъ не могъ бы жить, безъ администраціи не могъ бы жить, безъ войска не могъ бы жить. И все

это у него было. А безъ правосудія—выходитъ, по мнѣнію господъ юристовъ,—русскій народъ могъ обходиться до сихъ поръ... Неужели въ подобныхъ мысляхъ есть хоть искра пониманія безусловной важности и необходимости суда"? Дальше идутъ указанія на то, что съ точки зрѣнія, оспариваемой газетою, правильнаго суда нѣтъ нигдѣ—ни въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ судъ очень дорогъ, ни въ Англіи, гдѣ много устарѣвшихъ законовъ, ни во Франціи, гдѣ правосудію вредитъ борьба партій... Замѣтимъ, прежде всего, что въ приведенныхъ нами цитатахъ говорится то о *правильномъ* правосудіи, то просто о правосудіи, безъ эпитета. Это—едва ли случайный недосмотръ: безъ него сразу стала бы ясна несостоятельность обвиненія, взводимаго на нашихъ юристовъ. Въ самомъ дѣлѣ, *вовсе безъ суда* сколько-нибудь культурный народъ существовать цѣлыя столѣтія не можетъ—но возможность существованія, и очень долгаго, безъ *правильнаго суда* не подлежитъ, къ несчастію, никакому сомнѣнію. Подъ именемъ правильнаго суда мы разумѣемъ не судъ абсолютно совершенный, какого никогда не было и нѣтъ нигдѣ, а судъ удовлетворяющій, въ данную минуту, главнымъ, основнымъ требованіямъ правосудія (говоримъ: *въ данную минуту*, потому что требованія эти не остаются неизмѣнными, а растутъ вмѣстѣ съ развивающейся культурой). Къ такимъ требованіямъ принадлежатъ раздѣленіе властей судебной и административной, независимость и неподкупность судей, гласность судопроизводства, законность судебныхъ рѣшеній (въ смыслѣ построенія ихъ на нормахъ права—писаннаго или обычнаго,—а не на произволѣ судей или стоящей надъ ними власти). Русскій до-реформенный судъ, съ XVI вѣка до второй половины XIX-го, не удовлетворялъ ни одному изъ этихъ требованій. Что такое была московская волокита, чѣмъ былъ петровскій и послѣ-петровскій судъ, подъ покровомъ глубокой тайны подбиравшій законы „какъ масть къ масти" и подкапывавшійся подъ „фортецію правды", до какой степени была стѣснена самая область судебнаго разбирательства—это слишкомъ хорошо извѣстно. Къ несчастью для нашего народа, онъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій былъ лишенъ даже подобія „правильнаго суда": это выразилось въ длинномъ рядѣ народныхъ поговорокъ, это наложило и до сихъ поръ не вполнѣ стертый отпечатокъ на народный характеръ. Судебные уставы 1864-го года знаменовали собою отказъ отъ вѣкового, пагубнаго наслѣдства,—но отдѣльныя его части вскорѣ стали возвращаться въ русскую дѣйствительность. Ограниченіямъ, юридическимъ и фактическимъ, подверглась независимость судей; возстановлено было соединеніе властей, несоединимыхъ по самой своей природѣ; гласность суда поставлена въ зависимость отъ административнаго усмотрѣнія. Не нужно быть „идеологомъ", чтобы отрицать, въ виду этихъ безспорныхъ фактовъ,

существованіе у насъ „правильнаго суда", а слѣдовательно и настоящаго правосудія.

Къ числу темъ, издавна проводимыхъ реакціонною печатью, принадлежитъ, какъ извѣстно, полная своеобразность русскаго государственнаго строя, существенно отличнаго отъ всѣхъ другихъ, прежде существовавшихъ и существующихъ въ настоящее время. На безспорные историческіе факты, идущіе въ разрѣзъ съ этимъ положеніемъ, мы указывали неоднократно, напоминая, что въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII-го вѣка самодержавіе было господствующей формой правленія на всемъ континентѣ западной Европы. Не повторяя приведенныхъ нами тогда аргументовъ [1]), остановимся только на одной сторонѣ вопроса. Прикрываясь авторитетомъ Н. Я. Данилевскаго, „Московскія Вѣдомости" (№ 324) утверждаютъ, что „измѣненіе государственнаго строя Россіи невозможно даже для самодержавной воли, хотя она никакому внѣшнему ограниченію не подлежитъ, а есть воля свободная, т.-е. самоопредѣляющаяся". Развивая эту мысль, газета (№ 340) ссылается на присягу, которою, при обрядѣ коронованія, русскіе государи обязываются охранять завѣщанные имъ основные законы имперіи. Мы желали бы знать, на чемъ основана эта ссылка? Въ отдѣлѣ основныхъ законовъ, озаглавленномъ: „О священномъ коронованіи и миропомазаніи", сказано только (прим. 2-ое къ ст. 36-ой), что императоръ „призываетъ Царя Царствующихъ, да наставитъ Его, вразумитъ и управитъ, въ великомъ служеніи, яко Царя и Судію Царству всероссійскому, да будетъ съ нимъ присѣдящая Божественному престолу премудрость и да будетъ сердце Его въ руку Божію, во еже устроити къ пользѣ врученныхъ Ему людей и къ славѣ Божіей, яко да и въ день суда Его непостыдно воздастъ Ему слово". По ст. 17-ой императоръ или императрица, престолъ наслѣдующіе, при вступленіи на оный и миропомазаніи, обязуются свято наблюдать постановленные въ ст. 3—16 законы о наслѣдіи престола. Никакого другого обязательства императоръ, при вступленіи на престолъ и при коронованіи, на себя не принимаетъ. Обѣщаніе или обязательство соблюдать или охранять существующій законъ установляетъ, притомъ, только неприкосновенность закона отъ произвольнаго нарушенія, а отнюдь не абсолютную неотмѣнимость или неизмѣняемость закона. Въ исторіи Англіи предметомъ недоумѣнія служило, одно время, то мѣсто коронаціонной присяги, которымъ король обязывается удерживать въ силѣ протестантскую религію, установленную закономъ (maintain the protestant religion established by law). Когда (въ 1689 г., передъ коронованіемъ Вильгельма III-го и Маріи) въ

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", 1904 г. № 1, стр. 412—417.

текстъ присяги вносились эти слова, всѣ партіи были согласны въ томъ, что они связываютъ короля только какъ носителя исполнительной власти, предупреждая попытки обойти или нарушить законъ, какія дѣлалъ Іаковъ II-ой, но отнюдь не измѣненіе закона въ установленномъ порядкѣ, т.-е. королемъ вмѣстѣ съ парламентомъ. Иначе понимали смыслъ присяги только короли Георгъ III-ій и Георгъ IV-ый; первый, считая себя не въ правѣ допустить измѣненіе закона, устранявшаго католиковъ отъ общественной дѣятельности, отказалъ Питту (въ 1801 г.) въ согласіи на внесеніе билля объ эманципаціи католиковъ, а второй, раздѣляя мнѣніе отца, согласился на реформу лишь послѣ долгаго сопротивленія, когда ея неотложность была признана даже консервативнымъ кабинетомъ Пиля и Веллингтона. Превосходный разборъ логической и политической ошибки, подъ вліяніемъ которой дѣйствовали оба Георга—ошибки, причинившей много вреда и Ирландіи, и самой Англіи,—данъ Маколеемъ въ „Исторіи Англіи" и въ этюдѣ о Питтѣ младшемъ [1]).

Привѣтствуя окончаніе „пресловутой весны", „Московскія Вѣдомости" выражаютъ предположеніе, что за нею послѣдуютъ *жаркое* лѣто, *бурная* осень (курсивъ въ подлинникѣ) и, наконецъ, „настоящая, здоровая, русская зима, съ гладкою санной дорогой, по которой спокойно и легко скользнетъ нашъ доморощенный историческій возокъ, можетъ быть нѣсколько неуклюжій, но за то приспособленный къ нашимъ національнымъ вкусамъ и привычкамъ. Пора намъ немного въ немъ отдохнуть отъ сорокалѣтней тряски по непролазной политической распутицѣ". Не беремъ на себя опредѣлить, что̀ разумѣетъ, въ данномъ случаѣ, московская газета подъ лѣтомъ и осенью, и переходимъ прямо къ сладкой надеждѣ, возлагаемой ею на зиму, на „гладкую санную дорогу" и на „доморощенный возокъ". Итакъ, за пять дней до обнародованія Высочайшаго указа 12-го декабря, наши газетные авгуры мечтали объ отдыхѣ, послѣ *сорокалѣтней* тряски. *Сорокъ лѣтъ* тряски! Не прекращалась она, значитъ, ни во время затишья семидесятыхъ годовъ, ни во время обратнаго движенія, наполняющаго собою слѣдующее десятилѣтіе, ни во время наступившаго затѣмъ мертвеннаго застоя! Что же, въ такомъ случаѣ, нужно понимать подъ именемъ *отдыха*? Глубокій сонъ, не прерываемый даже сновидѣніями? Лѣнивое прозябаніе, не смущаемое никакою мыслью?... Случилось, однако, нѣчто неожиданное: „доморощенный возокъ" признанъ подлежащимъ коренной пере-

---

[1]) См. „History of England (въ изданіи Таухница), т. 4-ый, стр. 115, и „William Pitt. Atterbury", стр. 123—7.

дѣлкѣ; предпринять дальній и трудный путь, до окончанія котораго объ отдыхѣ не можетъ быть и рѣчи. Не споримъ, въ указѣ 12-го декабря, въ распубликованномъ одновременно съ нимъ правительственномъ сообщеніи есть „зимній“ элементъ, желанный для противниковъ „тряски“; но рядомъ съ нимъ имѣется немало такого, что идетъ прямо въ разрѣзъ съ упованіями нашихъ „регрессистовъ“. Конечно, они будутъ стараться faire bonne mine à mauvais jeu—но слишкомъ еще свѣжа въ памяти кампанія, которую они вели противъ всѣхъ признаковъ „весны“ [1]), и никого не обманутъ ихъ попытки приспособиться къ новому положенію или затушевать нѣкоторыя характерныя его черты [2]). Никто не повѣритъ, напримѣръ, что тотъ пунктъ указа 12-го декабря, въ которомъ идетъ рѣчь о „принятіи дѣйствительныхъ мѣръ къ охраненію полной силы закона“, направленъ, главнымъ образомъ, противъ общественныхъ учрежденій—не повѣритъ потому, что заключительныя слова этого пункта обѣщаютъ облегчить *частнымъ лицамъ*, потерпѣвшимъ отъ незаконныхъ дѣйствій власти, способы достиженія правосудія. Слишкомъ очевидно, что поводомъ къ пересмотру узаконеній о правахъ раскольниковъ и лицъ, принадлежащихъ къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ, служатъ вовсе не „противорѣчія, накопившіяся, съ теченіемъ времени, въ этихъ узаконеніяхъ“, а поводомъ къ пересмотру законовъ о печати—не „разнузданность“, допущенная, будто бы, печатью въ продолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ...

О достоинствѣ преобразованій, рекомендуемыхъ, *отъ себя*, реакціонною печатью, можно судить по статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“: „Выборные члены Государственнаго Совѣта“. Посвященная, главнымъ образомъ, полемикѣ съ К. Ѳ. Головинымъ, авторомъ наиболѣе умѣреннаго изъ всѣхъ проектовъ политической реформы [3]), она заканчивается слѣдующими словами: „если сознается потребность обновленія и увеличенія силъ Государственнаго Совѣта людьми государственнаго разума, знающими народную жизнь, ея условія и потребности, то для истинно-русскихъ людей, оберегающихъ принципъ самодержавія, какъ народную святыню, есть только одинъ путь, а именно—пополненіе состава Государственнаго Совѣта выдающимися и лучшими людьми разныхъ сословій и общественныхъ положеній *путемъ Высочайшаго назначенія*. Выдающійся мѣстный дѣятель,—будь онъ дворянинъ, купецъ или крестьянинъ,—можетъ быть чрезвычайно полезнымъ чле-

---

[1]) Припомнимъ, напримѣръ, какъ они отнеслись къ запискѣ С. Ю. Витте по крестьянскому вопросу (см. выше, „Внутреннее Обозрѣніе“).

[2]) См. передовую статью въ № 347 „Московскихъ Вѣдомостей“.

[3]) К. Ѳ. Головинъ предлагалъ, въ „Новомъ Времени“, присоединить къ Государственному Совѣту выборныхъ мѣстныхъ представителей.

номъ высшаго законодательнаго учрежденія, но для этого онъ долженъ получать свои полномочія такимъ же путемъ, какъ и остальные члены,—путемъ Высочайшаго довѣрія. Для примѣненія этой мѣры не нужно даже никакихъ преобразованій, и осуществить ее можно хоть завтра". Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что авторы этого предложенія сами считаютъ его неосуществимымъ—и именно потому, можетъ быть, выдвигаютъ его на сцену. Государственный Совѣтъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, представляетъ собою, съ одной стороны, высшую ступень чиновной іерархіи, съ другой—учрежденіе, отъ котораго зависитъ окончательная редакція составляемыхъ министрами законопроектовъ. Членами Государственнаго Совѣта назначаются, поэтому, лица, имѣющія за собою продолжительную служебную карьеру и, вмѣстѣ съ тѣмъ, способныя (т.-е. предполагаемыя способными) къ технической работѣ, связанной съ законосовѣщательными функціями. Ни подъ то, ни подъ другое условіе не подходятъ крестьяне, купцы, разночинцы, не служащіе или мало служившіе дворяне. *Нормальное* отношеніе выборныхъ представителей къ назначаемымъ членамъ Государственнаго Совѣта похоже на отношеніе присяжныхъ къ коронным судьямъ. Свою спеціальную задачу присяжные исполняютъ гораздо лучше, чѣмъ могли бы исполнить ее судьи: но отсюда еще не слѣдуетъ, что каждый хорошій присяжный—подходящій кандидатъ въ члены окружного суда или судебной палаты. Насколько различны требованія, предъявляемыя къ присяжнымъ и къ коронным судьямъ, настолько же различны условія, которымъ должны удовлетворять съ одной стороны выборные представители народа или общественныхъ учрежденій, съ другой—члены Государственнаго Совѣта. Весьма важно, наконецъ, и ограниченное, по необходимости, *число* членовъ Государственнаго Совѣта. Немногіе присоединенные къ нему купцы или крестьяне могли бы, въ лучшемъ случаѣ, оказаться хорошо знающими положеніе мѣстностей, въ которыхъ до тѣхъ поръ протекала ихъ жизнь—но совершенно незнакомыми съ потребностями и желаніями остальной, никѣмъ не представленной Россіи... Предложеніе, съ которымъ—въ условной, впрочемъ, формѣ,—выступили „Московскія Вѣдомости", принадлежитъ, такимъ образомъ, къ числу политическихъ мыльныхъ пузырей, никѣмъ и не принимаемыхъ за нѣчто другое, болѣе серьезное.

Мѣсяцъ тому назадъ мы занесли въ нашу хронику нѣсколько сообщеній, раскрывающихъ положеніе политическихъ ссыльныхъ на окраинахъ имперіи. Прибавимъ къ нимъ еще одно, не менѣе характерное. По словамъ онежскаго корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 339), онежскій уѣздъ (архангельской губерніи) считается, какъ

мѣсто ссылки, однимъ изъ лучшихъ—и все-таки ссыльные терпятъ здѣсь, и въ матеріальномъ, и въ духовномъ отношеніи, крайнюю нужду. Особенно тяжело жилось имъ сначала. „По адресу *студентовъ*, какъ величаютъ ссыльныхъ крестьяне, метались положительно громъ и молнія, въ особенности въ деревняхъ. Студентовъ отождествляли съ грабителями и поджигателями, и почти всѣ крестьяне на отрѣзъ отказывались сдавать имъ квартиры. Нерѣдко на вопросъ „студента“, есть ли квартира, слѣдовалъ такой отвѣтъ: „есть, да не про васъ! У насъ хозяйство, добро, сами уходимъ на работы, дома никто не остается, какъ же вамъ довѣриться!...“ А одна баба впослѣдствіи признавалась самимъ же студентамъ: „какъ завидѣла я впервые студента, задрожали у меня руки и ноги; такъ и думаю себѣ, что подожжетъ сейчасъ онъ мнѣ горенку и ограбитъ меня, а мужика-то моего какъ на грѣхъ дома нѣтути; дай, думаю, скорѣе двери на запоръ, а у самой такъ и дрожатъ руки. Теперь же видимъ мы всѣ,— заключаетъ баба,—что вы ничего, что вы въ сто разъ и лучше, и образованнѣе, и умнѣе всѣхъ нашихъ крещеныхъ“. Если отношенія населенія къ ссыльнымъ улучшились, то уже никакъ не мирятся съ ними власть имущіе. Въ с. В., напримѣръ, урядникъ убѣждаетъ квартирохозяекъ не вступать съ ссыльными ни въ какіе разговоры. Чтобы убѣжденія его не остались напрасными, онъ увѣряетъ бабъ, что студенты имъ вырѣжутъ языки, если онѣ будутъ съ ними разговаривать. Въ томъ же селѣ этотъ самый урядникъ запретилъ родителямъ пускать своего 6-ти-лѣтняго мальчишку къ одному изъ ссыльныхъ, который обучалъ его азбукѣ. Также приказалъ онъ другимъ не брать у ссыльныхъ книгъ, хотя книжки, которыя имъ иногда давали ссыльные— народныя, изданія „*Донской Рѣчи*“. Въ другомъ мѣстѣ сельскій учитель получилъ внушеніе свыше за знакомство всего лишь съ однимъ ссыльнымъ“... Еще хуже, по словамъ корреспондента, отношеніе начальства къ политическимъ ссыльнымъ въ сосѣднемъ, кемскомъ уѣздѣ. А между тѣмъ, число высланныхъ въ административномъ порядкѣ, несмотря на состоявшееся, въ послѣднее время, возвращеніе многихъ изъ нихъ, все еще очень велико: въ одной вологодской губерніи, какъ мы слышали, ихъ и теперь около полутораста.

Немало открытій дѣлается, въ послѣднее время, и въ области цензуры. Еслибы не точное указаніе времени и мѣста, прямо невѣроятными можно было бы признать воспоминанія г. Діонео, появившіяся въ № 333 „Русскихъ Вѣдомостей“. По истинѣ „страстотерпцами“ являются здѣсь дѣятели одесской періодической печати, которыхъ мѣстный градоначальникъ (дѣйствіе происходитъ около десяти

лѣтъ тому назадъ) осыпалъ криками, ругательствами, „тыканьемъ", угрозами, иногда приводившимися въ исполненіе — и за что? За недостатокъ почтительности къ мѣстнымъ тузамъ, за оглашеніе приключеній совершенно частнаго характера. Такое же удручающее впечатлѣніе производитъ разсказъ г. Слово Глаголя („С.-Петербургскія Вѣдомости", № 334) о мытарствахъ саратовскихъ журналистовъ. Больше смѣшного, чѣмъ возмутительнаго сообщаетъ о провинціальныхъ цензорахъ г. Уманьскій („Наша Жизнь", № 23) — но смѣшнымъ это кажется теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, а писателямъ, страдавшимъ отъ цензорскаго произвола, конечно было не до смѣха. Изъ замѣтки г. Быстренина, напечатанной въ № 342 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", видно, что и понынѣ не перевелись цензора-сочинители, измѣняющіе, по своему усмотрѣнію, ходъ и развязку цензируемыхъ ими беллетристическихъ произведеній... Въ другое время едва ли увидѣла бы свѣтъ записка В. Г. Короленка, въ которой онъ проситъ министра внутреннихъ дѣлъ объ освобожденіи „Русскаго Богатства" отъ предварительной цензуры. Особенно характерно слѣдующее мѣсто этой записки (напечатанной въ № 344 „Русскихъ Вѣдомостей"): „въ мартѣ 1899 г. въ хроникѣ нашего журнала былъ напечатанъ обзоръ правительственныхъ мѣропріятій относительно Финляндіи. Статья была написана въ тонѣ чисто фактическаго, дѣлового изложенія, и одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ цензоровъ не увидѣлъ въ ней ничего предосудительнаго. Спустя мѣсяцъ, я былъ приглашенъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати М. П. Соловьевымъ, который сообщилъ мнѣ, что высшая финляндская администрація (ген. Бобриковъ) ставитъ намъ въ вину неправильную цитату одного правительственнаго акта. Въ бумагахъ главнаго управленія по дѣламъ печати вѣроятно сохранилась моя записка, въ которой точною ссылкою на сборникъ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго я доказалъ, что наша ссылка была совершенно правильна, и объясненіе мое было признано исчерпывающимъ. Однако еще черезъ мѣсяцъ я былъ вновь приглашенъ М. П. Соловьевымъ, который въ очень рѣшительныхъ выраженіяхъ *посовѣтовалъ* намъ напечатать *отъ себя* опроверженіе или хотя видъ опроверженія нашей собственной статьи, угрожая въ противномъ случаѣ суровою карой. При этомъ М. П. Соловьевъ не входилъ уже въ разсмотрѣніе правильности или неправильности инкриминируемаго свѣдѣнія, а ссылался на *неудобство* появленія этой статьи именно въ журналѣ, выходящемъ съ одобренія правительственной цензуры. Мнѣ оставалось только предложить напечатать оффиціальное опроверженіе. Это принято не было, а мы съ своей стороны рѣшительно отказались печатать отъ себя, хотя бы въ замаскированной формѣ, заявленіе, совершенно несогласное съ нашимъ убѣжденіемъ.

И журналъ былъ пріостановленъ (на три мѣсяца). А между тѣмъ кара, постигающая журналъ за статью, получившую одобреніе правительственнаго цензора, является актомъ, рѣзкая несообразность котораго въ гораздо большей степени рисуетъ несостоятельность предварительной цензуры, чѣмъ ея необходимость и полезность". И дѣйствительно, болѣе яркаго доказательства ненормальнаго положенія русской печати нельзя себѣ и представить. Административная кара, налагаемая за напечатаніе, *съ разрѣшенія цензуры, совершенно правильной* цитаты изъ *правительственнаго* акта—вѣдь это такое сочетаніе понятій, придумать которое едва ли могло самое пылкое воображеніе.

Въ непосредственной связи съ фактическимъ просторомъ, которымъ осенью минувшаго года пользовалась наша печать, стоитъ прекрасное разъясненіе одного интереснаго юридическаго вопроса, данное „Правомъ" (№ 50). Рѣчь идетъ о своеобразной дѣятельности дворниковъ, обращаемыхъ въ столицахъ, во время уличныхъ безпорядковъ, въ какіе-то вспомогательные полицейскіе отряды. Ни общіе законы, ни положеніе объ усиленной охранѣ, ни даже построенныя на немъ обязательныя постановленія не даютъ для того ни малѣйшаго юридическаго основанія. Именно въ этомъ смыслѣ высказался, въ 1903 г., правительствующій сенатъ, но административная практика осталась та же, и дворники, заранѣе вытребованные полиціей, сыграли весьма активную роль въ усмиреніи демонстрантовъ 28-го минувшаго ноября. На дворниковъ нельзя возлагать полицейскихъ функцій не только потому, что это идетъ въ разрѣзъ съ обязанностями ихъ по отношенію къ нанимающимъ и оплачивающимъ ихъ домовладѣльцамъ [1]), но и потому, какъ справедливо замѣчаетъ „Право", что дворники не дисциплинированы, незнакомы съ характеромъ полицейской службы. Это— „иррегулярная полиція", столь же мало пригодная для борьбы съ нарушителями общественнаго порядка, какъ „иррегулярное войско"— для борьбы съ внѣшними врагами. „Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ"—говоритъ „Право",—„что содѣйствіе, оказываемое регулярной полиціи иррегулярною полиціею дворниковъ, не можетъ заключаться въ чемъ-либо иномъ, кромѣ избіенія правыхъ и виновныхъ, безъ разбора. Но въ такомъ случаѣ, допустимо ли вообще обращеніе полицейской власти къ содѣйствію иррегулярныхъ силъ?.. Уличные безпорядки не приняли у насъ такихъ размѣровъ, чтобы полиція не имѣла возможности, при самомъ закономѣрномъ образѣ дѣйствій, справиться съ ними собственными силами". Само собою разумѣется, что попытка

---

[1]) На эту сторону вопроса обратили вниманіе гласные Е. И. Кедринъ и Н. Н. Шнитниковъ, въ заявленіи, поданномъ ими недавно въ спб. городскую думу.

положить конецъ явному нарушенію закона не могла понравиться всегдашнимъ отрицателямъ законности, всегдашнимъ защитникамъ произвола. „Если бы юридическій журналъ,—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости“ (№ 345),—былъ лучше знакомъ съ дѣйствующимъ законодательствомъ, то онъ зналъ бы, что, по закону, при прекращеніи безпорядковъ содѣйствіе полиціи обязаны оказывать всѣ жители, а въ томъ числѣ, конечно, и дворники, дѣйствующіе подъ руководствомъ и по указаніямъ полиціи регулярной“. Упрекая другихъ въ незнаніи закона, московская газета доказала только свое непониманіе его. Дѣйствительно, въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (Св. Зак., т. XIV, изд. 1890 г.) есть статья 120-ая, гласящая, что „въ случаѣ покушенія, клонящагося къ нарушенію спокойствія, полиція обязана увѣдомить о томъ губернское правленіе и губернатора, не допускать приведеніе таковаго покушенія въ исполненіе и смирить нарушителя покоя по мѣрѣ данной ей власти, *въ чемъ всякъ, по силѣ и возможности, обязанъ ей содѣйствовать*“. Не говоря уже о томъ, что послѣдняя часть этой статьи, по своей неопредѣленности, по отсутствію санкціи, принадлежитъ къ числу антиквированныхъ постановленій, которыхъ такъ много въ данномъ уставѣ, она предусматриваетъ, очевидно, лишь такіе случаи, когда полиція, захваченная врасплохъ „нарушителями покоя“, не можетъ справиться съ ними собственною силой и обращается къ содѣйствію тутъ же находящихся частныхъ лицъ. Не такимъ является содѣйствіе дворниковъ, заранѣе вызываемыхъ изъ разныхъ частей столицы на мѣсто заранѣе предусмотрѣнныхъ безпорядковъ. Мы желали бы знать, что сказалъ бы авторъ замѣтки „Московскихъ Вѣдомостей“, если бы полиція, опираясь на слова: „*всякъ* обязанъ содѣйствовать“, потребовала отъ него явки, въ извѣстный часъ, на Тверскую площадь или Страстной бульваръ, для участія въ усмиреніи демонстрантовъ?.. А вѣдь дворники не лишены правъ, которыя имѣетъ каждый гражданинъ.

Пролить столько свѣта на настоящее и ближайшее прошлое, сколько пролила его, въ какіе-нибудь два-три мѣсяца, наша ежедневная и еженедѣльная печать—это большая заслуга, особенно большая въ виду сопряженнаго съ нею риска. Минувшая четверть года была почти безпримѣрна не только по сравнительной свободѣ, которою пользовалась печать, но и по числу и тяжести постигшихъ ее взысканій. „Сыну Отечества“ и „Русской Правдѣ“ было одновременно дано первое предостереженіе и запрещена розничная продажа—соединеніе каръ, чрезвычайно рѣдкое въ лѣтописяхъ нашей печати. Первая изъ этихъ газетъ весьма быстро получила второе и третье предостереженія и прекращена на три мѣсяца. Два предостереженія

объявлены, одно за другимъ, „Праву". „Наша Жизнь", розничная продажа которой запрещена вскорѣ послѣ ея появленія, получила первое предостереженіе. Все это доказываетъ съ полною ясностью, до какой степени необходимъ пересмотръ законовъ о печати и какъ непрочна гарантія, коренящаяся только въ личномъ настроеніи представителей административной власти... Нужны совершенно особыя понятія о газетной этикѣ, чтобы подбрасывать, при такихъ условіяхъ, палки въ колеса органовъ печати, безъ того несущихъ тяжкое бремя. Этимъ мало почтеннымъ дѣломъ занимаются, по отношенію къ „Нашей Жизни", „Московскія Вѣдомости". Началось съ того, что сотрудникъ московской газеты, г. Бодиско, высказалъ предположеніе, что для возникающихъ новыхъ изданій получаются откуда-то крамолой очень большія средства—и прямо указалъ на появляющіяся въ этихъ изданіяхъ разсужденія: *откладыватъ или не откладыватъ*. Статья съ такимъ заглавіемъ была, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, напечатана въ „Нашей Жизни", редакторъ-издатель которой, профессоръ Л. В. Ходскій, имѣлъ полное право спросить г. Бодиско, какія у него есть данныя для подобной клеветы. Вмѣсто точнаго и опредѣленнаго отвѣта, котораго требовалъ Л. В. Ходскій, г. Бодиско ограничился отпиской, что ни г. Ходскій, ни „Наша Жизнь" имъ упомянуты не были. „Итакъ,—замѣчаетъ по этому поводу Л. В. Ходскій,—по мнѣнію г. Бодиско, если онъ ни моей фамиліи, ни моего изданія въ своей статьѣ не назвалъ, въ его поступкѣ нѣтъ *состава клеветы*... Можетъ быть и такъ,—я не искушенъ въ юридическихъ тонкостяхъ. Тѣмъ не менѣе, какъ я, такъ и авторъ помѣщенной въ „Нашей Жизни" статьи „Откладывать или не откладывать" остаемся при прежнемъ мнѣніи и думаемъ, что это мнѣніе раздѣлилъ бы и судъ, если бы дѣло до него дошло, но, считая инцидентъ достаточно разъясненнымъ для приговора общественнаго, я уже не вижу надобности безпокоить имъ коронныхъ судей". Мы также не беремся рѣшить, что сказалъ бы судъ, если бы къ нему обратился Л. В. Ходскій, но думаемъ, что съ точки зрѣнія житейской правды квалификація поступка г. Бодиско не представляетъ никакихъ затрудненій. Привести названіе статьи, только-что напечатанной въ данной газетѣ—совершенно то же самое, что назвать по имени газету или отвѣтственное за нее лицо.

Какъ велика именно у насъ потребность въ независимой печати—это показываетъ трагическая судьба доктора Забусова, подвергшагося (въ гор. Асхабадѣ) истязанію со стороны нижнихъ чиновъ, по приказу и въ присутствіи начальника ихъ, генерала Ковалева. Когда возникшее по этому поводу дѣло поступило, *въ Тифлисъ*, на разсмотрѣніе военно-окружного суда, въ защиту подсудимаго выступилъ,

съ письменнымъ заявленіемъ, бывшій его начальникъ, генералъ Уссаковскій, и генералъ Ковалевъ былъ присужденъ къ сравнительно мягкому наказанію. Вскорѣ послѣ того генералъ Уссаковскій напечаталъ въ „Новомъ Времени" (№ 10333) письмо, въ которомъ сказано, между прочимъ: „я знаю генерала Ковалева и, что главное, знаю совершенно точно подкладку дѣла. Бываетъ такъ въ жизни, что расправа звѣрская, а побужденія къ ней самыя благородныя; послѣднія, разумѣется, не могутъ оправдать расправы, но до нѣкоторой степени ее извиняютъ". Для насъ, да вѣроятно и для огромнаго большинства, совершенно ясна невозможность *благородныхъ* побужденій къ *звѣрской* расправѣ: эти два эпитета, по извѣстному французскому выраженію, hurlent de se voir accouplés ensemble. Не менѣе ясно и то, что значитъ призывъ къ исполненію „расправы" нижнихъ чиновъ, для которыхъ почти немыслимо неповиновеніе высшему начальству, какъ бы возмутительно ни было данное имъ приказаніе. Но что сказать о положеніи, въ которое поставленъ письмомъ генерала Уссаковскаго г. Забусовъ? Мы узнаемъ изъ письма, напечатаннаго имъ въ „Новомъ Времени" (№ 10336), что ни онъ, ни его повѣренный не были вызваны въ засѣданіе суда по дѣлу генерала Ковалева. Лишенный возможности представить объясненіе на судѣ (какъ въ качествѣ свидѣтеля, такъ и въ качествѣ гражданскаго истца), г. Забусовъ становится теперь объектомъ обвиненія, тѣмъ болѣе опаснаго, чѣмъ болѣе оно неопредѣленно—обвиненія въ такихъ поступкахъ, которые могли служить извиненіемъ даже для „звѣрской" расправы... Еслибы дѣло генерала Ковалева было изъято—какъ это нерѣдко бывало въ подобныхъ случаяхъ—изъ обсужденія въ печати, г. Забусовъ не имѣлъ бы возможности протестовать противъ оскорбительныхъ для него намековъ. Благодаря огласкѣ, полученной дѣломъ, произошелъ, быть можетъ, и поворотъ въ его оффиціальномъ движеніи. Повѣреннымъ г. Забусова получена отъ главнаго военнаго прокурора телеграмма слѣдующаго содержанія: „прошеніе ваше о допущеніи истцомъ въ дѣлѣ генерала Ковалева, по упущенію, заслушано въ судѣ не было. Предписано доставить вамъ копію приговора, послѣ ознакомленія съ которою вы въ правѣ, въ теченіе недѣльнаго срока со дня полученія копіи, просить о возстановленіи срока для подачи жалобы"... Если возмутительная исторія, разыгравшаяся на-дняхъ въ Костромѣ (см. „С.-Петербургскія Вѣдомости", № 342) и напоминающая, отчасти, дѣло г. Забусова, не пройдетъ даромъ ея виновникамъ, то и этому будетъ способствовать сообщеніе о ней въ печати, хотя и далеко не полное, никого не называющее по имени... Совершенно правъ С. А. Муромцевъ [1]), выстав-

[1]) См. № 349 „Русскихъ Вѣдомостей".

ляя на видъ невозможность дальнѣйшаго существованія ограниченій, мѣшавшихъ до сихъ поръ оглашенію произвольныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ, а слѣдовательно и привлеченію ихъ къ законной отвѣтственности. Сила этихъ ограниченій, по справедливому замѣчанію С. А. Муромцева, „падаетъ сама собою съ обнародованіемъ Высочайшаго указа 12-го декабря, а кто сталъ бы настаивать на продолжающемся значеніи этихъ ограниченій, тотъ заявилъ бы себя сторонникомъ произвола, осуждаемаго Высочайшимъ указомъ"... Укажемъ, въ заключеніе, еще одинъ вопросъ, всплывшій на поверхность благодаря печати: вопросъ о причинахъ и послѣдствіяхъ печальныхъ событій, происходившихъ, весною прошлаго 1904-го года, въ горномъ институтѣ. Касаться его по существу мы пока не будемъ, такъ какъ онъ долженъ, повидимому, стать предметомъ третейскаго разбирательства.

Въ минувшемъ декабрѣ исполнилось двадцать пять лѣтъ со времени основанія „Русской Мысли", сразу занявшей и до сихъ поръ удержавшей за собою почетное мѣсто въ нашей журналистикѣ. Много она перенесла невзгодъ, но никогда не уклонялась съ однажды избраннаго пути. Дальнѣйшаго ея процвѣтанія желаетъ безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ нами, всякій, кому дорога независимая русская печать.— Въ томъ же мѣсяцѣ петербургская присяжная адвокатура чествовала двадцатипятилѣтіе дѣятельности одного изъ самыхъ выдающихся ея представителей, Н. П. Карабчевскаго. Имя его популярно не въ однихъ адвокатскихъ кружкахъ: съ нимъ соединено воспоминаніе о множествѣ процессовъ, представлявшихъ глубокій общественный интересъ и приведенныхъ къ счастливому концу благодаря энергіи и таланту Н. П. Карабчевскаго. Участіе его въ такихъ дѣлахъ, гдѣ на долю защитника упадаетъ масса труда, вознаграждаемаго только сознаніемъ исполненнаго долга, служитъ лучшимъ опроверженіемъ нареканій, раздающихся, отъ времени до времени, по адресу нашей адвокатуры. Спѣшимъ прибавить, что рядомъ съ именемъ Н. П. Карабчевскаго можно поставить, съ этой точки зрѣнія, немало другихъ, принадлежащихъ отчасти адвокатамъ „перваго призыва", отчасти молодымъ присяжнымъ повѣреннымъ и ихъ помощникамъ, недавно вступившимъ на адвокатское поприще. Реабилитаціей адвокатуры, еслибы она въ ней нуждалась, могло бы служить уже одно участіе ея въ возобновившихся, съ нѣкоторыхъ поръ, политическихъ процессахъ.—Въ праздновании пятидесятилѣтняго юбилея ученой и литературной дѣятельности В. И. Ламанскаго, приняли живое участіе не только товарищи юбиляра по Академіи Наукъ и университету, но и представители

широкихъ круговъ русскаго общества. Въ какой степени юбиляръ заслужилъ ихъ сочувствіе—лучшимъ доказательствомъ этому слѣдующая, обращенная къ нему телеграмма:

„Привѣтствуя васъ отъ имени старообрядцевъ съ 50-лѣтіемъ вашей учено-литературной дѣятельности, молимъ Бога, да поможетъ онъ, Всемогущій, вамъ и впредь плодотворно трудиться на благо нашихъ братьевъ славянъ. Здравствуйте на многія лѣта. Старообрядческіе епископы Иннокентій, Виталій, Захаровъ, Комаровъ, Миловановъ и Мельниковъ".

Скончавшаяся 4-го декабря Е. І. Лихачева принадлежитъ къ числу тѣхъ русскихъ женщинъ, которыя, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, всего больше потрудились и словомъ, и дѣломъ, надъ развитіемъ женскаго образованія. Въ литературѣ этому вопросу посвящена, помимо множества журнальныхъ статей, обширная, четырехтомная работа Е. І. Лихачевой: „Матеріалы къ исторіи женскаго образованія въ Россіи". Въ общественной жизни особенно глубокій слѣдъ оставила четырнадцатилѣтняя дѣятельность покойной въ качествѣ предсѣдательницы общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ въ С.-Петербургѣ.—Сошелъ въ могилу и Н. М. Коркуновъ, давно уже прекратившій, вслѣдствіе тяжкой болѣзни, свою научную дѣятельность, но успѣвшій много сдѣлать, какъ профессоръ и какъ писатель, для русской науки. Его „Лекціи по общей теоріи права", его „Русское государственное право", его „Указъ и законъ" отводятъ ему мѣсто рядомъ съ учителемъ его, А. Д. Градовскимъ. О значеніи двухъ послѣднихъ трудовъ намъ приходилось неоднократно говорить въ нашихъ обозрѣніяхъ [1]).—Большую потерю понесло русское общество въ лицѣ скончавшагося 15-го декабря П. Н. Обнинскаго. Это былъ „человѣкъ шестидесятыхъ годовъ", въ лучшемъ смыслѣ слова—человѣкъ, никогда не измѣнявшій завѣтамъ эпохи великихъ реформъ. Онъ служилъ имъ сначала какъ мировой посредникъ перваго призыва, сотрудникъ В. А. Арцимовича въ неустанной борьбѣ за права и за благосостояніе только-что освобожденной народной массы,—потомъ какъ судебный дѣятель, какъ защитникъ, въ средѣ фабричнаго присутствія, интересовъ рабочаго люда,—и, наконецъ, какъ писатель и общественный дѣятель. Лучшей его характеристикой служатъ собственныя его слова, сказанныя въ день двадцатипятилѣтняго юбилея его литературной дѣятельности [2]): „Въ юности мнѣ довелось принять

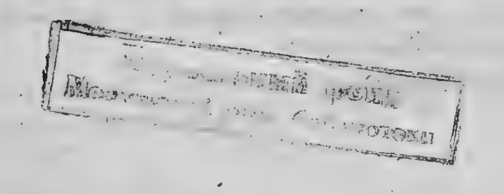
[1]) См., напр., „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 1 „Вѣстника Европы" за 1895 г.
[2]) См. „Общественную Хронику" въ № 6 „Вѣстника Европы" за 1894 г.

участіе въ поворотномъ моментѣ нашего культурнаго развитія: идея права и свободы воплощалась въ жизнь. Викторъ Антоновичъ (Арцимовичъ) *дѣлалъ* то, чему такъ недавно еще *училъ* меня Грановскій... Меня рано бросили въ воду—и я научился плавать. Да и вода эта была особенная—цѣлебная, воскрешающая". Не всѣхъ, къ несчастію, она исцѣлила—но для самого Обнинскаго она оказалась и осталась по истинѣ живой водой.

ПОПРАВКА.

Въ декабрьской книгѣ, на страницѣ 832, строчка 9 снизу, слѣдуетъ исправить:

Напечатано:	Вмѣсто:
къ ней	*къ намъ*

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ учрежденія для отсталыхъ дѣтей, М. И. Маляревскаго и Е. П. Радина.

Учрежденіе имѣетъ цѣлью практически и научно содѣйствовать борьбѣ съ болѣзненностью и отсталостью въ дѣтскомъ развитіи.

Согласно съ указаніями и требованіями самой жизни, практическая дѣятельность учрежденія направлена къ тому, чтобы дѣти, по выходѣ изъ него, могли быть работоспособными членами семьи и общества, продолжать свое образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ или поддерживать себя физическимъ трудомъ.

Въ основѣ практической дѣятельности учрежденія положено всестороннее изслѣдованіе дѣтей, выясненіе причинъ отсталости и неуспѣшности, изученіе мѣръ борьбы съ этими явленіями, леченіе, примѣненіе спеціальныхъ методовъ воспитанія и обученія.

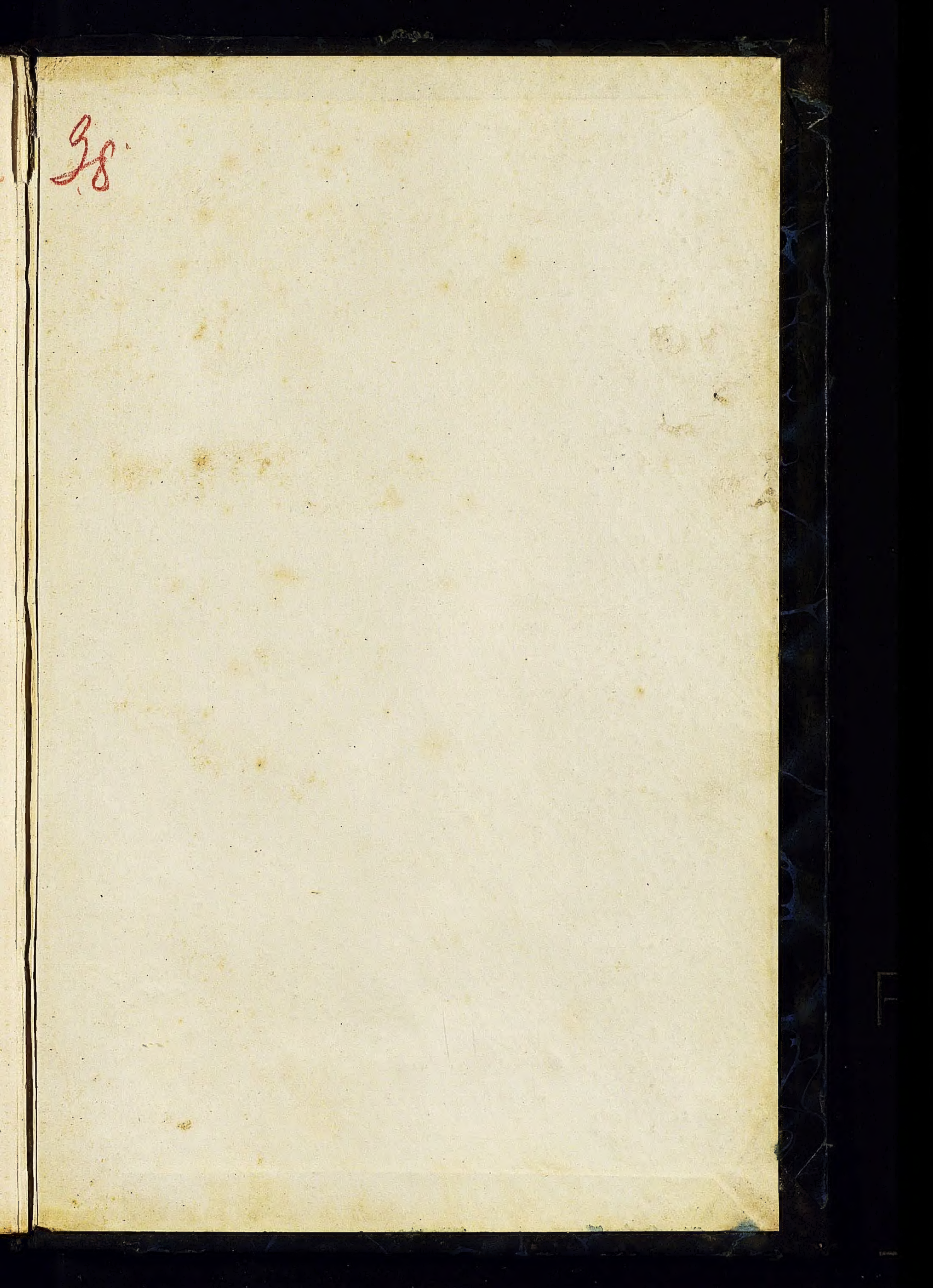
Учебно-воспитательныя и врачебныя мѣры соотвѣтствуютъ потребностямъ каждаго отдѣльнаго случая: 1) особые методы обученія умственно отсталыхъ — для развитія интеллектуальныхъ силъ и сообщенія необходимаго запаса знаній; 2) подготовка (по программамъ) къ учебнымъ заведеніямъ дѣтей, оказавшихся способными къ продолженію образованія; 3) знакомство съ общепринятыми ремеслами и искусствами — для дѣтей, одаренныхъ частичными способностями; 4) лѣтомъ — занятія на воздухѣ по огородничеству, садоводству; 5) особый режимъ для воспитанія воли, самообладанія, способности къ труду запущенныхъ въ своемъ воспитаніи дѣтей; 6) врачебныя мѣры и медицинскій надзоръ, смотря по состоянію здоровья воспитанниковъ; гимнастика.

Согласно съ своей задачей, учрежденіе организуетъ амбулаторный пріемъ для изслѣдованія дѣтей и принимаетъ воспитанниковъ, какъ пансіонерами, такъ и приходящими.

Дѣти, поступающія въ учрежденіе, подраздѣляются — въ зависимости отъ индивидуальности и пола — на нѣсколько обособленныхъ отдѣленій и группъ.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 12 линія, д. 19, четвергъ и воскресенье 11—12 дня и 6—7 веч.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

38

